

1854

ТЕАТРЪ
МУЗЫКА
ЛИТЕРАТУРА
ЖИВОПИСЬ

ПАНТЕОНЪ

ФЕВРАЛЬ,

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПАТКЕ. ДД.

СОДЕРЖАНІЕ ВТОРОЙ КНИЖКИ:

I.

СОСЪДКА. Часть 1-я. Романъ А. С. Чужбинскаго.

II. ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ИС-ВЪ

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНІЕ ТЕАТРОВЪ ВЪ ПАРИЖѢ. Статья 1-я.

III. СМЕСЬ

Два Донъ-Кихота. Эпизодъ изъ исторіи двухъ друзей, ихъ похожденій, путевыхъ замѣтокъ, впечатлѣній, наблюденій и приключеній. В. Савинова.

Разсказы странствователя, *Ксавье де Мармье*.

Путешествія съ Гумбольдтомъ въ небесныя пространства. П. Новосильскаго.

Красный мундиръ. Комедія Р. Б. Шеридана. (Переводъ съ англійскаго).

Воспоминанія русскаго путешественника о Востъ-Индіи, Калифорніи и Остъ-Индіи. Статья 3-я. А. Г. Ротчева.

IV.

СОВРЕМЕННОЕ.

ЛИТЕРАТУРА: Литературные портреты: Александръ Дюма. — Индійскія сказки. — **ТЕАТРЫ.** **МУЗЫКА, ИСКУССТВА:** Правый глазъ Сфинкса (*музыкальный разсказъ*). — Фра-Анджелико-да-Фиезоле. — Гекторъ Берлиозъ. — **ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ:** О причинахъ зигзаговъ молніи. — Астрономическое исчисленіе Леверье. — Памятники на Аппіевой дорогѣ. — Удивительная пещера на островѣ Мартиникѣ. — Новое открытіе perpetuum mobile. — **МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ, ИЗВѢСТІЯ, АНЕКДОТЫ, НОВОСТИ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ, ПУТЕШЕСТВІЯ:** Сѣверо-западный проходъ изъ Атлантическаго въ Великій Океанъ еще не открытъ. — Памятникъ Францу Дракѣ въ Оффенбергѣ. — Вертающиеся столы въ древности. — Битва пчелъ. — Австралія и колонія Викторія. — Англійская экспедиція въ Японію въ 1798 году. — Живой Фавнъ (*анекдотъ*).

V.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

I. ЛИТЕРАТУРА.

1. ЖУРНАЛИСТИКА.

Первыя книги журналовъ. — Перемены въ нихъ. — «Отечественныя Записки». — Стихотворенія. — А. Н. Майковъ. — Его ипіалія. — Стихотворенія *о дѣтяхъ*. — Н. Ф. Щербина. — *Заколдованный кругъ и Суженаго конемъ не объѣдешь*. — Общее въ этихъ повѣстяхъ. — Идея повѣсти Евгенія Туръ. — Неправильность языка. — Ольга Н. ея героиня. — Леоне-Леони и Жюльетта въ русской передѣлкѣ. — Дарованіе писательницы. — Ученыя статьи. — Гг. Яковлевъ и Ротчевъ. — Критика. — Рецензентъ физики и астрономіи. — Его промахи. — Библиографическія несправедливости. — К. Риттеръ и его сочиненія. — Рецензія драмы: «*Мечта и дѣйствительность*». — Заимствованія фельетонистовъ Отечественныхъ Записокъ и Петербургскихъ вѣдомостей. — Нѣсколько словъ кстати объ этой газетѣ. — Патриотическое стихотвореніе. — Библіотека для Чтенія. — Ея начала безъ концовъ и концы безъ началъ. — Статьи беллетристическія, ученныя и критическія. — Смесь. — Музыкальныя извѣстія.

2. БИБЛИОГРАФІА.

Игорь Князь Сѣверскій. Поэма. Переводъ *Н. Гербелл*. — Памятная книжка Виленской губерніи на 1854 годъ. — Черты изъ исторіи и жизни Литовскаго народа. Вторая часть памятной книжки Виленской губерніи на 1854 годъ. — Жизнь графини Анны Алексѣевны Орловой-Чесменской. Соч. *Н. Елаина*.

II. ИСКУССТВА И ХУДОЖЕСТВА.

ТЕАТРЪ.

1. РАШЕЛЬ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ. (Статья четвертая и послѣдняя).

Виргинія, трагедія Латура. — Новый поклонникъ классицизма. — Характеръ децемвира. — Старые и новые стихи. — *Говоилъ*. — Судьба этой трагедіи. — Успѣхъ Эсэври. — Второй актъ трагедіи. — Впечатленіе, производимое трагедіею и Рашелью. — *Леди Тартюфъ*. — Характеръ героини. — Продолженіе пьесъ. — Рашель въ комедіяхъ. — *Гораций и Лидія*. — Ода, переложенная въ пьесу. — *Воробей Лезбіи*. — Каталъ и его оды. — Пьесы Корнеля. — *Поліевктъ*. — Исторія этой трагедіи. — Дурные и хорошіе стихи. — Рашель въ роли Полины. — *Гораций*. — Какъ переводились по-русски классическія трагедіи. — Нѣмая сцена. — Конецъ трагедіи. — *Жанна д'Аркъ*. — Суме и его произведенія. — Искаженіе исторіи. — Общій выводъ дѣятельности и значенія Рашели въ драматическомъ искусствѣ.

2. НѢМЕЦКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

III. ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ.

Письмо фельетониста въ деревню, о миновавшемъ зимнемъ сезонѣ. — Званые вечера, балы, маскарады, зрѣлища, утреннія и вечернія, въ театрахъ и внѣ ихъ. — Безпрерывныя развлеченія въ городѣ и за городомъ. — Увеселительныя и благотворительныя аукціоны, ярмарки и лоттерей. — Небывалое у насъ раннее лѣто, и ужинъ съ приправою стиховъ. — Сырная недѣля, балаганы и нѣмецкая масляница. — Анекдоты. — Атласное домино и черный фракъ среднихъ лѣтъ. — Долгъ, уплаченный пріятно, и долгъ вовсе неуплаченный, или средство изготавиться къ отъѣзду. — Веще кое-что и роздыхъ. — Чтеніе и размышленія. — Новѣйшее искусство и голландскій червонецъ; послѣдняя копѣйка и остальное слово.

МОСКОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

Театръ. — Новыя пьесы: «Разставанье» г. Родиславскаго. — Музыка г. Дюча. — «Бѣдность не порокъ» — комедія г. Островскаго. — Бенефисы: Бороздиной, Львовой-Спинецкой, Ленскаго и Щепкина. — Домашніе спектакли. — Балы, маскарады, концерты. — Смерть сѣвернаго Геркулеса. — Его біографія. — Пятисотлѣтіе московской синодальной типографіи. — Публичныя лекціи профессора Геймана. — Атласъ описательной Анатоміи. — Живопись и валяніе. — Г-жа Рашель въ Москвѣ — и сужденіе о ней Москвы. — Л. М. Самойловъ.

VI.

РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ. № 2.

ЗАЧѢМЪ ИНЫЕ ЛЮДИ МЕНЯЮТСЯ. Комедія съ куплетами, въ одномъ дѣйствіи. Сочиненіе *П. И. Григорьева 1-го*.

ПРИЛОЖЕНІЯ: — ОТСУТСТВУЮТ

1. Портретъ артистки *А. М. ЧИТАУ*. (Фотографія *Александровскаго*).
2. Музыка: «ВОСПОМИНАНІЕ О ПЕТЕРБУРГѢ», мазурка *Теодора Лещетицкаго*.

ПО

ПАНТЕОНЪ

ЖУРНАЛЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

10767

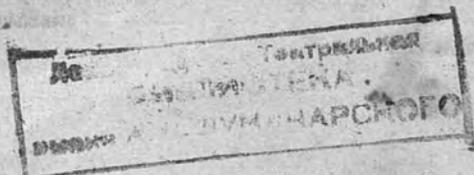
ФЕДОРЪ КОНИ.

ТОМЪ XIII.

❖ ❖ ФЕВРАЛЬ. — КНИЖКА ВТОРАЯ. ❖ ❖

1854.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ПАТЕНТЪ

С О С Т А В

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Февраля 26-го 1854.

Ценсоръ Ю. Шидловскій.

ТИПОГРАФІЯ ЭДУАРДА ВЕЙМАРА.

I.

СОСѢДКА.

РОМАНЪ

А. С. ЧУЖБИНСКАГО.

(Посвящается Ольгѣ Александровнѣ Магденко.)

—

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

—

I.

Обсаженная двойнымъ рядомъ вербъ и развѣсистыхъ березъ, большая дорога спускалась съ отлогого холма въ живописную долину и, проходя по длинной плотинѣ, на которой стояло нѣсколько водяныхъ мельницъ, подымалась на крутую высокую гору. На этой горѣ, вправо, виднѣлась густая дубовая роща, на темной зелени которой краснѣла крыша большого господскаго дома.

Вечерело. Свѣтлый осенній день тихо догоралъ на безоблачномъ небѣ, и послѣдніе лучи заката набрасывали густыя краски на западъ, гдѣ, какъ одинокій брилліантъ сверкала вечерняя звѣздочка. Однообразно шумѣла вода, цѣдясь сквозь лотки на плотинѣ; тихо, едва слышно лепетали листья березъ и плакучихъ вербъ по дорогѣ, и гдѣ-то далеко слышались звуки свирѣли пастушѣй.

Съ отлогого холма медленно спускалась дорожная карета. Усталыя и измученныя лошади шли такъ тихо, что только изрѣдка бряцалъ почтовый колокольчикъ, привязанный у дышла; а ямщи-

ки сидѣли на своихъ мѣстахъ, какъ люди, ожидавшіе, по теоріи вѣроятностей, весьма мало получить на водку. Лакей и горничная шли возлѣ экипажа, а господа путешествовали въ сторону по окраинѣ дороги. Впередѣ, взявшись за руки, бодро и весело шли двѣ молодыя дѣвушки, въ соломянныхъ шляпкахъ, въ щегольскихъ дорожныхъ платьяхъ. Одна изъ нихъ, невысокаго роста блондинка, лѣтъ девятнадцати, съ распушенными локонами была восхитительно-прекрасна. Каждый взоръ голубыхъ ея глазъ, казалось, готовъ былъ воспламенить всякаго, кто только взглянулъ бы на нее; каждая улыбка въ состояніи была привлечь къ ногамъ ея самое холодное равнодушное созданіе, а длинная узенькая ножка, обутая въ щегольской ботинокъ, такъ была граціозна и такъ легко ступала на землю, что, мелькая изъ-подъ довольно-короткаго платья, навела бы раздумье не на одного художника.

Впрочемъ и не художникъ засмотрѣлся бы на эту ножку, потому-что есть какая-то невыразимая прелесть въ граціозной походкѣ молодой дѣвушки, особенно если платье не много коротко, если ножки узки и красивы, если онѣ обуты въ изящныя ботинки, а шаловливый вѣтерокъ приподниметь край платья и покажетъ безукоризненной бѣлизны чулочки.

Другая дѣвушка была повыше ростомъ, одѣта точно такъ же, какъ и первая, но не хороша собою. Выразительныя черты ея не имѣли той привлекательности, которая поражаетъ съ перваго взгляда. Одно, чѣмъ надѣлила ее природа, были чудныя черныя глаза и мягкіе черныя волосы, выбившіеся роскошными кудрями изъ-подъ шляпки и рассыпавшіеся по плечамъ, лоснясь, какъ бороново крыло. Не смотря на баснословную красоту одной и на некрасивость другой, лица обихъ дѣвушекъ имѣли какое-то странное, то неуловимое сходство, которое замѣчается нерѣдко между родными. Если смотрѣть на нихъ порознь: какая-нибудь мина, манера всматриваться, положеніе рта при извѣстномъ обстоятельстве, или иное движеніе одного непременно припомнятъ вамъ и другаго отсутствующаго.

Дѣвушки шли скоро и весело разговаривали. У одной была въ рукахъ папироска, у другой коробочка со спичками. Имъ хотѣлось ухитриться закурить папироску, такъ чтобы это не было замѣтно тѣмъ, кто шелъ позади; но спички гасли очень скоро, потому-что были безъ сѣры, а это обстоятельство приводило путешественницъ въ сильнѣйшее нетерпѣніе.

Позади тихо шли пожилой мужчина, въ свѣтлоричневомъ

пальто, и немолодая женщина, въ темномъ шелковомъ платьѣ. Лице старика было правильное, добродушное, но сейчасъ же показывало ограниченность ума; въ особенности это замѣтно было по оловяннымъ глазамъ и по предательской улыбкѣ, которая, не знаю почему, такъ ясно, такъ отчетливо высказываетъ недостатки умственныхъ способностей. Очертаніе рта и эти рѣзкія линіи, когда губы раскрываются для смѣха, только-что не говорятъ объ умѣ человѣка.

Красивое и умное лице старухи выражало избытокъ ума, который еще яснѣе виднѣнъ былъ въ черныхъ, пронизательныхъ глазахъ; но ни въ чертахъ, ни въ улыбкѣ, ни во взорахъ не было присутствія доброты.

Сергѣй Антоновичъ Блонскій родился, воспитывался и дослужился до дѣйствительнаго статскаго совѣтника въ Петербургѣ, не выѣзжая далѣе Царскаго Села, и зная, по вѣдомостямъ управляющаго, свое саратовское имѣніе, Жена его, урожденная графиня Лелева, единственная наслѣдница большаго имѣнія, бывала за границей, но никогда не посѣщала своихъ помѣстій. Такимъ образомъ Блонскіе, живя постоянно въ Петербургѣ, нанимая лѣтомъ великолѣпную дачу, а зимою давая блистательные вечера, и не оглядѣлись, какъ прекрасное ихъ имѣніе продано было съ публичнаго торга, именно въ то время, когда Сергѣй Антоновичъ оканчивалъ статью о новомъ способѣ сельскаго хозяйства. Разумѣется, что Блонскому досталось отъ дражайшей половины; но ударъ былъ такъ жестокъ и неожиданъ, обстоятельства Блонскихъ пришли въ такое положеніе, что надо было серьезно подумать о будущемъ, тѣмъ болѣе, что у нихъ были двѣ дочери, привыкшія къ роскошному образу жизни. Къ счастью, у Сергѣя Антоновича уцѣлѣла какъ-то материнская деревня въ Малороссіи. Почему она не была заложена въ Банкъ, оставалось тайной для супруговъ, и они узнали объ этомъ обстоятельстве только по тому, что деревня эта не была объявлена въ продажѣ. Изъ пяти тысячъ душъ осталось всего четыреста: жить въ Петербургѣ было уже невозможно, слѣдовательно оставалось одно средство — выѣхать въ деревню. Правда, что великолѣпный домъ не былъ заложенъ; но, сосчитавъ свои заборы по магазинамъ и небольшіе частные долги, Блонскіе увидѣли, что и думать было невозможно оставаться въ столицѣ. Марья Петровна со слезами отправилась къ богатой бездѣтной теткѣ; но та, неслишкомъ любя племянницу, отказала въ помощи, пославъ только меньшей ея дочери, а своей крестницѣ, нѣ-

сколько тысячъ рублей на дорогу. На эти нѣсколько тысячъ Блонскіе собрались и уѣхали изъ Петербурга, отправивъ что было можно изъ мебели, въ деревню, и рѣшились жить въ захолустьи, благодаря судьбу, что могли имѣть хоть какое-нибудь приютанище.

Дѣвушкамъ наконецъ удалось закурить папироску. Пора, однакожъ, назвать ихъ по именамъ, что слѣдовало бы исполнить давно, по принятому обычаю. Красавица называлась Ольгой, а сестра ея—Вѣрой. Обѣ онѣ получили самое блестящее, а вмѣстѣ и основательное образование; таланты ихъ были развиты; жизнь лучшаго общества придавала изящество ихъ манерамъ и движеніямъ, и сестры Блонскія занимали одно изъ первыхъ мѣстъ въ своемъ кругу какъ по богатству, такъ и по образованію. Свѣтскія дѣвушки всѣ милы въ гостиню, всѣ одинаково добры и одинаково любезны; но за кулисами домашней жизни, многія изъ нихъ перемѣняются неузнаваемо. Нельзя этого сказать о сестрахъ Блонскихъ: онѣ какъ-то одинаково вели себя и въ свѣтѣ и дома; не любили притворяться, не маскировали своихъ маленькихъ недостатковъ и предавались живости возраста. Разумѣется, Ольга была кокетка, хотя и не въ большой степени, и кокетство это ограничивалось или тѣмъ, что она принимала какую-нибудь красивую позу, или тѣмъ, что выставляла иногда прелестную ножку, о красотѣ которой было уже сказано нѣсколько при началѣ этой повѣсти. Вѣра не могла быть кокеткой: при необыкновенномъ умѣ, бѣдняжка очень хорошо видѣла свое грустное положеніе въ обществѣ; знала, что если ею занимались, то изъ приличія; видѣла очень хорошо, что некрасивость ея отталкивала отъ нея молодыхъ и немолодыхъ мужчинъ, и развѣ изрѣдка въ самомъ тѣсномъ дружескомъ кругу, на сколько можетъ быть въ свѣтѣ дружбы, предаваясь живости своего характера. Вѣра очаровывала всѣхъ необыкновеннымъ остроуміемъ, и всегда въ тѣ дни возвращалась домой въ прекрасномъ расположеніи духа. Впрочемъ, не лишнимъ будетъ прибавить, что Вѣра никогда не была особенно грустна и геройски мирилась съ непривлекательною своею наружностью, не увлекаясь самолюбіемъ, никогда не позволяя ему возвышаться, что непременно сдѣлала бы особа, менѣе одаренная способностями ума. Она какъ-то слишкомъ рано инстинктивно прозрѣла душой свѣтскую жизнь, и для нея нисколько не были тайной всѣ общественныя отношенія. При первомъ появленіи въ свѣтѣ и она пріобрѣла постоянного обожателя, но во-время узнала настоящую причину его преслѣдованій и дала замѣтить пожилому любезнику,

что никогда не рѣшится быть приданымъ своему приданому. Ей хотѣлось любви искренной.

Ольгу окружалъ постоянный рой обожателей; но въ семнадцать лѣтъ, въ особенности при первыхъ выѣздахъ, какая же красавица не имѣетъ толпы поклонниковъ, если при этомъ стоустая молва разглашаетъ, что она богатая невѣста, если родители ея живутъ пышно и открыто и принадлежатъ къ хорошему кругу? Сердечко Ольги не разъ шептало ей въ пользу того или другаго молодого человѣка; но именно въ то время, когда, можетъ-быть, возникало въ немъ что-нибудь рѣшительное, родителей ея постигла извѣстная катастрофа.

Вѣсть о продажѣ имѣнія застала Блонскихъ въ самомъ разгарѣ великолѣпнаго праздника, который гремѣлъ у нихъ на дачѣ; разумѣется, и большая часть гостей тамъ же узнала печальное извѣстіе. Нѣкоторые пожалѣли о бѣдномъ семействѣ, другіе не обратили на это никакого вниманія, какъ на обстоятельство, весьма обыкновенное, а многіе начали мысленно оцѣнять вещи, которыя, безъ сомнѣнія, должны были продаться съ публичнаго торга. Нѣсколько дней въ кругу знакомыхъ поговорили о несчастіи Блонскихъ, потомъ позабыли, и каждый продолжалъ свой образъ жизни, какъ-будто бы никогда и не существовалъ этотъ великолѣпный открытый домъ, гдѣ каждую пятницу зимою давались чудные вечера съ роскошнымъ ужиномъ, съ превосходными винами. Не позабыли Блонскихъ только многочисленные кредиторы; но и тѣ успокоились, получивъ домъ, отъ продажи котораго еще осталась даже небольшая сумма въ пользу прежнихъ его владѣльцевъ.

— Привѣтствую тебя, гостепріимная кровля нашего замка!— сказала Ольга подпрыгивая и отдавая сестрѣ папирску.

— А мнѣ нравится это мѣстоположеніе,—сказала Вѣра, всматриваясь.—эта красная кровля на темной зелени, какъ будто предсказываетъ спокойствіе.—Не знаю, отчего, по мнѣ кажется, что мы здѣсь будемъ счастливы.

— Мечтай, душа моя! Но я не могу понять счастья въ четырехъ стѣнахъ, въ этомъ пустынномъ краю, куда и вѣтеръ не занесетъ ничего порядочнаго.

— Нельзя такъ говорить, Ольга: во-первыхъ, мы не имѣемъ никакого понятія о деревенской жизни, во-вторыхъ, кто знаетъ какіе здѣсь сосѣди?..

— Сосѣди! Ха, ха, ха! Самые закоренѣлые провинціалы со всевозможными смѣшными претензіями...

— Конечно, это не Петербургъ.

— Надѣюсь!—Дай-же мнѣ папироску, да нельзя-ли закурить другую? Надѣюсь, что это не Петербургъ; однако... зажигай такъ, чтобъ не увидѣла ма́ма... Положимъ, Вѣра, осенью мы будемъ гулять, кататься, но зимою, зимою!..

И Ольга опустила свою хорошенькую головку.

— Признаться-ли, я тоже подумываю объ этомъ, отвѣчала Вѣра, закуривая новую папироску: но никакія разсужденія пособить не въ состояніи, и надо покориться своей участи.

— Только и слышишь, что надо покориться своей участи!

— Что-же дѣлать?

— Конечно, дѣлать нечего. Однако, Вѣра, неужели мы будемъ итти пѣшкомъ до самаго дома?

— Я согласна, тѣмъ болѣе, что мѣстоположеніе очень красиво, а усталыя лошади едва передвигаютъ ноги.

И дѣвушки продолжали свое путешествіе, оглядываясь тогда только, когда имъ приходилось закуривать папироску, что было строго запрещено маменькой.

— Да, говорила Марья Петровна своему мужу:—еслибъ ты былъ повнимательнѣе къ своимъ дѣламъ, подѣятельнѣе и благоразумнѣе, не пришлось-бы намъ на старости лѣтъ оставаться безъ куска хлѣба.

— И, матушка,—отвѣчалъ Сергѣй Антоновичъ:—нечего гнѣвить Бога; мы имѣемъ кусокъ хлѣба: только жаль, что дѣти будутъ лишены возможности сдѣлать хорошую партію.

— И ты думаешь, что изъ 400 душъ можно жить прилично?

— Увѣренъ, что можно, особенно въ Дубровницахъ. А если я примусь хозяйничать...

— Пожалуйста не безпокойтесь! похозяйничали вы очень хорошо!

— То-то и дурно, что я самъ не занимался.

— Если бъ вы поменьше сидѣли въ клубъ...

— Если бъ вы порѣже ѣздили за границу...

— Не на ваши деньги.

— Кажется, что и я издерживалъ не ваши доходы.

— Вы ужъ начинаете упреки...

— Вы сами ихъ начинаете, сударыня; а если разсудить хладнокровно, то мы оба виноваты.

— Старая пѣсня!

— Я полагаю, что въ теперешнихъ обстоятельствахъ и не

слѣдовало бы заводить ссоръ и непріятностей. Сдѣланнаго не воротись. Мы лишили дѣтей...

— Не мы, но вы, вы сударь, по своей безпечности, по своему тупоумію, однимъ словомъ—вы всему причиною!

— Эхъ, матушка, перестань, ради Бога!

— Еслибъ не вы, Ольга давно-бы ужъ была владѣтельницаю 3000 душъ: стоило вамъ быть любезнѣе съ Дауринымъ...

— Прилично-ли было мнѣ ухаживать за разбогатѣвшимъ мѣщаниномъ?

— Вы, кажется, чванитесь древностью рода.

— Полагаю, что мнѣ нечего краснѣть за своихъ предковъ.

— Однако жъ, я графиня, а вышла за васъ замужъ.

— Это другое дѣло...

— Правда, что другое; однако неужели я должна тащиться пѣшкомъ до самаго дома?

— Можешь сѣсть въ карету.

— Плестись шагомъ! Что за дороги! что за почтовья лошади!

— Вольно-же было не подождать пока выкормятся.

— Но сидѣть на станціи...

— А что-же дѣлать? Но гдѣ Вѣра и Ольга?

— Бѣдняжки ушли впередъ. Имъ такъ хочется скорѣе увидѣть домъ, а я увѣрена, что онъ въ родѣ голубятни.

— Благодари Бога, душа моя, и за голубятню.

— И какая участь ожидаетъ этихъ бѣдняжекъ?

— Богъ не безъ милости. Повѣрь, что и въ деревнѣ можно прожить счастливо.

— Откуда это у васъ набралось столько философіи?

— Самъ не знаю. Ну что-же мы должны дѣлать по-твоему?

— Приискивать средства, хлопотать о мѣстѣ.

— Какое-же здѣсь я могу имѣть мѣсто? А если служить и жить въ Петербургѣ...

— Это невозможно!

— Значить, не о чемъ и толковать.

Разговаривая такимъ образомъ, старики догнали дочерей, которыя, остановясь на плотинѣ, съ любопытствомъ присматривались къ водянымъ мельницамъ. Къ сожалѣнію, Сергій Антоновичъ не умѣлъ отвѣчать обстоятельно на ихъ вопросы; и хотя зная по теоріи сельское хозяйство, онъ испыталъ объяснить дѣвушкамъ

многое, однако объясненія эти были какъ-то темны и неудовлетворительны.

Когда, при невѣроятныхъ усиляхъ ямщиковъ, карета взѣхала на гору, было ужъ совершенно темно, и путешественники наши, сѣвъ въ экипажъ, медленно подѣхали къ отвореннымъ воротамъ господскаго двора въ Дубровинцахъ. Во всѣхъ окнахъ довольно обширнаго дома свѣтились огни; прислуга и дворня толпились у крыльца, и Блонскіе вошли въ домъ, болѣе 20 лѣтъ не обитаемый. Управляющій, съ помощью присланной изъ Петербурга *хозяйки*, приготовилъ, какъ могъ, приличное помѣщеніе и, разумется, Марья Петровна ни чѣмъ не осталась довольна. Что же касается Сергѣя Антоновича, онъ въ ту же минуту привыкъ къ своему кабинету, и въ душѣ пожалѣлъ только объ одномъ Англійскомъ клубѣ. Дѣвушки тоже скоро примирились съ своимъ помѣщеніемъ, а въ особенности Ольга, которая чрезъ четверть часа начала кружиться отъ удовольствія, когда увидѣла на столѣ всѣ свои Петербургскія бездѣлки.

II.

Въ четырехъ верстахъ отъ Дубровницъ, на чудномъ высокомъ холмѣ, надъ рѣкою, лежали развалины одного изъ тѣхъ старинныхъ домовъ, въ которыхъ жили вельможи Екатерининскаго вѣка. Группы развѣсистыхъ деревьевъ окружали обваливавшіяся стѣны, разрушенныя колонны, огромныя галереи и заросшія террасы. Широкая нѣкогда дорога покрылась богатою растительностью, но еще была примѣтна, и по ней отъ самой подошвы холма вилась тропинка, по которой любопытный могъ пройти къ живописнымъ развалинамъ, если бъ кому пришла охота взглянуть на обломки запущеннаго, разрушеннаго жилища. Имѣніе, къ которому принадлежали развалины, постоянно переходило изъ рукъ въ руки, но ни одинъ изъ владѣльцевъ не жилъ въ этой деревнѣ и каждый изъ нихъ не хотѣлъ касаться жилища предковъ, хотя управляющіе ежегодно доносили, что изъ развалинъ можно выстроить винокурню, или какое-нибудь другое полезное заведеніе. Наслѣдники щадили пустѣющій домъ, а сосѣди, пожимая плечами, смѣялись и называли глупостью уваженіе къ безобразнымъ, по ихъ мнѣнію, кучамъ мусора и кирпича, не приносящимъ пользы. Предпоследній изъ владѣльцевъ прожилъ какъ-то съ мѣсяцъ въ описанномъ имѣніи, и его серьезно спра-

шивали сосѣди: зачѣмъ онъ не велитъ разобрать развалины, и не спасетъ нѣсколько сотенъ тысячъ кирпича. Но заслуженный савонникъ отвѣчалъ, что онъ сдѣлалъ бы это, если бѣ нуждался; а не имѣя необходимости, считаетъ грѣхомъ прикоснуться къ старинному пепелищу нѣкогда славной фамиліи. Такимъ образомъ развалины уцѣлѣли, и никто уже не заботился о томъ, что бесполезно пропадалъ кирпичъ, изъ котораго можно бы сдѣлать отличный сарай для овецъ, или даже магазинъ для хлѣба. Года за два до начала нашей повѣсти, разнеслась вѣсть въ уѣздѣ, что владѣлецъ огромнаго имѣнія, къ которому принадлежали развалины, рѣшился постоянно жить въ деревнѣ. Съ нетерпѣніемъ въ сосѣднихъ домахъ ожидали пріѣзда новаго помѣщика, тѣмъ болѣе, когда узнали, что онъ холостъ и полковникъ въ отставкѣ. Наконецъ явился помѣщикъ, сдѣлалъ визиты; выстроилъ хорошій домъ и зажилъ скромно, тихо; окружилъ себя возможнымъ комфортомъ, разумно занялся сельскимъ хозяйствомъ, улучшилъ бытъ крестьянъ, радушно принималъ сосѣдей; но, ссылаясь на боль отъ раны, избѣгалъ помѣщичьихъ баловъ и избѣгалъ домовъ, гдѣ были взрослыя дѣвушки. Въ свое время носились приличныя вѣсти по этому случаю, но какъ-то затихли въ описываемую эпоху. Одни говорили, что онъ живетъ врознь съ женою, ужасною мотовкой, и только изъ приличія говорить, что не женатъ; другіе утверждали, что онъ, изъ ревности, убилъ жену, и тѣнь ея постоянно является къ нему, а одинъ изъ помѣщиковъ, который «самъ писалъ стихи, когда еще учился въ гимназіи» утверждалъ, что у полковника, какъ у Лорда Байрона, любовница переодѣта мальчикомъ. Надо знать, что Арсеній Андреевичъ Кренскій привезъ съ собою съ Кавказа маленькаго кабардинца, который ему всегда сонутствовалъ въ своемъ національномъ костюмѣ. Наконецъ затихла молва о причинахъ, зачѣмъ Кренскій избѣгалъ женщинъ, и даже господинъ, который самъ сочинялъ стихи, когда учился въ гимназіи, публично признался, что сочинилъ поэтическую причину, и признался потому, что у Селима началъ пробиваться чернѣйшій усъ самымъ явственнымъ образомъ. Арсеній Андреевичъ Кренскій точно былъ рѣдкій человекъ какъ по уму, такъ и по благородству сердца; онъ принадлежалъ къ тѣмъ исключительнымъ натурамъ, которыхъ вся жизнь состоитъ изъ горячей любви къ ближнему и изъ самопожертвованій. Получивъ превосходное образованіе, онъ прекрасно служилъ; но въ одной схваткѣ съ чеченцами былъ раненъ пулею въ выметъ, и вышелъ въ отставку съ мыслью быть гражданиномъ,

полезнымъ отечеству. Онъ началъ съ того, что улучшилъ быть двухъ тысячъ душъ своихъ крестьянъ, ввелъ многія полезныя нововведенія въ хозяйствѣ, пріохочивалъ къ тому же своихъ сосѣдей, помогалъ имъ, а бѣднымъ просто давалъ средства улучшить положеніе и принуждалъ тѣмъ къ дѣятельности, нечувствительно дѣйствуя на мораль своего сосѣдства. Въ продолженіе двухъ лѣтъ онъ дошелъ до того, что на него смотрѣли какъ на человѣка, неизмѣримо ставшаго выше всѣхъ и, что страннѣе, почти всѣ простили ему это превосходство, а простили потому, что онъ не бросалъ его всѣмъ въ глаза, не чванился, не гордился, но жилъ скромно, тихо, и дѣлами доказывалъ то, о чемъ другіе, на его мѣстѣ, трубили бы прежде во всеулышаніе.

Кренскому было гораздо за тридцать. Блѣдное лице его носило еще слѣды прежней красоты; въ большихъ черныхъ глазахъ сверкала умъ, въ чертахъ разлито было то выраженіе, которое какъ бы говоритъ о превосходныхъ качествахъ сердца. Разумѣется, что матушки взрослыхъ дочекъ не прощали ему равнодушія къ узамъ Гименея и продолжали сообщать подъ рукою различныя домашнія тайны; но Кренскаго это не сердило, и онъ продолжалъ прежній образъ жизни, посѣщая сосѣдей, а еще охотнѣе принимая ихъ у себя. Привыкъ онъ еще издавна видѣть разставляемыя сѣти, иногда въ душѣ смѣялся надъ ловкими продѣлками; но тамъ шутя, тамъ серьезно избѣгалъ силковъ и всегда искусно отклонялъ рѣчь о супружествѣ. Однако случалось, что у него же какой-нибудь сосѣдъ, разогрѣтый лишнею рюмкой превосходнаго вина и задобренный, конечно, сердобольной матушкою иной невѣсты, вдругъ восклицалъ:

— Эхъ, Арсеній Андреичъ! толи дѣло если бъ у васъ была хозяйошка, право этотъ домъ выглядывалъ бы веселѣе.

— Я и не спорю, — отвѣчалъ улыбаясь Кренскій: но у каждаго свои понятія; а мнѣ, раненому солдату, больше всего необходимо спокойствіе и одиночество».

— Ну, вотъ вы и попались! Кому же какъ не раненому и заслуженному воину нужна заботливая подруга? кто же какъ не жена присмотритъ, успокоитъ?...

— Счастливъ, у кого есть подруга; но мнѣ, въ мои лѣта, при слабомъ здоровьи, не слѣдуетъ дѣлать этого.

Начинались возраженія, и Кренскій, чтобъ убѣдительнѣе подействовать на сосѣдей, говаривалъ обыкновенно:

— Господа! вы позабыли, что вино выдыхается, сдѣлайте

одоженіе оканчивайте, и сейчасъ будемъ пробовать новое, которое только-что привезли изъ Риги.

И разговоръ прекращался, но не прекращались толки подобного рода.

Наконецъ пріѣздъ Блонскихъ встревожилъ всѣхъ чадолюбивыхъ родителей въ околоткѣ, въ особенности, когда узнали, что у Блонскихъ двѣ дочери-невѣсты; и хотя всѣмъ было извѣстно, что семейство это лишилось огромнаго состоянія, однако мысль, что петербургскія барышни легко овладѣютъ близкимъ сосѣдомъ и такимъ выгоднымъ женихомъ, произвела сильное волненіе, и многіе заблаговременно придумывали средства, какъ бы предотвратить угрожавшее несчастіе. Уѣздъ, въ которомъ началась предлагаемая повѣсть, былъ чрезвычайно многолюденъ, а помѣщики жили довольно весело. Есть уѣзды, организованные такъ счастливо, что круглый годъ не перестаютъ празднества, а если еще судьба пошлетъ какой-нибудь полкъ на зиму, тогда деревенскіе жители рѣшительно не имѣютъ времени пожаловаться на скуку. Очень понятно, отчего въ уѣздахъ круглый годъ веселятся добрые люди: именины хозяина, именины хозяйки, два приздника въ домѣ; кто побогаче, тѣ празднуютъ еще и день рожденія: возьмите же во вниманіе, что деревенскіе съѣзды почти никогда не продолжаются меньше трехъ дней, и вы убѣдитесь въ этой непрерывной цѣпи удовольствій. Не повѣхать на именины къ знакомымъ невозможно: кромѣ-того, что этимъ нарушилось бы доброе согласіе, но и къ вамъ не пріѣдутъ. Значить, принимается въ резонъ какая-нибудь законная отговорка: погода же, дурная, дорога или разстояніе, ни въ какомъ случаѣ не помѣха. Но не думайте, столичная читательница, что всѣ деревенскіе балы *hoggeug* или *шаувais genre*, какъ вы выражаетесь; не думайте, что на каждомъ шагу вамъ попадутся оригиналы сплошь и рядомъ; не вѣрьте авторамъ, описывающимъ эти балы иной разъ слишкомъ карикатурною кистью: на иномъ изъ деревенскихъ вечеровъ и вы потанцовали бы съ удовольствіемъ, хотя, конечно, невозможно, чтобъ не нашлось какое-нибудь обстоятельство, которое не поразило бы вашего эстетически-утонченнаго вкуса. Самый важный недостатокъ этихъ баловъ—весьма малое количество порядочныхъ кавалеровъ. Вся молодежь гдѣ-нибудь служить, а потому рѣдко попадаютъ образованные кавалеры, и только приходъ полка оживляетъ деревенскія собранія. За то же тамъ и веселятся отъ души. Если челоуѣчество и успѣло испортиться во многомъ и усвоить совре-

менные недостатки, по-крайней-мѣрѣ, въ деревняхъ удовольствія сохранили свою патріархальную простоту, и танцы ни сколько не похожи на тѣ ледовитые монотонные танцы, которые служатъ для распредѣленія времени на вечерахъ большаго свѣта; нѣтъ, въ деревняхъ танцуютъ не по заказу и не по наряду, а просто, для собственнаго удовольствія. Но трудно описать эту заразительную веселость, сообщаемую всѣмъ и каждому на деревенскомъ балѣ: это надо испытать, иначе описаніе будетъ мертвымъ, и пожалуй, невѣроятнымъ.

Во многихъ домахъ ожидали появленія Блонскихъ съ особеннымъ нетерпѣніемъ, какъ потому что желали поскорѣе увидѣть дѣвушекъ, принадлежавшихъ къ порядочному кругу въ столицѣ, такъ и потому, что хотѣли взглянуть на ихъ наряды. Однако же прошелъ сентябрь; у Петра Петровича былъ балъ, у Анны Ивановны тоже три дня танцовали; у Матвѣя Матвѣевича на освященіи дома веселились до упаду; а Блонскіе нигдѣ не показывались, даже не были у предводителя! Это еще болѣе заинтересовало всеобщее любопытство, и именно у Матвѣя Матвѣевича положено было послать въ Дубровницы подъ какимъ-нибудь предлогомъ Ивана Яковлевича, который имѣлъ способность вывѣдывать всю подноготную и вмѣстѣ съ тѣмъ особенное, качество утѣшить кого угодно своимъ посѣщеніемъ. Въ другой, въ третій разъ Иванъ Яковлевичъ повторялся, становился монотоннымъ, пошлымъ вралемъ, но при первомъ знакомствѣ поражалъ чудовищностью лжи и былъ чрезвычайно занимателенъ. Это личность, съ которою не лишнимъ будетъ познакомить читателей. Иванъ Яковлевичъ Рябко помѣщикъ 20-ти ревизскихъ душъ, былъ неизмѣннымъ посѣтителемъ всѣхъ помѣщичьихъ собраній въ нѣсколькихъ уѣздахъ въ окружности. Ему было подъ или за пятьдесятъ лѣтъ, но онъ молодился и безпрестанно ухаживалъ за хорошенькими. Въ молодости служилъ онъ въ Петербургѣ, но скоро вышелъ въ отставку, поселился въ деревнѣ, и лѣтъ 30 появлялся на всѣхъ ярмаркахъ, на всѣхъ именинахъ, свадьбахъ и вообще вездѣ, гдѣ собирались помѣщики. Небольшая эта фигурка на тоненькихъ ножкахъ, бѣлобрысая, горбоносая, всегда почти въ приличномъ костюмѣ, не могла вамъ не броситься въ глаза своей особенной фізіономіей; но стоило только заговорить съ Иваномъ Яковлевичемъ, эта фигурка выростала въ вашихъ глазахъ и принимала баснословно-гигантскіе размѣры. Такъ гдѣт безсовѣстно, такъ, наконецъ, входитъ въ свою роль, что считать истиной свои же выдумки, могъ только одинъ Иванъ Яковлевичъ Рябко, и

притомъ никогда ни отчего не приходилъ онъ въ замѣшательство. Онъ служилъ въ какомъ-то министерствѣ и вообще былъ незначительнымъ по своей службѣ чиновникомъ; но послушайте, что онъ рассказывалъ о своей службѣ: «Я (говорить Иванъ Яковлевичъ) былъ необходимое лице въ Петербургѣ; никогда ни одно засѣданіе въ государственномъ совѣтѣ не обходилось безъ меня; чуть затруднительное обстоятельство, сейчасъ и спрашиваютъ:—«а гдѣ Иванъ Яковлевичъ? Нутка, братъ, подай свое мнѣніе!»—Я и при Дворѣ бывалъ. А когда я уѣзжалъ въ отпускъ, министръ ни за что не хотѣлъ отпустить. Я и говорю: помилуйте, ваше высокопревосходительство, у меня погибаетъ имѣніе.—«Мы, говоритъ, какъ-нибудь уладимъ, и я обещаю тебѣ награду».—«А я ему:» не шубу шить изъ вашихъ обѣщаній—ей-Богу, такъ и говорю, «не шубу шить изъ вашихъ обѣщаній, а имѣніе продадутъ съ молотка».—«Ну, говоритъ, если ты такой упрямый, повѣжай съ Богомъ, но вечеромъ приходи чай пить.» Я поклонился, взялъ отпускъ, а вечеромъ пошелъ на чай къ министру. Генералитета, сенаторовъ, адмираловъ—просто, числа нѣтъ! но всѣ сидятъ себѣ скромно. Вотъ подали чай.—«Душенька, говоритъ министръ женѣ:—для такого дорогаго гостя, можно бы подать бутылку рому».—А она отвѣчаетъ: «поздно уже, лавки заперты».—А его высокопревосходительство:» пустое! пошли, какъ-нибудь достучатся». Всѣ такъ и выпятили глаза, думаютъ, что это за птица? а я, какъ ни въ чемъ не бывало, усѣлся себѣ преважно—знаете, привыкъ къ этимъ господамъ. Тары да бары, пора уходить: я распроцался. Схожу я съ лѣстницы. Слышу кличутъ. Оборачиваюсь, и вижу, министръ со свѣчею въ одной рукѣ, а въ другой съ узелкомъ.—«Иванъ Яковлевичъ! а Иванъ Яковлевичъ! возьми-ка, братъ, вотъ жена посылаетъ твоему отцу пироговъ на гостинецъ!»—Вотъ оно каково, господа! И теперь я въ перепискѣ со всѣми министрами». Такъ рассказывалъ Иванъ Яковлевичъ, и по этому можно заключить, что это былъ за неоцѣненный человекъ на многолюдныхъ сѣздахъ. А между-тѣмъ нельзя было отнять у него ума, а главное, онъ обладалъ рѣдкимъ качествомъ узнавать всю подноготную, и если давалъ слово, не перемѣнялъ ни одной йоты изъ видѣннаго или слышаннаго. Само собою разумѣется, что въ свою деревню, какъ называлъ Иванъ Яковлевичъ, являлся онъ лишь нѣсколько разъ въ годъ, проводя остальное время у помѣщиковъ и продовольствуя такимъ образомъ свою особу, двухъ человѣкъ и четверку разношерстныхъ клячь, запрягаемыхъ въ удивительно ветхую, желтую карету, которую онъ называлъ

дормезомъ. Много ли надо было труда подбить Ивана Яковлевича съѣздить къ Блонскимъ! 1-го сентября въ 10-ти верстахъ отъ Дубровницъ ежегодно бывалъ огромный балъ у помѣщика Желудовскаго, и тамъ назначено было rendez-vous Ивану Яковлевичу съ тѣмъ, что если Рябко узнаеть подробно, что такое Блонскіе, то одна изъ дочерей упомянутаго помѣщика обѣщала ему вышить подушку, а молоденькая вдова—кумиръ околотка, дала слово танцевать съ нимъ мазурку. Поцѣловавъ ручки той и другой въ задатокъ будущаго успѣха, Иванъ Яковлевичъ велѣлъ смазать хомуты, вымыть экипажъ, и, выпросивъ у кого-то щипцы, завивать волосы, поклялся исполнить порученіе.

III.

Изъ всего семейства Блонскихъ одна Марья Петровна ни какъ не могла привыкнуть къ деревенскому образу жизни; одной ей Дубровницѣ казались тюрьмою, и потому въ семействѣ этомъ господствовало принужденіе, не смотря на то, что Сергѣй Антоновичъ не скучалъ ни минуты, а дѣвицы, скорѣе нежели можно было предполагать, привыкли къ деревнѣ. За обѣдомъ и за вечернимъ чаемъ, при каждомъ веселомъ словѣ мужа или дочерей, Марья Петровна безпрестанно повторяла: «Мы нищѣ! мы цѣлый зѣвокъ должны прожить въ этомъ изгнаніи». Это была вѣчная тема, на которой вертѣлись всѣ ея разговоры и, разумѣется, бросали печальную тѣнь на тихій деревенскій образъ жизни. Сергѣй Антоновичъ совѣтовалъ, дочери просили ее познакомиться съ сосѣдями, но Марья Петровна отказывалась, говоря обыкновенно: «Гдѣ же я приму гостей и могу-ли принять ихъ прилично въ этомъ каретномъ сараѣ?» Здѣсь слѣдовалъ споръ и доказательства, что домъ въ Дубровницахъ, по счастью, былъ очень хорошъ, прекрасно меблированъ, какъ, вѣроятно, не у многихъ помѣщиковъ; но Марья Петровна покамѣстъ была неумолима. Управляющій, допускаемый къ столу, изъ всѣхъ силъ хотѣлъ убѣдить Блонскую, что она могла въ своемъ домѣ принять не краснѣя хоть самого губернатора; что мебели такой, какъ въ Дубровницахъ, не было ни у кого, развѣ у Кренскаго; что нарядовъ такихъ, какъ у нея и у барышень, еще и не видано въ уѣздѣ; но Блонская говорила: «Мы нищѣ; мы не смѣемъ показаться на свѣтъ Божій.» Сергѣй Антоновичъ обыкновенно пожималъ плечами, дѣвушки вздыхали,

а управляющій не смѣлъ продолжать своихъ разсужденій. Надо сказать, что Марья Петровна имѣла необыкновенную способность тратить деньги на самые вздоры, и чѣмъ больше издерживала, тѣмъ въ лучшемъ бывала расположеніи духа; но въ Дубровницахъ, по несчастію, она не могла удовлетворять своей страсти къ мотовству, и потому все видѣла въ черномъ цвѣтѣ. Одно чтеніе сколько-нибудь услаждало ея скуку, и Марья Петровна читала запоемъ, разумѣется, французскія книги. Нельзя при этомъ удобномъ случаѣ не ударить и мнѣ горохомъ объ стѣну, то-есть не сказать нѣсколько словъ объ этой невѣроятной, ужасной страсти къ чужеземнымъ литературамъ въ нашемъ высшемъ образованнѣйшемъ кругу общества. Русскій языкъ не только изгнанъ изъ гостиныхъ—нѣтъ, онъ изгнанъ и въ семейномъ кругу свѣтскаго человѣка; а читать на русскомъ языкѣ—да это просто преступленіе! «Развѣ пишетъ кто-нибудь по-русски изъ порядочныхъ?» спроситъ иная щеголиха. Да и многіе джентельмены будутъ увѣрять васъ, что имъ гораздо легче написать письмо по-французски. Я и не спорю. Къ сожалѣнію, у насъ еще много подобныхъ джентельменовъ, потому-что родители вели ихъ такимъ образомъ, заставляя даже думать по-французски. Сдѣлать ошибку въ русскомъ языкѣ у нихъ простительно; но ужасное преступленіе не поставитъ правильно даже какого-нибудь ударенія во французскомъ! Къ несчастію, обезьянство это не начинается еще выводиться изъ употребленія. Гдѣ-же и когда, позвольте васъ спросить, выработается нашъ чудный, богатый языкъ, если люди высшаго образованія изгоняютъ его изъ гостиныхъ, если они даютъ примѣръ и среднему сословію пренебрегать роднымъ языкомъ, изъ страннаго предубѣжденія, что по-русски нельзя всего выразить такъ, какъ по-французски. Знать иностранные языки—обязанность каждаго образованнаго человѣка. Но зачѣмъ-же пренебрегать отечественнымъ? Грустно, а дѣлать нечего! Такимъ образомъ и Марья Петровна была ведена въ свое время и точно такъ же вела дочерей. Она страстно любила читать, не выпускала изъ рукъ книги; но должно отдать ей справедливость—строго разбирала, что можно было позволять читать молодымъ дѣвушкамъ, и потому Ольга и Вѣра не были испорчены морально, по-крайней-мѣрѣ, чтеніемъ ядовитыхъ созданій, которыя, вливая въ молодое сердце сладкую отраву, часто имѣютъ гибельное вліяніе на всю жизнь женщины. Конечно, Ольга и Вѣра не всегда въ Петербургѣ руководствовались вкусомъ матери; услужливыя пріятельницы иногда

сообщали имъ нѣкоторыя книги; но это все читано было поспѣшно, мимоходомъ, и потому не могло нанести чувствительнаго вреда молодому воображенію. Сергій Антоновичъ не читалъ ничего, кромѣ газетъ и сочиненій о хозяйствѣ, слѣдовательно ему не было никакой надобности, что читали дѣти. Но Марья Петровна заботилась объ этомъ и умѣла поселить въ дочеряхъ любовь къ чтенію.

Въ числѣ прочихъ вещей, доставленныхъ изъ Петербурга въ Дубровницы, пришли также и верховыя лошади Ольги и Вѣры, и это было если не первое удовольствіе дѣвушекъ, то ужъ, вѣроятно, не послѣднее. Кромѣ того, что въ хорошую погоду верховая ѣзда доставляла имъ пріятное развлеченіе, но во время этихъ дальнихъ прогулокъ въ поляхъ по свободѣ, сколько мечтаній закипало въ молодыхъ головкахъ! сколько пріятныхъ предположеній, заманчивыхъ надеждъ! И юныя амазонки, безстрашныя наѣздницы, часто возвращались домой въ сумерки, и цѣлый вечеръ разсказывали о какомъ-нибудь вновь открытомъ прекрасномъ мѣстоположеніи, или о встрѣченныхъ на большой дорогѣ экипажахъ.

Въ послѣднихъ числахъ сентября погода стояла довольно не хорошая. Въ Дубровницахъ въ залѣ накрытъ уже былъ столъ къ вечернему чаю. Ольга играла на фортепіано; Сергій Антоновичъ читалъ только-что полученныя газеты; Марья Петровна ходила по комнатамъ, а Вѣра, какъ дежурная, разставляла чашки и приготавливала тартинки. На дворѣ послышался стукъ экипажа. Всѣ переглянулись между собою; гость былъ еще неслышанная рѣдкость въ Дубровницахъ. Черезъ нѣсколько секундъ лошади остановились у крыльца, и человекъ подошелъ къ Марьѣ Петровнѣ съ докладомъ:

— Помѣщикъ Иванъ Яковлевичъ Рябо.

— Сергій Антоновичъ! Слышите-ли пріѣхалъ какой-то помѣщикъ Рябо!

— Но какъ-же, вечеромъ?

— А можетъ-быть, что-нибудь интересное! прибавила Ольга, вставая изъ-за фортепіано и подходя къ столу.

— Какъ быть? говорилъ Сергій Антоновичъ.

— Вѣроятно, въ деревняхъ такое обыкновеніе. Проси! сказала Марья Петровна.

И все семейство усѣлось за чайный столъ, а въ это время внесли кипящій серебряный самоваръ, и ловкій слуга въ одну секунду зажегъ и поставилъ двѣ лишнія свѣчи. Скоро послышались

торопливые шаги въ передней, отворилась дверь, и Иванъ Яковлевичъ, расшаркавшись, прямо подошелъ къ Марьѣ Петровнѣ.

— Имѣю честь рекомендоваться: Иванъ Яковлевъ сынъ Рябко, здѣшній помѣщикъ.

— Очень пріятно.

Сергѣй Антоновичъ безмолвно протянулъ гостю руку.

— Это мужъ мой, сказала Марья Петровна.

— За честь себя поставилъ побывать у васъ, тѣмъ болѣе, что имѣю необходимое дѣло.

— Неудобно-ли садиться, — сказалъ Сергѣй Антоновичъ. — О дѣлѣ мы успѣемъ поговорить, а между-тѣмъ неудобно-ли откушать съ нами чаю.

Иванъ Яковлевичъ усѣлся возлѣ хозяйки. На немъ былъ синій фракъ довольно порядочнаго фасона, съ металлическими пуговицами; на шеѣ огромнымъ бантомъ повязанъ былъ какой-то радужный галстухъ. Впрочемъ, въ наружности Ивана Яковлевича не было ничего особенно-поразительнаго, и всѣ смотрѣли на него съ особеннымъ любопытствомъ, какъ на человѣка, съ которымъ приходилось жить много времени.

Вѣра налила чай, каждый взялъ свою чашку, и Иванъ Яковлевичъ обратился къ хозяину:

— Вамъ незнакомъ губернскій предводитель?

— Нѣтъ, не имѣю чести знать.

— А вотъ я отъ него съ порученіемъ. Видите-ли, мы съ нимъ большіе пріатели по Петербургу.

— Вы жили въ Петербургѣ? спросила Марья Петровна.

— Пятнадцать лѣтъ безвыѣздно.

— Служили? спросилъ Сергѣй Антоновичъ.

— При Дворѣ. Впрочемъ это было давно. Нынѣшній губернскій предводитель былъ у меня подъ начальствомъ, и я, какъ говорится, держалъ его въ ежовыхъ рукавицахъ. Ну, извѣстное дѣло, мальчикъ молодой!.. Петербургъ—столица... знаете, того... А теперь, конечно, сохранилась дружба, потому-что, на выборахъ я таки много употребилъ вліянія на губернію; онъ это понимаетъ. Чуть только пріѣду въ губернскій городъ, Боже сохрани гдѣ-нибудь остановиться! сейчасъ перетащить меня къ себѣ, уступить кабинетъ... мало кабинета, отдастъ гостиную, однимъ словомъ дѣлаетъ мнѣ всевозможныя комфортабельности.

— И какого-же рода онъ сдѣлалъ вамъ порученіе?

— Очень важное. Видите-ли: наше дворянство собирается

10761

подать министру проектъ на счетъ желѣзной дороги. Я ужъ, правду сказать, и писалъ министру объ этомъ, но держу еще въ секретѣ. Черезъ нашъ уѣздъ пролегаетъ необыкновенно важный торговый путь, и если принять въ соображеніе огромный сбытъ нашихъ продуктовъ—говорю относительно сырыхъ матеріаловъ...

— А! произнесъ Сергѣй Антоновичъ.

— Мы можемъ разбогатѣть изумительно-скоро. А какъ правительству и безъ нашего проекта много издержекъ, то мы и будемъ просить позволенія учредить на акціяхъ постройку желѣзной дороги.

— Куда-же, смѣю спросить?

— Куда? Разумѣется, въ Петербургъ.

— Но вѣдь для этого нужны огромныя средства и...

— Все предусмотрено! Видите-ли, ужъ предполагено провести желѣзную дорогу изъ Одессы въ Петербургъ; но какъ эта дорога пролегаетъ въ осьмидесяти верстахъ отъ нашего города, то мы и хотимъ просить, чтобъ провели ее черезъ нашъ городъ, а что придется лишняго, мы сложимся.

— Это другое дѣло! Но я теперь не знаю по своимъ средствамъ...

— О, не беспокойтесь! Предводитель только просить мнѣнія просвѣщенныхъ помѣщиковъ. А какъ ваше превосходительство извоили долго жить въ Петербургѣ и, конечно, постигаете эти вещи лучше многихъ, то я буду просить васъ написать намъ статью о состояніи вашего имѣнія и о томъ, какая можетъ произойти польза вашей экономіи отъ устройства желѣзной дороги.

— Поблагодарите отъ меня г. губернскаго предводителя за лестное вниманіе, а я соберу матеріалы и непременно приготовлю мнѣніе. Какъ пріятно, что у насъ, въ провинціяхъ, такъ дѣятельно занимаются общественнымъ благосостояніемъ!

— О, я уже давно хлопочу объ этомъ и радуюсь, что наконецъ удалось склонить нашихъ помѣщиковъ къ серіознымъ занятіямъ.

— Значить, если не ошибаюсь, губернія обязана вамъ предполагаемымъ проектомъ.

— Не то чтобъ именно мнѣ,—отвѣчалъ Рябко съ самодовольною улыбкою:—но, знаете ли, старинныя связи, можно сказать дружба въ столицѣ...

— Вѣроятно, у насъ много общихъ знакомыхъ въ Петербургѣ.

— Безъ сомнѣнія. Но, — прибавилъ скороговоркою Иванъ

Яковлевичъ:—предположеніе на счетъ желѣзной дороги потребуеть на первый разъ значительныхъ издержекъ.

Сергѣй Антоновичъ вздохнулъ.

— Къ сожалѣнію, въ настоящее время я не могу располагать лишними деньгами.

— Э, помилуйте, была-бы голова! У насъ не столица: нужны вамъ деньги—только слово сосѣдямъ: о подобной бездѣлицѣ нѣтъ и разговоровъ. Сдѣлайте милость, если случится надобность пять, десять тысячъ серебромъ—моя шкатулка къ вашимъ услугамъ.

— Сергѣй Антоновичъ выразительно взглянулъ на жену, а Марья Петровна начала вслушиваться внимательнѣе.

— Благодарю васъ, Иванъ Яковлевичъ... кажется, такъ ваше имя, если не ошибаюсь?

— Точно такъ.

— Благодарю васъ, Иванъ Яковлевичъ, я не имѣю надобности въ деньгахъ; но съ каждою минутой больше и больше удивляюсь какое превратное понятіе имѣютъ въ столицѣ о доброй провинціи.

— Э, то-ли еще вы здѣсь узнаете!

— А живутъ здѣсь весело?—спросила Марья Петровна.

— Отвѣнно весело, даже, можно сказать, суперфинъ? И Иванъ Яковлевичъ, сложивъ три пальца лѣвой руки, поднесъ ихъ къ губамъ.—Если хотите,—прибавилъ онъ съ улыбкой:—далеко до петербургскаго свѣта, но для провинціи, право, не дурно.

— Часто здѣсь танцуютъ?—спросила Ольга, которой давно уже хотѣлось узнать что-нибудь о сосѣдствѣ.

Иванъ Яковлевичъ поправилъ рукою волосы и внимательно посмотрѣлъ на Ольгу, отчего послѣдняя покраснѣла.

— Танцуютъ часто,—отвѣчалъ онъ:—но иногда остановка за кавалерами. На послѣднемъ балѣ у Егора Павловича военныхъ не было, и насилу могли собрать шесть паръ; а какъ дошло дѣло до мазурки, хозяйка просто увела меня изъ-за преферанса; я сдѣлалъ ей удовольствіе...

— А вы танцуете?—спросила Ольга.

— Иногда, въ особенности, если вижу какую миланку,—отвѣчалъ Иванъ Яковлевичъ, еще сильнѣе взъерошивая волосы.—Впрочемъ, эта мазурка стоила мнѣ дорого: я посадилъ за себя Григорья Александрыча, и онъ поставилъ восемь безъ трехъ и игралъ такъ, что я заплатилъ нѣтъсотъ рублей серебромъ.

— А, вы играете въ большую! замѣтилъ Сергѣй Антоновичъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Рябко, укладывая ногу на ногу:—мы играли по маленькой, по цѣлковому призь.

Блонскій снова выразительно посмотрѣлъ на жену, а Марья Петровна спросила.

— *Desirez vous encore une tasse?*

Къ счастью, она посмотрѣла на чашку въ это время, и Рябко догадался въ чемъ дѣло.

— Съ удовольствіемъ,—отвѣчалъ онъ:—у васъ такой прекрасный чай.

Вѣра успѣшила налить чашку.

— Вы курите?—спросилъ Сергѣй Антоновичъ.

— Курю.

— Неудобно-ли ко мнѣ въ кабинетъ.

— Впрочемъ, я готовъ отказаться отъ сигары, чтобъ имѣть больше времени наслаждаться дамскою бесѣдой.

— Мнѣ кажется, въ деревнѣ можно позволить вамъ курить и въ нашемъ присутствіи, — сказала, улыбаясь, Марья Петровна:— тѣмъ болѣе, что одна сигара *не надѣляетъ много дыму*.

— О, у меня самыя превосходныя сигары, самый высшій сортъ изъ Петербурга, по сорока цѣлковыхъ сотня.

Вынувъ изъ кармана пачку, Иванъ Яковлевичъ проверно опустил ее подъ столъ, чтобъ не замѣтили фирмы и цѣны, ловко выдернулъ одну сигару и зажегъ такую Ригу, что Марья Петровна закашлялась, а Сергѣй Антоновичъ немного поморщился.

— У насъ невозможно достать хорошихъ сигаръ, продолжалъ Рябко, но я имѣю по случаю: у меня есть пріятель, посланникъ въ Мексикъ, онъ присылаетъ мнѣ тысячами, хотя, разумѣется, я раздариваю половину. Впрочемъ, кажется, дома въ погребѣ осталось еще тысячи три...

Все это было сказано необыкновенно скоро. Конечно, какъ-то странно зазвучало слово посланникъ въ Мексикъ, но Иванъ Яковлевичъ запустилъ такой дымъ изъ своей дорогой сигары, что сидѣвшая напротивъ Ольга начала чихать, а Марья Петровна отворотилась.

— Недавно я послалъ сотню губернатору, и онъ мнѣ пишетъ, что въ жизнь свою не курилъ ничего лучше.

— Сигары ваши, должно-быть, очень крѣпки, проговорила Марья Петровна.

— Какъ спиртъ. Онъ очень стары; а сигара тѣмъ старѣе, тѣмъ крѣпче. Моимъ лѣтъ полтора ста будетъ, писалъ посланникъ.

Дамы однако же не выдержали и встали изъ-за стола, исключая бѣдной Вѣры, которая, по обязанности дежурной, должна была сидѣть возлѣ самовара.

— Человѣкъ! дай мнѣ, братецъ, блюдечко отряхивать золу! сказалъ Иванъ Яковлевичъ, знавшій всѣ приличія.

Сергѣй Антоновичъ позвонилъ и приказалъ подать пепельницу.

— Вы далеко живете? спросила Марья Петровна, удалившаяся въ самый уголъ залы и помѣстившаяся неосмотрительно у столика.

Иванъ Яковлевичъ въ минуту перенесъ къ ней чашку и пепельницу, и усѣлся возлѣ.

— Сорокъ верстъ, сударыня, отвѣчалъ онъ.

— Сорокъ верстъ — такъ далеко!

— Это васъ удивляетъ.

— Но вамъ сегодня невозможно возвратиться домой. Сергѣй Антоновичъ, прикажите распорядиться, чтобъ имъ отвели комнату.

— Это, вѣроятно, уже исполнено, душа моя: управляющій, безъ сомнѣнія, распорядился.

— Очень вамъ благодаренъ, сказалъ Иванъ Яковлевичъ. Впрочемъ, съ разсвѣтомъ завтра я выѣзжаю.

— Какъ? вы не откушаете завтра съ нами? спросила Марья Петровна, вставая со стула и переходя подальше на другое мѣсто.

— Не могу, — отвѣчалъ Иванъ Яковлевичъ, перенося свою чашку и пепельницу и сядясь поближе къ Марьѣ Петровнѣ: — завтра Покровъ, и въ тридцати верстахъ именинница одна моя хорошая знакомая. Тамъ будетъ балъ, съѣдутся сосѣди. Я далъ слово.

— Какъ жаль! А мы вотъ не можемъ собраться сдѣлать необходимые визиты. Кажется, у насъ много сосѣдей?

— Чрезвычайно много. Совѣтую вамъ въ особенности познакомиться съ Анной Николаевной: вотъ компанія для вашихъ дочерей, двѣ дѣвушки — чудо! обѣ институтки.

— Кто же эта Анна Николаевна?

— Помѣщица Селенкина.

— Далекое?

— Верстъ десять.

— Кто же еще изъ близкихъ сосѣдей?

— Предводитель верстахъ въ пятнадцати. Тоже дочь не вѣста.

— Скажите пожалуйста, что это за развалины недалеко отъ насъ? спросила Ольга.

— Это бывшее жилище Кренскихъ. Вотъ еще у васъ сосѣдъ, мой закадычный другъ. Ну, ужъ это человѣкъ! Конечно, у него много странностей, но говорить какъ книга.

— Молодой человѣкъ? спросила Ольга.

— Не то, чтобъ молодой, но и не старый, моихъ лѣтъ, bon vivant, знаете, этакъ... мизантропъ, но душевный малый.

И много рассказывалъ Иванъ Яковлевичъ. Онъ все ожидалъ, что вотъ начнутъ готовить къ ужину. Но—увы! часу въ двенадцатомъ Марья Петровна встала съ своего мѣста, протянула гостю руку и пожелала спокойной ночи, прося пожаловать въ Дубровницы; дѣвицы ему поклонились; Сергѣй Антоновичъ попросилъ о продолженіи знакомства и объявилъ, что, при первой возможности, побываетъ у него и привезетъ свое мнѣніе на счетъ проекта желѣзной дороги. Иванъ Яковлевичъ ловко раскланялся и, повѣсивъ носъ, отправился въ назначенную комнату. Все для гостя было приготовлено какъ слѣдуетъ; даже на столикъ стоялъ серебряный подносъ, на которомъ не позабыли поставить крафинь свѣжей воды и бутылку краснаго вина; но Рябко, пообедавъ гдѣ-то на постояломъ, ужасно проголодался.

— Знаешь ли, братъ,—сказалъ онъ человѣку Блонскихъ:—у меня страшная изжога: не можешь ли ты мнѣ достать чернаго хлѣба, только, знаешь, этакъ, побольше; я вырѣжу себѣ какъ знаю.

— Слушаю, сударь.

— Да нельзя ли достать и кувшинъ молока? У меня, знаешь, маленькая собачонка... Фиделька! Фиделька!—продолжалъ Рябко, поглядывая на всѣ стороны и прищелкивая губами такимъ образомъ, какъ это дѣлается, если кличутъ собаку.

Человѣкъ Блонскихъ засуетился; но человѣкъ Ивана Яковлевича не трогался съ мѣста.

— Ты зачѣмъ ухмыляешься? — спросилъ Иванъ Яковлевичъ, обращаясь къ своему лакею.—Гдѣ Фиделька?

— Должно-быть, въ коляскѣ осталась,—отвѣчалъ лакей.

— Принести сей-часъ! А ты, братецъ, того-уже, нельзя ли похлопотать молочка и, знаешь, этакъ, если можно и со сливками: бѣдная собаченка привыкла ѣсть хорошо.

— Слушаю, сударь.

Черезъ четверть часа Иванъ Яковлевичъ услышалъ разговоръ въ сосѣдней комнатѣ:

— Что, братъ, отыскалъ собаку?

— Да какая у чорта собака! у насъ ее никогда не бывало.

— Ну, а молоко-то зачѣмъ?

— Должно-быть самъ голодень.

Притворивъ дверь, Иванъ Яковлевичъ распоряжался около кувшина.

IV.

Наконецъ Блонскіе сдѣлали визиты ближайшимъ сосѣдямъ, и вездѣ были радушно приняты. Общее мнѣніе было въ ихъ пользу, только дѣвушекъ назвали немного странными, и точно онѣ были словно дикарки въ томъ обществѣ. Въ деревняхъ инья приличія свѣта хотя и копируются со столичныхъ, но, такъ, порой удаляются отъ своего первообраза, проходя по многоразличнымъ слоямъ уѣздныхъ обществъ, что принимаютъ совершенно другую форму и дѣлаются неузнаваемы. То упрекали Ольгу и Вѣру въ гордости, то находили обращеніе ихъ вольнымъ, то укоряли въ тщеславіи, и надо правду сказать, что болѣе доставалось Ольгѣ, потому-что она была красавица и могла-быть опасною молодымъ сосѣдкамъ, а Вѣра заслуживала снисхожденіе. Иванъ Яковлевичъ Рябко, отлично исполнивъ порученіе, вездѣ отчетливо описалъ семейство Блонскихъ, такъ-что прежде чѣмъ показывались они у сосѣдей, всѣ знали уже Сергѣя Антоновича, Марью Петровну и обѣихъ дѣвушекъ. Разумѣется, Марья Петровнѣ не понравился этотъ образъ жизни; но Сергѣй Антоновичъ скоро примирился съ сосѣдами, въ особенности когда постоянно вездѣ оказывали ему уваженіе, величали вашимъ превосходительствомъ и мнѣніе его считали окончательнымъ. Сначала при каждомъ визитѣ онъ заводилъ разговоръ о проектѣ желѣзной дороги, но всѣ съ недоумѣніемъ по-сматривали на него, спрашивали, кто сообщилъ ему объ этомъ, и когда узнавали, что Рябко—всеобщій смѣхъ озадачивалъ его превосходительство. И скоро Блонскіе оцѣнили, какъ слѣдуетъ, Ивана Яковлевича, которому, впрочемъ, не было житья отъ проекта желѣзной дороги.

Не имѣя причины прекратить только-что начавшееся знакомство, а въ особенности не желая лишать дѣтей хотя какихъ-нибудь развлеченій, Блонскіе рѣшили дать у себя вечеръ, во-первыхъ, чтобъ отплатить сосѣдямъ за радушное угощеніе, во-вторыхъ, можетъ-быть, и показать какъ надо принимать гостей. Вечеръ назначенъ былъ на 12-е ноября, и всѣ приглашен-

ные обѣщали прїѣхать непременно. Блонскимъ оставалась цѣлая недѣля для необходимыхъ приготовленій. Марья Петровна мигомъ поняла въ чемъ состояли главныя условія удобствъ для гостей, и занялась вмѣстѣ съ управляющимъ приготовленіемъ комнатъ для прїѣзжихъ; что не представляло никакихъ затрудненій, потому-что господскій дворъ въ Дубровницахъ былъ застроенъ множествомъ флигелей. Управляющій чрезвычайно помогъ попечительной хозяйкѣ и знаніемъ дѣла, а больше знаніемъ обычаевъ; кромѣ того, что онъ самъ хлопоталъ какъ и гдѣ убрать комнаты, но позаботился и о помѣщеніи лошадей и экипажей, и отрекомендовалъ одну знакомую, которая могла распорядиться продовольствіемъ гостей и слугъ во время съѣзда, а этого, конечно, не могла сдѣлать петербургская экономка. Дѣвушки чрезвычайно были довольны возможностью повеселиться, но — увы! на двухъ балахъ, на которыхъ были онѣ, имъ не встрѣтился ни одинъ порядочный молодой человѣкъ, а все какіе-то странные юноши и красивые собою, но одѣтые пестро, и странно образованные, такъ-что Иванъ Яковлевичъ Рябко превосходилъ ихъ умомъ и костюмомъ. На бѣду, именно въ это самое время нѣсколько порядочныхъ молодыхъ людей не могли почему-то быть на балахъ, куда прїѣзжали Блонскіе, и Вѣрѣ и Ольгѣ доставалось танцовать или съ уздными франтиками средней руки, или со стариками, давно уже отвыкшими отъ свѣтской бесѣды. Одинъ матушкинъ сыночекъ, Андрей Ивановичъ Луцкій, молодой человѣкъ, уволенный изъ четвертаго класса гимназій и давно убивавшій праздно время, началь-было пристально ухаживать за Ольгой; но напрасно отпускалъ ей самыя отчаянныя любезности, рассказывалъ самыя забавныя анекдоты, остроумно (по его мнѣнію) подсмѣивался надъ Иваномъ Яковлевичемъ, ничто не помогало, и Луцкій надулся на петербургскую красавицу. Одинъ очень богатый старый холостякъ, Петръ Мартыновичъ Сурминъ, тоже увлекся красотой Ольги; но этотъ сію же минуту, по секрету, объявилъ прїятелямъ, что если бѣ она пошла за него, онъ согласенъ до вѣнца записать ей тысячу душъ. Последнее обстоятельство было весьма тонко передано Марьѣ Петровнѣ, которая, конечно, не подала вида, что это ей очень прїятно, однако начала дипломатически разузнавать о Петрѣ Мартыновичѣ и, какъ свѣтская женщина, обворожила его своею любезностью. Но Ольга, при всей свѣтскости, при всемъ умѣньи владѣть собою, не могла преодолѣть въ себѣ отвращенія, когда подходилъ къ ней Сурминъ и густымъ басомъ отпускалъ ей неуклюжіи комплименты,

или просилъ дотронуться хоть однимъ пальчикомъ до карты, которую предлагали ему для преферанса.

Петръ Мартыновичъ былъ одинъ изъ тѣхъ забубенныхъ головъ, одинъ изъ тѣхъ теплыхъ ребятъ, которые, получивъ огромное состояніе, но не получивъ ни какого образованія, выходятъ въ двадцать лѣтъ въ отставку и живутъ въ отъѣздѣмъ полѣ до-тѣхъ-поръ, пока сѣдины и морщины не напомнятъ имъ, что пора подумать о будущемъ. Онъ не былъ ни картежникомъ, ни пьяницей, слѣдовательно не могъ прокутить состоянія; но не прочь былъ швырнуть пукъ ассигнацій за пѣсни цыганкѣ, пропонтировать въ штось тысячку, другую, и нарѣзаться мертвецки для компаній. Онъ швырялъ подъ-часъ деньги, проигрывалъ ихъ и прошивалъ, но не поддавался ни одной изъ этихъ страстей, а поступалъ по своей любимой пословицѣ: за компанію и жидъ удавился. Одна была у него страсть — къ охотѣ, и ужъ правду сказать, рѣдко гдѣ можно было найти подобныхъ собакъ, какъ у Петра Мартыновича, подобныхъ псарей, стрѣлковъ и вообще всего что относилось къ этому роду удовольствій. Въ отъѣздѣмъ полѣ не имѣлъ онъ себѣ равнаго по цѣлой губерніи, и слава о немъ далеко гремѣла между охотниками. Вершковъ десяти росту, довольно плотный, Петръ Мартыновичъ имѣлъ весьма обыкновенное лицо, носившее, однако жъ, на себѣ выраженіе какой-то дикости, въ особенности, когда онъ нахмуривалъ нависшія брови и отъ чего нибудь приходилъ въ неудовольствіе; но если рассказывалъ о какомъ-нибудь знаменитомъ охотничьемъ подвигѣ, черты лица принимали особенную мягкость, глаза блистали, станъ распрямлялся, и вообще вся эта оригинальная фигура имѣла тогда свою занимательность. Сурминъ обыкновенно бывалъ на всѣхъ сѣздахъ у сосѣдей, распределяя маршрутъ своей охоты такимъ-образомъ, что полевалъ гдѣ-нибудь вблизи имянинника или имянинницы, и, являясь съ поздравленіемъ, доставлялъ въ подарокъ огромное количество разнообразной дичи. Въ-самомъ-дѣлѣ, Сурминъ былъ хорошій сосѣдъ и добрый человѣкъ, совершенно простой, но очень богатый и любившій повеселиться. Ольга сначала и не примѣтила, что Петръ Мартыновичъ строилъ ей куры; ей казалось, что этотъ оригиналъ въ венгеркѣ безкорыстно любезничалъ съ нею, какъ и многіе изъ пожилыхъ помѣщиковъ; но когда онъ подсѣлъ къ ней за ужиномъ и нѣжно смотря на нее, началъ выражать свою страсть довольно ясно, она испугалась и пришла въ замѣшательство.

За Вѣрой никто не ухаживалъ: наружность бѣдняжки никого

не привлекала; любезности ея и остроумія замѣтить было некому, слѣдовательно она оставалась свободною отъ всѣхъ преслѣдованій. Впрочемъ, Вѣра веселилась, много смѣялась и утѣшалась нѣкоторыми сценами, вокругъ нея происходившими. Разумѣется, она сразу замѣтила обожателей сестры, и у молодыхъ дѣвушекъ, по возвращеніи домой, бывали огромные запасы для разговоровъ. Ни Луцкій, ни Сурминъ не могли понравиться Ольгѣ, но тотъ и другой были приглашены, въ числѣ прочихъ, на 12-е ноября въ Дубровницу: первый, какъ танцоръ, послѣдній, какъ богатый женихъ, для котораго Марья Петровна секретно приказала устроить помѣщеніе съ бѣльшими удобствами.

Сергѣй Антоновичъ давно уже былъ съ визитомъ у ближайшаго сосѣда Кренскаго, но не засталъ дома, потому-что Арсеній Андреевичъ выѣхалъ, какъ говорили, въ дальнюю деревню, и такимъ образомъ Блонскіе не были знакомы только съ Кренскимъ, знакомство съ которымъ было тѣмъ для нихъ интереснѣе, что всѣ отзывались о немъ какъ о прекрасномъ человѣкѣ, хотя каждый находилъ въ немъ какую-нибудь оригинальную сторону. Многие даже предсказывали Марьѣ Петровнѣ, что онъ непременно будетъ въ Дубровницахъ, но одинъ только разъ, потому-что дичится и бѣгаетъ дамскаго общества. Конечно, это еще болѣе заинтересовало Блонскихъ. Нѣкоторыя матушки взрослыхъ дочекъ рассказывали Марьѣ Петровнѣ подъ-рукою разныя свои догадки на счетъ Арсенія Андреевича, но Блонская очень ясно видѣла откуда происходили всѣ эти догадки о богатомъ холостомъ человѣкѣ, избѣгавшемъ сътей супружества.

8-го ноября утро было прелестное. Прощаясь съ природой и готовясь сдать ее суровой предшественницѣ, осень, какъ бы нарочно, хотѣла оставить по себѣ отрадное воспоминаніе и убрала всевозможною прелестью остатки своихъ нарядовъ. Солнце ярко свѣтило на безоблачномъ небѣ; самый легкій вѣтерокъ чуть-чуть шевелилъ оставшимися разноцвѣтными листьями на деревьяхъ; запоздалые цвѣтки кое-гдѣ еще торчали на полуувядшихъ стебляхъ, а по отлогостямъ холмовъ зеленѣла молоденькая травка, какъ-бы и не предчувствуя, что скоро наступятъ морозы. Пользуясь такимъ превосходнымъ утромъ, Ольга и Вѣра получили позволеніе проѣхать верхомъ до обѣда, и, наскоро позавтракавъ, отправились въ сопровожденіи берейтора. Рѣзвымъ шагомъ шли ихъ красивыя лошади и, миновавъ деревню, дѣвушки своротили съ большой дороги.

— Куда же мы поѣдемъ, Вѣра?

— Я полагаю что это ужъ послѣдній разъ, и потому надо продолжать прогулку.

— О, непременно!

— Мнѣ кажется, мы можемъ переѣхать этотъ оврагъ, который подходитъ къ нашему саду.

— Прекрасно!

— А оттуда, черезъ красивую деревню, вонъ что блеститъ крестъ колокольни, могли бы отправиться къ развалинамъ.

— Ахъ, превосходно! и, знаешь ли, мы посмотримъ на нихъ вблизи.

— Туда отправимся шагомъ, а оттуда въ галопъ.

— Прекрасно!

И дѣвушки весело засмѣялись отъ предполагаемаго удовольствія.

— Однако, Вѣра, 12-го у насъ будетъ мало кавалеровъ.

— Тебѣ нечего хлопотать: Лукцій и Сурминъ явятся непременно.

— Гадкая!

— Одинъ будетъ танцовать съ тобою, другой любезничать.

— Фи!

— Кромѣ шутокъ, этотъ Лукцій влюбленъ въ тебя.

— Мальчишка!

— А Сурминъ, просто, растаетъ...

— Воронье пугало?

— Однако, у этого пугала огромное состояніе.

— Monstre!

— А главное, необразованъ; однако онъ старъ.

— За сорокъ.

— Но страшно богатъ. Впрочемъ, по-моему, не въ богатствѣ счастье. Смѣйся, но я начинаю свѣкаться съ этой тихой деревенской жизнью.

— Я и сама привыкла. Только, знаешь ли, и въ деревнѣ двѣ, три тысячи душъ не мѣшаетъ: можно разъ въ годъ съѣздить въ Петербургъ.

— Даже прожить зиму...

— Хоть мѣсяць или два, а потомъ возвратиться въ деревню, убрать домъ со всевозможною роскошью.

— Выходи за Сурмана.

— Ахъ, отстань, Вѣра! Положимъ, что онъ угождалъ бы мнѣ, но можно ли показать его въ столицѣ?..

— Есть тамъ еще и хуже, милая моя.

— По-крайней-мѣрѣ нѣтъ этихъ медвѣжьихъ ухватокъ, этихъ черезчуръ нецеремонныхъ выраженій... Наконецъ ни за что въ свѣтъ не вышла бы я за подобнаго чловѣка.

— Я совершенно согласна съ тобою.

— О, надо слишкомъ цѣнить богатство, чтобъ рѣшиться на подобную жертву! Однако, Вѣра, пора закурить папироску.

— Давно пора,—сказала Вѣра, зажигая спичку и подѣзжая къ сестрѣ, чтобъ сообщить ей огня:—а между-тѣмъ надо подумать и о папироскахъ: остался вѣдь одинъ ящикъ.

— Я ужъ просила управляющаго, онъ обѣщаль.

— Да можно ли здѣсь достать порядочныхъ?

— Говорить, какихъ угодно.

— Посмотримъ. Ну, Ольга, и такъ ты не ожидаешь 12-го ничего особеннаго?

— Рѣшительно ничего. А ты?

— Я? Но развѣ ты не знаешь, что я почти отеклась отъ того, что такъ живо занимаетъ дѣвушекъ въ наши лѣта! Ты лучше всѣхъ знаешь, какъ мало у меня претензіи, какъ благоразумно мое самолюбіе. Когда еще всѣ знали, что у Вѣры Блонской больше двухъ тысячъ душъ приданаго, у нея не было недостатка въ обожателяхъ, а теперь...

— Но стоитъ узнать тебя, твою душу, твой умъ...

— Все это, другъ мой, въ такой некрасивой оболочкѣ, что мнѣ не разъ приходило на мысль надѣть желѣзную маску. Наружность первое.

— По-моему последнее.

— Ну, нѣтъ, не говори этого.

— Конечно; но вѣдь ненужно особенной красоты, а приятность, выраженіе...

— Но мнѣ кажется, у меня отталкивающее выраженіе!

— Вѣра!.. сказала Ольга растроганнымъ голосомъ:

— Перестанемъ говорить объ этомъ... отвѣчала грустно Вѣра, и двѣ слезинки тихо покатались по лицу ея.

Нѣсколько шаговъ сестры вѣхали молча, передавая другъ другу папироску. Превосходный кабріолетъ, запряженный кровною англійскою лошадыю, поравнялся съ ними. Въ немъ сидѣлъ красивый мужчина—не первой молодости, и искусно управлялъ стат-

ной лошадыю, а позади сидѣлъ небольшого роста стройный мальчикъ въ черкесскомъ костюмѣ. Незнакомецъ пристально взглянулъ на амазонокъ, своротилъ съ дороги и быстрѣ понесся по направленію къ Дубровницамъ.

— Какъ ты думаешь, Вѣра, не къ намъ ли?

— Можетъ-быть. Но кто это? Замѣтила ты какое благородное лицо?

— А замѣтила ты, что за лошадь?

— Нѣтъ; но эти большіе глаза и эта грустная задумчивость!.. Вотъ мужчина, который могъ бы заставить полюбить себя, прибавила Вѣра.

— Поздравляю!

— Ребячество! Но я не думаю чтобъ это былъ кто-нибудь изъ сосѣдей: вѣроятно нездѣшній

— А можетъ-быть Кренскій.

— Ахъ, да, въ-самомъ-дѣлѣ! Говорятъ, онъ человѣкъ высокаго образованія, только чудакъ.

— Это еще посмотримъ. Однако, Вѣра, мнѣ наскучило ѣхать шагомъ,

— Поѣдемъ шибче.

И дѣвушки пустились галопомъ по большой, но гладкой дорогѣ, пролегавшей между небольшимъ кустарникомъ. Черезъ часъ онѣ были на берегу рѣки противъ живописныхъ развалинъ. Виды открывались превосходные. Весь противоположный лѣсистый берегъ крупными, отвѣсными уступами спускался къ рѣкѣ и отражался въ спокойной глубинѣ ея со всеми своими разнообразными красотоми. Величественныя развалины, выходя изъ-за густыхъ дубовъ, живописно рисовались на фонѣ безоблачнаго неба. Одна башенка сохранилась еще въ цѣлости и гордо выносила свою зубчатую вершину, которую галки обѣли вокругъ, и крикомъ наполняли окрестность.

— Надо непременно осмотрѣть развалины, — говорила Ольга, и подозвала берейтора. — Какъ ты думаешь, Иванъ, — продолжала она: — можно ли пойти посмотрѣть развалины?

— А почему же нельзя, сударыня? Я привяжу лошадей и пойду за вами.

— Но тамъ ничего нѣтъ опаснаго?

— А мы посмотримъ, можно ли ходить, или нѣтъ, по лѣстницамъ.

И амазонки галопомъ взѣхали на плотину и, поворотивъ на-

лѣво, скоро очутились у разрушенныхъ столбовъ, гдѣ были нѣкогда ворота, и по широкой, хотя заросшей дорогѣ, поднялись къ самому замку. Большой зеленый дворъ, окруженный полуразвалившеюся оградой, былъ устланъ чудной молоденькой травкой, по которой бѣжали, въ разныхъ направленіяхъ, вытоптанныя дорожки. Казалось, что развалины если и не были обитаемы, то люди ихъ посѣщали. Но невозмутимая тишина господствовала вокругъ стариннаго жилища; только высоко раздавался однообразный грустный крикъ галокъ. У главнаго подъезда сохранилось въ цѣлости крыльцо изъ каменныхъ плитъ и осталось нѣсколько желѣзныхъ колецъ, къ которымъ берейторъ и привязалъ лошадей, пособивъ барышнямъ сойти на землю. Но парадный входъ былъ заваленъ кучами упавшихъ камней и войти небыло никакой возможности. Дѣвушки обошли вокругъ огромнаго трехъэтажнаго зданія и съ любопытствомъ смотрѣли на красивую лѣпную работу, которою украшены были окна и балконы втораго этажа. На западномъ углу, куда вела довольно-утоптанная дорожка, амазонки остановились. Тяжелая дубовая дверь была отворена, и широкія каменные ступеньки лѣстницы такъ сохранились, какъ-бы вели въ какое-нибудь обитаемое жилище. Дѣвушки немного задумались. Вѣра почувствовала дрожь; но рѣзвая Ольга ужъ взбѣжала на третью ступеньку и начала смѣяться надъ трусостью сестры. Сопутствующая Иваномъ, Вѣра преодолѣла страхъ, и скоро сестры вошли въ обширную залу. Грустная картина представилась взорамъ любопытныхъ дѣвушекъ: это была огромная парадная зала въ два свѣта, поддерживаемая двумя рядами колоннъ. Стѣны были украшены живописью, на паркеты поломаны; иные простѣнки выпали, и какой-то странный свѣтъ господствовалъ въ этой пустынной залѣ, а сквозной вѣтеръ носилъ по ней кучи засохшихъ листьевъ. Берейторъ не совѣтовалъ барышнямъ итти далѣе, изъ боязни, чтобъ не обрушился потолокъ, и амазонки съ сожалѣніемъ возвратились на лѣстницу. Направо отворена была дверь, и неразрушенные ступеньки снова приглашали путешественницъ взойти наверхъ. Ольга опять подала примѣръ, взбѣжала по лѣстницѣ и остановилась. Дверь была заперта, а винтообразная каменная лѣстница извивалась еще выше.

— Какъ ты думаешь, Вѣра?

— Не знаю.

— Лѣстница вѣдь крѣпка.

— Не обрушится бы.

Ольга попробовала ножкой нижнюю ступеньку.

— Право не опасно, Вѣра!

И, не слушая возраженій сестры, Ольга пустилась вверхъ, взоща по дѣстницѣ и очутилась у небольшой притворенной двери, на которой, казалось, даже былъ новый замокъ. Недолго думавъ, Ольга поверотила ручку замка, отворила дверь, вошла въ круглую комнату и ахнула. Вѣра робко за нею послѣдовала и ахнула въ свою очередь. Круглая комната была меблирована, и огромная бѣлая съ коричневыми пятнами собака приподнялась съ дивана при входѣ незнакомыхъ посѣтителей. Страхъ дѣвушекъ однако же прошелъ, потому-что собака не показывала никакихъ непріязненныхъ движеній, а только подошла къ двери и улеглась на порогъ.

— Что дѣлать, Вѣра?

— Возвратиться назадъ.

— Но виды отсюда должны быть превосходны.

— Однако жъ зайти въ незнакомый домъ...

И только-что дѣвушки подошли-было къ двери, какъ лягавая собака заворчала.

— Иванъ! Иванъ!

— Что прикажете? отозвался берейторъ, стоя за дверью.

— Какъ бы отогнать эту собаку?

— Слушаю-съ.

Но собака начала сердито лаять при появленіи Ивана.

Не потерявъ присутствія духа, Ольга рѣшилась подойти къ собакѣ и начала говорить ей разныя нѣжности, которыми обыкновенно осыпаютъ собакъ, воображая, что это необыкновенно пріятно животному. И точно, собака замахала хвостомъ и въ глазахъ у нея отразилась благосклонность; но чуть Ольга подходила къ двери, собака начинала ворчать съизнова.

— Значить, Вѣра, мы въ заключеніи! Вотъ тебѣ и очарованный замокъ!

— Но любопытно знать, скоро ли явится рыцарь для нашего освобожденія!

— Какъ хочешь, а я со скуки начну разсматривать комнату.

Вѣра, въ свою очередь; попыталась-было умиловить собаку, но и ей не удалось любезности; Иванъ хотѣлъ употребить мѣры болѣе дѣятельныя, но встрѣтилъ такой сильный отпоръ, что Ольга и Вѣра приказали ему не покушаться на ихъ защиту.

Круглая комната была весьма просто меблирована, но видно

было, что здѣсь обиталъ человѣкъ образованный, потому—что на столахъ разбросаны были разнородные журналы на разныхъ языкахъ, лежали недоконченные рисунки, и въ двухъ окнахъ стояли довольно большія зрительныя трубки, а на маленькомъ столикѣ лежала развернутая большая книга, въ которой еще недавно писали. У одной стѣны помѣщались большіе чубуки, а выше развѣшены были ружья и различныя охотничьи принадлежности. Все это заняло двѣушекъ, любопытство которыхъ возрастало постепенно.

Благодаря живости характера, Ольга начинала ужъ строить воздушныя замки, но Вѣра сильно безпокоилась при мысли, что о нихъ подумаетъ жилецъ этой круглой комнаты.

— Вѣра, посмотри, что за превосходный ландшафтъ! точь-въ-точь долина, что за Дубровницами на большой дорогѣ, и какъ вѣрно срисовано! какой смѣлый карандашъ!

— А что за разнообразіе журналовъ!

— Но мнѣ ужасно хочется посмотрѣть, что написано въ этой книгѣ.

— Зачѣмъ стараться узнавать чужія тайны?

— А можетъ-быть, это и не тайны; и что за преступленіе взглянуть на страничку: вѣдь это не письмо.

И Ольга присѣла къ столу.

— Повѣрь, сказала она, что собака насъ не выпуститъ, пока не прійдетъ кто-нибудь, а лучше закури папирску, а я между-тѣмъ пробѣгу нѣсколько страницъ. О! да это какой-то необыкновенный пустынный,—продолжала Ольга, перелистывая книгу:—здѣсь есть разныя выписки... А вотъ—послушай!.. Ахъ, Вѣра, здѣсь есть повѣсть и вотъ начало: «Праздновать сродно всему человѣчеству въ мірѣ; но пировать при каждомъ удобномъ случаѣ чуть лишь ненаслѣдственная добродѣтель только славянскаго племени. Посмотрите на русскаго человѣка: онъ готовъ придратъ ко всему, чтобъ задать пиръ на весь міръ, и какъ характеризуетъ его въ этомъ случаѣ извѣстная пословица: «что есть въ печи на столъ мечи!» И точно, если русскій человѣкъ въ хорошемъ расположеніи духа, у него послѣдняя копѣйка ребромъ; будущее покрыто мракомъ неизвѣстности; давай намъ настоящее: пьется—пей, поется—пой, пляшется—пляши; но если грозитъ горе—не унывай! Вотъ настоящіе элементы, разумѣется, проявляющіеся въ разнообразныхъ формахъ; вотъ стихіи нашего народнаго характера». Но это довольно-скучно, однако жъ!

— Нѣтъ, Ольга, это не скучно, а показываетъ, что человѣкъ занимается серьезными вещами. Между-прочимъ, чтó мы будемъ дѣлать?

Въ это время на лѣстницѣ послышались шаги, и собака радостно замаяла. Ольга быстро оставила книгу и шепнула, взявъ сестру за руку:

— Хозяинъ!

Въ самомъ дѣлѣ, черезъ нѣсколько минутъ въ круглую комнату вошелъ тотъ самый мужчина, котораго амазонки наши встрѣтили въ кабриолетѣ. Съ улыбкою подошелъ онъ къ дѣвушкамъ.

— Извините, mesdames, невѣжливость моей собаки. Увидя вашихъ лошадей у крыльца, я сію же минуту догадался, что если вы какъ-нибудь зашли въ круглую комнату, то остались плѣнницами.

— Напротивъ, мы должны просить извиненія... мы не знали...

— Безъ сомнѣнія, вы не могли знать, что развалины эти обитаемы.

— Да, мы хотѣли взглянуть, какіе отсюда виды.

— И я очень радъ; только мнѣ совѣстно, что васъ встрѣтила маленькая непріятность. Я только-что изъ Дубровницъ; посидѣлъ нѣсколько минутъ и сказалъ вашей мамѣ, что встрѣтилъ васъ на дорогѣ. Имѣю честь представить себя—Кренскій.

— Намъ очень пріятно познакомиться, хотя и такимъ оригинальнымъ образомъ,—сказала Ольга:—но не говорили-ль вы мамѣ, что мы курили папироску? прибавила она съ улыбкой.

— Чуть-чуть было не сдѣлалъ этого промаха, но во-время опомнился. Однако, mesdames, когда уже счастливый случай занесъ васъ въ эти развалины, позвольте мнѣ угостить васъ, по крайней-мѣрѣ, видами. Не угодно ли подойти къ зрительнымъ трубамъ и полюбоваться на живописныя окрестности.

Дѣвушки не могли не восхищаться чудными видами, которые, съ помощью трубъ, представлялись ихъ взорамъ. Услужливый хозяинъ указывалъ имъ все, чтó только было достойно вниманія, и между-тѣмъ, удивительно ловко завязывалъ и поддерживалъ занимательный разговоръ о сосѣдяхъ и о деревенской жизни, открывая изумленнымъ сестрамъ и блестящее образование, и тонъ хорошаго общества.

Изъ круглой комнаты Кренскій повелъ гостей разными переходами въ домовую церковь, которая была нѣкогда великолѣпно отдѣлана. Однимъ словомъ, дѣвушки были въ восхищеніи.

— Не думайте, mesdames, — сказалъ Кренскій, при выходѣ изъ развалинъ: что я такой чудакъ, какъ обо мнѣ рассказываютъ въ сосѣдствѣ. Нѣсколько дней гостилъ у меня старый товарищъ-поэтъ, а известное дѣло, поэты—престранный народъ, и требовалъ непременно, чтобъ я уступилъ ему помѣщеніе въ этой башнѣ. Я такъ все и оставилъ послѣ его отъѣзда, и самъ иногда захожу сюда полюбоваться видами. Впрочемъ, надо признаться, что на этомъ парнасѣ довольно-холодно.

— Стоитъ только поставить желѣзную печку, замѣтила Ольга.

— А въ самомъ-дѣлѣ, мнѣ этого не пришло въ голову.

Ольга засмѣялась.

— Советовалъ бы вамъ, mesdames, сойти пѣшкомъ подь гору.

Въ это время подошелъ молодой черкесъ.

— Сбѣгай, Селимъ, принеси стулъ къ берегу.

— Благодарю васъ, сказала Вѣра.

Ольга пустилась впередъ.

Кренскій подалъ руку Вѣрѣ.

— Вы не скучаете за Петербургомъ? спросилъ онъ.

— Не могу сказать, что не скучаю; но, право, въ деревнѣ можно находить удовольствія, о которыхъ и не воображаешь въ столицѣ.

— И мнѣ кажется, что отъ себя зависить не скучать даже и въ Камчаткѣ.

— Вѣроятно, мама пригласила васъ пожаловать къ намъ на 12-е.

— Да, я имѣлъ честь получить приглашеніе, но...

— Но найду причину отказаться отъ него—не правда ли?

— Нѣтъ, но...

— Ольга! Слышишь, м-г Кренскій уже умѣлъ отказаться отъ приглашенія на 12-е!

— Въ самомъ дѣлѣ? спросила Ольга, оборотясь и ожидая сестру и Кренскаго.

— Видите-ли, mesdames, есть одно обстоятельство, отзывающее меня въ городъ.

— Вы можете отложить поѣздку, сказала Ольга.

— Мы не имѣемъ права, ма снѣге, требовать отъ г. Кренскаго этой жертвы,—сказала Вѣра:— но если ему будетъ можно посѣтить Дубровницы 12-го, это доставило бы намъ большое удовольствіе.

— Употреблю всѣ мѣры и, если успѣю отдѣлаться, буду непременно.

— Мерсі. Вы танцуете? спросила Ольга.

— Не знаю, какъ отвѣчать вамъ: и танцую и не танцую.

— Что же это значитъ?

— То, что я умѣю танцовать, но почти уже оставилъ танцы.

— Зачѣмъ? спросила Вѣра.

Кренскій снялъ шляпу.

— Затѣмъ, что если у кого блестятъ въ волосахъ сѣдины, тотъ долженъ уступать молодости право предаваться удовольствію танцевъ.

— Развѣ нельзя посѣдѣть въ молодости? спросила Вѣра своимъ гармоническимъ голосомъ.

— Можно; но я не былъ сѣдъ въ молодости.

Вѣра перемѣнила разговоръ, чувствуя, что было довольно щедротливо продолжать говорить о возрастѣ Кренскаго; но Ольга — беззаботная голова, не могла вытерпѣть, чтобы не замѣтить:

— Пожалуйста, не прикидывайтесь старикомъ и не отказывайтесь отъ танцевъ.

— Объ этомъ поговоримъ 12-го, если только успѣю окончить дѣла.

— Зачѣмъ это *если*? Я, признаюсь вамъ, не люблю этого слова: оно всегда какъ-то является не въ пору, именно, чтобы смутить удовольствіе.

— Да, вы правы... *если* не всегда пріятное слово въ жизни.

Разговаривая такимъ образомъ, новые знакомцы дошли до разрушенныхъ воротъ у берега, гдѣ Селимъ ожидалъ уже со стуломъ. Усадивъ обѣихъ сестеръ на лошадей и пожавъ руки обѣимъ дѣвушкамъ, Кренскій поручилъ себя ихъ памяти, и амазонки пустились съ мѣста галопомъ. Перѣхавъ плотину онѣ оглянулись: на той сторонѣ никого уже не было. Спокойная глубина по прежнему отражала въ себѣ и живописныя развалины, и крутой лѣсистый берегъ съ его отвѣсными уступами. Вѣрѣ показалось, однакожь, что наверху, въ уцѣлѣвшей башеньгѣ, отворилось окно, въ которомъ стояла зрительная труба.

Амазонки удержали лошадей.

— А что, Вѣра?...

— Чрезвычайно интересный и прекрасно образованный человекъ.

— И не правда-ли, который можетъ заставить любить себя? прибавила Ольга съ лукавою улыбкой.

Вѣра покраснѣла.

— Ужъ и любить!... Однако поѣдемъ поскорѣе, чтобъ маман не сердилась.

Черезъ полчаса Амазонки вѣзжали въ Дубровницы.

V.

Наканунѣ 12-го ноября, въ Дубровницахъ собрались гости, именно помѣщица Селенкина съ двумя дочерьми, Луцкій, Агафья Максимовна Клонкина съ племянникомъ и помѣщикъ Каблуковскій. Ознакомленная уже съ мѣстными обычаями, Марья Петровна была приготовлена къ заблаговременному съѣзду гостей, которыхъ ожидали всевозможныя выгоды. Сергій Антоновичъ взялъ на свое попеченіе мужчинъ, хозяйка—дамъ, а Ольга и Вѣра—дѣвушекъ.

Часомъ раньше обыкновеннаго накрытъ былъ столъ для вечерняго чая, за которымъ, первый еще разъ въ Дубровницахъ уѣлось многочисленное общество. Роскошь и порядокъ за этимъ чаемъ поразили присутствовавшихъ. Это было на дежурствѣ Ольги, и молодая дѣвушка, къ удивленію гостей, необыкновенно ловко исполняла свою обязанность, наливая чашки и стаканы, не забывая при этомъ шутить съ дѣвками Селенкиными и отвѣчать на любезности Луцкаго, который, не имѣя соперника, былъ въ прекрасномъ расположеніи духа. Барыни сообщали Марьѣ Петровнѣ различныя новости, вмѣшивая кстати и хозяйственныя извѣстія, то сообщая свои успѣхи, то съ грустью упоминая о чужихъ неудачахъ.

Сергій Антоновичъ серьезно бесѣдовалъ съ Каблуковскимъ, который сидѣлъ какъ на иголкахъ, потому—что привыкъ, бѣдняжка, пить второй стаканъ чаю, сидя уже за зеленымъ столомъ и играя въ *преферансъ* или въ ералашъ, который только-что началъ проникать въ описываемый уѣздъ. Данило Ивановичъ Каблуковскій добрый человекъ, небогатый помѣщикъ, не сдѣлалъ никому зла въ продолженіе всей жизни, не имѣлъ никогда ни съ кѣмъ ссоры, а если спорилъ, то за однимъ только зеленымъ столомъ и то потому, что игралъ чрезвычайно дурно. Для него небыло выше наслажденія, *какъ преферанчикъ по маленькой*, хоть двои сутки къ сряду. Зная мѣстные обычаи, онъ и въ Дубровницы поспѣшилъ наканунѣ праздника, чтобъ козырнуть какъ слѣдуетъ; но каково же было его грустное изумленіе, когда онъ не засталъ ни-

кого изъ обычныхъ своихъ партнеровъ! Разсуждая съ Сергѣемъ Антоновичемъ о преимуществѣ плуга передъ сохою, Каблуковскій часто отвѣчалъ невпопадъ, потому-что разсуждалъ мысленно: положимъ, генераль (здѣсь надо замѣтить въ скобкахъ, что въ Малороссіи вообще всѣхъ дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ называютъ генералами, да и многіе дѣйствительные статскіе совѣтники сами себя величаютъ генералами, положимъ, генераль, изъ вѣжливости, сядетъ по маленькой, но кто же будетъ третьимъ? Клонкинъ и съль бы—я знаю, что съль бы по полуторы и по двѣ копѣйки—но Агафья Максимовна не позволить; вертопрахъ Луцкій уже и думать позабылъ о картахъ — видишь, ему на умѣ генеральская дочь... тебѣ ли тутъ увиваться, щенокъ? Было бы умнѣ отвалить пульку, — другую, и дешевле и приличнѣе. Селенкина, вѣроятно, поцеремонится...

— Катерина Андревна! Катерина Андревна! — сказала онъ, обращаясь къ Селенкиной:—а чѣмъ вы кончили вашу послѣднюю пульку въ Брусовѣ?

— Проиграла 3 р. и 17 копѣекъ, отвѣчала Селенкина, произнося *p* какъ произносятъ его маленькія дѣти, т. е. издавая звуки, похожіе и на *p* и на *л* вмѣстѣ; но такъ, что слышно преобладаніе *л*.

— Я тоже поплатился.

— Ну, да вѣдь вы виртуозъ, отозвалась Катерина Андревна и съ улыбкой начала описывать Марью Петровну, какъ Данило Иванычъ сыгралъ 9 безъ одной.

Хозяинъ и хозяйка выразительно переглянулись между-собою, и Сергій Антоновичъ слегка кивнулъ головою.

А вы, Агафья Максимовна, по-прежнему неумолимы? отозвался Каблуковскій.

— Терпѣть не могу этихъ картъ! отвѣчала Агафья Максимовна басомъ, поправляя чепчикъ.

— Тетенька и мнѣ не совѣтуетъ, замѣтилъ робко и тоненькимъ голосомъ Клонкинъ, не теряя надежды, что на первый разъ въ домѣ генерала Агафья Максимовна позволить ему проиграть нѣсколько цѣлковыхъ. Надо знать, что Клонкинъ былъ золотой рудникъ для партнеровъ: какъ-бы ни шла ему карта, онъ всегда ухитрялся проиграть, и одинъ уяздннй острякъ выразился, что Дормидонъ Иванычъ, играя и на мелокъ, можетъ проиграть цѣлковыхъ три. Дормидонъ Иванычъ былъ мужчина лѣтъ за тридцать, плотный, румяный, круглолицый, но говорилъ тоненькимъ

голосомъ и чрезвычайно смягчалъ букву л. Онъ страшно любилъ карты, но проигрывалъ безпрестанно, чѣмъ вывелъ изъ терпѣнія тетушку, которая и взяла его въ ежовыя рукавицы и рѣшительно не позволяла предаваться любимѣйшему его занятію.

— Гдѣ ужъ тебѣ, Дормидонъ Ивановичъ, играть въ карты! молвила Агафья Максимовна:—не понимаешь ни аза въ глаза, а суешься туда же.

Дормидонъ Ивановичъ залился добродушнымъ смѣхомъ:

— Правда, что мнѣ всегда не везетъ, сказалъ онъ: такое адское расположеніе: вѣчно на четыре козыря...

— Никогда ты отъ-роду не выигралъ ни полушки.

Дормидонъ Ивановичъ посмотрѣлъ на тетку съ упрекомъ.

— А три года назадъ, у проѣзжаго штабсъ-капитана я выигралъ шесть съ половиною...

— Копѣекъ? спросилъ Каблуковскій, подмигивая.

— Какихъ копѣекъ? рублей серебромъ; весь городъ знаетъ объ этомъ.

— Можетъ-быть, вамъ угодно сыграть пульку? спросила Марья Петровна у Селенкиной.

— Я небольшая охотница; но если нужно составить партію...

Каблуковскій потиралъ руки отъ удовольствія.

— Право, карты самое невинное удовольствіе! сказалъ онъ. Раздумывайтесь-ка, Дормидонъ Ивановичъ!

— Да я съ величайшимъ бы удовольствіемъ, говоритъ Ключкинъ, смотря на тетку умоляющимъ взоромъ.

— Я надѣюсь, что г. Ключкинъ не откажетъ составить партію Катеринѣ Андревнѣ, сказала Марья Петровна.

— Какъ вы скажете, тетенька?

Агафья Петровна пошептала ему что-то на ухо.

— Какъ можно, тетенька! развѣ я въ самомъ дѣлѣ олухъ какой-нибудь!

Въ это время дамы встали, и хозяйка предложила идти въ гостиную.

Каблуковскій съ удовольствіемъ увидѣлъ, что въ гостиной былъ уже разставленъ столъ, на которомъ лежали карты и всѣ принадлежности преферанса. Сергій Антоновичъ молча распечаталъ одну колоду, и поднесъ карточку сперва Катеринѣ Андревнѣ, потомъ Каблуковскому, Ключкину и Луцкому. Послѣдній отказался.

— А кто-же будетъ четвертый? спросила Катерина Андревна.

— Я къ вашимъ услугамъ, сказалъ хозяинъ.

— Вы, ваше превосходительство? отозвался Каблуковскій. Я не ожидалъ такой чести. Ну, Дормидонъ Иванычъ, употребимъ все искусство.

— Какое тутъ искусство, Данило Иванычъ, когда мнѣ выдернулась проклятая пиковая дама!

Всѣ усѣлись по мѣстамъ. Сергѣй Антоновичъ сдалъ карты.

— Почемъ? спросила Катерина Андревна.

— Я обязанъ согласоваться съ общимъ желаніемъ, отозвался хозяинъ.

— Я думаю копейки по двѣ... важно сказалъ Каблуковскій.

— Довольно и по копейкѣ, молвила Катерина Андревна.

— Нѣтъ, ужъ по полторы, сказалъ тихимъ голосомъ Дормидонъ Иванычъ и оглянулся, не смотреть-ли на него тетушка Агаѣя Максимовна.

И зеленый столикъ образовалъ свой особенный міръ съ своимъ свѣтомъ, своей атмосферой, своими условиями, и на нѣсколько часовъ четыре особы были разъединены съ тревоженіями жизни.

Агаѣя Максимовна подѣла къ Марьѣ Петровнѣ, и начала ей рассказывать какъ жили встарину, коснулась испорченности нравовъ вообще и своего уѣзда въ особенности, и какъ-то искусно завела рѣчь о затрудненіи выдавать дочерей замужъ. При этомъ Агаѣя Максимовна необыкновенно тонко намѣкнула о счастіи семейной жизни и о томъ, что въ мужъ надо искать не богатства, не особеннаго ума, но кроткаго характера, любви и послушанія. Разговоръ этотъ она прерывала частыми вздохами и различными междометіями и понижала голосъ, если долетали къ ней отъ карточного стола знакомыя зловѣщія выраженія: «истинно адское расположение! Это дневной разбой! туза по первой!

Марья Петровна, какъ умѣла, поддерживала разговоръ, а сама думала: пріѣдетъ-ли Сурминъ и точно ли онъ имѣетъ серіозные виды на Ольгу?

— Не знаете-ли, Агаѣя Максимовна, въ какихъ сторонахъ теперь Сурминъ съ своей охотой? спросила она.

— А кто его знаетъ! Это человѣкъ, по пословицѣ, гдѣ ни пошѣй, тамъ и родится. Вотъ еще сокровище! Тратитъ свое состояніе на собакъ, на вино, и чортъ знаетъ на что... А какой вѣтреникъ! Не одну уже барышню обманулъ на вѣку: понравится которая, онъ и давай ухаживать; ну, родители очень рады, а

этот женишек поамурился мѣсяца два, да и стречка! Правда, что у иныхъ остались на память дорогіе подарки.

— Неужели Сурминъ способенъ на подобныя низости?

— О, на то-ли еще онъ способенъ! Впрочемъ, это человѣкъ богатый, можетъ сыпать деньгами и на право и на лѣво—и все ему сходитъ съ рукъ.

— Но, можетъ быть, много и прибавляютъ на счетъ его поведенія.

— Не безъ того, — сказала Агаея Максимовна, подымая глаза къверху:—нельзя всему вѣрить, что рассказываютъ люди; но что дѣлалось въ нашихъ глазахъ—Богъ ему судья..!

— Какъ, здѣсь, въ уѣздѣ?

— На самой границѣ, говорила Агаея Максимовна шепотомъ. Одна бѣдная вдова взяла дочь изъ института; чудо-дѣвушка, знаете, молоденькая, настоящій ребенокъ. Сурминъ и увидѣлъ ее гдѣ-то; понравилась. Заѣхалъ онъ разъ, заѣхалъ два; мать и говорить, что, молю, я бѣдная, беспомощная вдова, вы человѣкъ богатый и холостой... начнуть говорить люди... Знаете, намекнула ему: или, дескать, женись, или убирайся съ Богомъ. Дѣвчонка смазливенькая—лакомый кусочекъ; Сурминъ просто врѣзался по уши и—баць предложеніе. Разумѣется, надо сказать правду, дѣвушка ни за что; но мать не промахъ: такъ приструнила дочку, что та хоть сквозь слезы, однако дала свое согласіе. Сурминъ, какъ женихъ, ѣздилъ мѣсяца два, но послѣ вдругъ пересталъ и отказался.

— Это не дѣлаетъ ему чести.

— Впрочемъ, онъ очень богатый человѣкъ, все ему ни почемъ. А теперь, сами знаете, какъ дороги деньги.

— Совершенно согласна. Но, кто-же рѣшится погубить свою дочь?

— Или вотъ у насъ другой богатый холостякъ — Кренскій. Конечно, этотъ не похожъ на Сурмина: не собачникъ, не картежникъ, хотя говорятъ, что отъ рюмки не откажется; но какую ведетъ жизнь! Просто развратникъ! прибавила Агаея Максимовна шепотомъ. Такое позаводилъ у себя въ деревнѣ... ужасъ, и рассказывать совѣстно. Стоитъ только пріѣхать неожиданно... Да и правду сказать, кто-же бываетъ у него? Одни молодые сорванцы; но ручаюсь, что ни одна порядочная жена не отпуститъ мужа въ эту пропасть. За-то Кренскій хоть не лицемѣритъ, не посѣщаетъ общества порядочныхъ женщинъ,

сидитъ въ своей деревнѣ; говорятъ, занимается даже волшебствомъ въ своихъ развалинахъ... Или эти развалины? почему—бы, напримеръ, не разобрать ихъ и не выстроить чего-нибудь полезнаго? Чудакъ; а надо сказать правду: помогаетъ бѣднымъ, не только мужикамъ, но, прїѣзжай и дворянинъ, попроси помощи—сію минуту прикажетъ управляющему отпустить—ли хлѣба какого, дать ли земли, ссудить—ли займы денегъ. Вотъ—же и добрый кажется, человекъ, а живетъ въ грѣхъ и нечестіи, не думая соблюсти законъ и избрать супругу.

— А какой прекрасный, образованный человекъ! Онъ былъ у насъ съ визитомъ и странно, почти—что отказался прїѣхать завтра.

— О, у него ужъ такой обычай!

Въ залѣ у фортепіано было шумно и весело. Ольга, Вѣра и двѣ Селенкины атаковали Луцкаго, который острилъ, хохоталъ и отпускалъ самыя уморительныя любезности. Конечно, ему хотѣлось заслужить вниманіе Ольги; онъ употреблялъ для этого самыя дѣйствительныя средства, которыми очаровывалъ съ успѣхомъ барышень уѣзднаго города; но—увы! Ольга постоянно смѣялась надъ нимъ и не подавала ни малѣйшей надежды влюбленному юношѣ. Дѣвицы Селенкины, ознакомясь съ Ольгой и Вѣрой и не видя вблизи матушки, не оставались въ бездѣйствіи, и Луцкому даже сдѣлалось жарко.

Меньшая Селенкина разсказала, что, назадъ тому два мѣсяца, онъ умиралъ отъ любви къ одной ея подругѣ.

— И не воображалъ! говорилъ Луцкій.

— Значитъ, вы ее обманывали? спросила Селенкина.

— Вольно—же ей принимать за любовь простое волокитство.

— А! такъ вы пускаетесь въ волокитство? спросила Ольга.

— Почему—же и нѣтъ.

— Мило! и еще признаетесь! Кто—же послѣ этого повѣритъ вамъ?

— Кто—нибудь же повѣритъ,—отвѣчалъ Луцкій, смотря изкоса на Селенкину.—Ольга Сергѣевна, сыграйте что—нибудь! продолжалъ онъ ..

— А что вы желаете?

— Разумѣется, какую—нибудь отчаянную польку.

— Не знаю ни одной отчаянной. Ахъ! позвольте, у меня есть ноты какой—то плаксивой польки.

— Я совсѣмъ не желаю плаксивой, а знаете—ли, этакую, чтобъ косточки зашевелились.

— Не знаю и такой. Это была-бы галваническая полька.

Институтки захохотали.

— Сыграйте, ма chère, галваническую!

— Съ однимъ условіемъ, прибавила Вбра.

— Что угодно? отозвался Луцкій.

— Чтобъ вы протанцовали одни.

— Зачѣмъ-же одинъ? Есть три дамы.

— Мы не станемъ танцовать, сказала Ольга:—а протанцуйте одни.

Луцкому ужъ давно хотѣлось прополькировать, потому-что онъ считалъ себя первымъ танцоромъ въ уѣздѣ, а можетъ-быть и въ губерніи.

— Но какъ-же одному? сказалъ онъ.

— Зажмурьте глаза и воображайте кого угодно изъ насъ, мы позволяемъ, сказала Ольга, садясь за ройаль.

— Даже и васъ, Ольга Сергѣевна?

— Даже и меня.

— Не хотите-ли мы завяжемъ вамъ глаза, и вы вполнѣ будете представлять амура.

— Ахъ, обожаю! сказала меньшая Селенкина. Завязать глаза. Чудо! Позвольте, м-г Луцкій!

— Давно ужъ я пересталъ играть въ жмурки! гордо сказалъ Луцкій и отошелъ въ сторону.

— Ахъ, mesdames! сказала Ольга, быстро вставая изъ-за инструмента: превосходная мысль! Хотите играть въ petits jeux? Начнемъ-те съ жмурокъ. Сейчасъ бѣгу къ маман.

Разумѣется, позволеніе было получено, и дѣвушки начали совѣщаться, кому завязать глаза.

Споръ продолжался довольно долго.

— Не угодно-ли завязать мнѣ, сказалъ, подбѣгая, Луцкій.

— Къ чему-же приносить жертву?—отвѣчала Ольга:—вѣдь вы сейчасъ сказали, что не играете въ жмурки.

— Я такъ сказалъ.

— Извольте, съ однимъ условіемъ: протанцовать туръ галванической польки, съ завязанными глазами.

Институтки начали аплодировать.

Луцкій было оскорбился, но послѣ началъ самъ смѣяться и подумалъ: «Хорошо! я и съ завязанными глазами такъ протанцую, что останетесь довольны».

— Согласенъ, съ тѣмъ, чтобъ мнѣ завязала глаза Ольга Сергѣевна.

— А вы полагаете, что Ольга Сергѣевна будетъ снисходительнѣе другихъ,—сказала Ольга:—ошибаетесь, м-г Луцкій.

И она завязала накрѣпко глаза Луцкому, потомъ съѣла за инструментъ и начала играть какую-то хорошенькую польку. Луцкій пустился танцевать, выдѣлывая, по его мнѣнію, самую граціозную па, и довольно удачно прополькировалъ по всей залѣ, не зацѣплясь ни за что.

Единодушное bravo раздалось въ награду за этотъ подвигъ, и начались жмурки.

Такимъ образомъ прошелъ довольно нескучно вечеръ въ Дубровницахъ наканунѣ 12-го ноября. И сколько разнородныхъ мечтаній порхало въ головкахъ молодыхъ дѣвушекъ, когда онѣ разошлись по своимъ комнатамъ!..

VI.

Зала въ домѣ Блонскихъ была освѣщена великолѣпно. Ольга и Вѣра, въ чудныхъ бальныхъ костюмахъ, пробѣгали по ней, и каждый разъ, встрѣчая кого-нибудь изъ дѣвицъ, переодѣвшихся къ балу, уводили ихъ въ гостиную. Большой оркестръ музыки давно ужъ помѣстился на хорахъ; но танцы еще не начинались, потому-что поджидали кавалеровъ, которыхъ—увы! было слишкомъ недостаточно, включая и Дормидона Иваныча, одѣвагося самымъ порядочнымъ образомъ, въ свой торжественный маминовый бархатный жилетъ съ оранжевыми полосками. Луцкій ходилъ съ необыкновенно веселымъ взоромъ, потому-что, кромѣ его, двухъ братьевъ Жиленковыхъ, отставныхъ поручиковъ, и еще одного заѣзжаго чиновника изъ губернаторской канцеляріи, Савровскаго, молодыхъ людей не было. Конечно, кадрили можно было составить и въ восемь паръ, но для этого должны были танцевать люди немного пожилые, и потому Луцкій былъ на верху блаженства, считая пальму первенства за собою. Танцующихъ дамъ было до четырнадцати. То-то раздолье!

И вотъ оркестръ заигралъ вальсъ. Луцкій торжественно подошелъ къ Ольгѣ; Жиленковы взяли двухъ сестеръ Селенкиныхъ, Савронскій — дочь предводителя, хорошенькую блондинку, и четыре пары пустились по гладкому паркету. На

привѣтливые звуки Ланнера вышли и остальные дамы, и какъ-то грустно было смотрѣть на небольшое количество танцующихъ кавалеровъ, но еще грустнѣе—на группу пожилыхъ помѣщиковъ, которые неминуемо обязаны стать въ кадрили для составленія паръ.

Гордо и подбоченясь стоялъ Сурминъ у двери кабинета, и, хотя презрительно по виду, но съ завистью въ душѣ смотрѣлъ на Лудкаго, который, обхвативъ воздушную талию Ольги, неся ловко вокругъ залы, вальсируя въ два па. Савронскій тоже танцевалъ съ предводительскою дочкой въ два па, хоть и не такъ ловко; а братья Жиленковы, хотя и довольно ловко, но отхватывали тотъ бѣдный и забытый вальсъ, который и мы плясывали въ молодости, но на который странно теперь смотрѣть, точно такъ какъ и на высокую талию, какъ на торчащій чубъ, какъ на старомодную деревенскую карету необъятной вышины, за которую на запяткахъ качается огромный лакей въ свѣтлой шинели съ десятью воротниками. Въ особенности меньшей Жиленковъ какъ-то необыкновенно скоро выдѣлывалъ ногою выкрутасъ, необходимый при поворотѣ въ вальсъ въ три такта; притомъ онъ держалъ очень далеко даму, самъ подавался назадъ и немного подгибалъ колѣни.

Вдругъ отворилась дверь и вошелъ Иванъ Яковлевичъ Рябко въ сопровожденіи четырехъ гусарскихъ офицеровъ и юнкера. И говорить нечего, какое сдѣлалъ впечатлѣніе неожиданный пріѣздъ офицеровъ.

Ольга ничего не видѣла; но когда счастливецъ Луцкій посадилъ ее на стулъ и собрался отпустить ей краснорѣчивую фразу, въ это время Рябко подвелъ къ ней гусаровъ и представилъ какъ одной изъ хозяекъ дома.

Мигомъ Ольга была ангажирована на пять кадрилией.

— Надѣюсь, что я заслужилъ шестую, сказалъ Рябко, когда Ольга, краснѣя отъ удовольствія, давала слово гусарамъ.

— О, и очень заслужили! Такой пріятный сюрпризъ...

Гусары отправились снимать сабли.

Луцкій до-сихъ-поръ не рѣшался еще просить Ольгу, бывъ въ полной увѣренности, что ему никто не перебьеть завиднаго счастья танцовать безпрестанно съ красавицею Ольгой; но звонъ шпоръ, блескъ расшитыхъ серебромъ доломановъ и стройныя фигуры гусаръ совершенно сбили его съ толку. Онъ не разслушалъ на сколько кадрилией Ольга была ангажирована, и подошелъ къ ней.

— Ольга Сергѣевна! на четвертую кадрили.

— Ангажирована на шесть.

— Значить, седьмую?

— Съ большимъ удовольствіемъ.

— О, вы не знаете...

Но Ольга не слушала опечаленнаго юношу, потому—что къ ней подошелъ стройный поручикъ и увлекъ ее въ вихрь вальса.

И говорить нечего, что гусары оживили общество.

Марья Петровна подозвала Ивана Яковлевича, усадила возлѣ себя и пожала ему руку.

— Мы вамъ обязаны сегодняшнимъ удовольствіемъ, сказала она.

— Помилуйте! я зналъ, что у васъ недостатокъ въ кавалерахъ. Эскадронъ остановился въ двѣнадцати верстахъ, я заѣхалъ и, отъ имени вашего, пригласилъ гг. офицеровъ.

— Какъ же вы узнали, что пришелъ эскадронъ?

— Закадычный мой пріятель, Кренскій, у котораго я сегодня обѣдалъ, сказалъ мнѣ объ этомъ; я съ ротмистромъ давно знакомъ, велѣлъ запретъ экипажъ, взялъ еще у Кренскаго коляску и отправился въ Круглинцы.

Въ это самое время Сергѣй Антоновичъ, съ картами въ рукѣ, подошелъ къ женѣ.

— Знаешь, Маріе, кому мы обязаны пріѣздомъ дорогихъ гостей?

Марья Петровна указала на Ивана Яковлевича.

— Да; но сосѣдъ нашъ, Кренскій, бывший сослуживецъ ротмистра, былъ такъ добръ, что написалъ и послалъ свой экипажъ.

— Очень мило съ его стороны! А самъ онъ?

— Немного нездоровъ,—отвѣчалъ скороговоркой Иванъ Яковлевичъ: — впрочемъ, знаете, онъ вѣдь съ причудами.

Къ Марья Петровна подошелъ Сурминъ.

— Скоро ли перестанетъ этотъ неутомонный вальсъ? Мнѣ бы то же хотѣлось откатать кадрилику, сказалъ онъ.

— Потрудитесь спросить у Ольги, кому она поручила распоряжаться музыкой, отвѣчала Марья Петровна.

И Сурминъ тяжеловѣсною походкой отправился отыскивать Ольгу, которая поминутно вальсировала, почти безъ отдыха. Но вотъ она услась и, обмахиваясь вѣеромъ, отказала одному гусару.

Сурминъ сталъ у нея за стуломъ.

— Ольга Сергѣевна, маменька приказала узнать, кто распоряжается танцами?

— Графъ Целлинскій.

— А гдѣ же онъ?

— Здѣсь, къ вашимъ услугамъ, отвѣчалъ стройный поручикъ.

— Позвольте спросить, скоро ли кончится вальсъ?

— Это будетъ зависть отъ желанія дамъ.

— А вамъ для чего это необходимо? спросила Ольга у Сурмина, смотря на него съ удивленіемъ.

— Хотѣлось бы, этакъ, отваять кадрилику, отвѣчалъ Сурминъ, прищуривая глаза, что онъ дѣлалъ всегда, если хотѣлъ казаться любезнѣе.

— Впрочемъ, сказалъ Целлинскій, — обращаясь къ Ольгѣ: — если позволите, я прикажу музыкѣ остановиться: дамы вальсируютъ неохотно.

— Напротивъ, очено охотно; но устали немного, отвѣчала Ольга, улыбаясь.

Целлинскій остановилъ музыку.

Сурминъ съѣлъ возлѣ Ольги.

— Вѣроятно, первая кадрили обѣщана, сказалъ онъ и прищурилъ глаза до того, что можно было его счесть спящимъ.

— О, давно.

— А вторая?

— Тоже.

— Наконецъ, третья?

— И четвертая, и пятая, и шестая, и седьмая.

— Быть не можетъ!

Дѣвушка расхохоталась.

— Что же тутъ невѣроятнаго? спросила она.

— Но и я хотѣлъ просить васъ.

— Можете на осьмую. Вольно же опаздывать!

— А можетъ-быть, осьмой и танцовать не будутъ?

— Въ такомъ случаѣ и мы не будемъ.

— Но мнѣ досадно...

— Нетанцующихъ дамъ довольно — поищите.

— Слуга покорный! я хотѣлъ танцовать съ вами.

— Надо было просить заранѣе.

Сурминъ всталъ и досада изобразилась на лицѣ его.

— Значить, засѣсть въ картишки? По-крайней-мѣрѣ, Ольга Сергѣевна, хоть одинъ пальчикъ на счастье.

— Вотъ вамъ всѣ пять,—сказала весело Ольга и положила маленькую, красивую ручку на широкую, жилистую ладонь охотника.

И прежде чѣмъ Сурминъ собрался пожать тоненькіе пальчики, Ольга отняла уже свою руку и, обнявъ дочь предводителя, начала ходить съ нею по залѣ.

— Вотъ бѣсенокъ! вотъ чертенокъ въ видѣ дѣвушки,—говорилъ самъ себѣ Сурминъ. Нѣтъ; кажись, прійдется записать до вѣнца все имѣніе: иначе къ ней не подъѣдешь.

Послѣ третьей кадрили молодежь рѣшила танцевать мазурку, чтобъ послѣ ужина еще протанцевать другую.

Десять паръ усѣлись въ большой залѣ почти уединенно, такъ что между ними было порядочное разстояніе, слѣдовательно никто не мѣшалъ разговорамъ молодежи, которые какъ-то необыкновенно интересно завязываются въ мазуркѣ. Подъ вѣтвями большихъ лимонныхъ деревьевъ съ одной стороны сидѣла Ольга съ Целинскимъ, а съ другой—Вѣра, которой на долю достался забѣзжій чиновникъ изъ канцеляріи гражданскаго губернатора. Кавалеръ Ольги былъ неистощимъ какъ въ изобрѣтеніи фигуръ, такъ и въ разговорахъ, поминутно вызывая улыбку на коралловыя губки своей дамы; а Савронскій молчалъ, словно по заказу: былъ ли онъ задумчивъ отъ природы, предавался ли воспоминаніямъ, но не только не занималъ Вѣру, но даже односложно отвѣчалъ на ея вопросы, и разговоры ихъ ограничивались словами: «Намъ начинать! Извините. Какая фигура?» и тому подобное.

Ольга подбѣжала къ сестрѣ.

— Вѣра, посмотри!

— Что такое?

— За твоимъ стуломъ.

И Ольга привѣтливо съ кѣмъ-то раскланялась. Вѣра оглянулась—къ ней подходилъ Кренскій.

— Что же такъ поздно? спросила Ольга.

— Я пріѣхалъ въ началъ мазурки.

— Но мы васъ не видали.

— Очень естественно. Я удивился если бѣ увидѣли: мазурка танецъ, недопускающій видѣть ничего внѣ ея магическаго круга.

Но, въ слѣдствіе закона фигуры, Ольга подхватила Кренскаго.

— Надѣюсь, не откажете?

— Кто же смѣлъ бы отказать вамъ?

— Извольте назваться цвѣткомъ.

— Не къ лицу, Ольга Сергѣвна.

— Кустарникомъ или какимъ угодно растеніемъ. Позвольте, однако жъ, я позабыла выбрать другаго кавалера.

И Ольга подбѣжала къ ротмистру.

— Господа, поскорѣе цвѣты!

— Хороши цвѣты, сказалъ ротмистръ Кренскому, улыбаясь. Назовите насъ сами.

— Зачѣмъ же заставлятъ Ольгу Сергѣевну придумывать для насъ какія-нибудь лестныя и еще, пожалуй, заморскія названія? Ты какое дерево?

— Положимъ, клѣнь. А ты?

— А я тополь... ахъ, нѣтъ, слишкомъ стройно! Пусть буду я берестъ.

Ольгѣ достался берестъ.

— Въ-самомъ-дѣлѣ, отчего вы такъ поздно пріѣхали? спросила она Кренскаго, когда онъ подводилъ ее къ мѣсту.

— Лгать вамъ совѣстно, а рассказывать—будетъ слишкомъ долго.

— Кажется, есть дамы—танцуйте.

— Благодарю васъ; я давно уже не танцую, въ особенности мазурку.

— Вамъ будетъ скучно.

— О, не беспокойтесь: я найду себѣ занятіе и—прибавилъ онъ шепотомъ и наклоняясь къ Ольгѣ:—доставлю себѣ удовольствіе и съдѣлаю доброе дѣло.

Черезъ нѣсколько минутъ Кренскій уже помѣстился за стуломъ Вѣры и на некрасивомъ лицѣ ея отразилось такое удовольствіе, что, мало-по-малу, начало исчезать обычное выраженіе, и каждый, кто захотѣлъ бы всмотрѣться въ черты Вѣры, нашель бы въ нихъ совершенную перемѣну. Какъ нарочно кавалеръ ея, еще передъ приходомъ Кренскаго, отодвинулся дальше прежняго, и замѣтно было, что ни сколько не досадоваль на присутствіе третьяго лица.

— А я думала, что вы не пріѣдете, сказала Вѣра.

— Я и самъ думалъ то же самое.

— Почему?

— Не спрашивайте меня никогда почему я дѣлаю такъ, а не иначе: я и самъ не всегда умѣю отвѣчать себѣ на эти вопросы.

— Это очень оригинально.

— Можетъ-быть, даже больше.

— По-крайней-мѣрѣ откровенно.

— Пора приниматься за откровенность, сказалъ Кренскій, улыбаясь.

— Развѣ...

— Договаривайте, же вѣдь вы хотѣли спросить: «развѣ вы бывали не откровенны?» А я вамъ отвѣчу: былъ и даже иногда непростительно...

Вѣра посмотрѣла на него во всѣ глаза.

— Вы прекрасно образованы, сами жили въ свѣтѣ и знаете по себѣ, что съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ насъ учатъ притворству, продолжалъ онъ.

— Но, м-г Кренскій, нельзя же всего говорить, что думаю! сказала Вѣра, покраснѣвъ немного.

— Еще бы! Напримѣръ, прибавилъ онъ тише и наклонясь къ Вѣрѣ:—хороши бы вы были, если бѣ сказали своему кавалеру, что онъ убійственно скученъ.

— Хорошъ бы и онъ былъ, въ свою очередь, если-бѣ тоже вздумалъ откровенничать со мною въ томъ, что я ему ужасно надоѣла.

— Но вы сами черезъ-чуръ откровенны.

— Точно такъ, же какъ и вы.

— Намъ начинать-съ! проговорилъ Савронскій, и пустился танцовать съ пристукиваньемъ, какъ въ Кіевѣ, гдѣ онъ былъ однажды на контрактахъ и видѣлъ тамошнюю мазурку, что очень бѣсило Луцкаго, который не былъ въ Кіевѣ и не видалъ какъ тамъ стучать кавалеры въ мазуркѣ каблуками.

Луцкій, какъ говорится, потерялъ куражъ и надулся на Ольгу. «Что-же, въ-самомъ-дѣлѣ, «думалъ онъ:» изъ какихъ доходовъ стану я ухаживать за этой петербургской кокеткой? Я хорошъ только въ то время, когда нѣтъ никого, а явились гусары, такъ на насъ, фрачниковъ, и вниманія не обращаютъ. Не только свѣта что въ окошкѣ: есть у насъ меньшая Селенкина, есть предводительская дочка!» Но—увы! за меньшей Селенкиной увивался юнкеръ, за предводительской дочкой ухаживалъ корнетъ, за хорошенькой брюнеткой, племянницей уѣзднаго доктора, *ударялъ* старшій Жиленковъ, какъ онъ выражался; вездѣ заняты вакансіи, вездѣ любезности Луцкаго—послѣ ужина горчица. Надо еще при этомъ замѣтить, что Луцкій вездѣ постоянно ухаживалъ за Ольгой, не обращая ни на кого вниманія. Не смотря на некрасивую наружность Вѣры, хотя для тона, располагалъ онъ танцовать съ нею мазурку; но и тутъ помѣшалъ губернаторскій чиновникъ, и Луцкій подошелъ къ одной

изъ молчаливыхъ дѣвъ, ближайшей своей сосѣдкѣ, и ангажировалъ ее на мазурку. Эта молчаливая дѣва—простая, добрая, но не такъ молодая особа, очень удивилась, что левъ и первый щеголь уѣзднаго города пригласилъ ее на мазурку, съ удовольствіемъ приняла предложеніе и выплясывала отъ чистаго сердца, что рѣдко съ нею случалось, потому-что кадрили за частую выпадали ей на долю, но мазурка не иначе, какъ по какому-нибудь особенному случаю, и то или съ пожилымъ кавалеромъ, или съ гимназистомъ.

— Однако, м-г Кренскій, я и позабыла поблагодарить васъ,— сказала Вѣра, возвратясь на свое мѣсто послѣ фигуры: — а вы вдвойнѣ, нѣтъ, тройнѣ заслужили благодарность.

— Это какимъ-образомъ?

— Во-первыхъ, доставили намъ удовольствіе, во-вторыхъ принесли жертву и пріѣхали въ общество женщинъ, которыхъ вы не любите, въ-третьихъ, сдѣлали неожиданный подарокъ, пригласивъ кавалеровъ, безъ чего не удался бы нашъ вечеръ.

— Вы поторопились съ благодарностью. Все, что я сдѣлалъ, происходитъ изъ чистѣйшаго эгоизма: во-первыхъ, давно бывъ лишень общества милыхъ, образованныхъ дѣвицъ, я воспользовался случаемъ быть въ вашемъ обществѣ, во-вторыхъ, оставляя свое уединеніе, я не приносилъ никакой жертвы, а въ-третьихъ, кто же вамъ сказалъ, что я безкорыстно, безъ всякой цѣли пригласилъ кавалеровъ?

— Последняго я не понимаю.

— Я и не сомнѣваюсь.

— Но какая-же причина?

— Это моя тайна.

— А гдѣ же ваше доброе намѣреніе быть откровеннымъ?

— Кажется, мы ясно доказали другъ другу, что откровенность очень часто бываетъ не у мѣста.

— М-г Кренскій,—сказалъ, подходя къ нему, Целинскій:— m-lle Ольга просить васъ быть ея confident.

И Кренскій очутился среди залы, за стуломъ Ольги.

— Угадайте, съ кѣмъ я хочу танцевать? спросила она.

— Развѣ можно угадать прихотливыя фантазіи молодыхъ дѣвушекъ? притомъ же вы сами обязаны открыть мнѣ имя счастливица.

— Но мнѣ бы хотѣлось, чтобъ вы угадали.

Въ это время Целинскій подводилъ Луцкаго, который шелъ какъ осужденный на казнь.

— Раскланивайтесь скорѣе съ этимъ господиномъ сказала Ольга.

Кренскій исполнилъ ея приказаніе, и гусарь отправился искать другой жертвы.

— Я пойду съ юнкеромъ, сказала Ольга.

— Выберите Ивана Яковлевича Рябка: по-крайней-мѣрѣ онъ будетъ рассказывать, что вы влюблены въ него.

— А, въ самомъ-дѣлѣ! Благодарю за совѣтъ.

— Вы доставите удовольствіе двумъ, въ одно и то же время: Рябка придетъ въ восторгъ отъ предпочтенія...

— Кто же другой?

Кренскій засмѣялся.

— Простите! чуть-было не сказалъ любезности, которая могла бы показаться приторной, въ особенности на первыхъ порахъ знакомства.

— Я хочу знать ее непременно.

— Я подумалъ, что графъ не скоро отыщетъ Ивана Яковлича, и я останусь возлѣ васъ долѣе.

Ольга покраснѣла.

Целинскій подвелъ одного товарища и снова отправился отыскивать другую жертву.

— Не правда ли, я выразился по-юношески, Ольга Сергѣевна? сказалъ Кренскій.— Вотъ вамъ тайна, зачѣмъ я избѣгаю обществъ: лѣта подходятъ къ старости, душа остается молодою по-прежнему.

Ольга молчала; ей какъ-то сдѣлалось немного неловко. И когда Кренскій подозвалъ Целинскаго и шепнулъ ему кого подвести, она сказала:

— Однако вы стараетесь поскорѣе избавиться отъ удовольствія.

— Боюсь, что наживу много завистниковъ.

Восторгъ Рябка превосходилъ всякое описаніе; казалось, Иванъ Яковлевичъ выросъ на нѣсколько вершковъ и чуть лишь не сильнее стучалъ, чѣмъ кіевскіе кавалеры, которыхъ видѣлъ Савронскій на контрактахъ.

Первая мазурка окончилась довольно скоро. Молодежь отправилась въ гостиную комнату покурить и освѣжиться. Жиленковы сейчасъ же разговорились съ гусарами; но Савронскій и Луцкій усѣлись въ дальнемъ углу и говорили между собою.

— Что это за балы? то-ли-дѣло у насъ, въ губерніи! Здѣсь

просто никакого общежитія, сказалъ Савронскій, закуривая папироску.

— Ну, нѣтъ, я вамъ скажу, — отозвался Луцкій: — посмотрѣли бы вы какъ веселятся у предводителя.

— Могутъ судить, что не безъ этикета.

— А развѣ у васъ нѣтъ этикета?

— Оно не то, что нѣтъ; но, знаете ли, какъ-то этакъ деликатнѣе. Ну, за угощеніе ни слова: и здѣсь, конечно, хорошо; посмотримъ только еще ужинъ; а веселости нѣтъ никакой. Хоть бы и хозяйки: одна безпрестанно кокетничаетъ съ военными, другая молчитъ. Нѣтъ того, какъ у насъ: хозяйева безпрестанно подходятъ къ гостямъ: не прикажете ли того или другаго; дѣвушки тебя займутъ.... Ну, ужъ, конечно, что губернія, то не провинція, что провинція, то не губернія, сказалъ Савронскій и запрокинулъ назадъ голову, отчего длинные его волосы быстро приподнялись вверхъ и снова уложились въ мужицкую прическу.

— А знаете и, скажу откровенно, что если бъ не пріѣхали эти гусары....

— А кто бы брэнчалъ шпорами? спросилъ Савронскій.

Луцкій грустно улыбнулся и безмолвно пожалъ руку Савронскому.

Кренскій уѣхалъ возлѣ Марьи Петровны.

— Съ вами сейчасъ бесѣдовала почтеннѣйшая Агаѣя Максимовна, — сказалъ онъ: — то-то я думаю досталось намъ съ Сурминымъ.

Блонская посмотрѣла на него съ удивленіемъ.

— Вамъ какъ будто кто пересказалъ нашъ разговоръ.

— Поживете въ уѣздѣ, такъ будете понимать малѣйшія движенія окружающихъ.

— Вы заинтересовали меня намѣкомъ: отчего же именно къ вамъ и Сурмину неблагополитъ Агаѣя Максимовна?

— Лѣтъ пятнадцать какъ она сватаетъ своего милого племянника, Дормидона Иваныча, и вездѣ, какъ говорятъ наши малороссіяне, высватываетъ ему *гарбуза*. И гдѣ только есть въ домѣ дѣвушки-невѣсты, тамъ она выдумываетъ на меня и Сурмина ужасныя вещи, потому-то мы оба не женаты и имѣемъ хорошее состояніе. Последнее обстоятельство, по ея мнѣнію, подрывъ счастья для Дормидона или Купидона Иваныча — какъ называетъ его одинъ со-сѣдъ, который самъ писалъ стихи, когда учился еще въ гимназіи.

Марья Петровна засмѣялась.

— А я вчера цѣлый вечеръ ломала голову, доискиваясь причины, отчего она такъ распространялась о счастіи супружеской жизни....

— И бранила насъ съ Сурминимъ?

— Кстати! Вы хорошо съ нимъ знакомы, м-г Кренскій? спросила Марья Петровна, будто безъ цѣли, какъ бы изъ простаго любопытства.

Арсеній Андреевичъ пристально посмотрѣлъ на нее, но отвѣчалъ ту же минуту.

— Очень хорошо! Это прекрасный, доброй души человекъ, только не получилъ основательнаго образованія, живетъ хорошо и страстно любить охоту.

— Говоря, что онъ не получилъ основательнаго образованія, вы очень снисходительны; мнѣ кажется, онъ совершенно не образованъ, что, впрочемъ, не мѣшаетъ быть *прекраснымъ* человекомъ.

— Какъ однако жъ мнѣ жаль, Марья Петровна, сказалъ Кренскій, что нѣкоторые изъ сосѣдей, по разнымъ семейнымъ обстоятельствамъ, не выѣзжаютъ. Право, у насъ собирается тогда очень милое общество.

— Да, я слышала;

— Есть много людей истинно образованныхъ.

Въ это время раздались звуки чудной, ловкой польки, какъ говорится dansante. (Увы, у насъ еще нѣтъ прилагательнаго равнозначительнаго этому, а вводить новое слово и опасно и бесполезно—опасно потому, что начать укорять въ претензии на нововведенія, и бесполезно оттого, что французскимъ словамъ долго еще суждено болтаться въ нашемъ славномъ, въ нашемъ звучномъ языкѣ). Да, изъ залы принеслись въ гостиную звуки такой привлекательной польки, что нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ, подобно разноцвѣтнымъ бабочкамъ, перепорхнуло изъ уборной. Ольга остановилась, однако жъ возлѣ матери. Пышные свѣтлые волосы ея, завитые въ мелкіе локоны, поэтически вились изъ-подъ голубаго вѣнка и прихотливо разсыпались по атласнымъ плечамъ, которыхъ форма и цвѣтъ были необыкновенно изящны; румянецъ молодости—не тотъ яркій румянецъ, украшающій полныя щеки дородной деревенской дѣвушки, но легкій розовый, разливался на лицѣ ея, подобно свѣтлomu кармину, такъ художнически разлитому на лепесткахъ бѣло-розовой камелии. Бѣлое газовое платье,

отдѣланное въ нѣсколько рядовъ бѣлыми же узенькими атласными ленточками, словно эеирное облако, обвивало самый роскошный станъ и какъ-то невыразимо-прелестно развѣвалось около этого воздушнаго существа, которое такъ обворожительно скользило по паркету, такъ умно и лукаво смотрѣло своими темно-синими глазами...

Марья Петровна потрепала ее по плечу.

— Кажется, ма снѣге, ты слишкомъ много танцуешь! сказала она.

— Когда же я мало танцевала? отвѣчала Ольга, сдѣлавъ прелестную гримаску.

— И этимъ удовольствіемъ всѣ вы обязаны доброму м-г Кренскому.

— Однако, мама, не слишкомъ довѣрай этому доброму м-г Кренскому: какъ-разъ съ своимъ праздникомъ попадешь въ его большую книгу, или по-крайней-мѣрѣ въ карикатуру.

— Вы писатель? спросила Марья Петровна.

— Нисколько.

— Къ-чему же скрытничать и скромничать?—прибавила Ольга: —я собственными глазами видѣла и рисунки, и начало повѣсти.

— Все это занятія стариннаго товарища, о которомъ я уже упоминалъ. Повѣрьте, я нисколько бы не скрывалъ, если бѣ обладалъ какимъ-нибудь талантомъ; и какъ бы я былъ счастливъ, имѣя способность писать или рисовать! прибавилъ онъ.

— Мнѣ что-то не вѣрится въ существованіе этого товарища.

Но Ольга не договорила; въ это время Луцкій, какъ осужденный на казнь, остановился передъ нею, приглашая на туръ польки.

Ольга порхнула въ залу, уронивъ букетъ съ груди, который и былъ поднятъ Кренскимъ.

— Вѣтреница! проговорила съ улыбкой Марья Петровна.

— Перенеситесь въ ея возрастъ и обвиняйте! сказалъ Кренскій, отпрапляясь въ залу отдать *поднятый* букетъ.

Съ необыкновенно любезною физіономіей Сурминъ тяжело опустился въ кресла возлѣ Марьи Петровны.

— Это удивительно, что Кренскій рѣшился пріѣхать на балъ! сказалъ онъ.

— А вы съ нимъ хорошо знакомы?

— Да, хорошо. Прекрасный человекъ, но чудакъ; впрочемъ,

прибавилъ Сурминъ тише: онъ, можетъ-быть, и правъ, что не по-сѣщаетъ обществъ.

— Я васъ не понимаю.

— Онъ, говорятъ, женатъ, но на другой же день свадьбы разъ-ѣхался съ женою.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Такъ говорятъ; но это между нами. Видите ли, зачѣмъ показывать человѣку что знаютъ его секреты, пусть его утѣшается. А влюбленъ, должно-быть, въ измѣнницу, потому-что во всѣхъ комнатахъ виситъ одинъ и тотъ же грудной женскій портретъ. Скажу вамъ, что истинная красавица, но далеко не то, что Ольга Сергѣевна.

— Вы находите?

— Увѣряю васъ, что такая дѣвушка. . что... ну, просто, розанчикъ...

— Да, она не дурна.

— Какое не дурна! это деликатесь, и не только у насъ въ уѣздѣ, но, я думаю, въ цѣлой губерніи нѣтъ ничего подобнаго.

— Очень вамъ благодарна за доброе мнѣніе.

— И, знаете ли, въ ней, кромѣ красоты, есть что-то такое.. этакое, то есть.... однимъ словомъ, не умѣю вамъ сказать что...

— А что-же, братъ, столь готовъ: за тобой остановка!—сказалъ толстый помѣщикъ, обращаясь къ Сурмину:—еще пультку?

— Къ Марьѣ Петровнѣ подѣсла Селенкина, и Сурминъ, волей и неволей снова отправился за преферансъ.

Выждавъ, пока Ольга прополькировала съ Луцкимъ, Кренскій подошелъ къ ней.

— Вы потеряли свой букетъ и даже не замѣтили; а это что-нибудь значить, сказалъ онъ.

— Ровно ничего не значить; однако благодарю васъ, что по-безпокоились поднять его.

— За одинъ цвѣтокъ можно бы пожертвовать жизнью, сказалъ Луцкій.

— А за два? спросила Ольга.

— О, это было бы величайшее блаженство!

— Посмотримъ, что же будетъ, если я дамъ вамъ три, сказала Ольга, выдергивая первые три цвѣтка и преспокойно отдавая ихъ Луцкому.

Юноша взялъ, поблагодарилъ, но такъ смѣшался, что отошелъ, бормоча какую-то пошлость.

— Вотъ новый способъ отдѣлываться отъ вздыхателей! ска-
заль Кренскій, пристально смотря на Ольгу.

— Этотъ вздыхатель такъ мнѣ надобѣль, что не могу безъ ужа-
са вспомнить о седьмой кадрили, которую ему общала.

— Можно помочь горю.

— Какимъ образомъ?

— Стоить танцовать только шесть.

— Но если будетъ весело и другіе захотятъ танцовать?

— Въ такомъ случаѣ Луцкій не лишится своего счастья, по-
тому-что, вѣроятно, будетъ весело. Вотъ графъ ожидаетъ вашихъ
приказаній.

— Что прикажете играть? спросилъ Целлинскій, подходя къ
Ольгѣ:— дамы отказываются полькировать.

— Я думаю, можно польку-мазурку: это не такъ утомительно.

— Слушаю.

И черезъ нѣсколько минутъ раздались звуки польки-мазурки.

Не желая мѣшать удовольствію молодой дѣвушки, Кренскій
отошелъ и присѣлъ близъ знакомой намъ группы лимонныхъ де-
ревьевъ.

Эти веселыя, одушевленные лица молодежи, эти граціозныя фи-
гуры молодыхъ дѣвушекъ, яркое освѣщеніе и обворожительные
звуки музыки напомнили Кренскому что-то необыкновенно-груст-
ное, и онъ невольно задумался. Давно уже составилаь кадрили,
а онъ все сидѣлъ на одномъ мѣстѣ и серьезно спрашивалъ себя:
«Неужели неумолимое время, унося жизнь человѣка, силы, наруж-
ную красоту, уничтожая виѣшность его, оставляетъ ему юную и
мощную душу, пылкое воображеніе и тѣ же самыя страсти, ко-
торыя кипѣли въ молодости?» Давно ли стройнымъ гусаромъ но-
сился онъ по паркету? Давно ли, танцуя съ хорошенькою дѣвуш-
кой, приходилъ въ трепетъ отъ одного прикосновенія? Давно ли
на немъ останавливались пламенные взоры?—и все исчезло, какъ
исчезаетъ впечатлѣніе давно-забытаго романа. Ему уже неидетъ
скользить по гладкому паркету; можетъ-быть, и теперь ощутилъ
бы онъ сладкій трепетъ, унося въ вихрѣ польки прелестное соз-
даніе; но остановятся ли на немъ выразительные, пламенные глаз-
ки.... А если и остановятся издали, на мгновеніе, то, разсмо-
трѣвъ поближе и предательскія сѣдины, и немного увядшія черты,
вѣроятно, съ испугомъ отвратятся отъ него и начнутъ искать
чего-нибудь свѣжѣе, занимательнѣе.... А эти послѣднія семь лѣтъ
его жизни, о которыхъ не знаетъ почти никто, потому-что Крен-

скій былъ слишкомъ гордъ искать чьего-нибудь участія; да и поможетъ ли участіе? И вотъ представилась ему иная сторона. Голубой заливъ, озаренный послѣдними яркими лучами заходящаго солнца, лѣниво дремлетъ у гранитныхъ береговъ. Темные кипарисы опустили свои печальные вѣтви....

Вотъ вы, наконецъ, и задумались,—сказала Вѣра, подходя къ Кренскому.—Хорошо-ли это на балѣ, гдѣ все вокругъ шумно и весело?

Кренскій, очнувшись и пристально посмотрѣвъ на Вѣру Блонскую. Некрасивое лицо ея по-прежнему было некрасиво, но въ черныхъ глазахъ свѣтилось такъ много ума и чувства, въ стройной талии было такъ много нѣги и граціи, а черныя кудри, развившись отъ танцевъ, такъ роскошно разсыпались по плечамъ, что первый разъ Вѣра показалась ему интересною.

— Да, я задумался, отвѣчалъ Кренскій, отодвигаясь немного, потому-что Вѣра, садясь возлѣ, задѣла его волнами газоваго платья:—и именно о томъ, что нѣтъ ничего счастливѣе человѣка, который рано умѣлъ составить планъ своей жизни и свыкъся, сдружился съ своею долею.

— Я полагаю, это зависитъ отъ каждаго.

— Нѣтъ, есть исключительные характеры, которые боятся всего опредѣленнаго и, какъ говорится, не сходятся съ своею долею.

— А благоразуміе?

— У всѣхъ на языкѣ, но не у каждаго главною пружиной дѣйствій. Впрочемъ, мы завели самый небальный разговоръ.

— По-моему ничего нѣтъ скучнѣе балныхъ любезностей. Я думала, что въ провинціи они оригинальнѣе, но съ ужасомъ замѣтила, что только неуклюжѣе. Вы не можете себѣ представить, какъ мнѣ надоѣлъ молоденькій корнетъ. Онъ, должно быть, очень самолюбивъ и много думаетъ о своемъ умѣ.

— Простите ему: онъ юноша. А ротмистръ Сливцовъ?

— Очень милъ и безъ всякихъ претензій. Онъ говорилъ, что стоитъ въ двѣнадцати верстахъ отсюда.

— Даже и того не будетъ. Въ молодости онъ былъ ужасно влюбчивъ.

— Онъ, кажется, еще не старъ.

— Я и не говорю этого; но есть предательскій возрастъ, въ которомъ человѣка нельзя назвать пожилымъ, а назвать молодымъ совѣстно, и по-моему это самый несчастный возрастъ.

— Значить, вы не любите середины.

— Почти. Прибавилъ-бы известную фразу: все или ничего, но, я думаю, вамъ успѣлъ ужъ повторить ее разъ нѣсколько г. Луцкій, этотъ румяный Чайльдъ-Гарольдъ нашего уѣзда.

— Я не удостоилась чести танцовать съ этимъ Чайльдъ-Гарольдомъ.

— Онъ разбитъ въ пухъ и въ прахъ равнодушіемъ Ольги Сергѣевны.

— А вы, вѣроятно, все замѣчаете.

— Больше-же мнѣ и дѣлать нечего: я не съѣлъ играть, потому-что карты надоѣли, не танцую, потому-что отвыкъ и оставилъ танцы.

— Мнѣ кажется, вы еще такъ недавно оставили танцы, что еслибъ и снова принялись за нихъ, то это вамъ самимъ не показалось-бы странностью.

— Семь лѣтъ какъ я не танцую.

— Семь лѣтъ! О, здѣсь, вѣроятно, кроется какая-нибудь причина.

— Не буду спорить. Впрочемъ, рано-ли, поздно-ли, человѣкъ долженъ оставлять танцы; а я оставилъ ихъ нѣсколько лѣтъ раньше чѣмъ другіе.

Музыка заиграла вальсъ. Къ Вѣрѣ подошелъ Луцкій.

— Вы позволите увлечь васъ? сказалъ онъ.

— Нѣтъ, не позволю, отвѣчала Вѣра съ улыбкой: кто хочетъ увлечь меня, тотъ не долженъ объявлять этого намѣренія.

— Нѣтъ-съ, то-есть въ вихрь вальса.

— Съ большимъ удовольвіемъ.

Кренскій остался на прежнемъ мѣстѣ. Луцкій посадилъ Вѣру на противоположномъ концѣ залы. Платокъ ея остался на стулѣ возлѣ Кренскаго. Самъ не зная почему, Арсеній Андреевичъ все ожидалъ, что недавняя собесѣдница подойдетъ къ нему. Онъ находилъ какую-то необыкновенную прелесть въ голосѣ этой дѣвушки и съ особеннымъ удовольвіемъ прислушивался къ звукамъ ея органа... Но недолго продолжалось необъяснимое желаніе Кренскаго: онъ оборотился и устремилъ глаза на очаровательное лице Ольги. Она сидѣла недалеко. Целлинскій разсказывалъ ей, вѣроятно, какое-нибудь забавное происшествіе, потому-что дѣвушка улыбалась, изрѣдка обмахиваясь вѣеромъ. Положеніе всей ея фигуры, немного наклоненной впередъ, было исполнено пластической красоты; а когда танцующія пары проносились мимо, и колеблемый

воздухъ приподнималъ край ея платья, маленькая узенькая ножка Ольги невольно была такъ кончикомъ бѣлаго атласнаго башмачка.

И вотъ, какъ-бы послушные одному желанію, Целлинскій и Ольга встали съ своихъ мѣстъ; ловкій гусарь обнялъ воздушную талію дѣвушки, и они понеслись подъ мелодическіе звуки вальса.

Кренскій слѣдилъ эту граціозную пару, пока не закружилась у него голова, и онъ закрылъ глаза рукою.

— Не собираетесь-ли вы уснуть подъ эти чудные звуки вальса? спросилъ у него кто-то.

Кренскій опомнился. Возлѣ него сидѣла Ольга съ глазами блиставшими отъ удовольствія, съ раскраснѣвшимся личикомъ, поправляя свои пышные свѣтлые локоны.

— О, многимъ можно-бы пожертвовать, чтобъ дойти до подобнаго равнодушія, отвѣчалъ Кренскій съ улыбкою.

— Другіе-же доходятъ безъ всякихъ жертвъ. М-г Клонкинъ такъ славно дремлетъ въ гостиной.

— Неужели онъ не играетъ въ преферансъ?

— Тетушка не позволила, говорить: проигрался, пусть постоитъ. А какое у него смѣшное имя?

— По-крайней-мѣрѣ рѣдко встрѣчаемое. Вамъ весело?

— Очень. Я давно ужъ не танцевала съ такимъ удовольствіемъ. Знаете-ли, мы танцуемъ вторую мазурку.

— А седьмую кадрили?

— Ахъ, кажется, я отъ нея не избавилась. М-г Кренскій, въ состояніи-ли вы принести жертву?

— Много я приносилъ ихъ въ моей жизни и мнѣ ничего не значить одною больше.

— Но, можетъ-быть...

— Договаривайте и располагайте мною безъ церемоніи.

— Садитесь возлѣ меня въ седьмой кадрили.

— Если бъ вы сказали это Целлинскому, или корнету, который что-то напѣваетъ предводительской дочкѣ, они разразились-бы любезностями; но я могу только сказать, что для меня это будетъ жертва легче всѣхъ, какія выпадали мнѣ на долю. Однако не разсердился-бы вашъ кавалеръ?

— Развѣ на него можно обращать вниманіе?

— На все должно обращать вниманіе, Ольга Сергѣевна.

— Мораль!..

— Въ родѣ этого.

Въ это время юнкеръ пригласилъ Ольгу и увлекъ ее отъ

Кренского, который, почувствовав что-то тяжелое на плечъ, оборотился и увидѣлъ Сурмина, опустившаго ему на плечо тяжело-вѣсную руку.

— Шалишь, братъ, Арсеній! сказалъ онъ.

Кренскій улыбнулся.

— Заѣхалъ на балъ, такъ надо стараться быть любезнымъ.

— Нѣтъ, шутки въ сторону, скажи по пріятельски: могу-ли на тебя положиться?

— Кажется, ты меня знаешь и дома, и въ отъѣздѣхъ полѣ.

— Знаю, что ты не даешь промаху, да не въ этомъ дѣло. Ты, можетъ-быть, вспомнилъ, братъ, старину, такъ, отъ нечего дѣлать, а я ужъ три недѣли схожу съ ума.

— Говори прямѣ!

— Врѣзался, братъ, въ Ольгу — вотъ какъ!

И Сурминъ провелъ пальцемъ отъ одного уха къ другому.

— Вотъ что! А я и не замѣтилъ, потому-что у тебя особенный способъ нравиться: оставляешь предметъ страсти съ гусарами, а самъ рѣжешься по копѣйкѣ въ преферансъ за четыре комнаты.

— Не прикажешь-ли мнѣ пуститься въ-присядку?

— Въ-присядку не совѣтую, а кадрили протанцовать не мѣшало-бы.

— Фю! фю! На семь ангажирована.

— Зачѣмъ опаздывать?

— Ты шутишь, Арсеній Андреичъ, а я умираю.

— Ни сколько не шучу.

— Ну, такъ знаешь... по старой пріязни... мы вѣдь не разъ травили вмѣстѣ... скажи... ты не будешь отбивать?

— Странный ты человѣкъ! да успѣлъ-ли ты прежде понравиться?

— Гдѣ тамъ ужъ нашему брату нравиться?.. Я, знаешь, братъ, этакъ... того... деликатно сообщилъ матери, что до вѣнца тысячу душъ запишу, а мало, запишу двѣ.

Кренскій приподнялся съ мѣста.

— Такъ ты хочешь купить Ольгу?

— Какъ купить? Въ своемъ-ли ты умѣ, Арсеній? Опомнись!

— Эхъ, братъ Сурминъ! въ наши-ли годы увлекаться молоденькими дѣвушками? Ты вѣдь добрый и благородный человѣкъ, а затѣваешь самъ незнаешь что.

— Какъ что? Мое намѣреніе самое благородное...

— Хлопотать, чтобъ изъ корыстолюбивыхъ видовъ, родител и принудили дочь...

— Ты что-то братъ, горячо защищаешь.

— Кажется, не первый разъ ты слышишь отъ меня подобныя вещи и знаешь мое мнѣніе объ этомъ предметѣ. Вѣдь самъ-же ты сказалъ, что не надѣешься понравиться.

— Ну, конечно...

— И предлагаешь записать до вѣнца тысячу душъ! Рѣдкая молодая дѣвушка рѣшится пожертвовать собою: надо имѣть слишкомъ много корыстолюбія, чтобъ выйти за пожилаго холостяка, не зная его совершенно.

— Ужъ нечего и говорить, братъ, ты краснорѣчивъ... Прощо, братъ, время, когда я слушалъ наставленія... Но я не сержусь, а только прошу одного: не перебивай, братъ, Арсеній!.. Посмотри, что за милашка! что за тальца! что за ножка! что за губочки!.. Умираю, просто умираю! Мнѣ кажется, если бъ она позволила поцѣловать себя, я готовъ-бы провалиться сквозь землю.

— Красавица и очень умная дѣвушка. А знаешь, ты-бы лучше сдѣлалъ, обратясь съ просьбой не ко мнѣ, а вонъ къ тому гусару, что за нею ухаживаетъ.

— Этого я не боюсь! Мнѣ, братъ, офицеры, да еще молодые, не страшны: можетъ-быть, у него, кромѣ мундира на плечахъ, и нѣтъ ничего... но ты мнѣ страшень, Арсеній! Полковникъ, братъ, двѣ тысячи душъ, братъ, да чертовски ты, братъ, образованъ— вотъ оно бѣльмо на глазу; а гусаръ погусарить—да и былъ таковъ!

— Ну, что-жъ? тебѣ хочется, чтобъ я не подходилъ къ Ольгѣ?

— Не то не подходилъ, а не пускай турысы на колесахъ.

— Въ послѣднемъ ты можешь быть совершенно увѣренъ.

— Ай! легче стало на сердцѣ! Завтра-же бацну предложеніе! Знаешь, братъ: панъ или пропалъ!

— И я люблю поступать рѣшительно. Однако лучше было-бы попытаться узнать мысли дѣвушки.

— Что-жъ, спросить у нея?

— Разумѣется...

— Самъ съѣшь! Ты знаешь, вѣдь, братъ Арсеній, что я не трусь, а передъ нею—ну, какъ заяцъ, ну точно, братъ, мальчишка.

— Я съ обѣими сестрами совершенно одинаковъ, и ты мо-

жешь быть совершенно увѣренъ, что я у тебя отбивать Ольги Сергѣевны не стану.

— Спасибо, спасибо! А вѣдь и старшая, братъ, фигурная дѣвка и должно быть умна чертовски.

— Да, отвѣчалъ Кренскій, улыбаясь.

Наконецъ заиграли седьмую кадрили.

Усѣвшись на свое мѣсто, Ольга искала кого-то глазами, разсѣянно отвѣчала на вопросы Луцкаго и повеселѣла, увидѣвъ, что приближался Кренскій; но каково-же было ея изумленіе, когда чрезъ нѣсколько секундъ и Сурминъ усѣлся за ея стуломъ. Дѣлать было нечего: она изъ двухъ золь избрала меньшее и была такъ внимательна съ своимъ кавалеромъ, что Кренскій улыбался, а Сурминъ выходилъ изъ себя отъ досады; и когда послѣдній, выведенный изъ терпѣнія, ушелъ въ гостиную дѣйствовать на Марью Петровну, Ольга тихо сказала Кренскому:

— Зачѣмъ вы привели Сурмина съ собою?

— Его привела ревность.

— Какъ?

— Послѣ, послѣ! Пожалуйста продолжайте начатую роль... вы превосходная притворщица.

Ольга лукаво погрозила Кренскому, который и ушелъ взглянуть еще на человѣчество, отличавшееся на зеленомъ полѣ. Въ большой длинной комнатѣ, прилегавшей къ кабинету Сергѣя Антоновича, были разставлены четыре стола, и за каждымъ изъ нихъ, въ разнообразныхъ позахъ, сидѣли играющіе, съ трубками, сигарами и папиросами. Лишнимъ будетъ дѣлать очерки помѣщиковъ, но не мѣшаетъ сказать, что большая часть изъ нихъ была такъ предана преферансу, что забывала все окружающее. Жертва гостепріимства, Сергѣй Антоновичъ, не вставалъ изъ-за столика отъ самаго обѣда и, кажется, игралъ четвертую пульку; у него ужъ заболѣла спина, кружилась голова отъ страшнаго дыма, но отказаться онъ не смѣлъ изъ боязни прослыть спѣсивымъ. Кренскому стало жаль старика; онъ подошелъ къ нему.

— Не позволите ли, Сергѣй Антонычъ, поиграть за васъ? спросилъ онъ.

— Если только это васъ не обезпокоитъ.

— Ни сколько, а между тѣмъ, кажется, вамъ не было времени и взглянуть, какъ у васъ весело.

Съ особеннымъ удовольствіемъ Блонскій передалъ игру Арсецію Андреевичу, пошелъ къ себѣ въ кабинетъ, намочилъ голову

одеколономъ, поправилъ немного прическу и, какъ ни въ чемъ не бывало, съ привѣтливою улыбкой вошелъ въ гостиную.

Скоро его позвали на совѣщаніе: танцовать ли вторую мазурку до ужина, или прежде поужинать, а послѣ ужъ веселиться безъ помѣхи. Сергѣй Антоновичъ заранѣе соглашался на все, и Марья Петровна рѣшила окончить танцы до ужина.

Вторая мазурка была шумнѣе и веселѣе, фигуры разнообразнѣе, только въ живости Ольги Блонской было какое-то притворство, и она разсѣянно посматривала по сторонамъ, иногда не впадѣть отвѣчая своему кавалеру, ротмистру Сливцову. Свѣтская дѣвушка, она смѣкнула, какое впечатлѣніе произведетъ на маму такое огромное состояніе Сурмина; притомъ же еще такъ недавно Марья Петровна говорила ей: «Какъ было бы хорошо найти жениха тысячи въ двѣ душъ», и бѣдняжкѣ стало какъ-то неловко встрѣчаться съ страстными взорами Сурмина, который не сводилъ съ нея глазъ. Целлинскій занялъ-было ее на минуту, но, не смотря на всю живость характера, Ольга не могла побѣдить въ себѣ невольнаго страха при мысли, что Сурминъ можетъ сдѣлать ей предложеніе. Она соображала всѣ выгоды подобнаго замужства: зима въ Петербургѣ уже мелькала въ ея воображеніи; даже представлялась ей и повѣзка за границу... Но жить неразлучно съ Сурминымъ, принадлежать ему и—кто знаетъ? можетъ-быть, со временемъ, подчиняться его капризамъ, казалось Ольгѣ невыносимымъ мученіемъ. Между-тѣмъ она знала свою мать; помнила еще недавнее происшествіе въ Петербургѣ, когда Марья Петровна чуть не принудила ее выйти за богатаго саратовскаго помѣщика, которому было подъ шестьдесятъ, у котораго внукъ оканчивалъ курсъ въ университетѣ, и тогда еще Блонскіе считали, что имѣли хорошес состояніе.

Сейчасъ же отворилась дверь изъ широкаго теплаго корридора, и слуги начали вносить маленькіе столики, сервированные каждый на четыре прибора. Черезъ нѣсколько минутъ все было готово. Оставалось только сѣсть такъ, чтобъ не было скучно.

Ольга всѣми силами старалась избѣжать Сурмина, и увидя его замѣшательство, съ которымъ онъ кого-то высматривалъ, подбѣжала къ Кренскому и просила его быть ея кавалеромъ. Меньшая Селенкина шла рука-объ-руку съ штабсъ-ротмистромъ, и эти двѣ пары помѣстились за однимъ столикомъ. И когда ужъ за вторымъ блюдомъ, штабсъ-ротмистръ занесся съ своей дамой чуть-ли не на седьмое небо, Ольга сказала Кренскому:

— Вы что-то хотѣли мнѣ сказать въ седьмой кадрили.

— Хотѣлъ поздравить васъ еще съ одной побѣдой.

Ольга грустно покачала головой.

— Эта побѣда очень мнѣ не нравится и пугаетъ меня.

— А бѣдный человѣкъ сходить съ ума отъ любви и ревнуетъ васъ ко всему міру,

Ольга задумалась.

— Знаете ли, меня серьезно начинаетъ беспокоить это преслѣдованіе.

Кренскій засмѣялся. Ольга посмотрѣла на него съ удивленіемъ.

— Правда, продолжала она, что я вижу васъ почти въ первый разъ, знаю очень мало, но мнѣ казалось, что я въ васъ не ошиблась, а между-тѣмъ...

— Нѣтъ, вы не ошиблись, Ольга Сергѣевна, — отвѣчалъ Кренскій серьезно: — а если я засмѣялся, то не потому, что мнѣ смѣшны преслѣдованія влюбленного сорокалѣтняго юноши, но я припомнилъ одну его просьбу... Вѣрите, что я понимаю щекотливость вашего положенія и могу говорить объ этомъ потому, что Сурминъ ни сколько не скрываетъ своихъ намѣреній.

Ольга поблѣднѣла.

— Ахъ, м-г Кренскій, вы не знаете какъ это огорчаетъ меня!

— Если я былъ такъ счастливъ, что успѣлъ заслужить ваше довѣріе, — то, значить, могу говорить откровенно.

— Потрудитесь налить мнѣ стаканъ воды и пожалуйста говорите, все что думаете.

— Вы жили въ свѣтъ и, если не ошибаюсь, изъ десяти супружествъ привыкли видѣть, можетъ-быть, только одно, основное на взаимномъ чувствѣ; остальные девять были, что называется *marriages de convenances*. Сурминъ получаетъ до ста тысячъ рублей годового дохода; онъ недалекъ, и на добро грубъ, но, сколько знаю его, благороденъ и порядочной фамиліи, а это въ свѣтъ называется прекрасной партіей. Много ли вы насчитаете, изъ вашихъ знакомыхъ, жениховъ съ подобными условіями? Но если вы вещественныхъ благъ жизни не цѣните выше всего въ мірѣ, если душа ваша содрогается при мысли продать себя за сто тысячъ рублей годового дохода, я благоговѣю передъ вами; а вы очень хорошо знаете, что для супружества необходимо согласіе дѣвушки.

— Благодарю васъ, м-г Кренскій! Дá, я не продамъ себя!

Въ это время къ Ольгѣ подошелъ Сурминъ съ бокаломъ въ рукѣ.

— Вы позволите мнѣ выпить за ваше здоровье, Ольга Сергѣевна? сказалъ онъ, изкоса посматривая на Кренскаго.

— Напротивъ, я должна благодарить васъ за эту честь.

— Смотрите же, не оставилъ ни одной капельки! говорилъ Сурминъ, выпивая бокаль и опрокидывая его. — А кадрили-чкѣ за вами, продолжалъ онъ.

— Я не позабыла.

— Будто бы?

— Первый разъ, что встрѣтимся—вы увидите, помню ли я свои обѣщанія?

Сурминъ весело посмотрѣлъ на Кренскаго.

— А ты, братъ, и не подозрѣвалъ, что я пускаюсь въ танцы?

— Ничего нѣтъ удивительнаго. Да я не понимаю, зачѣмъ иные предпочитаютъ преферансъ удовольствію быть въ обществѣ интересныхъ двушекъ?

— А чуть лишь ты не правъ! Какъ-будто ужъ мы дряхлые старики, что-ли?

— Я полагаю это потому, что вы, господа, не находите удовольствія въ нашемъ обществѣ, сказала Ольга.

— О, нѣтъ, Ольга Сергѣевна! такъ ужъ у насъ принято; но съ вашимъ пріѣздомъ, надѣюсь, измѣнится это обыкновеніе.

Скоро кончился ужинъ. Ближайшіе сосѣди развѣхались; гусары отправились къ Кренскому, а остальные гости разошлись по своимъ комнатамъ.

VII.

Ноябрьская темная ночь налегла на Дубровницы. Небо мрачно и покрыто облаками; по временамъ моросить мелкій дождикъ; холодный вѣтеръ печально шумить въ обнаженныхъ деревьяхъ и разноситъ далеко за деревню разнообразный лай собакъ, которыя, чуя издали приближеніе волка, бодрствуютъ, какъ самыя исправныя часовые.

Въ господскомъ домѣ все уже начало утихать; дворня почти окончила свои обязанности; только въ большой избѣ пріѣзжіе кучера и слуги не успѣли наиграться въ подкаретную.

Однако же въ домѣ и во флигеляхъ сквозь щели многихъ ставень виднѣлся еще свѣтъ; изъ нѣкоторыхъ дверей выбѣгали горничныя, едва замѣтныя подъ объемистыми, хотя и легкими ношами бальныхъ костюмовъ.

Сергій Антоновичъ, въ полосатомъ шерстяномъ халатѣ и красивой бархатной шапочкѣ, только-что взялся за свѣчу, чтобъ поставить ее на маленькомъ столикѣ возлѣ кровати и, конечно, улежся отдохнуть, какъ постучались въ дверь его кабинета.

— Можно? спросилъ звонкій голосъ Марьи Петровны.

— Можно; только я ужъ хотѣлъ ложиться спать: усталъ ужасно!

— Я на минуту.

И вслѣдъ затѣмъ Марья Петровна, въ щегольскомъ неглиже, вошла въ кабинетъ мужа и улеглась на оттоманѣ. Сергій Антоновичъ подкатилъ къ ней покойное кресло.

— Ты ничего, Serge, не замѣтилъ?

— Напротивъ, многое замѣтилъ: жаркое было пережарено, мороженое отзывалось корицей.

— Ахъ, совсѣмъ не то! Ты, значить, не обращалъ вниманія на Ольгу.

— Она была чудо какъ хороша!

— А больше?

— Чтó же могло быть больше? вѣроятно, немного пококетничала,—это простительно молоденькой дѣвушкѣ.

— Она лучше сдѣлала: вскружила голову Сурмину.

— Какимъ образомъ?

— Весьма просто. Еще на балѣ у Селенкиной этотъ медвѣдь влюбился въ нее по уши, а теперь только и бредить Ольгой.

— Дубина порядочная!

— Однако всѣ единогласно говорятъ, что у этой дубины 2,300 душъ, да кромѣ-того, превосходно устроенное имѣнiе.

— Это обстоятельство заслуживаетъ вниманія. А Ольга?

— Извѣстно, какъ всѣ вѣтреницы въ ея лѣта, и смотрѣть не хочетъ на него; но, разумѣется, одумается, потому-что съ двѣнадцати лѣтъ я постоянно вселяю въ нее правила благоразумія.

— То есть какъ?

— То есть воспитывала моихъ дочерей какъ слѣдуетъ порядочной женщиной: старалась искоренять въ нихъ всевозможныя романтическiя наклонности, приучала считать главнымъ условiемъ жизни: хорошiй тонъ, мнѣнiе свѣта и состоянiе.

— И ты увѣрена, что она усвоила всѣ эти наставленiя? А давно ли, вопреки тебѣ, она отказала Даурину?

— Это оттого, что ты вмѣшался съ своими расчетами о

знатности происхожденія. Но тогда мы были богаты, и я не настаивала на своемъ, а теперь, когда мы нищѣ, и Богъ посылаетъ подобнаго жениха, надѣюсь, Serge, что ты поддержишь меня.

— Если супружество съ Сурминимъ поведетъ Ольгу къ счастью — я не прочь; только надо прежде узнать обстоятельно незаложено ли его имѣніе, не состоитъ ли оно въ процессъ, а главное, если мы узнаемъ—что это за человѣкъ?

— Последнее и, конечно, самое главное обстоятельство,—прибавила Марья Петровна, лицемѣрно подымая глаза къ небу:—я узнала самымъ подробнымъ образомъ: Сурминъ недалекъ, даже грубоватъ, но добръ, честенъ и благороденъ. Это единодушное мнѣніе всѣхъ сосѣдей, подтвержденное еще болѣе отзывомъ Кренскаго, который, конечно, способнѣе другихъ оцѣнить достоинства человѣка.

— А! Кренскій! Вотъ человѣкъ; Марья Петровна!

— И богатъ, и уменъ, и образованъ, но, говорятъ, чудакъ, живетъ врозь съ женою.

— Онъ женатъ?

— Такъ рассказываютъ подъ-рукою.

— Не совѣтую тебѣ, душа моя, вѣрить этимъ рассказамъ подъ-рукою: и въ Петербургѣ черезъ нихъ мы довольно имѣли исторій, а здѣсь тѣмъ болѣе. Знаешь ли, что рѣдко сыскать такого сосѣда, какъ Кренскій; и если бъ онъ сблизился съ нами, это была бы находка для деревни.

— Но если онъ женатъ?

— Что же за надобность? все это ни сколько не мѣшаетъ ему быть образованнымъ человѣкомъ и пріятнымъ собесѣдникомъ.

— Но какъ женихъ....

— Э, матушка, нельзя же въ каждомъ богатомъ человѣкѣ видѣть будущаго зятя!

— Однако мы удалились отъ настоящей цѣли. И такъ я надѣюсь, что ты не только не станешь мѣшать мнѣ въ отношеніи къ Ольгѣ, но, какъ добрый отецъ, будешь помогать въ необходимомъ случаѣ.

— Во всемъ, что будетъ касаться счастья дочери, но никогда не соглашусь принуждать ее.

— Ужъ и принуждать! можно совѣтовать....

— Плохо совѣтовать молоденькой дѣвчкѣ выходить за старого, необразованнаго холостяка, и увѣрять ее, что она будетъ съ нимъ счастлива.

Марья Петровна приподнялась немного съ оттоманки и топнула ногой.

— Вы всегда поступаете подобнымъ образомъ! сказала она. Васъ самихъ ни чѣмъ не урезонишь, потому-что вы слишкомъ просты. По-крайней-мѣрѣ не мѣшайте мнѣ заботиться о счастья дѣтей.

— Ты имѣешь нехорошую привычку, душа моя, затевать ссору. Развѣ же я звѣрь какой-нибудь, чтобъ не хотѣлъ доставить счастья дочери? Но повторяю, никогда не соглашусь принуждать дитя итти замужъ противъ склонности.

— Serge! мы нищіе, а у Сурмина 2,300 душъ и отлично устроенное имѣніе.

— Утро вечера мудренѣе. Будетъ еще время потолковать объ этомъ. Можетъ-быть, Сурминъ взбѣленился, но одумается. Пусть сдѣлаетъ предложеніе. А теперь, Марья Петровна, я усталъ до изнеможенія.

И Сергѣй Антоновичъ ловко подаль женѣ руку, помогъ ей встать и съ необыкновенною любезностью проводилъ ее къ двери.

Марья Петровна громко поцѣловала старика въ лобъ.

— Такъ не будешь мѣшать?

— Никогда не отказываюсь отъ своего слова.

Три чистыя просторныя комнаты на верху были прекрасно отдѣланы для помѣщенія Ольги и Вѣры. Средняя комната, съ большимъ италіянскимъ окномъ, служила общею уборной; направо была спальня Ольги, налѣво спальня Вѣры. Раздѣвшись и отпустивъ горничныхъ, сестры, въ чистыхъ безукоризненной бѣлизны пеньюарахъ, какъ водится, каждая съ папироской, полулежали въ большихъ покойныхъ креслахъ. На столѣ догорали двѣ свѣчи въ красивыхъ серебряныхъ подсвѣчникахъ и бросали яркій свѣтъ на лица молодыхъ дѣвушекъ. Ольга была задумчива. Вѣра не измѣняла обычному характеру.

— Шутки въ сторону, ты говоришь серьезно? спросила она.

— Неужели же ты не видишь, что серьезно.

— Знаешь ли, это плохо!

— И какъ еще плохо!

— Но онъ не говорилъ тебѣ?

— Нѣтъ, слава Богу, но уже видно по-всему, что намѣкнулъ мамѣ.

— А говорятъ, Сурминъ очень богатъ.

— Очень. Однако же, та сѣге, если бѣ онѣ тебѣ сдѣлалъ предложеніе?

— Вѣра задумалась, потомъ размѣялась.

— По-крайней-мѣрѣ подѣ вѣнцомъ не нашли бы между нами большаго контраста, сказала она.

— Хорошо тебѣ шутить! сказала Ольга, склоняя головку.

Вѣра подошла и обняла сестру.

— Не унывай, Ольга!

— Знаешь ли, Вѣра, Сурминѣ что-то говорилъ обо мнѣ Кренскому, но я замѣтила, что на вопросъ мой объ этомъ, Кренскій какъ-то ловко увернулся.

— Каковъ нашъ нелицимъ?

И Вѣра невольно покраснѣла. Ольга пристально посмотрѣла на нее.

— А тебя, кажется, онѣ интересуеѣ? спросила она сестру.

— Я думаю, что и ты не скучала въ его обществѣ. Впрочемъ, графчикъ не отходилъ отъ Ольги Сергѣевны.

— А правда, хорошенькій гусарчикъ? Онѣ мнѣ напоминаетъ Бобо.

— И очень напоминаетъ? спросила Вѣра, улыбаясь.

— Не такъ, какъ думаетъ Вѣра Сергѣевна.

— Однако жѣ...

— Нѣтъ, мой другъ! Онѣ смазливый мальчикъ, не глупъ, ловокъ, прекрасно танцуетъ и можетъ занять на балѣ.... Но что мнѣ дѣлать съ моимъ медвѣдемъ, если онѣ въ самомъ дѣлѣ явится съ предложеніемъ? Вѣдь у этихъ провинціаловъ вздумано—сдѣлано.

— Но ты позабыла о папенькѣ, который такъ тебя любитъ.

— Ахъ, Вѣрочка, онѣ любитъ обѣихъ насъ одинаково, но воля мамы для него законъ.

— Не всегда, однако жѣ: исторія съ Дауринимъ показала противное.

— А какъ ты думаешь, явятся ли завтра гусары, по здѣшнему обыкновенію?

— Не знаю. А тебѣ бы хотѣлось?

— Конечно. И ужѣ вѣроятно нелицимъ съ ними?

— Сомнѣваюсь. Впрочемъ, это было бы не дурно: завтра можно еще потанцовать. Но какъ притихли наши прежніе кавалеры!

— Ахъ, противные, въ особенности этотъ Луцкій! Однако жѣ, Вѣра, пора ложиться: мнѣ совершенно не хочется спать, но тѣло жаждетъ успокоенія.

— Прощай и помѣньше думай о Целинскомъ.

— Прощай! отвѣчала Ольга, цѣлуя сестру:—и не смѣй думать о нелюдимѣ...

— Развѣ и онъ?

Ольга сдѣлала гримаску.

— Жаль, что не такъ молодъ, сказала она.

Вѣра ей погрозила пальцемъ, и каждая изъ нихъ, взявъ свѣчу, отправилась въ свою комнату.

Многія молодыя дѣвушки еще мечтали о гусарахъ; нѣкоторые игроки вспоминали еще всѣ свои ошибки въ преферансѣ и сладко мечтали о завтрашней дообѣденной пулкъѣ; инныя матушки радовались приходу гусаровъ, не удастся ли выдать дочерей замужъ; но большая часть человѣчества предавалась успокоенію.

Направо отъ дома, въ обширномъ флигелѣ, Сурминъ занималъ двѣ порядочныя комнаты. Марья Петровна заблаговременно позаботилась приказать приготовить для него почти роскошное помѣщеніе, и потому въ квартирѣ Сурмина было какъ-то все изящно и удобно.

Петръ Мартыновичъ въ богатомъ мѣховомъ халатѣ и въ расшитой золотомъ шапочкѣ лежалъ на постели и поминутно курилъ изъ коротенькой черкесской трубочки. Передъ нимъ, на столѣ, горѣли двѣ свѣчи и яркій свѣтъ ихъ озарялъ многія богатыя серебряныя и золотыя вещи, вѣроятно, съ умысломъ разбросанныя. Тутъ-же стояла черная шкатулка, окованная серебромъ, въ которой, по словамъ сосѣдей, всегда было около двадцати-пяти тысячъ наличными, на всякій случай. Возлѣ стояли превосходные дорожныя часы и громкимъ боемъ каждую четверть часа нарушали ночное безмолвіе. Въ передней два человѣка, одѣтые по-охотничьи, сидѣли на стульяхъ и изрѣдка разговаривали между собою самымъ тихимъ шепотомъ.

Сурминъ вскочилъ съ кровати и сѣлъ въ кресло у стола, передъ круглымъ зеркаломъ, въ серебряной оправѣ. Медленно придвинулъ онъ свѣчи къ зеркалу и снялъ богатую шапочку.

«Кажется, я не уродь (думалъ онъ), да и сѣдины еще не Богъ вѣсть сколько; цвѣтъ лица у меня здоровый — чего же еще ей надо? Выйдетъ за меня, будетъ барыня, что называется; одѣну какъ куклолку; карету выпишу изъ Парижа; брильянтовъ накуплю, пожалуй, заведу другую музыку; балы буду давать на всю губернію—чего-же еще ей надобно?... Должна пойти!.. А если..?»

И Сурминъ облокотился на руку головою; на глазахъ выступили слезы.

«А, Боже мой!. Это-жъ наказаніе: цѣлую ночь глазъ не сомкнуть! И зачѣмъ передъ глазами мерещется это свѣженькое розовое личико?... А губки — губёночки! а шейка—бѣленькая, полненькая! а талица... а эта ножечка, такая крошечная... Если бѣ хоть ее позволила поцѣловать. Ахъ, Ольга, Ольга! раскрасавица Ольга!..

И Сурминъ снова впалъ въ задумчивость. Дорожные часы пробили четыре.

Петръ Мартыновичъ ударилъ кулакомъ по столу.

— Не спится, проговорилъ онъ. Гей! Максимъ!

Въ ту же минуту вошелъ сѣдоусый камердинеръ въ свѣтло-зеленомъ казакинѣ, ловко перетянутый широкимъ ремнемъ.

— Подавай мнѣ Будилу!

И черезъ нѣсколько секундъ Максимъ толкалъ большую заспанную гончую собаку, которая протяжно зѣвала и нѣхотя приближалась къ господину.

— Поди сюда, мой Будило! говорилъ Сурминъ, лаская собаку: Добрый Будило! Что не дали спать? Не дали, бѣдняжкѣ!..

И Будило, услышавъ знакомый голосъ, замахалъ хвостомъ, взобрался передними лапами на колѣни къ господину и тихо залаялъ.

— Что, Будилочка, жаль тебѣ меня, моя добрая собака, жаль! Ты любишь меня!

Собака начала лизать руки Петра Мартыновича, что окончательно растрогало послѣдняго.

Слезы навернулись на глазахъ Сурмина, но онъ и не замѣтилъ этого.

Дорожные часы пробили четверть пятого.

Будило медленно опустился съ колѣнъ господина, посмотрѣлъ на него, тихо отошелъ и, махая хвостомъ, преспокойно взобрался на постель и улегся въ ногахъ, вздыхая—изъ состраданія-ли къ доброму барину, или отъ удовольствія лежать на мягкой постели.

— Гей! Максимъ!

— Что прикажете?

— Подавай мнѣ Квинту!

Снова Максимъ ввелъ небольшую черную, съ желтыми пятнами собаку, которую, однако жъ ненадо было толкать, потому-что

она съ радостнымъ лаемъ прямо бросилась въ объятія Петра Мартыновича и начала лизать ему руки.

«Квинточка ты моя... радость ты моя, виртуозка ты моя! И тебѣ жаль барина! Жаль, Квинточка!.. Видишь онъ не спитъ, глазъ не смыкаетъ... И не передъ охотой, братъ, Квинточка, нѣтъ, не передъ охотой!» продолжалъ Сурминъ, лаская собаку.

И снова молчаніе. Квинта, въ свою очередь, видя неподвижность господина, медленно опустила съ его колѣнъ, замахала хвостомъ и хотѣла-было прыгнуть на барскую постель, но Будило встрѣтилъ ее неприязненнымъ ворчаньемъ, что показалось Квинтѣ неприличнымъ, и она тоже возвысила голосъ и у нихъ начался дуэтъ, который вывелъ Сурмина изъ задумчивости.

Петръ Мартыновичъ пробудился въ эту минуту охотникомъ. Мигомъ вскочилъ онъ съ кресла, схватилъ со стѣны длинный арапникъ и ловко, съ необыкновеннымъ искусствомъ, захлопалъ имъ по воздуху.

— Цыцъ! молчать! Я васъ, бестіи!..

Максимъ и молодой мальчикъ вбѣжали въ комнату.

— Вызвать собакъ!

Собаки были вызваны, а дорожные часы прозвонили половину пятого.

— Гей!

— Что прикажете?

— Подавай мнѣ Ивана Яковлевича!

— А если спать?

— Самоваръ! и сію минуту подавай мнѣ Ивана Яковлевича!

Минуть черезъ десять, въ теплыхъ сапогахъ и тепломъ халатѣ вошелъ заспанный Иванъ Яковлевичъ.

— Чтó, вы больны, Петръ Мартынычъ?

— Нѣтъ, дружище, не спится. Велѣлъ давать чаю и послалъ за тобою.

— Но еще рано. Я усталъ: танцевалъ цѣлый вечеръ, волочился...

— Велю подать настоящаго ямайскаго.

— Раненько, раненько!

— Пустое! Да проснись-же!

— Я про-о-оснулъся, отвѣчалъ Рябко, зѣвая протяжно.

— Послушай, ты знаешь мой голубой фэтонъ, чтó я купилъ за прошлый годъ въ Ромнахъ, помнишь, еще пристыдилъ мастера, который, послѣ торга, требовалъ прибавки.

— По-о-мню.

— Хочешь, фаэтонъ будетъ твой?

Иванъ Яковлевичъ сдѣлался бодрѣе и попросилъ сигарку.

— И сигаръ подарю, продолжалъ Сурминъ.

— Вотъ это по-дружески!

— И дамъ въ займы пятьдесятъ цѣлковыхъ

— И какъ это будетъ кстати! У меня мало денегъ; никто не платитъ долговъ, а послѣдніе двѣсти цѣлковыхъ третьягодня я отдаю въ займы.

Сурминъ усмѣхнулся.

— Только, братъ, все это не даромъ! сказалъ онъ.

— Въ чемъ-же дѣло?

Петръ Мартыновичъ выпрямился.

— Ты долженъ мнѣ помогать, братъ, Иванъ Яковлевичъ!..

— Чѣмъ могу...

— Тебѣ будетъ самая легкая работа: помогать языкомъ, дружище.

— Готовъ, готовъ.

— Видишь-ли, я влюбленъ .. влюбленъ, братъ, въ старшую Блонскую и хотѣлъ-бы жениться.

— Такъ что-жъ мѣшаетъ? Завтра я сдѣлаю за тебя предложеніе.

— Шалишь, братъ, Иванъ Яковлевичъ, пожалуй, солжешь что-нибудь—и выйдетъ чортъ знаетъ что... Нѣтъ, не въ томъ дѣло; ты подъ-рукой, знаешь, распускай, братъ, самые невыгодные толки о Кренскомъ... Оно, правда, что тебѣ неслишкомъ-то повѣрять, но ты постоянно увѣрай, что онъ женатъ.

— А что, развѣ онъ соперникъ?

— Навѣрное не знаю, но кажется...

— То-то, я замѣчалъ, когда она меня выбирала, Кренскій косился.

— Ну, врешь, братъ, Иванъ Яковлевичъ!

— Что-жъ тутъ удивительнаго? А за ужиномъ онъ не отходилъ отъ Оленьки.

— Вотъ это правда!

— И знаешь-ли,—прибавилъ Рябко шепотомъ:—они бѣли изъ одной тарелки и пили изъ одного стакана—самъ видѣлъ.

— Врешь, скотина! воскликнулъ Сурминъ, ударивъ кулакомъ по столу.

— Послушайте, Петръ Мартынычъ, я вѣдь могу и обидѣться! сказалъ Рябко, нѣхотя вставая со стула.

— Зачѣмъ-же врать? Я глазъ не сводилъ съ Ольги и Кренскаго: они разговаривали — и больше ничего...

— И больше ничего?..

— Ну, конечно ничего. Однако, слушай, если ты хочешь имѣть фаэтонъ, сотню сигаръ и пятьдесятъ цѣлковыхъ, ты поминутно расхваливай меня, выдумывай на Кренскаго что хочешь, и послѣ все мнѣ пересказывай. Но чуръ не привирать, иначе въ Заключинцы и носу не показывай! Да если какъ-нибудь подгадишь — будетъ тебѣ плохо, братъ, Иванъ Яковлевичъ!

Въ это время Максимъ явился съ серебрянымъ подносомъ, на которомъ стояли два стакана чаю и огромный флаконъ съ душистымъ ромомъ.

— Подливай-ко, братъ, Иванъ Яковлевичъ, побольше ямайскихъ сливокъ, да съ завтрашняго дня и начинай свою роль; а тамъ хоть прямо прїѣзжай въ Заключинцы: я напишу управляющему записку — и ты получишь фаэтонъ.

Рябко налилъ порядочное количество рому въ свой стаканъ, потребовалъ сахару, протеръ глаза и принялся прихлебывать чай изъ стакана.

Сурминъ сидѣлъ, подперевъ голову обѣими руками. На угрюмомъ лицѣ его попеременно отражались гнѣвъ и надежда; въ глазахъ иногда появлялась какая-то рѣшимость, но исчезала мгновенно.

— Ну, какъ ты думаешь, Иванъ Яковлевичъ, а?

— Мнѣ кажется, ничего нѣтъ легче.

— То-есть какъ?..

— Да такъ: сдѣлать предложеніе — и дѣло съ концомъ.

— Болванъ ты, братъ, любезнѣйшій Иванъ Яковлевичъ! Потвоему такъ по пословицѣ: какъ *дурень съ печи!*

— Да зачѣмъ-же канитель тянуть?

— Надо-же узнать расположенность дѣвушки!

— Что-жъ, вы будете ожидать, пока Ольга Сергѣевна сама вамъ не скажетъ о ней?

— Опять дурень, братъ, право, дурень! Ну, а какъ-же я то пойду и скажу: «хотите-ли за меня замужъ?» Вѣдь это не то, что *comment vous portez-vous?* Надо-же узнать, что она думаетъ обо мнѣ.

— А вы полагаете, что дѣвушка такъ сейчасъ и скажетъ свои мысли?

Сурминъ приподнялъ голову.

— А чуть лишь оно не на твое выходитъ, братецъ ты, Ваня, другъ закадычный.

— Иногда женщина любить, а показываетъ, что ненавидитъ.

Сурминъ подлилъ себѣ въ стаканъ рому—и какое-то радостное выраженіе мелькнуло на лицѣ его.

— Женщины непостижимы, продолжалъ Иванъ Яковлевичъ, прихлебывая изъ стакана. Однажды жена испанскаго посланника безъ всякой причины начала отъ меня отворачиваться, а я, знаете, придумалъ было за нею. Не понимаю причины неудовольствія—хоть убей! Я съ комплиментомъ, она и слушать не хочетъ; я ей нѣжный взоръ—она и не смотритъ. Вдругъ на придворномъ балѣ...

— Вотъ ужъ и заѣхалъ! Попла писать! Въдъ ты знаешь, что я не вѣрю твоимъ приключеніямъ, такъ и говори мнѣ дѣло.

— Да въдъ я хотѣлъ доказать, какъ непонятны женщины.

— И выдумалъ какую-то испанку, придворный балъ! Нѣтъ, братъ, Иванъ Яковлевичъ, ты вральманъ, братъ, извѣстный, побереги эти исторіи для новичковъ.

— Кажется-же я никому еще не открывалъ этой тайны.

— А дорого тебѣ выдумать какую угодно тайну? Языкъ въдъ безъ костей, а мы старые знакомые. Ну, что, если въ самомъ дѣлѣ Оленька притворяется?

— Я даже увѣренъ что притворяется, потому-что чуть вы подходите, она опускаетъ глаза, а отойдете куда-нибудь—посмотрѣли-бы вы, какими она васъ провожаетъ глазами.

— Другъ! и ты не лжешь?

— Неужели-же по-вашему, я никогда не говорю правду?

— Очень братъ рѣдко, къ сожалѣнію. А женочка-бы ничего, Иванъ Яковлевичъ—а? Примѣтилъ-ли ты что у нея за ротикъ? Свѣжесть, братецъ, малиновая, то-есть... ну, однимъ словомъ: деликатесь! А таія!.. И еще на балѣ, знаешь, жарко; платьице такое соблазнительное, знаешь, послѣ вальса... Какъ посмотрѣлъ я на нее... уфъ! братъ, Иванъ Яковлевичъ, скажи мнѣ она: «Петръ, запиши мнѣ имѣніе!» вѣришь-ли—вотъ тебѣ крестъ!—записалъ-бы двѣ ты-сячи душъ, оставя себѣ только триста, да охоту—вотъ оно что! Этакъ недѣльки двѣ пробытъ на охотѣ и возвращаться въ Заклю-

чинцы, зная, что ожидаетъ тебя такая женочка, что она поцѣлуетъ тебя этими губками, прижметъ къ этой груди...

И, закрывъ глаза, Сурминъ предался волѣ своего грубаго, необузданнаго воображенія.

Поглядывая на него украдкой, Иванъ Яковлевичъ прихлебывалъ чай, подливалъ рому и началъ строить свои воздушные замки. У него будетъ почти новый фаэтонъ, сотня сигаръ и на первый разъ 50 цѣлковыхъ. Дѣло хорошее, тѣмъ болѣе, что онъ боялся уже попросить въ займы у Сурмина, которому былъ долженъ порядочную сумму.

Дорожные часы пробили шесть. Петръ Мартыновичъ очнулся.

— Да, братъ Иванъ Яковлевичъ, я былъ-бы совершенно счастливъ...

— Ничего нѣтъ невозможнаго.

— Вотъ рука! Если успѣю, если женюсь на этой дѣвочкѣ, дарю тебѣ 1000 цѣлковыхъ и весь долгъ уничтожаю.

— Я и не сомнѣвался въ вашемъ великодушїи, достойнѣйшїи Петръ Мартынычъ! Вы, слава Богу, богаты, а мои дѣла идутъ очень дурно. Вотъ посылаю въ Одессу пшеницу, знаете, взялъ подрядъ у греческаго купца...

— Эхъ, братецъ, Бога ради, не запускайся!..

— А, вы не спите, господа! сказалъ, входя, Луцкїй, близкїй соудъ Сурмина по деревнѣ:—раненько-же изволили подняться!

Сурминъ изкоса посмотрѣлъ на неожиданнаго гостя.

— А ты, братъ, что такъ рано? спросилъ онъ.

— Крысы не давали спать цѣлую ночь.

— Ха, ха, ха! Такъ васъ положили съ крысами! Ха, ха, ха! Приятно мечтать послѣ бала!

— О чемъ мечтать? сказалъ Луцкїй, сядя на кровать.--Вотъ, если бъ я былъ гусаръ...

— А кто же, братъ, виноватъ, что ты не гусаръ? Вольно-же повѣсничать, бить баклуши; опредѣлился-бы въ полкъ и звенѣлъ-бы шпорами:—вотъ что...

— Я и то, слава Богу, чиновникъ.

— Такъ нечего-же и завидовать гусарамъ. Однако, прошу чаю. Эй, Максимъ! чаю паничу! А мы вотъ съ Иваномъ Яковлевичемъ разговорились о томъ, о сѣмъ.

— А какая у васъ великолѣпная квартира, Петръ Мартынычъ! Что значить быть женихомъ...

Сурминъ улыбнулся.

— Я думаю, у всѣхъ хорошія квартиры, сказалъ онъ.

— Ну, нѣтъ, я видѣлъ помѣщеніе предводителя—гораздо проще.

Сурминъ посмотрѣлъ на Ивана Яковлевича, а тотъ сдѣлалъ мину, означавшую: видишь, дѣло идетъ на ладъ.

Незначительное замѣчаніе Луцкаго благотворно подѣйствовало на Петра Мартыновича. Онъ въ первый разъ только замѣтилъ, что квартира его была убрана съ особенною роскошью.

— Гей! Максимъ!..

— Что прикажете!

— Чтѣ, эта квартира прямо намъ и отведена?

— Разумѣется, намъ. Поваръ мнѣ говорилъ, что барыня раза два сама приходила посмотреть все-ли въ порядкѣ, и это серебряное зеркало прислала съ своей дѣвушкой...

Сурминъ помолодѣлъ нѣсколькими годами.

VIII.

Недѣли черезъ двѣ послѣ описаннаго вечера, выпала первая санная дорога. Деревенская природа приняла совершенно другой видъ, и хотя пелена снѣга покрыла ее совершенно, однако она не казалась мрачной и пустынной. Деревья одѣлись инеемъ. Солнце ярко свѣтило на безоблачномъ небѣ и, озаряя кудрявые лѣса, блестяло миллионами искръ въ кристаллахъ инея.

Всѣ это время Кренскій чувствовалъ себя нездоровымъ и почти не выходилъ изъ дома; онъ хандрилъ, не принималъ никого, сказывался больнымъ при посѣщеніи знакомыхъ, чтѣ однако жъ, никого не удивляло, потому-что сосѣди привыкли къ образу жизни Кренскаго.

Читатели уже знаютъ Арсенія Андреевича, по-крайней-мѣрѣ, сколько-нибудь поняли его характеръ, его направленіе, слѣдовательно нечего описывать ни молодости Кренскаго, ни бурныхъ событій прокипѣвшей жизни—ни службы: все это обстоятельства, которыя нисколько не объясняютъ причины уединенія его въ малороссійскую деревню. А я постараюсь приподнять завѣсу прошедшаго лѣтъ за семь и освѣщу происшествіе, имѣвшее вліяніе и на хандру Кренскаго, и на упрямую страсть къ одиночеству.

Ему уже минуло тридцать лѣтъ, когда въ Петербургѣ сблизился онъ съ женою одного изъ своихъ товарищей по службѣ. Особа эта была красоты ослѣпительной, воспитанія хотя поверхностнаго, но блестящаго, и кокетка въ высшей степени, такъ-что, если бъ она за-

хотѣла свѣсть кого съ ума, хотя-бы самаго нѣжнаго отца семейства—никто не могъ устоять противъ ея коварныхъ обольщеній, и, волей—неволей, склонялся къ ея ногамъ, осыпaeмый зачастую колкостями и насмѣшками двадцати-двухъ-лѣтней сирены. Благородное и умное лице Кренскаго сдѣлало, однако жъ, на нее странное впечатлѣніе. Надо сказать, что Шарлотта Лейеръ вышла за своего двоюроднаго брата въ слѣдствіе какихъ-то семейныхъ отношеній, и не только не чувствовала любви къ мужу, который платилъ ей тѣмъ же, но не была даже связана съ нимъ узами дружбы, а жила съ нимъ въ добромъ согласіи потому, что онъ занималъ хорошее мѣсто, принадлежалъ къ порядочному кругу, жилъ въ Петербургъ, гдѣ она выросла и воспитывалась. Однимъ словомъ, не тяготясь своимъ положеніемъ въ свѣтѣ, она могла предаваться дорогимъ и разнообразнымъ удовольствіямъ. Мужъ ея былъ хладнокровнѣе рыбы, если только можно такъ выразиться: честный и благородный, онъ отвергалъ однако же всякое увлеченіе, всякій порывъ, и жилъ благороднымъ и самыми щепетильными приличіями. Женился онъ на двоюродной сестрѣ потому, что на это была воля умирающаго дяди-отца Шарлотты, который воспиталъ его и опредѣлилъ на службу; а покойный дядя желалъ этого супружества для того, чтобы достался въ одни руки капиталъ, который слѣдовало раздѣлить между племянникомъ и Шарлоттой. Это была одна изъ тѣхъ партій, образчики которыхъ нерѣдко попадаютъ на блѣзъ свѣтѣ; начало ихъ не удивляетъ никого, даже заслуживаетъ похвалу, наконецъ часто приводитъ въ громгласное негодованіе тѣхъ самыхъ, кто во всеуслышаніе восхищались началомъ и ставили въ примѣръ своимъ дѣтямъ подобное супружество. Старая пѣсня! Анализируя сердце человѣческое, мы находимъ въ немъ множество разнообразныхъ путей, посредствомъ которыхъ человѣкъ рано или поздно, оуждаетъ свои дурныя наклонности, никогда однако жъ, не сознаваясь, что самъ уклонялся отъ чистѣйшихъ истинъ, въ силу того или другаго обстоятельства. Шарлотта не была морально испорчена до замужства; сердце ея не было развращено ни превратнымъ воспитаніемъ, ни дурными примѣрами; при другомъ мужѣ, изъ нея вышла-бы, можетъ-быть, примѣрная мать и чудесная жена; но Лейеръ бросилъ это молодое созданіе въ водоворотъ свѣтской жизни, и никогда не позаботился узнать, какія принимала она впечатлѣнія. Нѣсколько лѣтъ жили они такимъ-образомъ, когда Кренскій переведенъ былъ въ Петербургъ и началъ бывать у прежняго своего сослуживца. Шарлотта замѣ-

тила его съ перваго раза, но не хотѣла показать этого и рѣшилась приковать его, какъ можно крѣпче, къ своей колесницѣ. Кренскій долго былъ остороженъ, думая, что хорошо понимаетъ женщинъ; сразу увидѣлъ онъ, что имѣетъ дѣло съ опасной женщиной, и эта-то осторожность и погубила его. Какъ гениальная кокетка, Шарлотта напала на него съ глубокимъ знаніемъ дѣла. Они постоянно встрѣчались въ обществѣ. Съ первыхъ-же дней знакомства Шарлотта показала Кренскому такую прямую, такую безкорыстную дружбу, которая не позволяетъ уже порядочному человѣку итти далѣе, не видя особеннаго одобренія; она выразилась передъ нимъ вся, не скрывая ни одного недостатка; описывала ему планы нападений и обороны на поприщѣ своего кокетства, и все это съ самымъ искреннимъ простодушіемъ. Сначала это не понравилось Кренскому, даже оскорбило его самолюбіе; но черезъ нѣсколько времени онъ былъ въ душѣ благодаренъ Шарлоттѣ за то, что она не дѣлала изъ него игрушки своего тщеславія, и гордился титуломъ друга такой опасной очаровательницы. Наконецъ простудившись, Лейеръ умеръ, послѣ кратковременной болѣзни. Кренскій продолжая бывать у Шарлоты и мало-по-малу увлекаясь непреодолимымъ обаяніемъ молодой красавицы, онъ пристрастился къ ней нечувствительно, и скоро съ ужасомъ замѣтилъ, что все существо его охватила самая пламенная любовь, какой онъ не чувствовалъ и въ двадцатилѣтнемъ возрастѣ. И говорить нечего, что Шарлотта это замѣтила; но она нисколько не перемѣнила обращенія ни съ Кренскимъ, ни съ другими обожателями. Арсеній Андреевичъ не могъ оставаться въ этомъ положеніи; титулъ друга недостаточно было для его пламенной страсти: ему хотѣлось озарить Шарлотту свѣтомъ истинной любви, вырвать изъ свѣтскаго водоворота... Шарлотта сама не знала, любила-ли она Кренскаго истинной любовью, или была привязана къ нему чувствомъ дружбы; но догадывалась, что, если бъ принуждена была съ нимъ разстаться, сердце ея страдало-бы какъ не страдало еще ни разу въ жизни. А между-тѣмъ не было для нея высшаго блаженства, какъ разжигать болѣзненное чувство Кренскаго и мучить его всеми зависѣвшими отъ нея средствами. Кренскій рѣшился-было мигомъ исцѣлиться отъ своей любви: пересталъ бывать у Шарлотты, мѣсяца два убилъ самымъ шумнымъ образомъ, не щадя ни денегъ, ни здоровья; но все это ни на волосъ не уменьшило его привязанности къ очаровательной кокеткѣ. Не разъ онъ видѣлъ ее издали и не находилъ въ ней ни малѣйшей

перемены; хоть бы мгновенная задумчивость, хоть бы слѣдъ мысли о немъ—та же веселость, то же очарованіе, тотъ же постоянный приливъ и отливъ обожателей. Не выдержалъ Кренскій, и снова показался въ покинутомъ свѣтѣ. Въ два мѣсяца многіе успѣли позабыть его, но дружески пожимали при встрѣчѣ руки, потому что знали и положеніе его въ обществѣ, и прекрасное независимое состояніе. Шарлотта обошлась съ нимъ попрежнему; даже Кренскому показалось, что какъ-то странно блеснули глаза ея при взглядѣ на него; но за-то не замѣтилъ онъ другой перемены. Тутъ онъ началъ упрекать ее, что она забываетъ друзей совершенно, и что для нея все равно, если бъ онъ провалился сквозь землю. Шарлотта улыбнулась и сказала, что ей очень хорошо было извѣстно о пребываніи его въ Петербургѣ и о томъ, что, рано или поздно, а онъ снова долженъ къ ней явиться. Однимъ словомъ, съ-тѣхъ-поръ дружба ихъ сдѣлалась какъ-то тѣснѣе и искреннѣе. Шарлотта ужъ начала жаловаться на пустоту, чувствуемую послѣ свѣтскихъ удовольствій; Кренскій началъ прямо высказывать свою страсть, и кончилось тѣмъ, что Шарлотта съ восторгомъ выслушала признаніе Кренскаго и сказала, что согласится выйти за него замужъ, но не иначе какъ послѣ годичнаго траура. Надо знать, что г-жа Лейеръ, съ того дня, какъ призналась Кренскому въ любви, оставила совершенно свѣтъ съ его шумными удовольствіями, покинула толпу поклонниковъ и, показавъ Кренскому всѣ сокровища любящаго сердца, упоивъ его совершенно чистой и возвышенной любовью, выѣхала, до окончанія траура, за-границу, запретивъ Кренскому слѣдовать за собою. Съ отъездомъ Шарлотты, Петербургъ опустѣлъ для Арсенія Андреевича, который взялъ годовой отпускъ и уѣхалъ за границу, не имѣя прямой цѣли отыскивать возлюбленную, но и не безъ надежды встрѣтиться гдѣ-нибудь съ нею случайно. Въ Неаполь они встрѣтились у одной общей знакомой соотечественницы. Радостно и трогательно было это свиданіе, и Кренскому казалось, что блаженство его близко и несомнѣнно. Однако жъ, съ какою-то болѣзненною дрожью въ сердцѣ, замѣтилъ онъ, что въ Неаполь Шарлотта принялась за прежній петербургскій образъ жизни, съ тою только разницею, что въ русской столицѣ, гдѣ служилъ мужъ ея, она пользовалась всеобщимъ уваженіемъ, несмотря на свое кокетство, а въ Неаполь смотрѣли на нее какъ на хорошенькую иностранку, о которой если еще дурно не говорили, такъ собственно потому, что она, повозможно-

сти, старалась быть осмотрительной. Кренскій какъ-то намекнулъ Шарлоттѣ о переѣмѣ образа ея жизни. Она размѣялась и сказала откровенно, что, испытавъ себя въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, нашла, что она можетъ жить безъ свѣтскихъ удовольствій, что отказаться отъ общества было бы для нея тяжелою жертвой; но что Кренскій долженъ слѣпо вѣрить ей во всемъ и не сомнѣваться въ ея искренней привязанности. Кренскій согласился на это и вмѣшался въ толпу ея обожателей, занимая всегда самое выгодное и почетное мѣсто и не теряя надежды передѣлать это очаровательное, но тщеславное созданіе. Около полугода прожилъ онъ въ Италіи, сопровождая Шарлотту изъ одного мѣста въ другое. Наконецъ они возвратились снова въ Неаполь, собираясь пріѣхать оттуда на зиму въ Ницу, гдѣ, по всеѣмъ свѣдѣніямъ, должно было собратся самое блистательное общество. Во все время пребыванія за границей, Кренскій видѣлъ, что за Шарлоттой робко, но постоянно ухаживалъ довольно пожилой англичанинъ. Подобный соперникъ рѣшительно не могъ его беспокоить; да и Шарлотта всегда отзывалась о немъ съ насмѣшкою, заставляя англичанина терпѣть всевозможныя пытки и употребляя во зло его нечеловѣческое терпѣніе. Но каково же изумился Кренскій, узнавъ отъ пріѣзжихъ соотечественниковъ, что Шарлотта собирается въ путь. Какъ безумный полетѣлъ онъ въ посольство, и ему офиціально подтвердили это извѣстіе. Зачѣмъ же Шарлотта ни слова не говорила ему о своей повѣздкѣ? Первою мыслию его было бѣжать къ Шарлоттѣ и потребовать отчета въ странномъ поведеніи; но желая сколько-нибудь пріидти въ себя, онъ отправился на берегъ залива, забрался въ чащу деревъ и, по обычаю всѣхъ влюбленныхъ, грустно задумался подъ однообразный ропотъ волнъ, подъ тихій шумъ пирамидальныхъ кипарисовъ. Солнце заходило и озаряло послѣдними лучами лѣниво дремлющій заливъ, а вокругъ господствовала тишина, прерываемая звонкимъ, журчаньемъ отдаленнаго горнаго потока. Вдругъ послышался необыкновенный шумъ. Кренскій вздрогнулъ. Мимо крутаго берега летѣлъ красивый пароходъ. На палубѣ пестрѣли путешественники. Все это лица незнакомыя; но вотъ, кто-то кланяется ему и машетъ платкомъ, въ знакъ прощанія. Это была Шарлотта, а возлѣ нея равнодушно стоялъ пожилой знакомый англичанинъ. Кренскій протеръ глаза. Ему казалось, что все это бредъ, пустыя грезы... Но пароходъ былъ уже далеко, только струя дыма стелется въ воздухъ, да у берега расходится бѣлая пѣна... Кренскій поспѣшилъ въ городъ и засталъ у себя

запечатанное письмо, котораго долго онъ не хотѣлъ распечатывать, хотя и угадывалъ содержаніе. Вотъ оно слово въ слово:

«Прощайте и не проклиняйте меня, Кренскій! Мы не созданы другъ для друга: женясь на мнѣ, вы должны были бы лишиться себя жизни, или убить меня, потому-что вы ревнивы, а я люблю нравиться; не скрою, что я увлеклась вами, на первыхъ порахъ готова была принести для васъ всевозможныя жертвы, и радуюсь, что мнѣ пришла благая мысль уѣхать изъ Петербурга, а вы послушались меня и не послѣдовали за мною. Я не могла бы противиться желанію выйти за васъ, не могла бы устоять противъ обаянія свѣта и бросилась бы въ него со всеѣмъ увлеченіемъ, какъ невольно бросаются въ бездну, какъ скоро брошусь я въ вихрь удовольствій въ Парижъ, гдѣ выхожу замужъ за своего англичанина. Этотъ человѣкъ любить меня, или воображаетъ что любить самой пламенной, самой эксцентрической любовью, и заранѣе предлагаетъ свое баснословное состояніе къ моимъ услугамъ. Жаль мнѣ было обмануть васъ, Кренскій, потому-что чуть-ли вы не единственный человѣкъ, кого бы я могла любить истинно; но вы не жалѣйте обо мнѣ, потому-что я васъ не стою; а если обоимъ намъ вмѣстѣ стоитъ пожалѣть о чемъ, такъ развѣ о томъ, зачѣмъ не встрѣтились мы нѣсколько лѣтъ назадъ, въ то время, когда я была дѣвушкой. Кто знаетъ, можетъ-быть, тогда... Но къ чему эти предположенія? Встрѣтимся ли мы еще въ жизни—не знаю, но увѣрю васъ, что дружба моя къ вамъ неизмѣнна; а вы позабудьте меня и найдите себѣ умную, добрую, любящую подругу, которая успокоила бы ваше благородное но пылкое и ревнивое сердце. Вы молоды и богаты, слѣдовательно вамъ легко будетъ найти счастье на землѣ, а еще легче позабыть вѣтреное и легкомысленное созданіе, которое, можетъ-быть,—и дай Богъ чтобъ это была правда—вскружило вамъ только голову». *Ш.*

Возвратясь изъ-за границы, Кренскій перешелъ на Кавказъ, но скорѣ получилъ довольно опасную рану и принужденъ былъ выйти въ отставку. Прожилъ онъ годъ въ Тифлисѣ и Ставрополѣ, выдержалъ курсъ лѣченія на минеральныхъ водахъ, провелъ зиму въ Петербургѣ, развѣялся немного отъ несчастной любви и рѣшилъ; что въ его положеніи и возрастѣ, ничего не могло быть лучше, какъ поселиться въ деревнѣ и устроить счастье своихъ крестьянъ, улучшивъ ихъ бытъ, просвѣтивъ умъ, смягчивъ грубые нравы. Незадолго до начала описываемыхъ происшествій, Кренскій еще разъ вздѣлъ за границу, былъ въ Парижъ и въ

Лондонъ, но нигдѣ не встрѣчался съ Шарлоттой и даже не имѣлъ о ней никакого извѣстія.

Возвратясь въ деревню онъ былъ обрадованъ посѣщеніемъ стариннаго школьнаго товарища, беззаботнаго поэта, который прожилъ у него съ мѣсяць и наполнилъ его одинокое существованіе. Кренскій словно помолодѣлъ въ обществѣ этого товарища, и ему показалось, хотя какъ-то неясно, что и для него еще возможно на свѣтѣ счастье полное, чудное, украшенное всеми земными наслажденіями.

Какъ-бы въ отвѣтъ на его неопредѣленные мечтанія, судьба послала ему въ сосѣдство семейство Блонскихъ. Не совсѣмъ обыкновенное знакомство съ Ольгой и Вѣрой въ развалинахъ, потомъ веселый вечеръ въ Дубровницахъ, поразительная красота Ольги и какая-то неизъяснимая привлекательность некрасивой Вѣры, бышенная любовь Сурмина и его страшная ревность—все это сильно подѣйствовало на душу Кренскаго, только-что оправившуюся отъ долговременнаго страданія. Самъ онъ еще не зналъ что дѣлалось съ его сердцемъ: была ли въ немъ восприимчивость любви, образовалось ли уже настоящее чувство, или только разыгрывалось воображеніе; но тѣмъ не менѣе онъ строго повѣрялъ все свои слова и поступки и спрашивалъ себя: неужели еще суждены ему увлеченія? Наконецъ, допустивъ возможность послѣдній разъ предаться нѣжной страсти, онъ съ грустью задумывался надъ вопросомъ: въ состояніи ли онъ вдохнуть чувство любви въ молодую дѣвушку? и, взглянувъ на сѣдины, пробивавшіяся сквозь черные густые волосы, на увядавшія черты лица, печально предавался мысли, что молодая дѣвушка можетъ чувствовать къ нему дружбу, уваженіе, можетъ-быть и братскую привязанность, но ни любви, ни даже увлеченія. Онъ очень хорошо зналъ, что многія пойдутъ за него замужъ, потому-что у него прекрасное, независимое имѣніе; зналъ и то, что каждая молодая дѣвушка предпочтетъ его Сурмину, оттого, что при одинаковомъ почти состояніи, послѣдній былъ грубъ, необразованъ и нехорошъ собою; но все это не давало ему права увлекаться ложнымъ самолюбіемъ.

IX.

Двѣ недѣли Кренскій прожилъ одинъ, самъ съ собою, въ обществѣ книгъ, и въ это время рѣшилъ, какъ ему вести себя на будущее время.

Часу въ 12-мъ велѣлъ онъ запретъ превосходную англійскую лошадь въ легкія, почти воздушныя санки, одѣлся довольно щеголевато, хотя чрезвычайно скромно и, посадивъ съ собою Селима, выѣхалъ прогуляться. За воротами онъ хотѣлъ-было повернуть направо, въ поле, но на минуту остановился, поѣхалъ направо, спустился мимо развалинъ къ рѣкѣ, которую переѣхалъ по звонкому льду, и пустилъ рысака, по дорожкѣ межъ кустарниковъ, по направленію къ Дубровницамъ. Мигомъ очутился онъ на почтовой дорогѣ, пролетѣлъ съ версту, выѣхалъ въ околицу и, разумѣется, черезъ нѣсколько минутъ очутился передъ подъездомъ Блонскихъ. У крыльца стояли большія сани парюю въ дышло, а въ передней встрѣтилъ онъ человѣка въ зимней ливреѣ.

— Дома?

— Дома съ.

— Куда-нибудь собираются?

— Должно-быть, кататься.

И Кренскій вошелъ въ залу.

На половинѣ комнаты встрѣтилъ его Сергій Антоновичъ и радушно привѣтствовалъ. Въ это время изъ боковой двери вышли, въ голубыхъ шубахъ и такого же цвѣта изящныхъ бархатныхъ шляпкахъ, Марья Петровна, Ольга и Вѣра. Послѣ привѣтствій, Марья Петровна велѣла отъѣхать лошадамъ.

— О нѣтъ! сказалъ Кренскій:—не лишайте себя удовольствія покататься по большой дорогѣ: чудо какъ хорошо сегодня! Если угодно, я васъ провожаю.

— Папа! сказала Ольга:—теперь есть мѣсто, и вы можете ѣхать съ м-г Кренскимъ.

— Сдѣлайте одолженіе...

Но у васъ, м-г Кренскій, вѣроятно, рѣзвыя лошади, а Serge трусливъ немножко, сказала Марья Петрова.

Сергій Антоновичъ улыбнулся.

— Мнѣ, матушка, шестьдесятъ съ хвостикомъ, поневоля будешь трусовать, сказалъ онъ.

— У меня лошадь очень смирна и послушна какъ ребенокъ; но если Сергій Антоновичъ не довѣряетъ, не угодно ли вамъ сдѣлать мнѣ честь ѣхать со мною? сказалъ Кренскій, обращаясь къ Марьѣ Петровнѣ.

— Въ такомъ случаѣ, возьмите которую-нибудь дочь, сказала она, а мы поѣдемъ втроемъ.

— Вопросъ только: которую? сказала Ольга, и запрокинувъ го-

ловку прибавила:—я не уступлю Вѣрѣ, Вѣра не уступить мнѣ удовольствія прокатиться на рысакѣ; а мы бросимъ жребій.

— И превосходно! а я между-тѣмъ одѣнусь потеплѣе, сказала Сергѣй Антоновичъ.

Марья Петровна расхохоталась, а Ольга, мигомъ распахнувъ шубу, вытащила изъ кармана чудесный вышитый платокъ и завязала на кончикѣ узелокъ.

— Ты, однако же, Вѣра, не смотри! сказала она отворачиваясь и равняя два совершенно одинаковые кончика.

Какъ-то боязливо подошла Вѣра къ сестрѣ, проворно сняла перчатку и осторожно потянула кончикъ: узелокъ достался Ольгѣ.

— Я это знала прежде, сказала Вѣра, надѣвая перчатку.

— Почему же? спросила мать.

— Оттого, что мнѣ очень хотѣлось прокатиться на рысакѣ. Но я не сомнѣваюсь, что и мнѣ когда-нибудь выпадетъ эта доля, прибавила она весело. Последнія слова были сказаны какимъ-то необыкновенно-увлекательнымъ тономъ, такъ-что на развеселившемся лицѣ Кренскаго промелькнуло какое-то печальное облачко.

Но скоро явился Сергѣй Антоновичъ; всѣ вышли на крыльцо.

Дѣвушки ахнули при видѣ превосходнаго сѣраго рысака, который разгребалъ снѣгъ переднею ногой и, наклонивъ красивую голову, игралъ возжами.

Сергѣй Антоновичъ, Марья Петровна и Вѣра сѣли въ свои сани и поѣхали.

— Теперь наша очередь! сказала Ольга, когда Селимъ подѣхалъ подъ крыльцо.

— Садитесь, Ольга Сергѣевна! Но вы не боитесь?

— Ни сколько, и если ваша лошадь смирна, я попрошу позволенія управлять ею.

— Можете смѣло, только какъ выѣдемъ на большую дорогу.

— Ольга сѣла въ санки, Кренскій помѣстился возлѣ нея, поставивъ правую ногу на кривой тоненькій отводъ, сдегка тронулъ возжей сѣраго, и рысакъ, какъ изъ лука стрѣла пустился по дорогѣ.

Сани Блонскихъ были уже довольно далеко, когда Кренскій выѣхалъ за ворота; но сѣрый прибавилъ рыси, и Ольга не успѣла опомниться, какъ послышался уже позади голосъ Вѣры, которая что-то ей говорила.

— Ахъ, какая чудная лошадь! сказала Ольга:—я никогда не ѣздила такъ быстро.

— А по железной дороге?

— Да, но тамъ совершенно другое ощущеніе. Однако, м-г Кренскій, мнѣ бы хотѣлось закурить папироску, только не знаю, можно ли будетъ зажечь.

— Извольте возжи, только держите ихъ покойно, не поворачивая на сторону, а я сейчасъ исполню ваше желаніе.

— Позвольте же, я достану porte-sigarras.

— Не беспокойтесь. Конечно, вы курите mariland doux или de France.

— То или другое.

— Потрудитесь же управлять лошадыю.

Ольга съ трепетомъ взяла возжи и улыбалась отъ восхищенія, а Кренскій, доставъ зажигательные колпачки, вынулъ папироску, зажегъ трутъ, и подаль Ольгѣ.

— И хочется управлять лошадыю, и жаль бросить папироску! сказала она.

— Покурите, а тамъ, если будетъ угодно, возьмите возжи.

— А вы не курите?

— Если позволите.

— Какой же вы церемонный! ужъ если дѣвушка позволяет себѣ курить въ вашемъ обществѣ....

— Toujours respect aux dames.

— Такъ и вѣтъ самымъ холоднымъ тономъ! У всѣхъ на языкѣ, respect aux dames, а присмотрѣться.... Но, какъ далеко наши отстали!

— Въ четверть часа мы потеряемъ ихъ изъ вида.

— Можетъ-быть. Вамъ дать огня?

— Боюсь обжечься; лучше я зажгу самъ, отвѣчалъ Кренскій, и, доставъ замѣчательный колпачокъ, закурилъ папироску.

— Теперь поговоримъ, м-г Кренскій!

— Къ вашимъ услугамъ.

— Во-первыхъ, почему вы у насъ не были отъ самаго бала?

— Былъ нездоровъ.

— Папа собирался къ вамъ, но Рябко сказалъ, что вы куда-то уѣхали.

— Очень благодаренъ Сергѣю Антоновичу; но ни ему, ни вамъ не совѣтую вѣрить почтеннѣйшему Ивану Яковличу.

— Были у насъ гусары.

— Я такъ и думалъ, потому-что они заѣзжали ко мнѣ, но я

не могъ принять ихъ. Конечно, вы весело провели время? спросилъ Кренскій, пристально посматривая на Ольгу.

Дѣвушка оборотила къ нему раскраснѣвшееся отъ мороза личико и устремила на него свои большіе голубые глаза.

— Да, нескучно, отвѣчала она.

Кренскій потупилъ взоры.

— Пріѣзжали графъ съ юнкеромъ и корнетъ, — продолжала она: но самое главное: я ничего не рассказывю вамъ о гиппопотамъ.

— Неужели этимъ именемъ вы назвали добраго нашего Петра Мартыныча?

— Да, добраго! По его милости, я цѣлый день плакала. На другой день послѣ бала у насъ оставалось еще много гостей, въ томъ числѣ и гиппопотамъ. Я съ утра еще замѣтила, что Рябко вертится передъ маменькой: пошепчетъ съ нею и бѣжитъ къ Сурмину разговаривать вполголоса. Послѣ завтрака гиппопотамъ уѣхалъ, а по отъѣздѣ гостей я держала съ мамой конференцію. Сурминъ сдѣлалъ предложеніе и объявилъ, что записываетъ мнѣ тысячу душъ до свадьбы. Маменька рѣшительно мнѣ сказала, что я бѣдная дѣвушка и не должна терять такой прекрасной партіи, и что, если только репутація Сурмина безукоризненна, и имѣніе точно такое, какъ рассказываютъ, я буду пошлюю душой и огорчу родителей до смерти, если откажусь отъ предложенія гиппопотама.

— Неужели?

— Да. Но я сказала, что терпѣть его не могу, что если отказъ мой огорчаетъ родителей, я готова жизнью искупить свою вину; но, какъ хитрая женщина, предложила имъ условіе: дать мнѣ полгода сроку, надѣясь, что, можетъ-быть, въ это время я покороче узнаю гиппопотама и открою въ немъ хоть одно изъ тѣхъ превосходныхъ качествъ, которыя видятъ другіе, а я не могла примѣтить. Такъ и кончилось. Рябко пріѣзжалъ узнать отъ маменьки мое мнѣніе; ему передали то, что я сказала, и мы съ Вѣрой полагали, что въ это время Сурминъ успѣетъ влюбиться въ другую, и оставить меня въ покоѣ. Вдругъ, третьяго-дня, только-что мы позавтракали, является Сурминъ настоящимъ франтомъ, въ полосатомъ жилетѣ и въ розовомъ лѣтнемъ галстухѣ. Предоставляю вамъ судить, какъ онъ былъ милъ въ этомъ костюмѣ. Мама приняла его привѣтливѣе чѣмъ когда-нибудь; папа вѣжливо, но сухо; Вѣра просто разсмѣялась, а я, признаюсь вамъ, встрѣтила его съ боязнью. Послѣ обѣда я хотѣла ускользнуть къ себѣ на верхъ, но мама приказала мнѣ остаться. Ужъ какъ я ни бѣгала отъ гиппопотама,

онъ засталъ меня одну въ гостиной и, представьте — о ужасъ! сталъ передо мною на колѣни и просилъ не погубить его отказомъ! Войдите, м-г Кренскій, въ мое положеніе! Я однако же собрала все присутствіе духа, просила его съѣсть, и ужъ не знаю, гдѣ взялось у меня краснорѣчіе, но я проговорила цѣлую рѣчь. И мнѣ удалось убѣдить Сурмина въ томъ, что молодая дѣвушка не можетъ влюбиться въ старика; что если и принуждена бываетъ выходить за пожилаго замужъ, то непременно по-неволю, исключая тѣхъ случаевъ, когда сама рѣшается жертвовать собою. Зная, однако жъ, что могу этимъ оскорбить его, а онъ будетъ меня сильно преслѣдовать, я заключила съ нимъ условіе: что, не отказывая ему положительно, я прошу полгода срока для рѣшительнаго отвѣта, а въ продолженіе этого времени требую себя безусловной свободы, безъ всякихъ со стороны его претензій, и когда узнаю его—для чего позволила ему пріѣзжать разъ въ мѣсяць—и, если мы сойдемся во вкусахъ, характерахъ и такъ далѣе, тогда, можетъ-быть, я и подумаю. Гиппопотамъ поцѣловалъ мнѣ два раза руку и, со слезами на глазахъ сказалъ: «Дѣлайте со мною что хотите!» Вотъ какъ! На другой день онъ уѣхалъ, и до 15 декабря я блаженствую; а тамъ опять прійдется увидѣть этого интереснаго претендента. Позвольте-же мнѣ теперь управлять лошадей, м-г Кренскій!

Кренскій передалъ Ольгѣ возжи.

— Помните, вы спрашивали меня за ужиномъ о чемъ разговаривалъ со мною Сурминъ? И я вамъ отвѣчалъ весьма неудовлетворительно. Онъ признался мнѣ въ любви къ вамъ и объявилъ, что будетъ искать вашей руки, дѣйствуя состояніемъ. Я тоже прочелъ ему порядочное наставленіе, за что онъ и разсердился. Я убѣждалъ его, что не въ наши лѣта нравиться, что пора намъ перестать думать увлечь молодую дѣвушку.

— Развѣ-же вы однихъ съ нимъ лѣтъ, м-г Кренскій? спросила Ольга и, смотря на него пристально, потянула нечувствительно лѣвую возжу, отчего сѣрый поворотилъ въ сторону.

— Ахъ, что вы дѣлаете, Ольга Сергѣевна! воскликнулъ Кренскій, схватывая возжи и давая лошади настоящее направленіе:—этакъ можемъ опрокинуться.

— Виновата, я засмотрѣлась, задумалась, хотѣла сказать... Но какимъ-же образомъ вы можете сравнивать себя съ гиппопотамомъ?

— Я совершенно другой породы, отвѣчалъ Кренскій, улыбаясь:—но лѣтами недалеко отсталъ отъ него.

— Ему лѣтъ пятьдесятъ.

— Да, можетъ-быть...

— И Кренскій замолчалъ; ему какъ будто было совѣстно сказать настоящія свои лѣта и вмѣстѣ страшно услышать свѣтскую фразу: «вы кажетесь моложе своего возраста.»

Ольга тоже почувствовала неловкость своего положенія.

— И что же отвѣчалъ вамъ гишпопотамъ? спросила она по нѣкоторомъ молчаніи.

— Онъ сказалъ...

— Что же вы вдругъ остановились?

— Сказалъ... что не мое дѣло давать ему наставленія.

— Ахъ, нѣтъ! вы опять увертываетесь.

— Неудобно ли папирску?

— О, вижу, что хитрите! Хочу знать непременно что вамъ сказалъ Сурминъ.

— Видно что я отвыкъ отъ свѣта, Ольга Сергѣевна; ничего нѣтъ особеннаго въ томъ, что онъ мнѣ сказалъ, но я не знаю отчего я смѣшался какъ школьникъ.

— Говорите же.

— Онъ разсердился и сказалъ, что я отговариваю его изъ ревности.

— Вотъ что!

И Ольга вдругъ покраснѣла, хотѣла улыбнуться и начала поправлять воротникъ на шубѣ.

Кренскій тоже пришелъ было на минуту въ замѣшательство, и, вынувъ *Porte-cigares*, какъ-то не умѣлъ раскрыть его, но скоро пришелъ въ себя и зажегъ папирску.

— Только осторожнѣе, чтобъ огонь не выпалъ, сказалъ онъ, подавая ее Ольгѣ.

— Мега! Однако нашихъ не видно.

— А между-тѣмъ, Ольга Сергѣевна, мы подъѣзжаемъ къ моей деревнѣ.

— Ахъ, въ-самомъ-дѣлѣ! вотъ и развалины... Какой прекрасный видъ! Деревья покрыты инеемъ. Вотъ и круглая башня, гдѣ мы познакомились.

Кренскій удержалъ лошадь.

— Видите ли, Ольга Сергѣевна, сказалъ онъ, поворачивая назадъ: что значить нашему брату быть въ обществѣ молодой дѣвушки: чуть было я васъ не завезъ Богъ знаетъ куда. О, молодость заразительна!

Ольга не отвѣчала ни слова.

Кренскій пустилъ во всю рысь сѣраго.

На полудорогѣ встрѣтили они Блонскихъ.

— Прощай! сказала Ольга Вѣрѣ, и черезъ нѣсколько минутъ, покрытый пѣною рысакъ остановился у крыльца.

На обратномъ пути Кренскій и Ольга мало разговаривали.

Ольга побѣжала къ себѣ на верхъ, и сошла вмѣстѣ съ возвращающеюся Вѣрой.

Арсенія Андреевича пригласили отобѣдать.

Разговоръ шелъ о предстоявшихъ веселостяхъ 4-го и 6-го декабря, о выѣздахъ къ дальнимъ сосѣдямъ и вообще о предметахъ житейскихъ. Кренскій больше разговаривалъ съ Вѣрой, какъ бы желая показать, что ему одинаково пріятно было общество обѣихъ сестеръ. Послѣ обѣда Марья Петровна завела съ Кренскимъ разговоръ о Сурминѣ и искусно намѣкнула ему, что онъ имѣетъ видъ на Ольгу. Арсеній Андреичъ, по обычаю, похвалилъ его какъ и первый разъ; но, будто бы не понявъ тонкаго намѣка Марьи Петровны, распространился, конечно съ сожалѣніемъ, о его грубости, непреодолимой страсти къ охотѣ и о безконечныхъ поѣздкахъ въ сопровожденіи пьяницъ.

— Ему надобно жениться, замѣтила Марья Петровна, опуская глаза.

— Чуть лишь не прошла пора.

— Не думаю.

— А я навѣрное полагаю: ему вѣдь за пятьдесятъ.

— Ну, онъ еще бодръ, свѣжъ...

— Да, покамѣстъ; но это не резонъ. Впрочемъ, если бы онъ искалъ хорошую, не молодую особу...

Съ его состояніемъ!

— Конечно, онъ можетъ пріобрѣсть и молоденькую дѣвушку.

— Какъ пріобрѣсть?

— Какъ обыкновенно пріобрѣтаются жены: родители уступятъ.

— Будто бы существуютъ подобные родители?

— Къ сожалѣнію существуютъ, но, слава Богу, что еще очень мало молодыхъ дѣвушекъ, которыя сами продаютъ себя.

— Ахъ, сосѣдъ, какія ужасныя вещи вы рассказываете! молвила Марья Петровна, слегка коснувшись руки Кренскаго.

— Простите, Марья Петровна! Въ деревнѣ какъ-то невольно привыкаешь говорить, что думаешь.

— Напротивъ, это очень хорошо. Но какимъ образомъ бракъ, представлять въ такомъ послушномъ видѣ!

— Представлять порокъ какъ онъ есть—обязанность каждаго добраго христіанина; но какъ назвать тѣхъ, кто изъ брака дѣлаетъ чистую коммерческую сдѣлку и часто сдѣлку, сопряженную со слезами и мученіями беззащитной дѣвушки?

— Вы, сосѣдь, горячо все принимаете! Поговоримъ-те хладнокровнѣе. Есть довольно грустные положенія въ свѣтѣ: напри- мѣръ, дѣвушка ограниченнаго или бѣднаго состоянія, не должна отказываться отъ выгодной партіи.

— Не должна, если чувствуетъ склонность, если даже наконецъ хоть не чувствуетъ отвращенія.

— Конечно. Но что лучше по вашему: остаться-ли въ дѣвушкахъ, или выйти замужъ противъ желанія? Вы поэтъ, м-г Кренскій! прибавила Марья Петровна, съ улыбкою. Правду говорила Ольга, что вы пишете.

— Жалю, что не пишу, а я сильно защищалъ бы права жалкихъ беззащитныхъ жертвъ родительскаго корыстолюбія. Я никогда не могъ понять грѣшнаго желанія отцовъ и матерей, бросать молоденькую дочь въ объятія богатаго, хотя и порочнаго человѣка; я не въ состояніи постигнуть этого въ нашъ просвѣщенный вѣкъ, и, признаюсь вамъ, меня удивляетъ родительская алчность къ богатству, которое никогда принадлежать имъ не будетъ!

— О, вы непременно поэтъ! Знаете-ли, вы говорите въ такомъ тонѣ, какъ-будто бы сами бѣдны—а какой-нибудь богачъ перебилъ вамъ дорогу.

— Не имѣя никакого права жаловаться на судьбу въ этомъ отношеніи, значить, я убѣжденъ, что говорю справедливо.

— Конечно, и я отчасти раздѣляю ваше мнѣніе; но согласитесь, что нельзя-же молодую дѣвушку оставить на собственный произволь и не подать ей, при случаѣ, совѣта, пріобрѣтеннаго опытностью.

— Я противъ этого ни слова...

— Куда же вы такъ скоро?

— Жду вечеромъ гостей.

— Пожалуйста, сосѣдь, пріѣзжайте почаще, хоть поспорить, — сказала Марья Петровна: только не берите своего красиваго рысака, прибавила она, протягивая на прощанье руку Кренскому— а не то вы поспорите моихъ дочерей между-собою.

Дѣвушки были на верху, и Кренскій, найдя Сергѣя Антоно-

вича въ кабинетѣ и, по прощавшись съ нимъ по деревенскому обычаю, уѣхалъ въ свою Благодаровку.

X.

Приближались Рождественскія святки. Жизнь нашихъ знакомыхъ шла шумно и весело. Блонскіе успѣли познакомиться со всѣми сосѣдями и бывали на всѣхъ праздникахъ въ околоткѣ.

Сурминъ совершенно измѣнился: любовь превозмогла въ немъ страсть къ охотѣ, и его чаще можно было встрѣтить въ бальной залѣ, чѣмъ въ отъѣзжемъ полѣ, что, конечно, подало поводъ уѣзду протрубить Сурмина женихомъ хорошенькой Ольги, назначить даже день его свадьбы. Но роковой срокъ не кончился, и Сурминъ со страхомъ и трепетомъ ожидалъ истеченія полугода. Все это время Ольга держала его въ почтительномъ отдаленіи, была по-прежнему весела въ обществахъ и, только оставаясь одна съ сестрой, начинала беспокоиться не на шутку. Графъ Целлинскій преслѣдовалъ ее, то-есть, ухаживалъ за нею при каждомъ удобномъ случаѣ; но, сколько было замѣтно, по ея обхожденію, любезности графа не вызывали того глубокаго чувства, которое, наполняя существованіе молодой дѣвушки, заставляетъ ее забыть даже довольно грустныя обстоятельства. Ольга, можно сказать, не кокетничала съ графомъ, а отличала его какъ милаго, образованнаго молодаго человѣка, показывая что дорожитъ его обществомъ, находитъ удовольствіе въ его бесѣдѣ, но не подавала ни малѣйшей надежды.

Кренскій довольно часто посѣщалъ Дубровницы, хотя на самое короткое время. Обѣ сестры показывали ему самую непритворную пріязнь, что сначала и было причиною ненависти къ нему Сурмина; но когда послѣдній, посредствомъ Ивана Яковлича и другихъ источниковъ узналъ, что Кренскій одинаково любезенъ съ Ольгой и Вѣрой, ненависть эта, переходя въ досаду, потомъ въ легкую зависть, исчезла сама собою, въ особенности еще оттого, что Арсеній Андреичъ не былъ на двухъ балахъ сряду.

Марья Петровна держала Сурмина на-привязи. Правда, что иной разъ, видя какъ дочери ея дружески обходились съ Кренскимъ, она подумывала, что подобный зять былъ-бы приличнѣе; но если изъ его любезности ничего не будетъ, зачѣмъ-же упускать и ручнаго медвѣдя, изъ котораго, конечно, она со временемъ надѣялась сдѣлать послушнаго барашка.

Вѣра утратила немного обычной веселости; но это приписы-

вали легкому нездоровью, хотя болѣе внимательное наблюденіе показало-бы, что тутъ скрывалась моральная причина. Въ доброе и любящее сердце ея заронилась губительная искра любви и медленно тлѣла, задушаемая страхомъ и самолюбіемъ. Вѣра очень хорошо видѣла, что Кренскій одинаково обходился какъ съ нею, такъ и съ Ольгой, и по этому заключала, что онъ равнодушенъ къ обѣмъ, но не сомнѣвалась, что если бъ чувство заговорило въ его сердце, то изъ двухъ сестеръ выборъ, конечно, палъ-бы не на нее. Слишкомъ рано начала она понимать свое настоящее положеніе въ свѣтѣ, и покорилась участи съ такимъ самопожертвованіемъ, такъ отвыкла думать о надеждѣ, что слову счастье дала совершенно другое значеніе, не понимая его въ томъ смыслѣ, въ какомъ обыкновенно представляется оно молодымъ дѣвушкамъ. Ей казалось невозможнымъ вдохнуть любовь въ кого-бы то ни было, и она довольствовалась уже и тѣмъ, если не видѣла къ себѣ обращенія; ей не представлялось возможнымъ выйти замужъ, и она пламенно желала чтобъ Ольга вышла за достойнаго, любимаго человѣка. Въ слѣдствіе этихъ убѣжденій она далеко была старѣе сестры умомъ и сердцемъ, гораздо опытнѣе, и глубже задумывалась надъ многими серьезными вопросами жизни. Въ Петербургѣ она не встрѣчала человѣка, который, подобно Кренскому, успѣлъ-бы сдѣлать на нее впечатлѣніе; хотя, конечно, главною тому причиной было то, что, въ шумномъ свѣтѣ, она не успѣла разглядѣть до такой степени человѣка, какъ могла она сдѣлать это въ деревенскомъ захолустьѣ. Доброта души, благородство сердца, прекрасное образованіе и какой-то грустный колоритъ жизни Арсенія Андреича, невольно заняли и увлекли Вѣру, можетъ-быть, глубже, чѣмъ она полагала. Постоянное его вниманіе, это отсутствіе предпочтенія Ольгѣ, которое до-сихъ-поръ какъ-бы служило для всѣхъ закономъ, и довольно продолжительныя бесѣды съ Кренскимъ, мало-по-малу начали раздувать въ сердце бѣдняжки искру, которая рано или поздно должна была вспыхнуть губительнымъ пожаромъ. А никто и не замѣчалъ этого; у Вѣры доставало столько благоразумія и такта, столько осторожности и силы воли, что ни взоромъ, ни намѣкомъ она не измѣняла своей тайнѣ даже передъ сестрой, которую любила больше себя. Въ тѣ минуты, когда Кренскій разговаривалъ съ Ольгой, когда бесѣда эта, слѣдуя капризу случая, или, можетъ-быть, повинувась тайному велѣнію сердца, переходила въ какой-то едва слышный шепотъ, Вѣра начинала чувствовать приливъ крови къ головѣ; пульсъ ея бился живѣе, даже

какая-то дрожь пробѣгала по ней; но привычка управлять собою превозмогала эту невольную ревность, и Вѣра неизмѣняла себя, оставаясь спокойною по наружности. Съ нѣкоторыхъ поръ она начала замѣчать, что и Ольга не въ нормальномъ состояннн; но преслѣдованія Сурмина и ухаживанье Целлицкаго достаточно объясняли положеніе послѣдней, которая постоянно съ дѣтства была дружна и откровенна съ Вѣрой.

Болѣе и болѣе расширялся кругъ знакомства Блонскихъ; и хотя Марья Петровна сначала выѣзжала не охотно, однако жъ, когда крестная мать Вѣры снова прислала нѣсколько тысячъ крестницъ, она примирилась съ деревенскою жизнью, и съ удовольствіемъ посѣщала сосѣдей; а когда разнощики, въ особенности евреи съ заграничными товарами, узнали дорогу въ Дубровницы, Марья Петровна выразилась однажды, что и въ деревнѣ бываютъ пріятныя минуты.

Въ такомъ положеннн были наши знакомые за недѣлю до Рождественскихъ праздниковъ, представлявшихъ цѣлый рядъ непрерывныхъ удовольствій.

Было около десяти часовъ утра. Яркій зимній день, съ какою-то особенною привѣтливостью освѣщаль большую залу въ домѣ Блонскихъ, гдѣ за круглымъ столомъ все семейство собралось за утреннимъ чаемъ. Сергѣй Антоновичъ подшучиваль, Марья Петровна тоже была въ прекрасномъ расположеннн духа, а дѣвушки рассчитывали въ какой день гдѣ положено было съѣзжаться, и разумѣется, при этомъ строили воздушныя замки.

Слуга доложилъ, что прѣехали Бердыческіе евреи, и на этотъ разъ три радостныя восклицанія раздались въ одно и тоже время, а лицо Марьи Петровны повеселѣло.

— Вели подѣзжать къ крыльцу и зови сюда Чака * поскорѣе сказала она.

Мигомъ чай былъ убранъ съ круглаго стола, на которомъ вѣкорѣ услужливый Чакъ разложилъ въ соблазнительномъ порядкѣ цѣлый модный магазинъ, и такъ мастерски показываль свѣжіе товары, такъ искусно раскладываль цвѣта матерій, чтобы одинъ не портилъ эффекта другаго, и въ тоже время такъ мило торговался съ дамами и скороговоркой отдаваль приказанія своимъ прислужникамъ, что трудно представить себя эту интересную личность,

* Чакъ, пзвѣстный въ малороссіи еврей разнощикъ, который путешествоваль по помѣщичьимъ домамъ, зная превосходно дин пляннн и семейныхъ праздниковъ; еврей этотъ отличался разнообразіемъ, новизною и превосходнымъ качествомъ красныхъ товаровъ.

не видя ее въ натурѣ. Марья Петровна была въ восторгѣ, и въ продолженіе двухъ часовъ пропасть издержала денегъ, хотя, конечно, куплено было все только необходимое для предстоящихъ праздниковъ.

Зала превратилась въ самую веселую миниатюрную ярмарку: вокругъ стола безпрестанно ходили дамы и разсматривали товары; изъ разныхъ дверей появлялись горничныя—иныя за той, или другой надобностью, а иныя изъ любопытства; Сергѣй Антоновичъ ходилъ по комнатамъ и тоже невольно обращался къ Чаку съ вопросомъ о какой-нибудь необходимой для себя вещи.

Въ этомъ разгарѣ никто и не замѣтилъ, какъ подъѣхалъ къ крыльцу экипажъ, и прежде чѣмъ слуга успѣлъ доложить о прибытіи гостей, Сурминъ, предшествуемый Рябкомъ, явился въ залъ и подошелъ къ Марьѣ Петровнѣ. Разумѣется, что появленіе это прервало только на минуту интересное занятіе Марьи Петровны, и она, сдавъ гостей Сергѣю Антоновичу, снова усѣлась у стола, и велѣла себѣ подать какую-то новую матерію. Сурминъ не долго однако жъ босѣдовалъ съ Сергѣемъ Антоновичемъ; побѣдивъ робость, ощущаемую имъ въ присутствіи Ольги, онъ подошелъ и сталъ у нея за стуломъ.

— А вы мотааете? сказалъ онъ, прищуривая глаза и стараясь улыбнуться какъ можно привѣтливѣе.

— Нелзя-же иногда не заняться и мотовствомъ, отвѣчала Ольга весело, но чувствуя невольную дрожь, что всегда съ нею случалось при встрѣчѣ, а въ особенности при разговорахъ съ гиппопотамомъ.

— Что и говорить! Только вы не умѣете торговаться съ этими мошенниками. Ха, ха, ха!

— А развѣ я васъ когда-нибудь обмошенничалъ? спросилъ Чакъ съ чувствомъ собственнаго достоинства.

— Ну, да, ты мастеръ своего дѣла.

— Онъ, право, беретъ не дорого, сказала Ольга по-французски, обращаясь къ Сурмину.

— Я *не парле на!* отвѣчалъ тотъ, захохотавъ добродушнымъ смѣхомъ, съ видомъ челоуѣка, который ни сколько не сознаетъ недостатковъ своего воспитанія, а иногда и гордится своимъ невѣжествомъ.

Чакъ улыбнулся.

— Благодарю васъ, барышня, что молвили обо мнѣ доброе слово, сказалъ онъ.

— Ну, ну, продавай, братъ, да необмѣривай; а то въдь я, братъ, знаю, какъ вашъ братъ натягиваетъ вершки!

— Вы вѣроятно съ охоты? спросила Вѣра Сурмина.

— О, нѣтъ, нарочно къ вамъ! отвѣчалъ онъ, кланяясь и конечно, считая свой поклонъ чудомъ свѣтской любезности, но не замѣчая, что въ припадкѣ шарканья, огромная ножища его смяла край платья Ольги, такъ что послѣдняя покраснѣла и отодвинулась. Обстоятельство это ни сколько не смѣшало Сурмина.

— А я не одинъ! сказалъ онъ, наклоняясь ближе къ Ольгѣ.

— Вижу, что съ Иваномъ Яковлевичемъ.

— И еще съ настоящимъ англійскимъ рысакомъ, Ольга Сергѣевна. Вы думаете, прибавилъ онъ тише, мнѣ было пріятно слышать, что рысакъ Кренскаго привелъ васъ въ восхищеніе! Мой кровный англійскій меринъ, трехъ вершковъ, и заплаченъ, ей-Богу, 2000 цѣлковыхъ. Однимъ-словомъ и дѣдушка Кренскаго не ѣздилъ на такихъ рысакахъ.

— А почему вы знаете, что не ѣздилъ? спросила Ольга, едва удерживаясь отъ смѣха.

— Да потому-что не ѣздилъ! Это кровь, настоящая кровь! а ужъ какъ бѣжитъ, какъ выбрасываетъ ногами, ну, просто, объяденье!

Ольга закрылась платкомъ.

— И, если угодно, можно будетъ прокатиться, продолжалъ Сурминъ, потому-что рысакъ не усталъ: я ночевалъ сегодня за семь верстъ, у Селенкиныхъ.

— Здоровы-ли Селенкины? спросила Вѣра.

— Слава Богу!—Что-же, Ольга Сергѣевна, идетъ, что-ли?

— Ольга Сергѣевна не идетъ.

— Нѣтъ, то-есть... Ахъ, вы хитрая этакая! Нѣтъ, въ-самомъ-дѣль, ѣдемъ кататься?

— Не мѣшаетъ спросить у мамы; да притомъ еще надо прежде бросить жребій: можетъ-быть достанется Вѣрѣ.

Сурминъ задумался.

— А нельзя-ли безъ жребія? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, нельзя.

— Ну, была не была!

И Сурминъ подошелъ къ Марьѣ Петровнѣ спрашивать позволенія, а въ это время вошелъ Кренскій. Дѣвушки обрадовались не притворно; Марья Петровна привѣтливо протянула руку вошедшему; Сергѣй Антоновичъ встрѣтилъ его дружески; Сурминъ нахмурился немного, а Иванъ Яковличъ смѣшался, какъ человѣкъ, чув-

ствующій неловкость своего положенія при встрѣчѣ съ особой, которой сдѣлалъ какую-нибудь гадость. Черезъ нѣсколько минутъ Ольга подошла къ окну.

— Ахъ, ш-г Кренскій, у васъ уже другая лошадь! сказала она.

— Другая, отвѣчалъ Кренскій съ улыбкой.—Ваша маменька сдѣлала мнѣ выговоръ за сѣраго, и я нѣсколько разъ прїѣзжалъ на обыкновенныхъ лошадяхъ, а сегодня уже рѣшилъ запретъ рысака.

— И хорошо вы дѣлали, отозвалась Марья Петровна: хотя Ольга и Вѣра бросили жребій, однако все одна осталась недоволенной. Впрочемъ сегодня я согласна на катанье, потому-что у ш-г Сурмина тоже съ собою рысакъ: дѣвицамъ остается только бросить жребій кому съ кѣмъ ѣхать.

— Ахъ, мама, какъ это мило!

— Ахъ, какъ я рада!

Раздались восклицанія. Но черезъ минуту лица дѣвушекъ утратили веселость; сестры переглянулись между-собою, какъ-бы спрашивая, кто побѣдетъ съ Сурминымъ.

— И прекрасно! сказала Марья Петровна. Если Сергью Антоновичу угодно, пусть велитъ запретъ лошадь; дѣвицъ сламъ на руки кавалерамъ, увѣренная вполнѣ въ искусство послѣднихъ, а сама займусь съ моимъ любезнымъ Чакомъ. Позвольте-же mesdames, потещге одѣваться, а послѣ бросите жребій. Ахъ, извините, ш-г Рябко, о васъ я и позабыла! Не угодно-ли вамъ проѣздиться, до объѣда, съ Сергѣемъ Антоновичемъ?

— Очень хорошо. Но какая жалость, что я непредвидѣлъ этого катанья! я непременно взялъ-бы своего персидскаго иноходца, и тогда посмотрѣлъ-бы, господа, на чьей сторонѣ побѣда! Кромѣ того что кто нибудь изъ васъ повхалъ-бы одинъ...

Сурминъ и Кренскій переглянулись, а Чакъ закрылся кускомъ матеріи.

— А иноходецъ версту въ минуту, продолжалъ Иванъ Яковличъ.

— Это какъ по желѣзной дорогѣ, сказалъ Сергѣй Антоновичъ.

— По той, что пойдетъ черезъ Дубровницы, прервалъ Сурминъ.

— Эхъ, досадно, Петръ Мартыновичъ! сказалъ Иванъ Яковличъ, собираясь обидѣться: какъ-будто вы не знаете моего персидскаго иноходца, за котораго въ Ромнахъ чуть не перессорились ремонтеры.

— Знаю, знаю, и за котораго давали тебѣ 1000... копѣекъ.

— Эхъ, вѣчно шутить!

Надо знать, что въ прошлую Ильинскую ярмарку въ Ромнахъ, Иванъ Яковличъ въ особенности хвасталъ достоинствомъ лошадей своего завода. Не зналъ-ли онъ имъ цѣны совершенно, или хотѣлъ надуть добрыхъ людей, только за одну лошадь просилъ 1500 цѣлковыхъ. Разумѣется, всѣ трунили надъ Иваномъ Яковличемъ, говорили ему что слишкомъ дешево оцѣнили лошадь; но нѣкоторые ремонтеры торговали, какъ-бы серьезно желая купить персидскаго иноходца. Иванъ Яковличъ, по прежнему просилъ 1500 цѣлковыхъ, а ему давали 1000. Наконецъ, разсудивъ, что и тысяча хорошій кушъ, Рябко вдругъ рѣшился отдать, и велѣлъ отвести лошадь къ покупателю, а самъ отправился за полученіемъ денегъ. Ремонтеры ожидали Ивана Яковлича, встрѣтили его съ бокалами, напоили и велѣли отсчитать ему 1000 мѣдныхъ копѣекъ... Разумѣется, Рябко обидѣлся, горячился, грозилъ стрѣляться со всѣми; но когда ему предложили стрѣляться тутъ-же, на мѣсть, онъ сказалъ, что предпочитаетъ драться на сабляхъ, а когда принесли сабли, Иванъ Яковличъ искусно улепетнулъ, и на другой день ходилъ съ подвязанною рукой, намѣкая, что рубился съ однимъ гусаромъ.

Черезъ полчаса сани Сергѣя Антоновича были готовы; оба рысака стояли у крыльца и били снѣгъ копытами; а Иванъ Яковличъ хлопоталъ и суетился, приказывалъ то подтянуть черезъ сѣдѣльникъ рыжему, то опустить голову вороному, и разумѣется, его никто не слушалъ, а онъ бѣгалъ взадъ и впередъ, докладывая то Сурмину, то Кренскому о своихъ распоряженіяхъ. Наконецъ вышли дѣвушки. Оставалось бросить жребій. Написавъ имена двухъ кавалеровъ на двухъ разныхъ бумажкахъ, свернули эти бумажки и бросили въ шляпу. Обѣ сестры должны были вынуть по билету. Съ замѣтною дрожью опустили въ шляпу двѣ хорошенькія ручки, обтянутыя въ изящныя перчатки; нѣсколько секундъ онѣ выбирали билетки, казалось даже, мѣнясь жребіемъ; но вдругъ вынули записочки, развернули, и первая Ольга прочла: Петръ Мартыновичъ Сурминъ! Внезапная блѣдность разлилась по лицу ея, но минута—и Ольга уже улыбалась, а Сурминъ не помнилъ себя отъ радости и готовъ былъ обнимать всѣхъ и каждого.

На лицѣ Вѣры не замѣтно было никакого волненія, потому что, какъ сказано при началѣ повѣсти, дѣвушка эта была не хороша собою, и различныя движенія души, отражавшіяся въ чертахъ ея, ускользали отъ наблюдателя, и лишь въ большихъ,

умныхъ глазахъ ея блеснуло радостное чувство, и, еслибъ Вѣра не поспѣшила накинуть вуаль, можно было-бы подглядѣть, какъ на шелковистыхъ рѣсницахъ ея дрожали слезы.

Гуляющіе вышли на крыльцо. Сергѣй Антоновичъ, въ сопровожденіи Рябка, сѣлъ въ свои сани, и пара гнѣдыхъ небольшою рысцою побѣжала къ воротамъ по мягкому снѣгу.

Какъ-бы стоворясь, Вѣра и Кренскій уступили первенство Ольгѣ, которая, потупивъ голову, шла возлѣ Петра Мартыновича.

У крыльца, кокетничая другъ передъ другомъ, стояли красивые рысаки, оба статные, породистые, оба съ огнемъ, и отлично выѣзженные. Тотъ и другой были запряжены въ щегольскіе легкіе саночки, только вороной рысакъ чуть не гнулся подъ тяжестью богатой, безвкусной упряжи, изобиловавшей разными серебряными бляхами, между-тѣмъ какъ на рыжемъ надѣтъ былъ изящный черный хомутъ и такая-же уздечка, на которыхъ изрѣдка сверкала кое-гдѣ серебряная звѣздочка. «Подай!» закричалъ Сурминъ, и ловкій мальчикъ въ богатомъ охотничьемъ костюмѣ подалъ вороного.

— Куда-же ѣхать? спросила Ольга, оборачиваясь и какъ-бы желая знать мнѣніе Кренскаго.

— По большой дорогѣ, отозвалась Вѣра, а тамъ поворотимъ и черезъ деревню Арсенія Андреича, мимо развалинъ возвратимся въ Дубровницы.

Ольга согласилась; кавалеры должны были повиноваться, и Сурминъ, внѣ себя отъ восторга, помогъ сѣсть своей дамѣ.

— Прощайте! сказалъ онъ торжественно оглядываясь, тронулъ возжами рысака, и вороной понесся, едва касаясь земли ногами.

— Теперь наша очередь, сказалъ Кренскій, помогая Вѣрѣ сѣсть въ сани.

— Ахъ, какъ-бы мнѣ хотѣлось опередить гиппопотама! сказала она.

— Очень радъ, что могу исполнить ваше желаніе, отвѣчалъ Кренскій, сядя въ саняхъ возлѣ нея, и пуская рыгаго: какъ нарочно я велѣлъ запретъ лучшаго бѣгуна; сѣрый не могъ-бы оказать мнѣ удовольствія исполнить ваше желаніе, а этотъ, надѣюсь, выйдетъ побѣдителемъ.

— Но они уже унеслись довольно далеко.

— Это ничего не значить.

Какъ-бы въ отвѣтъ на возраженіе Кренскаго, Сурминъ оглянулся въ это время, и вороной побѣжалъ еще быстрее.

Тогда Кренскій выѣхавъ на просторъ, пустилъ лошадь во всю рысь, и не болѣе какъ въ четверть часа перегналъ Сурмина, а Вѣра имѣла удовольствіе бросить торжествующій взглядъ на сестру и проговорить Сурмину: до свиданія!

— Какъ-же это вы позволили обогнать себя, когда мы выѣхали гораздо раньше? спросила Ольга своего кавалера.

— Не могу понять! или чортъ вселился въ проклятаго рыжого, или... я уже не понимаю какъ это случилось... Ну, да и мы перегонимъ въ свою очередь.

— Будто-бы? А мнѣ кажется, что всѣ ваши старанія будутъ напрасны: посмотрите, какъ далеко отъѣхалъ Кренскій въ самое короткое время.

Сурминъ съ досады погналъ лошадь; но не смотря на всѣ усилія, вороной шелъ саженьяхъ въ пятидесяти отъ Кренскаго.

— Не мучьте лошади, Петръ Мартыновичъ: мы ѣдемъ довольно быстро, а зачѣмъ стараться достигнуть невозможнаго.

— Да какъ-же позволить обогнать себя?

— Значить у Кренскаго лучше лошадь.

— Никогда! этого быть не можетъ! А вотъ причина: когда мы выѣзжали изъ воротъ, баба съ пустыми ведрами перебѣжала дорогу.

Ольга расхохоталась.

— Я и не знала, что вы вѣрите предразсудкамъ.

— Поневолѣ будешь вѣрить, Ольга Сергѣевна! Первый разъ когда я къ вамъ ѣхалъ, у меня въ деревнѣ заяцъ перебѣжалъ мнѣ дорогу.

— И что-же? спросила неосторожная Ольга.

Какъ, что? Вы отказали мнѣ въ счастіи... по-крайней-мѣрѣ отложили такъ на долго...

— Петръ Мартыновичъ! я просила васъ не напоминать мнѣ объ этомъ; развѣ вы позабыли условіе?

— Не буду, Ольга Сергѣевна!.. Но если бѣ вы знали какъ я васъ люблю.

— Не заставьте меня пожалѣть о томъ, что я согласилась ѣхать съ вами!

— Ей Богу, не буду! только не сердитесь. По-крайней-мѣрѣ позвольте мнѣ рассказать какъ я отдѣлываю домъ въ Заключинцахъ.

— Можете, сколько угодно.

— Во-первыхъ я выписалъ обои изъ Харькова — деликатесь: для залы бѣлые, для одной гостиной голубые, для другой зеленые, а для спальни, скажу вамъ, розовые съ серебромъ.

И Сурминъ подмигнуть правымъ глазомъ.

— Можно бы и уволить меня отъ подробностей.

— Мебель заказаль у нѣмца въ Кіевѣ, хоть и дорого, да зато объяденье! Зеркала куплю на контрактахъ. Ужъ уберу домъ на славу, какъ игрушку.

— Это все очень хорошо; но было бы лучше, еслибъ вы достали мнѣ огня, закурить папироску.

— Эхъ, досадно, а спичекъ-то я не взялъ съ собою: знаете, у меня всегда Максимъ закуриваетъ.

— А ш-г Кренскій всегда имѣетъ съ собою папиросы и спички.

— Что и говорить, это дамскій угодникъ! сказалъ Сурминъ нахмуриваясь: точить лясы, подпускать турусы на колесахъ, дѣло этихъ модныхъ шаркуновъ.

— Какъ бы то ни было, а всегда пріятно оказать женщинѣ услугу. Вы увѣряете, что готовы для меня всѣмъ пожертвовать, а я попросила только зажечь папироску, вы и этого не въ состояніи!

— Боже ты мой милосердый! Какое несчастье! Если бъ я зналъ, взялъ бы съ собою цѣлый десятокъ коробочекъ.

— Ахъ, кажется у меня есть спичка! Остановите только лошадь, иначе нельзя будетъ зажечь...

— Да какъ же, Ольга Сергѣевна, того... вѣдь Кренскій-то далеко уѣдетъ.

— А вы все еще надѣетесь перегнать его? спросила Ольга, разсмѣявшись. Лучше остановите лошадь, я закурю папироску, и тогда поѣдемъ.

Когда желаніе Ольги было исполнено, и она достигла цѣли, Сурминъ снова пустилъ рысака; но Кренскаго небыло видно ни впереди, ни позади Сергѣя Антоновича. Казалось бы какой удобный случай поговорить между собою людямъ, изъ которыхъ одинъ былъ почти женихомъ, а другая почти невѣстой, по-крайней-мѣрѣ въ глазахъ сосѣдей и даже Марьи Петровны. Но Сурминъ не смѣлъ заводить разговора о любви, а Ольга молчала.

— Однако мы порядочно отстали, говорилъ Блонскій Ивану Яковлевичу, закутываясь въ медвѣжью шубу: извѣстное дѣло старость—нерадость.

— Будь со мной иноходецъ, посмотрѣли бъ вы, какъ эти господа остались бы позади. Впрочемъ у Сурмина отличная лошадь; да и самъ онъ превосходный человѣкъ. Вѣрите ли, продолжалъ Рябко, наклоняясь къ Сергѣю Антоновичу: два раза хотѣли вы-

братъ въ губернскіе предводители, ни за что не соглашается. Дѣльный, очень дѣльный человѣкъ!

— Всѣ его хвалятъ.

— А богатство! Первый капиталистъ въ губерніи! Однимъ словомъ счастлива будетъ дѣвушка, которую онъ изберетъ.

— Вы думаете?

— Даже увѣренъ. Посмотрѣли бы вы что у него за домъ! Правда, что я посовѣтовалъ ему какъ отдѣлать, я составилъ планъ расположенія комнатъ, выбралъ рисунки обоевъ,—но вѣдь до этого ни кому нѣтъ дѣла. Третьяго дня еще я говорю ему: не худо, братецъ, выписать экипажъ изъ Петербурга, да шестерикъ одношерстныхъ лошадей, а онъ согласился и сей часъ же послалъ 10,000 руб., сереб. чтобъ выслали съ первой почтой.

— Какъ, и лошадей?

— Нѣтъ, то-есть экипажи. Лошадей, разумѣется, приведутъ.

— Но мнѣ казалось бы, что здѣсь выгоднѣе купить лошадей.

— Конечно... да... но согласитесь, могутъ ли здѣсь такъ вывздить!

— Совершенная правда. Впрочемъ гораздо лучше выписать хорошаго кучера.

— Испортится... знаете ли, разбалуется: какая здѣсь работа? а водка дешева.

— Это справедливо.

— Да еще и та невыгода: какъ помѣщику 3000 душъ имѣть наемнаго кучера! согласитесь, что неловко; начать говорить... а вѣдь общее мнѣніе... А какія у него оранжереи!

— Есть дорогія растенія?

— Необыкновенно дорогія. Апельсины, лимоны, никогда не покупаются, а персики, абрикосы и виноградъ растутъ въ такомъ изобиліи, что ихъ бочками солятъ на зиму.

— Это роскошь!

— Даже есть собственное вино. Видите ли, у насъ виноградъ дозрѣваетъ на воздухъ; у меня въ одномъ имѣніи цѣлая плантація. Однажды я потчую Петра Мартыновича хересомъ,—онъ знатокъ въ винахъ—попробовалъ да и говорить: гдѣ это, братъ, Иванъ, ты покупаешь такое чудное вино? А я отвѣчаю: изъ-за границы. Онъ посмотрѣлъ на свѣтъ и говорить: сей-часъ видно что цѣльное. Я невытерпѣлъ, расхохотался и открылъ секретъ. Послѣ этого я велѣлъ вырыть для Сурмина сотни три лозъ, потому-что для

милаго дружка и сережка изъ ушка, и теперь въ Заключенцахъ тоже свой хересь.

— Какой благодатный климатъ!

— Чудесный климатъ! Впрочемъ не каждый умѣетъ пользоваться почвой и воздухомъ. Напримѣръ, у Кренскаго вы ничего не найдете. Хотя онъ и прекрасный человѣкъ, однако, знаете, подь часъ бываетъ очень оригиналенъ: на него, будь между нами сказано, находить иногда этакое...

И Рябко договорилъ жестомъ, приподнявъ правую руку, и повертѣвъ передь лбомъ указательнымъ пальцемъ.

— Какая жалость! А мнѣ онъ чрезвычайно нравится.

— Да кому же онъ не нравится! Я самъ безъ души люблю его. Впрочемъ объ его припадкахъ знаютъ немногіе, потому что онъ на это время запирается и никуда не выходитъ изъ комнаты.

— Говорятъ, онъ ѣздилъ недавно за границу и на самое короткое время?

— Видите ли, объ этомъ толкуютъ разнo. Говорятъ, что онъ разсорился съ женою, которая живетъ за границей и не хочетъ согласиться на разводъ; чуть ли онъ не затѣмъ ѣздилъ чтобъ какъ-нибудь кончить...

— А!

Вѣра и Кренскій быстро неслись по гладкой дорогѣ. Оперевъ Сурмина, Вѣра была внѣ себя отъ восторга.

— Вы не можете себя представить какъ я вамъ благодарна! сказала она Кренскому.

— Очень радъ, но, извините, я не вижу ничего особеннаго въ томъ, что мой рысакъ быстрѣе.

— И я не вижу въ этомъ ничего особеннаго, но радуюсь потому, что, можетъ быть, первый разъ въ жизни сбилось то, о чемъ я задумала...

— А что вы задумали?

— То, что никогда не можетъ осуществиться. Желаніе было безумное; но утѣшаетъ меня мысль, что по-крайней-мѣрѣ польстило мнѣ хоть обманчивое предсказаніе.

— Какъ знать что случится, отвѣчалъ Кренскій равнодушно.

Вѣра пристально посмотрѣла на своего кавалера. Вѣтеръ откинулъ ея вуаль, и Кренскому показалось, что глаза ея блеснули какъ-то необыкновенно.

— Мнѣ можно предугадывать что случится, м-г Кренскій; но вы знаете, что человѣческое сердце хуже ребенка: оно готово

вѣрить самымъ нелѣпымъ сказкамъ, если эти сказки общають ему исполненіе желанія.

— Я знаю это по опыту.

— Значить и вы обманывались, или желали невозможнаго.

— И то и другое: всего случилось на вѣку. Впрочемъ наши, кажется, отстали порядочно.

— Вѣроятно Ольга закуриваетъ папирску.

— А я и позабылъ предложить вамъ тоже самое.

— Благодарю, мнѣ что-то не хочется. Воображаю какъ скучно бѣдняжкѣ Ольгѣ, какую тяжелую роль она должна играть въ продолженіе пути... Не сократить-ли намъ дороги?

— Если вамъ скучно со мною — извольте.

— Я не ожидала, по-крайней-мѣрѣ, отъ васъ подобнаго отвѣта. Вы очень хорошо знаете, что мнѣ не скучно съ вами; но я желала-бы знать что скажете вы — если я спрошу: не скучно-ли вамъ ѣхать со мною?

— Нѣтъ, но...

— Видите ли, м-г Кренскій, самый умный человѣкъ станетъ въ тупикъ, если захочетъ казаться любезнымъ противъ желанія.

— Много бы я могъ сказать вамъ на это, Вѣра Сергѣевна, но оставимъ до другаго раза; по-крайней-мѣрѣ позвольте мнѣ сказать что я васъ понимаю.

— Если бѣ понимали, не сказали бы этой...

— Договаривайте — пошлости. Каюсь. Сорвалось слово съ языка. Но обратимся къ вашей сестрицѣ. Въ-самомъ-дѣлѣ, положеніе ея не завидно.

— Впрочемъ она запретила Сурмину говорить о любви; вѣроятно онъ рассказываетъ ей объ охотѣ.

— О, въ такомъ случаѣ онъ краснорѣчивъ.

— Мама однако же еще недавно выговаривала Ольгѣ за холодность обращенія съ гипшопотамомъ.

— Маменька ваша, къ сожалѣнію, какъ и многія матери, полагаетъ все счастье въ богатствѣ, и признаюсь вамъ, меня чрезвычайно тревожитъ сватовство Сурмина. Не говорю, что онъ не хорошій человѣкъ, напротивъ, онъ добрый малый; но эта неуклюжая фигура, этотъ старый холостякъ съ своими дикими привычками, мнѣ кажется никогда не можетъ составить счастья, даже уже потому, что онъ безъ всякаго образованія.

— Дѣти не должны судить родителей.

— Вполнѣ раздѣляю ваше мнѣніе. Хотя и не прямо, я говорилъ Марьѣ Петровнѣ, однако она поняла меня, что Сурминъ не партія Ольгѣ Сергѣевнѣ; мнѣ было бы жаль видѣть эту милую, прекрасную дѣвушку за человѣкомъ, который никогда не въ состояніи понять ее.

— Я и сама говорила маменькѣ о несчастіи, угрожающемъ Ольгѣ и говорила со слезами; но у нее одна и таже отговорка: «мы нищіе, и неужели Ольга захочетъ насъ видѣть при старости безъ куска хлѣба!» Какъ хотите, а въ этомъ убѣжденіи много чего-то напоминающаго о долгѣ дочери въ отношеніи къ родителямъ.

— Если вы не можете постоянно жить въ Петербургѣ, тѣмъ не менѣе однакожь, будущее ваше обезпечено.

— Это такой грустный предметъ, о которомъ тяжело даже говорить... Можетъ, быть сватовство Сурмина еще и несостоится.... А между-тѣмъ мы довольно уже своротили съ большой дороги

— Да, вотъ моя Благодаровка. Мы пройдемъ по деревнѣ, вы увидите мой домъ, а послѣ поверотимъ мимо знакомыхъ развалинъ.

И черезъ нѣсколько минутъ Кренскій подъѣзжалъ къ Благодаровкѣ. Ровная, гладкая дорога укатана была превосходно, но по сторонамъ лежали большія кучи снѣга—слѣдствіе недавней мятели; и, если встрѣчные крестьяне давали дорогу господину, то быки ихъ вязли въ снѣгъ по колѣни.

Почувявъ близость знакомой конюшни, рыжій заржалъ и прибавилъ рыси. Санки летѣли по гладкой дорогѣ. Вдругъ изъ околицы выскочила красивая гнѣдая лошадь, и, распустивъ хвостъ и гриву, неслась прямо на катающихся. Рыжій поставилъ впередъ уши, не уменьшая бѣга; но Кренскій короче взялъ возжи и, казалось, немного встревожился. Гнѣдой былъ уже близко, и, какъ изъ лука стрѣла пустился къ санкамъ. Рысакъ вдругъ заржалъ, своротилъ круто вправо, секунда—и санки опрокинулись. Вѣра выпала на снѣгъ, а Кренскій, провлачась нѣсколько времени, насилу выпустилъ возжи, давъ волю рысаку, который снова выскочивъ на дорогу, пустился во весь карьеръ къ деревнѣ, въ сопровожденіи гнѣдаго, летѣвшаго возлѣ него, словно на пристяжкѣ, выдѣлывая разныя штуки задними и передними ногами.

Прійдя не много въ себя, Кренскій осмотрѣлся и постышилькъ Вѣрѣ. Дѣвушка лежала безъ чувствъ на снѣгу. Шляпка сле-

тѣла. Пышные черные локоны Вѣры распустились и прикрывали блѣдное безжизненное лицо, въ которомъ, казалось, не было и капли крови. Застежки у шубы разорвались, шуба спустилась съ плеча, и дѣвушка лежала бокомъ на снѣгу, безъ всякаго движенія.

Вскорѣ подоспѣли изъ деревни люди, а съ другой стороны подѣхали Сурминъ и Ольга. Смятеніе сдѣлалось всеобщимъ. Надо однако жъ было рѣшиться на что-нибудь; Вѣра все еще не приходила въ чувство, и ее положили на санки Сурмина, и шагомъ повезли въ Благодаровку. Между-тѣмъ подоспѣли Сергѣй Антоновичъ и Иванъ Яковлевичъ. Старикъ чрезвычайно испугался. Но затруднительнѣе всѣхъ было положеніе Кренскаго, который хотя и не былъ ни сколько виноватъ въ случившемся, однако тѣмъ не менѣе на него падало обвиненіе.

Привезя въ Благодаровку, Вѣру ту же минуту уложили въ постель, и нянюшка Кренскаго приняла больную на свое попеченіе. Сейчасъ же явился докторъ, и приведя Вѣру въ чувство, объявилъ, что опасности никакой нѣтъ, но что необходимо оставить больную на нѣсколько дней въ теплой комнатѣ; причемъ онъ прибавилъ Кренскому, что легко можетъ развиться горячка.

Оставя Ольгу съ сестрою въ Благодаровкѣ, всѣ отправились ту же минуту въ Дубровницы, а Кренскій поѣхалъ извиниться передъ Марьею Петровной въ невольномъ своемъ проступкѣ.

Марья Петровна сильно встревожилась и хотѣла сейчасъ же перевезть Вѣру домой; но ей доказали самымъ убѣдительнымъ образомъ невозможность исполнить это желаніе, и она отправилась въ Благодаровку.

У Вѣры показались всѣ признаки горячки.

Къ вечеру Иванъ Яковлевичъ повезъ по уѣзду это извѣстіе, разумѣется, съ разнообразными комментаріями, такъ что за пятьдесятъ верстъ уже разсказывали, что Кренскій укралъ одну изъ Блонскихъ, а жена его, въ это время пріѣхала изъ-за границы, и смертельно ранила соперницу.

II.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНІЕ ТЕАТРОВЪ ВЪ ПАРИЖѢ.

Статья 1-я

Я скажу про настоящаго парижанина: «ему театръ потребенъ такъ, какъ хлѣбъ.» Разсмотрите жизнь, нравы, направленіе, устройство парижскихъ театровъ—и вы будете имѣть полное понятіе о парижанахъ вообще и о духовномъ ихъ состояніи въ особенности.

Предметъ этотъ стоить особеннаго изученія, тѣмъ болѣе, что у насъ, въ Россіи, господствуетъ довольно сбивчивое и неполное понятіе объ этихъ художественно-поучительныхъ учрежденіяхъ Парижа, которыя имѣютъ на массу здѣшняго народонаселенія вліяніе, равносильное трибунамъ и каедрамъ.

Я собралъ все матеріалы, относящіяся къ исторіи каждаго изъ парижскихъ театровъ, ознакомился съ ихъ теперешнимъ составомъ и репертуаромъ, прослѣдилъ судьбу и вліяніе каждаго, и сообщу вамъ рядъ статей, которыя представятъ очень любопытныя данныя для исторіи искусства вообще и въ то же время полную картину драматической и сценической дѣятельности Франціи въ настоящее время.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Парижъ всегда славился разнообразіемъ своихъ публичныхъ увеселеній. Сами парижане прозвали свой городъ *Новымъ Вавилономъ*, впрочемъ, конечно, не зная общественной жизни древняго Вавилона. Иностранцы посѣщаютъ его ежегодно и, расхваливая дешевизну тамошней жизни, разоряются въ немъ. Ученые, художники ищутъ тамъ новыхъ свѣдѣній, и возвратясь на родину, увѣряютъ, однако жъ, что общая масса народа принадлежитъ къ самымъ невѣжественнымъ въ Европѣ. Парижскіе писатели слывутъ образцами слога, формы и изобрѣтенія, и однако же, на каждомъ шагу видишь въ ихъ сочиненіяхъ жестокіе промахи во всемъ, что касается до другихъ народовъ. Театръ ихъ первый создалъ такъ называемый классицизмъ, и творенія Корнеля, Расина и Вольтера долго служили типомъ красоты и правильности, и однако же, всѣ теперь понимаютъ, что эта классическая форма не что иное, какъ слабое подражаніе древней литературѣ грековъ.

Для полуторамилліоннаго народонаселенія Парижа болѣе всего нужны зрѣлища. Напрасно оно называетъ свою столицу Вавилономъ: оно скорѣе сходно съ тѣми жалкими римлянами Восточной Имперіи, которымъ больше ничего въ жизни не было нужно, какъ *хлѣба и зрѣлищъ* (panem et circenses). Парижане рѣшительно проводятъ жизнь свою на улицахъ, въ трактирахъ и въ театрахъ. Удовольствія домашней, семейной жизни едва-ли извѣстны десятой части жителей. Самый бѣдный классъ посѣщаетъ театры—и судить о пьесахъ и играхъ актеровъ; судить же, какъ и вездѣ, сообразно степени просвѣщенія каждаго, то есть или инстинктивно-хорошо, или безотчетно-глупо.

Исторія главныхъ театровъ Парижа составляетъ лучшій курсъ французской исторіи съ XVII вѣка. Основаніе и развитіе каждаго театра совершалось сообразно съ современными требованіями и вкусомъ. Главные актеры ихъ, авторы, директоры, принадлежатъ къ исторіи Парижа, какъ Инвалидный домъ, Пале-Ройяль и другіе памятники. Изученіе исторіи театровъ столь-же нужно художнику и археологу, какъ политическому писателю. Постараемся-же въ краткомъ обзорѣ (потому-что для полного пужно было бы многотомное сочиненіе) представить очерки главныхъ парижскихъ театровъ со времени ихъ основанія до 1854 года.

ИМПЕРАТОРСКАЯ МУЗЫКАЛЬНАЯ АКАДЕМІЯ.

Италіянцы первые назвали *операми* лирическія поэмы. Кардиналь Мазарини первый ввелъ оперу во Францію. Онъ выписалъ изъ Италіи труппу и заставилъ ее играть въ Луврѣ. *Орфей и Эвридика*—трагикомедія въ стихахъ и съ музыкою, была первою оперою, данною италіянцами.

Эта новость не понравилась въ Парижѣ, потому-что зрители не понимали ни италіянскаго языка, ни музыки. Вторымъ спектаклемъ было: *Nozze di Peleo et di Thetide* (бракъ Пелея и Оетиды), трехъ-актная опера, въ которой Людовикъ XIV танцевалъ при дворѣ. И эта попытка была неудачна. Далѣе слѣдовалъ *Ксерксъ*, опера въ 5-ти дѣйствіяхъ.

Наконецъ Перренъ вздумалъ составить *французскія* поэмы, и въ Песи сыграна была пастораль *Помона* съ музыкою Камбера. Это было еще младенствующее искусство, но піеса имѣла большой успѣхъ. Къ Перрену и Камберу присоединился маркизъ Сурдеакъ, который былъ первымъ изобрѣтателемъ машинъ, и все они трое, получивъ отъ Людовика XIV привилегію, открыли оперный театръ въ 1669 году въ Мазаринской улицѣ.

Въ 1672 году привилегія перешла въ руки Люлли, который перевелъ оперу въ Вожирарскую улицу. Въ 1673 перешла опера въ Пале-Ройяль, откуда, послѣ двукратнаго пожара, перемѣстилась въ особенно устроенное зданіе у Сентъ-Мартенскихъ воротъ. Здѣсь опера оставалась до 1793 года.

Съ 1793 переведена она въ залу Монтасье, въ улицу Ришельё, гдѣ и была до 1820 года, а съ 1821 перешла въ сады Шуазельскаго отеля, въ улицу Друо. Здѣсь была устроена для нея временная зала, и теперь еще существующая.

Слѣдетвенно, *первымъ* французскимъ театромъ была опера въ соединеніи съ балетомъ. Нурри, Дюпре, Левассеръ, Чинти-Даморо, Фальконтъ, Тальони, Эльслеръ составляютъ рядъ именъ, прославившихъ свое искусство; теперь первыхъ двухъ замѣнилъ Роже.

Слава Роже началась съ оперы Мейербера *Осада Генга*, и теперь онъ первый любимецъ Парижской Оперы. Съ 1848 года есть у него соперникъ Гемаръ (Gueymard), но онъ все еще считается вторымъ теноромъ; послѣ него являются Шипю и Эме.

Первый оперный басъ теперь Обень, который, при всей своей молодости, успѣлъ уже приобрести всеобщую любовь публики. Послѣ него Депассио и Лежеръ считаются лучшими вторыми басами, третьимъ—г. Гиньо.

Первый баритонъ Мерни, соединяетъ діапазонъ баритона и баса. Онъ только съ 1851 года на сценѣ, и нѣсколько неловокъ еще, но пѣніе его заставляетъ забывать недостатки игры. Другой баритонъ Массонъ, можетъ назваться ветераномъ оперы. Онъ дебютировалъ въ 1808 году, и получаетъ пенсіонъ въ 2,400 фр. Два вторые баритона Морелли и Марію, принадлежатъ также къ даровитымъ артистамъ.

Перейдемъ теперь къ пѣвицамъ. Послѣ Віардо, этой удивительной драматической актрисы, которую можно только упрекнуть въ томъ, что она слишкомъ старалась объ успѣхѣ своихъ ролей; послѣ Альбони, которая по голосу можетъ почитаться неподражаемою, трудно было Большой оперѣ прискаты себѣ контральта. Однако-же г-жа Тедеско успѣла замѣнить ихъ, и надобно надѣяться, что надолго сохранить любовь публики.

Г-жа Дамеронъ дебютировала въ 1840 году по выходѣ г-жи Штольцъ, и долго была только пѣвицею; теперь она сдѣлалась и хорошею актрисою. Г-жа Лагрюа нѣсколько лѣтъ была любимою примадонною, но она уѣзжаетъ, и Парижъ долго будетъ сожалѣть о ней. Г-жа Пуансо, воспитанница Дюпре, напоминаетъ голосомъ и игрою знаменитую Фальконъ, и съ большимъ успѣхомъ играетъ роли молодыхъ первыхъ пѣвицъ. Г-жи Лобардъ, Чео, Дюэмендезъ и Мари-Дюги—очень милыя вторыя пѣвицы, которыя, вѣроятно, со временемъ сдѣлаются первыми.

Вотъ все главные поющіе персонажи Большой Оперы. Теперь скажемъ нѣсколько словъ о композиторахъ.

До нынѣшняго столѣтія французская опера была въ рукахъ иностранцевъ. Только въ нынѣшнемъ столѣтіи Катель, Лесюаръ и Персюи (Боэльде, Бертонъ и другіе, прославившіеся на сценѣ Комической Оперы) доказали, что и французы могутъ быть композиторами. При реставраціи призванъ былъ Россини, и ему была поручена Большая Опера. Его пріѣздъ предвѣщалъ огромный музыкальный переворотъ. Французскіе музыканты были внѣ себя. Россини встрѣченъ былъ сатирами, памфлетами, карикатурами. Представляли его странствующимъ музыкантомъ, играющимъ вдругъ на всѣхъ самыхъ шумныхъ инструментахъ. Но Россини былъ не таковъ, чтобъ испугаться; онъ уже и въ Италіи перенесъ много бурь. До него Глюккъ началъ уже однажды преобразование французской оперы, то есть Глюккъ заставлялъ пѣть французовъ, а не кричать. Но по-

слѣ Глюкка они опять принялись за крикъ, и Россини долженъ былъ ихъ отучить отъ этого.

Онъ поставилъ на парижской сценѣ четыре оперы: *Осада Парижа*, *Зора*, *Карлъ смѣлый и графъ Ори*. Болѣе всѣхъ Карлъ смѣлый привелъ враговъ Россини въ отчаяніе, потому-что они не могли найти недостатковъ въ этой оперѣ. Россини былъ несчастливъ въ сочинителяхъ либретто. Жуи и Би все еще воображали, что выше Весталки и Фернанда Кортеса ничего быть не можетъ. Но и съ этими либретто Россини одушевилъ, наэлектризировалъ парижскую публику.

Съ другой стороны, Скрибъ и Оберъ поставили *Нѣмую въ Португалии*; вскорѣ потомъ Скрибъ-же съ Мейерберомъ составили Роберта. Вскорѣ плодовитость Обера овладѣла сценою: *Любовный напитокъ*, *Баядерка*, *Густавъ III*, *Озеро Волшебницъ* и *Блудный Сынъ* обогатили Большую Оперу. Главная причина его популярности состояла въ томъ, что онъ французъ. Коллоссальныя творенія Мейербера: «Робертъ», «Гвельфы» и «Осада Гента», которые принадлежать *Большой оперѣ*, хотя тоже обогатили ее и прославили, но Мейерберъ нѣмецъ, какъ Россини италяинецъ. Ихъ всемірные гевіи какъ-то оскорбляютъ самолюбіе французовъ, потому-что у нихъ не было подобныхъ композиторовъ.

Галеви явился съ *Жидовкою* на сценѣ Большой Оперы въ 1838 году, и сочиненіе это не имѣло значительнаго успѣха. Но чѣмъ болѣе ее давали, тѣмъ болѣе она нравилась. Послѣ «Жидовки» Галеви написалъ *Гвидо и Джиневра*, *Кипрская королева*, *Карлъ VI* и *Вѣрный жидъ*.

Доницетти не имѣлъ успѣха на сценѣ Большой Оперы. *Фаворитка* можетъ назваться прекраснымъ произведеніемъ, но успѣхъ ея былъ очень незначителенъ.

Поговоримъ теперь о балетѣ, принадлежащемъ тоже къ сценѣ Большой Оперы.

Балетъ созданъ Новерромъ. До него танцы состояли въ скачкахъ и фокусахъ съ нѣкоторыми позами, пріятными для глазъ. Въ хроникахъ театра сказано, что г-жа Прево первая начала дѣлать *passee-pieds* — очень мило. Г-жи Салле и Дюмуленъ танцовали *menuette* съ большою роскошью въ позахъ. Г-жа Камарго была превосходна въ *тамбуринахъ*. Наконецъ Дюпре была неподражаема въ *Chaconnes* и *passacailles*. Балеты служили антрактомъ для оперъ, чтобъ доставить зрителямъ развлеченіе.

Новерръ первый вздумалъ сдѣлать *балетъ* съ сюжетомъ, декорациями и настоящими костюмами (до него танцорки танцовали въ фижмахъ).

Разумѣется, противъ него возстали и музыканты и танцоры, но онъ преодолѣлъ всѣ эти препятствія. Онъ образовалъ Гарделя и Вестриса.

Послѣ Новерра продолжали начатое: Гардель, Отеръ, Милонъ, Тальони, Корали, Мазилье, Альдтъ, Сенъ-Леонъ. Изъ новѣйшихъ балетмейстеровъ Мазилье имѣлъ въ Парижѣ большой успѣхъ. Онъ было вздумалъ поѣхать въ С.-Петербургъ, но, встрѣтивъ тамъ неуспѣхъ, возвратился въ Парижъ.

Вотъ нынѣшній составъ балета.

Петипа очень хорошій танцоръ, котораго г-жа Эльслеръ открыла въ Бордо. Когда прибыли въ Парижъ Сенъ Леонъ и Черито, Петипа былъ отодвинутъ на второй планъ, но онъ выждалъ и остался любимцемъ публики. Его дублируетъ Мерантъ. Фукеъ превосходенъ въ характеристическихъ па. Онъ преемникъ Перро. Бертье перешелъ въ Большую Оперу съ театра Сенъ-Мартенскихъ воротъ для комическихъ ролей. Божэ и Минатъ очень хорошіе танцоры для дивертиссементовъ, но не занимаютъ ролей. Недостають въ балетѣ Большой Оперы мимика на благородныя роли. Взяли изъ кордебалета г. Ланфана, и онъ съ успѣхомъ уже игралъ нѣсколько разъ.

Черито—превосходная танцовщица на роли, требующія кокетства и своенравія. Она улыбается самымъ прелестнымъ образомъ. Игра ея умна, выразительна. Въ характерныхъ па она неподражаема.

Г-жа Робесъ болѣе танцовщица, нежели пантомимный сюжетъ. Г-жа Тальони (въ замужствѣ г-жа Фукеъ), съ честью носитъ знаменитую фамилію. Она двоюродная сестра знаменитой Маріи Тальони. Въ техническомъ исполненіи г-жа Фукеъ удивительна. Она на цыпочкахъ дѣлаетъ непостижимыя вещи и возбуждаетъ всякій разъ всеобщій восторгъ. Г-жа Эльмаръ, воспитанница Большой Оперы. Она очень полезная и милая танцовщица. Г-жа Богданова, молодая русская, улыбающаяся, живая, быстрая, скачущая, летающая. Она страстно любитъ свое искусство. Публика ее очень любитъ, но администрація Большой Оперы не даетъ еще ей новыхъ ролей, а старья трудно танцовать послѣ первыхъ знаменитостей Европы. Синьора Эсперо, испанка, принята въ труппу Большой Оперы для испанскихъ па: болеро, качучи, фанданго, халео и другихъ эксцентрическихъ штукъ Пиренейскаго полуострова. Г-жа Пріора, молодая пантомимная танцовщица на благородныя роли; она танцуетъ очень хорошо. Г-жа Гюи Стефенъ, только разъ еще являлась въ новомъ балетѣ: *le lutin de la vallée*, и имѣла большой успѣхъ. Г-жа Каролинъ, тоже воспитанница Большой Оперы. Она очень милая и трудолюбивая танцовщица. Г-жа Луиза Мике иг-

раетъ второстепенныя роли. На первыя пантомимныя роли нѣтъ въ труппѣ никого.

КОМИЧЕСКАЯ ОПЕРА.

Комическая опера началась при Людовикѣ XIV. Въ 1673 году была труппа, игравшая во время Сень-Лоранской и Сень-Жерменской ярмарокъ. Тогдашніе пьесы составляли странную смѣсь плоскихъ шутокъ, пустыхъ разговоровъ, опасныхъ скачковъ, машинъ и плясокъ. Въ 1715 году ярмарочные комедіанты, войдя въ сношеніе съ синдиками и съ директорами Королевской Музыкальной Академіи, назвали свои спектакли *Комическою Оперою*. Эти пьесы состояли изъ прозы, пѣнія и танцевъ. Но актеры Французскаго Театра, которыхъ спектакли опустѣли отъ рыночныхъ пьесъ, воспользовались данною имъ королевскою привилегіею и запретили актерамъ Комической Оперы *говорить*. Тогда послѣдніе придумали картоны, на которыхъ писали то, что имъ говорить запрещали. Оркестръ игралъ музыку извѣстныхъ мотивовъ, а актеры, сидя въ залѣ между зрителями, пѣли куплеты на эту музыку. Публика смѣялась надъ этою хитрою выдумкою, и еще болѣе ходила въ эти спектакли. Наконецъ, по усиленнымъ жалобамъ *Французской Комедіи*, комическая опера была запрещена.

Явясъ снова въ 1724 году, она опять была закрыта въ 1745. Наконецъ въ 1752 Моне получилъ позволеніе возобновить ее для Сень-Жерменской ярмарки, и съ-тѣхъ-поръ началось дѣйствительное ея существованіе. Сперва пародировали италіянскую музыку, примѣненную къ французскимъ словамъ. Наконецъ явились Дюно, д'Овернь, Гретри, Монсиньи, и въ 1797 году соединились двѣ оперныя комическія труппы въ залѣ Федо.

Въ 1829 труппа эта переведена въ залу Вантадуръ. Въ 1830, театръ этотъ былъ закрытъ на нѣкоторое время, но потомъ помѣщенъ на биржевой площади подъ названіемъ: Зала Фаваръ. Въ 1838 году театръ этотъ сгорѣлъ, и только 16 мая 1840 опять открытъ.

Парижане любятъ комическую оперу, какъ по вкусу, такъ и изъ національной гордости, потому-что это чисто-французское изобрѣтеніе, какъ и водевиль. Комическая опера должна быть и комедіею и оперою; музыка должна быть въ связи съ разговоромъ, а разговоръ долженъ

вести къ музыкѣ. Актеръ комической оперы долженъ быть и пѣвецъ и хорошій актеръ.

Во времена Имперіи и реставраціи комическая опера была любимымъ спектаклемъ публики. Послѣ 1830 она упала и долго не могла подняться. Чинти Даморо воскресила ее операми: *Ambassadrice* и *Domino Noir*. Теперь этотъ театръ находится въ блистательномъ состояніи, будучи поддерживаемъ Скрибомъ, Сень-Жоржемъ, Планаромъ, Карре и Барбье, Оберомъ, Амбрузомъ Тома, Адамомъ, Гриваромъ, Моссе и пр.

Куреръ первый и старшій актеръ; онъ превосходно играетъ благородныя и комическія роли. Впрочемъ, онъ болѣе актеръ, нежели пѣвецъ. Голосъ не обширенъ, но онъ отлично умѣетъ управлять имъ; онъ искусно даетъ выраженіе каждой нотѣ и каждому слову.

Мокеръ равно хорошъ въ комическомъ и серіозномъ амплуа; онъ тоже не большой, но весьма пріятный пѣвецъ.

Було перешелъ съ Большой Оперы. Онъ отличный пѣвецъ, но въ разговорѣ его видно еще, что онъ привыкъ къ речитативу. Пюже выписанъ недавно изъ Руана; онъ хорошій пѣвецъ, но въ его игрѣ видѣнъ провинціализмъ. Шарль Понсаръ, сынъ знаменитаго пѣвца; у него не обширный голосъ, но видно, что отецъ былъ его учителемъ. Главный его недостатокъ молодость. Делоне-Ризье два года на сценѣ и играетъ молодыхъ любовниковъ. Журданъ, хорошій комикъ. Севтъ Фуа сдѣлался преемникомъ Лесажа и Ферреоля; онъ играетъ хорошо и поетъ со вкусомъ. Рикье, старый актеръ и отличный комикъ. Довернуа играетъ благородныхъ отцовъ. Бюссинъ занимаетъ трудное амплуа Монтена. Онъ еще не опытенъ въ игрѣ, но поетъ хорошо. Батиль, замѣчательный басъ, какого еще не бывало въ Комической Оперѣ. Форъ, воспитанникъ консерваторіи съ прекраснымъ голосомъ и юношескимъ жаромъ; со временемъ онъ будетъ и актеромъ. Кавальо, второй басъ. Лешеръ дублируетъ Рижье. Натанъ, комическій басъ, съ большимъ дарованіемъ. Патанги играетъ второстепенныя роли.

Пѣвицы: г-жа Лефевръ молодая и прелестная актриса, такъ-же хороша въ веселыхъ, какъ и серіозныхъ роляхъ. Она прекрасная пѣвица и единственный упрекъ, который ей можно сдѣлать, состоитъ въ томъ, что словъ ея не слышать въ пѣніи. Но ей уже это замѣтили, и она исправляется.

Каролина Дюпре, молодая, но уже любимая пѣвица, которую можно считать въ числѣ первоклассныхъ. Въ игрѣ ея много истины и натуры. Голосъ не обширенъ, но она управляетъ имъ удивительнымъ образомъ.

Феликсъ-Миоланъ, воспитанница Дюпре, съ небольшимъ голосомъ,

но съ огромнымъ искусствомъ, напоминающимъ Чинти Даморо. Она изумляетъ и восхищаетъ. Игра ея довольно слаба.

Лемерсье играетъ роль субретокъ; съ нѣскольکو рѣзкимъ голосомъ; она отличная пѣвица и прекрасная актриса.

Вертгеймеръ, воспитанница консерваторіи, обладаетъ прелестнымъ контральто; она еще недавно на сценѣ и неопытна въ игрѣ.

Ревильи, прелестная собою, играетъ всѣ роли ко всегдѣшнему удовольствію публики. Декруа играетъ невинныя роли (*ingénuités*) и субретокъ. Она хорошая актриса. Въ ней много веселости и чувства. Андреа Фавень играетъ роли кокетокъ. Въ голосѣ ея мало гибкости, но она хорошая актриса. Тальмонъ занимаетъ второстепенныя роли въ ожиданіи первыхъ. Зое-Белія еще недавно поступила на сцену. Она очень хороша собою и имѣетъ всѣ средства къ усовершенствованію. Г-жа Феликесъ играетъ старухъ. Голосъ ея слабъ, но она хорошая актриса. Бланшаръ тоже играетъ старухъ съ большимъ успѣхомъ.

Композиторы. Комическая опера, чисто-французское изобрѣтеніе, и музыка этихъ оперъ составляетъ совершенно отдѣльный родъ. Прочіе европейскіе музыканты всегда возставали противъ этого рода, но если онъ нравится, то, значитъ, имѣетъ какія-нибудь достоинства. Подобный-же споръ существуетъ между приверженцами старой музыки и новѣйшей. Первую изъ нихъ хотятъ совсѣмъ уничтожить. Напрасно. Сколько разъ ни возобновляли въ Парижѣ старинныя оперы, онѣ имѣли большой успѣхъ и привлекали зрителей. Richard, соѹг de Lion выдержалъ, при возобновленіи, до осьмидесяти представлений. l'Ergeuve villagoise имѣла тотъ-же успѣхъ; говорятъ, что все это *маленькая музыка*. Пусть такъ; но мотивы ея сохраняются въ памяти зрителей, тогда-какъ аріи большой музыки забываются. Въ новой музыкѣ шумъ часто замѣняетъ мелодію; занимаются слишкомъ оркестромъ, а мало сценою. Пѣвицы-же прибѣгаютъ къ фокусамъ пѣнія, когда нѣтъ пѣнія. Конечно, музыка измѣнилась; какъ всякое искусство, она должна итти впередъ. Но ненадобно забывать и прежнихъ заслугъ. Спросите у Обера, у Галеви, они вамъ скажутъ, что Глюккъ, Моисиньи, Далеиракъ, Бертонъ гениальные люди, которыхъ надобно уважать.

Мегюль, Буальдѣ, Герольдъ со славою продолжали указанный имъ путь, и творенія ихъ содержатъ въ себѣ много первоклассныхъ красотъ.

Изъ новѣйшихъ композиторовъ Комической Оперы самый мелодическій Оберъ, и однако же, первые труды его были очень посредственны.

Развитіе таланта его служить большимъ урокомъ для директоровъ: быть снисходительнымъ къ начинающимъ дарованіямъ. Что было бы съ Комяческою Оперою, если-бъ первые труды его были отвергнуты? *La Bergère Chatelene*, была первою его удавшеюся оперою. *Эмма*—второю. Когда-же онъ соединился съ Скрибомъ, то успѣхъ неразлучно сопровождалъ его. *Le Concert à la Cour*, *le Masson*, *Léocadie*, *Leicester*, *Fra Diavolo*, *Lestok*, *le Cheval de Bronze*, *les Chaperons blancs*, *Ateon*, *l'Ambassadrice*, *le Domino noir*, *Zanetto*, *les Diamans de la Couronne*, *la Sygène*, *Robert le Diable*, *Haydée* и *Marco Spada*—вотъ права Обера на славу и благодарность современниковъ.

Галеви былъ ужъ подпорою Комяческой Оперы, *Le diletante d'Avignon*, *l'Eclair*, *Ludovic*, *Sherif* и *Les seize*; послѣднія двѣ не имѣли успѣха, наконецъ *Guitarero*, *les Mousquetaires de la Reine*, *Le val d'Andore*, *La fée aux Roses*, *la Dame de pique* доставили ему заслуженную знаменитость.

Амбрузъ Тома обучался музыкѣ въ Римѣ и получилъ тамъ первую медаль. Онъ началъ съ оперы: *La double échelle*, которая имѣла большой успѣхъ. *Le panier fleuri*, *le perruquier de la Regence*, *Lina*, *Caïd*, *Le Songe d'une nuit d'été*, *Raymond*, *ou le secret de la Reine* и *Tonelle* приобрѣли ему всеобщую извѣстность и любовь. Вообще въ его музыкѣ много цѣнія, поэзіи, много нѣжнаго и задушевнаго, за-то мало жара и смѣлости.

Адольфъ Адамъ, популярный композиторъ; *Chalet* и *le Postillon de Longjumeau* съ перваго шага сдѣлали его любимцемъ публики, такъ-что послѣдующія его оперы: *le Proscrit*, *la Reine d'un jour*, *le fidel berger*, *le brasseur de Preston*, *la Rose de Peronne*, *Giralda*, *Torteador*, *Si j'étais Roi!* *Le Roi des Halles* и *le Sourd*, были только дополненіемъ къ первоначальной его славѣ.

Викторъ Массе написалъ еще только три оперы: *la chanteuse voilée Galathée* и *les noces de Jeanette*. Это одноактные піесы, которыя, однако жъ, обнаруживаютъ замѣчательное дарованіе.

Гризаръ написалъ хорошую комическую музыку для оперы: *l'Eau merveilleuse*, *Gille le ravisseur* и *Bon soir monsieur Pantalon*.

Лимпандеръ, бельгіецъ, извѣстенъ двумя значительными операми: *les Montenegrins* и *le Chateau de la Barbebleu*. Музыка его больше прилична Большой оперѣ, нежели Комической.

Реберъ принадлежитъ къ нѣмецкой школѣ; онъ сперва приобрѣлъ извѣстность квартетами. Первая его опера: *la nuit de Noël* не имѣла успѣха; вторая *le père Gaillard* очень понравилась.

Г. Монфоръ, молодой композиторъ, написалъ: *Polichinele* и *l'Ombre d'Argentine*, имѣвшія значительный успѣхъ.

Кадо написалъ: *Les deux Gentilshommes* и *les deux Jaques*; музыка его сближается со старинною. Она нравится простотою и легкостію.

Классиссонъ извѣстенъ былъ своими романами. Первая его опера: *la figurante* имѣла успѣхъ, но *le Code noir* и *Les mystères d'Udolph* вскорѣ скрылись съ репертуара. Наконецъ *Jeanne la folle* — играна была въ 1848 году, когда французамъ было не до театра.

Мальаръ началъ свое музыкальное поприще въ циркѣ, гдѣ его *Gastibelza* имѣла большой успѣхъ. *Le moulin des tilleuls* писана уже для комической оперы, какъ равно и *la Croix de Marie*: обѣ онѣ не имѣли большаго успѣха.

Базенъ далъ двѣ оперы: *le Trompette* и *Madelon*. Въ музыкѣ его видно еще много изысканности, и афектаціи.

Говоря о композиторахъ комической оперы, нельзя не исчислить и авторовъ, потому что въ этомъ родѣ заслуга обоихъ почти равная, и даже перевѣсъ на сторонѣ послѣднихъ.

Скрибъ первый, плодovitѣйшій и даровитѣйшій писатель комическихъ оперъ. Онъ началъ свое поприще двадцати лѣтъ, (въ 1811), и если бѣ потерялъ бодрость при первыхъ неуспѣхахъ, то мы лишились бы на всегда прекрасныхъ его піесъ. Онъ ихъ написалъ до *двухъ сотъ пятидесяти*; въ 1837 году напечатанъ былъ списокъ ихъ въ *Gazette de France*. Когда же давали *Marco Spada*, это была *триста шестьдесятъ пятая*. Значитъ въ пятнадцать лѣтъ прибавилось *сто двѣнадцать*, или по семи въ годъ. Никто лучше его не знаетъ сцены, никто такъ хорошо не умѣетъ пользоваться этимъ знаніемъ. У него часто встрѣчаются большія неправдоподобія, но все онѣ ведутъ къ прекраснымъ эффектамъ. Надобно изумляться, что изобрѣтательность его не истощилась. Въ 1837-мъ же году исчислено было, что онъ до *трехъ милліоновъ* франковъ получилъ поспектакльной платы за свои піесы. Теперь эта сумма, разумѣется, увеличилась. За то, на сколько милліоновъ обогатилъ онъ все театры. Въ 1829 году Карлъ X наградилъ его орденомъ почетнаго легіона за *Ньмю въ Портичи*. Изъ всехъ его піесъ только двѣ упали: *Fra Ambrosio* и *Dix ans de la vie d'une femme*.

Г. Планаръ долго владычествовалъ на сценѣ комической оперы. Списокъ его піесъ былъ бы тоже очень длиненъ. Онъ всегда болѣе соединялъ труды свои съ молодыми композиторами, изъ которыхъ многіе отчасти обязаны ему своими успѣхами.

У Сенъ-Жоржа то же богатый репертуаръ; онъ любитъ серіозныя, патетическія піесы и искусно ведетъ ихъ.

Г. Соважъ далъ комической оперѣ множество прекрасныхъ пьесъ. Завязки его довольно слабы, но онъ умѣетъ ихъ хорошо кончить.

Г. Лакруа, написалъ *Bonsoir Monsieur Pantalon* которая имѣла блистательный успѣхъ.

Карре и Барбье написали: *Galathène* и *Les noces de Jeanete*, обнаруживающія въ авторахъ много дарованія.

ИТАЛІЯНСКАЯ ОПЕРА.

Объ этой труппѣ можно только говорить то, что было прежде. Нынѣшняя открылась только въ ноябрѣ 1853, неизвѣстно на какихъ условіяхъ. По газетамъ видно только, что Маріо, Фреццолини и Альбони (все прежніе петербургскіе знакомцы), вошли въ составъ ея, и что импрессаріо этой оперы полковникъ Рагани. Репертуаръ же ея, остальной составъ, сумма субвенціи и прочія условія — не были еще напечатаны при отправленіи этого письма. Слѣдственно надобно довольствоваться *древнею исторіею*.

Настоящая италіянская опера была заведена въ Парижѣ въ самое несчастное время, въ 1789 году. Разумѣется революція вскорѣ выгнала ее. Только въ 1802, при консульствѣ Бонапарте возвратилась она, и поселилась сперва въ олимпійскомъ театрѣ, а потомъ въ залѣ Фаварь, но вскорѣ потомъ надобно было закрыть эти представленія по недостатку сборовъ.

Въ 1804 году, когда Наполеонъ сдѣлался императоромъ, пробовали опять возстановить италіянскую труппу и помѣстили ея въ Одеонъ, гдѣ блистала знаменитая пѣвица Барилли. Но сборы были все самыя жалкіе, и труппа существовала пособіями Наполеона.

При реставраціи италіянская труппа перешла въ залу Фаварь съ полученіемъ 90,000 франковъ субсидій и самаго театра даромъ. Тутъ пѣли: Каталани, Паста, Пизарони, Малибранъ, Чинти Даморо и Зонтагъ. Въ 1828 году театръ этотъ сгорѣлъ, и италіянцы опять поселились въ Одеонъ, а потомъ въ залъ Вантадуръ.

При Луи-Филиппѣ отняты были субсидіи, и однако же до 1848 года былъ самый блистательный періодъ существованія италіянской оперы, потому-что тогда пѣли Рубини, Тамбурини, Лаблашъ, Гризи и Персіани. Но когда Рубини и Тамбурини уѣхали въ Россію,

Маріо и Ронкони, замѣнившіе ихъ, не стали уже привлекать публику, и труппа начала упадать.

Въ октябрѣ 1848 года, Ронкони сдѣлался антрепренеромъ, и получивъ отъ національнаго собранія 60,000 годоваго вспоможенія, собралъ лучшихъ артистовъ, какихъ могъ тогда найти. Увы! онъ принужденъ былъ вскорѣ отказаться отъ этого невозможнаго предпріятія, — и если не объявленъ несостоятельнымъ, то потому-что, какъ честный и благонамѣренный человѣкъ, обязался заплатить весь дефицитъ изъ собственныхъ денегъ.

Послѣ него взялся за антрепренерство Лумлей, директоръ лондонскихъ театровъ. Къ сожалѣнію и этотъ обанкрутился.

Наконецъ принялъ этотъ театръ г. Корти, получившій субсидіи 400,000 франковъ. У него были пѣвицы Крувелли и Лагранжъ (которая теперь въ Петербургѣ), но послѣ перваго года и онъ увидѣлъ невозможность существованія труппы. Онъ обнарудовалъ причины своей несостоятельности. Условія найма залы болѣе всего были для него тягостны. За наемъ залы платилъ онъ 75,000 франковъ въ годъ, но сверхъ того долженъ былъ безденежно давать пять ложъ и *триста* входныхъ билетовъ ежедневно, такъ что расходъ найма составлялъ уже 115,000 фр., да на богоугодныя заведенія обязанъ былъ давать 5000 франковъ.

Такимъ образомъ закрылась и послѣдняя опера. Нынѣ вновь она открыта. На долго ли? Увидимъ.

ФРАНЦУЗСКАЯ КОМЕДІЯ.

Французская комедія считаетъ свое начало съ 25 августа 1686 года, то-есть со дня какъ труппа Мольера соединилась съ актерами Отеля Бургонь.

По смерти Мольера, вдова его и товарищи составили труппу и поселились въ театрѣ Мазаринской улицы, гдѣ играла труппа Люлли, который перешелъ въ Пале-Ройаль.

Въ день открытія французской комедіи, 28 августа 1686, играли: Федру, трагедію Расина и комедію: *les carosses d'Orléans*. Труппа состояла тогда изъ двадцати трехъ человѣкъ. По списку, утвержденному королемъ, получали всѣ онѣ доходъ театра, раздѣленный на двадцать равныхъ ча-

стей. Въ 1688 году сдѣлано было двадцать три части, и увольняемымъ актерамъ назначалось 1000 ливровъ. (Нынѣ за двадцать лѣтъ службы дается 4000 франковъ).

Въ 1689 французская комедія перешла въ улицу Сень-Жермень-о-Пре.

Въ 1770 дозволено было ей помѣститься въ Тюльерійскомъ дворцѣ, пока построень будетъ новый для нея театръ въ бывшей залѣ Конде (нынѣ Одеонъ). Здѣсь открытіе театра послѣдовало 9 апрѣля 1782 года. И здѣсь въ 1782 году играли *Свадьбу Фигаро*. Въ день перваго представленія, триста человекъ обѣдали въ уборныхъ, чтобъ достать билеты. Трехъ задавили, а послѣ комедіи бросили изъ райка стихи противъ піесы.

Во время революціи съ 3-го на 4-е сентября 1793 года всѣ актеры французской комедіи были взяты внезапно подъ стражу и заключены въ темницу. Тогда это означало — смерть. Всѣ они были спасены мелкимъ чиновникомъ комитета общественнаго благосостоянія Любюсьеромъ. Не зная никого изъ нихъ лично, онъ часто видѣлъ ихъ прежде на сценѣ, и рѣшился избавить ихъ. Ежедневно уносилъ онъ изъ должности обвинительные акты ихъ по-одиначкѣ и истреблялъ. О нихъ забыли во время терроризма, и всѣ потомъ были выпущены, послѣ 9-го термидора.

Во время директоріи открыли они свой театръ 31 мая 1799 года, трагедіею *Сидъ* и комедіею *Урокъ мужьямъ*. Не прежде 18-го января 1803 года первый консулъ утвердилъ новое ихъ преобразование, которое потомъ дополнено было извѣтными декретами, подписанными въ Москвѣ.

Изъ историческихъ документовъ видно, что въ 1758 году часть каждаго актера французской комедіи состояла изъ 8730 ливровъ. Во время реставраціи часть эта составляла уже 12,200 фр. Тальма получалъ тоже, что и другіе, но Наполеонъ давалъ ему отъ себя 30,000 фр. въ годъ. Говорятъ, что Людовикъ XVIII и Карлъ X сохранили ему и г-жѣ Марѣ эту пенсію.

Въ 1758 году театръ платилъ 15% на госпитали и 10% на богадѣльни, всего 25%. Теперь платитъ онъ 11%.

Въ 1697 году актеры получали по 30 су за присутствованіе при чтеніи піесъ, которыя принимались большинствомъ голосовъ. Піесы актеровъ могли быть играемы только лѣтомъ; прочихъ же авторовъ — зимою.

Сперва за піесы платилось единовременно, но въ 1685 и 1697 предписано было давать авторамъ по-спектакльную плату за вычетомъ всѣхъ расходовъ: $\frac{2}{18}$ за піесу въ пять актовъ и $\frac{1}{18}$ за трехъактную и од-

ноактную. Играли всякую пьесу до-тѣхъ-поръ, пока сборъ за расходами непадалъ ниже 550 ливровъ зимою и 350 лѣтомъ, и тогда уже исключали ее изъ репертуара. Теперь платять $\frac{1}{12}$ чистаго сбора за пятиактную пьесу, $\frac{1}{18}$ за трехъактную и $\frac{1}{24}$ за одноактную.

Сборы французскаго театра съ 1807 по 1816 прости-
 рались среднимъ числомъ ежегодно до 808,046 фр.
 Съ 1833 по 1842 по 592,543 —

Къ первому періоду принадлежать Тальма, Марсь, Флери, Мишо.
 Съ 1838 года явилась Рашель.

Любопытны еще нѣкоторые счеты и цифры, найденныя въ архивахъ французской комедіи. Напримѣръ, въ 1813 году, когда Наполеонъ отправился въ Дрезденъ, то приказалъ во время перемирія пріѣхать туда этой группѣ. 13 іюня выѣхали они изъ Парижа, а 24 августа возвратились. Сверхъ вояжныхъ денегъ по 42,000 фр., какъ туда и обратно для всѣхъ, приказалъ онъ имъ выдать награжденіе по весьма любопытному списку. Первый въ списокѣ стоитъ Дебре, игравшій на персниковъ. Тальма поставленъ третьимъ, Флери пятымъ, а г-жа Марсь семнадцатою.

Вотъ самый списокъ: Дебре — 6000 фр., Сен-При 6000, Тальма 8000, г-жа Жоржъ 8000, Флери 10,000 Сен-Фаль 6000, Мишо 4000, Батистъ младшій 6000, Арману 6000, Тенару 4000, Девиньи 6000, Мишелю 4000, Барбье 3000, г-жѣ Теноръ 4000, Эмилии Конта 6000, г-жѣ Мезере 4000, г-жѣ Марсь 10,000, г-жѣ Бургоень 6000, Меньену 2000, братьямъ Фрешо по 1500, Кольсону 500, Комбру 500, Вальану 500, Монжела 500 франковъ. (Последніе суфлеръ, парикмахеръ и фигуранты).

Вотъ еще нѣсколько цифръ. Во времена Имперіи трагедія *Тампьеры* имѣла болѣе всѣхъ успѣха. Въ двадцать первыхъ представленій собрано 74,074 фр., то-есть круглымъ числомъ по 3,700 фр. Комедія же: *les deux Gendres* дала въ двадцать представленій 77,220 франковъ.

Въ бенефисы, даваемые при увольненіи актеровъ, доходили сборы выше 20,000 фр. Монвель въ 1811 году собралъ 10,000; вдова Дюгазонъ въ 1812—20,000; въ 1807 Флоранъ собралъ 22,000 франковъ.

20 марта 1815 года (день вступленія Наполеона въ Парижъ по возвращеніи съ острова Эльбы) на театрѣ французской комедіи давали: *L'Ecole des femmes* и *l'Esprit de contradiction*; сборъ былъ 225 фр. 22 іюня того же года (въ день втораго отреченія Наполеона) собрано 65 фр. Въ слѣдующіе дни отъ 94 фр. до 132.

Исторія театра французской комедіи и актеровъ его, принадлежитъ ко всеобщей исторіи художествъ, потому-что здѣсь родились великіе таланты Корнеля, Расина, Мольера и послѣдователей ихъ. Слѣдственно и исполнители этихъ гениальныхъ произведеній, заслуживаютъ особенное вниманіе потомства. Великій актеръ, такой же художникъ, какъ всѣ первые живописцы и скульпторы. И тѣ, и другіе воспроизводятъ пластическія красоты идеальныхъ образцовъ, или взятыхъ съ натуры. Только воспроизведеніе актера исчезаетъ вмѣстѣ съ нимъ, а живописецъ и скульпторъ оставляютъ свой трудъ потомству. Расскажемъ вкратцѣ о знаменитыхъ актерахъ, прославившихъ сцену французской комедіи.

Первый, о которомъ сохранилась память, былъ нѣкто Жодель, знаменитый комикъ, умершій въ 1660 году и восхищавшій публику цѣлое полустолѣтіе.

Послѣ него встрѣчается имя Пуассона, котораго за отличный талантъ любилъ Людовикъ XIV.

Превиль, славившійся съ 1753 года въ комическихъ роляхъ и почитавшійся первымъ современнымъ актеромъ.

Г-жа Клеронъ была одною изъ знаменитостей XVIII вѣка. Славный Гаррикъ нарочно пріѣхалъ смотрѣть на нее въ Парижъ и рѣшилъ, что она превосходна, но что она—слишкомъ актриса.

Г-жа Госсенъ прославлена ролью Заиры. Говорятъ, что она во всемъ была Заирою. Жофруа описываетъ ее слѣдующимъ образомъ: «Въ ней нѣтъ изученія искусства, нѣтъ собственнаго ума, но лице, голосъ и прелесть увлекали всѣхъ».

Лекенъ съ самою невыгодною наружностью умѣлъ сдѣлаться первымъ актеромъ своего времени. Вольтеръ увидѣлъ его на домашнемъ театрѣ въ роли любовника въ комедіи *le mauvais riche*. Предугадывая его талантъ, онъ взялъ его къ себѣ, далъ квартиру, столъ, училъ его и сдѣлалъ изъ него знаменитаго артиста. Лекенъ былъ весьма образованный человѣкъ. Онъ всегда въ исторіи изучалъ характеръ играемыхъ лицъ, самъ рисовалъ свои костюмы. По странному случаю, Вольтеръ, образовавшій его, никогда не видалъ его. Когда Лекенъ дебютировалъ, Вольтеръ уѣхалъ уже ко двору Фридриха великаго. Когда же Вольтеръ воротился въ Парижъ черезъ тридцать лѣтъ, то Лекена хоронили. Въ день его погребенія всѣ французскіе и италіянскіе театры были закрыты. Эпитафія его состояла въ слѣдующемъ стихѣ:

Ci-gît Lekain; ci-gît la tragédie.

(Здѣсь лежитъ Лекенъ; здѣсь погребена трагедія.)

Преемникомъ ему былъ Ларивъ, французы тотчасъ же написали четверостишіе:

Qui me consolera du malheur qui m'arrive?
 Disait en soupirant Melpomène à Caron.
 Lorsque tu fis passer à Lekain l'Acheron,
 Que ne déposais tu ses talens sur La-Rive?

Г-жа Сенваль была очень хорошая актриса и прославилась своею ссорой съ г-жею Вестрисъ, въ которой участвовалъ весь Парижъ и даже дворъ.

Г-жа Рокуръ описана у Жофруа слѣдующимъ образомъ: она превосходно играетъ сильныя трагическія характеры: Клеопатру, Медею, Агриппину, Иокасту и др. Но въ ея голосѣ болѣе силы, чѣмъ выразительности; въ фізіономіи ея болѣе пластики, нежели одушевленія.

Г-жа Конта прославилась въ роли Сусанны въ Свадьбѣ Фигаро.

Моде былъ первоклассный актеръ какъ въ трагедіи, такъ и въ комедіи. Жофруа говоритъ, что никто лучше его не игралъ благородныхъ отцевъ въ трагедіи и вертопраховъ въ комедіи.

На роли его поступилъ, по смерти его, Монвель, и то же пользовался всеобщю любовью публики, но его замѣнилъ только въ трагедіи; въ комедіи же преемникомъ его былъ Флѣри. Жофруа сказалъ объ этомъ преемничествѣ, что французская комедія клонится къ паденію.

Тальма,

Лафонъ,

Г-жа Дюшенуа,

— Жоржъ,

— Марсъ.

Всѣ эти великіе артисты до такой степени уже извѣстны по своимъ біографіямъ, что мы не будемъ вновь утомлять читателей повтореніемъ разсказовъ. Займемся лучше вынѣшнимъ составомъ труппы.

Самсонъ, старшій изъ актеровъ, служитъ съ 1818 года и играетъ первыя роли и колическія. Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ писатель и профессоръ драматическаго искусства въ консерваторіи.

Бовалле перешелъ съ театра Ambigu comique и одаренъ большимъ талантомъ и множествомъ недостатковъ. Последніе часто затемняются блескомъ перваго.

Жофруа играетъ первыя роли. Онъ очень хорошій актеръ.

Ренье истинный комикъ, тонкій, умный, съ изящнымъ вкусомъ.

Прево играетъ роли отцовъ. Онъ нѣсколько холоденъ, но въ игрѣ его много ума и простодушія.

Брендо, первый любовникъ, играетъ съ излишнимъ жаромъ, и слова у него пропадаютъ. — Леру, то же любовникъ. — Мальаръ дублируетъ ихъ, но вскорѣ будетъ считаться первымъ. Делонъ, молодой любовникъ, Го, молодой комикъ.

Мобо, трагикъ на вторыя роли. Монрозъ, дублеръ весьма полезный и пріятный. Мирекуръ, старый актеръ для вспомогательныхъ ролей. Баландъ принадлежитъ къ той же категоріи.

Лесаажъ дебютировалъ недавно въ роляхъ благородныхъ комиковъ и имѣлъ большой успѣхъ.

Гишаръ и Дидье вторые любовники, общающіе много въ будущемъ.

Изъ актрисъ первое мѣсто, разумѣется, принадлежитъ г-жѣ Рашель. Она приобрѣла уже европейскую славу и заслуживаетъ ее. Но не всегда и ей благопріятствовало счастье, не всегда успѣхъ встрѣчалъ ее на сценѣ. Первые дебюты ея происходили въ театрѣ Gymnase въ пьесѣ *la Vendéenne*. Пьеса упала, дебютанка то же. Послѣ этой неудачи вступила она въ консерваторію. Наставникомъ ея былъ Сентъ-Олеръ. Наконецъ допущена она была дебютировать во французской комедіи. Первые шаги ея на этомъ поприщѣ были не замѣтны не по недостатку въ ней дарованія, но по недостатку зрителей. Наконецъ начали о ней говорить газеты, и равнодушіе парижанъ вдругъ превратилось въ энтузіазмъ. Вездѣ стали хвалить ее; сборы поднялись. Съ тѣхъ-поръ, уже пятнадцать лѣтъ славится она во Франціи и съ нею опять воскресли Корнель, Расинъ, которыхъ перестали смотрѣть. Замѣчательно, что г-жа Рашель, не довольствуясь извѣстностью въ трагедіи, захотѣла приобрѣсть ее и въ комедіи. Первая роль ея въ послѣднемъ родѣ была Адриенна Лекувреръ, въ которой она имѣла блистательный успѣхъ. Вторая роль, *Леди Тартюфъ*, болѣе драма, нежели комедія, и парижскіе журналы еще не рѣшили: можно-ли Рашель признать за первоклассную актрису въ комедіи.

Послѣ нея первенство по старшинству принадлежитъ г-жѣ Нобле, которая весьма полезна во всѣхъ роляхъ.

Г-жа Брганъ, живая субретка, одаренная большимъ талантомъ. (Сестра ея, знаменитая Сюзанна Брганъ, играетъ въ Одеонѣ). Третья сестра Маделена Брганъ, занимаетъ во французской комедіи амплу первыхъ любовницъ.

Г-жа Дененъ долго была на вторыхъ роляхъ, но со времени переселенія г-жи Плесси въ С.-Петербургъ, заняла ея роли.

Г-жа Ребекка, сестра г-жи Рашель, обязана этому родству своимъ существованіемъ на сценѣ.

Г-жа Бонваль, очень хорошая субретка, дублирующая Брганъ.

Г-жа Натали играетъ амплу благородныхъ матерей, г-жа Жюдитъ прославилась недавно ролью Пенелопы въ пьесѣ Понсара *Улиссъ*. Г-жа Тенаръ, хорошая актриса на второстепенныя роли. Г-жа Рембло, дублируетъ Рашель въ ея отсутствіи, и съ большимъ успѣхомъ. Г-жа Алланъ была въ самой молодости весьма замѣчательною актрисой французской комедіи, но уѣхала въ Россію и пробыла тамъ двѣнадцать лѣтъ. Теперь она возвратилась и играетъ опять первыя роли въ комедіяхъ, но успѣхъ уже нѣсколько двусмысленъ. Г-жа Фаваръ играетъ амплу невинныхъ (*ingenuité*) и чрезвычайно нравится въ репертуарѣ Мольера. Г-жа Фижь, другая актриса на то же амплу, и тоже съ большимъ дарованіемъ. Г-жи Терикъ, Савари, Эмилиа Дюбуа и Валери, молодыя любовницы. Г-жа Биронъ и Сент-Плеръ субретки. Г-жа Жуассенъ, вторая любовница. Г-жа Сара Феликсъ, тоже сестра Рашели, играетъ молодыхъ кокетокъ.

ЛИРИЧЕСКІЙ ТЕАТРЪ.

Лирическій театръ учредился послѣ паденія историческаго театра, основаннаго г-мъ Дюма 20 февраля 1847 и закрытаго 16 октября 1850. Въ 1851 г. Сувестръ открылъ вмѣсто него Лирическій театръ, который теперь пользуется успѣхомъ. Это та же комическая опера для тѣхъ композиторовъ, которыхъ сочиненія не поступаютъ въ большую оперу.

Въ этой труппѣ главные актеры: Пьеръ Лоранъ, отличный баритонъ. Таллонъ, прекрасный теноръ и хорошій актеръ. Жюнка, актеръ пластическихъ формъ. Мелье, хорошій баритонъ. Рабесъ то же баритонъ, съ весьма замѣчательнымъ голосомъ. Кабель, то же баритонъ. Сюжалъ, теноръ. Монжо, молодой актеръ, начинающій привыкать къ сценѣ. Гринвонъ (отецъ), играетъ второстепенное амплу. Кользонъ, то же. Деруа, хорошій комикъ.

Изъ актрисъ: г-жа Кольсонъ, хорошая дѣвица и отличная актриса. Г-жа Рено, молодая любовница. Г-жа Мейеръ Мелье, очень пріятная

актриса. Г-жа Петти-Брееръ, играетъ роли переодѣваній и наперсницъ. Г-жа Ваде-Бибръ, амплу старухъ. Г-жа Каролина Жаде, молодая любовница.

ТЕАТРЪ ГИМНАЗИИ.

Этотъ театръ открытъ въ 1820 году. Цѣль его состояла въ образованіи артистовъ для французской комедіи, комической оперы и водевиля. Зала театра устроена была на бульварѣ *Boulevard des Capucines*, и открыта 29 декабря 1820 года.

Въ первое время этотъ театръ съ трудомъ существовалъ, не смотря на сотрудничество Скриба. Самая цѣль основанія дѣлала существованіе его непрочнымъ. Надобно было безпрестанно опасаться, что первые три театра возьмутъ у него лучшихъ персонажей. Но мало-помалу этотъ страхъ исчезъ, и теперь никто не думаетъ брать у него актеровъ. Но главная выгода въ первое время состояла въ томъ, что антрепренеръ исходатайствовалъ этому театру названіе *théâtre de Madame*. Это спасало его отъ всѣхъ притязаній, и во время реставраціи онъ имѣлъ большой успѣхъ. Послѣ событіи 1830 года, онъ упалъ, но Скрибъ поднялъ его, и театръ этотъ съ переменнымъ счастьемъ достигъ до 1848 года.

Тутъ новая революція разстроила его, но онъ и эту бурю выдержалъ, и теперь въ числѣ лучшихъ второстепенныхъ театровъ.

Брессанъ (бывшій на петербургскомъ театрѣ), лучший актеръ этой труппы. Онъ чрезвычайно любимъ публикою; перешелъ во французскую комедію.

Жофруа превосходный комикъ. Лафонтенъ, молодой любовникъ. Андре-Тома, недавно еще вступилъ въ труппу. Дюкюи, день отъ-дня совершенствуется. Виллатъ, хорошій комикъ. Лежаръ играетъ амплу Потье. Пристонъ, второй комикъ. Беру и Арманъ, два молодые любовника. Ландроль, хорошій дублеръ. Монваль, актеръ и режиссеръ. Антонень, вспомогательныя роли.

Изъ актрисъ знаменитѣйшая въ этомъ театрѣ безъ сомнѣнія, Роза Шери (г-жа Монтины), любимица публики, одаренная первокласснымъ дарованіемъ. Она наследовала всѣ роли Г-жи Вольнисъ, и съ такимъ же успѣхомъ играетъ ихъ.

Анна Шери (г-жа Лесюэръ), играетъ субретокъ съ большимъ ус-

пѣхомъ. Г-жа Лютеръ, перешла сюда изъ французской комедіи и прекрасно играетъ амплу невинныхъ. Г-жа Фижакъ играетъ молодыхъ кокетокъ. Г-жа Ферейра, недавно еще была ребенкомъ, но теперь уже взрослая дѣвица, и очень мило играетъ молодыхъ любовницъ. Г-жа Лорантинъ играетъ амплу невинныхъ. Г-жа Рике, второстепенныя роли. Лемерль, Боденъ и Рамелли, вспомогательныя роли. Г-жа Ламбкенъ, амплу старухъ. Г-жа Мелани, то же.

ТЕАТРЪ РАЗНООБРАЗІЯ.

Нѣкогда былъ въ Палеройялѣ кукольный театръ, но сборы его всегда были незначительны, и въ 1789 году г-жа Монтансье купила эту залу, перестроила ее и помѣстила тутъ *théâtre des Variétés*, который тоже назывался *театръ Монтансье*. Последнее названіе сохранилъ онъ до 1807 года. Въ это время французская комедія и комическая опера жаловались, что этотъ театръ отбиваетъ у нихъ публику, и декретомъ повелѣно ему было выѣхать изъ Палеройяля. Построенъ новый театръ на Монмартрскомъ бульварѣ, и спектакль открылся 21 іюня 1807 года. Тогда репертуаръ этого театра былъ любимъ парижскою публикою, и труппа была превосходная. Брюше, Потье, Гаводанъ, Дюваль, Каро, Тьерселенъ, Одри, г-жи Полинъ, Кюизо, Альдегондъ, Флора заставили сбѣгаться весь Парижъ и всѣхъ иностранцевъ въ этотъ театръ.

Теперь составъ этой труппы слѣдующій:

Леклеркъ, отличный актеръ на первыя роли. Кошардо, довольно холодный молодой любовникъ, но хорошо знаетъ сцену. Коппъ забавный, хотя и однообразный комикъ. Шарль Перрей, молодой комикъ съ большимъ дарованіемъ. Мюте, хорошій дублеръ. Деге, отличный актеръ на первыя роли. Данеперни, хорошій молодой любовникъ. Ньюма, прекрасный комикъ. Лассанъ, молодой комикъ.

Актрисы: г-жа Деге, хорошая актриса, весьма любимая публикою. Г-жа Скриванекъ, амплу молодыхъ любовницъ. Г-жа Пажъ (бывшая въ Петербургѣ), хорошая актриса на амплу кокетокъ. Г-жа Алиса Ози, принадлежитъ къ театральнымъ дѣвицамъ, любимымъ публикою. Г-жа Буагонтье, амплу кокетокъ. Г-жа Мотель, субретка. Г-жа Женно (сестра Вольнисъ), прекрасная актриса на первыя роли. Г-жа Эстеръ, играетъ второстепенныя роли. Г-жа Френе, дублерка.

ПАЛЕРОЙЯЛЬСКІЙ ТЕАТРЪ.

Когда въ 1807 году выѣхала изъ Палеройяля труппа des variétés, въ залѣ этой поселились канатные танцоры Фуриозо и братья Равель. Потомъ она была превращена въ Café Restaurant, гдѣ продолжали играть подъ звуки рюмокъ и стакановъ. Послѣ 1830 года гг. Дормель и Пуарсонъ выпросили себѣ привилегію основать тутъ театръ, который и былъ открытъ 6 іюня 1831 года. Здѣсь стали играть большею частью пьесы комическія, которыхъ комизмъ основанъ не на сюжетѣ, а на подробностяхъ. Составлена была превосходная труппа, и публика бросилась въ эту залу, гдѣ всегда была увѣрена, что вдоволь нахохочется.

Теперь труппа состоитъ изъ актеровъ: Саллона, на амплуа отцевъ; Лепентра старшаго, на роли Потье; Филиппа, который превосходно поетъ куплеты; Сенваля, на роли стариковъ; Дерваля, перваго любовника; Равеля, любимца публики Палеройяльскаго театра; Леритье, на роли простяковъ, наконецъ Грассо, котораго удивительная комическая игра невольно приводитъ зрителей въ восторгъ; Левассёръ играетъ молодыя роли съ большимъ успѣхомъ; Гласентъ, актеръ на вторыя роли; Лепентръ младшій подаетъ большія надежды; Огюстенъ хорошъ въ амплуа слугъ; Калькеръ и Лакурверъ, второстепенные актеры.

Актрисы: г-жа Грассо, занимаетъ амплуа первыхъ любовницъ; Алина Дюваль, играетъ первыя и веселыя роли; Дююи, молодая любовница; Брассенъ, роли гризетокъ; Луиза Дюранъ, амплуа невинныхъ; Жюльетта Пеллетье, роли большихъ кокетокъ, Тьерре, играетъ комическія роли; Азимонъ, субретка; Клейнъ, роли переодѣваній.

ОБЩІЙ ОБЗОРЪ СОСТАВА ПАРИЖСКИХЪ АДМИНИСТРАТИВНЫХЪ ЛИЦЪ И

ИГРАННЫХЪ ВЪ 1853 ГОДУ ПЬЕСЪ.

1. КОНСЕРВАТОРІЯ МУЗЫКИ И ДЕКЛАМАЦІИ.

Комиссаръ правительства Эдуардъ Монне.

Директоръ Оберъ. Секретарь, Альфредъ Бошень.

Кассиръ-контролеръ Рети. Инспекторъ Моро-Сенти.

Профессоры: Лирической композиціи, контрапункта и фуги; гг. Каррара, Галеви, Леборнь, Адольфъ Адамъ.

Гармоніи, гг. Эльварь и Реберъ.

Вокальной музыки, гг. Поншаръ, Бордоньи, г-жа Даморо, гг. Пансеронъ, Галли, Ревіаль, Жульани, Батайлъ. Солфеджа для мужчинъ: Дювернуа, Тарбо, Саваръ. Репетиторы: Жонасъ, Альканъ, Дюронъ, Жильеттъ.

Солфеджа для женщинъ: г. Гобленъ. Помощники: г-жи Дельсюкъ, Дюкии, Рюстенгольцъ, Ральбаръ, Клоцъ старшій, Мерсье-Портъ, Ларотъ.

Хоровъ: Лебель, Баптистъ.

Общихъ нумеровъ (morceaux d'ensemble) г. Баттонъ.

Лирической декламации: гг. Левассеръ, Дювернуа, Моренъ, Моросенти.

Лирическаго акомпанимента: Клоцъ, Ломбаръ, Сент-Анжъ, Левассеръ, г-жа Ролли.

Театральныхъ приемовъ (maintien théâtral) г. Эли.

Изученія ролей: г. Потье.

Громкаго чтенія: г. Маренъ.

Фехтованья: Гризье.

Инструментальной музыки: органовъ Г. Бенуа. Фортепіанъ Циммерманъ, Лоранъ, Мармонтель, Генрихъ Герцъ, г-жа Фарранъ и Кошъ. Общихъ нумеровъ Рене Бальо. Изученіе фортепіанъ: Порто, Кроасе, г-жа Буфуръ, Фурлингъ, Бертольцъ, Лемаршанъ, Жулессенъ. Арфы: Прютъе. Скрипки: Алларъ, Массаръ, Жираръ, Геренъ. Віолончели: Васленъ, Франомъ. Контрабасъ Шафтъ. Флейты: Тюлу. Гобоя Фохтъ. Кларнета Клозе. Фагота Коккенъ. Валторны: Галлай. Трубы Доверне. Тромбоны Диетро.

2. ТЕАТРЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ АКАДЕМІИ.

Мѣсть въ театрѣ 1950.—Директоръ: Несторъ Рокепланъ. Управляющій Гюлье, главный режиссеръ Ипполитъ Леруа, инспекторъ Ледюкъ.

Оперы и балеты вновь игранные: *Орфа*, пантомимный балетъ въ двухъ дѣйствіяхъ, П. Трианоля и Мазилъе, музыка Адольфа Адама.

Луиза Миллеръ, опера въ четырехъ дѣйствіяхъ, соч. г. Алафра, музыка Верди.

3. ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ УЛИЦѢ РИШЕЛЬЕ.

Мѣсть 1650.—Директоръ Арсенъ Гуссе, Главный режиссеръ Давень.

Новыя пьесы: *Le Sage et le fou*, комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ въ стихахъ, Л. Мери и Бернара Лопеса.

Стелла, комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ въ прозѣ г. Франсисъ-Вей.

Сюлливанъ, комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ, въ прозѣ, Мельвиля.

Сердце и приданое, комедія въ 2-хъ дѣйствіяхъ, въ прозѣ, г. Фелисьена Мальфиля.

Леди Тартюфъ, комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ въ прозѣ, г-жи Эмиль Жирарденъ.

Маларія, драма въ 1 дѣйствіи въ прозѣ, г. Амедя Ашара.

Les Lundis de madame, комедія въ 1 дѣйствіи, соч. Аллара.

4. ИТАЛІАНСКІЙ ТЕАТРЪ (Вантадурская площадь).

Число мѣсть—1700.—Директоръ Рагани. Сезонъ только что начался; новыхъ оперъ еще небыло. Спектакли бывають по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ.

5. ТЕАТРЪ КОМИЧЕСКОЙ ОПЕРЫ (площадь Бозальде).

Число мѣсть 1500. Директоръ Перренъ. Главный режиссеръ Маке: Дирижеры: 1-й Тильманъ; 2-й Мери, 3-й Круазиль. Балетмейстеръ Деружъ.

Новыя пьесы:

Два Жака, въ 1 дѣйствіи, соч. Планара, музыка Кадо.

Старикъ Гальаръ, въ 3 дѣйствіяхъ, соч. Соважа, музыка Ребера.

Удольфскія таинства, въ 3 дѣйствіяхъ, соч. Скриба и Жермена Делавина.

Марко Спада, въ 3 дѣйствіяхъ, соч. Скриба, музыка Обера.

Зеркало, въ 1 дѣйствіи, соч. Бакра и Доврекура, музыка Гастинелля.

Глухой, въ 3 дѣйствіяхъ, соч. Левена и Лангле, музыка Адама.

Свадьба Жанетты, въ 1 дѣйствіи, соч. Мишеля Карре и Жюля Барбье; музыка Виктора Массе.

Тонелли, въ 2 дѣйствіяхъ, соч. Соважа; музыка Амбруаза Тома.
Тѣнь Аржантины, въ 1 дѣйстви, соч. Багра и Биевля; музыка Ланфора.

6. ОДЕОНЪ.

Число мѣстъ 1650. Директоръ Альфонсъ Роје. Главный режиссеръ Сентъ-Илеръ.

Новыя пьесы:

Марія Бомарше, драма въ 4 дѣйствіяхъ въ прозѣ, соч. Г. Галлошъ д'Онкера.

Дѣвушка безъ приданого, комедія въ 3 дѣйствіяхъ въ прозѣ: соч. Эмиля Лэфрана и Бернара Лопеса.

Тетка Урсула, комедія въ 2 дѣйствіяхъ въ прозѣ, г. Морели.

Ришелье, драма въ 3 дѣйствіяхъ въ стихахъ, соч. Г. Пелю.

Четыре угла, комедія въ 1 дѣйстви въ прозѣ, Леона Баттю.

Величіе и упадокъ, комедія въ 5 дѣйствіяхъ въ прозѣ, соч. Густава Ваеза и Генриха Монье.

Волкъ въ овчарнѣ, комедія въ 1 дѣйстви, въ прозѣ, г. Арну Фреми.

Фельетонъ Аристофана, обзоръ (revue) съ прологомъ и интермедіями, Бойе и Бонвиля.

Творенія Горация, комедія въ 1 дѣйстви въ прозѣ, соч. Пиррона.

Честъ и деньги, комедія въ 5 дѣйствіяхъ въ стихахъ, соч. Понсара.

Деревенскій романъ, драма въ 1 дѣйстви въ стихахъ, соч. Эдуарда Фурнье и Поль-Мерсье.

7. ЛИРИЧЕСКІЙ ТЕАТРЪ (Тампльскій бульваръ).

Директоръ Жюль Севестръ.

Новыя пьесы:

Еслибъ я былъ король! комическая опера въ 4 дѣйствіяхъ, соч. Деннери и Брезили, музыка Адама.

Флора и Зефиръ, комическая опера въ 1 актѣ, соч. Левена и Десли; музыка Готье.

Трубацъ Гильери, въ 2 дѣйствіяхъ, соч. Левена и Бонплана, музыка Сармиенто.

Табарень, въ 2 дѣйствіяхъ, соч. Амбуаза и Андрея, музыка Жоржа Боске.

Домовой въ доминъ, легенда въ 2 дѣйствіяхъ, соч. Сень-Леона.

Любовь демона, волшебная опера въ 4 дѣйствіяхъ, соч. Сень Жоржа, музыка Гризара.

Рыночный владѣлецъ, комическая опера въ 3 дѣйствіяхъ, соч. Левена и Брюнсвика, музыка Адама.

Жмурки, въ 1 дѣйствіи, соч. Карре и Верне; музыка Гиньара.

Органистъ, въ 1 актѣ, соч. Амбуаза, музыка Векермена.

8. ТЕАТРЪ ВОДЕВИЯ (площадь Биржи).

Число мѣстъ 1300. Директоръ Лекуръ.

Новыя пьесы:

Меридіанъ, комедія водевилъ въ 1 дѣйствіи, соч. Клервиля, Реймона, Деланда и Поль-Мерсье.

Первая подруга, въ 1 дѣйствіи, соч. Бризебара и Кональяка.

Сканенъ, въ 1 дѣйствіи, соч. Кармуша и Поля Вермона.

Красивая мельничиха, водевилъ въ 1 дѣйствіи, соч. Лери и Терри.

Бурная ночь, комедія водевилъ въ 2 дѣйствіяхъ, соч. Армана Дартуля и Жюля Дени.

Поиски за вдовою, водевилъ въ 1 дѣйствіи, Бурдуа, Колю и Лапуанга.

Путешествіе вокругъ прекрасной женщины, въ 1 дѣйствіи, соч. Барбье и Карре.

Дубъ и трость, комедія-водевилъ въ 1 дѣйствіи, соч. Галопъ д'Онкера и Декурсена.

Фижмы графини, комедія водевилъ въ 1 дѣйствіи, соч. Леона Гозлана.

Александръ у Апельеса, комедія-водевилъ въ 1 дѣйствіи, соч. Баяра и Дюпена.

Пчелы и фіалки, обзоръ, соч. Клервиля и Кардые.

Барометръ любви, комедія-водевилъ въ 5 дѣйствіяхъ, соч. Клервиля и Кардые.

Боккаччо или Декамеронъ, комедія въ 7 дѣйствіяхъ; соч. Баяра, Левена, Брюнсвика и Боплана.

Красивая нога, водевилъ въ 1 дѣйствіи, соч. Дювера и Ложана.

Дешевая жизнь, въ 1 дѣйствіи, соч. Клервиля, Кордые и Краляяка.

Мужъ въ 150, водевилъ въ 1 дѣйствіи, соч. Эмиля Нажака.

Ищутъ Гувернера, комедія-водевиль въ 2 дѣйствіяхъ, соч. Декурселя и Жема.

Когда хотять убить свою собаку, пословица въ 1 дѣйствіи, соч. Баррера и Лоррена.

Мраморныя дѣвы, драма въ 5 дѣйствіяхъ, соч. Баррьера и Тибу.

Банкиръ какихъ мало, комедія-водевиль въ 1 дѣйствіи, соч. Дюфи и Дерабра.

9. ТЕАТРЪ РАЗНООБРАЗІЯ (бульваръ Монмартра).

Число мѣстъ 1240. Директоръ Кармье. Главный режиссеръ Вейронъ.

Названія пьесъ:

Начальникъ шутовъ, комедія въ 3 дѣйствіяхъ, соч. Дювена и Лозанна.

Воспоминаніе молодости, комедія-водевиль въ 4 дѣйствіяхъ, соч. Тибу и Делакура.

Дѣвѣ капли воды, комедія-водевиль въ 1 дѣйствіи, соч. Анисе Буржуа и Лабиса.

Старикъ прежнихъ временъ, въ 1 дѣйствіи, соч. Дюпети и Гранже.

Господинъ, который не хочетъ уйти, водевиль въ 1 дѣйствіи, соч. Клервиля и Тибу.

Другъ Франсуа, въ 1 дѣйствіи, соч. Бурдуа и Кольо.

Мамзель Роза, въ 1 дѣйствіи, соч. Декурселя и Берсіу.

Таконне, водевиль въ 5 дѣйствіяхъ, соч. Бера и Клервиля.

Договѣнность розъ, комедія-водевиль въ 1 дѣйствіи, соч. Монтье и Мартеня.

Неразлучные, комедія-водевиль въ 1 дѣйствіи, соч. Фильмонье и Ленаржа.

Какъ сказать вамъ, маменька! въ 1 дѣйствіи, соч. Лепрево.

Разныя разности 1852 года, обзоръ въ 4 актахъ, соч. Гене и де Лакура.

Женщина, которая напивается, въ 1 дѣйствіи, соч. Гене, Делакура и Тибу.

Г. Виконтъ, въ 2 дѣйствіяхъ, соч. Ніона и Премаре.

Привязчивый другъ, въ 1 дѣйствіи, соч. Лабиса и Жоли.

Огородъ, въ 1 дѣйствіи, соч. Бризбарра и Нуса.

Будутъ говорить глупости, въ 1 дѣйствіи, Лабиса и Делакура.

Свадьба изъ-подъ палки, въ 1 дѣйствіи, соч. Сент-Ива и Эйма.

Праздникъ, въ 1 дѣйствіи, соч. Бера.

Страсть къ воспоминаніямъ, въ 1 дѣйствіи, соч. Мори.

Женихъ—Нотариусъ, комедія-водевиль въ 3 дѣйствіяхъ, соч. Мишея, Лабиша и Розеплана.

Что такое любовь? въ 1 дѣйствіи, соч. Клервиля и Тибу.

Свѣтскія женщины, комедія въ 5 дѣйствіяхъ, соч. Тибу и де Лакура.

Лютнія тайны, комедія-водевиль въ 5 дѣйствіяхъ, соч. Тибу и Делакура.

Три султанши, комедія въ 3 дѣйствіяхъ въ стихахъ, соч. Фава-ра, передѣланная Лакруа.

10. ТЕАТРЪ ДРАМАТИЧЕСКОЙ ГИМНАЗИИ (бульваръ Бонньувелль).

Число мѣстъ 1300. Директоръ Лемоанъ Монтины. Главный режиссеръ Монваль.

Новыя пьесы:

Адвокаты, комедія-водевиль въ 3 дѣйствіяхъ, соч. Дюмануара и Клервиля.

Домовой, комедія въ 2 дѣйствіяхъ, Жоржа Санда.

Г-жа Новаиль, комедія-водевиль въ 1 дѣйствіи, соч. Лафарга и Сорардена.

Закладъ Жюля Деш, комедія въ 2 дѣйствіяхъ, соч. г-жи Буагонтье.

Терега, комедія-водевиль въ 2 дѣйствіяхъ, соч. Бопра и Бон-плана.

Мужъ въ праздности, въ 1 дѣйствіи, соч. Фурнье и Лорансева.

Сынъ семейства, комедія-водевиль въ 3 дѣйствіяхъ, соч. Ба-вра и Бьевля.

Элиза, въ 2 дѣйствіяхъ, соч. Боплана.

Филиберта, комедія въ 3 дѣйствіяхъ въ стихахъ, соч. Эмиля-Ожье.

Домашняя жизнь въ троюмъ, комедія-водевиль въ 2 дѣйствіяхъ, соч. Деннери и Декурси.

Испанскій танецъ, водевиль въ 2 дѣйствіяхъ, соч. Миранды.

Морисъ, или любовь въ 20 лѣтъ, комедія-водевиль въ 5 дѣйствіяхъ, соч. Фурнье и Альфонса.

Невинныя игры, комедія въ 1 дѣйствіи въ стихахъ, соч. Фурнье.

11. ПАЛЕРОЙЯЛЬСКІЙ ТЕАТРЪ.

Число мѣстъ 930. Директоръ г. Дормель. Главный режиссеръ Купаръ.

Новыя пьесы.

Старуха Моро, водевиль, соч. Клервиля и Кордые.

Любовь съ духами, пословица, соч. г-жи Роже де Бовуара.

На водахъ въ Спа, водевиль Жюля Леконта.

Мизантропъ и Оверниецъ, водевиль Любиза, Лабиша и Сиродена.

Норка кроликовъ, водевиль братьевъ Коньяръ.

Пикколо, водевиль Лабиша, Лефрана и Монжуа.

Королевскіе драуны, водевиль Курсея.

Эдгаръ и нянька его, водевиль Лабиша и Мишеля.

Глухой или полный трактиръ, комедія Дефоржа, передѣланная въ два акта.

Любовь насильно, фарсъ Галошъ—д'Онкера.

Мокрая курица, водевиль Баяра и Биевиля.

Женщина и золотыя яйца, водевиль Клервиля и Дюмануара.

Зонтикъ Дамоклеса, водевиль Варена, Германа и Лешана.

Дамскій угодникъ, водевиль Лабиша и Мишеля.

Моя Исменія! водевиль тѣхъ-же авторовъ.

Кавалерійская атака, водевиль Лабиша, Моро и Де-Лакура.

Монмартрскій телеграфъ, сцены, соч. Клервиля.

Живите въ своемъ помпѣсти!—водевиль Баяра и Варнера.

Мерланъ въ модѣ, фарсъ Вареня Лами и Жерара.

Блезъ и Бабета, передѣланная изъ старинной пьесы.

Драматическія шалости, Дюмануара и Клервиля.

Путешествіе булавки, водевиль Бризбара и Куальяка.

Пупаръ, водевиль Польдекока и Бойе.

Женщина въ чану, водевиль Барьера и Тибу.

Рой арлекиновъ, водевиль братьевъ Коньяровъ.

Грудной Ut, водевиль Лефрана и Лабиша.

Охотникъ до череповъ, водевиль Лафарга и Спрадена.

Порывъ вѣтра, фарсъ Варена, Брюнсвика и Боплана.

Когда ждешь кошелька, водевиль Мишеля и Лорансена.

Недавно убранный, фарсъ Клервиля и Корнье.

Охота за воронами, водевиль Лабиша и Мишеля.

Сиръ Джонъ Эбруфъ, водевиль Мельвиля и Курси.

Огонь въ каминѣ, водевиль Лабиша и Боплана.

12. ТЕАТРЪ СЕН—МАРТЕНСКИХЪ ВОРОТЪ.

Число мѣсть 1800. Директоръ Маркъ Фурнье. Главный режиссеръ Баронъ.

Главные пьесы:

Ричардъ III, драма въ 5 дѣйствіяхъ въ прозѣ, Виктора Сежура.
Старый капралъ, драма въ 5 дѣйствіяхъ въ прозѣ, соч. Дюмануара и Деннери.

Записки Ришелье, комедія-водевиль въ 1 дѣйствіи, соч. Деннери.

Честь дамы, драма въ 5 дѣйствіяхъ въ прозѣ, соч. Баттю и Девиня.

13. ТЕАТРЪ ВЕСЕЛОСТЕЙ (Тамплъскій бульваръ).

Число мѣсть 1800. Директоръ Колленъ. Главный режиссеръ Коронъ.

Новыя пьесы:

Красная комната, драма въ 5 дѣйствіяхъ въ прозѣ, соч. Теодора Анно.

Парижъ плачетъ, Парижъ смѣется, драма въ 5 дѣйствіяхъ, соч. Лорансена и Кармона.

Альпійская пастушка, драма въ 5 дѣйствіяхъ, соч. Денойе и Деннери.

Дядя Томъ, драма въ 5 дѣйствіяхъ, соч. Тексье и Вальи.

Провинція, водевиль въ 1 дѣйствіи, соч. Бризбара и Сальва.

Лабуальеръ, драма въ 5 дѣйствіяхъ, соч. Барьера и Жема.

Марія-Роза, драма въ 5 дѣйствіяхъ, соч. Анисе Буржуа и Мишеля Масона.

Мертвый оселъ, драма въ 5 дѣйствіяхъ, соч. Барьера и Жема.

14. ПОЛУ-КОМИЧЕСКІЙ ТЕАТРЪ (Сенъ Мартенскій бульваръ).

Число мѣсть 1900. Директоръ Шарль Денни. Режисеръ Моне.

Новыя пьесы:

Хвостъ Демона, водевиль въ 3 дѣйствіяхъ, соч. Клервиля и Кордье.

Берта-Фламандка, драма въ 5 дѣйствіяхъ, соч. Шантильяма и Геру.

Рокелоръ, драма въ 5 дѣйствіяхъ, соч. Дюи.

Марія Симонъ, драма въ 5 дѣйствіяхъ, соч. Амбуаза и Сентъ-Ива.

Кучеръ Жанъ, драма въ 5 дѣйствіяхъ, соч. Бушарди.

Хижина дяди Тома, драма въ 5 дѣйствіяхъ, соч. Дюмануара и Деннери.

Замокъ подъ липами, драма въ 3 дѣйствіяхъ, соч. Декурсея и Деланда.

Небо и адъ, волшебная пьеса въ 5 дѣйствіяхъ, соч. Люка и Баре.

Эльвира, драма въ 5 дѣйствіяхъ, соч. Карла Гольбейна.

15. НАЦИОНАЛЬНЫЙ ТЕАТРЪ (Тамплъскій бульварь).

Директоръ Билльонъ.

Новыя пьесы:

Посль сраженія, драма-водевиль въ 1 дѣйствіи, соч. Келлера.

Бѣлая поужка, въ 3 дѣйствіяхъ, соч. братьевъ Коньяръ.

Г-жа Фламберъ, водевиль Келлера.

Жемчужина полка, водевиль того-же автора.

Массена, военная драма въ 3 дѣйствіяхъ, братьевъ Коньяръ.

Разбойникъ, мелодрама въ 3 дѣйствіяхъ, соч. Лебрussa и Алибера.

16. ТЕАТРЪ ДРАМАТИЧЕСКИХЪ ШЛОСТЕЙ (Тамплъскій бульварь).

Число мѣстъ 1,200. Директоръ Мурье. Главный режиссеръ Дорланжъ.

Новыя пьесы:

Парижъ дядюшкинъ, водевиль, Нанттера.

Племянница учителя, водевиль въ 3 дѣйствіяхъ, Лорансена.

Другъ короля, въ 2 дѣйствіяхъ, Варена и Сена.

Обгорѣлый мужъ, водевиль, соч. Нуса и Соважа.

Послѣдняя волшебница, или *Гарлемскіе близнецы*, водевиль въ 1 дѣйствіи, соч. Незеля и Дютертра.

Милый папа, водевиль въ 2 дѣйствіяхъ.

Въ шкапу, водевиль Вульпіана и Пьери.

Груши и Китайцы, водевиль Коньяра и Шопе.

Портретъ на память, водевиль Ожье и Буше.

Алиса, водевиль Сентъ-Ива и Колльо.

Дочь башмачника, водевиль въ 2 дѣйствіяхъ Миро.

Трактиръ Большаго оленя, въ 2 дѣйствіяхъ Дюпена.

Качели, обзоръ Кормона и Гранже.

Балъ съ волненіемъ, водевиль Буассо.

Карнавалъ мужей, въ 3 дѣйствіяхъ, Кормона и Гранже.

Посль бури, водевиль, соч. Лиля.
Несчастія продавца ваксы, въ 3 дѣйствіяхъ Гене и Лепрево.
Кревкерскіе почтиліоны, водевиль Бризбара и Рембо.
За немиліемъ лучшаго, водевиль Фурнье.
Мужъ гризетки, въ 3 дѣйствіяхъ Рошефора и Нуазена.
Переодѣтая Флиберта, пародія Гене и Гармона.
Два озябііе любовника, водевиль Гене и Моннье.
Кадеруссель и комп., въ 3 дѣйствіяхъ Клервиля и Корлье.
Волапжъ, водевиль Незеля.

Назовемъ теперъ второстепенные парижскіе театры:

17. *Театръ комическихъ отдохновеній*, (Тампльскій бульварь).
18. *Люксембургскій театръ*. (улица Флерюсъ).
19. *Театръ Бомарше*, (бульварь Бомарше).
20. *Театръ молодыхъ питомцевъ*, (Пассажъ Шуазельскій).
21. *Циркъ Императрицы*, (Елисейскія поля).
22. *Циркъ Наполеона*, (бульварь).
23. *Театръ канатныхъ танцоровъ*, (Funambules) (Тампльскій бульварь).
24. *Театръ малаго лазаря*, (Тампльскій бульварь).
25. *Театръ Серафена*, (Пале-Ройяль).
26. *Зала Боннь-Нувелль*, (бульварь Боннь-Нувелль).
27. *Зала Бартелеми*, (улица Шатод'о).
28. *Театральное училище*, (Пассажъ панорамы).
29. *Ипподромъ*, (Застава Звѣзды).
30. *Скачки національныя*, (Бастильская площадь).
31. *Кофейный домъ слѣпыхъ*, (Пале-Ройяль).
32. *Историческая діорама*, (Елисейскія поля).
33. *Національная панорама*, (тамъ-же).
34. *Фантастическіе вечера Робера Гудена*, (Пале-Ройяль).
35. *Зáмокъ демона*, (Елисейскія поля).

Сверхъ-того, въ окрестностяхъ Парижа есть театры: въ Монь-Парнасѣ, въ Монмартрѣ, Бельвилѣ, Батиньолѣ, Гренеллѣ, Сень-Клу, Сень-Дени и Пасей.

III.

ДВА ДОНЪ-КИХОТА.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ИСТОРИИ ДВУХЪ ДРУЗЕЙ, ИХЪ ПОХОЖДЕНІЙ, ПУТЕВЫХЪ ЗАМѢТОКЪ, ВПЕЧАТЛѢНІЙ, НАБЛЮДЕНІЙ И ПРИКЛЮЧЕНІЙ.

В. САВИНОВА.

—

I.

Бугорки.—Дивные люди.—Василій Васильевичъ и Василій Ивановичъ:—Къ чему приводитъ чтеніе путешествій и хиромантіи. — Два Донъ-Кихота.

Есть въ Петербургѣ уголокъ незамѣтный, невидный, ни чѣмъ и ни кѣмъ не прославленный, даже ни кѣмъ не описанный, уголокъ, застроенный невзрачными деревянными домиками съ мезонинами, но безъ балконовъ, какъ, напримѣръ, на Петербургской Сторонѣ. Здѣсь не родился никогда ни поэтъ, ни художникъ; здѣсь не издавали никакого журнала, здѣсь не изживалъ своихъ послѣднихъ дней ни одинъ замѣчательный человѣкъ, если не считать только Марѳы Меркуловны Лукошкиной, которая, какъ говоритъ туземное преданіе, мастерски гадала на кофейной гущѣ, бобахъ и картахъ. Уголокъ этотъ, маленький міръ кривыхъ улицъ, нескончаемыхъ заборовъ—цвѣта выхухоли, часто покоящихся своею тяжестью на осинovýchъ подпоркахъ; впереди ихъ канавки безъ воды, за ними огороды, богатые новозомъ и давно истлѣвшими кочерыжками, словомъ уголокъ этотъ—послѣдняя грань Колѳомни, такъ воспѣтой стихами и прозой. Уголокъ этотъ—*Бугорки*. Да не подумаютъ,

чтобъ на Бугоркахъ дѣйствительно ситуація нашла для себя какую-нибудь работу. На этихъ *Бугоркахъ* ни одного нароста, ни одной песчаной бородавки: все гладко, хоть шаромъ покати, который ужъ никакъ не подпрыгнетъ, не сдѣлаетъ ни одного рикошета, и развѣ, преслѣдуемый дворняжками, скатится въ какое-нибудь жилие. Обитатели Бугорковъ, извѣстно, собираютъ весною крапиву прямо изъ окна, не потому, чтобъ у нихъ были длинны руки, а потому, что коротко разстояніе отъ подоконника до крапивника. Классъ людей, обитающій въ маленькихъ домикахъ (съ мезонимами, безъ бадконовъ) опредѣлить однимъ словомъ трудно и невозможно. Между ними самое видное мѣсто занимаютъ торговки валенцами, брусничкой, отпускаемою съ лотка мѣрою помадной банки, морожеными яблоками, цвѣта кофейной гущи, лимонами въ тигровой шкуркѣ, и прочими дешевыми предметами жизненнаго потребленія; но особенно валенцами, до которыхъ большіе охотники мастеровые Бердова завода, *сѣи послѣдніе* занимаютъ довольно видную цифру населенія скромныхъ Бугорковъ. За ними непосредственно слѣдуютъ, но въ весьма небольшомъ числѣ, скромные чиновники, неутѣшныя вдовы, старыя и молодыя, и нѣсколько человѣкъ отставныхъ честныхъ служаекъ, отживающихъ свой вѣкъ въ тишинѣ. Вообще нравы вышесказанныхъ обитателей Бугорковъ еще не изслѣдованы учеными, обычаи—тоже; однако достовѣрно то, что если сегодня Максимъ Ильичъ закусилъ сыромъ, а не просто сухарикомъ, какъ онъ постоянно дѣлывалъ, и въ тоже время Федосья Федосѣвна купила кофейку не въ лавочкѣ, а въ Никольскомъ рынкѣ, вечеромъ эта необычайная новость уже не новость для самаго отдаленнаго сосѣда. Послѣ этого неудивительно, что житье—бытье Василья Васильевича Говоркова и Василья Ивановича Молчкова, ихъ дружбу, неподкупную и неизмѣнную, ихъ скромный нравъ, даже число ихъ общихъ бритвъ, на Бугоркахъ каждый цирюльникъ зналъ такъ же хорошо, какъ число недостающихъ струнъ на своей гитарѣ.

Дивные были люди Василій Васильевичъ съ Васильемъ Ивановичемъ! Ужъ если надобно было указать на истинную утопію сей бременной жизни, на микроскопическую утопію удобства и довольства, такъ это надо было указать на жизнь нашихъ Пилада и Ореста. Представьте себѣ небольшую комнатку, крошечную, какъ зарядный ящикъ, съ однимъ окномъ и нѣсколько бородавчатымъ поломъ, комнатку, оклеенную чистыми обоями, но съ правой стороны синими съ разводами, съ лѣвой—просто газетами; на правой помѣщалась допотопная кушетка, передъ нею табуретъ и сундучекъ, надъ нею портреты Кульнева и Платова; на табуретѣ постоянно табачный кисетъ, трубка и черный котъ; лѣвая сторона была въ совершенномъ контрастѣ съ правою. Мы уже сказали,

что здѣсь стѣна украшалась только газетами, рядомъ, вплоть съ нею, была поставлена кровать, выказывавшая изъ-подъ ситцевого одѣяла четыре желѣзныя ножки, у которыхъ постоянно лежалъ громадный песъ—большой другъ и пріятель кота, ни разу не получавшій отъ него царапины, когда запуская свою морду въ плоску «Матроски». За кроватью, ближе къ окну, и поставленному передъ нимъ столу, возвышался комодъ съ мѣдными украшениями; на немъ любознательный наблюдатель могъ постоянно встрѣтить крошечное зеркало, оклеенное бумагой, и четыре книги: довольно древній календарь, «Битва русскихъ съ кабардинцами или прекрасная магометанка, умирающая на гробѣ своего супруга», нѣсколько листовъ хиромантіи, тщательно завернутыхъ въ газетную бумагу, и «Похожденіе двухъ турокъ»—книгу, которая теперь исчезла даже изъ ларей Толкучаго Рынка. Гитара у двухъ друзей была общая, шуба также. Правая сторона принадлежала Василью Ивановичу, лѣвою владѣлъ Василій Васильевичъ, много измыкавшій въ свое время, служа въ званіи штурмана Сѣверо-американской Компаніи. Не смотря на такую странную противоположность въ характерѣ и наклонностяхъ двухъ друзей, ясно проглядывавшую даже въ ихъ наружныхъ формахъ, не смотря на очевидное пристрастіе одного къ чтенію, другаго къ трубкѣ, или одного къ собакамъ, а другаго къ кошкамъ и комфорту, Василій Васильевичъ и Василій Ивановичъ были истинными друзьями. Жизнь въ разлукѣ для нихъ была въ тягость; если Василій Васильевичъ молчалъ, то безмолвствовалъ и Василій Ивановичъ; если первый затягивалъ пѣсенку, другой нерѣдко, съ просонокъ, подтягивалъ ему. Особенно одно весьма важное обстоятельство связывало нашихъ друзей. Какъ тотъ, такъ и другой въ первую свою молодость и въ послѣдствіи ничего не читавши кромѣ путешествій, и начитавшись ихъ, ни въ чемъ не находили для себя утѣшенія и счастья, какъ въ постоянной мечтѣ: когда-нибудь испытать случайности и встрѣчи странствователей. Страсть эта, которою были заражены оба друга, доходила въ нихъ даже до маленькаго помѣшательства. О чемъ-бы ни толковали они, съ чего бы ни начался ихъ разговоръ, они всегда приходили къ одному результату: къ мысли о путешествіи. Часто, послѣ обѣда или ужина, друзья, оставляя общій столъ, расходились одинъ на койку, другой на кушетку. Василій Ивановичъ начиналъ курить трубку, а Василій Васильевичъ читалъ газеты, и особенно тотъ листокъ, который былъ наклеенъ ближе къ изголовью кровати. Такимъ образомъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ Василій Васильевичъ по три, а иногда и по пяти разъ въ день читалъ одно и то же. Полюбовавшись дружбою и согласіемъ кота съ собакою, доѣдавшихъ обыкновенно остатки барской

*

трапезы, Василий Ивановичъ тщательно выколачивалъ свою пѣнковую трубку и начиналъ побрякивать. Это значило, что онъ желаетъ перемолвить съ другомъ слова два, три. Такъ точно случилось и въ тотъ день, съ котораго мы начинаемъ наше повѣствованіе.

— Что это вы читаете, Василий Василичъ? спросилъ Василий Ивановичъ, продувая свой чубукъ.

— Испанскія дѣла, Василий Ивановичъ. Вотъ, послушайте-ка, любопытная штука: изъ Байонны пишутъ,—началъ Василий Василичъ:— что полковникъ Хаурегви раненъ въ ротъ. Оттуда же получены извѣстія...

— Что-же это! изъ рта, или... изъ Байонны? громко перебилъ слушатель.

— А кто ихъ знаетъ! надо думать, что изъ Байонны.

— И я полагаю, Василий Василичъ. Ну-съ: получены извѣстія...

— Что войска королевы одержали верхъ при Лосъ-Аргосѣ...

— Какъ! уже въ четвертый разъ?—съ дружескою пронією снова перебилъ Василий Ивановичъ.—Да, вѣдь мы это, кажется, читали и въ понедѣльникъ, и во вторникъ, и въ среду, и сегодня тоже...

— Шутникъ! Трунишь, батенька, надъ моимъ постоянствомъ, — отозвался Василий Василичъ. Вотъ ужъ погодите, Василий Ивановичъ, съ перваго числа переложу подушку на другую сторону, и тогда будемъ читать новенькія газеты.

— А на той-то сторонѣ что у васъ наклеено?

— Со всячинкой. Повыше, Литературная Газета, пониже, Сѣверная Пчела. Тамъ, мимоходомъ, я много замѣтилъ интереснаго.

— Такъ почитайте, Василий Василичъ.

— Нѣтъ, ужъ съ перваго числа, голубчикъ. Вы, думаю я, Василий Ивановичъ, знаете мое постоянство. Я человекъ точный: сказалъ, далъ себѣ зарокъ—и баета!.. Слушайте дальше объ испанцахъ...

— Такъ лучше, Василий Василичъ, прочтите какую-нибудь книжечку, съ комода.

— Съ комода! Пожалуй, будемте, Василий Ивановичъ, читать фзіономику и хиромантію.

— Сдѣлайте милость. Вотъ только наложу трубку, закурю и съ наслажденіемъ буду васъ слушать.

Василий Василичъ оставилъ свое ложе, погладилъ собаку, внимательно посмотрѣлъ на кота, который въ это время нѣжно облизывалъ недобриту бороду своего хозяина, и взялъ листки хиромантіи, такъ тщательно спрятанные въ чистую обертку.

— Вотъ, я говорю,—Василій Иванычъ, сказалъ онъ, снова вытягиваясь мертвою миной на своей кровати:—книга, такъ книга! Я, какъ говорится, насквозь ее прочелъ— умная штука! Наблюдательности тутъ цѣлый коробъ... По ней плутягу отъ добраго человѣка сейчасъ отличишь, право! Послушайте-ка... Вотъ хоть-бы 69 страница... Извольте-ка... Да вы слушаете, Василій Иванычъ?

— Какъ-же-съ!.. Со всеми удобствами... Ужъ приготовился и моего Матроску пригрѣлъ... Ну-ка, начинайте!

Василій Василичъ крикнулъ и началъ, предварительно сказавъ:—начнемъ. «О носѣ и ноздряхъ».

— Извольте! отозвался Василій Иванычъ.

«Изрядно расположенный носъ показываетъ честнаго, храбраго и разумнаго человѣка...»

— Вотъ это правда! воскликнулъ Василій Иванычъ...

Василій Василичъ продолжалъ:

— Книга не совретъ. Извольте слушать: «Круглый и толстый носъ показываетъ весьма влюбленнаго человѣка...»

— Такъ, значить, я весьма влюбленный человѣкъ? спросилъ Василій Иванычъ:—у меня носъ, какъ видите, и кругловатъ, да и толстѣй...

— Книга не солжетъ: вѣрно такъ. Дальше: «красный носъ значить—пьяница...»

— Василій Василичъ, а вѣдь у насъ съ вами носы-то красные!.. Печатному надо вѣрить! подсказалъ слушатель».

— Эхъ, батюшка!—возразилъ Василій Василичъ:—вѣдь и въ печатномъ есть опечатки... Посмотримте на послѣднюю страницу: эва... сколько их!.. Ну-съ, я продолжаю:

— Нѣтъ, позвольте! Поищите въ книгѣ, что значить носъ съ веснушками?.. Вотъ она, задача-то... Ну-ка, угораздило-ли сочинителя умудриться на эту штуку?.. Да, ну-ка... пусть его смѣется надъ красными носами, да однако жъ, что такое носъ съ веснушками? изволь сказать.

Василій Иванычъ сдѣлалъ такую выразительную гримасу, которая ясно говорила: «Вотъ я и поймалъ этого сочинителя!..»

Между-тѣмъ, Василій Василичъ, внимательно прослѣдивъ нѣсколько листовъ, снова возвратился ко второй страницѣ и сказалъ:

— О прыщахъ нѣтъ; а вотъ есть о бородавкахъ...

— Извольте, о бородавкахъ!

— «Когда на правой щекѣ бородавка, внизу, противъ конца носа, то значить, что такой человѣкъ обучится разнымъ искусствамъ и наукамъ...»

— Вздоръ-съ! перебилъ слушатель.

— Какъ вздоръ, Василий Ивановичъ? такъ написано...

— Ужъ я вамъ говорю, что вздоръ!.. Есть доказательство неоспоримое.

— Какое же, Василий Ивановичъ, какое?

— Нашъ водовозъ, Василий Васильчъ... нашъ водовозъ!.. Изволили вы замѣтить, какая у него штука подъ носомъ—а? изволили замѣтить?

— Да, бородавка, съ порядочное ведро ростомъ...

— А что онъ знаетъ?.. Что онъ знаетъ? скажите мнѣ... Наукъ никакихъ, искусства тоже...

— Онъ шьетъ сапоги...

Василий Ивановичъ задумался: возражать противъ такого убѣжденія онъ считалъ невѣжествомъ.

— Ну, положимъ это правда... Читайте, Василий Васильчъ, сказаль онъ:—я ужасно люблю критиковать—извините!.. У меня всякое писанное слово на бумагѣ... Давайте мнѣ сейчасъ Пушкина!.. Да я ему подточу такую иголочку, что у-ухъ!.. Ну-съ, о великихъ людяхъ въ другой разъ, теперь займетесь бородавками!—сострилъ Василий Ивановичъ, какъ-то странно подмигнувъ лѣвымъ глазомъ.

Чтець не возражалъ, онъ только выразительно откашлялся и продолжалъ:

— «Бородавка на мякоти нижней части лѣваго уха означаетъ чело-вѣка страстнаго до путешествій и весьма въ нихъ счастливаго.

При этой фразѣ Василий Ивановичъ судорожно дернулъ свое лѣвое ухо и дернулъ такъ, что это движеніе немогло скрыться отъ его товарища, ибо котъ, получившій довольно сильный толчекъ отъ своего хозяина, фыркнувъ, со всѣхъ ногъ бросился подъ куметку...

— Что это значить? спросилъ хиромантикъ.

— Досадно, Василий Васильчъ! весьма досадно!

— Да что же случилось-то?

— У меня было четыре бородавки на лѣвомъ ухѣ... слышите? четыре!

— Ну!

— И нѣтъ ихъ. А нѣтъ потому, что самъ виноватъ, самъ потерялъ свое счастье въ путешествіи! самъ, и никто больше!

— Какъ же это могло быть потеряно?

— Да просто, свель ихъ—вотъ тебѣ и вся недолга! Взялъ нитку, навязалъ на ней четыре узелка, закопалъ въ землю, и... фить!.. моего счастья какъ не бывало!

— Напрасно, Василій Ивановичъ, напрасно! А я такъ вотъ свою сберегъ...

— Какъ! и у васъ есть?

— На лѣвомъ ухѣ.

Друзья встрѣтились глазами и смолкли на минуту.

— Пріятно, я думаю, путешествовать?—въ сотый разъ спросилъ своего друга Василій Ивановичъ:—вы человѣкъ бывалый, я чай, много перевидали?

— Да!—по обыкновенію выразительно и со вздохомъ отвѣчалъ Василій Василічъ—путешествовать, я вамъ скажу, мое почтеніе, какое любезное дѣло! Путешествовать—это *кахтокъ*, сладко! какъ говорятъ корягцы.

Мы забыли предупредить читателя, что къ небольшому числу слабостей, которыхъ не могъ избѣжать и почтенный Василій Василічъ, принадлежала общая многимъ слабость перемѣшивать чистую русскую фразу словами иностранными; а такъ-какъ Василію Василічу не дался ни одинъ изъ европейскихъ языковъ, то онъ часто прибѣгалъ къ словамъ кадыакскимъ, нуневонскимъ и другимъ совершенно тарабарскимъ, которыя удалось ему подслушать во время своихъ плаваній къ Курильскимъ и Алеутскимъ островамъ. Василій Василічъ крѣпко любилъ щеголять своимъ языкознаніемъ, и нерѣдко бывало, ни съ того ни съ сего, чтобъ назвать своего пріятеля другомъ, озадачить его названіемъ *куникитука*, или, вмѣсто того, чтобъ сказать завтра, скажетъ: *уно-ваку*. *

— Гм!.. Такъ вы говорите, что путешествовать сладко? спросилъ Василій Ивановичъ.

— Кахтокъ, кахтокъ! повторю вамъ: наслажденіе! Ужасъ! Если бы мнѣ сказали: «На вотъ тебѣ, Говорковъ, корабль, или просто лодку, ступай путешествуй». Не задумался-бы: натянулъ-бы парусинку, высвисталъ-бы вѣтеръ и валяй... Чудо, просто чудо! Видишь иныхъ людей, не такихъ, какъ самъ, другихъ ословъ, коровъ, будочниковъ, другія ягоды, инныя наливки; въ одномъ мѣстѣ удивляешься, что цѣлуются носами, въ другомъ затылками, въ иномъ мѣстѣ люди поднимаются въ гору задомъ, зажмурившись, въ другомъ ползкомъ, согнувшись въ три погибели!..

— И все это вы видѣли?

— Эва! А то какъ-же! И сколько удовольствій—не перечесть!..

* Въ эти слова мы свѣрили съ краткимъ словаремъ Храменки, и нашли, что ихъ не сочинялъ Василій Василічъ.

Иной разъ ночеешь гдѣ-нибудь въ лѣсу, голодный, мокрый, рядомъ съ берлогою медвѣдя, въ другой разъ въ какой-нибудь теплой юртѣ, гдѣ угостятъ тебя мерзлою оленьиной и угаромъ, или чарочкой водки, настоящей мухоморомъ... Ахъ, что это за наслажденіе!..

Воспріимчивый Василій Ивановичъ не могъ равнодушно слушать обаятельныхъ разсказовъ своего товарища: онъ таялъ на медленномъ огнѣ желаній, и въ эти минуты Молчковъ уже мысленно переселился на островъ Уналашки, воображеніе его гонялось за бобрами, стрѣляло по кунницамъ; языкъ, казалось, ощущалъ положенный на него кусокъ вяленой рыбы.

— Знаете что, Василій Василичъ, — нерѣшительно сказалъ Василій Ивановичъ: — будемте путешествовать! У насъ-же есть или были бородавки: мы должны быть счастливы въ путешествіи.

— Путешествовать хорошо, пріятно, слова нѣтъ, — отвѣчалъ Молчковъ: — да гдѣ-же къ этому средства?

— Средства!.. Ну, ужъ если на то пошло, я буду откровененъ: у меня есть пятьсотъ рублей... Возьмете по котомкѣ — и маршъ...

— Ходить-то я, Василій Ивановичъ, не мастеръ! Вотъ, если бѣ лодочку... Поплыли-бы себѣ куда глаза глядятъ.

— Ну, а я въ морскомъ дѣлѣ плохъ.

— Что-жъ, положитесь на меня... Двѣнадцать лѣтъ отслужилъ штурманомъ, да гдѣ?.. Гдѣ не всякій счастливо выплыветъ... туманы, вѣтры...

— Почему-же, я и на лодочкѣ согласенъ

— Согласенъ? другъ мой!

— Рѣшительно.

— Такъ и думать нечего. Завтра отправимся на охоту, купимъ лодку, оснастку, якорекъ...

— И удочку, Василій Василичъ.

— Непремѣнно!.. Запасемся всѣмъ необходимымъ.

— Да, да... Водочки, закуски... всякой живности...

— Разумѣется.

— Однако, позвольте Василій Василичъ: куда-же мы поплывемъ, въ какія любопытныя страны и по какимъ водамъ будемъ плавать?

Говорковъ выразительно сжалъ и оттянулъ губу.

— Сначала, по моему плану, — сказалъ онъ: — любопытно было-бы осмотрѣть берега Невы и ея острова.. Вѣдь Петербургъ-то мы плохо знаемъ; къ тому-же, почему знать? можетъ-быть, въ немъ еще многое не открыто.

— Правда, правда!

- Для этого-бы плаванія мы посвятили нынѣшнее лѣто...
- Чудесно, чудесно, Василій Василичъ! я согласенъ...
- Такъ по рукамъ!
- По рукамъ!
- Кто-же изъ насъ будетъ вести путевыя записки? спросилъ Василій Василичъ.
- Да хоть вы... Скажу по правдѣ: не люблю цифирной работы, да и... знаете... не мастеръ писать...
- Ну я, такъ я. А что-же вы-то будете дѣлать?
- Грести веслами, готовить обѣды и закуски, разводить огонь, стрѣлять дичь, вступать въ сношенія и переговоры съ жителями новооткрытыхъ или намъ неизвѣстныхъ острововъ... Вы знаете, говорить-то я вѣдь большой мастеръ!
- Прекрасно, прекрасно! заключилъ Василій Василичъ:—и такъ мы путешествуемъ?
- Рѣшено.

Затѣмъ весь вечеръ друзья провели въ пріятныхъ мечтахъ о предстоящемъ плаваніи и въ приготовленіяхъ. Предметамъ, составлявшимъ необходимую утварь и запасъ, былъ составленъ подробный списокъ и утверждёнъ подписью обоихъ странствователей.

Черезъ недѣлю Говорковъ и Молчковъ снялись съ якоря, какъ выразился въ своихъ запискахъ Василій Василичъ... Но вотъ, съ помощью этихъ записокъ, расскажем о путешествіи нашихъ друзей.

I.

ЗОЛОТОЙ ОСТРОВЪ.

Первый день плаванія.—Открытие непоказаннаго на картѣ острова.—Важный споръ.—Два Браконьера.—Актеръ и наборщикъ.—Коть-путешественникъ дѣлаетъ глубины въ новооткрытой землѣ.—Благородный счетъ и расчетъ.—Шалашъ.—Путевыя воспомнанія.— Легенда о Золотомъ островѣ.

Лодка была куплена отличной конструкціи, весьма помѣстительная, съ одною мачтой, парусомъ, якоремъ, съ парюю ординарныхъ и парюю роскошныхъ веселъ. Уключины желѣзныя. Населенные и полные жизни берега «Таракановки» друзья могли-бы оставить давно, но, по настойчивости Василья Ивановича, желавшаго снова высмолить и окрасить купленное судно, плававшее въ послѣдствіи подъ флагомъ «бубноваго туза»,

они должны были просрочить цѣлую недѣлю. Изъ этого обстоятельства между странствователями не родилось, однакожь, никакихъ непріятныхъ столкновений. Утромъ 26 числа, къ удивленію прибрежныхъ жителей Таракановки, надъ легкою струею ея развѣвался бѣлый флагъ, въ срединѣ котораго яркимъ пятномъ краснѣлъ бубновый тузъ. Хозяйка Молчкова и Говоркова, добрая старушка Семеновна, со слезами проводила своихъ постояльцевъ, донеся до лодки самоваръ и корзину съ съѣстнымъ, наверху которой возсѣдалъ встревоженный котъ Василья Иваныча. Друзья просили старушку побережъ ихъ комоды и кушетки, обѣщаясь по прекращеніи навигаціи снова возвратиться въ свой мирный пріютъ. Ровно въ половинѣ втораго, Василій Василычъ поставилъ парусъ, передавъ шкотъ Василью Иванычу, а самъ сѣлъ на руль. Втораго 47 минутъ снялись съ якоря и спустились къ Канонирскому острову. День былъ превосходный, все обѣщало пріятное плаваніе. Вѣтерокъ хоть и дулъ иногда небольшими порывами, но нѣсколько часовъ оставался попутнымъ. Друзья плыли между множествомъ столпившихся ветхихъ париходовъ и барокъ. И въ то время, какъ котъ Василья Иваныча, непривычный къ морскому путешествію, жалобно мяукалъ, стараясь спрятаться за жилетъ своего хозяина, Полканъ весело лаялъ на встрѣчныя шлюпки и лодки.

— Вотъ мы и путешествуемъ! началъ самодовольно Василій Иванычъ, развязывая корзину съ съѣстнымъ.

— Да, путешествуемъ! отвѣчалъ Василій Василычъ:—и прошу васъ, другъ мой,—сказалъ онъ,—взглянуть на карту: вы увидите, что я взялъ курсъ прямо въ открытый заливъ.

Василій Иванычъ въ упрекомъ покачалъ головою, нѣсколько разъ повернулъ карту отъ себя и къ себѣ и наконецъ сознался, что онъ изъ этихъ кривыхъ черточекъ и разныхъ каракулекъ заключить о настоящемъ плаваніи ничего не можетъ.

— Это значить,—объяснился Говорковъ:—что мы ни въ какой портъ ни зайдемъ, не будемъ осматривать ни Канонирскаго острова, ни Гунетуева и ни Рѣзваго, ни Васильевскаго, а обогнувъ Петровскій, выѣдемъ прямо на видъ Крестовскаго и начнемъ наши наблюденія.

— Нѣтъ, Василій Василычъ,—возразилъ Говорковъ:—путешествовать такъ путешествовать: видѣть все, побывать вездѣ, чтобъ не нажить послѣ срама.

— Какого срама?

— Да какъ-же! Будемъ рассказывать: вотъ де мы на своей лодочкѣ объѣздили все окрестности, видѣли то и это... а вдругъ спросятъ насъ: видѣли-ли Гутуевъ островъ?.. Что, дескать, тамъ? какіе люди?

какія растенія? есть-ли хорошія гостиницы? такія-ли тамъ папирсы и варенье, какъ на Крестовскомъ? Что мы тогда?..

Между-тѣмъ, какъ Василій Ивановичъ разсуждалъ такъ основательно, Говорковъ слѣдилъ по картѣ въ то время, какъ лодочка ужъ далеко вышла на отмели залива и оставила за собою Канонирскій островъ. Направо отъ плавателей дымились пароходы, мелькай черными пятнами по заливу, налѣво, къ изумленію отставнаго штурмана, открывалась земля!

— Видите!.. въ нѣмомъ восторгѣ вскричалъ онъ, всплеснувъ обѣими руками и забывая румпель руля.

— Что такое? торопливо спросилъ Василій Ивановичъ.

— Налѣво земля! земля, не показанная на картѣ .. Другъ мой, мы дѣлаемъ открытіе! Вотъ счастье! Наши имена останутся въ исторіи открытій и путешествій... Поплывемте! Поплывемте, Василій Ивановичъ...

— Что же это, островъ?

— Разумѣется, не материкъ! Въ Петербургѣ весь материкъ извѣстенъ и описанъ. Видите онъ начинается камышами, за нимъ чистый туманъ, сквозь который легко разсмотрѣть струю залива...

— Ну, такъ за успѣхъ нашего счастливаго плаванія,—сказалъ Василій Ивановичъ, подавая опытному другу стаканчикъ коньяку и кусокъ колбасы...

— Да процвѣтетъ успѣхомъ наше плаваніе!..

— Ура! начало есть! отозвался Молчковъ. Друзья выпили.

А между-тѣмъ, новооткрытый островъ вырасталъ изъ воды и разстилался зеленою скатертью, волнуясь желтою бахромой своихъ камышей.

— Какъ же мы назовемъ этотъ островъ?—спросилъ Василій Ивановичъ. Я читалъ, что всѣ путешественники, только-что завидѣвъ новую и неизвѣстную землю, сейчасъ давали ей прозвище...

— Назовемте островомъ «Бубноваго туза!»

— Не лучше-ли островъ «Говорково-Молчалинскій?» По-крайней-мѣрѣ, имя-то наше увѣковѣчится...

— Нѣтъ, Василій Ивановичъ, еще будущіе плаватели, пожалуй, что-нибудь скажутъ о нашемъ самолюбіи...

— Ну, такъ пусть онъ будетъ: «Новые Бугорки!»

— Эхъ!.. да почему-же вы не хотите его назвать «Бубновымъ тузомъ?»

— Неловко, Василій Василічъ, потому-что, сколько я ни читалъ путешествій, нигдѣ не встрѣчалъ острововъ съ такими названіями...

открыли островъ Туза, такъ придется открыть островъ Двойки, Тройки, Пиковой дамы...

Помилуйте! да кто открылъ островъ «Мадеру», развѣ тотъ открылъ намъ островъ Шампанскаго, Донскаго-лучшаго, Дри-мадеры-старой и островъ Бѣлаго Портвейна?..

— Однако жъ, есть полуостровъ Малага, есть островъ Teneriffъ... Что-съ!

Говорковъ сталъ въ совершенный тупикъ, не подозрѣвая въ своемъ спутникѣ такого обилія географическихъ знаній пополамъ съ знаніемъ преисъ-куранта Шитта.

— Ну, какъ знаете!—сказалъ онъ съ маленькою досадою:—было-бы болото, а назвать его можно... Назовемте его островъ «Спорный!»

— Отвлеченно, Василій Василичъ...

— Ну, островъ... островъ, какъ хотите назовите!..

— Да позвольте, почему-же намъ его не звать островомъ «Новой Голландіи?»

— Такое есть названіе въ самомъ Петербургѣ: мѣсто, гдѣ строятъ карабли.

— Такъ «Новая Зеландія?»

— Есть въ Австраліи.

— Да это будетъ еще новѣе!

— Неловко... и къ тому же на Новой Зеландіи есть дикари, а тутъ...

— Да почему вы знаете, что ихъ здѣсь нѣтъ?..

— Ну, ужъ это вѣрно, что нѣтъ... Это островъ необитаемый.

— Хорошо-съ! Такъ рѣшимъ, какъ его назвать, когда побываемъ на немъ...

Василій Ивановичъ еще не успѣлъ кончить своей фразы, какъ лодка ткнулась на мель. Киль кормовой ея части завязъ въ песокъ и тинѣ, а носъ, приподнятый тяжестью Василья Василича и тяжестью корзинокъ съ продовольствіемъ, описалъ нѣсколько полукруговъ и улегся такъ противъ камыша, какъ-будто-бы хотѣлъ рѣшить споръ путниковъ, разрѣзавъ пополамъ новооткрытый островъ, и отдѣливъ одну половину Говоркову, а другую Молчкову, дескать, распоряжайтесь и не спорьте!

— Мы вѣдь на мели, вскричалъ Василій Ивановичъ.

— Ничего! спокойно отвѣчалъ Василій Василичъ: ни буруна, ни вѣтра нѣтъ и наткнуться здѣсь на песокъ не бѣда.

— Смотрите,—продолжалъ онъ, обозрѣвая островъ:—за сплошною массою камышей вижу нѣсколько стоговъ сѣна.

— Ага! вскричалъ Василій Ивановичъ... А вы говорили, и даже утверждали, что островъ необитаемъ.

— Но кто-же его обитатели, когда онъ не показанъ на картѣ?

— Это еще не причина! Вспомните, когда Колумбъ открылъ Америку, вѣдь она не была показана на картѣ, а сколько онъ тамъ встрѣтилъ народу! Те! слышите! вдругъ перемѣнивъ тонъ, вскричалъ Молчковъ.

— Да! да! выстрѣлъ... я даже вижу дымъ...

— Ужъ не на насъ-ли стрѣляютъ... Непріязненные дѣйствія дикарей!.. Смотрите, смотрите! я вижу человѣка съ ружьемъ...

— Я вижу другаго... вонъ, подымается изъ камышей... съ ними двѣ собаки.

Дѣйствительно, на берегу острова вырисовались двѣ человѣческія фигуры. Въ первую минуту нарядъ незнакомцевъ нашимъ друзьямъ показался довольно страннымъ: ни на Бугоркахъ, ни на берегахъ Тарановки они никогда не встрѣчали такого коротенькаго гороховаго пальто и такой громадной соломянной шляпы, какія составляли костюмъ одного; другой, отъ картуза до колѣнъ, былъ весь зеленый, какъ чижъ.

— Какія у нихъ отличныя ружья и собаки! сказалъ Василій Ивановичъ.

— И какіе на нихъ громадные сапоги! замѣтилъ Василій Васильичъ въ то время, какъ незнакомцы, мелькомъ посмотрѣвъ на ихъ лодочку, легли на траву.

— Что-бы это за люди?..

— Только видно, что не дикари!—утвердительно сказалъ Василій Ивановичъ: — наше судно и сами мы мало ихъ интересуемъ; они даже не обращаютъ на насъ вниманія.

— Я думаю, что это браконьеры.

— Пожалуй... Что-же намъ дѣлать: вступать-ли съ ними въ переговоры?..

— Попробуйте.

Василій Ивановичъ взялъ на перевѣсъ ружье и поднялся на лодкѣ.

— Эй! вы! храбро крикнулъ онъ.

Браконьеры подняли головы и съ изумленіемъ посмотрѣли въ ту сторону, откуда былъ сдѣланъ опросъ.

— Здравствуйте! почтительно сказалъ Василій Ивановичъ, взявшись за козырекъ своей фуражки.

— Здравствуйте! отвѣчали незнакомцы.

— Позвольте васъ спросить: вы обитатели этого острова?

— Что-о!

— Вы обитатели этого острова?

— Нѣтъ.

— А кто-же его обитатели?..

— Турухтаны и бекасы...

— Ну, а вы-то кто-же?

— А вамъ какое дѣло!..

— Такъ-съ... Хотимъ съ вами познакомиться,—въ замѣшательствѣ отвѣчалъ Василій Ивановичъ.—Позвольте намъ осмотрѣть островъ...

— Сколько угодно!

— Добрые люди,—замѣтилъ Василій Василчъ:—только съ ними надо быть все-таки осторожнымъ: почему вѣдь знаешь... съ народами новооткрытыхъ странъ всегда надо быть осторожнымъ. Напримеръ: бѣдный Кукъ... погибъ по своей оплошности... Зарядите-ка ружье, Василій Ивановичъ, и отправляйтесь, а я выкину якорь, возьму съ собой бутылку рому, вашего кота и Полкана.

Василій Ивановичъ, засучивъ по колѣно брюки, отважно ступилъ въ воду и побрелъ къ берегу; неизмѣнный его спутникъ скоро последовалъ за нимъ.

— Здравствуйте, господа! еще разъ повторили странники.

— Здравствуйте, здравствуйте! отозвались незнакомцы.

— Что это вы... поохотиться пріѣхали? спросилъ одинъ изъ нихъ.

— Батюшки,—съ веселымъ смѣхомъ подхватилъ другой:—да еще и съ кошкой!.. Что она у васъ поноску беретъ, стойку знаетъ?..

— Нѣтъ-съ, это мой любимый котъ, съ которымъ я не разлучаюсь нѣсколько лѣтъ и привезъ его издалека, отвѣчалъ Молчковъ.

— А откуда вы сюда пожаловали? какъ-то странно посматривая на владѣльцевъ Бубноваго туза, спросилъ зеленый браконьеръ.

— Съ Бугорковъ...

— Ага! дичь стрѣлять?

— Нѣтъ, мы путешествуемъ. Скажите, пожалуйста: извѣстенъ этотъ островъ жителямъ Петербурга?

— Разумѣется; не мы же съ вами его открыли! Друзья переглянулись.

— Однако кто-же открылъ? запальчиво спросилъ Василій Ивановичъ.

— Ну, объ этомъ исторія умалчиваетъ... Я думаю, какой-нибудь чухонецъ съ Лисьяго Носа... Друзья повѣсили голову: ихъ честолюбивыя мечты разлетѣлись прахомъ.

— Однако жъ, позвольте узнать: кому принадлежитъ эта земля?

началь Говорковъ, все еще не желая разочароваться въ своихъ надеждахъ.

— А кто ее знаетъ? Должно быть, казенная.

— А какъ называется?

— Золотой островъ.

— Золотой островъ! въ голосъ воскликнули два путешественника.

— Да отчего-же у него такое дорогое названіе?

— Ужъ не это-ли Петербургская Калифорнія? Нѣтъ-ли здѣсь руды!

— Я думаю, что его такъ назвали охотники...

«Ну, это непременно браконьеры!» подумалъ Василій Иванычъ при первыхъ словахъ незнакомца.

— И назвали оттого,—продолжалъ послѣдній:—что здѣсь въ прежнія времена встрѣчалось много дичи.

Странствователи наши съ каждымъ отвѣтомъ мнимыхъ браконьеровъ убѣждались все болѣе и болѣе, къ своему огорченію, что они жестоко обмануты своими мечтами и древностью карты, на которой не былъ показанъ этотъ наносный островокъ, вѣроятно, образовавшійся спустя лѣтъ восемь послѣ ея изданія.

— Вы вѣрно тоже путешествуете? началъ Василій Иванычъ, откупоривая бутылку съ ромомъ и опускаясь на траву.

Ароматическій запахъ, вылетѣвшій изъ бутылки вслѣдъ за пробкою, видимо и обаятельно подѣйствовалъ на желтаго и зеленаго господъ, лица ихъ прояснились, глаза выразили столько расположенія и участія къ двумъ путешественникамъ, что Василій Иванычъ тотчасъ-же придвинулъ стаканъ и бутылку къ браконьерамъ.

— Неудбно-ли?..

— Благодаримъ... весьма благодарны...

— На воздухѣ это пріятно, сказалъ одинъ.

— И особенно послѣ такой усталости, какою мы сегодня испытали, гоняясь за дичью, подхватилъ другой.

— Гм... Такъ вы не путешествуете? повторилъ Молчковъ.

— Какъ путешествуемъ? зачѣмъ путешествовать? съ очевиднымъ недоумѣніемъ отозвался зеленый.

— Путешествуютъ въ Парижъ, глубокомысленно замѣтилъ желтый.

«Фай! какія понятія у этихъ дикарей!» подумалъ Василій Василычъ. — Такъ неужели, спросилъ онъ, вы никогда не оставляете этого острова?

— Вотъ тебѣ разъ! съ громкимъ смѣхомъ вскричалъ зеленый...

Да за кого вы насъ, господа, принимаете? за сторожей, что-ли, этого острова?..

— Нѣтъ-съ, извините, началъ-было Молчковъ.

— Мы просто, — продолжалъ зеленый: — иногда прїѣзжаемъ сюда поохотиться, какъ и многіе, которыхъ вы здѣсь подь воскресенье или на праздникъ всегда встрѣтите цѣлыми обществами.

— Такъ вы не браконьеры? наивно спросилъ Василій Ивановичъ, съ упрекомъ взглянувъ на своего товарища.

— А позвольте узнать, что это за кушанье браконьеръ? спросилъ охотникъ.

— Это не кушанье, а люди, которые...

— Которые, такъ сказать, изволите видѣть... не то, чтобы... а впрочемъ... заговорилъ Василій Василіичъ, затрудняясь вмѣстѣ съ товарищемъ въ объясненіи почтеннаго званія «браконьеръ.»

— Такъ что-же это такое? вѣрно, просто, значить мошенникъ! подхватилъ желтый.

«Если не браконьеры, такъ еще хуже!» подумалъ Василій Василіичъ, встрѣчая грозный взглядъ желтаго. — Что вы, помилуйте, — поторопился сказать Молчковъ: — можно-ли быть такого дурнаго мнѣнія при взглядѣ на вашу благородную наружность? — Да-съ... какъ это можно! повторилъ Василій Ивановичъ.

Желтый и зеленый взялись за свои картузы.

— Ну, да ладно, господа! — сказалъ первый, снова обращаясь къ бутылкѣ нашихъ путешественниковъ: — какъ ни назовите, только хлѣбомъ кормите...

«Правду пишутъ», думалъ Василій Ивановичъ, слѣдя за дѣйствіями желтаго: «все островитяне особенно пристрастны къ крѣпкимъ напиткамъ.»

— Такъ-то, господа, такъ-то! подхватилъ зеленый, — повторяя маневры своего прїятеля: — мы не «браконьеры» или, какъ вы тамъ насъ обругали, а мы люди хорошіе... мы, вотъ, то есть, онъ наборщикъ, да и наборщикъ-то, который въ факторы смотритъ, самъ хочетъ открыть типографію, словолитню, литографію, хромолитографію, и что еще, Ваня?..

— Да, ужъ и книжную лавку, кстати, отозвался Ваня...

— Такъ-то!.. А вотъ я, къ вашимъ услугамъ — актеръ, да не какойнибудь...

— Актеръ! съ неописаннымъ изумленіемъ вскричали наши странствователи.

— Ну, да, актеръ... Нѣтъ-ли у васъ закусить чего-нибудь?.. Да, актеръ, а что-же тутъ мудренаго?..

— Да вы не Мартыновъ—ли? почтительно снимая фуражку, спросилъ Василій Иванычъ.

— Нѣтъ, не Мартыновъ... накройтесь!.. Нѣтъ, я не Мартыновъ; моя фамилія еще неизвѣстна, а вотъ скоро будетъ извѣстна, вотъ только Ваня откроетъ типографію, да начнетъ издавать газету, да попроситъ обо мнѣ фельетонистовъ, а тѣ водевилистовъ... вторые, изволите видѣть, по моимъ требованіямъ, моему таланту напишутъ піесу, а первые похвалятъ меня и піесу, и потомъ... Чтѣ, такъ-ли, Ваня?

— Такъ, такъ, Петя!

Два Василія съ изумленіемъ слушали Петра и Ивана. Нашимъ кроткимъ странствователямъ, настроеннымъ во всемъ видѣть новизну и диковину, казалось до-нельзя страннымъ объясненіе артиста, который не ранѣе могъ быть признанъ за великаго, какъ только при помощи друга его, газетъ и ея фельетонистовъ.

— Да изъ какой-же вы, господа, страны? въ простотѣ души своей спросилъ Василій Иванычъ.

— Мы?.. Изъ Гавани, отвѣчалъ зеленый. Это недалеко: отсюда вотъ только на перевалъ. Будете въ нашихъ краяхъ, милости просимъ къ намъ. Спросите хоть у перваго встрѣчнаго, у перваго будочника: гдѣ, дескать, живутъ Петръ Иванычъ Гуляковъ и Иванъ Макарычъ Буква? вамъ сейчасъ и покажутъ...

— У насъ и домикъ замѣтный,—подхватилъ Буква:—подобнаго ему во всей Гавани и на цѣломъ Васильевскомъ островѣ нѣтъ. Домикъ красивенькій, какъ готическая литера, сѣренькій, съ зелеными ставнями, съ бордюромъ по карнизамъ; ворота крошечку пригнувшись на вѣшнюю сторону. Тутъ мы и живемъ съ Петромъ Иванычемъ, живемъ тихо, мирно... Я играю на гитарѣ, а онъ поетъ; онъ иной разъ идетъ на репетицію, тамъ письмо подать, или стулъ переставить, а я въ типографію, и валяй на всѣ манеры; у меня ужъ въ глазахъ не зарябитъ: хоть ты подавай тутъ русскую грамоту арабскими цифрами настроченную... А у насъ такіе случаются... Понастрочено бываетъ въ рукописи такъ, что только самъ авторъ не спрашиваетъ: что это, дескать, я наковырять?.. А ужъ мнѣ дай только въ руки, да дай взглянуть—всякую недописку, какъ прописью написанную вижу. У меня разные петиты, цецеро австрійскіе и венгерскіе—только прыгай, а корректуру спущу въ станокъ—метрампажъ уже не затачивай и носу—все гладко: ничего нѣтъ къ верху ногами, все на своемъ мѣстѣ, никакой ѣ не уйдетъ безъ спроса гулять! иной разъ корректоръ смотритъ, смотритъ, третъ очки и глаза, да и плюнетъ отъ удовольствія... «Кто это, говоритъ, правилъ?»—«Буква», говорятъ... «Ну, говоритъ, сабаку съѣлъ!» Послѣ Буквы, всѣ литеры,

какъ гренадеры на парадѣ: чисто, гладко, ни одна запятая не подкузмитъ, каждая подождетъ хвостикъ... Вотъ какъ мы! Въ субботу, какъ пошло, своимъ порядкомъ, къ расчету, хозяинъ мнѣ первому финансъ... «На-те, говоритъ, Буква, извольте, милостивый государь, получить, только на этотъ разъ не загуливайте слишкомъ... Вы, говоритъ, человекъ просто гений; вы, говоритъ, тотъ же Франклинъ, который, какъ извѣстно, былъ наборщикомъ... Пожалуйста, не загуливайте. Я, говоритъ, знаю: таланты не безъ слабостей... Да ужъ сдѣлайте милость, на этотъ разъ... повоздержитесь для благоденствія журнала: редакторъ и спитъ и видитъ выпустить его въ среду!»

— Такъ вы это, выходите, книги набираете, то-есть, печатаете? спросилъ Говорковъ.

— Эва! Да еще какія книги... журналы, сударь, гдѣ такая азартная работа, что иной разъ пять ночей не спишь, пять дней не ѣшь, словомъ пятеро сутокъ руки только тѣмъ и заняты, что ныряютъ въ кассу!

— Ну, и путешествія вы печатаете, Иванъ Маркычъ?—спросилъ Василій Ивановичъ.

— По всѣмъ пяти частямъ свѣта! Только теперь больше все путешествую въ Австралію и Калифорнію...

— Скажите!.. Я думаю очень любопытно...

— А намъ-то какое дѣло? Что любопытнаго-то?.. каждый разъ одно и тоже: пріѣхалъ, говоритъ, туда-то, попалъ въ гостиницу Зеленаго Осла, или, тамъ, Розоваго Селезня; съѣлъ утку, заплатилъ дорого; накопалъ столько-то золота, украли изъ него столько-то—вотъ и баста!.. Да еще наберемъ, пожалуй, «конецъ». Потомъ корректура, потомъ другая, потомъ тебѣ подпишутъ «верстать», а потомъ и въ станокъ... Валай сочиненіе путешествовать по Толкучему!

— Вотъ счастье-то! — воскликнулъ Василій Ивановичъ: — ваша встрѣча для насъ истинная находка.

— Ваше знакомство для насъ кладъ!—подхватилъ Василій Василычъ, вполне угадывая мысли своего друга.

— Почему такъ?—спросилъ Буква.

— Да вы намъ можете быть очень полезны: вы намъ наберете и напечатаете наши путевыя замѣтки, когда мы окончимъ наше странствованіе по окрестностямъ Петербурга.

— Съ удовольствіемъ! съ большимъ удовольствіемъ!—тономъ покровителя отвѣчалъ Буква.—Такъ это вы, господа, не шутя путешествуете? спросилъ онъ.

— Ни сколько! Что за шутки въ такомъ серіозномъ дѣлѣ! Развѣ

Магелланъ, Кукъ, Лаперузъ, Бугенвиль и проч. безсмертные мореплаватели, шутя увѣковѣчили свои имена? сказалъ Василій Ивановичъ... Разница вся между нами и ими только та, что они путешествовали на корабль и по океану, а мы на лодкѣ и по Невѣ, а результатъ одинъ и тотъ же.

— Дѣйствительно! Вотъ и сегодня, подхватилъ Василій Василчъ, мы чуть-чуть не открыли острова, да оказалось, что его, какъ вы говорите, открылъ чухонецъ съ Лисьяго Носа... Что дѣлать! быть можетъ, завтра будемъ счастливыѣ.

— Ну, братъ, Ваня,—шепнулъ зеленый:—да это просто молодцы съ придурью!..

— Окрестности Петербурга,—наивно продолжалъ Говорковъ:—еще, кажется, не изслѣдованы, много не описано... многое...

— Ахъ, разбойникъ! ахъ канальскій обжора!—вдругъ вскричалъ зеленый, съ видимою досадою хватаясь за ружье:—да я ему весь зарядъ всыплю въ зубы!..

— Что такое! что случилось?—вскричали изумленные собесѣдники, поскакавъ съ своихъ мѣсть.

— Смотри! смотри!—продолжалъ зеленый:—вашъ варваръ, котъ, доѣдает моего бекаса... Сожрать такъ нагло, такъ безсовѣстно!.. Посторонитесь, я его... уничтожу!

— Остановитесь!.. пощадите несчастнаго!.. Онъ по глупости... по невѣжеству!—крикнулъ Молчковъ, заикаясь и останавливая дуло наведеннаго ружья, которымъ намѣревались казнить Матроску... а между тѣмъ котъ, не обращая вниманія на драму, въ которой игралъ довольно видную роль, мурлыча, сладко доѣдалъ сочнаго бекаса...

— Хорошо-съ!—рѣшительно сказалъ Гуляковъ, мрачно взглянувъ изъ-подъ огромнаго козырька:—хорошо-съ, не вашъ котъ, а вы вызываете мое великодушіе... Я щажу его... извольте... только для васъ!..

— Благодаритель... благороднѣйшій человекъ!

— Благодарю-съ? Но вы мнѣ извольте заплатить за птицу...

— Сколько угодно... Если бъ даже мой бѣдный котъ съѣлъ и фазана, не только бекаса... Сколько стоитъ ваша птица?..

— Сейчасъ-съ сочтемъ! Мнѣ лишняго не надо: зарядъ пороху... у меня былъ двойной, и порохъ винтовочный, стоитъ десять копѣекъ; зарядъ дроби отличнаго литья—я дрянной не покупаю—десять копѣекъ, за то, что я изъ-за этого бекаса попалъ въ болото—двадцать копѣекъ... ну, и за то, что вашъ котъ съѣлъ моего бекаса—двадцать копѣекъ... всего шестьдесятъ...

— Добросовѣтно, добросовѣтно, Петя!—сказалъ Буква, съ ви-

домъ умиленія: — по чести поступлено. Такъ всегда должно обходиться съ благородными людьми...

Василій Василичъ не возражалъ: онъ отсчиталъ зеленому требуемую плату—и всѣ успокоились. Бѣдный Молчковъ, совершенно растерявшійся при мысли о казни, какая предстояла его коту, и не замѣтилъ, что, по счету зеленого, котъ долженъ былъ съѣсть двухъ бекасовъ.

— Какъ это неприятно!—сказалъ Гуляковъ:—что такое дрянное обстоятельство нарушило нашу умную бесѣду... Впрочемъ, милостивый государь,—продолжалъ онъ, подавая руку Молчкову:—надѣюсь, мы расстаемся друзьями...

— О, помилуйте! стоить-ли изъ-за животнаго ссориться порядочнымъ людямъ...

— Такъ прощайте, господа, до радостнаго свиданія; намъ пора.

— Прощайте! прощайте!..

Когда Буква и Гуляковъ прыгнули въ свой чельнъ, Василій Ивановичъ бросился къ берегу и, махая фуражкой, крикнулъ:

— Одно слово, одно слово, господа!

— Что еще случилось?—спросилъ зеленый.

— Скажите, пожалуйста,—спросилъ Молчковъ:—на этомъ островѣ не водится хищныхъ звѣрей?

— Кромѣ вашего кота, ни даже крысы... А что, вы вѣрно предполагаете ночевать тутъ?

— Да, да! Кто-же путешествуетъ ночью?

— Счастливо!

— Позвольте, Иванъ Маркычъ,—вскричалъ въ свою очередь Василій Василичъ:—вы не знаете никакихъ легендъ и преданій, въ которыхъ-бы этотъ островокъ игралъ видную роль? Мнѣ необходимо для записокъ.

— За разказами обратитесь къ сторожу острова.

— А гдѣ его найти?

— Вонъ его шалашъ, за кустарникомъ.

И снова надъ водою прозвучало сто разъ повторенное «прощайте»—и затѣмъ чельнъ, чрезъ пять минутъ, скрылся въ туманѣ залива.

Наши странствователи остались одни въ сообществѣ безмолвныхъ Полкана и провинившагося кота. Какое-то грустное молчаніе царствовало теперь окрестъ двухъ друзей. Правда, хотя они и привыкли къ долго ни въ чемъ неизмѣнявшемуся одиночеству, но въ немъ все-таки нерѣдко или голосъ Семеновны, кормившей своихъ цыплятъ, или пѣсня сапожника, или звонокъ въ ближайшей мелочной лавкѣ—все что-нибудь подсказывало нашимъ друзьямъ, что кругомъ ихъ есть жизнь

со всѣми ея обстановками; а тутъ голый островокъ, безъ признака жилья, окаймленный шумящимъ тростникомъ; надъ нимъ черныя, быстро бѣгущія по небу тучи... За нимъ, въ дали кое-гдѣ мелькаютъ огоньки, а кругомъ вода, слившаяся въ туманѣ безконечныхъ полей. Друзья печально переглянулись: они поняли свое общее чувство, но о немъ ни слова другъ другу... Василій Иванычъ взявъ своего кота, жалобно мяукавшаго, Василій Василичъ потрепалъ гладкую шерсть Полкана.

— Василій Иванычъ,—сказалъ Говорковъ:—вѣдь дождь накрапываетъ.

— Пойдемте въ шалашъ,—грустно и не торопясь отозвался Молчковъ.

— А лодка?

— Доведемте ее берегомъ до кустарника...

Зеленый сказалъ правду: крошечный шалашъ, крытый рогожами и заслоняемый кустарникомъ да тремя стогами сѣна, раскидывался на берегу островка, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ того мѣста, гдѣ впервые пристали наши пловцы. Василій Иванычъ первый замѣтилъ огонекъ, просвѣчивавшійся сквозь неплотно задернутыя рогожи шалаша. Это открытіе немало обрадовало пловцовъ, тѣмъ болѣе, что дождь полилъ, какъ говорится, изъ ведра.

— Слава Богу, сторожъ, кажется, не спитъ!—сказалъ Молчковъ.

— Да, это большое для насъ счастье! а то хоть размокни.

— Ахъ бѣдный мой котъ!—сказалъ Василій Иванычъ, отворяя дранчатую дверь и переступая порогъ ея. — Богъ въ помощь!—продолжалъ онъ, набожно перекрестившись на небольшой образъ, врѣзанный въ переднемъ углу сквозной будки.

На это привѣтствіе сѣдой старичокъ въ матросской шинели, прилаживавшій, при свѣтѣ ночника, громадную заплату къ своему сапогу, кивнулъ головой и размахнулъ въ обѣ стороны пальцами дратвы.

— Что, старина,—спросилъ Василій Иванычъ,—можно у тебя пріютиться отъ дождя?

— Можно, почему нельзя? Вѣстимо можно... А сколько васъ?

— Да двое.

— Можно, можно... Затворяйте дверь—то только: вишь какъ на ночникъ пахнуло: затрещалъ!

Путники вошли въ шалашъ... Одинъ изъ нихъ несъ корзину, другой якорь и кота.

— Эва, да и съ собакой, честные господа!—сказалъ старикъ:—стало-быть полевать изволите?..

— Нѣтъ, старина, — отвѣчалъ Василій Василичъ: — мы не охотники: ружье — то съ нами и собака, правда, на всякій случай: иной разъ, пожалуй, и пташку подстрѣлишь, а главное, мы вотъ гуляемъ по Петербургу, объѣзжаемъ острова, да и къ тебѣ забрели...

— Милости просимъ, милости просимъ... Пожалуй и самоваръ для вашей милости поставимъ. У меня все есть про добрыхъ людей.

— О! и самоваръ! — вскричали обрадованные странствователи. — Давай, братъ, старина, давай!

Старикъ не заставилъ себя упрашивать и принялся за дѣло.

— Поди-ка тебѣ здѣсь скучно, товарищъ? — спросилъ Василій Василичъ.

— Мнѣ скучно? Да отчего тутъ скучно? Ничего, вотъ себѣ курнычу пѣсенки, точаю подметочки; иной разъ пожалуютъ господу, приму всякаго съ ласкою, покалякаю... Что мнѣ! Чего скучно? Еще ни разу скука-то сюда и носу не затачивала, а ужъ съ вашего позволенія, пятый годъ здѣсь проживаю... Одинъ какъ палець и собачонки нѣтъ... Такъ-то одинъ и караюлю островъ.

— Что же ты на немъ караулишь, любезный?

— Какъ, что? А примѣрно, вы бы вотъ пришли дичь стрѣлять... Ну, а я спрошу, покажи, дескать, билетъ, есть-ли съ тобою разрѣшеніе дичь-то стрѣлять? Такъ-то... А если нѣтъ билета — и нечего стрѣлять, подай ружье и съ Богомъ... Вотъ что! Ну, сѣнокосъ берегу... мало-ли что!

Въ эту минуту Василій Иванычъ вспомнилъ о своей беззащитной лодкѣ.

— А что, голубчикъ, — торопливо спросилъ онъ, впадая въ пресловутую роль мореплавателя: — на этихъ водахъ не водится у васъ корсаровъ?

— Какихъ комиссаровъ? — отозвался простодушно старикъ.

— Я говорю корсаровъ, то-есть такихъ, знаешь, которые бы не прочь отъ чужаго добра...

— Ну, ужъ эвто и не моги думать... такихъ нѣтъ; а есть озорники-мальчишки, примѣрно сказать, на гнилой соймишки подберутся иногда къ баркѣ, подвергаютъ скобки, или утянутъ полѣна два, три, такъ вѣдь за то и загривокъ начешутъ...

— Ну, это корсары! — сказалъ Василій Иванычъ.

— Да, да, флибустьеры! — подхватилъ Василій Василичъ: — буконеры! Смотри, братъ, старина, уцѣлѣветъ ли наша лодка отъ ихъ рукъ?

— Лодка! — старикъ присаивлся, ударилъ по тавлинкѣ и продол-

жалъ: — я вамъ доложу безоблыжно: у меня тутъ хоть золото оставь, хоть какую ни на есть сладость—все будетъ цѣлехонько, никто не посмѣетъ взглянуть на чужое доброе... Нѣтъ, сударь, меня тутъ знаютъ... Пять годовъ живу... всего только разъ и случилось, что съ меня съ самого кто-то сапоги скинулъ, да шапку унесъ... а то никогда ничего!..

Между-тѣмъ гостепріимный аргуеъ острова рассказывалъ о своей бдительности и о томъ вліяніи, какое онъ имѣетъ надъ жалкими корсарамн залива. Самоваръ былъ готовъ и три глиняныя кружки, изъ которыхъ третья явилась по требованію посѣтителей, были поставлены на скамью.

— Не хочешь-ли, дядя, съ коньякомъ?—спросилъ Говорковъ.

— Съ коньякомъ... Извольте-съ, если милость ваша будетъ. Коньякъ дѣло хорошее... Вотъ какъ, примѣрно, когда я служилъ матросомъ... такъ, бывало, за границей всегда тебѣ чарка рому... Ромъ дѣло на прелестяхъ.

— Э! такъ ты и путешествовалъ, старикъ?—въ голосъ спросили слушатели.

— А какъ бы вы, господа милостивцы думали? Вы спросите: чего Лукьянъ Кабалка... Я Кабалка сударь! чего Лукьянъ Кабалка не видалъ, чего не знаю, чего не съѣлъ на свой пай. Недаромъ два десятка годовъ молодцовъ на чаркѣ высвистывалъ... Урядникомъ былъ, извольте видѣть.. Былое дѣло: повидаль и Нѣмечину, и Аглича, и Туречину, бусурманскій край, былъ въ виноградномъ государствѣ, что Италіей прозывается и на иныхъ прочихъ островахъ, гдѣ народъ ходитъ въ сапогахъ да въ шляпѣ, а на иномъ-другомъ не взыщи... Вотъ оно какъ-съ, всего наглядѣлся...

— Ну, хорошо путешествовать Лукьянъ... какъ тебя по батюшкѣ?..

— Авикимовъ, сударь... Хорошо, я вамъ скажу: хорошо! Въ иныхъ мѣстахъ на счетъ напитковъ, просто море разлитое ни почемъ! Ромъ... да не то, што нашъ, самый то-есть забирабельный!.. Какъхватишь, бывало, чарочку, такъ словно тебя шкотомъ около сердца опоясало, смаху задрейфуешь, просто, какъ у насъ говорится, хоть всѣ четыре *рифа* бери, а въ глазахъ тма кромешная, будто въ трюмѣ, а по душѣ мурашка за мурашкой... Есть, нечего сказать, страны разлимонныя... Вотъ, хоть примѣрно, у англичанина на счетъ портеру—единственное государство!

— Ну, а народъ-то тамъ каковъ?—спросилъ Василій Ивановичъ.

— Народъ... вѣстимо какой народъ! Въ нѣмецкой землѣ все нѣмцы, въ аглицкой—агличи, а на счетъ то-есть добродѣтели душевной, не взыщи, у всякаго свой норвъ.

— Такъ, такъ!—глубокомысленно поддакнули слушатели.

— Ну, а не знаешь ли, старина, какихъ-нибудь легендъ про этотъ островъ? — спросилъ Василій Василичъ, не разставаясь съ желаніемъ включить въ свои описанія интересный видъ о Золотомъ островѣ.

— Легендъ? — спросилъ старикъ. — Да вы это на счетъ чего, господа, изволите?..

— То-есть, не знаешь-ли какихъ-нибудь исторій, которыя бы случились на этомъ островѣ? — поспѣшилъ объясниться Молчковъ.

— Да какія жь тутъ исторіи?.. Бываетъ, случается, охотники подгуляютъ, пошумятъ, да тѣмъ и кончится... Былъ, вотъ примѣрно, одинъ случай — еще тогда я служилъ, изволите видѣть, въ ластовыхъ...

— А! ну, ну, ну, старина, расскажи.

— Рассказать не устать, почему не рассказать. Случилась, я говорю, исторія, господа, въ наводненіе. Время было холодное, осеннее; съ ночи подулъ сѣверякъ и нагналъ столько воды, что къ утру весь Питеръ поваялся водою... И Господи Боже мой! все-то поломало, смыло; лошади, коровы, люди, горшки — все поплыло. Вотъ-съ, вѣстимо дѣло, нашу команду сейчасъ на суда, помогать обывателямъ. Капитанъ былъ дежурный въ портѣ: ему и пришлось плыть на одномъ со мною баркасъ. Перво-на-перво ударились мы въ Гавань. Ну, кого успѣли прихватить съ собой, кого нѣтъ. Стало-быть, Богъ не помиловалъ! Только какъ первое дѣло справили, командиръ и хватись объ семьѣ. Семья-то жила на Острову. Мы туда. Приплыли... Анъ глядь, хоть шаромъ покати... отъ дома только окна разбитыя остались: ни воротъ, ни крыши. Утеръ отецъ-командиръ кудакомъ слезу, перекрестился, самъ всталъ на руль да и молвилъ: «Весла на воду! маршъ, ребята, вперед!» Больно было смотрѣть на капитана и очень сердце изныло. Блѣдный, какъ полотно, куда не поплыветъ, а все, сердечный, оглянется на Островъ да и вздохнетъ... А промежъ тѣмъ, какъ ужъ послѣ узналось, наша первая лодка переняла семью капитана, жену да маханькаго сына. Грузу на лодкѣ было вдоволь; только-что она вышла на Большую Неву, какъ вода-то и отхлынь, а тутъ ужъ и не вмоготу стало выгresti, ребята измучились, бросили весла... Что станешь дѣлать?.. Неси вѣтеръ куда хошь! И понесло сердечныхъ, словно подъ гору покатило, заплясало все кругомъ, пошелъ баркасъ вертѣться, а самъ, будто птицу обгоняетъ, бѣжитъ къ изморю... задержаться не за что, да и рукъ нѣтъ. Вотъ и вынесло его на взморье... вѣтеръ подхватилъ, бросилъ влѣво. Кажись бы и не бѣда; вода шибко сбываетъ, а волна несетъ баркасъ къ берегу, да вдругъ откуда не возьмись барка налетѣла на нашихъ горемыкъ... хлопъ — только и видѣли — ахнуть не успѣли... какъ проломленный баркасъ перевернулся... Еще и спаслись бы иные

прочіе, выплыли бы, да барка-то, злодѣйка, помѣшала, подтянула подъ днище... Вынырнулъ одинъ молодецъ боцманъ Крюковкинъ, досталъ два, поглядить—вода по плечи... А за нею какъ тутъ уцѣпилась голубушка наша командирша и мальчуга-то съ нею. Не задумался боцманъ, хватъ на руки и барчука и барыню да и побрелъ къ берегу... вынесъ на чистую отмель, перекрестился, встрѣтивъ землю, а земля-то была этотъ самый островъ...

— Вотъ какъ!—выразительно отозвался Василій Иванычъ.

— Да ужъ такъ, сударь, необлыжно говорю. Къ вечеру вода сбывла здѣсь совсѣмъ, да для нашихъ горемыкъ нелегче отъ того стало. Для моихъ рогожъ, я чай, тогда еще и лыко не было надрано... Укрыться негдѣ, а платье и обувь мокры, да вѣтерокъ пошвыстываетъ. Окоченѣли сердечные... Мальчуга зарюмилъ:

— Мама, холодно, озябъ, говорить.

— Обожди родной, сердце мое; вотъ тятя шубу привезетъ, а сама, сердечная, хоть въ гробъ клади, едва языкомъ ворочаетъ...

— Мама! хлѣбушка, говорить, хочу...

— Обожди родимый, вотъ отецъ булочекъ дастъ...

Такъ прошла и ночь; замерзъ бы барчукъ, да спасибо, Крюковкинъ не пожалѣлъ себя, снялъ съ себя овчину, да ею и укуталъ мальчугу съ командиршей, а самъ всю ночь въ запуски пробѣгалъ по Острову.. и ужъ чего-то не видалъ онъ: то швыряетъ на берегъ комодъ, то сундукъ, то ларецъ съ добромъ... серебра и разныхъ пожитковъ хоть горетьми бери; во что ни заглянетъ Крюковкинъ, а хоть порошичка сѣухаря: на зубъ положить нечего! А мы все плутаемъ съ командиромъ, собираемъ пожитки, да разную разность. Вотъ передъ разсвѣтомъ и вышли на видъ Острова... Слышимъ зовутъ... поглядимъ и руками машутъ... Мы сюда во всю греблю... Эхъ ты, Господи! и вспомнить-то не могу безъ того, чтобъ слеза не прошибла... какъ батюшка-командиръ обрадовался, что въ-время подоцѣлъ къ своимъ: еще бы полчаса—не видать бы ему ни командирши, ни сынишка... Будь ты, говорить: 'Золотой Островъ... жену, говорить, на тебѣ поветрѣчалъ, слезу утеръ... Вдвойнѣ ты золотой... ажъ на тебѣ добраго... Вотъ и все тутъ, господа честные...

Василій Васильевичъ былъ въ восторгѣ отъ нескладнаго разсказа стараго матроса, и въ слѣдствіе этого восторга Кабалка подгулялъ напорядкѣ. Никто ужъ не просилъ его повѣствовать, а онъ начиналъ исторію за исторіей, ни одной не кончая въ то время, какъ Василій Иванычъ, Василій Василычъ, собака и котъ давно ужъ спали.

Только одинъ почникъ, изрѣдко вспыхивая, отвѣчалъ своимъ однообразнымъ трескомъ на слова разскащика... И долго, далеко за полночь, слышалось въ шалашѣ:

— А вотъ я вамъ теперича разскажу... примѣрно, какъ изволите видѣть... Хоша оно и не то, чтобъ... И вслѣдъ за этою фразою дребезжащій голосъ старика хрипло напѣвалъ въ безконечно-измѣняемыхъ тонахъ:

Тирнды баба,

Тирнды дѣдъ...

Хватилися—хлѣба нѣтъ!..

Нѣтъ!.. нѣтъ, нѣтъ! шепотомъ заключилъ наконецъ старикъ и захрипѣлъ.

—

IVI.

ГАВАНЬ ВЪ ГАВАНИ.

Какъ опасно пренебрегать роднымъ лзыкомъ. — Кораблекрушеніе. — Гибель нота и жертва за глупости его хозяина. — Размолвка. — Гаванская Сивилла. — Какъ Василій Иванычъ бредилъ и съ какою умною мыслью очнулся. — Все хорошо! — Письмо.

Пасмурное и холодное утро встрѣтило пробужденіе нашихъ плавателей. Пронзительный сѣверный вѣтеръ круто гнулъ густой прибрежный камышъ, и на фарватерѣ залива погуливали *зайчики*, какъ нѣкоторые называютъ бѣловатый хребетъ волны. Не смотря, однако жъ, на столько неудобствъ, которыя не давали никакого права наслаждаться спокойнымъ плаваніемъ, искатели приключеній и сильныхъ ощущеній Говорковъ и Молчковъ, ни сколько не задумываясь, перенесли свою корзину на лодку, за нею животныхъ и, поблагодаривъ бдительнаго аргуса Золотаго острова, оттолкнулись отъ берега.

— Куда же мы, Василій Василичъ?—спросилъ Василій Иванычъ, садясь на руль.

— Держите, другъ мой, прямо пойдемъ на видъ Крестовскаго. Предупреждаю васъ, что переваль будетъ труденъ и не безъ опасности; но надо свыкнуться со всѣмъ и въ морскомъ путешествіи испытать все.

Въ знакъ полного своего согласія Молчковъ кивнулъ головою.

— Скажите, — началъ онъ; — вчера, я вѣдь говоря откровенно, не до-

слушалъ конца легенды, которую намъ разсказывалъ Кабалка: я заснулъ, какъ помнится, на томъ мѣстѣ, гдѣ мальчикъ просилъ у матери хлѣба... Разскажите мнѣ конецъ этой интересной исторіи.

— А!.. съ удовольствіемъ... Вотъ, видите-ли,—сказалъ Василій Василічъ, не замѣчая того, что его неопытный другъ бросилъ руль вертѣться по произволу и все свое вниманіе сосредоточилъ на разсказѣ.

Въ эту самую минуту, за спиною Василья Василіча раздалось громкое: берегись!.. Говорковъ обернулся, и въ двухъ шагахъ увидѣлъ отъ себя сойму, которая подъ парусомъ летѣла прямо въ бортъ Бубноваго туза. Василій Василічъ оторопѣлъ и, по несчастной своей привычкѣ, которая обыкновенно прививалась къ нему въ критическія минуты, заговорилъ по-кадыкски. Онъ приказывалъ своему другу положить руль право на бортъ, а тотъ, ожидая неминуемой опасности, могъ только вытаращить глаза и вскрикнуть:

— Погибаемъ, Василій Василічъ... Батюшки спас...

Василій Василічъ не успѣлъ кончить своего восклицанія, какъ ужъ ротъ его былъ полонъ воды. Сойма опрокинула Туза, а съ нимъ корзину, кота, въ ту же минуту погибшаго, и нашихъ путешественниковъ. Хоть лодка въ ту же минуту встала на мель, но тѣмъ не менѣе Говорковъ и Молчковъ стояли по горло въ водѣ, хватая свои картузы...

— Коть мой, котъ погибъ!—съ отчаяніемъ и забывая свое опасное положеніе, вскричалъ Василій Иванычъ.

— Ныряйте за ружьемъ... Пусть пропадаетъ одна корзина!—откликнулся Василій Василічъ, прыгнувъ въ лодку.

— Нѣтъ не хочу... Безъ моего кота мнѣ жизнь не въ радость... Кисивька!.. Кисъ... кисъ!—почти обезумѣвши шепталъ Молчковъ, разгребая воду направо и налево.

— Василій Иванычъ, что вы дѣлаете!.. Ну, бросьте вашего кота и корзину... Прошадай все... Скорѣе въ лодку, вы промокнете, какъ губка...

— Жизнь для меня теперь ничего! говорю вамъ... Слышите ничего... Кисъ, кисъ!—отозвался Молчковъ.—Вы во всемъ виноваты, Василій Василічъ, сказалъ онъ, почти сквозь слезы.

— Какъ я... А не вы?

— Не я!.. Вы, говорю вамъ, вы!

— Да вѣдь вы сидѣли на рулѣ? Не вы ли такъ направили нашего несчастнаго «Туза»...

— Самы вы тузъ, Василій Василічъ... Если ужъ на то пошло!—продолжалъ Молчковъ, не выходя изъ воды...

— Это что еще? бранитесь! Вы ли это бранитесь, Василій Иванычъ!

— Я? Самъ лично я! Вы погубили моего Матроску... вы и никто больше...

— Да опомнитесь!

— Не хочу и не могу!

— Да чѣмъ я виноватъ?

— Веѣмъ... Кто вамъ велѣлъ въ самую критическую минуту заговорить по-малабарски...

— Но это...

— Это будетъ мнѣ стоить жизни... Оплакивайте друга... я нырну за моимъ котомъ... что я буду безъ кота!

— Успокойтесь, Василій Иванычъ... Идите, Бога ради, въ лодку: вы простудитесь... Вотъ вамъ моя рука... идите скорѣе, лодку сносить.

Проснувшееся ли чувство самосохраненія, или нѣжное участіе друга переѣнили намѣреніе Василья Иваныча нырять за погибшимъ котомъ, но только онъ, махнувъ съ отчаяніемъ рукою, влѣзъ въ лодку. Лице его было блѣдно, губы синіе и страшный нестерпимый холодъ, обдалъ всѣ члены Василья Иваныча и, казалось, заморозилъ въ немъ кровь.

— Что съ вами? Какъ вы себя чувствуете?—спросилъ Говорковъ, работая изъ всѣхъ силъ веслами.

— Ничего, ничего!—Я себя чувствую очень хорошо,—дрожа веѣмъ тѣломъ, отвѣчалъ Василій Иванычъ машинально, съ безмысленнымъ взглядомъ оцупывая что-то въ боковомъ карманѣ своего пальто.—Ужасно боюсь,—сказалъ онъ:—ужасно боюсь не подмокли-ли мои деньги, мои ассигнаціи!..

Василій Василичъ съ участіемъ взглянулъ на своего друга.

— Вы вѣрно очень озябли, Василій Иванычъ?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ... Бррръ!.. Ничего!.. Знаете, другъ мой, мнѣ что-то спать хочется...

«Боже мой! Ужъ не замерзаетъ-ли онъ!» съ отчаяніемъ подумалъ Говорковъ.—Василій Иванычъ, не вернуться ли намъ домой?

— Ни за что! Я хочу путешествовать... хочу путешествовать...

— Ну, такъ поѣдемте къ Буквѣ: Гавань ужъ видна... Вамъ нужно успокоиться, обсушиться.

— Везите куда знаете, какъ-бы въ просоньи и невятно проговорилъ Молчковъ, и голова его упала на грудь.

— Послушайте,—умоляющимъ тономъ сказалъ Говорковъ:—сядьте хоть на веслы: вы нѣсколько согрѣетесь.

— Не—могу! прошепталъ Василій Иванычъ.

Дѣлать было нечего. Не спуская тревожнаго взгляда съ блѣднаго

лица страдальца—друга, Василий Василичъ менѣ чѣмъ въ полчаса достигъ Гавани, отдалъ лодку подъ присмотръ перваго попавшагося ему будочника, у него же распросилъ подробности дороги до замѣчательнаго домика новыхъ своихъ знакомцевъ, и поддерживая Василья Иваныча, пустился съ нимъ въ дорогу. Молчковь шелъ быстро, но безмолвно; его мутные, задумчивые глаза и частая дрожь ясно говорили, что бѣдняку не пройдетъ даромъ минувшее купанье въ заливѣ.

Друзья шли скоро и безпрепятственно, тѣмъ болѣе, что каждый встрѣчный давалъ имъ дорогу, опасаясь влажныхъ и грязныхъ брызгъ, которыя летѣли по сторонамъ съ Полкана, отряхавшагося едва-ли не на каждомъ шагу. Наконецъ Василий Василичъ завидѣлъ домъ Буквы.

«Вотъ здѣсь. Кажется, въ эти ворота?» съ восторгомъ подумалъ онъ, проходя подъ окнами, за которыми слышалось дребезжаніе гитары. Да такъ и есть что тутъ, вотъ и на воротахъ написано: «Домъ наследниковъ мѣщанина Буквы».

Едва только наши путники вступили на дворъ, запорошенный большимъ количествомъ сора и щепъ, какъ были встрѣчены Гуляковымъ. Артистъ, съ ногъ до головы облепленный клочками папки, смолилъ и конопатилъ свой челнъ.

— Ба, ба!—вскричалъ онъ, не оставляя своей работы:—господа путешественники! Милости просимъ... Что, вѣрно, пожаловали осматрѣть нашъ край? Василий Василичъ молча взялся за свой картузь, Василий Иванычъ, заслышавъ знакомый голосъ, какъ-будто съ прононья, разглядывалъ окружавшіе его предметы.

— Милости просимъ, пожалуйста!—продолжалъ Иванъ Марковичъ, бросивъ мазилку, и однимъ прыжкомъ сокращалъ переходъ четырехъ ступенекъ, подымавшихся къ небольшимъ и темнымъ сѣнямъ.

Въ комнатѣ мокрые странствователи были встрѣчены тѣмъ же радужнымъ возгласомъ, какъ и на дворѣ. Изъ всѣхъ скромныхъ предметовъ, украшавшихъ пріютъ актера и наборщика, вниманіе Василья Василича было особенно поражено черными глазами молодой, красивой дѣвушки, которая, при входѣ знакомцевъ, тотчасъ же оставила свои пальцы и скрылась въ сосѣднюю комнату.

Говорковъ протянулъ руку владѣльцамъ домика въ родѣ готической буквы, Василий Иванычъ, не говоря ни слова, снялъ фуражку, бросилъ ее на полъ и съ тяжелымъ вздохомъ опустился на первый попавшійся ему стулъ...

— Тс! Что вы!—вскричалъ Буква... Что вы дѣлаете? Вы сѣли на «оригиналъ» на новую поэмю безсмертнаго Тлина... Посмотрите: вы мокры, какъ типографская губка.

Василій Ивановичъ, не поднимая глазъ и съ тѣмъ-же молчаніемъ пересѣлъ на другой стулъ.

— Что это съ вами господа! Кто васъ такъ отблалъ?—спросилъ Гуляковъ.

— Несчастіе случилось съ нами—печально отозвался Говорковъ, не безъ страха замѣчая деревянную неподвижность своего друга.

— Какое несчастіе?..

— Лодку перевернуло на заливѣ... Посмотрите, какой сегодня холодный день, а Василій Ивановичъ, едва-ли не полчаса простоялъ въ водѣ... его бѣдный котъ...

— Какъ! утонулъ этотъ разбойникъ, который сожралъ моего бѣкаса?.. Туда и дорога этому коту!

При словѣ котъ, Василій Ивановичъ вздрогнулъ всею тѣлою и поднялъ глаза.

— Да!—грустно и шепотомъ отозвался онъ:—бѣдный мой котикъ, бѣдный! какъ ключъ пошелъ ко дну...

— Однако жъ, время терять нечего,—сказалъ добродушный Буква:—пропадай этотъ котъ... лучше пожалѣть людей... Посмотрите, какъ блѣдень бѣдный Василій Василіичъ...

— Онъ даже какъ будто-бы свихнулъ немного... глаза точно у сонной щуки!—шепнулъ Гуляковъ.

— Да помогите, Иванъ Петровичъ! помогите моему бѣдному другу: онъ крѣпко простудился,—сказалъ Говорковъ.

— А вотъ сейчасъ, мы перемѣнимъ ему платье, вытремъ водкой...

— Что за вздоръ! Лучше выпить! возразилъ артистъ.

— Нѣтъ, вытереть...

— И напитокъ горячею малиною!—послышалось изъ-за перегородки... Вотъ я сейчасъ поставлю самоваръ! сказала дѣвушка.

— Сдѣлай милость, сестра... поскорѣе!—откликнулся Буква.—Наташа!.. да приготовь намъ закусить чего-нибудь!—заклучилъ онъ.

Черезъ нѣсколько минутъ, Василій Ивановичъ, котораго теперь, какъ малаго ребенка, можно было поворачивать и повертывать по произволу, уже напоенный малиною, спалъ подъ ватнымъ одѣяломъ Буквы.

Сонъ бѣдняка былъ тревоженъ. Не смотря на то, что три собесѣдника болѣе расположены были пощипывать, покалякать и спѣть пѣсенку, громкая бесѣда ихъ часто смолкала, и не безъ страха и сожалѣнія они прислушивались къ бреду больного.

«Кисинька! кисутка... кисенокъ!» ясно и внятно говорилъ Василій Ивановичъ, «Поди сюда, кисинька... Поди... ужъ ты, шельмецъ этакой... шельмецъ... Зачѣмъ это, каташка, говоритъ по-кадь-

яски... а?... зачѣмъ...» То вдругъ больной обращался къ мысли о путешествіи, и тогда всѣ имена славныхъ путешественниковъ, острова Японскіе и Курильскіе, не исключая даже и Золотого, проходили въ его встревоженной памяти. «Василій Василіичъ! шепталъ онъ: смотрите, вѣдь это Шпицбергенъ... Батюшки! кокосы-то какіе на берегу... Слушайте... слушайте, вотъ котъ рассказываетъ легенду о патагонской Аспазіи прекрасной... Правда-ли, Василій Иванычъ, правда-ли, душечка... что въ Гренландіи опять вздорожалъ ледъ и ананасы... Ахъ... ужасъ! Бекасъ зеленого съѣлъ моего кота!..»

— Худо! очень худо!—шептали слушатели.

— У него горячка!—съ тихимъ отчаяніемъ проговорилъ Василій Василіичъ.

— Ничего, оттершитса, натура переработаетъ... Что ему, и всего-то лѣтъ тридцать съ небольшимъ!—сказалъ Гуляковъ.

— Ну, нѣтъ, братъ, болѣзнью шутить нечего!—замѣтилъ Буква.

— И я думаю... не отправится-ли за докторомъ?—спросилъ Василій Василіичъ.—Ахъ Боже мой!—продолжалъ онъ:—и вамъ-то надѣлали безпокойства. Ну, какъ я его теперь повезу на Бугорки?

— И не думайте объ этомъ!—сказалъ Буква.—Сохрани васъ Богъ... да онъ умретъ у васъ на дорогѣ... Пусть вылечится у насъ... Не будетъ намъ тѣсно... слава Богу, три комнаты...

— Сходили-бы посовѣтоваться къ Мартьянихи, братецъ! послышался изъ-за перегородки серебристый голосъ Наташи.

— Знаемъ мы эту Мартьяниху,—откликнулся Гуляковъ,—бузиной начнетъ подбивать... А по моему поднести-бы Василью Иванычу стаканчика два магnezіи... такъ вотъ тебѣ и проваливай лихорадка съ горячкой..

— Нѣтъ, сестра говорить правду: Мартьяниха знаетъ свое дѣло, да и за визитъ-то ей не то, что доктору, который ткнетъ тебѣ ложкой, или пальцемъ въ языкъ, да тряхнулъ носомъ—и подай деньги... Вѣй у насъ цѣлая гавань платитъ тогда, какъ на ноги поставила, а умеръ—ни копѣйки!

— Дѣйствительно сходное леченье!—насмѣшливо замѣтилъ Гуляковъ, вѣскольکو раздраженный тѣмъ, что ни одинъ, его совѣтъ, въ продолженіе цѣлаго консиліума, не былъ принятъ.

Слова эти задѣли за живое Наташу, которая была доброю сестрою и горячо любила своего Ваню.

— Вамъ только смѣяться, Петръ Маркычъ,—сказала она.

— А что-же? не прикажете-ли плакать!.. Экая сердобольность,

ужь не родня-ли какая тамъ у васъ, о котахъ да о китахъ рассказываетъ.

— Молчите... эгоистъ этакой!

— Наше вамъ наиглубочайшее! — насмѣшливо вытянулъ Гуляковъ. — Эгоистъ!.. Скажите, пожалуйста, какая музыка!.. Гдѣ это вы набрались такой мудрости? Да знаете-ли вы, что такое эгоистотъ?

— Ужь пожалуйста не беспокойтесь... У васъ не спрошу.

— Да и зачѣмъ? У васъ братъ ученый, всякое сочиненіе печатаетъ...

— Лучше печатать всякія сочиненія, какъ вы говорите — отозвалась дѣвушка: — нежели дармоѣдничать...

— А кто дармоѣдничаетъ? Позвольте узнать! — запальчиво вскричалъ Гуляковъ.

— Да вы! Второй годъ въ актеры опредѣляетесь... Разъ пустили васъ на сцену подать письмо, да и почтительно-то выйти не умѣли... Прогнали!..

— Те... сестра! что ты! — вскричалъ Буква: — Замолчи... какъ тебѣ не стыдно! Что о тебѣ могутъ подумать... Оставьте, Петръ Маркычъ, ее! — продолжалъ наборщикъ, обращаясь къ товарищу, побагровѣвшему отъ досады.

— Чортъ возьми!.. Бадаги вы этикіе! — отозвался Гуляковъ, оставляя свое мѣсто и взявшись за желтую свою шляпу. — Сегодня-же съѣду отъ васъ...

— Съѣзжайте хоть не сегодня, а сію минуту! — съ достоинствомъ отвѣчалъ Буква, — а ругаться не извольте...

— Прощайте.. когда такъ! Больше не прійду... Злая дѣвчонка! — сказалъ Гуляковъ, съ силою захлопнувъ за собою двери.

— Грубіанъ... У! противный насмѣшникъ... Терпѣть его не могу! въ полголоса — сказала дѣвушка.

Заинтересованный и нѣмой свидѣтель нечаянной сцены Василій Василычъ невольно сдѣлалъ вопросъ своему собесѣднику:

— Какъ! неужели вашъ товарищъ въ-самомъ-дѣлѣ съѣхалъ?..

— И слава Богу! — махнувъ рукою, отвѣчалъ Буква: — надоѣлъ... я очень радъ... минуты не проходило, чтобъ онъ съ кѣмъ-нибудь не повздорилъ...

— Ученаго корчить! — отозвалась дѣвушка.

— Заноза такой... Все я, да я, да мы! А кто я-то? Ни кожи, ни рожи, ни въ карманѣ, ни въ стаканѣ...

— Такъ это онъ совсѣмъ? — спросилъ Василій Василычъ.

— Какъ видите. Ему, спасибо, на перевозку тратиться не надо: шлица на головѣ, пальто на плечахъ—и пошелъ.

«Вотъ кому-бы славно путешествовать,—подумалъ Говорковъ:—ничто не стѣсняетъ».—Да, такъ позвольте-съ,—продолжалъ онъ:—о какой это Мартьянихѣ говорите вы, Петръ Иванычъ?

— О нашей сосѣдкѣ-старушкѣ. Женщина добрая, неглупая и на все руки мастеръ: гадать-ли въ карты, на кофейной гушѣ, помочь-ли кому припарками, полосканьями, питьемъ, травками или сосватать кого—на все гораздъ-баба!

— Такъ вы думаете, не будетъ лишнимъ сходить къ ней?

— Непремѣнно... Вотъ рядомъ-то домъ съ нашимъ домомъ.. къ ней всегда и во всякое время кому угодно.... Я-бы пошелъ съ вами, да сѣшная работа есть: надо въ типографію... Сестра, не безпокойтесь, посмотреть за больнымъ.

Василій Василичъ, нѣсколько согрѣвшійся и перемѣнивъ свое пальто на шинель Буквы, отправился къ гаванской сивиллѣ.

Косматая дворняжка съ лаемъ встрѣтила Говоркова у крыльца Мартьянихи, но обнюхавъ шинель, которая, вѣроятно, была ей знакома, кротко и мирно отошла въ сторону. Василій Василичъ, видя такой ласковый пріемъ собаки, возмѣтилъ и о самой хозяйкѣ мнѣніе весьма для нея лестное. Шагъ его сдѣлался гораздо рѣшительнѣе, и онъ смѣло постучался у двери, на которой лохмотьями торчалъ войлокъ и клеенка.

— Кого вамъ?—спросила высунувшаяся изъ дверей голова, повязанная чернымъ съ желтыми разводами платкомъ.

— Мнѣ нужно видѣть г-жу Мартьяниху.

— Зачѣмъ, батюшка?

— Нужно... посоветоваться...

— Да вы... то-есть вамъ, батюшка, кто указалъ Анисью Мартынову... Мы, вѣдь, родной съ незнакомыми не советуемся...

— Меня просилъ къ ней сходить сосѣдъ вашъ...

— Кто это, Буква-то?

— Да-съ, Буква.

— Ну, такъ милости просимъ... Буквы, люди примѣрные, не зубастые какіе сосѣди; дурнаго человѣка не пришлютъ.

И Василій Василичъ переступилъ порогъ довольно мрачной прихожей.

— Обождите, родной,—ласково сказала старуха:—Анисья Мартынова, совѣты дасть!.. Сейчасъ скажу ей.

Говорковъ опустился на лавку, и когда глазъ его свыкъся съ полумракомъ прихожей, онъ ни мало изумился, найдя въ ней четырехъ дамъ, которыя въ молчаніи чего-то ожидали. По ихъ невнимательности другъ

къ другу и особенно молчанію Василій Василичъ заключилъ, что изъ по-сѣтительницъ сивиллы каждая пришла къ ней по своимъ собственнымъ интересамъ. Два салона, кинутые на скамью, ясно говорили съ кѣмъ совѣтуется Мартыниха и кто ея посѣтительницы. Василій Василичъ помѣщался весьма близко къ двери, за которою совершалось совѣщаніе, и потому ясно могъ слышать нѣкоторыя отрывистыя фразы, какъ совѣтовавшихся, такъ и совѣтовавшей.

— Вотъ вамъ, какъ на ладони все!—говорилъ голосъ за дверью...— Письмо отъ бубноваго короля... еще какой-то бѣлокурый мужчина будетъ говорить о немъ... Ну, и пропаша найдется... Найдется всене-премѣнно—помяните мѣе слово... Вамъ ее принесетъ какая-то черноволосая женщина.

— Ну-съ, а на счетъ свадьбы?—сказалъ тоненькій женскій голосъ.

— А вотъ позвольте, кофею провѣдаемъ!—отвѣчалъ первый голосъ. Затѣмъ за дверью водворилось молчаніе, изрѣдка нарушаемое звономъ чашекъ и какими-то неясными звуками.

— Отлично!—воскликнулъ тотъ-же голосъ:—Вотъ ужъ сколько годовъ занимаюсь своимъ дѣломъ, никогда и никому не выходило такъ презентабельно:—съ большою манерою рисунокъ, съ такими прелестями...

— Да однако что же это все значить, Анисья Мартиновна?

— Прелести, что это значить... просто прелести! Во-первыхъ всяческое благополучіе, веселостей и богатства коробъ; во-вторыхъ... удивительно!.. какъ сонъ въ руку—все скоро сдѣлается.

Послышался шорохъ, шарканье башмаковъ, что-то звякнуло, двѣ молоденькія дамы вышли изъ убѣжища сивиллы.

— Кто отъ Буквы? Милости просимъ!—послышалось за дверью.

Василій Василичъ, не разсуждая о томъ, что его платье еще ясно носило въ нѣкоторыхъ мѣстахъ слѣды недавняго купанья, сбросилъ на скамью шинель и предсталъ съ трепетомъ предъ непостижимою женщиною, какъ онъ самъ провеличалъ ее, прислушиваясь къ процессу гаданія. Размашистое воображеніе Василья Василича задумывало рѣшительно не ту обстановку въ комнатѣ сивиллы, какую онъ встрѣтилъ при первомъ шагѣ за грань волшебнаго порога. Къ изумленію Говоркова, столь знакомаго съ Вуазентъ, Квикиморами и Вахрамѣевнами, онъ не встрѣтилъ ни полки съ чучелами совъ, ни даже подобія недавно погибшаго Матроски; вмѣсто чародѣйской жаровни, средину комнаты занималъ круглый столъ, накрытый розовою скатертью, а на ней свѣтлый кофейникъ и три чашки. Нигдѣ и ни въ чемъ не было предмета, который бы носилъ на себѣ признакъ мрачнаго ремесла хозяйки.

«Да и сама-то она,—подумалъ Василій Василичъ.—просто деликатесь-баба! Носъ довольно пропорціональный, правильныя морщины на лбу, крупный, легко загнутый подбородокъ—все относительно хиромантіи, фізіогноміи, типической анализаці говоритъ въ ея пользу.

Василій Васильевичъ отвѣсилъ низкій поклонъ и выпрямился, какъ аршинъ.

— Прощу садиться,—сказала Мартьяниха, указывая на стулъ.—Съ кѣмъ имѣю честь говорить?

— Отставной штурманъ Василій Васильевъ сынъ Говорковъ-съ, рекомендованъ вамъ, сударыня, Петромъ Ивановичемъ Буквою... по весьма важному обстоятельству... «Ужь если ты такъ галантерейна въ обращеніи,—подумалъ Говорковъ—такъ и мы въ обхожденіи не уступимъ.

— А какое, сударь, дѣло... вѣрно на карточкахъ... вѣрно суженая... Извольте, извольте!

— Нѣтъ, мнѣ не на счетъ этого... У насъ, то-есть у меня случилось несчастье...

— Несчастье! Скажите на милость!—съ участіемъ воскликнула Анисья Мартьяновна.

— Да-съ, вотъ извольте видѣть: у меня есть другъ, задушевный другъ, просто братъ родной... Мы съ нимъ путешествовали, и онъ уналь въ воду...

— Такъ что же вы хотите?—съ изумленіемъ спросила Мартьяновна:—что же вамъ, погадать, не выплылъ-ли онъ... на...

— Нѣтъ съ... онъ выплылъ...

— Ну, слава-Богу!.. А то ужъ я было...

— Выплылъ онъ, Анисья Мартьяновна, да крѣпко простудился...

— Скажите на милость!..

— Да-съ, кажется, горячку получилъ...

— Скажите на милость!—повторила вѣщунья.

— И вотъ я прихожу къ вамъ по совѣту г. Буквы и его сестрицы...

— Да-съ у него есть сестрица, премилая барышня... вотъ бы кому женишка, вѣкъ бы свой не наплакался съ нею... отъ радости... Дѣвица благонравная, со всѣми, такъ сказать, руководльями, милѣйшаго обращенія и пріятѣйшей наружности. Дѣвушка, сонъ въ руку суженому... кладь!.. А вы не женаты, Василій Василичъ...

— Нѣтъ съ! «Вишь куда метнула баба»,—подумалъ Говорковъ.

— А пріятель-то вашъ?

— Тоже не женатъ...

— Такъ вы говорите, что онъ крѣпко боленъ, мой голубчикъ.

— Просто, кажется, больше болѣзни! Помогите ему, Анисья Мартыновна... Сдѣлайте милость помогите вашимъ искусствомъ, а ужъ на счетъ благодарности—будьте увѣрены.

— Помилуйте, я всегда рада... изъ челоуѣколюбія... Онъ вѣдь вѣрно у Буквы?

— У Буквы... Лежитъ блѣдный, какъ листъ бумаги и бредить ужасно.

— Хорошо-съ. Черезъ часъ времени я навѣдаюсь,—сказала гадалица.

Василій Василичъ еще разъ повторилъ свою просьбу и вышелъ.

А между-тѣмъ, какъ Василій Василичъ съ такимъ успѣхомъ совершилъ свое посольство, вотъ что происходило въ квартирѣ Буквы, который, вслѣдъ за Говорковымъ, отправился къ своимъ всѣдневнымъ занятіямъ, поручивъ больнаго вниманію сестры.

Оставшись одна, Наташа съ трепетомъ прислушивалась къ бреду больнаго. Замѣтно было, что Молчковъ метался въ своемъ безпамятствѣ и въ жару горячки. Наташа нѣсколько разъ готова была заглянуть въ комнату больнаго, но постоянно какой-то невѣдомый ей страхъ и извинительная стыдливость удерживали ее. Наконецъ чувство состраданія, а болѣе, кажется, любопытство придали рѣшимости несмѣлой красавицѣ, и тихо, осторожно, стараясь не шелохнуть складками платья, она вошла въ комнату больнаго, и съ видомъ неподдѣльнаго участія остановила взглядъ своихъ черныхъ глазъ на лицѣ его.

Занятыя, въ продолженіе нашего неискускаго разсказа, болѣе дѣйствіями и похожденіями Василя Іваныча, мы ничего еще не сказали о его наружности, считая ея достоинство для путешественника дѣломъ постороннимъ... Но теперь, когда взглядъ молодой дѣвушки такъ внимательно разглядываетъ эту наружность, мы должны сказать о ней нѣсколько словъ.

Физиономія Василя Іваныча не могла назваться красивою, но въ ней было много безъ отрицанія пріятнаго. Особенно Василій Іванычъ щеголялъ громадными усами, о которыхъ такъ часто и такъ много мечтаютъ дѣвушки. Усы эти, правильно расположенные и черные какъ смоль, придавали блѣдному лицу нашего героя видъ воинственный, что также нравится многимъ красавицамъ. Хотя и говорятъ, что болѣзнь не краситъ челоуѣка, но надъ Васильемъ Іванычемъ, какъ на зло совершилось это обратно... Его блѣдныя щеки, вспыхивая яркимъ румянцемъ горячки, и высокій лобъ, опушенный черными болѣзненно-сдвинутыми бровями, на двадцать процентовъ увеличивали пріятность портрета нашего больнаго. Последнее тѣмъ болѣе справедливо, что, послѣ минутной за-

думчивости, Наташа довольно громко сказала:—«онъ не молодъ, но онъ хорошъ!.. бѣдненькій!» И вдругъ, какъ бы испугавшись своей откровенности, дѣвушка со страхомъ взглянула на больного. Онъ шепталъ что-то.

Хотя въ комнатѣ никого не было, но, при первомъ движеніи губъ Василья Иваныча, Наташа подняла до розоваго ротика свой маленькій пальчикъ, и погрозивъ имъ, прошептала таинственно: «Тсъ!»

— Ахъ... дайте мнѣ пить!—прошептала больной.

Дѣвушка бросилась къ маленькому столику, быстро налила въ стаканъ теплой малины и, стыдливо придерживая концы своей шейной косыночки, подошла къ Василью Иванычу.

Послѣдній, не открывая глазъ, продолжалъ говорить:

— Куда это мы, г-нъ Говорковъ съ вами заѣхали... Господи, какая жара!... Гдѣ это мы въ... Африканской Лапландіи. Смотрите... смотрите, вонъ дромадеръ съ крыльями! стрѣляйте въ него... Ага!.. упаль, упаль!—радостно вскрикнулъ Василій Иванычъ... И онъ открылъ глаза.

— Вотъ-съ питье... Вы просили пить-съ!—сказала Наташа.

Больной мгновенно взглянулъ на свою благодѣтельницу, радостно улыбнулся и снова впадая въ забытѣ, протянулъ впередъ руки, которыми коснулся черныхъ и шелковистыхъ локоновъ Наташи.

— Каташка, канашка... черненькій!.. гладенькій!—сказалъ онъ...— Ахъ ты, чернушка мой... Кисинька... кисутка!.. кисуточка... поди я тебя поцѣлую... А!.. канашка... гостей замываешь... лапку лижешь... Котенька... Тю, тю, тю—мяу! мяу! жалобоно и въ заключеніе простоналъ Василій Иванычъ и отвернулся отъ Наташи.

Дѣвушка повела вокругъ испуганными глазами и, блѣдная отъ какого-то неразгаданнаго чувства, поставила на окно стаканъ съ малиной.

Въ эту минуту въ комнату вошелъ Василій Василичъ.

— Ну, что нашъ больной?—спросилъ онъ.

— Все такъ же!—отвѣчала дѣвушка, худо скрывая свое сердечное участіе къ Молчкову.

— Худо!—грустно и въ раздумьи повторилъ Говорковъ.

— Да... сейчасъ спрашивалъ пить... я было и подала-съ...

— Что же онъ, Наталья Петровна?

— Опять забылся...

— Ахъ Ты, Господи, тоска какая!

— Что наша лекарка?

— Обѣщала сегодня побывать!.. Прекрасная женщина! Ахъ Ты, Господи!—снова съ безпокойствомъ повторилъ Василій Василичъ.—И

самому-то нездоровится... рѣшительно не знаю, что дѣлать. Наталья Петровна.—началь онъ послѣ небольшого раздумья:—вы и вашъ братецъ были такъ добры къ намъ, къ людямъ мало, или почти вамъ незнакомымъ... Богъ дастъ, случай представится намъ отслужить и вамъ въ свою очередь... Но теперь... я бы... ей-Богу, не знаю, какъ сказать...

— Говорите, говорите! отозвалась дѣвушка тономъ, который могъ развязать всякій нерѣшительный языкъ.

— Вотъ видите-ли... мы путешествовали... и изволите видѣть, такое наше несчастіе, утопили ружье, корзинку, наши чемоданчики... и кота.

— Ахъ!.. вотъ странность... вѣрно котъ-то былъ любимецъ Василья Иваныча?

— Совершенно такъ. Теперь, изволите видѣть, Василій Иванычъ боленъ, я то же чувствую себя нездоровымъ... Я желалъ бы ѣхать домой, и прошу васъ, поберегите моего друга, а брата попросите присмотрѣть за нашею лодкою... Вѣря въ вашу честность и искренность, я вамъ оставляю и деньги моего друга... Тутъ ассигнаціями пятьсотъ рублей... Богъ знаетъ, что можетъ случиться: деньги ему всегда будутъ нужны, да главное, при средствахъ онъ васъ и не стѣснитъ. За тѣмъ прощайте... Поберегите его... И Василій Васильичъ подошелъ къ изголовью больного:

— Прощай Вася! Прощай тѣска!—почти со слезами сказалъ Говорковъ, легко и осторожно пожавъ горячую руку своего друга.

Простоявъ нѣсколько минутъ у постели больного и покачавъ печально головою, Василій Васильичъ сказалъ еще разъ: «прощайте», накиннулъ на плечи свое мокрое пальто и вышелъ, давъ слово навѣстить друга, какъ только самъ почувствуетъ облегченіе отъ заражающейся болѣзни.

Не будемъ слѣдить исторію болѣзни Василья Иваныча, скажемъ только, что лекарка, она же и ворожея для людей легкомысленныхъ и легковѣрныхъ, весьма аккуратно посѣщала больного, особенно усердіе ея удвоилось послѣ того, какъ она узнала, что у Молчкова есть запасецъ въ пять-сотъ рублей, и что онъ холостъ, и что Наташа сообщила ей... Но это ихъ секретъ. Дѣйствіе-ли сильной, испытанной и закаленной природы, или снадобья Мартьяники помогли Василью Иванычу (наше мнѣніе, что первое!), но только Молчковъ началъ быстро и замѣтно выздоравливать. Здоровье его еще болѣе укрѣплялось при участіи къ нему добраго Буквы и сестры его, съ которою Василій Иванычъ проводилъ по цѣлымъ днямъ, разказывая ей о своихъ походахъ, о своихъ стоянкахъ въ городахъ обширной Россіи. Были часы, въ которые Молчковъ искренно смѣялся надъ своимъ и своего друга химерическимъ желаніемъ превратить

Неву въ океанъ, а его острова въ Сандвичевы, съ неподдѣльнымъ желаніемъ принимать каждаго охотника за браконьера, каждаго охотника за араба. Василью Ивановичу, не знаю почему, но даже не хотѣлось и выздоравливать; онъ находилъ, что для него отраднѣе больному у Буквы, чѣмъ здоровому плавать на *Бубновомъ тузѣ*; одно только возмущало иногда Молчкова... Вотъ уже прошло двѣ недѣли, какъ Василій Василічъ уѣхалъ на Бугорки обрадовать, и въ то же время опечалить свою Семеновну, а отъ него ни одной вѣсточки. Иванъ Маркычъ каждый день общалъ навѣдаться о Говорковѣ и узнать причину его молчанія, но каждый день, за обиліемъ работы и трудовъ, долженъ былъ откладывать свое намѣреніе до завтра.

Однажды утромъ Мартьяниха пришла навѣстить своего больнаго. Наташа была занята хозяйствомъ; Буква наклеивалъ какіе-то лоскутья къ разнокалибернымъ корректурамъ съ замысловатыми отмѣтками «Южный Полюсъ 1», Южный Полюсъ 2, 3, 4, 5... такъ-что ученый нашъ географъ Василій Ивановичъ сталъ-бы въ совершенный тупикъ, увидя подъ руками Буквы пять южныхъ полюсовъ.

— Ну, что, батюшка, какъ наше здоровьичко?—спросила Мартьяниха, отвѣщая низкій поклонъ Василью Иванычу.

— Слава Богу, Анисья Мартьяновна!.. Благодаря вашимъ заботамъ, съ каждымъ днемъ чувствую себя легче.

— Ну, и слава Богу, батюшка... Только все-таки поберегайте себя... На воздухъ, родной, главное, въ такое сырое время, какое стоитъ нынче у насъ, не выходите..

— Ахъ, Анисья Мартьяновна! а я—было думалъ ужъ домой собраться.

— Что вы! какъ это можно? Или здѣсь соскучились...

— Помилуйте, можно ли соскучиться у такихъ добрыхъ людей въ бесѣдѣ Ната... напримѣръ, вашей!—скороговоркою и спохватившись сказалъ Василій Иванычъ.—Главное, Анисья Мартьяновна, раздумье меня беретъ о Васильѣ Василічѣ... Что онъ, какъ онъ, живъ-ли, здоровъ-ли?

— Э, батюшка, коли за этимъ только дѣло стало, такъ мы сейчасъ... и посла послать не нужно... Вотъ я вамъ, какъ на руку все вышплю...

Съ этими словами Мартьяниха вынула изъ своего мѣшка, обильнаго и сахаромъ, и крендельками, и мушкатными орѣшками, довольно замасляную колоду картъ.

— Какъ!—съ примѣтною радостью спросилъ Василій Иванычъ.—вы умѣете...

— Вѣкъ свой изжила на этомъ, родной мой; ужъ въ чемъ нномъ, а въ этой механикѣ постоимъ за себя!.. Ну-съ... онъ какой король-то...

— Позвольте, Анисья Мартьяновна, — торопливо перебилъ Молчковъ: — погадайте, мамочка, прежде мнѣ.

— А у васъ, что за болѣсть! — спросила хитрая и сметливая лекарка.

— Да ужъ есть маленькой секретецъ... пожалуйста!..

— Извольте, дорогой мой, извольте!

И Мартьяниха, предъ глазами до крайности внимательнаго Василія Иваныча, раскинула карты...

— Да! — выразительно приподнявъ брови и съ разстановкой тономъ ни чѣмъ неопровержимаго убѣжденія, сказала ворожея: — у васъ, мой родимой, крѣпко сердечушко побаливаетъ, по черноволосой дамѣ... Нѣтъ... нѣтъ! дѣвушка... Такія масти вокругъ хорошія, судьба-то ей хорошая, да и... ух! сказать-ли, Василій Иванычъ?..

— Говорите, говорите! — почти задыхаясь прошептала Василій Иванычъ.

— Ну, такъ и быть... покупайте мнѣ фунтъ кофену: я вамъ скажу, что она по васъ сохнетъ, да сохнетъ-то не вѣсть какъ... вотъ, сами посмотрите...

— Ахъ, голубушка моя, Анисья Мартьяновна, — вскричала Молчковъ: — да за такую радость я вамъ не только фунтъ, бочку кофену!.. И неужели это правда?..

— Чтобъ мнѣ свѣту не видать Божьяго, если лгу!..

— Хорошо! — сказалъ Василій Иванычъ, нѣсколько призадумавшись..

— Анисья Мартьяновна, — продолжалъ онъ: — хотите получить двадцать пять рублей?

— Что вы, батюшка, что вы! Куда мнѣ такое богатство?.. И то многимъ вамъ обязана.

— Да нѣтъ, скажите, хотите-ли?

— Что-жъ, молвить правду, почему-же, если милость ваша будетъ.

— Дѣло, вотъ какое, — нерѣшительно, въ полголоса, продолжалъ Молчковъ — хочу жениться и жениться... на... на Натальѣ Петровнѣ... Будьте матерью благодѣтельницей, посватайте... Вы знаете, и человекъ не старій, ну, и въ рангѣ, пансіономъ царь надѣлилъ, да и еще кое-что свое найдется... А за нею ничего мнѣ не надо... души въ ней не слышу, въ моей милочкѣ...

Старуха въ восторгѣ замотала и головой и руками, какъ-бы спѣша перебить рѣчь Василія Иваныча.

— Ну, ужь если пошло на откровенность, то скажу вамъ, что и Наташа отъ васъ безъ ума!.. Сама мнѣ призналась.

— Возможно-ли! душечка Анисья Мартыановна...

— Да я, говорить, утоплюсь, если за него не выйду...

— Фунтъ вамъ кофею, сердце мое, Анисья Мартыановна.

— Ни днемъ ни ночью, говорить, спокойствія не имѣю: все онъ, да онъ, хоть ты что хочешь... Люблю, ужасъ какъ люблю, говорить...

— Два вамъ фунта...

— Милашка онъ, говорить, такой, презентабель этакой...

— Три фунта, Анисья Мартыановна!

— Душа, говорить, добрый, сердца кроткаго... нрава...

— Четыре и двадцать пять рублей!—внѣ себя отъ восторга, вскричалъ Василій Иванычъ и подалъ ассигнацію свиллѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ, съ сверкающимъ отъ удовольствія лицомъ, Анисья Мартыановна вышла отъ Василья Иваныча и для какого-то совѣщанія удалилась съ Буквою и его сестрою въ кухню.

Василій Иванычъ, оставшись одинъ, смекнулъ, что судьба его рѣшилась. Дыханіе почти замерло въ груди Молчкова и Василій Иванычъ съ тяжелымъ вздохомъ, даже и съ головою спрятался въ одѣяло...

Что-же дѣлалъ Василій Василичъ? Хворалъ также, какъ и Василій Иванычъ и также, какъ онъ, выздоровѣлъ... Во время болѣзни онъ не имѣлъ рѣшительно средствъ извѣстить друга о своемъ положеніи и что-нибудь узнать о немъ. Семеновнѣ нельзя было ни на одну минуту оставить больнаго, а писать онъ не могъ. Почувствовавъ облегченіе, Василій Василичъ тотчасъ вспомнилъ о своемъ другѣ, и еще не смѣя оставить постеля, сѣвшилъ излить предъ нимъ свои чувства на бумагѣ.

Въ тотъ самый день и часъ, какъ ужь надписывался конвертъ на имя Василья Иваныча, Семеновна подала письмо своему постояльцу.

Василій Василичъ протянулъ—было къ нему руку, но вдругъ, какъ-бы отъ горячаго желѣза, отдернулъ ее и зажмурился.

— Постой, Семеновна, сказалъ онъ:—боюсь, ужасно боюсь не-пріятной вѣсти... Посмотри какая печать...

— Какая печать? обыкновенно какая...

— Да, красная... пли черная!

— Вѣстимо красная...

— Ну, слава Богу! онъ живъ... Это отъ него—давай. И Василій Василичъ, сорвавъ печать, съ жадностью началъ читать письмо, которое заключало въ себѣ слѣдующее:

— Здравствуй теска и другъ! Что это, ужь живъ-ли ты? Ни привѣта, ни отвѣта. Я, порадуйся, товарищъ, всталъ на ноги, да такъ,

что теперь ужъ не спотыкнусь: Богъ мнѣ послалъ вожатаго... Полно плавать; я втянулся въ свою гавань... Поздравь: я женюсь на хорошенькой Наташѣ, сестрѣ Буквы. Свадьба назначена чрезъ четыре дня. Ты будешь моимъ шаферомъ. До свиданія.

Твой

«Василій Молчковъ.»

Прочитавъ письмо, Василій Васильевичъ грустно поникъ головою и устремилъ печальный взглядъ на своего Полкана, который, виляя хвостомъ, также не сводилъ глазъ съ своего барина.

— Все кончено!—наконецъ сказалъ онъ.—Все намъ измѣнили. Полканъ—все! Котъ твой утонулъ, другъ мой... женился!..

«Ну, да Богъ съ тобою, Василій Иванычъ. На глазахъ Василья Василича навернулись слезы и, желая скрыть ихъ отъ Семеновны, онъ быстро переложилъ подушку на другую сторону кровати, и принялся читать ввнимательно теперь ужъ не объ испанцахъ, а о французяхъ въ Алжирѣ.

Не смотря на измѣну товарища, Василій Василичъ простилъ ему и, говорятъ, съ большимъ успѣхомъ исполнялъ на свадьбѣ обязанность шафера. Говорятъ также, что Говорковъ не измѣнялъ своимъ желаніямъ, и сряду три года путешествовалъ по Петербургу, оставивъ потомству свои записки.

Въ непродолжительномъ времени намъ обѣщали сообщить ихъ.

РАЗСКАЗЫ СТРАНСТВОВАТЕЛЯ.

Ксавье де-Мармье.

ДВОЙНИКЪ.

Однажды я отправился из маленькаго городка Алькмааръ въ Гельдерскій портъ на одномъ изъ тѣхъ тяжелыхъ судовъ, которыя зовутся трексѣтами. Пусть на меня не сердятся голландцы: къ нимъ я питаю величайшее уваженіе и симпатію; но долженъ признаться, что ландшафтъ, раскидывающійся по берегамъ Алькмаарскаго канала, не веселитъ взгляда и не питаетъ воображеніе поэтическимъ восторгомъ. По обѣимъ сторонамъ—влажная и болотистая почва, кирпичные домики, крытые тростникомъ, удаленные одинъ отъ другаго, и по большей части защищенные неглубокими рвами. Ничто не прерываетъ однообразія этой картины; изрѣдка развѣ появится огромный корабль, возвращающійся изъ Индіи съ грузомъ сахару, гвоздики и табаку; десятка два лошадей, припряженныхъ къ баку, медленно тянутъ его къ богатому Амстердаму.

Проведя на палубѣ нѣсколько часовъ и наскучивъ однообразіемъ зрѣлища, я спустился въ каюту (goem), гдѣ находились три голландца и гасконецъ.

Голландцы, важно расположившись предъ глиняною жаровней и закуривъ трубки, по-видимому желали спокойно продолжать свое путешествіе въ облакахъ табачнаго дыма; но гасконецъ, насмѣшникъ-гасконецъ, одаренный умомъ странствующаго прикащика, жужжалъ вокругъ нихъ, какъ слѣпень, подстрекалъ ихъ шутками, рассказывалъ разныя разности о своихъ поѣздкахъ и самодовольно улыбался послѣ каждаго періода.

Долго и терпѣливо слушали его голландцы, съ философскимъ самоотверженіемъ, не отвѣчая. Наконецъ гасконецъ какъ-то позволилъ себѣ маленькую вольность и выразилъ свое сомнѣніе на счетъ сердечныхъ чувствованій голландцевъ вообще. Одинъ изъ слушателей не остался равнодушнымъ къ этой фразѣ. «Разсказалъ бы я исторію,—проговорилъ онъ:—она вамъ доказала бы, что флегма нашего характера, надъ которою вотъ уже цѣлый часъ вы подтруниваете, не имѣетъ вліянія на наши чувства и на привязанности къ предметамъ, гдѣ главная роль принадлежитъ сердцу.

— Посмотримъ,—вскричалъ гасконецъ, выпрямляясь съ видомъ критика, готоваго произнести неумолимый приговоръ.

Голландецъ выколотилъ трубку, снова наложилъ въ нее табакъ и началъ:

— Назадъ тому лѣтъ двадцать, какъ въ октябрѣ я пріѣхалъ въ Утрехтъ, изучать законовѣдніе. Я былъ младшій сынъ большаго семейства, и отецъ мой съ трудомъ могъ давать мнѣ ежемѣсячное скудное содержаніе. Я выбралъ самую скромную часть города, поселился вмѣстѣ съ адвокатами-бѣдняками и старался въ трудѣ и въ строгомъ выполненіи своихъ обязанностей найти то удовольствіе, которое богатые или безпечные молодые люди искали въ свѣтѣ и въ увеселеніяхъ. Не смотря на все предосторожности и строгіе экономическіе расчеты, трудно мнѣ было, при моемъ скромномъ доходѣ, сводить, какъ говорится, и концы съ концами. Не разъ, полный грусти, цѣлые часы просиживалъ я въ своей комнатѣ, утоляя голодъ кускомъ хлѣба и согрѣвая окостенѣвшіе члены у послѣднихъ остатковъ торфѣ. Но тогда я думалъ о моемъ бѣдномъ отцѣ, который для меня отказывалъ себѣ даже въ необходимомъ; и я твердо рѣшался переносить все нужды. Такъ прошла зима. Приближеніе весны я видѣлъ съ радостью бѣдняка, который, въ ясный день, покинувъ свой пріютъ, отрадно блуждаетъ по цвѣтущимъ лугамъ и считаетъ своимъ все богатство природы. Вдругъ неожиданное приключеніе, случай, положили конецъ моимъ матеріальнымъ нуждамъ, которыя такъ часто приводили меня въ уныніе. Отправляясь изъ дома по своимъ занятіямъ, я обыкновенно проходилъ два раза въ день маленькою, довольно мрачною улицей, населенной ремесленниками и мелочными торговцами. Не одинъ разъ замѣчалъ я женщину, уже пожилую, которая въ одной изъ лавокъ торговала китайскимъ фарфоромъ или, лучше, всякою всячиной. Каждый разъ, когда проходилъ я, она появлялась у дверей своей лавки и устремляла на меня пристальный взглядъ. Долго не приписывалъ я этому взгляду никакой важности; но товарищи замѣтили особенное вниманіе торговки и сообщили мнѣ свои наблюденія. Мало-по-малу я самъ сталъ примѣчать

и, оглядываясь иногда, видѣлъ, что эта женщина неподвижно и внимательно слѣдила за мною, и только когда я скрывался изъ виду, уходила въ свою лавку. Нужно-ли говорить, что симпатія мелочной торговли, подтвержденная и засвидѣтельствованная всѣми моими товарищами, возбуждала ихъ веселость, и за скромной вечерней трапезой они постоянно подшучивали надо мною. Добрая женщина была уже немолода. Изъ-подъ чепчика ея видѣлись сѣдые волосы, а морщины на лицѣ доказывали, что ей лѣтъ шестьдесятъ. Наконецъ надо сказать и то, что даже самое имя ея намъ казалось причудливымъ: ее звали Эвелиной Тедергартъ, (нѣжное сердце). «Утѣшься,—говорили мнѣ товарищи, замѣчая иногда мою грусть или скуку:—утѣшься, счастье даруетъ тебѣ нѣжное сердце, котораго горячность неохлаждена и шестидесятью годами». Насмѣшки эти вызывали во мнѣ какое-то смутное чувство негодованія; но, увлеченный потомъ слабостью, я и самъ началъ отъ души смѣяться надъ своимъ необыкновеннымъ счастьемъ. Однажды проходилъ я вмѣстѣ съ товарищами по той улицѣ, гдѣ жила торговка, и когда добрая женщина, по обыкновенію, показала въ дверяхъ, одинъ изъ нихъ закричалъ мнѣ, пародируя извѣстную элегію: «Любовь тѣснить ея младую грудь, ты утѣшителемъ ей будь!» и сардонически взянувъ на торговку, онъ удалился съ громкимъ смѣхомъ, который повторили всѣ мои товарищи. Я вошелъ въ лавку. Бѣдная женщина измѣнилась въ лицѣ; кротко, съ невыразимою печалью взглянула она на меня, и скрылась въ глубинѣ своего магазина. Молча, съ поникшею головою ушелъ я, недовольный своими друзьями, недовольный самимъ собою, тревожимый какимъ-то смутнымъ безпокойствомъ, которое походило на угрызеніе совѣсти. «Возможно-ли,—говорилъ я самъ себѣ:—черезъ меня эта женщина подверглась насмѣшкамъ моихъ друзей—и я допустилъ это! Чѣмъ заслужила она эти извительныя насмѣшки? и какъ я могъ участвовать въ этихъ безсовѣстныхъ шуткахъ?..»

Въ тотъ же день я поспѣшилъ въ улицу г-жи Тедергартъ и изъдали, съ тайнымъ волненіемъ, взоромъ искалъ ее на порогѣ лавки; но она не появлялась. Приближаясь къ ея дому, я останавливался передъ окнами лавокъ, медленно проходилъ мимо ея магазина, потомъ опять останавливался, оглядываясь, но все напрасно: ее не было. На другой и на третій день я повторялъ еще медленнѣе ту же прогулку и такъ же неудачно: дверь магазина была отперта, но въ немъ никого; только толстый, откормленный котъ дремалъ между двухъ китайскихъ вазъ и, казалось, въ просоньѣ, наблюдалъ за моею прогулкою. Бѣдная женщина любила меня видѣть—и теперь ее нѣтъ!.. я оскорблялъ ее... Эта мысль тревожно волновала мою душу. Я преувели-

чиваль и чувство таинственнаго участія, которое могъ ей внушить, и мой проступокъ предъ нею. Мнѣ помнился все этотъ взглядъ, печальный и кроткій, которымъ встрѣтила она меня, когда надъ нею смѣялись мои товарищи—и новая грусть томила меня, грусть, смѣшанная съ раскаяніемъ. Отрады я не находилъ ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ. Еслибъ кто меня видѣлъ тогда, непременно почелъ-бы за страждущаго любовника: задумчиво, съ озабоченнымъ видомъ и безпокойнымъ взглядомъ бродилъ я по улицѣ. Наконецъ, на третій день, я возвратился въ магазинъ г-жи Тедергартъ, и не видя ее, рѣшился кончить свои мученія, войти къ ней и извиниться въ грубомъ поступкѣ моихъ товарищей, сдѣланномъ противъ моей воли, но виновникомъ котораго я все-таки считалъ себя.

Долго, робкій какъ дитя, колебался я, не рѣшаясь войти въ лавочку. Наконецъ я переступилъ за порогъ дома, но съ такимъ волненіемъ и страхомъ, какъ-будто бы моя наружность могла дать поводъ къ какому-нибудь неприятому обо мнѣ заключенію. Въ то время, когда я стоялъ въ нерѣшимости, не зная, идти ли впередъ или назадъ, та, которую я искалъ съ такою тревогой души, слѣдила за мною сквозь стеклянную дверь. Вдругъ она вышла и привѣтствовала меня съ кротою улыбкой. «Извините, сударыня, проговорилъ я, чувствуя, что краска выступила у меня на лбу.—«О! я знаю, что вы хотите сказать мнѣ,—прервала она:—меня очень огорчили слова вашихъ друзей, но я увѣрена, что вы совершенно невинны въ этой грубой и безразсудной шуткѣ. Вы не видѣли меня, а я слѣдила, въ продолженіе этихъ трехъ дней, за всѣми вашими поступками; я даже знала ваши безпокойства; я вижу, что вы добры, и это меня радуетъ; предчувствіе меня не обмануло. Садитесь.»

Я опустился въ старое дубовое кресло съ рѣзбою, которое находилось въ числѣ рѣдкостей ея магазина. Съ минуту она оставалась передо мною молча и смотря на меня такимъ взоромъ, который удивлялъ меня и приводилъ въ смущеніе; но вотъ она сѣла возлѣ меня и, взявъ мою руку, спросила: «Какъ васъ зовутъ?»—«Карломъ».—«Карломъ! вскричала она: правда-ли это? О, Боже мой, удивительно!.. странно!.. И васъ зовутъ Карломъ?.. Скажите, что вы не обманываете меня?.. Но для чего вы стали бы меня обманывать?.. Какая враждебная мысль!.. Васъ зовутъ Карломъ?..» И голосъ ея былъ растроганъ, и взоръ ея блисталъ, устремляясь на меня. «Который вамъ годъ?» снова начала она.—«Двадцать лѣтъ».—«Двадцать лѣтъ! да, это такъ!.. Но что за безуміе, что должны вы думать обо мнѣ? и однако!..» Она опять остановилась, взяла меня за руку и сказала ласковымъ голосомъ: «Послушайте, Карлъ, хотите вы утѣшить бѣдную отшельницу, которой вы не знаете? При-

ходите ко мнѣ обѣдать въ будущее воскресенье, и не только въ это воскресенье, но и во все слѣдующія, если только не получите вы отъ кого-нибудь приглашенія, которое вамъ доставитъ болѣе удовольствія. Кто я? старуха, мелочная торговка, а вы... вы вѣдь адвокатъ, и вамъ двадцать лѣтъ.»—«О! я приѣду,—вскричалъ я съ внезапною увѣренностью, которая удивила меня самого:—я буду приходить; ничто не заставитъ меня отказаться отъ вашего приглашенія.»—«Благодарю... благодарю,—сказала она.—«Возвратитесь теперь въ свою комнатку... я знаю, что у васъ маленькая комнатка, гдѣ много ученыхъ книгъ... знаю, что вы очень прилежны... Ступайте, я жду васъ въ воскресенье.» При этихъ словахъ она еще разъ пожала мнѣ руку и потомъ удалилась. Я вышелъ въ странномъ волненіи, не зная, что думать объ этомъ свиданіи, объ этихъ ласковыхъ словахъ и пронизательныхъ взглядахъ, но всему этому радовался, какъ счастливому приключенію. Пройдя нѣскольکو шаговъ, я оглянулся: г-жа Тедергартъ смотрѣла мнѣ вслѣдъ, и я, въ свою очередь, сказалъ: «Удивительно! странно!» Мнѣ казалось, что на совѣсти у меня стало легче.

Возвратясь домой, я встрѣтилъ моихъ друзей въ корридорѣ; они тайно перешептывались между собою. Одинъ изъ нихъ, видя, что я входилъ къ торговкѣ, успѣшилъ увѣдомить объ этомъ и другихъ; тутъ родились вопросы, толки и какія замѣчанія!.. Насмѣшки, какъ градъ осыпали меня. «Это сумасшедшая,—говорилъ мнѣ одинъ:—мнѣ рассказывалъ ея сосѣдъ (онъ уже нѣсколько лѣтъ ее знаетъ): живетъ она не такъ, какъ слѣдуетъ, никуда не ходитъ и ни съ кѣмъ не говоритъ.»—«Тедергартъ, старая скряга,—продолжалъ другой:—она нарочно запирается, чтобъ на свободѣ обрѣзывать червонцы да пересчитывать монеты, зашитыя въ тряпкахъ».—«Г-жа Тедергартъ превосходная женщина!—вскричалъ я съ гнѣвомъ:—я никогда не допущу, чтобъ о ней отзывались дурно въ моемъ присутствіи».— При этихъ словахъ я удался въ свою комнату, оставивъ услужливыхъ товарищей въ полномъ недоразумѣніи на счетъ моего отвѣта.

Наступило воскресенье. Въ обѣденное время я отправился къ г-жѣ Тедергартъ. На мнѣ было мое лучшее платье, галстухъ, вышитый одною изъ моихъ сестеръ, жилетъ съ цвѣточками—подарокъ моей крестной матери, и посмотрѣвъ въ зеркало, я увѣрился, что природа меня не обидѣла. Вхожу въ чистенькую комнату, расположенную въ глубинѣ магазина и меблированную просто но со вкусомъ. Главное украшеніе ея составляла картина, висѣвшая на стѣнѣ и задернутая крепомъ. На каминѣ благоухали вазы съ цвѣтами, а столъ, покоившійся на совершенно новомъ коврѣ, былъ покрытъ камчатною скатертью и уставленъ мас-

сивнымъ серебрянымъ приборомъ. Какъ добрая голландка, хозяйка еще была занята приготовленіемъ обѣда, но прервала свой трудъ и вышла ко мнѣ, съ чувствомъ благодаря меня за то, что я сдержалъ обѣщаніе. Молоденькая служанка разставила тарелки, расположила въ симметрическомъ порядкѣ стаканы и бутылки, и мы сѣли за столъ. Никогда, въ жизни моей, даже и на семейныхъ праздникахъ не видалъ я такого роскошнаго обѣда, а г-жа Тедергартъ находила его еще слишкомъ обыкновеннымъ. Она бранила служанку за-то, что та не приготовила лучшей рыбы и лучшихъ цыплятъ; сама наливала мнѣ въ венеціанскую рюмку стараго бордоскаго вина и извинялась, что принимаетъ меня такъ дурно. Къ концу обѣда она начала спрашивать меня о моемъ семействѣ, о моей родинѣ, о моихъ намѣреніяхъ, и каждый отвѣтъ принимала съ выраженіемъ трогательнаго сочувствія. Часа два или три продолжалась наша бесѣда, и не разъ я былъ тронутъ до глубины души участіемъ г-жи Тедергартъ. Когда я готовился уходить, она отвела меня въ сторону и сказала: «Благодарю васъ за благосклонность, которую вы мнѣ оказали, удѣливъ пріятныя минуты вашей воскресной свободы. Теперь прошу васъ оказать мнѣ еще снисхожденіе. Я знаю вы небогаты, вы мнѣ признались; и, не имѣя знакомыхъ въ этомъ городѣ, вы должны терпѣть много лишеній... Позвольте мнѣ предложить вамъ бездѣлицу отъ моего избытка. Дѣлая вамъ это предложеніе, я увѣрена, что повинуюсь волѣ Провидѣнія, которое наградило меня выше моихъ нуждъ, и я должна дѣлиться съ тѣмъ, кто этого достоинъ... Возьмите,—сказала она, подавая мнѣ золотую монету,—о! умоляю васъ,—продолжала она, видя, что я отступаю:—умоляю, не отвергайте моего слабаго приношенія; подумайте, это оболь не отнятый ни у кого, и я могу свободно располагать имъ, а вы мнѣ возвратите его... да, возвратите, когда будете богаты и счастливы, чего вполне заслуживаете.» Говоря это, она устремляла на меня нѣжный, умоляющій взоръ, и вручивъ монету, пожала мнѣ руку и удалилась, крича вѣлѣдь: — «до воскресенья! Ступайте, и да благословитъ васъ Господь!»

Такъ прошло много времени. По воскреснымъ днямъ я спѣшилъ на условную бесѣду. Г-жа Тедергартъ съ каждымъ разомъ казалась счастливѣе, что видитъ меня; она ласкала меня, окружала нѣжными попеченіями, спрашивала меня съ материнскою заботливостію о моихъ занятіяхъ, нуждахъ и о моихъ юношескихъ мечтахъ. То улыбалась она моимъ наивнымъ разсказамъ, то поощряла меня къ труду, и если въ рѣчахъ моихъ встрѣчалось что-нибудь достойное порицанія, она дѣлала мнѣ кроткіе и ласковые выговоры.

Мнѣ тоже хотѣлось узнать исторію ея жизни и послушать ея вос-

помянія. Въ обычномъ выраженіи ея взгляда, въ медленности голоса отзвѣвалась печаль, которой я вполне сочувствовалъ, печаль для меня необъяснимая. Открытая и привлекательная фізіономія, большіе голубые глаза, непотускнѣвшіе отъ времени, губы, освѣтлѣвшіяся иногда кроткою улыбкой, тонкое и граціозное очертаніе лица—все показывало, что въ свое время г-жа Тедергартъ была красавицей. Часто приходило мнѣ на мысль: не скрывалась-ли подъ тайною ея жизни одна изъ тѣхъ неугасаемыхъ страстей, которыя нерѣдко играютъ красотою. Быть можетъ, думалъ я, печаль ея происходитъ отъ горькаго разочарованія сердца, отъ одного изъ тѣхъ глубокихъ воспоминаній, которыя не изглаживаются и временемъ. Но каждый разъ, какъ я заговаривалъ съ нею о дняхъ ея молодости, она вдругъ становилась серіозною, устремляла на меня грустный взоръ, и я горько раскаивался въ моей нескромности. Я могъ бы, съ помощью друзей, узнать кое-что отъ сосѣдей, но стыдно мнѣ было употреблять такое средство для вывѣдыванія тайны, которой не хотѣла мнѣ открыть моя благодѣтельница. Да и нуждался-ли я въ этой неясной исторіи прошедшаго? Какое дѣло мнѣ было до ея странной привязанности ко мнѣ? Эта привязанность составляла мое счастье. Я питалъ къ г-жѣ Тедергартъ уваженіе и сыновнюю любовь; она была ко мнѣ снисходительна и нѣжна, какъ родная мать. При каждомъ посѣщеніи, я становился съ нею откровеннѣе. Послѣ обѣда мы оставались одни въ маленькой залѣ и проводили, по цѣлымъ часамъ, въ бесѣдѣ, какъ-будто ужъ давнымъ-давно знали другъ-друга. По воскресеньямъ, всегда съ изобрѣтательною заботливостью находила она какое-нибудь новое средство обогатить меня, не оскорбляя, и если я не рѣшался принимать ея подарки—«Возьмите!—говорила она:—вы какъ-будто осуществили мою мечту... вы осчастливили меня. Самъ Богъ, пославшій мнѣ васъ, услышалъ наши моленія: вамъ далъ онъ великодушную помощь, а мнѣ отраду въ моемъ горѣ.»

Однажды, когда я настойчивѣе обыкновеннаго отказывался отъ ея предложеній, она мнѣ сказала съ полусеріознымъ и полувеселымъ вивомъ: «Я не такъ безкорыстна, какъ вы думаете; я еще хочу просить васъ объ одномъ одолженіи...» Тутъ она остановилась.—О нѣтъ, не смѣю я. это безразсудство, котораго вы не поймете... вы будете смѣяться надо мною.—«Говорите,—сказалъ я ей:—говорите, я слѣпо уважаю всѣ ваши желанія и всегда сочту ихъ благородными.—«Я хотѣла бы... но, въ-самомъ-дѣлѣ, моя просьба васъ удивить... Хоть однажды я хотѣла бы видѣть на васъ зеленый фракъ съ металлическими пуговицами, и свій плюшевый жилетъ. Этотъ нарядъ ужъ не въ модѣ и, навѣрно, вы постыдитесь показаться въ немъ передъ товарищами; но одѣньтесь

такъ только однажды... однажды для вашей старой подруги!..—«Да, вскричалъ я съ энтузіазмомъ,—не только однажды, но и всегда я стану такъ одѣваться, если вы этого желаете.»

Разставшись съ нею, я отправился къ портному. Добряку страннымъ показалось, что я заказываю платье, какое носили лѣтъ за двадцать назадъ; но всё его убѣжденія не произвели на меня никакого вліянія, и онъ принялся за работу.

Въ слѣдующее воскресенье я нарядился въ широкополый фракъ, длинный жилетъ, и пошелъ къ г-жѣ Тедергартъ. На улицѣ прохожіе останавливались и смотрѣли на меня съ удивленіемъ; если бѣ это случилось во время карнавала, вѣрно, каждый подумалъ бы, что я отправляюсь въ маскарадъ въ такомъ старомодномъ костюмѣ. Но мнѣ было не до постороннихъ замѣчаній: я радовался, что могъ исполнить желаніе моей благодѣтельницы, хотя, правду сказать, я и находилъ это желаніе немногимъ-страннымъ. Увидя меня, г-жа Тедергартъ изумилась; она приближается, разсматриваетъ меня въ молчаніи съ головы до ногъ; складываетъ руки и опять смотритъ съ выраженіемъ восторга.—«Погодите,—говорила она, отводя меня въ глубину залы:—вашъ нарядъ еще неудовлетворителенъ.» Она вынимаетъ изъ шкафа бѣлый вышитый платокъ и замѣняетъ имъ мой атласный галстухъ. «Боже мой! Боже мой! восклицаетъ она, и взявъ меня за руку, устремляетъ на меня пристальный взоръ и въ волненіи не можетъ произнести ни слова. Между-тѣмъ, какъ мы безмолвствовали, входитъ одна изъ подругъ г-жи Тедергартъ. Взглянувъ на меня, она не могла удержаться отъ восклицанія:—«Карль!..» При этомъ магическомъ имени, г-жа Тедергартъ закрываетъ лице руками и, рыдая, удаляется въ другую комнату. «Это Карль!» повторяетъ ей подруга, приближаясь ко мнѣ:—«Видано-ли гдѣ сходство еще разительнѣе этого!»—Но кто этотъ Карль, который знакомъ вамъ? вскричалъ я.—«Какъ! развѣ вы не знаете?—сынъ моей подруги... сынъ, котораго она не перестаетъ оплакивать,» и, подойдя къ большой покрытой картинѣ, которую я замѣтилъ въ первый день моего прихода къ г-жѣ Тедергартъ, она отдергиваетъ крепъ: я вижу молодаго человѣка моихъ лѣтъ, одѣтаго также какъ и я былъ одѣтъ въ эту минуту, и похожаго на меня такъ, что и живописецъ не изобразилъ бы точнѣе моего портрета, и зеркало не представило бы вѣрнѣе моего изображенія.—«О! бѣдная страдалица! вскричалъ я:—о! несчастная мать! теперь повятны мнѣ всё ея муки... все ея горе и обманчивый восторгъ!..»

Г-жа Тедергартъ возвратилась въ залу. Она была блѣдна и разстрое-

на; краснота ея глазъ показывала, что она много плакала.—«Тереза, сказала она своей пріятельницѣ,—приходи ко мнѣ... не забудь... а теперь оставь меня: я хочу на свободѣ предаться моимъ воспоминаніямъ.» Подруга, молча, пожала ей руку и удалилась. Бѣдная мать, въ изнеможеніи опустилась на стулъ; потомъ, взявъ меня за руку и взглянувъ на портретъ, освобожденный отъ покрова, она сказала: «Теперь вы знаете все... вы знаете, отчего я была разстроена, увидя васъ на улицѣ, передъ моимъ домомъ, отчего я искала частыхъ свиданій съ вами и отчего полюбила васъ. Простите: моя привязанность къ вамъ была внушена воспоминаніемъ. Признаюсь, сперва я искала въ васъ одного только наружнаго сходства; сходство фізіономіи, конечно, произвело бы на меня мимолетное впечатлѣніе, но нѣтъ, я нашла сходство души и характера и почувствовала къ вамъ какое-то непреодолимое влеченіе, нѣжность и признательность, какъ-будто вы сами приготовили это сходство, чтобъ подарить мнѣ обманчивое счастье... пріятную мечту. Увы! тотъ, чей вы здѣсь видите портретъ, того, который имѣлъ съ вами такое разительное сходство, и чье имя, по странной игрѣ случая, вы носите, какъ вы, онъ былъ молодъ, добръ и честенъ! Къ несчастію, онъ не имѣлъ вашей разсудительности и любилъ веселое общество и друзей... И зала, которая показалась бы другому роскошною—для него она была слишкомъ бѣдна; городъ нашъ казался ему мрачнымъ, а родина тѣсна; онъ стремился къ дѣльямъ, для него самого непонятнымъ, душа его жаждала великаго, необъятнаго... Отдаленныя путешествія, опасныя предпріятія,—вотъ что нравилось его живому и пылкому воображенію. Я могла ему оставить довольно значительное состояніе; хотя я и торгую мелочнымъ товаромъ, но не принадлежу къ бѣднѣйшему классу жителей Утрехта. Не богатства желалъ онъ, а славы, славы опасностей, случайностей и вѣрныхъ успѣховъ, славы Гутмановъ, Гемскерковъ—этихъ храбрыхъ голландскихъ мореплавателей. Океанъ былъ его любимую стихію, и сколько разъ, видя его намѣренія, говорила я ему, какъ бѣдная мать, которую изображаетъ поэтъ Фрисландіи—Жихсбертъ Япикъ: «Карль! Карль! зачѣмъ ты хочешь оставить меня? Неужели тѣсенъ тебѣ родной городъ, печаленъ родительскій домъ? Неужели видъ города, радости семейнаго очага, безграничная нѣжность моя, лелѣвшая твою юность, не веселятъ уже твою душу и воображеніе? Отецъ его, котораго власть была бы въ этомъ случаѣ сильнѣе, уже не существовалъ, и всѣ мои заклинанія и просьбы были тщетны. Любимый мой сынъ, мой сынъ единственный—уѣхалъ! Сегодня ровно двадцать лѣтъ, какъ я простилась съ нимъ на амстердамскомъ рейдѣ... двадцать лѣтъ, какъ я его видѣла въ послѣдній разъ! Онъ погибъ при кораблекрушеніи, и съ

того дня, какъ дошло до меня это ужасное извѣстіе, я не знала радостей, и до-тѣхъ-поръ, пока не встрѣтила васъ, я, предаваясь безумному заблужденію, старалась сочетать образъ, начертанный въ моей памяти съ тѣмъ, который существовалъ передъ моими глазами. Но въ вашемъ присутствіи я испытывала и радость и горе; я не могла бесѣдовать съ вами о моемъ сынѣ, котораго вы такъ живо и поразительно напоминали мнѣ. Неправда-ли, иногда вы находили во мнѣ много странностей и причудъ? Теперь все объяснилось... вы знаете теперь, сколько страданій перенесла я; и если не изъ признательности, то по-крайней-мѣрѣ изъ сожалѣнія полюбите меня больше прежняго.» Слишкомъ много тревоги испытало мое сердце въ эти минуты отъ внутренняго страданія! «О! скажите мнѣ,—продолжала она:—увѣрьте меня по-крайней-мѣрѣ, что я не перестану васъ видѣть!.. что вы не предадитесь, какъ мой несчастный Карлъ, опасностямъ мореплаванія... Послушайтесь старой подруги... Не только для себя прошу я васъ, но и для вашей матери. Вы не знаете, чего стоитъ сердцу матери разставаться съ сыновьями... чего не перечувствуютъ онѣ, когда безпечные юноши мчатся по бурнымъ волнамъ, а въ то время бушуетъ вѣтеръ, и небо подернуто тучами!.. Нѣтъ, отвѣчалъ я ей:—у меня и въ мысляхъ не было покидать отечества и за моремъ искать неяснаго, мечтательнаго счастья. Я остаюсь здѣсь, съ вами, съ моими родными; сдѣлаюсь честнымъ судьей, мирнымъ утрехтскимъ гражданиномъ, добрымъ отцемъ семейства; стану ходить каждый день аккуратно въ судъ, а вечеромъ буду лѣниво покуривать трубку, прихлебывая ароматный чай. Вотъ моя будущность; другой я и не желаю. «Прекрасно,—сказала бѣдная мать:—Боже мой! отчего мой сынъ не любилъ семейной, тихой жизни? Я не потеряла бы его и была бы счастливою матерью. Но по-крайней-мѣрѣ вы—живое изображеніе его—вы остаетесь мнѣ, и я благодарю небо, что оно озаряетъ мое несчастье, можетъ-быть, послѣднимъ лучемъ радости, осуществивъ вами послѣднее мечтаніе моего сердца.»

Съ этой минуты отношенія мои къ г-жѣ Тедергартъ сдѣлались коротко-дружественными. Я чаще сталъ посѣщать ее, въ чемъ успѣвалъ въ одинъ день нѣсколько разъ. Съ-тѣхъ-поръ, какъ я узналъ тайну ея печали, мнѣ сдѣлалось понятно ея мечтаніе, и я сердечно радовался при мысли, что мое присутствіе развлекаетъ ея грусть, полную воспоминаній прошедшаго. Съ каждымъ днемъ также добрая старушка удваивала попеченія и заботы обо мнѣ. Съ какой изобрѣтательностью отгадывала она мои желанія и удовлетворяла мои прихоти! Можно было думать, что она страшилась разлучиться со мною, какъ съ роднымъ сыномъ, и поэтому, окружая меня предупредительностью и ласками, старалась сильнѣе убѣ-

даться въ моей сердечной привязанности къ ней и вѣрнѣе удержать меня отъ предприимчивостей молодости.

Такъ прошло нѣсколько лѣтъ. Всѣ, считавшіе прежде г-жу Тедергартъ странною женщиной, всѣ были живо тронуты, узнавъ, сколько горя испытала она. Товарищи мои, смѣявшіеся надъ ея привязанностью ко мнѣ, одинъ за другимъ, сѣѣли извиниться предъ нею въ своемъ проступкѣ. Батюшка и матушка пріѣхали навѣстить меня. Я проводилъ ихъ къ моей благодѣтельница. «Оставьте мнѣ вашего Карла, — сказала она: — я позабочусь о немъ... Пусть онъ будетъ моимъ пріемнымъ сыномъ!.. Я не заставлю его перемѣнить имя, не лишу его вашей любви... Еще нѣсколько времени, и онъ возвратится въ ваши объятія. Я не дѣлаю его своимъ наслѣдникомъ по контракту нотариуса, оттого, что лучший и вѣрнѣйшій контрактъ здѣсь!» прибавила она, указывая на сердце.

Она скончалась, благословивъ меня, и я оплакалъ ее, какъ плакалъ бы надъ родною матерью. По духовной я дѣлался ея единственнымъ наслѣдникомъ. Въ концѣ своего завѣщанія она писала: «У меня нѣтъ другихъ родственниковъ, кромѣ старой двоюродной сестры, но она богата. Карлъ можетъ, по своему желанію, предложить ей часть моего имѣнія; прошу его только — и это послѣдняя воля умирающей — пусть онъ сохранитъ бѣльшую часть для себя.» Сверхъ-того, она оставила, навѣчно, ежегодный пенсіонъ изъ ста флориновъ, назначавшійся женѣ моряка, лишившейся сына при кораблекрушеніи. Благодаривъ исполнить я это завѣщаніе. Старушка, двоюродная сестра, отказалась отъ предложенной ей части наслѣдства, и я сдѣлался владѣльцемъ неожиданнаго богатства. На слѣдующій годъ я женился, получивъ мѣсто судьи въ Утрехтѣ. Моего старшаго сына зовутъ Карломъ; дочь моя носитъ имя моей благодѣтельницы, а жена моя, дѣти и я, каждый день за нее молимся.»

Окончивъ свой разсказъ, голландецъ отвернулся, и я замѣтилъ, что онъ отеръ рукою невольною скатившуюся слезу. Толстый и жирный товарищъ его, котораго тяжеловѣсные члены явно были укрѣплены ростбифомъ, а щеки разцвѣчены джиномъ, прервалъ молчаніе:

«Вотъ видите, — сказалъ онъ: — этотъ разсказъ вполне опровергаетъ

ложное мнѣніе неблагонамѣренныхъ путешественниковъ. Голландцы во все не безчувственны, и я знаю исторію, которая... Но вотъ уже мы и въ Ньюдѣшпѣ.» Говоря это, онъ поднялся, слегка поклонился намъ и отправился на берегъ. Молодая женщина ждала его на пристани и, встрѣтивъ, съ трогательною радостью бросилась къ нему въ объятія; два ребенка, съ пухленькими розовыми щечками повисли у него на сюртукѣ, и счастливый путникъ скоро исчезъ изъ глазъ нашихъ съ своею драгоценною ношею. Быть-можетъ, въ этомъ и заключалась его неразсказанная исторія.

ПУТЕШЕСТВІЕ СЪ ГУМБОЛЬДТОМЪ

ВЪ НЕБЕСНЫЯ ПРОСТРАНСТВА.

Гумбольдтъ въ своемъ, въ высшей степени интересномъ космосѣ раздѣляетъ астрономію на два особые отдѣла: на ученіе о звѣздномъ небѣ, и на ученіе о нашей солнечной системѣ, въ которую входятъ всѣ планеты съ ихъ спутниками, кометы, и проч. Мы намѣреваемся вмѣстѣ съ знаменитымъ ученымъ предпринять теперь любопытное *путешествіе въ небесныя пространства*.

Изъ этой части мірозданія, въ которой находится наша земля, мы можемъ видѣть только малую часть небесныхъ тѣлъ, составляющихъ вселенную. Вооруживъ, однакожь, свой глазъ сильнымъ телескопомъ и обративъ его на небо, проникаемъ въ такія глубины, въ такія бездны безграничнаго пространства, что чувствуемъ потребность возвратиться къ нашей солнечной системѣ, чѣмъ нестись въ новыя глубины, предъ которыми цѣпенѣтъ самая мысль!

Наша земля кажется намъ очень великою въ сравненіи съ человекомъ. Но одни русскіе, взявшіе за руки, могли-бы составить живую цѣпь вокругъ всей земли, по большому ея кругу; для этого потребова-

лось-бы только 37 миллионѣвъ челоѣкъ *. Такъ путешественникъ измѣряетъ стволъ гигантскаго дерева числомъ людей, нужныхъ для его объема.

Солнце удалено отъ насъ на 12,000 земныхъ діаметровъ, такъ-что, если бъ по прямой линіи отъ земли къ солнцу поставить 12,000 земныхъ шаровъ одинъ на другой, послѣдній коснулся-бы солнца. Длину этого мысленнаго моста неудобно уже измѣрять земными мѣрами. Такимъ-образомъ, земля наша весьма велика въ сравненіи съ однимъ челоѣкомъ; разстояніе солнца отъ земли весьма велико въ сравненіи съ діаметромъ земли, имѣющимъ, примѣрно, 12,000 верстъ; разстояніе между двумя ближайшими звѣздами, то-есть, между двумя со-сѣдними солнцами, почти безмѣрно въ сравненіи съ разстояніемъ земли отъ солнца; оно, по-крайней-мѣрѣ, въ 200,000 разъ болѣе этого послѣдняго разстоянія. И такъ, удаленіе самой ближайшей къ намъ звѣзды будетъ, примѣрно, $12,000 \times 12,000 \times 200,000$ всего 28,800,000,000,000 верстъ.

Возможно-ли теперь постигнуть глубину пространства, въ которомъ разсыпано безчисленное множество окружающихъ насъ звѣздъ, начиная отъ самыхъ яркихъ, то-есть отъ звѣздъ первой величины, до двѣнадцатой, пятнадцатой и двадцатой величины? Но это еще не все. За самыми малѣйшими звѣздами небо не составляетъ пустаго пространства; другія чуть-чуть мелькающія звѣздочки, соединяясь въ густой слой, образуютъ такъ называемый млечный путь. Въ какомъ-же отъ насъ разстояніи должны находиться самыя отдаленнѣйшія звѣзды этого пояса, составляющаго какъ-бы звѣздный островъ въ безпредѣльномъ пространствѣ неба!

Между-тѣмъ млечный путь или звѣздный островъ, не одинъ. Вилліамъ и Джонъ Гершели (отецъ и сынъ) насчитали до 4000 такихъ острововъ, или туманныхъ пятенъ, отъ которыхъ свѣтъ, пробѣгая въ одну секунду времени около 300,000 верстъ, долженъ употребить по-крайней-мѣрѣ 10,000 вѣковъ, чтобы до насъ достигнуть

Такія разстоянія не имѣютъ уже никакихъ отношеній къ нашимъ земнымъ мѣрамъ; мысль наша не можетъ составить о нихъ яснаго понятія, и мы отказываемся отъ дальнѣйшихъ изысканій: не существуютъ-ли за этимъ рубежемъ новыя небесныя тѣла, потому только невидимыя,

* Большой кругъ земли содержитъ въ себѣ около 37,000 верстъ. Полагая на каждую версту, для составленія непрерывной цѣпи, по 1000 чел., т. е. по два на каждую сажень, потребуетъ, для опоясанія всей земли 37,000,000.

что разстояніе ихъ отъ насъ безмѣрно, или потому, что лучъ свѣта не успѣлъ еще отъ нихъ долетѣть до насъ.

Впрочемъ, дѣйствительно есть великія темныя тѣла, которыхъ мы не видимъ, но существованіе которыхъ не подвержено сомнѣнію съ-тѣхъ-поръ, какъ явившаяся въ 1572 году новая звѣзда, нѣсколько мѣсяцевъ поражала всѣхъ необыкновеннымъ своимъ блескомъ и потомъ мало-по-малу угасла. Подобныя явленія повторялись въ разныхъ созвѣздіяхъ и убѣждаютъ насъ въ существованіи огромныхъ темныхъ тѣлъ, которыми заслоняются такія звѣзды.

Теперь обратимъ нашъ телескопъ на какое-нибудь изъ прекрасныхъ туманныхъ или млечныхъ пятенъ, такъ называемыхъ по сходству ихъ съ слабымъ сіяніемъ млечнаго пути. Мы съ восхищеніемъ увидимъ, что это маленькое бѣловатое, блѣдное облачко магически превращается въ кучу брилліантовыхъ точекъ изумительнаго блеска, или въ песчаный надъ моремъ берегъ, котораго всѣ песчинки блестятъ чистымъ, постояннымъ свѣтомъ! Нельзя довольно налюбоваться этимъ дивнымъ зрѣлищемъ!

Авторъ Космоса довольно бѣгло говоритъ объ усовершенствованіи телескоповъ съ ахроматическими стеклами и зеркалами. Онъ упоминаетъ о рефракторахъ съ 14 дюймовыми отверстіями на обсерваторіяхъ пулковской, кембриджской и парижской, о зеркальныхъ телескопахъ Вилліама Гершеля съ 4-хъ-футовымъ діаметромъ при длинѣ въ 40 футовъ, 3-хъ-футовомъ Ласселя и гигантскомъ—лорда Росса отъ 50 до 60 футовъ въ длину съ зеркаломъ въ 6 фут. въ діаметрѣ. Потомъ слѣдуютъ любопытныя подробности объ относительномъ блескѣ звѣздъ, о ихъ сверканіи, о видимости ихъ среди дня посредствомъ телескопа, о несовершенной прозрачности небесныхъ пространствъ, объ оптической разности между свѣтомъ, истекающимъ отъ тѣлъ твердыхъ, жидкихъ и газообразныхъ, о свѣтѣ непосредственно исходящемъ и отраженномъ, о скорости свѣта, о сравнительномъ свѣтѣ солнца и звѣздъ и въ особенности объ отношеніи солнечнаго свѣта къ свѣту полной луны. (Это отношеніе—какъ 800,000: 1, то-есть, что солнце почти въ миллионъ разъ свѣтлѣе полной луны). Гумбольдтъ, согласно съ Гершелемъ, показываетъ, что Сиріусъ самая блестящая звѣзда на небѣ, будучи въ равномъ разстояніи отъ насъ съ солнцемъ, въ 63 раза превзошелъ-бы его сіяніемъ. И такъ мы должны, говоритъ онъ, причислить наше солнце къ звѣздамъ посредственнаго блеска. Впрочемъ, по вычисленіямъ Джона Гершеля (*Outlines of Astronomy* p. 553) выходитъ, что Сиріусъ въ $146\frac{1}{2}$ разъ былъ-бы свѣтлѣе нашего солнца при равныхъ разстояніяхъ.

Сколько же можно видѣть на небѣ звѣзд простымъ глазомъ, и въ телескопѣ? сколько помѣщено ихъ въ каталогахъ и сколько считается звѣздъ каждой величины? Не вдаваясь по этому предмету во всѣ интересныя подробности Космоса, означимъ однако жъ, нѣкоторыя цифры. По Аргеландеру, мы можемъ простымъ глазомъ видѣть на небѣ отъ 5 до 6,000 звѣздъ. Зоркій глазъ можетъ доходить до звѣздъ 6-й величины. По мѣрѣ уменьшенія блеска звѣздъ, число ихъ быстро увеличивается. Первой величины звѣздъ считается 20, второй 65, третьей 190, четвертой 425, пятой 1,000, шестой 3,200, седьмой 13,000, восьмой 40,000, девятой 142,000, всего до 200,000 звѣздъ. Какое же будетъ число ихъ по этой прогрессіи, когда дойдемъ до звѣздъ двадцатой величины! Каталогъ Даланда содержитъ въ себѣ 47,000 звѣздъ; болѣе 32,000 звѣздъ находится въ зонахъ Бесселя, вычисленныхъ директоромъ краковской обсерваторіи Вейсомъ *. Изъ послѣднихъ 32,000 звѣздъ, 20,000 звѣздъ девятой величины. Вилліамъ Гершель, посредствомъ своего 40-футоваго телескопа, насчитываетъ въ одномъ млечномъ пути до 18 милліоновъ звѣздъ. Но скажутъ, какая польза въ точнѣйшемъ опредѣленіи такого множества звѣздъ? Польза таже самая, которая побудила Гиппарха, назадъ тому 2000 лѣтъ, составить знаменитый его каталогъ, а именно, для обнаруженія малѣйшихъ измѣненій въ положеніи, такъ называемыхъ, неподвижныхъ звѣздъ. Изъ сравненія этихъ измѣненій дошли до удивительнаго открытія, что и солнце наше, со всѣми планетами, довольно быстро несется къ одной точкѣ, находящейся въ созвѣздіи Геркулеса, чувствительно отдаваясь отъ противоположной точки. Наконецъ въ каталоги вносятся вновь открываемыя звѣзды и малыя планеты, астероиды. Число послѣднихъ простирается теперь до 27.

Изъ наблюденій открываются также господствующіе цвѣта въ свѣтѣ звѣздъ. Такъ, напримѣръ, Арктуръ въ созвѣздіи Пастуха, Альдебаранъ въ Тельцѣ и Антаресъ въ Скорпіонѣ—звѣзды красноватыя; но всего удивительнѣе, что самая блестящая на небѣ звѣзда Сиріусъ, которую всѣ въ древности, и самъ Птоломей, находили звѣздою красною, теперь блеститъ самымъ чистѣйшимъ бѣлымъ свѣтомъ. Здѣсь должно предупредить читателей, живущихъ въ большихъ городахъ и пользующихся газовымъ освѣщеніемъ, которое, вообще имѣя красноватый свѣтъ, производитъ что звѣзды самага чистѣйшаго бѣлага свѣта, при искусственномъ освѣщеніи, кажутся намъ нѣсколько голубоватыми. Бѣлый свѣтъ луны, отражаемый

* Согласно г. Хайнду (1853), мы имѣемъ теперь болѣе 132,000 звѣздъ, означенныхъ въ каталогахъ.

иногда въ водѣ, на улицахъ, подвергается тому же дѣйствию. Знаменитый астрономъ Лаландъ приписывалъ Сиріусу цвѣтъ голубоватый, но Араго не попалъ въ подобную ошибку. Во время Тихобраге, Сиріусъ уже горѣлъ чистымъ бѣлымъ свѣтомъ; Гумбольдтъ приближенно означаетъ даже эпоху, въ которую могла послѣдовать перемѣна въ цвѣтъ этой звѣзды. Лира, Лебедь, Сердце Льва, Дѣва—звѣзды цвѣта бѣлага; Малая собака, Орель звѣзда полярная и звѣзда, означенная греческою буквою β Малой Медвѣдицы — желтая. Не должно еще терять изъ виду, что, отъ вліянія голубаго цвѣта неба, всѣ вообще звѣзды кажутся намъ нѣсколько красноватыми; но на высокихъ горахъ, особенно въ странахъ тропическихъ, открывается настоящій цвѣтъ звѣздъ. Есть маленькія звѣздочки, которыя Джонъ Гершель наблюдалъ на Мысѣ Доброй Надежды, похожія на капли крови. Изъ звѣздъ двойныхъ часто случается, что онѣ бываютъ различнаго цвѣта. Въ иныхъ туманныхъ пятнахъ, или звѣздныхъ кучахъ, всѣ солнца кажутся одинаковаго цвѣта, напримѣръ, голубоватаго, а въ другихъ, наприм., въ туманномъ пятнѣ Лакалля, близъ созвѣздія Южнаго Креста, сильнѣйшіе телескопы открываютъ болѣе ста звѣздъ, блистающихъ различными цвѣтами: краснымъ, зеленымъ, голубымъ: это точно ожерелье изъ драгоценныхъ камней!

Далѣе, авторъ Космоса обозрѣваетъ млечный путь, показывая направленіе его чрезъ небесныя созвѣздія, отношенія къ отдѣльнымъ туманнымъ пятнамъ и глубокія въ разныя мѣста проніцанія въ его густоту. Одно изъ замѣчательнѣйшихъ особенностей этого великаго туманнаго пятна есть, такъ называемый, угольный мѣшокъ, какъ-бы глубокой каналъ въ бездны міроваго пространства, откуда ни одна звѣздочка не посылаетъ къ намъ своего луча, потому ли, что ихъ вовсе тамъ нѣтъ, или потому, что свѣтъ отъ нихъ не успѣлъ еще до насъ достигнуть. Этотъ загадочный угольный мѣшокъ замѣченъ былъ еще въ первое плаваніе Америка Веспудія. Когда обсерваторія Мыса Доброй Надежды снабдится сильнымъ телескопомъ, мы узнаемъ, можетъ-быть, много любопытнаго о ложномъ небѣ, которое хотя и бѣдитъ блестящими звѣздами въ сравненіи съ нашимъ, сѣвернымъ, но богаче разными особенностями, требующими точнѣйшихъ наблюденій. Чрезвычайно интересно изложеніе Гумбольдта относительно появленія и исчезанія новыхъ звѣздъ. Въ 1572 году показалаеь въ Кассіопеѣ знаменитая звѣзда, которая превосходила блескомъ своимъ Сиріуса, Юпитера и Венеру. Среди дня можно было ее видѣть простыми глазами, даже сквозь легкія облака. Явленіе ея продолжалось 17 мѣсяцевъ. Подобныя, временно блестящія звѣзды, были наблюдаемы: въ 1600 году въ Лебедѣ, и въ 1604 въ Зміеносцѣ. За 134 года до нашей эры, явилаеь также

новая звѣзда, подавая, какъ говоритъ Плиніи, поводъ Гиппарху къ составленію его знаменитаго каталога.

Неменѣ замѣчательны звѣзды, періодически измѣняющія свой блескъ. Гумбольдтъ знакомитъ насъ съ 24 такими любопытными свѣтилами. Но что сказать о звѣздахъ, которыя, какъ *I* корабля, вдругъ перемѣняется изъ четвертой въ первую величину, и увеличиваетъ свой блескъ во сто разъ? Если у этихъ звѣздъ, теплота соразмѣрна съ блескомъ, то что должно послѣдовать съ планетами, обращающимися въ области столь странныхъ свѣтилъ, и что должны испытывать ихъ жители? Авторъ Космоса излагаетъ, какое дѣйствіе подобный кризисъ съ нашимъ солнцемъ произвелъ бы на землю. Такой кризисъ онъ не полагаетъ невозможнымъ. «Отчего (говоритъ онъ) наше солнце въ этомъ случаѣ было бы различно отъ другихъ? Это не очень утѣшительно для будущаго, Гумбольдтъ впрочемъ находитъ достаточную въ этомъ причину для объясненія бывшихъ съ земнымъ шаромъ переворотовъ. Мы думаемъ съ Лапласомъ, что постепенное сгущеніе міровой матеріи также достаточно объясняетъ геологическія съ нашею планетою измѣненія. Что касается до внушаемыхъ Гумбольдтомъ опасеній, вѣроятно они не нарушать спокойствія ни одного обитателя нашей планеты, потому-что изъ 200,000 солнцевъ, начиная отъ первой величины до десятой, только самая малѣйшая часть подвержена такому раскаленію. Но перейдемъ къ двойнымъ звѣздамъ.

Здѣсь невольно я долженъ упомянуть о тяготѣніи — великомъ законѣ природы, открытомъ Ньютономъ, по которому все движенія свѣтилъ небесныхъ объясняются весьма просто изъ началъ механики. Напримеръ: луна, вѣрная наша спутница, слѣдуя за землею въ годичномъ ея пути около солнца, ежемѣсячно обращается одинъ разъ около земли и около своей оси, не удаляясь отъ земли и не падая на нее. Какая же сила удерживаетъ луну? отчего она не уйдетъ отъ земли? отчего не упадетъ на землю? Вотъ этому простая, общепонятная причина.

Луна, какъ и всякое вещественное тѣло, стремится падать на землю. Такъ думалъ Ньютонъ, видя, какъ въ саду падаетъ на землю яблоко съ высокаго дерева, вершину котораго онъ мысленно поднималъ до самой луны. Въ-самомъ-дѣлѣ, нѣтъ причины назначать границу высотъ, съ которой отдѣленное отъ дерева яблоко перестаетъ на землю падать: отсюда Ньютонъ и заключилъ, что луна точно такъ какъ и яблоко, стремится къ землѣ. Отчего-же не упадетъ она на землю?

Кромѣ стремленія къ землѣ, луна имѣетъ еще быстрое движеніе въ небесномъ пространствѣ отъ звѣздъ западныхъ къ звѣздамъ восточ-

нымъ. Скорость ея по этому направленію равняется около одной версты въ секунду. Почему-же луна не улетитъ въ небесныя пространства, или, оставя землю, не начнетъ своего собственнаго обращенія около солнца?

Читатель угадываетъ изъясненіе: луна прямолинейнымъ своимъ движеніемъ на столько въ каждую секунду отъ земли удаляется, на сколько тяжестью своею въ тоже время къ ней стремится, и такимъ образомъ, оставаясь въ одномъ и томъ-же отъ земли разстояніи, всегда за нею слѣдуетъ. Вообразите лошадь, которая бѣгаетъ вокругъ человѣка на кордѣ: на сколько свободная лошадь скоростью своего бѣга удалилась-бы отъ человѣка, на столько въ то же время корда ее къ нему приближаетъ, потому она и описываетъ правильный кругъ, въ центрѣ котораго находится движущая ее сила. Точнохонько такъ вертится и луна вокругъ земли.

Этотъ законъ всеобщаго тяготѣнія не только объясняетъ, почему луна обращается около земли не покидая ее; но почему и земля обращается около солнца, надѣляющаго ее свѣтомъ и теплотою; почему движутся около него и всѣ прочія планеты нашей системы, съ ихъ спутниками, или лунами, населенныя, можетъ-быть, также разумными существами. Что-же сказать теперь о безпредѣльности мірозданія, если каждая звѣзда, то-есть, каждое солнце, по весьма натуральной аналогіи, признается центромъ многочисленныхъ планетъ, освѣщаемыхъ и согрѣваемыхъ этими милліонами милліоновъ солнцевъ? Сколько-же будетъ во вселенной всѣхъ мыслящихъ существъ?

Но если доселѣ и на планетахъ, которыя, какъ-бы сестры нашей земли, мы не могли еще рассмотретьъ жителей, то, безъ сомнѣнія, никогда не достигнемъ до познанія существъ, населяющихъ планеты другихъ солнечныхъ системъ. Да и самыя планеты такихъ солнцевъ довольно освѣщены, чтобъ мы могли ихъ видѣть. Все, что мы можемъ наблюдать въ планетахъ нашей системы, ограничивается климатами, временами года и явленіями, которые и нашей землѣ свойственны.

Кто повѣритъ, что звѣзды, изъ которыхъ самая ближайшая отстоитъ отъ насъ на 200,000 разъ далѣе чѣмъ солнце, могутъ доставить, какъ падающее на землю яблоко, какъ движущаяся около земли луна, какъ обращающіяся вокругъ солнца планеты, могутъ доставить, говорю, доказательства этой всеобщей силы тяготѣнія, которая заставляетъ всѣ матеріальныя тѣла вселенной стремиться другъ къ другу и связываетъ ихъ между собою такимъ образомъ, что они обращаются въ вѣчныхъ кругахъ, уравнивая безпрестаннымъ паденіемъ то уда-

леніе, которое неминуемо послѣдовало—бы отъ свободнаго ихъ движенія? Такое явленіе представляютъ намъ двойныя звѣзды. Телескопъ обнаружилъ, что многія тысячи звѣздъ, для простаго глаза одинокія, состоятъ изъ двухъ или нѣсколькихъ весьма близкихъ между собою звѣздъ, изъ которыхъ однѣ около другихъ обращаются; изъ чего мы должны заключать, что сила притяженія существуетъ и въ этихъ отдаленнѣйшихъ предѣлахъ еще видимаго міра. Внимательное разсмотрѣніе заставляетъ насъ убѣдиться, что дѣйствія этого закона суть тѣ же самыя, какъ и въ нашей солнечной системѣ. Зритель, находящійся близъ вѣтряной движущейся мельницы, замѣчая, что и на другихъ видимыхъ имъ возвышенностяхъ, вѣтряныя мельницы точно такъ же дѣйствуютъ, справедливо заключаетъ, что одинъ и тотъ-же вѣтеръ приводитъ въ движеніе всѣ мельницы.

Но какую любопытную хронологію представляютъ намъ обращающіяся одна около другой звѣзды! Напримѣръ, въ такомъ-то вѣкѣ, такого-то года, на извѣстномъ меридіанѣ маленькая звѣздочка стояла надъ большою; чрезъ 16 лѣтъ маленькая звѣздочка очутится въ правой сторонѣ, еще чрезъ 16 лѣтъ—внизу большой, еще чрезъ такой-же промежутокъ времени—влѣвъ и наконецъ, по прошествіи 64 лѣтъ, станетъ опять надъ большою звѣздою, на прежнемъ мѣстѣ. Это настоящій циферблатъ, на которомъ маленькая звѣздочка замѣняетъ стрѣлку.

Подобные періоды, состоящіе изъ нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, простираются до періодовъ, заключающихъ въ себѣ многіе вѣки; это солнца, вращающіяся около сосѣдственныхъ солнцевъ; для хронологіи они — небесныя вѣковые часы, неутомимые, неизмѣняемые, которые съ рубежей вселенной отсчитываютъ разумному человечеству годы, вѣки и вѣки вѣковъ. Одинъ астрономъ временъ Карла V извинялся, что слишкомъ уже далеко простеръ свои вычисленія, именно до 1600 года, какъ будто этотъ годъ былъ недоступною эпохою. Что сказали-бы этотъ астрономъ о періодахъ обращенія двойныхъ звѣздъ, продолжающихся десять и болѣе вѣковъ?

Много пройдетъ времени, говоритъ Бэконъ, пока умножатся человѣческія знанія. Впрочемъ, и при нынѣшнемъ состояніи астрономіи, мы сдѣлали столько уже успѣховъ въ этой наукѣ, что, кажется, трудно будетъ упрекнуть насъ въ невѣжествѣ. Между-тѣмъ изъясненіе многихъ любопытныхъ явленій позволяетъ намъ предполагать, что въ будущемъ разрѣшатся и тѣ, причина которыхъ намъ доселѣ еще не извѣстна. «Поздравимъ себя (говоритъ Сенека) съ тѣмъ, что уже открыли, и представимъ потомству принести свою дань въ сокровищницу знаній.»

Въ великолѣпной картинѣ Космоса заключаются всѣ сокровища современной астрономіи. Какъ ни стараемся мы сокращать наши очерки, но предметъ самъ-по-себѣ слишкомъ богатъ, и мы не можемъ здѣсь умолчать о скопленіяхъ звѣздъ, извѣстныхъ подъ названіемъ туманныхъ пятенъ. Вооружась телескопами Гершелей, Ласселя и Росса, или рефракторами пулковскимъ, американскимъ и парижскимъ, мы разлагаемъ эти бѣловатыя пятнышки на такое множество звѣздъ, что всѣ песчинки степеней Африки и Центральной Азіи не могутъ съ нимъ сравниться. Мы уже сказали, что оба Гершеля насчитали до четырехъ тысячъ такихъ пятенъ; что же будетъ, если разсмотримъ небо туманныхъ пятенъ телескопомъ лорда Росса, отверзтіе котораго уподобляется глазу великана, превышающаго въ десять разъ самую большую египетскую пирамиду?

Вотъ еще примѣръ безпредѣльности; но здѣсь удивляетъ насъ не число звѣздъ, а число вѣковъ. Все показываетъ намъ, что міровая матерія подлежитъ постепенному сосредоточиванію.

Звѣзды, сгущаясь на счетъ космической матеріи, подлежатъ взаимному сближенію по великому закону тяготѣнія, которое стремится всѣ матеріальныя тѣла одно къ другому. Но эти прямолинейныя движенія звѣздъ къ взаимному сближенію не удерживаются-ли движеніемъ вращательнымъ, о которомъ мы выше говорили? Мы обязаны Лорду Россу рисунками многихъ туманныхъ спиральныхъ пятенъ, то-есть, у которыхъ свѣтъ сгущается къ центру, какъ искры свѣта въ ракетномъ колесѣ, съ тѣмъ только различіемъ, что искры сыплются здѣсь не въ стороны, а къ центру. Если представится теперь вопросъ о времени, необходимомъ для совершенія процесса этого свѣтоваго сгущенія въ будущемъ—самое смѣлое воображеніе здѣсь цѣпветъ.

Метафизики желали бы переступить и эту границу еще зримаго міра. Иные воображаютъ существованіе безчисленнаго множества темныхъ, неосвѣщенныхъ, и потому невидимыхъ нами тѣлъ. Конечно, ничего нельзя сказать противъ этой теоріи. По аналогіи, метафизикъ можетъ идти отъ дѣйствительнаго къ возможному, и отъ возможнаго къ неостижимому. Но наши астрономическія знанія основаны на наблюденіяхъ и ограничиваются тѣмъ, что можно видѣть и измѣрять. Все, что сказано было выше о настоящемъ состояніи науки, доказываетъ, что самыя взыскательныя требованія достаточно могутъ быть удовлетворены въ отношеніи къ пространству матеріи и времени. Александръ Великій находилъ землю слишкомъ малою для своего честолюбія: «онъ задыхался,

(говорить Ювеналь) въ тѣсныхъ предѣлахъ земнаго шара.» Какому-же ученому честолюбію можетъ показаться малымъ міръ астрономическій?

Но пора отдохнуть въ нашей солнечной системѣ, посреди планетъ, кометъ и спутниковъ, въ области нашей центральной звѣзды. Если и есть звѣзды болѣе блестящія, чѣмъ наша, напримѣръ, Сириусъ, Свѣтлая Центавра, Канопъ и другія первой величины, мы вполне довольствуемся нашей, которой свѣтъ, теплота и прочія вліянія совершенно соответствуютъ земной природѣ. Гумбольдтъ обстоятельно изъясняетъ любопытнѣйшія подробности относительно состава солнца, его пятенъ, различныхъ оболочекъ, темнаго ядра, и проч. Я не буду и говорить ни объ этомъ, о ни блестящемъ огромномъ кольцѣ, окружающемъ нашу звѣзду, которое отражаетъ этотъ таинственный блескъ, называемый зодіакальнымъ свѣтомъ. Въ срединѣ этого матеріальнаго кольца Меркурій, Венера, Земля и, можетъ-быть, Марсъ обращаются около солнца. Я умолчу также о любопытныхъ массахъ дѣйствительно падающихъ на нашу землю изъ небесныхъ пространствъ; но только упомяну, что нигдѣ не говорится болѣе положительно и полно, болѣе согласно съ законами физическими, химическими и механическими, какъ въ Космосѣ о метеорическихъ камняхъ, огненныхъ шарахъ и падающихъ звѣздахъ. Послѣ обильной жатвы Гумбольдта, остается только подобрать нѣсколько колосцевъ изъ древнихъ хроникъ. Дѣло идетъ о метеорахъ въ царствованіе Карла Великаго. Въ это время было нѣсколько солнечныхъ затмѣній; простымъ глазомъ видно было темное пятно въ солнцѣ; въ Аахенѣ было сильное землетрясеніе; въ послѣднее его путешествіе въ Саксонію свѣтъ, подобный факелу, пронесся предъ нимъ и испугалъ его лошадь. Чтѣ должны были думать о такихъ метеорахъ современники Карла Великаго, когда мы сами едва познаемъ ихъ происхожденіе и свойство? Вещества, принесенныя болидами на нашу землю, не показали никакихъ новыхъ элементовъ; это доказываетъ, что природа самыхъ малѣйшихъ планетъ, съ которыхъ являются къ намъ, такъ называемыя, падающія звѣзды, одинакова съ нашею землею, которая носится въ тѣхъ-же небесныхъ около солнца пространствахъ.

Планеты разсматриваются въ Космосѣ съ различныхъ, весьма интересныхъ точекъ зрѣнія. Тутъ заключается вѣрный списокъ открытія всѣхъ планетныхъ тѣлъ со времени изобрѣтенія телескопа. Гумбольдтъ описываетъ въ хронологическомъ порядкѣ эти блистательныя завоеванія науки. Перечень маленькихъ планетъ (астероидовъ), находящихся между Марсомъ и Юпитеромъ, останавливается на Иренѣ, четырнадцатой, въ

порядкѣ открытія. Теперь-же число всѣхъ маленькихъ планетъ простирается до двадцати-семи; изъ нихъ восемь открыты въ 1852 и три въ 1853 году.

Вотъ названія четырехъ послѣднихъ маленькихъ сестрицъ нашей земли:

Имена астероидъ

- 1853 Фокеа.
- Фемида.
- Прозерпина.
- Эвтерпа.

Мѣсяцъ и мѣсяцъ открыты.

- Шакорнакомъ, въ Марсели.
- Гаспарисомъ, въ Неаполѣ.
- Лютеромъ, въ Дюссельдорфѣ.
- Хайномъ, въ Лондонѣ.

Гумбольдтъ весьма воздерженъ въ предположеніяхъ своихъ относительно климатическихъ вліяній, которыя испытываютъ планеты отъ различнаго разстоянія ихъ отъ солнца, отъ времени обращенія около своихъ осей и отъ наклонности ихъ экватора къ плоскости орбиты. Онъ доказываетъ, однако, что на планетѣ Марсѣ, довольно сходной съ нашею землею, по наклонности его эклиптики, полярные снѣга и льды скопляются и таютъ какъ и на земномъ шарѣ, смотря по тому, который изъ полюсовъ имѣетъ холодное или теплое время года; но Гумбольдтъ умалчиваетъ о всегдашней веснѣ, царствующей на Юпитерѣ, и о происходящемъ отъ того однообразномъ его видѣ. Впрочемъ и на Юпитерѣ не бываетъ полного спокойствія, потому-что нѣкоторыя полосы на немъ мгновенно исчезаютъ. Планета, которая могла бы представить намъ наиболѣе любопытныя климатологическія явленія—это, безспорно, Венера; величина ея, масса и разстояніе отъ солнца близко подходятъ къ земнымъ. Почему-же на этой планетѣ не наблюдаютъ климатическихъ явленій, какъ на Марсѣ? Вотъ причина этому. Ось Венеры слишкомъ наклонна къ орбитѣ планеты. Сдѣлаемъ теперь климатическое сравненіе Венеры съ землею. У насъ лѣтомъ солнце стоитъ надъ Египтомъ въ Африкѣ, и надъ Кубою въ Америкѣ; на Венерѣ, сравнительно, достигаетъ оно широтъ, одинаковыхъ съ южною полосою Европейской Россіи, какъ, напри- мѣръ, параллели Кіева, Харькова, и проч.

Отсюда происходитъ, что оба Венерины полюса, подверженные попеременному дѣйствію, почти перпендикулярно-падающихъ солнечныхъ лучей, въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ (годъ на Венерѣ состоитъ изъ нашихъ осьми мѣсяцевъ) не могутъ имѣть, какъ на земномъ шарѣ, постоянного скопленія льдовъ. На этой планетѣ нѣтъ климатовъ умѣренныхъ: жаркое и холодное время года, смѣняя другъ-друга, попеременно

царствуютъ въ странахъ, пользующихся на нашей землѣ климатомъ умѣреннѣйшимъ. Отсюда должны происходить безпрестанныя волненія въ Венериной атмосферѣ, что подтверждается и наблюденіями. Весьма трудно разсматривать Венерины континенты чрезъ атмосферу, подверженную всегдашнему возмущенію отъ быстрыхъ измѣненій въ высотахъ солнца, тѣмъ болѣе, что лучи его дѣйствуютъ тамъ вдвое сильнѣе, чѣмъ на нашей землѣ.

Спутники планетъ и наша луна, которой, говоря мимоходомъ, топографія теперь точнѣе извѣстна чѣмъ земли, доставляютъ Космосу, какъ и можно полагать, множество подробностей историческихъ, астрономическихъ и физическихъ.

Кометы, двигающіяся около солнца несогласно съ законами, существующими для планетъ, не дали автору Космоса столь счастливой темы, какъ все прочее въ солнечной системѣ. Конечно, Космосъ и здѣсь сохраняетъ еще преимущество надъ сочиненіями объ этомъ предметѣ, до него изданными; но основательнѣйшее о кометахъ сочиненіе астронома Хайнда тогда еще не появилось, и множество любопытныхъ данныхъ въ немъ заключающихся, не вошло въ картину, начертанную Гумбольдтомъ.

Еще Сенека замѣтилъ, что кометы слѣдуютъ по путямъ, отличнымъ отъ планетъ, и достигаютъ такихъ частей небеснаго пространства, которыя воспрещены другимъ небеснымъ тѣламъ или планетамъ. Астрономъ не повѣрилъ-бы своимъ глазамъ, если бъ увидѣлъ, что луна, Венера или Юпитеръ, оставивъ зодіакъ, заслонили собою звѣзды Большой Медвѣдицы или звѣзду полярную, или, вмѣсто того, чтобъ совершать обычный свой путь около солнца къ востоку, стали двигаться на западъ; между-тѣмъ, какъ кометы ходятъ въ небесныхъ пространствахъ по всемъ возможнымъ направленіямъ. Оканчивая картину солнечной системы, мы раздѣлимъ кометы на принадлежащія къ этой системѣ и на чуждыя ей, блуждающія на небѣ отъ солнца къ солнцу. Гумбольдтъ говоритъ о шести кометахъ, имѣющихъ небольшіе періоды; но только три, можно считать окончательно усвоенными нашей солнечной системѣ и именно, кометы: Энке, Бэла и Фэ. Если присоединить къ нимъ комету Галлеву, періодъ которой считается въ семьдесятъ семь лѣтъ, всего будетъ четыре кометы, завоеванныя и утвержденныя наукой.

Комета, открытая г. Фэ въ 1843 году на парижекой обсерваторіи и вновь видѣнная въ 1851 году, въ точности покорилась вычислениямъ, такъ-что, по словамъ г. Хайнда, она ни на одинъ часъ не увлонила отъ момента, въ который появленіе ея около солнца было предсказано г. Леверрье. Конечно, чрезъ нѣсколько лѣтъ будутъ

опредѣлены орбиты еще девяти или десяти кометъ, списокъ которыхъ данъ въ превосходномъ твореніи г. Хайнда и возвращеніе предполагается болѣе или менѣе вѣроятнымъ. Въ промежуткѣ времени съ 1856 по 1860 годъ разрѣшатся, что мы должны заключать о великой кометѣ, явившейся въ царствованіе Карла V-го, которая совершаетъ свое обращеніе вокругъ солнца въ 300 лѣтъ; но, повторяю, что въ ожиданіи дальнѣйшихъ успѣховъ науки, только кометы Галлея, Энке, Бэлы и Фэ окончателью усвоены нашей солнечной системѣ. Другія кометы, періоды которыхъ простираются отъ 75 до 3000 и даже до 100,000 лѣтъ, какъ, наиримѣръ, комета г. Мове, вычисленная г. Плантамуромъ, ожидаютъ будущихъ наблюдателей.

Есть еще много кометъ, которыя двигаются въ столь продолговатыхъ путяхъ, что безконечныя ихъ вѣтви обращаются въ параболы, или, если угодно, въ гиперболы. Эти кометы, приходя къ нашему солнцу изъ невѣдомыхъ глубинъ небеснаго пространства, опять туда возвращаются и, проходя по разнымъ солнечнымъ системамъ, подвергаются ихъ вліянію, доколѣ не встрѣтятъ на пути своемъ какое-либо небесное тѣло, съ которымъ столкнувшись, соединяются—тутъ и кончается ихъ блуждающій путь. Само-собою разумѣется, не смотря на космогонію Бюффона, что звѣзда, съ которой сталкивается комета, столько же можетъ колебаться отъ такого удара, сколько большая египетская пирамида отъ удара кузнечика, брошеннаго на нее вихремъ степеней. Но кометы, такъ мало заслуживающія вниманія по малости ихъ массы, служатъ, однако жъ, средствомъ сообщенія нашей солнечной системы съ другими звѣздными системами, такъ что комета, являющаяся намъ раскаленною отъ нашего солнца, какъ, наиримѣръ, кометы 1680 и 1843 годовъ, можетъ-быть, подвергалась подобному-же дѣйствию отъ Спиріуса, Канона, или блестящей звѣзды Центавра. Вообще неоспоримо то, что кометы болѣею частью приходятъ къ намъ изъ пространствъ, не принадлежащихъ къ нашей солнечной системѣ.

Вообще часть Космоса, посвященная описанію неба, представляетъ намъ вѣрную картину результатовъ, достигнутыхъ астрономіею въ половинѣ XIX столѣтія. Исторія наукъ передала намъ замѣчательный актъ александрійскаго астронома Птолемея, который увѣковѣчилъ на внутреннихъ стѣнахъ храма результаты многолѣтнихъ наблюденій надъ движеніями небесныхъ свѣтилъ. Космосъ Гумбольдта прочтѣ египетскаго храма увѣковѣчиваетъ все завоеванія звѣздной науки.

Въ Космосѣ физикъ, географъ, метафизикъ, богословъ, философъ и даже поэтъ легко найдутъ, что ихъ интересуетъ. Чѣмъ болѣе чи-

таешь это сочиненіе, тѣмъ болѣе усвояешь себѣ новые взгляды. Космосъ, какъ и всѣ превосходныя книги, цѣнится и по собственному своему достоинству, и по пользѣ какую приносятъ читателямъ. Скажемъ съ Плиніемъ, что авторъ Космоса принадлежитъ къ ученымъ, которыхъ нельзя довольно похвалить.

«Nunquam satis laudatus.»

Съ франц: П. НОВОСИЛЬСКІЙ.

КРАСНЫЙ МУНДИРЪ.

КОМЕДИЯ

Р. Б. ШЕРИДАНА.

(Переводъ съ англійскаго).

Помѣщая здѣсь произведеніе одного изъ свѣтилъ англійской драматургіи, мы думаемъ оказать удовольствіе нашимъ читателямъ. Русская публика, повидимому, пріохочивается къ англійской литературѣ, и наши журналы, отвѣчая общему требованію, не перестаютъ передавать на русскій языкъ замѣчательнѣйшія явленія современной письменности Англій. Но исторически, литература этой страны, столько богатая интересными и самобытными фактами, чрезвычайно мало еще знакома нашему большинству. Между-тѣмъ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что внимательное изученіе англійской литературы принесло-бы много существенной пользы для всѣхъ и каждаго, а русскихъ драматическихъ писателей отвлекло-бы отъ давно всѣхъ утомившаго подражанія французскимъ пьесамъ и выкраиванья разныхъ доморощенныхъ шуточекъ, все по одной и той же формѣ, готовой съ незапамятныхъ временъ, надѣвшею также не со вчерашняго дня... Мы предполагаемъ отъ времени до времени представлять произведенія англійскихъ драматурговъ разныхъ эпохъ, не связывая себя, впрочемъ, ни системою, ни опредѣленными сроками.

Эта комедія, или, пожалуй, шутка, была написана Шериданомъ въ 1774 г., и написана *по случаю*, въ благодарность актеру Клинчу, которому авторъ, только-что начавшій свое драматическое поприще, былъ обязанъ успѣхомъ своего перваго сценическаго произведенія— комедіи «Соперники.» Мы надѣемся, что она также найдетъ мѣсто на

страницахъ «Пантеона.» При первомъ ея представленіи главную роль исполнялъ Клипчъ. Шеридану было тогда невстунно двадцать-три года. (См. «Записки Томаса Мура о Шериданѣ»).

Переводчикъ просилъ насъ прибавить слѣдующее: онъ не придаетъ своему дѣлу ни малѣйшаго значенія, независимаго отъ оригинала, и принимаетъ на себя только отвѣтственность въ возможной вѣрности перевода.

Редакція.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ЛЕЙТЕНАНТЪ О'КОННОРЪ.
ДОКТОРЪ РОЗИ.
СУДЬЯ КРЕДЮЛЕССЪ.
СЕРЖАНТЪ ТРАУНСЪ.
КАПРАЛЬ ФЛИНТЪ.

ЛОРЕТТА.
МИССИСЪ БРИДЖЕТЪ КРЕДЮЛЕССЪ.
НѢСКОЛЬКО СОЛДАТЪ.
ДВА КРЕСТЬЯНИНА.
СЛУГА.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

I.

СЕРЖАНТЪ ТРАУНСЪ, КАПРАЛЬ ФЛИНТЪ и ЧЕТЫРЕ СОЛДАТА.

1-Й СОЛДАТЪ. Я говорю: это все не такъ; намъ надо говорить всѣмъ вмѣстѣ, каждому за себя и всѣмъ вдругъ, чтобъ лучше было слышно.

2-Й СОЛДАТЪ. Такъ, Джекъ; будемъ доказывать повзводно.

3-Й СОЛДАТЪ. Да, да; пусть его ужъ выслушаетъ наши претензіи залпомъ, а коли понадобится ораторъ, такъ тутъ ужъ — капраль: онъ лейтенанту землякъ и знаетъ его нравъ.

КАПРАЛЬ. Ужъ тогда мое дѣло. Я три года сряду служилъ съ его честью въ королевскихъ войскахъ, и никогда не прійдется мнѣ увидѣть начальника добрѣе его и щедрѣе на деньги. Сегодня утромъ... смотри-те-ка, какой я ему въ шляпу воткнулъ плюмажъ, а отвѣчаю за него: будетъ носить, хоть тутъ...

4-Й СОЛДАТЪ (*перебиваетъ*). Я говорю — всѣ вы колпаки, точно молокососы изъ милиціи: въ каждомъ дѣлѣ главная вещь — дисциплина и

учить насъ кому-же, какъ не сержанту. Онъ на слова мастеръ; онъ тебѣ знаетъ все ваши иностранные языки и фигуры, и что тамъ еще, гдѣ сосчитать или помѣтить. Ну-ка, сознайтесь, если нужно счетъ написать—кто-жъ кромѣ его?

КАПРАЛЪ. Что-жъ, сержантъ, конечно, ученый и имѣетъ даръ чтенія.

СЕРЖАНТЪ. Солдаты! господа-товарищи! если вы меня выбираете за всехъ ораторомъ—то всего умнѣе, дайте ужъ мнѣ одному и говорить. Я стану говорить громко, какъ барабанъ, и мѣтить прямо въ цѣль.

ВСѢ. Рѣшено, рѣшено!

КАПРАЛЪ. Фу! да вотъ и лейтенантъ. Ну, сержантъ...

СЕРЖАНТЪ. По мѣстамъ! слушаться! Лица чтобъ были недовольныя, а который-нибудь тутъ мурлычъ себѣ маршъ дезертира.

II.

ТЪ ЖЕ, ЛЕЙТЕНАНТЪ О'КОННОРЪ.

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Ну, ребята, на что вы жалуетесь?

СОЛДАТЫ. Гм! гм!...

СЕРЖАНТЪ. Доложить вашей чести дѣло вотъ какое: какъ стала ваша честь ссориться съ судьей Кредюлессомъ, наши хозяева ужъ очень обидно съ нами поступаютъ. Клянусь моею алебардой, они такъ обходятся, что если бъ по душѣ и можно было спустить, такъ плоть не позволяетъ. Такъ мы покорно просимъ вашу честь положить конецъ разомъ—убѣждать что-ли съ дочерью судьи, или дать намъ новыя квартиры...

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Вотъ что! Скажите-же, который домъ васъ худо содержитъ?

1-й СОЛДАТЪ. Да вотъ Красный-Левъ: и на-половину нѣтъ той учтивости противъ стараго Краснаго-Льва.

2-й СОЛДАТЪ. А Бѣлый-Конь-то, не зачерствѣй онъ, кажется, постыдился бы и лицо показать.

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Хорошо. Конь и Левъ отвѣтятъ за это на окружныхъ засѣданіяхъ.

СЕРЖАНТЪ. Двѣ Сороки еще довольно учтивы, а ужъ Геній обходится съ нами точно съ чертями, а Восходящее Солнце такъ отказывается свѣтить, когда приходишь спать.

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Коли такъ, даю вамъ слово, Восходящее Солнце посадятъ, а Генія заставятъ дать обезпеченіе въ добромъ обхожденіи. Но

вы-то... увѣрены-ли вы, что вы какъ-нибудь сами не путаете счетовъ съ ними?

КАПРАЛЪ. Никакимъ манеромъ, развѣ когда случится на кухнѣ бросить въ огонь патронъ, либо штиблету, или что-нибудь тамъ положить въ супъ, да ночью иногда Недъ * поиграетъ на барабанѣ на лѣстницѣ.

ЛЕЙТЕНАНТЪ. О, это все прекрасно! Но слушайте-жь, ребята, у меня въ день св. Патрика не ворчать: вотъ вамъ, возьмите и подѣлитесь между собою. Да помните: показать, что вы народъ съ головой, не пропить изъ этого полу-шиллинга!

СЕРЖАНТЪ. Что тутъ! Солдатъ ни въ чемъ не любить хитрости: надо выпить за здоровье вашей чести.

ВСЪ. Ну, ее, хитрость! За его честь, во что бы то ни стало!

КАПРАЛЪ. Пойдемъ-же, ребята! да сперва пропарадируемъ кругомъ рынка, въ честь короля Георга!

1-Й СОЛДАТЪ. Благодаримъ вашу честь. Идемъ. Его чести... и крѣпкому пиву... вѣчность!

(Всѣ, кромѣ лейтенанта, уходятъ).

III.

ЛЕЙТЕНАНТЪ, и сейчасъ-же, **ДОКТОРЪ.**

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Ступайте, беззаботныя головы!.. Но по чести, ужасно жестоко въ Англіи, что бѣдняги едва имѣютъ хлѣбъ отъ той земли, въ защиту которой готовы умереть. *(Входитъ докторъ).* А, мой маленькій докторъ Рози, мой сокращенный Галенъ, что новаго?

ДОКТОРЪ. Все такъ же какъ и было, мой Александръ; судья неукротимъ: я опять пощупалъ его пульсъ на счетъ нашего дѣла, и, полагая, что его бѣшенство стало перемежаться, я ужъ собрался дать ему пріемъ добраго совѣта, да не пошло. Онъ говоритъ, что вы и ваши разбойники имѣете замыселъ на его жизнь, и клянется, что скорѣе согласится увидѣть свою дочь въ скарлатинѣ, чѣмъ въ объятіяхъ... солдата.

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Ей-ей, армія ему чрезвычайно обязана! Стало быть, надо мнѣ сперва жениться, а потомъ спросить его согласія.

ДОКТОРЪ. Но тогда вопросъ о приданомъ—весьма сомнителенъ.

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Ну, его, приданое! Тамъ будь что будетъ: въ простотѣ Лоретты столько красоты, такой чистый цвѣтъ разлить по ея прелестямъ...

* Уменьшительное отъ «Эдуардъ».

ДОКТОРЪ. Такъ, такъ. Вы за красоту, какъ создала ее природа—а? Никакой искусственной граціи, никакого косметическаго лоска, никакой искусственности—а?

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Да, докторъ, вы совершенно правы: лондонскія дамы всегда казались мнѣ черезчуръ хороши; потому онѣ такъ защищены, у нихъ такой окопъ обручей, съ такимъ брустверомъ изъ китоваго уса, что отъ него должна отскочить и пуля—куда ужъ стрѣламъ Кушидо-на! На макушкѣ—башня на башнѣ, съ запасами скрытаго оружія, подъ названіемъ шпилекъ; а сверхъ всего уборъ изъ перьевъ, который сдѣлалъ-бы честь кавалеру Бони. Ей ей, я бы также охотно обнялъ амазонку, вооруженную съ ногъ до головы.

ДОКТОРЪ. Такъ, такъ, мой Александръ! Мой вкусъ—рѣшительно...

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Потомъ, докторъ, я хоть и уважаю въ женщинѣ скромность, но люблю видѣть ее лице. У этихъ знатныхъ амазонокъ, если иногда полночныя развлечения и оставляютъ имъ на столько крови, чтобъ произвести румянецъ, такъ нѣтъ мѣста на щекахъ, гдѣ показать его. Нѣтъ сомнѣнія, стыдливость—прекрасная вещь; но, по моему, нѣтъ ничего на свѣтѣ безстыднѣе вѣчной краски въ лицѣ.

ДОКТОРЪ. Мой вкусъ, мой вкусъ. Да, Лоретта не изъ такихъ. Ахъ! Я не могу взглянуть на нее, чтобъ не вспомнить о моей бѣдной, доброй женѣ.

ЛЕЙТЕНАНТЪ (*въ сторону*). Признаюсь, плохія-же она возбуждаетъ воспоминанія... Теперь онъ пойдетъ меня допекать на счетъ этой старой вѣдьмы, которая, шесть лѣтъ тому назадъ, умерла.

ДОКТОРЪ. О бѣдная Долли! Я никогда ее больше не увижу. Чтò за рука для перевязки: жилки такъ сами, бывало, и просятся подъ ланцетъ. А кожа—гладкая и бѣлая, какъ фаянсовый горшокъ; ротъ круглый, какъ горлышко самой крошечной стекляночки, и ничѣмъ не больше; губки—розовое варенье, а ужъ зубы—не то, что ваши сваи, боли, какъ хотять: толкнешь легонько—и выскочилъ. Я думаю, я повиыдергалъ съ десятокъ ее бѣдныхъ, дорогихъ жемчужинъ. (*Плачетъ*). А къ чему послужила ей красота? Смерть не разбираетъ.. Всякому надо умереть.

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Ну, ужъ какъ онъ начнетъ свои разсужденія (*вынимаетъ табакерку*)...

ДОКТОРЪ. Хороша-ли, гадка-ли, крива или пряма, богата или бѣдна... плоть—травя... цвѣты вянуть!

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Докторъ, понохайте-ка, да утѣшьтеся.

ДОКТОРЪ. Правда, правда, мой другъ; горе не поможетъ; все къ лучшему. Но такая женщина—большая потеря, лейтенантъ.

ЛЕЙТЕНАНТЬ. Разумѣется, потому-что, безъ сомнѣнія, ея умственные совершенства равнялись ея красотѣ.

ДОКТОРЪ. Умственные совершенства! Она набила бы вамъ аллигатора, или посолила бы ящерицу, какъ ни одна аптекарская жена въ цѣломъ королевствѣ. Да что! Она разбирала рецепты и придумывала составы ничѣмъ не хуже меня; а ужъ что была за мастерица дѣлать искусственныя воды! Зельтерскую, пирмонтскую, пелингтонскую, желѣзную—никто съ нею не равнялся; а ея ботескій и бристольскій пестичники были лучше настоящихъ. Ахъ, бѣдная Долли! Она пала жертвою собственныхъ открытій.

ЛЕЙТЕНАНТЬ. Какъ это? скажите.

ДОКТОРЪ. Бѣдняжка! Болѣзнь ея произошла отъ рвенія, съ которымъ она испытывала одно усовершенствованіе въ Маріенбадской водѣ, посредствомъ примѣси рома и кислоты.

ЛЕЙТЕНАНТЬ. Да, спирты никогда не ладятъ съ водопійцами.

ДОКТОРЪ. Нѣтъ, нѣтъ, вы ошибаетесь. Ромъ ладилъ съ нею довольно хорошо; не ромъ убилъ ее, бѣдную: она умерла отъ водяной. Да, она исчезла, чтобъ ужъ больше не возвратиться, и не оставила никакого залога нашей любви. Хоть бы маленькаго мальчишку, который бы повисъ на шеѣ у папеньки. Да, да, все мы смертны... рано-ли, поздно... плоть—тѣла... цвѣты вянуть.

ЛЕЙТЕНАНТЬ. Фу, ты чортъ! Опять!..

ДОКТОРЪ. Жизнь—тѣнь... свѣтъ—сцена: мы действуемъ часъ.

ЛЕЙТЕНАНТЬ (*подастъ таберку*). Докторъ!

ДОКТОРЪ. Правда, правда, мой другъ... да, глубокое горе не залечить этого. Все къ лучшему—а? не такъ-ли мой маленькій Александръ?

ЛЕЙТЕНАНТЬ. Ужъ конечно, аптекарю никогда не слѣдуетъ теряться. Слушайте, однако жъ: пора честному Семфри явиться къ судѣ; это нашъ первый планъ.

ДОКТОРЪ. Такъ, такъ, будьте готовы: платье у меня въ домѣ, и я васъ такъ описалъ, что ему не терится, какъ бы поскорѣе взять васъ къ себѣ: онъ клянется, что вы будете его тѣлохранителемъ.

ЛЕЙТЕНАНТЬ. Право? Я вамъ на-вѣки обязанъ, докторъ, и какъ только Лоретта будетъ моею, я постараюсь какъ можно скорѣе отслужить вамъ.

ДОКТОРЪ. Вотъ вы теперь опять напомнили мнѣ мою бѣдную жену.

ЛЕЙТЕНАНТЬ. Ахъ, пожалуйста, забудьте ее немножко: мы опоздаемъ.

ДОКТОРЪ. Бѣдная Долли!..

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Первый часъ!

ДОКТОРЪ. Безчеловѣчная водяная!

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Судья будетъ ждать.

ДОКТОРЪ. Скошена по весѣ!

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Ради Бога, пойдемте!

ДОКТОРЪ. Да, плоть—трава...

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Фу, чортъ возьми!

ДОКТОРЪ. Мы все должны умереть...

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Докторъ!

ДОКТОРЪ. Короли, лорды и простые... (*Лейтенантъ уводитъ его насильно*).

СЦЕНА ВТОРАЯ.

IV.

ЛОРЕТТА и БРИДЖЕТЪ.

ЛОРЕТТА. Я все-таки скажу, мамá, офицеры—первые красавцы въ свѣтѣ, а лейтенантъ—первый красавецъ изъ всѣхъ офицеровъ.

БРИДЖЕТЪ. Стыдись, Лора, какъ ты это можешь говорить? Ужъ если тебѣ непременно надо военнаго, такъ чего-же лучше: лейтенантъ Плау, или капитанъ Гэнокъ, или майоръ Дрэ, пивоваръ, — все они твои поклонники; они хоть миролюбивые, самые добрые люди, а перья у нихъ такія же большія, и пунцовый цвѣтъ имъ такъ же присталъ, какъ настоящимъ военнымъ.

ЛОРЕТТА. Фи! Вы знаете, мамá, я не люблю офицеровъ изъ милиціи: куча пѣтуховъ со шпорами, паяцы — въ военныхъ костюмахъ, платье-то носить, а въ душѣ что! нѣтъ, мнѣ дайте смѣлаго, статнаго молодца: сегодня любить, а завтра ему снесутъ голову — прелесть!.. Подумаешь, какъ это они, миленькіе, спать на голой землѣ и дерутся въ шелковыхъ чулкахъ и кружевныхъ маншетахъ! Э, мамá, вы возстаєте противъ моего лейтенанта: я слышала, онъ говорилъ, что вы самая добрая, самая милая женщина въ свѣтѣ.

БРИДЖЕТЪ. Что-жь, душа моя, я никогда ни слова противъ того, что лейтенантъ прекрасно воспитанный и тонкаго ума молодой человѣкъ: это твой папа на него озлобленъ...

ЛОРЕТТА. Вотъ кузина Софи вышла-же за офицера.

БРИДЖЕТЪ. Да, Лора, за милиціоннаго.

ЛОРЕТТА. Право нѣтъ, мамá, за полковаго.

БРИДЖЕТЪ. Нѣтъ, дитя, говорю тебѣ: онъ майоръ въ милиціи.
ЛОРЕТТА. Право-же нѣтъ, мама; ну право... (*Входитъ судья*).

V.

ТЪ ЖЕ. СУДЬЯ.

СУДЬЯ. Бриджетъ, душа моя, я получилъ извѣстіе...

ЛОРЕТТА. Кузина Софи сама сказала...

СУДЬЯ. Я получилъ извѣстіе, душа...

БРИДЖЕТЪ. Не могла она этого сказать...

СУДЬЯ. Извѣстіе, говорю...

ЛОРЕТТА. Какъ-же онъ въ милиціи, когда его услали?

БРИДЖЕТЪ. Ужь, молчи пожалуйста.—Что ты, милый?

СУДЬЯ. Я получилъ извѣстіе отъ доктора Рози...

БРИДЖЕТЪ. Его услали?.. Онъ уѣхалъ по болѣзни.

СУДЬЯ. Послушай, Бриджетъ...

БРИДЖЕТЪ. Ну, мой другъ?.. молчите-же, миссъ!

СУДЬЯ. Извѣстіе отъ доктора Рози: докторъ Рози пишетъ...

ЛОРЕТТА. Я навѣрное знаю, мамá: его мундиръ...

СУДЬЯ. Провались его мундиръ! Что-жь ты не слушаешь?

БРИДЖЕТЪ. Да, какъ ты смѣешь мѣшать отцу говорить?

ЛОРЕТТА. Ну, папá.

СУДЬЯ. Докторъ Рози пишетъ, что привезетъ...

ЛОРЕТТА. Голубой съ красными отворотами, мамá.

СУДЬЯ. Лори... Пишетъ, что молодой человѣкъ...

БРИДЖЕТЪ. Красный?.. желтый, если позволите, миссъ.

СУДЬЯ. Бриджетъ... молодой человѣкъ, котораго я хочу нанять...

БРИДЖЕТЪ. Кромѣ того, миссъ, вамъ очень не пристало хотѣть непременно переспорить мать; вамъ-бы надо знать...

СУДЬЯ. Да что вы, въ-самомъ-дѣлѣ? Будешь ты слушать меня, или нѣтъ?

БРИДЖЕТЪ. Слушаю, душа моя, слушаю... Но если я и замолчу, къ чему это поведетъ? эта дѣвчонка все таки будетъ перебивать и не дастъ никому вымолвить слова.

ЛОРЕТТА. Нѣтъ, я увѣрена, мамá, теперь вы не дадите папенькѣ говорить.

БРИДЖЕТЪ. Ахъ, ты жеманница гадкая!

СУДЬЯ. Ступайте сейчасъ вонъ изъ комнаты обѣ, вонъ!

БРИДЖЕТЪ. Слышишь, дѣвчонка.

СУДЬЯ. И, ты Бриджетъ: ты еще хуже ея—старая вѣдьма! Я-бы желалъ, чтобъ вы обѣ сидѣли по-шею въ каналъ и спорили тамъ, покуда бы я васъ вытащилъ. (*Входитъ слуга*).

СЛУГА. Докторъ Рози, сэръ.

СУДЬЯ. Проти. (*Слуга уходитъ*).

ЛОРЕТТА. Такъ вы сознаетесь, мама, что онъ изъ дѣйствующаго полка?

БРИДЖЕТЪ. Ты глупая упрямица, я тебѣ скажу, потому-что, если бы это было такъ...

СУДЬЯ. Вы не намѣрены итти?

БРИДЖЕТЪ. Идемъ, старшій ворчунъ... Если бъ это было такъ, то какъ могъ-бы...

ЛОРЕТТА. Да, мама, одно доказательство...

БРИДЖЕТЪ. Какъ-бы могъ маіоръ...

ЛОРЕТТА. И рѣшительное доказательство... (*Судья выгоняетъ обѣихъ*).

VI.

СУДЬЯ, и сейчасъ же ДОКТОРЪ.

СУДЬЯ. Ну, ушли!.. Шумъ съ утра до вечера. Боже милосердый! Бѣглый языкъ—единственная вещь, въ которой мать не любитъ чтобъ дочь была на нее похожа. (*Входитъ докторъ*). Ну, докторъ, гдѣ-жъ вашъ молодецъ? гдѣ вѣрный слуга?

ДОКТОРЪ. Онъ сію минуту будетъ, отвѣчаю, вы такого не встрѣчали никогда: храбръ какъ левъ, кротокъ, мягокъ какъ соляной растворъ.

СУДЬЯ. А! онъ поступаетъ на мѣсто бездѣльника, каналы, котораго подкупилъ лейтенантъ. Здоровый дѣтина! докторъ.

ДОКТОРЪ. Какъ геркулесъ, и первый боецъ во всемъ околоткѣ. Дастъ онъ себя знать краснымъ-мундирамъ!

СУДЬЯ. Сегодня они парадировали мимо моего дома цѣлое утро. Я знаю, у нихъ есть замыселъ противъ меня; но я взялъ всѣ предосторожности: я приготовилъ оружія; а если и этотъ молодецъ окажется вѣрнымъ, я буду еще спокойнѣе.

ДОКТОРЪ. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ будетъ вамъ очень полезенъ. (*Входитъ слуга*).

СЛУГА. Тутъ внизу, сэръ, кто-то спрашиваетъ доктора.

ДОКТОРЪ. Веди сюда.

СУДЬЯ. Стой! небольшую предосторожность: на кого онъ похожъ?

СЛУГА. Такъ, деревенскій паренъ.

СУДЬЯ. Видите, докторъ, эти люди пробуютъ все средства, чтобъ забраться сюда.

СЛУГА. Да, осмѣлюсь доложить, сегодня утромъ кто-то хотѣлъ васъ видѣть: онъ назвался капраломъ Брекбонсомъ.

СУДЬЯ. Капралъ Брекбонсъ!

СЛУГА. Да, приходилъ опять барабанщикъ Крэкепѣиль.

СУДЬЯ. А? слышали вы когда про такую проклятую тайну? Ну, веди сюда молодца. *(Слуга уходитъ).*

ДОКТОРЪ. Этотъ будетъ вашимъ привратникомъ: онъ ужъ отвѣтитъ вашимъ врагамъ. *(Входитъ лейтенантъ въ роли Гёмфри).*

VII.

ТЪ ЖЕ, ЛЕЙТЕНАНТЪ.

СУДЬЯ. Да, здоровый... чортъ! что-жъ это! У него нѣтъ одного глаза.

ДОКТОРЪ. Ничего, синее пятно отъ удара, который онъ получилъ, изловивъ семь или восемь разбойниковъ.

СУДЬЯ. Косится онъ что-то ужасно другимъ-то.

ДОКТОРЪ. О, нѣтъ; это такъ—стыдится...

СУДЬЯ. Ну, любезный, какъ тебя зовутъ?

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Гёмфри, Гёмъ.

СУДЬЯ. Гм! Не люблю я это Гёмъ!

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Меня больше зовутъ честнымъ Гёмфри.

ДОКТОРЪ. Видите, я вамъ говорилъ: извѣстной честности.

СУДЬЯ. Ну, честный Гёмфри, докторъ сказалъ тебѣ условія, согласенъ ты служить мнѣ—а?

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Коли угодно вашей милости, я очень радъ.

СУДЬЯ. Такъ слушай, честный Гёмфри: ты ручаешься, что никогда не будешь плутомъ, никогда не дашь себя подкупить—а? честный Гёмфри.

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Подкупить! Это что такое?

СУДЬЯ. Препростой малой, въ-самомъ-дѣлѣ!

ДОКТОРЪ. Его милость надѣется, что ты изъ-за денегъ не перестанешь быть честнымъ.

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Нѣтъ, нѣтъ.

СУДЬЯ. Хорошо сказано, Гёмфри: твоя главная обязанность—на-

блюдать за движеніями самаго... самаго отъявленнаго бездѣльника, лейтенанта.

ДОКТОРЪ. Скажи, ты вѣдь не любишь военныхъ—а?

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Не люблю; что въ нихъ? Вы увидите, она меня будетъ бояться, какъ своего капитана.

СУДЬЯ. Я вижу, Гёмфри, у тебя славная дубинка.

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Все лучше съ прутикомъ, чѣмъ съ пустыми руками. По мнѣ—бы что-нибудь потолще; нѣтъ-ли у васъ въ домѣ эдакой вещицы—старого дышла, или пожки отъ кровати?

СУДЬЯ. Фу, пропасть! Вотъ горячъ—то! Ладно, Гёмфри, пойдемъ со мною. Я, докторъ, хочу его показать Бриджетъ, и мы тамъ съ нимъ сдѣлаемся. Пойдемъ-же, честный Гёмфри. (*Уходитъ*).

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Любезный докторъ, не забудьте-же теперь увести судью гулять: я хочу сразу войти къ нему въ довѣренность.

ДОКТОРЪ. Хорошо, хорошо. (*Подаютъ другъ другу руки; судья возвращается и видитъ это*).

СУДЬЯ. Чтò-жь это, честный Гёмфри—а? Что это ты тутъ дѣлаешь?

ДОКТОРЪ. Я ему давалъ небольшой совѣтъ. Ну, мнѣ теперь надо итти. Желая вамъ добраго здоровья. Вамъ нечего бояться лейтенанта, куда онъ у васъ въ домѣ.

СУДЬЯ. Такъ идемъ-же, Гёмфри. До свиданія, докторъ. (*Докторъ уходитъ*). Ступай за мною, Гёмфри. Теперь, я, кажется, доросъ до лейтенанта, и со всей его шайкой (*уходятъ*).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

I.

СЕРЖАНТЪ, БАРАБАНЩИКЪ и СОЛДАТЫ.

СЕРЖАНТЪ. Ну, полно ужъ бить! Сегодня не изъ чего храбриться... Я думалъ, что намъ удастся нынче завербовать хоть одного или двухъ рекрутовъ.

СОЛДАТЪ. Сержантъ, гляди. (*Входятъ два крестьянина*).

II.

ТЪ ЖЕ И ДВА КРЕСТЬЯНИНА.

СЕРЖАНТЪ. О, вотъ они молодцы-то, до которыхъ я добирался: настоящіе дворяне! Что вы, одинокіе, друзья?

1-Й КРЕСТЬЯНИНЪ. Одинокіе; и позвольте сказать, я совѣмъ одинокій: родня вся вымерла. У меня на свѣтѣ всего одна бѣдная мать, да и та совѣмъ безпомощная женщина.

СЕРЖАНТЪ. Въ-самомъ-дѣлѣ! Самый необыкновенный случай; стало, ты самъ себѣ господинъ, и тѣмъ способише служить его величеству. Читать умѣешь?

1-Й КРЕСТЬЯНИНЪ. Нѣтъ, я всегда былъ такой веселый, что не до ученья тутъ. А вотъ Джонъ, тотъ на это мастеръ.

СЕРЖАНТЪ. Вотъ, такъ ты ученый, пріятель?

2-Й КРЕСТЬЯНИНЪ. Такимъ ужъ родился, господинъ. Отецъ держалъ латинскую школу.

СЕРЖАНТЪ. Счастливецъ! Послѣ одной или двухъ кампаній—ты полковой капланъ. И вѣрно вѣдъ читалъ про воиновъ и героевъ?

2-Й КРЕСТЬЯНИНЪ. Какъ-же, читалъ: читалъ я про Джека, что убивалъ великановъ, и про Унтійскаго Дракона, и про... должно-быть, и все тутъ, про героевъ-то, кромѣ того еще о кометѣ.

СЕРЖАНТЪ. Удивительныя познанія! Ну, мои герои, я напишу словечко королю о вашихъ прекрасныхъ намѣреніяхъ, и, этакъ, черезъ полчаса, отыщите меня у Двухъ-Сорокъ.

ОБА КРЕСТЬЯНИНА. Будемъ, ваша честь, будемъ.

СЕРЖАНТЪ. Постойте; чтобъ мнѣ опять какъ-нибудь не затерять васъ въ толпѣ, приколите-ка вы вотъ эти ленточки къ шляпамъ.

1-Й КРЕСТЬЯНИНЪ. Шляпы-то у насъ плоховаты.

СЕРЖАНТЪ. Приходите уже къ Сорокамъ: я вамъ дамъ денегъ на новыя.

ОБА КРЕСТЬЯНИНА. Дай Богъ здоровья вашей чести, много благодарны. *(Уходятъ).*

СЕРЖАНТЪ *(дѣлаетъ знакъ солдатамъ).* Джанъ! *(Солдаты уходятъ. Входитъ лейтенантъ, въ костюмъ Гѣмфри).*

III.

СЕРЖАНТЪ И ЛЕЙТЕНАНТЪ.

СЕРЖАНТЪ. Вотъ молодець-то: изъ этого-бы вышелъ гранадеръ. Стой, пріятель; хочешь записаться?

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Подъ чьей командой я буду служить?

СЕРЖАНТЪ. Подъ моей, ужь конечно.

ЛЕЙТЕНАНТЪ. А лейтенантъ не начальникъ вашъ?

СЕРЖАНТЪ. Начальникъ; а я надъ нимъ начальникъ.

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Какъ! стало, у васъ сержанты старше капитановъ?

СЕРЖАНТЪ. Разумѣется, мы старше: наше дѣло держать ихъ въ порядкѣ. Вотъ, хотъ-бы теперь, генераль пишетъ мнѣ: любезный сержантъ, или любезный Траунсъ, или любезный сержантъ Траунсъ, глядя тамъ по спѣху, если, говорить, лейтенантъ ведетъ себя не такъ, какъ слѣдуетъ, дай мнѣ знать. Твой генераль Делюжь.

ЛЕЙТЕНАНТЪ. И часто вы на него жалуетесь?

СЕРЖАНТЪ. Нѣтъ, чтобъ его: малый онъ по душѣ добрый, такъ я и спускаю пустяки. Но ужь, между нами сказать, чортъ знаетъ, что за волокита! *(Входитъ капралъ.)*

IV.

ТЪ ЖЕ, КАПРАЛЪ и два СОЛДАТА.

КАПРАЛЪ. Докторъ идетъ сюда съ судьбою. Мы всѣ готовы, и роли разучены.

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Такъ ужь ты, любезный Траунсъ, или любезный сержантъ, или любезный сержантъ Траунсъ, теперь убирайся.

СЕРЖАНТЪ. Фу ты дьявольщина! Лейтенантъ... Ой! плохо! *(Уходитъ. Входятъ судья и докторъ.)*

V.

ЛЕЙТЕНАНТЪ, КАПРАЛЪ и два СОЛДАТА поодаль, СУДЬЯ, ДОКТОРЪ.

СУДЬЯ. А мнѣ показалось, что я тутъ видѣлъ кое-кого изъ этихъ головорѣзовъ.

ДОКТОРЪ. Не думаю; тутъ никого нѣтъ, кромѣ честнаго Гёмфри... А, чортъ возьми, вотъ они идутъ! Станемте за эти деревья, ладимте имъ пройти.

СУДЬЯ. Хорошо, я согласенъ! *(Отходятъ съ докторомъ въ сторону; капралъ и два солдата приближаются.)*

КАПРАЛЪ. Эй, пріятель! ты въ услуженіи у судьи Кредголѣсса?

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Да.

КАПРАЛЪ. Ты богатъ?

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Нѣтъ.

КАПРАЛЪ. Да и не будешь никогда у паршиваго старичишки? Вотъ тебѣ, возьми! (*Даетъ ему кошелекъ.*)

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Что-жъ я за это долженъ дѣлать?

КАПРАЛЪ. Слушай: нашъ лейтенантъ влюбленъ въ дочь стараго мошенника: помоги намъ поломать ноги его чести и увести дочку, и будешь молодецъ.

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Я скорѣе увижу васъ на висѣльницѣ, бездѣльники вы проклятые. (*Бросаетъ кошелекъ.*)

КАПРАЛЪ. Какъ! ломаешься? Держите его!

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Давай-ка, я попробую ваше оружіе на васъ. (*Бьетъ ихъ.*)

КАПРАЛЪ и СОЛДАТЫ. Ой-ой! Прости... виноваты. (*Уходятъ.*)

VI.

ТЪ ЖЕ, безъ КАПРАЛА и двухъ СОЛДАТЪ.

СУДЬЯ. Пори ихъ! Хватай ихъ! Ломай имъ ноги, честный Гёмфри. Что за духъ у него!

ДОКТОРЪ. Aqua fortis.

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Продай своего господина!

ДОКТОРЪ. Что за чудо вѣрности!

СУДЬЯ. Да и оно не останется вознагражденнымъ: я ему сію минуту далъ шесть пенсовъ. Вотъ, честный Гёмфри, вотъ это тебѣ.. Что касается до этого подкупа (*поднимаетъ кошелекъ*) этой дрянни приличное мѣсто въ рукахъ судьи. Теперь, докторъ, кажется, я могу повѣрить ему охраненіе женщинъ: покуда онъ будетъ при нихъ, я думаю, мнѣ можно спокойно отлучаться.

ДОКТОРЪ. Можно, безъ сомнѣнія; я готовъ отвѣчать за образъ дѣйствій лейтенанта, покуда честный Гёмфри будетъ при вашей дочери.

СУДЬЯ. Да, да, такъ она теперь нигуда безъ него. Ступай за мной, честный Гёмфри. Какъ рѣдко попадаютъ такіе слуги! (*Уходитъ.*)

СЦЕНА ВТОРАЯ.

САДЪ.

VII.

СУДЬЯ и ЛЕЙТЕНАНТЪ: ЛОРЕТТА, при перемиѣнѣ на сценѣ

СУДЬЯ. Ахъ, негодница ты этакая! Какъ ты смѣешь такъ далеко отходить отъ дома, безъ моего позволенія? Хочется тебѣ вызвать

сорванца этого, лейтенанта на то, чтобъ онъ перелѣзъ черезъ стѣну и увезъ тебя?

ЛОРЕТТА. Э, папа, вы такъ боитесь пустяковъ.

СУДЬЯ. Какъ, дѣвчонка!

ЛОРЕТТА. Коли такъ, у меня недостаетъ терпѣнья сидѣть цѣлый день въ заперти. Право, довольно и довести до того, что желаешь убѣждать съ... а я бы хотѣла убѣждать... да, хотѣла бы, и хотѣла бы, чтобъ лейтенантъ это зналъ.

СУДЬЯ. Хотѣла бы, негодная? Такъ, постой же: я о тебѣ позабочусь. Вотъ, Гёмфри, оставляю эту дѣвчонку на твое попеченіе. Теперь вы можете порхать по саду, моя пташечка, но Гёмфри пойдетъ съ вами, куда-бы вы ни пошли. Такъ помни, честный Гёмфри: мнѣ надо отлучиться не надолго, а ты ужъ никого, кромѣ себя, и не подпускай близко; не стыдись, болванъ этакой, держись за нее крѣпче. Теперь, миссъ, пусть вашъ лейтенантъ или кто-нибудь изъ его шайки подойдетъ къ вамъ, если можетъ. (*Уходитъ.*)

VIII.

ЛЕЙТЕНАНТЪ, ЛОРЕТТА.

ЛОРЕТТА. Какъ этотъ дуракъ вылушилъ на него глаза! (*Садится и поетъ.*)

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Лоретта!

ЛОРЕТТА. Не вольничай! (*Поетъ.*)

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Лоретта! Взгляни на меня.

ЛОРЕТТА. Не вольничай, мужикъ!

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Не помнишь?

ЛОРЕТТА. Смирно, честный Гёмфри.

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Ты забыла своего вѣрнаго солдата?

ЛОРЕТТА. Ахъ! Боже мой!

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Это я, моя жизнь, твой вѣрнѣйшій рабъ, котораго не узналъ твой отецъ въ этомъ костюмѣ.

ЛОРЕТТА. О, это восхитительно! Ты такъ обезображенъ, мой милый лейтенантъ, и удивительно-отвратителенъ. Я увѣрена, никто тебя не узнаетъ, ха-ха-ха! Ты знаешь, я подъ твоимъ покровительствомъ. Отецъ велѣлъ тебѣ крѣпче держаться за меня.

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Правда, мой другъ: давай-же, исполнимъ...

ЛОРЕТТА. Пожалуйста, любезный Гёмфри..

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Да вѣдь велѣлъ-же старый судья. (*Хочетъ поцѣловать ее; входитъ судья.*)

IX.

ТЪ ЖЕ, СУДЬЯ.

СУДЬЯ. Лори, моя... Э! что это, чортъ возьми!

ЛОРЕТТА. Что? одинъ поцѣлуй, успокойтесь.

СУДЬЯ. Твой покорнѣйшій слуга, честный Гёмфри. Не перемонься... пожалуйста, чтобъ я тебѣ не мѣшалъ!

ЛОРЕТТА. Фи, папа! Что тутъ такого... право, какой тутъ вредъ? У тебя вѣдь не было на умѣ грубости--а? Гёмфри.

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Право, нѣтъ, миссъ, ихъ милость знаютъ, что это не мое дѣло.

СУДЬЯ. Я знаю, что ты лгунъ, лицемеръ и мошенникъ, и если ты не уберешься у меня съ глазъ долой...

ЛОРЕТТА. Папа, я вамъ скажу, какъ это было. У меня вдругъ закружилась голова, и Гёмфри, видя, что я зашаталась, подбѣжалъ мнѣ на помощь—испугался ужасно, бѣдняжка, и взялъ меня на руки.

СУДЬЯ. О, такъ только-то: маленькое головокруженіе и ничего больше?

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Только всего, ваша честь: увидѣвъ, что миссъ измѣнилась въ лицѣ, я бросился къ ней.

СУДЬЯ. Это съ твоей стороны очень учтиво.

ЛЕЙТЕНАНТЪ. И, къ-счастью, вылечилъ ее.

СУДЬЯ. А кто тебя сдѣлалъ докторомъ, безстыдная тварь, а? Съ глазъ долой, говорю тебѣ, сію минуту, или всѣми законами...

ЛОРЕТТА. О, папа, вы меня пугаете... У меня опять кружится голова... Помогите!

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Милая леди!.. Она упадетъ. (*Обхватываетъ ее обими руками.*)

СУДЬЯ. Каково! въ моемъ присутствіи... о чудо дерзости! (*Бросается на него и узнаетъ.*) Боже великій! Кто-жъ это такое?... Рѣжутъ! Грабятъ! Пожаръ! Насиліе! Порохъ! Джонъ! Сюзень! Бриджетъ!

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Добрый сэръ, не пугайтесь: я не желаю вамъ вреда...

СУДЬЯ, Воры! разбойники!

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Вы знаете мою любовь къ вашей дочери...

СУДЬЯ. Огонь! головорѣзы!

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Только это...

СУДЬЯ. Измѣна! Порохъ! (*Входитъ слуга съ мушкетеномъ*). Ну, разбойникъ! Сейчасъ-же пусти ее!

ЛОРЕТТА. О папа, вы меня убьете!

СУДЬЯ. Честный Гёмфри, совѣтую... Идите, миссъ, слышите!

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Сэръ, да выслушайте меня.

СУДЬЯ. Я выстрѣлю.

ЛЕЙТЕНАНТЪ. И вы убѣдитесь...

СУДЬЯ. Выстрѣлю.

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Какъ несправедливо!..

СУДЬЯ. Стрѣляю... и вашъ покорнѣйшій слуга, честный Гёмфри.
(Уходятъ всѣ порознь.)

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

ГУЛБЬИЩЕ.

X.

ДОКТОРЪ.

ДОКТОРЪ. Я думаю, пріятель мой теперь на хорошей дорогѣ въ успѣху... Бьюсь объ закладъ, онъ теперь полонъ надежды и страха, сомнѣнія и тревоги... Да, любовная лихорадка сильно его одолѣла: день цѣлый мучится, грустенъ, задумчивъ; ночи безъ сна, въ жару... О! точь-въ-точь какъ я, когда я терзался за мою бѣдную, добрую Долли!.. когда, бывало, начнутся ея ежедневныя колики и надо посылать за ея миленькимъ докторомъ... Какъ мнѣ тогда хотѣлось понять языкъ ея пульса, изъяснить мои собственныя страданія въ рецептѣ для нея, поднести ей жемчужную нитку въ пилюльной коробочкѣ, или микстуру съ акростихомъ на сигнатуркѣ! Да, это время прошло; нѣтъ прочнаго счатья: все суета; то солнце свѣтитъ, то тучи... мы, такъ сказать, всѣ... богачи и нищія... Чтò значить (Входитъ лейтенантъ)...

XI.

ДОКТОРЪ, ЛЕЙТЕНАНТЪ.

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Докторъ! конечно, и все пропало!

ДОКТОРЪ. Гордость красоты...

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Я узналъ, и...

ДОКТОРЪ. Волшебный замокъ...

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Судья...

ДОКТОРЪ. Великолѣнный парикъ...

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Бѣсится болѣе чѣмъ когда-нибудь.

ДОКТОРЪ. Позолоченная трость...

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Докторъ! (Бьетъ его по плечу.)

ДОКТОРЪ. А!!.

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Я вамъ говорю: я изгнанъ, изгнанъ и въ отчаяніи.

ДОКТОРЪ. Право! Боже мой, Боже мой! Вотъ, подумаешь, непрочность дѣлъ человѣческихъ... Нѣтъ ничего вѣрнаго на свѣтѣ... тѣмъ больше обманываешься, чѣмъ больше довѣряешь... шуты фортуны—всѣ.

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Мой добрый докторъ, мнѣ теперь нужно немножко практической мудрости... Я рѣшился сию минуту испытать то средство, которое мы думали привести въ исполненіе на прошедшей недѣлѣ: письмо у меня готово и только нужна помощь, чтобъ опять завоевать поле сраженія.

ДОКТОРЪ. Я готовъ отъ всей души: общаю вамъ взять на себя роль; но какимъ чортомъ васъ узнали?

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Дорогой расскажу: нельзя терять ни минуты.

ДОКТОРЪ. Дай Богъ, чтобъ было удачнѣе... но почему знать...

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Конечно.

ДОКТОРЪ. Можетъ удастся, можетъ и не удастся.

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Разумѣется.

ДОКТОРЪ. Время покажетъ.

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Безъ сомнѣнія.

ДОКТОРЪ. Мы вѣд не болѣе какъ слѣпыя угадчики.

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Ничуть не болѣе.

ДОКТОРЪ. Близорукіе смертные.

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Замѣчательно-вѣрно.

ДОКТОРЪ. Бродимъ въ заблужденіи.

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Совершенно такъ.

ДОКТОРЪ. Будущее—темно.

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Какъ погребъ.

ДОКТОРЪ. Люди—кроты. (*Лейтенантъ тащитъ его вонъ.*)

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

ДОМЪ СУДЬИ.

ХП.

СУДЬЯ и БРИДЖЕТЪ.

СУДЬЯ. Фу пропасть! Бриджетъ, ты человѣка съ ума сведешь! Я тебѣ говорю: онъ надулъ бы самого верховнаго судью. Собака! казался невиненъ какъ мой писарь, - а о честности говорилъ много.

БРИДЖЕТЪ. Тебѣ—то, скажи на милость, какъ пришла въ голову честность? Славное дѣльцо ты изъ нея сдѣлала съ твоимъ Гёмфри; да и она—то тоже: она, вѣрно, была предупреждена.

Лоретта — ты хотѣлъ такъ назвать ее: я, признаюсь, никогда не видала добра отъ этихъ языческихъ именъ; назови ты ее Деборой, Табитой, Ребеккой, или Тосанной, ничего-бы этого не случилось; а я всегда знала, что Лоретта—это ужъ такое имя, что надо убѣждать.

СУДЬЯ. Дура ты!

БРИДЖЕТЪ. Нѣтъ, мистръ Кредголессъ, ты дуракъ, и только такого простака и можно было такъ обмануть.

СУДЬЯ. Чтó! Какъ вы смѣете это говорить? Если вы не имѣете уваженія къ вашему супругу, такъ я думаю, мое званіе должно бы внушить...

БРИДЖЕТЪ. Не говори мнѣ... смычокъ этакой! Ты бы стыдился глаза-то казать на засѣданіе: надъ тобой будетъ смѣяться весь судъ, будутъ трунить всѣ ваши прокуроры съ кошельками у парика, со всего города.

СУДЬЯ. Это ты говоришь представителю закона? (*Входитъ слуга.*)

СЛУГА. Письмо къ вашей милости.

СУДЬЯ. Кто принесъ?

СЛУГА. Солдаты.

СУДЬЯ. Возьми и сожги.

БРИДЖЕТЪ. Стой... Вотъ ты и заторопился... Какое-нибудь гнусное маранье отъ лейтенанта, я думаю. Дай-ка, я посмотрю. А! подписано: о'Конноръ.

СУДЬЯ. Ну, читай ужъ все. (*Слуга уходитъ.*)

БРИДЖЕТЪ. (*читаетъ*).—«Мщеніе сладко».

СУДЬЯ. Такъ и начинается—а? такъ? Я очень радъ; я ему покажу, собакъ, что я съ нимъ одного мнѣнія.

БРИДЖЕТЪ (*продолжаетъ читать*). «И хотя планы мои на вашу дочь не удались, все-таки мнѣ оставлено утѣшеніе въ увѣренности, что я отомщенъ въ лицѣ ея изверга-отца: ибо сегодня утромъ въ шоколадѣ я имѣлъ удовольствіе дать вамъ приѣмъ яда»... Вотъ тебѣ разъ!

СУДЬЯ. Чтó за шутки, Бриджетъ! ты знаешь, этого вѣдь не было; ты знаешь, это ложь.

БРИДЖЕТЪ. Читай самъ.

СУДЬЯ (*читаетъ*). «Удовольствіе дать вамъ приѣмъ яда!»—(*Говоритъ*). О, ужасъ!.. Головорѣзъ проклятый!.. Бриджетъ!

БРИДЖЕТЪ. Стой, душенька; тутъ приписка. (*Читаетъ*). «NB. Не во власти медицины спасти васъ».

СУДЬЯ. Боже мой, Бриджетъ! Что-жъ ты не зовешь помощи! Я потерялъ голосъ... голова кружится.. Тутъ лопнешь—и не помогутъ! Джонъ! Лора! Джонъ!

БРИДЖЕТЪ. Видишь, душенька, что ты на себя накликалъ! (*Входитъ слуга*).

СЛУГА. Ваша милость...

СУДЬЯ. Стой, Джонъ, замѣтилъ ты сегодня утромъ что-нибудь въ моей чашкѣ—въ шоколадѣ?

СЛУГА. Ничего, развѣ немножко гуши.

СУДЬЯ. Какого цвѣта?

СЛУГА. Черноватая...

СУДЬЯ. Такъ; мышьякъ, черный мышьякъ. Что-жъ ты не бѣжишь за докторомъ Рози? Подлецъ ты!

СЛУГА. Теперь, сэръ?

БРИДЖЕТЪ. Э, мой другъ, повѣрь, это бесполезно: пусть лучше бѣжить за маклеромъ, чтобъ засвидѣтельствовать твою послѣднюю волю, жизнь моя.

СУДЬЯ. Фу чортъ! Иди за докторомъ, животное. Да вы тутъ все сговорились, убійцы!

СЛУГА. Вотъ онъ, сэръ. (*Уходитъ*).

СУДЬЯ. Молчи, Бриджетъ; посмотримъ, видно-ли мое ужасное положеніе? (*Входитъ докторъ Рози.*)

XIII.

ТЪ ЖЕ. ДОКТОРЪ.

ДОКТОРЪ. Я только зашелъ узнать... Э! Господи, что это съ вами?

СУДЬЯ. Вотъ увидѣлъ ядъ на лицѣ, въ головѣ. Да, да, вѣрное дѣло для могильщиковъ.

БРИДЖЕТЪ. О, о! увы, докторъ!

СУДЬЯ. Смирно, Бриджетъ. Докторъ, старый, добрый другъ мой, вы точно видите во мнѣ перемѣну?

ДОКТОРЪ. Перемѣну? Никогда челоуѣкъ такъ не измѣнялся: откуда у васъ эти черныя пятна на носу?..

СУДЬЯ. Пятна на носу?

ДОКТОРЪ. И страшная неподвижность праваго глаза?

СУДЬЯ. Праваго глаза!..

ДОКТОРЪ. Да, да, и, Боже мой, какъ вы распухли!

СУДЬЯ. Распухъ!..

ДОКТОРЪ. Да; какъ вы думаете, мистрисъ Кредюлессъ?

БРИДЖЕТЪ. О, напрасно скрывать это: право, душенька, ты вдвое толще, нежели былъ сегодня утромъ.

СУДЬЯ. Да, теперь чувствую... Я отравленъ... Докторъ, спасите меня, ради справедливости. Дайте мнѣ жизнь, чтобъ я могъ увидѣть убійцу моего повѣшеннымъ.

ДОКТОРЪ. Что?

СУДЬЯ. Я отравленъ, говорю.

ДОКТОРЪ. Говорите громче.

СУДЬЯ. Какъ! развѣ вы меня не слышите?

ДОКТОРЪ. Вашъ голосъ до того тихъ и хриплъ, что я рѣшительно не слышу ни слова.

СУДЬЯ. Пропалъ я, значить. Здѣсь лежитъ одинъ изъ многолѣтнихъ судей, его величества?

БРИДЖЕТЪ. Читайте, докторъ. Ахъ, другъ мой, а послѣдняя ваша: ты забываешь, какъ ты скоро умрешь.

СУДЬЯ. Нѣтъ, Бриджетъ, я умру понемножку.

ДОКТОРЪ. Неслыханная несправедливость! О, вы действительно пропали, мой другъ; срокъ залога вашего клочка земли вышелъ и остается только могильщику завершить дѣло. Всѣ мы должны отправляться... рано-ли, поздно... большіе и малые. Смерть—долгъ: ея взыскаіііе всѣхъ связываетъ равно... Тутъ нѣтъ ни обезначеній, ни споровъ.

СУДЬЯ. Молчать, зловѣщій докторъ! Вылечите вы меня, или не вылечите?

ДОКТОРЪ. Увы! добрый другъ мой, это не въ моей власти, но я, конечно, употреблю всѣ средства, чтобъ надъ вашимъ убійцею исполнилось правосудіе.

СУДЬЯ. Благодарю васъ, мой добрый другъ; я охотнѣе бы самъ на это посмотрѣлъ.

ДОКТОРЪ. Да, но если вы выздоровите, злодѣй спасенъ.

БРИДЖЕТЪ. Неужели? Такъ въ-самомъ-дѣлѣ, жалко, еслибъ ты выздоровѣлъ. Я до того озлоблена на бездѣльника, и не могу перенести мысли, что онъ уйдетъ отъ веревки.

СУДЬЯ. Это съ твоей стороны очень любезно, моя милая; но если тебѣ все равно, я все-таки охотно-бы выздоровѣлъ, несмотря на это. Что-жъ, докторъ, нѣтъ спасенья?

ДОКТОРЪ. Ей-ей, я ничего не могу сдѣлать; а есть вѣдь, тутъ этотъ нѣмецъ-шарлатанъ, котораго вы еще хотѣли выслать изъ города: я его встрѣтилъ рядомъ съ вашимъ домомъ; у него, я знаю, есть antidotes противъ всѣхъ ядовъ.

СУДЬЯ. Сходите за нимъ, мой другъ, бѣгите за нимъ: я ему дамъ дипломъ, если онъ меня вылечитъ.

ДОКТОРЪ. Хорошо: времени терять нельзя; вы продолжаете пухнуть неизменно. (*Уходитъ.*)

БРИДЖЕТЪ. Какъ, мой другъ, ты рѣшаешься лечиться у какого-нибудь знахаря? По-моему, я тебя такъ люблю, что я скорѣе готова лечь съ тобой въ могилу, нежели видѣть, что ты обязанъ жизнью не-образованному врачу.

СУДЬЯ. Я чувствую вполне твою привязанность, моя безцѣнная. Будь увѣрена, въ моемъ грустномъ положеніи ничто такъ не утѣшаетъ меня, какъ мысль, что я тебя оставляю. (*Входитъ докторъ и лейтенантъ, въ костюмъ шарлатана.*)

XIV.

СУДЬЯ, БРИДЖЕТЪ, ДОКТОРЪ, ЛЕЙТЕНАНТЪ.

ДОКТОРЪ. Вотъ счастье: встрѣтилъ его у дверей!

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Metto donsei pulsum.

ДОКТОРЪ. Онъ хочетъ, чтобъ я пощупалъ у васъ пульсъ.

СУДЬЯ. Не говорить онъ по-англійски?

ДОКТОРЪ. Ни слова.

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Padio vivem mortem soonem.

ДОКТОРЪ. Говорить, что вамъ и шести часовъ не прожить.

СУДЬЯ. Боже мой! Знаетъ онъ о моемъ несчастіи?

ДОКТОРЪ. Не думаю.

СУДЬЯ. Скажите ему, что мнѣ дали чернаго мышьяка.

ДОКТОРЪ. Geneable illi arsnecca.

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Pisonatus.

СУДЬЯ. Чтó онъ говорить?

ДОКТОРЪ. Говорить, что вы отравлены.

СУДЬЯ. Это мы знаемъ, но какое будетъ дѣйствіе?

ДОКТОРЪ. Quid effectum.

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Diable tuvellum.

ДОКТОРЪ. Онъ говоритъ, что вы сейчасъ умрете.

СУДЬЯ. О ужасъ! Какъ, и нѣтъ противодѣйствія?

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Sigum benakere bono fullum.

СУДЬЯ. Онъ, кажется, говоритъ, что мнѣ надо ѣхать на лодкѣ въ Фѣлигемъ.

ДОКТОРЪ. Говорить, что берется васъ вылечить за три тысячи фунтовъ стерлинговъ.

БРИДЖЕТЪ. Три тысячи фунтовъ стерлинговъ! Три тысячи веревочъ!

Нѣтъ, другъ мой, не поддавайся такому обману: умри вдругъ, не давай ни которому изъ нихъ себя дурачить.

СУДЬЯ. Не хочу я умирать, Бриджетъ: я не люблю смерти.

БРИДЖЕТЪ. Э! что тутъ такого: ничего,—минута и кончено.

СУДЬЯ. Да, но послѣ.

БРИДЖЕТЪ. Другъ мой, подумай-же о послѣдней волѣ. (*Входитъ Лоретта.*)

XV.

ТЪ ЖЕ и ЛОРЕТТА.

ЛОРЕТТА. Батюшка, что я слышу?

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Quiddam se omgiam deos tollam gosom.

ДОКТОРЪ. Восторгъ!.. восхищается при видѣ вашей прекрасной дочери.

СУДЬЯ. Какъ?

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Damsellum livivum suvum ristibanib.

ДОКТОРЪ. Онъ говоритъ, что плѣвень ею совершенно; и если вы позволите ему объяснить свои чувства молодой леди и общаете ваше согласіе на бракъ, коли онъ съумѣетъ снискать ея привязанность, такъ на этихъ условіяхъ онъ васъ сію минуту вылечитъ, безъ вознагражденія на благодарность.

СУДЬЯ. Чортъ возьми! И онъ все это сказалъ въ этихъ немногихъ словахъ? Что за удивительный языкъ! Хорошо, я согласенъ, если онъ поладитъ съ нею (*въ сторону*). А этого, я увѣренъ, никогда не будетъ.

ДОКТОРЪ. Greal.

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Whrittum bothum.

ДОКТОРЪ. Онъ говоритъ, чтобъ вы въ этомъ дали ему расписку, а онъ покуда пропишетъ вамъ рецептъ. (*Оба садятся и пьютъ*).

ЛОРЕТТА. Мама, скажите-же мнѣ, что тутъ дѣлается?

БРИДЖЕТЪ. Не говори ужъ, пожалуйста!.. Извергъ отецъ!..

СУДЬЯ. Вотъ, докторъ: вотъ чего онъ требуетъ.

ДОКТОРЪ. А вотъ вамъ рецептъ: читайте сами.

СУДЬЯ. Э! что-жъ это? Чисто по-англійски!

ДОКТОРЪ. Читайте: диковинный секретъ, ручаюсь вамъ.

СУДЬЯ (*читаетъ*). «Читая это, вы вылечены вашимъ нѣжнымъ зятемъ О'Конноромъ». (*Говоритъ*). Кто вы такой?

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Вашъ нѣжный зять О'Конноръ, и вашъ покорнѣйшій слуга Гёмфри Гёмъ.

СУДЬЯ. Лжешь ты, собака, ты не зять мой, потому что я опять

буду отравленъ, а тебя повѣсятъ. Я умру, и оставлю мое состояніе Бриджетъ.

БРИДЖЕТЪ. Да, пожалуйста, мой другъ, оставь мнѣ свое состояніе: онъ ужъ конечно стоитъ быть повѣшенъ.

СУДЬЯ. Стоитъ, ты говоришь? Слушай, Бриджетъ, ты показала столько нѣжнаго участія ко мнѣ, когда думала, что я отравленъ, что на будущее время я рѣшился ни въ чемъ не принимать твоего совѣта. А вы, сэръ, скажите: вы ирландецъ и солдатъ—такъ?

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Да, сэръ, и горжусь и тѣмъ и другимъ.

СУДЬЯ. Такъ я вамъ вотъ что скажу: откажитесь отъ своей родины, продайте свой чинъ, и я прощу васъ.

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Слушайте, господинъ судья, не будьте вы отецъ моей Лоретты, я-бы васъ за носъ оттащала за первое и поломала-бы вамъ ноги за желаніе втораго.

ДОКТОРЪ. Да, да, вы правы.

СУДЬЯ. Правъ онъ? Такъ я, стало, долженъ быть не правъ. Ну, сэръ, я отдаю вамъ мою дочь, безстыднѣйшей собакѣ, которую я когда-нибудь видѣлъ.

ЛЕЙТЕНАНТЪ. О, сэръ, говорите что вамъ угодно; съ такой придачей какъ Лоретта, всякое слово—комплиментъ.

БРИДЖЕТЪ. Ну, душа моя, я думаю, это будетъ для насъ прекраснымъ предлогомъ къ ссорѣ на всю жизнь.

СУДЬЯ. Да, милая, и я думаю, хоть за этимъ, кажется, у насъ рѣдко дѣло стоитъ.

ДОКТОРЪ. Все теперь такъ, какъ должно быть. Мой маленькій Александръ, желаю вамъ счастья, и вамъ тоже, милая крестница. Искреннее мое желаніе, чтобъ изъ васъ вышла точно такая-же жена, какъ моя бѣдная, добрая Долли.

(Занавѣсъ опускается.)

ВОСПОМНАНІЯ РУССКАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА

О

ВЕСТЬ-ИНДІИ, КАЛИФОРНИИ И ОСТЬ-ИНДИИ,

А. Г. РОТЧЕВА.

(В. А. Глазенапу.)

(Статья третья).

Топографическое обозрѣніе Калифорніи.—Сходство съ Персіей и Италіей.—Долины Сакраменто и С. Хуакимъ.—Прошлое и настоящее въ Калифорніи.—Миссіонеры.—Произведенія Калифорніи во времена Миссіонеро́въ.—Заливъ С. Франциско и прилегающія земли.—Монте де Диабало.—Долины С. Хосе и С. Хуанъ.—Ртутные рудники.—Миссія С. Клара.—Каркинесъ.—С. Павло.—Суйсунъ.—Сонама.—Еще сравненія съ Италіей.—Превосходное положеніе Калифорніи.—Хронологическій очеркъ событій.—Администраторы, присланные Мехикою.—Ихъ разорительныя дѣйствія.—Повздки въ лѣса за дикими индѣйцами.—Страсть ихъ къ азардной игрѣ.—Толмачи.—Понятія индѣйцевъ.—Ихъ пища.—Кочевья.—Пожары.—Открытіе золота.—Капитанъ Суттеръ.—Основаніе Новой Гельвеціи.—Образъ жизни.—Оставленіе колоніи Россъ.—Прощаніе съ Стуттеромъ.—Судьба Новой Гельвеціи.—Покупка золота за бисеръ.—Комерческіе обороты Стуттера.—Его огромное богатство и совершенная бѣдность.—Американскіе клиперы.—Ихъ быстрота.—Недовѣрчивость французскаго Адмирала.—Сравненіе Байрона.—Официальная выписка о клиперѣ Challenge.—Постройка винтоваго клипера въ шесть недѣль.—Сравненіе между американскими и англійскими клиперами.—Рѣчные пароходы въ Калифорніи.—Opposition line.—Пароходъ New World.—Его плаваніе.—Его каюты.—Запрещеніе жевать табакъ и ноги класть на мебель.—Прибытіе въ Венецію.

Границы Калифорніи составляютъ: къ сѣверу, Орегонъ, къ востоку Скалистыя горы (Rocky-mountams) и Сиерра-де-лосъ-Мембрасъ, отро-

* А. Г. Ротчевъ, по возвращеніи своемъ изъ путешествія по Европѣ, Азій, Африкѣ и Америкѣ, предпринялъ изложить свои, въ высшей степени любопытныя воспоминанія и наблюденія въ цѣломъ рядѣ статей, которыя подъ этимъ названіемъ будутъ постоянно печат-

ги тѣхъ же горъ; къ югу провинція Сонора и южная или нижняя Калифорнія; къ западу—Тихій Океанъ. Длина Калифорніи семьсотъ миль; ширина восемьсотъ; квадратную площадь ея составляютъ 800 т. квадратныхъ миль. Эта обширная страна не вся плодородна, не вся представляетъ удобства для заселенія. Большая часть Калифорніи, заключающаяся между Скалистыми горами и Сиерра-Невадой, представляютъ голыя песчанья степи, негодныя для воздѣлыванія земли, лежащія между океаномъ и хребтомъ горъ, также не все удобны для эмиграціи; кромѣ тѣхъ мѣсть, которыя заключаютъ мѣсторожденія золота. Плодородная Калифорнія, собственно говоря, заключается въ долинахъ Сакраменто, Санъ-Хуакимъ, Санъ-Хосе и Санта-Клара: между западными отрогами Сиерры-Невады и восточными склонами береговыхъ хребтовъ.

Вотъ главныя рѣки Калифорніи: Зеленая, въ которую впадаютъ большая и малая Песчанья; рѣка Гумбольдтъ, знакомая партіямъ бобровщиковъ подъ именемъ рѣки Маріи; она течетъ на протяженіи 1750, в. и впадаетъ въ Калифорнскій заливъ. Эта рѣка принимаетъ воды Зеленой и Великой, вытекающихъ изъ скалистыхъ горъ. Рѣки Спасителя, Виргенъ, Гиля впадаютъ въ нее близъ ея устья.

Непривѣтныя, негостепріимыя мѣста, гдѣ течетъ рѣка Колорадо, мало извѣстны, никѣмъ не изслѣдованы. Объ ней нѣтъ свѣдѣній, кромѣ неясныхъ разсказовъ, вынесенныхъ охотничьими партіями, которыя иногда въ тѣ мѣста устремляются въ погоню за медвѣдями. По ихъ сказаніямъ, рѣка Колорадо не судоходна, по причинѣ быстрого теченія, огромныхъ водопадовъ и пороговъ; говорятъ, что на пространствѣ многихъ верстъ рѣка несетъ непрерывными порогами, между отвѣсныхъ утесовъ и скалъ, такъ, что въ темныхъ ущельяхъ едва замѣтна ея бѣлая пѣна, а громадное эхо на нѣсколько дней пути несетъ въ пустынныхъ ея окрестностяхъ.

Любознательность и предприимчивость, вѣроятно, проникнуть и въ непривѣтныя плѣсы Колорадо; вѣроятно и она будетъ изслѣдована и описана, но по свойству тѣхъ мѣсть, гдѣ бьется неукротимое русло этой рѣки, врядъ ли воды Колорадо принесутъ выгоды, еслибъ она даже и была судоходна.

На востокъ, въ озеро Утао впадаютъ рѣки Утао и Тимпаго, при-

таться въ «Пантеонѣ» и въ «Отечественныхъ Запискахъ». Въ Отечественныхъ Запискахъ уже появилась одна статья, мы представляемъ здѣсь третью (первая напечатана въ № 12—1853, вторая въ № 1 — нынѣшняго года Пантеона), и долгомъ считаемъ предувѣдомить читателей, что содержаніе статей «Отечественныхъ Записокъ» и статей «Пантеона» совершенно различное; онѣ изображаютъ разныя страны и совсѣмъ противоположныя предметы, но вмѣстѣ составляютъ одно обширное цѣлое сочиненіе.

Редакт.

нявъ всѣ воды, заливающіяся изъ горъ Уа-Сагъ и Тимпанаго. Рѣка Николетъ, принимая начало свое южнѣе, въ длинномъ протяженіи горъ Уа-Сага, впадаетъ въ озеро того же имени, образовавъ между горъ долину въ 350 в., способную для воздѣльванія. Рѣка Лососинная (salmon river) выбѣгаетъ на западъ отъ Сіерра-Невады промежь голыхъ скалъ, и въ послѣдствіи впадаетъ въ озеро Пирамидъ. Она замѣчательна изобиліемъ лососины и форелей; мѣстами берега этой рѣки годны для воздѣльванія. Рѣка Уокеръ, свѣтлая, прекрасная, также бѣжитъ изъ Сіерра-Невады и въ послѣдствіи у подошвы горъ образуетъ озеро; въ ней также много форели, а берега мѣстами удобны для земледѣлія. Широкая и быстрая рѣка Овенъ беретъ начало свое также въ горахъ Невады, и пробѣжавъ 210 в. образуетъ озеро въ 26 в. длины. Глубина ея отъ 5 до 15 футовъ. Берега поросли топодемъ и хлопчатую бумагой; мѣстами плодородны, мѣстами болотисты, отъ вливающихъ горныхъ ручьевъ. Вода озера неприятна на вкусъ и имѣетъ запахъ.

Озера Калифорніи суть: Соленое, Утао и Пирамидальное; послѣднее заимствуетъ названіе свое отъ высокаго пирамидальнаго утеса, находящагося посрединѣ.

На западъ отъ Сіерры-Невады, между хребтомъ горъ и океаномъ образуется второе раздѣленіе Калифорніи: говоря обычнымъ языкомъ страны, такое раздѣленіе именно ей свойственно. Эта часть заселена и такъ разнится свойствами, такъ отдѣлена хребтомъ Сіерры-Невады, отъ земель нами очерченныхъ, что составляетъ совершенно особую страну по образованію и виду; здѣсь земля, климатъ и произведенія—все иное, такъ сказать, все свое.

Съ первымъ раздѣленіемъ Калифорніи можно поставить въ параллель сѣверную часть Персіи; второе же раздѣленіе этой страны всего удачнѣе сравнить съ Италіей. Отъ юга на сѣверъ пространство этой второй части составляетъ 40° широты, то есть, отъ 32° ш., гдѣ начинается перешеекъ Калифорнскій до 42° гдѣ, за ея границей, лежитъ Орегонъ. На востокъ и западъ отъ Сіерры-Невады до океана—эта часть занимаетъ 262 в., на сѣверъ 350 в., образуя такимъ образомъ площадь почти въ 2625 квадратныхъ верстѣ.

Смотря на западъ съ вершинъ Сіерры-Невады, на главномъ планѣ представляются длинныя, обширныя, низменныя долины рѣкъ Сакраменто и Сан-Хуакимъ; обѣ долины образуютъ пространство въ 875 в. длины и 87 в. ширины, огибая скаты Сіерры и граница къ западу невысокими прибрежными возвышенностями, которыми они, будто полоскою, отдѣляются отъ Океана. Длинныя темныя черты строеваго лѣса обозначаютъ потоки, а свѣтлыя мѣста этой панорамы равнины, Боковыя возвы-

шенности, параллельно лежащая Сьерра-Невада и берегамъ, составляютъ хребетъ и раздѣляютъ пространство на долины и горы; долины лежатъ на 500, а горы на 4 тысячи футовъ надъ уровнемъ моря. Последнія составляютъ большія, сплошныя массы и возрастаютъ къ сѣверу, гдѣ нѣкоторыя вершины, какъ на-примѣръ, *Часта*, тонутъ въ область вѣчныхъ снѣговъ. Вдоль береговъ Тихаго Океана, общее возвышеніе равнинъ составляетъ только нѣсколько сотъ футовъ надъ уровнемъ моря, и закрыто долиной и широкой стѣной Сьерры-Невады. Умѣренность и пріятность климата—отличительныя черты этого края. Житель, соответствующей широты на материкѣ, омываемомъ Атлантическимъ Океаномъ, съ трудомъ можетъ себя представить благоаствореніе воздуха и южную растительность, являющіяся по всему берегу Калифорніи. Чудная прелесть, безоблачность, ясность неба, какъ феноменъ замѣченъ Гумбольдомъ, и всѣ путешественники единогласно подтверждаютъ это описаніе.

Край этотъ, въ томъ положеніи, въ которомъ находится въ настоящее время, представляетъ мало возможности для составленія точнаго, настоящаго понятія о свойствахъ и плодородіи его. Ванкуверъ нашелъ въ Миссіи Санъ-Бонавентура, лежащей въ 34° 16' сѣверной широты яблоки, груши, сливы, фиги, апельсины, виноградъ, персики и гранаты, вмѣстѣ съ бананами, кокосами, сахарнымъ тростникомъ и индиго; всѣ эти растенія приносили обильный плодъ превосходнаго качества. Гумбольдъ говоритъ объ оливкахъ, объ оливковомъ маслѣ въ Калифорніи, что они не хуже андалузскаго; а вино также доброкачественно, какъ на Канарскихъ островахъ. Всѣ эти отрасли промышленности еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ процвѣтали подъ краткимъ отеческимъ управленіемъ миссіонеровъ, въ настоящее время отъ ихъ плантацій едва остались слѣды. Въ то время кроткій нравъ Индѣйцевъ много способствовалъ къ распространенію земледѣлія; тогда тысячи туземцевъ занимались воздѣлываніемъ полей, огородовъ и виноградниковъ. Золотыя росыши Калифорніи до-сихъ-поръ еще такъ привлекаютъ потокъ эмиграціи, что не вдругъ плодороднѣйшія равнины, прежде принадлежавшія миссіямъ и поросшія нынѣ дикою горчицей, вновь зацвѣтутъ оливковыми садами и виноградниками. Не смотря на это временное заустѣніе, ясно видны силы этого края. Въ январѣ оливковыя деревья обременены плодами; многія миссіи, лежащія въ 30° широты, славятся превосходствомъ плодовъ своихъ, неуступающихъ въ качествѣ плодамъ Средиземнаго моря. Табакъ разводится съ полнымъ успѣхомъ, а ровная и сухая температура лѣтнихъ мѣсяцевъ, слѣдующая за осенними дождями, чрезвычайно способствуетъ къ разведенію хлопчатой бумаги. Пшеница,

главный предмет сѣверной или верхней Калифорніи, до открытія золота, составляла важную отрасль торговли для существовавшихъ миссій. Прибрежныя земли необыкновенно удобны для разведенія овощей, достигающихъ огромныхъ размѣровъ.

Немногія страны въ свѣтѣ производятъ въ такомъ совершенствѣ и столь разнообразно различныя породы плодовъ, овощей и посявовъ, какъ то пространство, которое омываетъ заливъ С. Франциско. Взглядъ на карту покажетъ величину этого пространства: оно заключаетъ въ себѣ равнины Сакраменто и С. Хуакимъ, а также все западное протяженіе земли къ Сьерра-Невадѣ. Эти равнины составляютъ одно цѣлое и только раздѣлены рѣкою Сакраменто, протекающею въ срединѣ; онѣ имѣютъ около 875 в. въ длину и оканчиваются у западной подошвы Сьерры-Невады. На двухъ противоположныхъ концахъ этой долины берутъ свое начало двѣ значительныя рѣки Сакраменто и С. Хуакимъ; въ нихъ вливаются многочисленные горныя потоки; нѣкоторые, выбѣгающіе изъ отроговъ Сьерры-Невады, образуютъ большія и быстрыя судоходныя рѣки. Изгибаясь въ теченіи, встрѣчаясь на пути, онѣ составляютъ одну водную линію, вливающуюся въ заливъ С. Франциско.

Какъ я уже сказалъ, всѣ рѣки этой части Калифорніи несутъ дань свою рѣкамъ С. Хуакиму и Сакраменто. Одна рѣка Св. Троицы впадаетъ въ Тихій Океанъ, недалеко отъ границъ Орегона. Вотъ главнѣйшіе потоки, вливающіеся въ Сакраменто: Перовая рѣка, Юба, Сѣверный, Средній и Южный Форкъ и Американская рѣка. Большая часть изъ нихъ судоходны, орошаютъ плодородныя земли, изобилуютъ рыбой, и въ руслахъ ихъ найдено золото.

Въ С. Хуакимъ вливаются: Маколумнесъ, Станиславъ, Коскумнесъ, Оксумнесъ и Туларесъ, выходящая изъ озера; эта значительнѣйшая и прекраснѣйшая рѣка въ равнинѣ имѣетъ до ста сажень ширины, она орошаетъ по большей части земли плодородныя. Эти рѣки вытекаютъ также изъ отроговъ Сьерра-Невады; многія изъ нихъ судоходны, обильны рыбою и золотыми россыпями.

Озера въ этой части Калифорніи такъ не значительны, что не заслуживаютъ вниманія. Я сказалъ уже, что земли долинъ С. Хуакима и Сакраменто удобны для земледѣлія, и именно потому, что ихъ главное осушеніе происходитъ оттого, что быстрыя и обильныя рѣки, принимая въ лоно свое всѣ небольшіе ручьи, несутся къ водамъ Сакраменто и С. Хуакима и вливаются въ заливъ С. Франциско въ томъ мѣстѣ, гдѣ онѣ носятъ названіе Суйсунъ-бей.

Заливъ С. Франциско представляетъ огромный бассейнъ, образующій безопаснѣйшую гавань въ свѣтѣ. Если взять въ соображеніе всѣ выгоды

страны живописной, плодородной; умѣренный, здоровый климатъ; раздолье равнинъ Сакраменто и С. Хуакима; обширные лѣса, годные для постройки судовъ; изумительные урожаи, тучныя пажити, на которыхъ могутъ плодиться безчисленные стада; если взять въ соображеніе самое географическое положеніе Калифорніи, представляющейя пунктомъ отдохновенія на переходѣ въ Индію, въ Китай, въ Японію отъ береговъ Атлантическаго Океана, тогда заливъ С. Франциско принимаетъ важность громадныхъ размѣровъ.

Сѣверная широта Калифорніи соотвѣтствуетъ широтѣ Лисабона: ея климатъ равняется климату Южной Италиі. Высокіе берега и горы даютъ картинную величавость Калифорніи; обширность и плодородіе земель представляютъ большія средства къ развитію земледѣлія, торговли и къ поддержанію быстро разливающагося народонаселенія.

Со стороны моря, гряда невысокихъ горъ заграждаетъ заливъ С. Франциско: это послѣдніе скаты Сіерра-Невады. Цѣпь ихъ возвышенностей тянется по берегу непрерываясь, и только въ одномъ мѣстѣ, подходя съ моря, вы видите глубокое отверстіе, похожее на горное ущелье. Это единственный путь во внутренность обширнаго залива. Съ моря видъ береговъ чрезвычайно живописенъ. На югѣ гряда горъ группируется изъ разбросанныхъ холмовъ, и на чертѣ океана оканчивается отвѣсными утесами, у подошвы которыхъ шумно разбиваются волны. На Сѣверъ высокая гора, имѣющая отъ двухъ до трехъ тысячъ футъ вышины, спускается отлогимъ мысомъ въ нѣсколько миль. Между этими двумя пунктами образуется ущелье въ $\frac{3}{4}$ в. шириною и въ $\frac{3}{4}$ в. длиною.

Пройдя эти ворота, нынѣ названные Золотыми, вправо и влѣво ширится заливъ почти на 60 в; линія береговъ его составляетъ около 580 в. Ущелья и мысъ раздѣляютъ заливъ С. Франциско на три отдѣльные плёса, изъ которыхъ два сѣверные называются Санъ-Пабло и Суйсунъ. Вдали взору представляются крутыя возвышенности, а самый заливъ разстилается словно глубокое озеро. Видъ острововъ также живописенъ, какъ и берега залива; нѣкоторые изъ нихъ составлены изъ сплошнаго гранита, другіе покрыты свѣжею зеленью; высота ихъ отъ 300 до 800 футовъ; ихъ группы оживляютъ площадь залива. По прямой линіи, противъ самаго входа въ заливъ, на нѣсколько верстъ отъ береговъ, горы возвышаются на двѣ тысячи футовъ надъ уровнемъ моря; ихъ вершины покрыты высокими чагами (palo colorado, изъ породы сосенъ). Открываясь далеко съ моря, онѣ служатъ замѣтными пунктами для кораблей, идущихъ въ заливъ. Съ боку суровый, непривѣтный пикъ Монте-де-Діаволо, будто охранительный маякъ въ четыре тысячи футовъ, сторожить берега залива С. Франциско, Сакраменто и

С. Хуакима. Берега залива носятъ названіе Contra-Costa, то-есть, противоположнаго берега.

Общій видъ береговъ представляетъ группу неровныхъ, волнообразныхъ, разбросанныхъ холмовъ, покрытыхъ плодородною почвой и строевымъ лѣсомъ; по низменностямъ на нѣсколько верстъ мѣстами растеть дубовый лѣсъ. На югъ тянется плодоносная долина С. Хосе, лежащая узкою полосою, между грядою горъ отъ двухъ до трехъ тысячъ футовъ вышиною.

Эта долина мѣстами поросла дубовыми рощами, и послѣ весеннихъ дождей по ней стелется живописнѣйшая зелень.

Долина С. Хуанъ составляетъ продолженіе С. Хосейской долины; ихъ длина до 105 в., а ширина отъ одной до 35 в. Во многихъ мѣстахъ онѣ пересѣкаются полянами, выходящими изъ горныхъ ложбинъ. Почва этихъ долинъ чрезвычайно плодородна, и здѣсь-то именно мнѣ случалось видѣть урожай пшеницы до самъ ста-пятидесяти!.. Во многихъ мѣстахъ встрѣчается дикая горчица, достигающая до десяти и даже до двадцати футовъ въ вышину. Она растеть такъ густо, что образуетъ почти непроходимыя чащи, по которымъ вьются едва примѣтныя тропинки.

По обѣимъ сторонамъ скаты горъ равно плодородны, покрыты лѣсомъ или густою травой. На западѣ, отъ вліянія суровыхъ сѣверо-западныхъ вѣтровъ долина прикрыта горою Дикихъ Кошекъ (de los gatos), которою она отдѣлена отъ моря. Обширныя рощи кипарисовъ покрываютъ ея покатости. На восточной сторонѣ этой горы находятся знаменитыя ртутныя руды.

Къ югу эта гряда горъ оканчивается на побережьяхъ залива Монтерей, а къ сѣверу склоняется невысокими холмами между заливомъ и моремъ. Долина С. Хосе производитъ множество превосходныхъ и разнообразныхъ фруктовъ, и представляетъ примѣры жатвы, какъ я уже сказалъ, изумляющей изобиліемъ; но не принимая въ соображеніе необыкновенно урожайныя годы, можно утвердительно сказать, что посѣвъ пшеницы обыкновенно здѣсь приходится самъ-пятидесять. Миссіи: С. Хосе и Санта-Клара, въ прежніе годы, во времена благоденствія своего, славились превосходствомъ пшеницы и баснословнымъ плодородіемъ почвы.

Земли, идущія вдоль восточнаго берега залива, пересѣкаются небольшими источниками, имѣютъ хорошую пристань и представляютъ весьма много удобствъ для эмиграціи. Плѣсъ Санъ-Пабло и Суйсунъ соединяется ущельемъ Каркинскимъ (de los Carquinos). Около этихъ плесовъ открываются небольшія равнины, ведущія во внутренность края.

Почва около плеса Суйсунъ представляетъ рядъ низменныхъ округ-

ленных холмовъ, вершины которыхъ одѣты лѣсомъ, а покатою тучными травами. Подходя къ сѣвернымъ побережьямъ плеса, взорамъ представляются прекрасно воздѣланныя поля; рогатый скотъ, табуны лошадей разсѣяны по скатамъ горы, а синій туманъ и отвѣсныя скалы говорятъ о близости залива. Плесь Суйсунскій принимаетъ рукавъ рѣки, образующійся отъ соединенія Сакраменто и С. Хуакима, которая вливается въ заливъ С. Франциско, почти въ той же широтѣ, какъ устье Таго въ Лисабонѣ.

Дельта въ 44 в. длиною, раздѣленная каналами на многочисленныя острова, соединяетъ заливъ С. Франциско съ долинами Сакраменто и С. Хуакимъ; въ томъ пунктѣ воды обѣихъ рѣкъ сливаются въ одно устье и вмѣстѣ впадаютъ въ заливъ.

Вотъ очеркъ залива С. Франциско и окружающихъ его земель; онъ нѣкоторымъ образомъ представляетъ небольшое море, лежащее въ нѣдрахъ этого края, соединенное съ океаномъ, охранительными воротами, раскрытыми на 12 или на 14 в. вправо и влево, имѣющее достаточную глубину для судовъ самаго большаго размѣра, съ берегами, удобными для построения городовъ и селеній, съ плодороднѣйшею въ мѣрѣ почвой.

Устье залива находится почти въ 70 в. отъ того мѣста, гдѣ соединяются великолѣпныя долины С. Хуакимъ и Сакраменто и гдѣ въ него вливаются двѣ рѣки того же имени. Такимъ образомъ Калифорнiя, взятая отъ скатовъ Сиерра-Невады, длиною равняется Итали, во все протяженіе отъ Альпъ до Перешейка; она одинаковой съ нею ширины, и слѣдственно представляетъ ту же площадь, то-есть, около 175 т. квадратныхъ верстъ и имѣетъ тождественный съ нею климатъ и произведенія. Подобно Итали, она проявляетъ тоже разнообразіе въ климатическихъ условіяхъ и въ произведеніяхъ; такое явленіе зависитъ отъ разности широтъ, соседства горныхъ хребтовъ и фармаціи береговъ. Горы и равнины Калифорнiи чрезвычайно похожи на тѣ, которыя я видѣлъ въ Итали, и хотя онѣ разнятся во внутреннемъ составѣ своемъ, но тождество ихъ чрезвычайно замѣтно: широкія рѣки ея сосредоточены къ центру края, равнины какъ-будто составляютъ собственность, принадлежность залива С. Франциско, и вотъ причины ея всеоблаждающаго могущества. Въ географическомъ отношеніи положеніе Калифорнiи есть одно изъ выгоднѣйшихъ въ мѣрѣ: она обладаетъ всеми богатствами, всеми выгодами, прилегая къ берегамъ Тихаго Океана, обращенная, какъ я уже сказалъ, лицомъ къ Индіи, Китаю и Японіи—на большой дорогѣ отъ береговъ Атлантическихъ къ берегамъ Азіи.

Вотъ краткій хронологическій очеркъ событій въ этомъ краѣ.

Въ 1526 году, Кортесъ, счастливый завоеватель Мексики, вознамѣрился покорить и Калифорнію; но онъ долженъ былъ возвратиться для укрощенія строптивыхъ обитателей перваго края. Въ послѣдствіи нѣкоторые изъ товарищей Кортеса сдѣлали нѣсколько попытокъ въ томъ же родѣ, но всѣ онѣ были неудачны. Такимъ образомъ долгое время эта страна оставалась въ независимости отъ испанцевъ, которые на самомъ дѣлѣ никогда и въ послѣдствіи не обращали на нее вниманія, не пользовались средствами Калифорніи, долженствовавшей сдѣлаться центральнымъ рынкомъ Тихаго Океана.

Въ 1595 году былъ посланъ испанцами галлонъ, для описи береговъ калифорнскихъ, но онъ разбился. Семь лѣтъ спустя, графъ Монтерей, вице-король Новой Испаніи, послалъ Себастіана Баскаюна съ двумя кораблями и тендеромъ, но и эта экспедиція была не успѣшнѣе.

Въ 1697 году, когда уже испанцы охладѣли, отъ разныхъ неудачныхъ попытокъ, іезуиты исходатайствовали дозволеніе покорить Калифорнію. Эти завоеватели приняли другія мѣры: они прошли въ тундры дикихъ поколѣній съ различными предметами, могущими возбудить любопытство дѣтей природы; они показали имъ употребленіе пшеницы и одежды, въ которой жители лѣсовъ прежде не нуждались.

И здѣсь, какъ и вездѣ, іезуиты показали обычную настойчивость въ исполненіи намѣреній своихъ. Они стали пріучать дикарей къ осѣдлости; между туземцами стали являться плотники, каменщики, кузнецы и прочіе. Іезуиты научили ихъ ткать одѣяла, толстыя сукна, раздѣлили между ними поля и показали, какъ должно выводить разнородные овощи и производить посѣвы. Между-тѣмъ характеръ калифорнскихъ индѣйцевъ ярко проявлялся тѣмъ, что каждый изъ нихъ готовъ былъ проиграть въ *четъ и нечетъ* заработку цѣлаго года, при малѣйшемъ недосмотрѣ ихъ наставниковъ. Для надзора и искорененія такихъ привычекъ, іезуиты назначали изъ туземцевъ же старшинъ.

Въ 1746 году, іезуиты въ Калифорніи учредили сорокъ три селенія. Въ 1813, судьбы Мексики имѣли вліяніе на Калифорнію, и она стала свободна отъ владычества Испаніи. Въ 1836 году сама Калифорнія отложила отъ Мексики, но въ послѣдствіи снова признала власть этой республики. Наконецъ въ 1846 году, Калифорнія была занята гражданами Соединенныхъ Штатовъ, а въ 1848 году мая 30-го, она была уступлена мексиканцами по трактату, въ вознагражденіе военныхъ издержекъ, понесенныхъ Соединенными Штатами въ войну съ Мексикою.

Въ 1844 году ввозъ и вывозъ разныхъ статей простирался въ Калифорніи не съ большимъ на одинъ милліонъ долларовъ, то-есть, око-

ло полутора милліона р. серебромъ. А черезъ годъ послѣ приобрѣтенія этого края гражданами Соединенныхъ Штатовъ, сумма однихъ двухъпроцентныхъ таможенныхъ пошлинъ, взятыхъ за ввозъ товаровъ, уже равнялась этой цифрѣ. Въ прежнія времена изъ Калифорніи вывозились: кожи, сало, пшеница и разнаго рода другое зерно; съ открытіемъ золота, несмѣтная толпа эмиграціи разлилась по раздольямъ ея, и тысячи кораблей, представителей всего свѣта, явились въ плесахъ заливовъ калифорнскихъ.

Съ отпаденіемъ Мехики отъ Испаніи, вліяніе католическихъ миссіонеровъ въ Калифорніи стало уменьшаться. Какъ я уже сказала, они всѣми силами старались распространить въ этомъ краѣ христіанство, промышленность и упрочить его благосостояніе; отложеніе Мехики имѣло слѣдствіемъ совершенное разстройство всякаго порядка въ Калифорніи. Мѣсто миссіонеровъ заняли вездѣ корыстные, жадные администраторы, въ самое короткое время разорившіе и уничтожившіе всѣ богатства миссій, такъ долго процвѣтавшихъ подъ кроткимъ управленіемъ, до нашествія этой саранчи. Я самъ еще видѣлъ въ Калифорніи, особливо въ Южной,—миссіи, обладавшія несмѣтнымъ количествомъ овецъ, рогатаго скота, безчисленными табунами лошадей, и что же? чрезъ два, три года та миссія, которая обладала стадами, превосходившими 100 и 120 тысячъ головъ, осталась при двухъ, трехъ тысячахъ. Сколько разъ, въ поѣздкахъ моихъ по долинамъ Калифорніи, на пространствѣ ста и ста пятидесяти верстъ, мнѣ приходилось скакать во весь опоръ отъ заразительнаго запаха, разливавагося отъ множества труповъ рогатаго скота, съ которыхъ ободрана была кожа, а мясо предоставлено гніенію. Но что хуже всего — эта бойня происходила по распоряженіямъ администраторовъ, безъ всякаго расчета, такъ, что въ миссіи С. Клара, на пути къ Монтерею, мнѣ довелось однажды видѣть восемьсотъ зарѣзанныхъ коровъ. Эти негодяи—управители торопились воспользоваться временнымъ своимъ владычествомъ, обогатиться какъ можно скорѣе, не принимая въ расчетъ, что такимъ постыднымъ грабежемъ они истребляли лучшее богатство края.

Нѣкоторые изъ нихъ, поумнѣе, предвидя ходъ обстоятельствъ, поселялись въ недалекомъ разстояніи отъ миссій, спѣшили обзавестись собственнымъ хозяйствомъ, и переводили, безъ всякаго зазрѣнія совѣсти, какъ говорится, на свой меридіанъ всѣ богатства, принадлежавшія миссіямъ. Мнѣ случалось видѣть нерѣдко пролетарія, прибывшаго безъ сапоговъ изъ Мехики, въ послѣдствіи владѣльцемъ плодоноснѣйшихъ полей Калифорніи и несчетныхъ табуновъ и стадъ, пасущихся на ея тучныхъ пастбищахъ.

Съ разрушеніемъ хозяйства, учрежденнаго миссіонерами, разбѣжа-

лись по лѣсамъ и индѣйцы, такъ, что за-долго до открытія золота и до вторженія эмиграціи, расхищенныя миссіи стояли будто послѣ истребительнаго пожара.

При такомъ порядкѣ вещей удивительно ли, что обитатели Калифорніи приняли въ отверзтыя объятія какъ избавителей отъ анархіи и грабежа, гражданъ Соединенныхъ Штатовъ?

Въ разъѣздахъ моихъ по непроходимымъ тундрамъ Калифорніи, я употреблялъ все старанія, чтобъ покороче познакомиться съ многоразличными племенами индѣйцевъ, населявшихъ въ былое время чащу лѣсовъ ея. Въ эти разъѣзды я долженъ былъ пускаться по слѣдующей причинѣ:

Управляя нашею колоніей Россъ, стоявшею до 1842 года на берегахъ Калифорніи, въ 75 мил. отъ С. Франциско, я долженъ былъ каждый годъ изыскивать способы для уборки съ полей созрѣвшихъ жатвъ. Мнѣ доставало рабочихъ людей для произведенія запашки и посѣвовъ, но этими людьми я не имѣлъ никакой возможности управиться съ готовымъ зерномъ. Что же оставалось дѣлать? Добывать работниковъ въ ложбинахъ, оврагахъ и лѣсахъ калифорнскихъ. За нѣсколько недѣль до собиранія хлѣбовъ съ полей нашей колоніи, я посылалъ въ прилегающіе лѣса, по разнымъ направленіямъ, толмачей-индѣйцевъ. Имъ давалось приказаніе отыскать кочевья дикарей, вступить съ ними въ переговоры на счетъ предстоящихъ работъ, узнать долго ли они пробудутъ на мѣстѣ, и возвратиться въ крѣпость.

Эти посланные приносили мнѣ отвѣтъ, что на два, на три дня есть кочевья индѣйцевъ, что они пойдутъ работать къ русскому тоѣну, но что я долженъ прійти самъ за ними и взять ихъ съ боя. Получивъ такое извѣстіе, я приготавлился въ путь, при наступающей жатвѣ. Въ числѣ двѣнадцати, пятнадцати человекъ, хорошо вооруженныхъ, мы сѣли на коней и отпраплялись на нѣсколько дней въ *тундру*.

Толмачи наши старались проводить насъ по такимъ мѣстамъ, въ которыхъ какъ можно рѣже мы могли встрѣчаться съ партіями индѣйцевъ; эта предосторожность была принимаема для того, чтобы встрѣтившіеся индѣйцы не дали знать въ кочевья о нашемъ приходѣ. Иногда, чтобы застать на мѣстахъ кочевья дикарей, мы по цѣлымъ суткамъ должны были оставаться въ сѣдлахъ. Часто, ведя въ поводу лошадей, только сѣдя можно было спуститься съ крутояра. Мы приближались къ кочевьямъ всегда глубокою ночью, когда, по нашему расчету, индѣйцы, утомленные игрою *въ четъ и нечетъ*, наконецъ засыпали. Здѣсь я долженъ сказать нѣсколько словъ объ этой любимѣйшей забавѣ индѣйцевъ.

Въ долгихъ странствованіяхъ моихъ не случалось мнѣ видѣть людей, столько страстныхъ къ азартной игрѣ, какъ дикіе индѣйцы Калифорніи. По цѣлымъ суткамъ, не смотря на утомленіе отъ работы, они играютъ *съ четъ и нечетъ*. Берутъ двѣ косточки отъ ногъ орла или молодой дикой козы, перевертываютъ ихъ безпрестанно въ сухую траву и поочереди, сидя на землѣ, одинъ противъ другаго, съ странными возгласами, гиканьемъ и пѣснями, одинъ передъ другимъ открываютъ кулаки. Угадавшій беретъ съ кону ставку. Нельзя было смотрѣть безъ смѣха, какъ иногда счастливый игрокъ нанизывалъ себѣ на голову и на шею по нѣскольку фунтовъ выиграннаго бисеру, надѣвалъ на себя по нѣскольку рубашекъ и шерстяныхъ одѣялъ, и добавивъ этотъ нарядъ круглою шляпой, доставшеюся ему отъ насъ-же, да парю сапоговъ, которые онъ ни за-что не хотѣлъ надѣть на ноги, а вмѣстѣ съ бисеромъ подвѣшивалъ на шею, гордо расхаживалъ между своими земляками.

Въ лѣсахъ Калифорніи обильно растутъ колючій кустарникъ; часто на иглахъ его намъ приходилось оставлять большіе лоскуты платья или обдирать до крови тѣло. Проводниковъ я никогда не могъ уговорить сѣсть на лошадь: словно ищейныя собаки, они принадлежали къ землѣ, стараясь причуять звѣря. Не подозрѣвая ничего, мы пробирались впередъ, по оврагамъ да трупобамъ, а толмачи, задравъ носы къ верху, увѣряли, что слышатъ жилъе, чуютъ дымъ отъ близкаго кочевья. Далеко не доѣзжая до шалашей расположившихся индѣйцевъ, мы сѣдшивались, осторожно вели въ поводахъ лошадей, окружали кочевья и стрѣляя на воздухъ изъ ружей и пистолетовъ, съ общимъ крикомъ бросались на спящихъ дикарей. Главное наше стараніе состояло въ томъ, чтобъ перевязать какъ можно болѣе женщинъ, не смотря на ихъ пронзительные крики, на царапанье, а иногда и на мѣтко посланный бульжничкъ. Индѣйцы, встревоженные отъ сна, чаще всего разбѣгались, оставляя все въ наше распоряженіе; но подъ часъ случалось, что столпившись, посылали въ насъ стрѣлы.

Само собою разумѣется, что въ этихъ схваткахъ мы старались не причинить имъ значительнаго вреда, и перевязавъ женщинъ, достигали совершенно нашей цѣли. Забравъ въ свои корзины, *шукаты*, домашній скарбъ свой, усадивъ въ нихъ дѣтей, и прицѣпивъ весь этотъ грузъ ко лбу, посредствомъ веревки, свитой изъ травы, наши плѣнныя дамы безпрекословно оставляли кочевье и отправлялись въ нашемъ сопровожденіи. Гораздо прежде нашего возвращенія въ крѣпость, мужья и родственники взятыхъ нами женщинъ догоняли насъ и присоединялись къ партіи уже совершенно добровольно.

Такимъ образомъ мнѣ удавалось приводить въ одной партіи до ста и болѣе человекъ, а повторивъ раза три такія поѣздки въ тундры Калифорніи, я собиралъ до нѣскольку сотъ работниковъ, которые съ усердіемъ принимались за уборку хлѣба съ полей. Само собою разумѣется, во все время работы и полевыхъ занятій они получали пшеницу, вареную въ пищу, а по окончательной уборкѣ, всякій работникъ получалъ по нѣскольку нитокъ бисеру, рубашку, а примѣрнымъ давалъ я и одѣяло *.

Чтобы дать понятіе о дикомъ состояніи, въ которомъ пребываютъ эти жители тундръ Калифорнскихъ, я разскажу разговоръ, который я имѣлъ однажды съ ними.

— Откуда вы пришли сюда?

— Не знаемъ!

— А ваши отцы откуда пришли, изъ чужихъ земель, что-ли?

— Отцы наши пришли вотъ съ этой горы.—Здѣсь индѣецъ указалъ мнѣ на вершину Монте-де-Діаволо.

— Да отцы ваши спустились съ неба, или вышли изъ земли? спросилъ я индѣйца, показавъ рукою на облако и ударивъ ногою въ землю.

— Они перешли сюда черезъ эти горы, снова отвѣчалъ мнѣ дикарь.

— Давно-ли?

Мысль о времени не вмѣщалась въ головѣ его; помолчавъ немного онъ опять отвѣчалъ: «Не знаю!» точно какъ-бы хотѣлъ сказать: «Не понимаю!»

Индѣйцы употребляютъ въ пищу разные коренья, улитокъ, червей, морскую капусту, дикіе каштаны, желуди, которыми запасаются на зиму въ значительномъ количествѣ; въ особенности-же любятъ собирать зерно клейкаго растенія, ботаническаго названія котораго я не припомню, но въ нашей колоніи извѣстное подъ именемъ Юха. Чтобы подсушить это растеніе, индѣйцы обыкновенно пускаютъ палы, то есть, зажигаютъ поля Калифорніи. Трудно представить себѣ тѣ пожары лѣсовъ и полей, которые мнѣ случалось видѣть нерѣдко въ этомъ краѣ.

Цѣлыя семейства кочующихъ индѣйцевъ помѣщаются въ выгорѣвшихъ пняхъ исполинской чаги, (palo solgado) достигающей часто до 200 фут. высоты и отъ 12 до 14 фут. діаметра у коmlя. Бывали примѣры, что корабли, находившіеся въ нѣсколькихъ стахъ миляхъ отъ

* Такія поѣздки я долженъ былъ совершать непремѣнно каждый годъ, потому-что дикари сами на работу никогда не являлись, а на разговоры съ толмачами, всегда отвѣчали: «Пускай гоубнъ прійдетъ взять насъ.»

берега Калифорніи, накрывались густымъ дымомъ, несущимся отъ пожаровъ, которые неукротимымъ потокомъ разливаются во время засухи по тундрамъ. Я самъ былъ очевидцемъ подобнаго явленія на одномъ изъ переходовъ отъ С. Франциско къ сѣверо-западнымъ берегамъ Америки.

Темные рассказы о существованіи залеганій золотоносныхъ россыпей давно ходили въ Калифорніи. По всѣмъ вѣроятіямъ, католическіе миссіонеры знали положительно богатства этого края; но вполнѣ понимая и предвидя послѣдствія, сопровождающія открытіе золота, тщательно скрывали эту тайну. Только въ 1848 году, въ земляхъ, занимаемыхъ капитаномъ Суттеромъ, при постройкѣ пильной мельницы, случайно были открыты золотоносныя россыпи въ Калифорніи. Происшествіе это, рассказанное во всѣхъ журналахъ, я считаю излишнимъ описывать снова, а потому изъ С. Франциско я прямо проведу читателя по всѣмъ дорогамъ, съ которыми я познакомился, посѣщая золотыя промысла Калифорніи.

Чтобъ пояснить прямую цѣль путешествія моего въ Калифорнію, я долженъ пройти памятью событія этого края, предшествовавшія 1842 году. За четыре года до той эпохи, о которой я говорю, во время управленія моего русскою колоніею Россъ, познакомился я съ однимъ выходцемъ изъ Европы, капитаномъ Суттеромъ, который нѣкогда служилъ въ швейцарскомъ легионѣ, существовавшемъ до Іюльской революціи во Франціи. Политическія событія изгнали его изъ Парижа; онъ эмигрировалъ въ Соединенные Штаты и поселился на берегахъ Миссисипи. Проживъ нѣсколько лѣтъ въ этихъ мѣстахъ, онъ нашелъ расчетнымъ продать свою ферму, и для новзго поселенія отыскать такую землю, которая представляла бы ему лучшія вознагражденія за труды и большія надежды въ будущемъ. Онъ отправился въ путь чрезъ скалистыя горы въ англійскія владѣнія Гудсонбайской компаніи, лежація на рѣкѣ Колумбіи. Недовольный тѣмъ, что нашелъ тамъ, Суттеръ на одномъ изъ компанейскихъ судовъ, отправлявшихся съ товарами въ сѣверо-западныя колоніи, перешелъ въ нашу метрополию, въ Ново-Архангельскъ.

Оттуда съ письмами главнаго правителя колоній нашихъ въ Америкѣ, Суттеръ въ 1838 году явился ко мнѣ. Онъ сказалъ мнѣ цѣль своего путешествія и своихъ поисковъ, а я, слышавъ прежде отъ одного канадскаго трапѣра Лафрембуаза, который почти каждагодно посѣщалъ меня съ партіею бобровщиковъ, на переходахъ своихъ изъ Колумбіи въ Калифорнію, что на два дня отъ насъ есть широкая рѣка, обильная красною рыбою и бобрами, передалъ Суттеру слова стараго

охотника. Капитану это было на руку, а мнѣ давно хотѣлось посмотреть эти мѣста: мы пошли вмѣстѣ на нашемъ баркасѣ изъ залива С. Франциско въ устье рѣки Сакраменто. Въ скоромъ времени на побережьяхъ этой, тогда еще дѣвственной рѣки, затѣмъ, что мы были первые бѣлые, проиякнувшіе въ ея раздольные плѣсы, Суттеръ основалъ селеніе, которому далъ названіе Новая Гельвеція.

Я не разъ посѣщалъ капитана въ его новой усадьбѣ, любовался дѣятельностью и твердостью этого застрѣльщика нынѣ нахлынувшей эмиграціи. Часто послѣ закуски изъ вкуснаго копченаго хвоста рѣчнаго бобра, уловеннаго самимъ капитаномъ, куска медвѣжины или горсти пемикена, * говорили мы о блестящей будущности этого края, о колонизаціи его, о томъ, какъ Суттеръ со временемъ вызоветъ жену свою и дѣтей изъ Швейцаріи, только бы ему удалось поусмирить дикихъ индѣйцевъ, да приучить ихъ къ работамъ. Но по какому-то предчувствію, или лучше сказать, по выводу изъ жизненнаго опыта, Суттеръ говаривалъ: «Намъ не удастся воспользоваться вполне плодомъ трудовъ и усилій нашихъ, мы хлопочемъ для тѣхъ, которые прійдутъ сюда за нами.» И я соглашался съ нимъ: и какъ вѣрно мы угадали долю нашу!

Новая Гельвеція, при неимоверныхъ усиліяхъ и дѣятельности предприимчиваго основателя, росла и ширилась. Изъ битой глины съ рубленою травой (adobe), обошла толстая стѣна съ амбразурами вокругъ строеній. Внутри этой ограды поднялся и домъ Суттера: само-собою разумѣется, что вмѣсто раззолоченныхъ стульевъ и бархатныхъ табуретовъ, въ этомъ домѣ долго стояли отесанные кругляки, въ родѣ тѣхъ, которые употребляются для постановки наковалень въ кузницахъ, а вмѣсто постелей, дивановъ и всей такъ называемой *мялкой* мебели, деревянные рамы, обтянутыя бычачьими кожами, да покрытыя для щегольства и роскоши шкурою рѣчнаго бобра. Часто Суттеру доводилось хлопотать и возиться съ дикими индѣйцами, его окружавшими; часто дѣло здѣсь доходило и до кровопролитныхъ схватокъ, и онъ, для примѣра, долженъ былъ по стѣнамъ своей импровизованной крѣпости выставять мертвыя головы зачинщиковъ; но понемногу дѣла его приходили въ порядокъ, и я съ радостью видѣлъ, что къ нему стали подходить выходцы, сдѣлавшіе путь черезъ Скалистыя горы. Появилось даже нѣсколько семействъ, и Суттеръ не переставалъ писать въ Соединенные Штаты, вызывая новыхъ переселенцевъ. На необозримыхъ долинахъ Сакраменто стали появляться табуны лошадей и стада рогатаго скота. Капитанъ съ помощью, уже привыкшихъ къ нему индѣйцевъ, сталъ пахать землю и засеивать пшеницу,

* Сухое толченое буйволовое мясо, растертое съ говяжьимъ жиромъ и черникою.

которую сдавалъ мнѣ въ магазины для отправленія въ наши сѣверо-западные колоніи. Между тѣмъ, въ 1841 году, я получилъ приказаніе снять русскую колонію съ береговъ Калифорніи, и самому отправиться въ наши сѣверныя владѣнія.

Въ такомъ краѣ какъ Калифорнія, въ тогдaшнее время, когда существовала только мѣновая торговля, продать колоніальное имущество за наличныя деньги, была задача неисполнимая. Оставалось найти человѣка, которому-бы можно было передать въ кредитъ стада и табуны колоніальные, земледѣльческія орудія и товары, лежавшіе въ магазинахъ, да по возможности и самыя дома колоніи. Такой человѣкъ представился: это былъ капитанъ Суттеръ, новый выходецъ съ береговъ Миссисипи и основатель колоніи на берегахъ Сакраменто, лежащей по прямой чертѣ дня на два отъ насъ.

Ему, на условіяхъ, я сдалъ многочисленныя стада рогатаго скота, овецъ и табуны лошадей, принадлежавшихъ къ раздольнымъ пастбищамъ нашей колоніи. Всѣ они были направлены прямо черезъ тундры и благополучно перешли на берега Сакраменто, на поля владѣльца Новой Гельвеціи. Дома и имущество Суттеръ перевезъ на небольшомъ каботажномъ суднѣ, которое ему досталось отъ насъ же, сперва въ заливъ С. Франциско, а потомъ по рѣкѣ до своего заселенія.

Въ началѣ 1842 года я простился съ капитаномъ Суттеромъ и оставилъ Калифорнію. Не прошло пяти лѣтъ, она проснулась будто сказочная красавица отъ волшебнаго сна. «Золото! золото! золото!» какъ громовое эхо пролетѣло по цѣлому міру это чарующее слово, и выходцы со всего свѣта понеслись въ безлюдную, пустынную Калифорнію. Скажу въ немногихъ словахъ, что сдѣлалось съ Суттеромъ. На его пажитяхъ, въ руслахъ его рѣчки найдено первое золото. Товарищъ его, американецъ Марчъ, принесъ ему первыя зерна металла, оказавшіяся въ пескѣ, промытомъ водою въ томъ мѣстѣ, гдѣ былъ прорытъ каналъ для мельницы. Естественно, первое желаніе, первая забота Суттера было сохранить въ тайнѣ такое открытіе. Но возможно-ли было это сдѣлать? Черезъ нѣсколько дней къ нему уже нахлынули толпы, прежде съ мѣстъ близъ-лежащихъ, а потомъ со всего свѣта. Ничѣмъ невозможное спокойствіе Новой Гельвеціи исчезло на вѣки. Колонія Суттера превратилась быстро въ неопрятный шинокъ, ставшій къ услугамъ всезаливавшей толпы.

Капитанъ воспользовался удачно положеніемъ дѣлъ. Прежде всѣхъ стали являться къ нему его же поддѣйцы съ золотомъ, которое они добывали въ новооткрытыхъ мѣстахъ. Суттеръ поставилъ вѣски: на одну тарелку сыналъ онъ добытое дикаремъ золото, а на другую клалъ ров-

ное количество по вѣсу бѣлаго и краснаго бисера, который Калифорнскіе индѣйцы страстно любятъ и сначала предпочитали золоту. Само собою разумѣется, такая торговля долго не могла продолжаться: скоро явилась конкуренція, и онъ долженъ былъ отказаться отъ этой расторжки. Не смотря на то, Суттеръ успѣлъ такимъ образомъ собрать значительныя богатства. Вскорѣ на пустынныхъ водахъ Сакраменто, будто по взмаху волшебнаго жезла, появился безчисленный флотъ, съ которымъ нахлынули толпы выходцевъ всего свѣта, и на безжизненныхъ прежде берегахъ рѣки устроились пристани, закипѣла торговля. Въ одной верстѣ отъ Новой Гельвеціи, по самому побережью рѣки, на землѣ, къ которой мы впервые пристали съ Суттеромъ, когда въ 1838 году отыскивали мѣсто для основанія колоніи его, раскинулся цѣлый городъ. Суттеръ и здѣсь воспользовался обстоятельствами: все пространство, нынѣ занимаемое городомъ Сакраменто, онъ раздѣлилъ на небольшіе квадраты (участки, Lots, claims) и продавалъ ихъ по цѣнамъ чрезвычайно высокимъ, первымъ пріобрѣтателямъ; за участокъ, составляющій четвероугольникъ въ 10 — 15 сажень, онъ получалъ по 10 и 15 тысячъ піастровъ (піастръ 5 р. ассигнац.) Тутъ явились, какъ и всегда въ подобныхъ дѣлахъ, агенты, комиссіонеры, и здѣсь-то Суттеръ потерпѣлъ крушеніе. Онъ не могъ собрать сполна огромныхъ капиталовъ, стекавшихся въ руки повѣренныхъ его агентовъ, и такимъ образомъ они, получивъ суммы миллионныя за проданныя земли, или исчезали, или объявляли себя несостоятельными, что такъ легко въ неустроенномъ новомъ краѣ. Съ другой стороны, этотъ человекъ, проведя чуть не полжизни въ терпѣливомъ трудѣ, въ добровольномъ заточеніи въ тундрахъ Миссиссипи и на плесахъ Сакраменто, въ постоянномъ преслѣдованіи одной цѣли,—при видѣ золота, стекающагося къ нему изъ нѣдръ земли и изъ самыхъ простыхъ, повидимому несложныхъ, торговыхъ оборотовъ, такъ сказать, выскочилъ изъ коленъ: уснѣхъ ослѣпилъ, очадилъ его! Проведя многіе годы въ совершенномъ затворничествѣ, въ полномъ уединеніи, онъ не могъ устоять противъ заманчивыхъ соблазновъ, которыми увидѣлъ себя окруженнымъ, посреди ловкихъ дальновидныхъ спекуляторовъ, явившихся въ долину, имъ занимаемой. Онъ не могъ устоять отъ тѣхъ обаяній, за которыя ему приходилось расплачиваться цѣною баснословною. Первые вина, привезенныя въ новое Эльдorado, первые предметы роскоши продавались здѣсь на вѣсъ золота; часто бутылка, наполненная золотымъ пескомъ, оплачивала ловко брошенный взглядъ парижской лоретки. Скоро прошли, будто въ рѣшету, колоссальныя суммы вожатая калифорнской эмиграціи. Между тѣмъ толпы пришельцевъ, проходя по тучнымъ нажитямъ Суттера, цѣлыми та-

бунами отгоняли лошадей его и захватывали рогатый скотъ и овецъ. Скоро онъ лишился обширныхъ усадебъ своихъ, а съ ними исчезли и богатая стада его. Все мною описанное, произошло въ короткій промежутокъ, составлявшій съ небольшимъ два года. Сдѣлавшись обладателемъ несмѣтныхъ сокровищъ, которыя ставили его на ряду съ первыми капиталистами свѣта, онъ также быстро лишился богатствъ своихъ. Посѣтивъ, въ 1852 году Новую Гельвецію, я вмѣсто хорошо устроенной колоніи нашель отвратительно грязный, развалившійся постоянный дворъ, на каждомъ шагѣ свидѣтельствовавшій о буйномъ, неудержномъ кутежѣ его посѣтителей. Не стало запасныхъ магазиновъ, въ которыхъ сохранялось множество матеріаловъ, необходимыхъ для колоніи; исчезли даже слѣды прежней заботливости и хозяйственныхъ распоряженій предприимчиваго хозяина: остался только слѣдъ неслыханныхъ оргій, купленныхъ грудами золота, которое тогда очень дешево и легко приходило въ руки, но еще легче проходило сквозь пальцы. Самъ бывшій хозяинъ оставилъ это мѣсто и перебрался выше по теченію Сакраменто, на берега рѣки Перовой (rivieré des Plumes, Feather river) на небольшую усадьбу, которую онъ устроилъ изъ своего колоссальнаго достоянія.

Отправляясь изъ С. Франциско, первымъ моимъ желаніемъ было увидѣть Суттера. Еще на берегахъ Мехики въ Акапулько я слышалъ о быстромъ возвышеніи его и едвали не быстрѣйшемъ паденіи. Много надеждъ изгоняла изъ сердца моего всякая вѣсть о немъ; но недопуская истины этихъ разказовъ, мнѣ хотѣлось непременно все повѣрить собственными глазами. Приготовясь въ путь и сдѣлавъ распоряженія, чтобъ письма изъ Европы, которыя я ожидалъ съ нетерпѣніемъ, не могли быть затеряны, я пошелъ на пристань, съ которой отправляются пароходы изъ С. Франциско вверхъ по рѣкѣ Сакраменто на золотые промыслы Калифорнскіе. Не доходя до мѣста отправленія, я былъ удивленъ необыкновенною красотою одного купеческаго корабля: то былъ американскій клиперъ слишкомъ въ 3000 тоннъ, Flying Cloud, изъ Нью-Йорка. Въ 85 дней онъ пришелъ въ С. Франциско, обогнувъ мысъ Горнъ! И это не потому, что ему благопріятствовали обстоятельства, что онъ имѣлъ попутные вѣтры—нѣтъ, потому что американскій клиперъ, это *последнее слово* въ усовершенствованіяхъ парусныхъ судовъ, противныхъ вѣтровъ не знаетъ; потому—что онъ идетъ въ бейдевиндъ, то—есть при противныхъ вѣтрахъ до 12 миль въ часъ, а въ полъ-вѣтра до 16!.. Возвратясь изъ путешествій моихъ во Францію, я рассказывалъ о плаваніяхъ на американскихъ клиперахъ, и о быстротѣ хода этого рода судовъ, старому, засидѣвшемуся адмиралу, онъ громко хохоталъ надо-мною, убѣждая меня не вѣрить тому, что

онъ называлъ *Yanke trip*, т. е. *американскою продѣлкой*, и самъ не вѣрилъ ни официальнымъ извѣстіямъ, которыя я ему показывалъ о плаваніи клиперовъ отъ одного порта до другаго, ни выпискамъ изъ шанечнаго журнала. Въ его головѣ не умѣщалась возможность перейти пространство, на которое прежде употреблялось шесть мѣсяцевъ—въ три! И этотъ прогрессъ созданъ Калифорніей! Американцы понимаютъ очень хорошо, что чѣмъ быстрѣ движутся капиталы, тѣмъ болѣе выгодно; чѣмъ скорѣ купецъ доставитъ товары свои до мѣста назначенія, тѣмъ успѣхъ блистательнѣе, вѣрнѣе; не говоря уже о томъ, что сокращая время вполнину, онъ сокращаетъ и расходъ на экспедицію въ той же мѣрѣ. Почти всегда изъ гаваней Нью-Йорка или Бостона отходятъ два соперничающіе клипера въ одно и тоже время. Арматоры держатъ пари за капитановъ, и премія въ 10—15 т. піастровъ достается тому, кто первый перейдетъ условленное пространство. Само собою разумѣется, что такія награды оживляютъ духъ моряка, и ужъ онъ, по его выраженію, *несетъ паруса* и не дремлетъ; онъ пользуется малѣйшимъ обстоятельствомъ и въ свѣжій вѣтеръ не сойдетъ внизъ, закрѣпивъ руль, на покой въ койку, до тѣхъ поръ, пока ему не задуетъ съ кормы... Нѣтъ! двѣ доски такого гиганта лежатъ въ водѣ, а онъ и не думаетъ крѣпить паруса, онъ *вышрываетъ* и не хлопочетъ о томъ, что полетитъ брамъ-стенга, да какъ-то у него она и не летаетъ: все дѣлается во-время, все живо. Каждый такой клиперъ есть великолѣпная яхта-красавица, въ которой погруженъ цѣлый міръ товаровъ. Если вы не видѣли никогда американскаго клипера, въ свѣжій вѣтерокъ, скользящій по волнамъ океана, вы не можете себѣ представить этой восхитительной прелести! Васъ изумляетъ легкость, воздушность формъ его и стройная колоссальность. Байронъ, описывая Медору, говоритъ, что ея рука сквозила при свѣтѣ луны; я скажу, что подъ тропическимъ небомъ, при яркомъ свѣтѣ звѣздъ, при лучахъ мѣсяца, срывающихся въ безконечный потокъ на волнахъ океана, призракъ такого красавца морей подходитъ ближе къ поэтическому очерку поэта: онъ такъ строенъ, такъ легокъ и воздушенъ, что образъ его кажется именно призракомъ. Я не могу отказать себѣ въ удовольствіи представить здѣсь официальную выписку о плаваніи американскаго громаднаго клипера *Challenge*.

(Изъ *Bomb. gaz.* 1851). «Клиперъ *Challenge* вышелъ изъ порта С. Франциско 15 марта 1851 года и прибылъ въ Хон-Конгъ 19 апрѣля. Простоялъ на якорѣ семь дней и употребилъ на обратное плаваніе срокъ дней, то-есть, положилъ якорь въ Заливѣ С. Франциско, 5 мая, задержанный маловѣтріями. Слѣдовательно, пространство въ восемь ты-

сячь миль онъ переплылъ въ 75 дней. Средняя быстрота хода его была по 10 миль въ часъ; самая величайшая скорость 16 миль въ часъ; она была замѣчена на переходѣ между островами въ Китайскомъ морѣ, гдѣ клиперъ перешелъ 42 мили въ 2½ часа. Самое большое плаваніе его было 380 миль въ сутки. Безъ сомнѣнія это плаваніе изумительно по чрезвычайной быстротѣ..!» Такой клиперъ, по собраннымъ мною свѣдѣніямъ, отъ кила до клотика, съ полнымъ вооруженіемъ, съ Архимедовымъ винтомъ, можетъ быть готовъ и сдать, желающему заказать его, въ теченіе шести недѣль.

На такомъ клиперѣ ставится паровая машина не для хода, но для нагрузки и выгрузки товаровъ и для подъема нижнихъ парусовъ. Можно сказать утвердительно, что одни американцы имѣютъ такіа суда. Я видѣлъ въ Индіи такъ называемые англійскіе клиперы для торговли опиумомъ; такая посудина вмѣстѣ съ рангоутомъ можетъ установиться на палубѣ кораблей, о которыхъ плетъ рѣчь. Я бы совѣтовалъ любителямъ-охотникамъ только для того, чтобъ посмотреть на американскіе клиперы, идущіе въ Калифорнію, побывать въ Нью-Йоркѣ или въ Бостонѣ.

Нѣсколько пароходовъ большихъ и малыхъ размѣровъ отходятъ каждый день и почти въ одно время съ пассажирами и товарами въ Сакраменто-Сити; они отправляются къ вечеру за тѣмъ, чтобъ пассажиры не теряли времени, путешествуя днемъ. Въ Сакраменто пароходы приходятъ ночью. Подходя къ этимъ пароходамъ, я былъ подхваченъ подъ руки двумя здоровыми американцами, которые во все горло кричали, что пароходъ *New-World* дешевле всѣхъ прочихъ беретъ въ пассажировъ; что другіе берутъ 15, а онъ 5 долларовъ, что въ этомъ можно убѣдиться, взглянувъ на афишу, висящую на борту. Въ самомъ дѣлѣ, на огромной доскѣ написано было *Opposition line. 5 dollar.* а на соседнемъ пароходѣ объявлена была цѣна за переходъ въ Сакраменто 15 долларовъ. *Vive la concurrence!*

Въ самомъ дѣлѣ, соперничество здѣсь такъ велико, что одинъ пароходъ безпрестанно сбавляетъ цѣны предъ другимъ, и всѣмъ есть дѣло, потому что массы народа движутся ежедневно между С. Франциско и городами, лежащими на пути къ золотымъ промысламъ.

Втиснутый на палубу Нью-Ворльда, я сталъ разсматривать это удивительное строеніе: представьте себѣ трехъ-этажный, легкой архитектуры деревянный домъ, на плоской крышѣ котораго устроены двѣ колоссальныя трубы и огромное коромысло изъ одного куска желѣза. Подъ окнами каждаго этажа устроена тераса съ перилами. Этотъ домъ поставленъ на плоскодонную барку, имѣющую впрочемъ и съ носу и

съ кормы видѣ мореходнаго судна. Иные пароходы приводятся въ движеніе обыкновенными колесами, покрытыми кожухами, у другихъ одно огромное, мельничное колесо сзади, приводимое въ движеніе поршнями. Такіе пароходы меньшихъ размѣровъ ходятъ по бѣльшей части отъ Сакраменто-Сити въ Стоктонъ, Мерисвилъ и другіе города, куда большіе пароходы идти уже не могутъ, по мелководью. New-World въ томъ видѣ, въ какомъ онъ стоялъ, пришелъ изъ Нью-Йорка, только не огибая мыса Горна, но Магелановымъ проливомъ. Нужна лихорадочная предпримчивость американца, чтобъ пуститься въ такое плаваніе на плоскодонномъ блюдѣ, на которомъ установленъ трехъ-этажный домъ! Какія суммы долженъ выручать этотъ пароходъ, перевоза ежедневно по 600—800 пассажировъ, и собирая плату отъ 25 до 72 руб. асс. за каждаго! Нѣкоторые пароходы были привезены сюда разобранными, въ трюмахъ кораблей. Почти все замѣчательно чрезвычайно легкостью постройки и чистотою отдѣлки. Великолѣпная мебель разставлена въ салонахъ, зеркала вездѣ развѣшены по стѣнамъ: я иначе не могу назвать эти роскошно убранныя каюты парохода. Какъ въ будуарѣ модной барыни или въ аристократическомъ кабинетѣ, вы здѣсь найдете и кресла въ видѣ S, и кушетки всѣхъ сортовъ и видовъ, и качающіеся кресла, и непременно красивый коверъ, покрывающій весь полъ. Въ этихъ каютахъ висятъ надписи: «Здѣсь запрещается играть въ карты и класть ноги на мебель.» Только эти двѣ статьи подверглись астролизму на пароходахъ американскихъ, затѣмъ, что отвратительной привычки жевать табакъ изгнать не возможно, не говорю уже о популярномъ наслажденіи курить безпрестанно сигары. Впрочемъ, я не видалъ только карточной игры на американскихъ пароходахъ, а положить ноги на близъ-стоящій стулъ, диванъ, столъ или даже на шею и плеча соѣда, запретить американцу не возможно, равно какъ запретить его любимѣйшее занятіе—табачную жвачку. (Schowing).

Этажъ парохода, находящійся подъ этими великолѣпными салонами, назначенъ для столовой. Во все продолженіе перехода до Сакраменто, послѣдовательно накрываются столы; на этихъ пароходахъ обыкновенно платится за ужинъ по одному доллару, безъ вина. Гастрономіи на нихъ не требуютъ: горькое масло, картофель, ржавая ветчина, свинина въ разныхъ видахъ, безъ которой американецъ рѣшительно не сытъ, да бифштексъ, почти всегда черствый, какъ подошва—вотъ блюда, господствующія на американскихъ пароходахъ, да въ дополненіе подаютъ какой-то—взваръ не то кофе, не то чай, разводимый синєю жидкостью, т. е. молокомъ.

Въ третьемъ этажѣ помѣщаются товары и пассажиры втораго раз-

ряда. Всѣ эти пароходы непременно высокаго давленія и жестоко надѣлають пронзительнымъ свѣтомъ, раздрающимъ уши.

Послѣ двухъ-часоваго плаванія, пароходъ нашъ закрѣпился за на-долбы пристани, устроенной близъ небольшого города Бенниціи. Мы всегда случалось проходить мѣсто это ночью, потому что и пароходы, идущіе изъ Сакраменто-Сити, точно также для сбереженія времени пускаются въ обратный путь, всегда передъ вечеромъ. Здѣсь устроено нѣсколько корабельныхъ верфей, въ которыхъ чинятся пароходы ком-паній Вендербильда и Эпенвиля и корабли, приходящіе въ С. Франци-ско. Здѣсь также запасные магазины для каменнаго угля. Городъ этотъ, находясь на пути между Сакраменто-Сити и С. Франциско, быстро расширяется и ни мало не отстаетъ въ развитіи своемъ отъ другихъ второстепенныхъ городовъ Калифорніи.

СОВРЕМЕННОЕ.

ЛИТЕРАТУРА: Литературные портреты: Александр Дюма. — Индійскія сказки. — **ТЕАТРЫ**
МУЗЫКА, ИСКУССТВА: Правый глаз Сѣнкса (*музыкальный рассказ*). — Фра-Анже-
лко-да-Фезоле. — Гекторь Берліозъ. — **ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ:** О
причинахъ зигзаговъ молніи. — Астрономическое исчисленіе Леврье. — Памятники на Ап-
пиевой дорогѣ. — Удивительная пещера на островѣ Мартиникѣ. — Новое открытіе perpetu-
um mobile. — **МЕЛКІЕ РАССКАЗЫ И ИЗВѢСТІЯ, АНЕКДОТЫ, НОВОСТИ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ**
СЛУЧАИ, ПУТЕШЕСТВІЯ: Сѣверо-западный проходъ изъ Атлантическаго въ Великій Океанъ
еще не открытъ. — Памятникъ Францу Дракѣ въ Оффенбергѣ. — Вертящіеся столы въ
древности. — Битва пчелъ. — Австралія и колонія Викторія — Англійская экспедиція въ Японіи
въ 1798 году. — Живой Фавнъ (*анекдотъ.*)

I. ЛИТЕРАТУРА.

Литературные портреты. Александр Дюма. Одинъ изъ замѣчатель-
нѣйшихъ французскихъ фельетонистовъ, Гранье-де-Касаньякъ, собравъ
все журнальныя статьи свои, издалъ ихъ отдѣльною книжкой. Сужде-
нія этого журналиста о литературѣ пользуются большимъ авторитетомъ
и не лишены интереса. Вотъ, напримѣръ, что говоритъ онъ объ Але-
ксандрѣ Дюма.

«Александръ Дюма, на ряду съ Ламартиномъ и Викторомъ Гюго, —
писатель новой школы, надѣлавшій шуму болѣе другихъ и, сравнительно
съ другими, втрое больше написавшій. Каково бы ни было мѣсто, ко-
торое даютъ ему въ исторіи литературы нашего времени, оно всегда
будетъ изъ первыхъ, потому-что только люди съ талантомъ увлекаютъ
умы, а г. Дюма увлекалъ всѣхъ. Иногда, въ извѣстныя эпохи, являются
писатели, которые производятъ большое впечатлѣніе весьма посредствен-
ными произведеніями; но успѣхи ихъ основываются не на искусствѣ,
а на современныхъ страстяхъ и интригахъ. Люди эти были вовсе не ху-
дожники, а скорѣе сочинители памфлетовъ, и потому творенія ихъ съ каж-
дымъ днемъ болѣе и болѣе предаются забвенію — участь всего, что ос-
новано на пристрастіи къ политическимъ партіямъ.

«Надо отдать справедливость Александру Дюма и вообще лучшим писателямъ нашего времени: они не мараютъ чистую одежду Музы въ нечистомъ источникѣ пронырства.

«Главнѣйшая заслуга и слава новой литературной школы заключается въ томъ, что она тропула и воспламенила всѣ умы чисто-художественными достоинствами своихъ произведеній; она сосредоточивала восторги и споры на какомъ-нибудь новомъ оборотѣ слова или на полустипиш, вмѣсто того, чтобъ, подобно XVIII-му столѣтію, возставать съ ненавистью на все доброе въ человѣческомъ обществѣ; она придала столько цѣли литературной дѣятельности и поэзіи, и изящнымъ формамъ, что умы раздражаются и встаютъ за одинъ стихъ Расина, если видятъ нападки на него.

«И не даромъ же, въ-самомъ-дѣлѣ, люди любятъ искусство и словесность; въ формѣ и содержаніи поэмы написанной, пропѣтой, изваянной, нарисованной — есть безконечный міръ нравственныхъ и религиозныхъ идей, которыя составляютъ главныя причины народнаго сочувствія и представляютъ источникъ общаго образованія. Потому-то искусство поучительно и нравственно въ самомъ себѣ: оно изощряетъ умъ, обогащаетъ душу и согрѣваетъ сердце; оно нравственно, потому-что заставляетъ мыслить, а мысль ведетъ къ Богу.

«Мы сказали уже, что Дюма можетъ справедливо гордиться тѣмъ, что торжество, приобрѣтенное имъ, было торжество литературное—достоинство великое, которое во всѣ вѣка было признакомъ истиннаго высокаго ума.

«Когда Дюма открылъ въ себѣ драматическое призваніе и достигъ двухъ первыхъ громадныхъ успѣховъ *Генрихомъ III* и *Христиною*, я былъ еще очень молодъ, и въ провинціи, изъ турецкой школы, слѣдилъ это новое литературное волненіе. Среди дѣтскаго изумленія нашего, оно явилось намъ бурнымъ потокомъ. Сидя, какъ пастухъ Вергилія, на берегу возмущеннаго потока, мы видѣли плавающихъ и вертящихся надъ пропастью Делия, Парни, Лагарпа, и Сень-Ламбера; мы боялись за Корнея, видя, какъ падаетъ Вольтеръ, и принялись изучать новую литературу.

«Такимъ-образомъ открыли мы секретъ г. Дюма и возвращаемся къ этому предмету, не столько изъ желанія упрекнуть его за то, какъ онъ началъ, сколько для того, чтобъ поздравить его съ тѣмъ, какъ онъ кончилъ.

Успѣхъ его былъ быстръ и великъ; онъ однимъ сильнымъ толчкомъ ноги сифю опрокинулъ все, что оставалось еще послѣ *Герани* изъ трагедій Имперіи, и побѣда совершилась такъ быстро, что застала самого побѣдителя врасплохъ, безъ средствъ и возможности преслѣдовать и уничтожать бѣгущихъ.

«Театръ принадлежалъ ему; его слали ему на руки, и онъ взялъ его. Но, изгнавъ съ помостовъ офрандуженныхъ римлянъ, онъ долженъ былъ населить сцену новыми героями, и объ этомъ Дюма не имѣлъ времени озаботиться.»

«Онъ не затруднялся въ выборѣ сюжета пьесъ, не задумывался надъ

искуснымъ расположеніемъ ихъ и щедрою рукою бросалъ въ свои вымыслы тысячи приключеній, на которыя онъ таковой мастеръ. Но, сдѣлавъ списокъ дѣйствующихъ лицъ, нужно заставить ихъ говорить, то есть дать имъ чувства, мысли и слогъ—и въ этомъ-то было затрудненіе.

«Будь человекъ одаренъ отъ природы величайшимъ талантомъ, имѣй прекрасное сердце, горячую голову, онъ все-таки не научится писать, не узнавъ жизни, и не употребивъ много времени на ея изученіе. Прежде всего аналитическая работа, внутренняя и скрытая, посредствомъ которой развивается мысль, эта работа продолжительна и прерывается безконечными размышленіями. Публика не подозреваетъ сколькихъ часовъ удлиненія, прогулокъ по тропинкамъ или пустымъ улицамъ, мысленныхъ разговоровъ, обдуманыхъ и передуманныхъ сто разъ — стоили поэту ничтожныя фразы, къ которымъ такъ невнимательны иногда праздные слушатели. А какъ безъ собственныхъ идей нѣтъ и собственного слога, то необходимо научиться думать, если хочешь научиться писать.

«Съ своей стороны, слогъ требуетъ двухъ условій: чувства изящнаго и упражненія. Чувство изящнаго дается свыше; можно развить его въ себѣ, но не создать. Кто имѣетъ это чувство, долженъ упражнять его, образовывать по нѣкоторымъ правиламъ, заимствованнымъ изъ твореній великихъ учителей, потому-что, если и не надо никогда копировать великіе образцы, то, все-таки должно изучать ихъ манеру и въ извѣстныхъ случаяхъ усвоивать ее себѣ. Тутъ-то и начинается практическая обработка слога, работа, требующая терпѣнія вмѣстѣ съ обдуманностью, и состоящая въ изученіи различныхъ составовъ фразы, въ вѣрности изображенія ихъ и въ достиженіи гармоніи; работа, продолжающаяся до-тѣхъ-поръ, пока трудомъ и привычкою къ выраженіямъ благороднымъ, полнымъ и точнымъ достигнешь до того, что можешь писать хорошо и безъ помарокъ съ одного раза. Чтò бъ ни говорил Буало, но писатели, которые поправляютъ и передѣлываютъ написанное — не великіе писатели; поправки должны дѣлаться въ головѣ, никогда на бумагѣ. Надо выливать идею въ фразу, какъ въ форму, и потомъ придать ей только ту легкую отдѣлку рѣзаца, которою сглаживаются швы въ металлическихъ отливкахъ. И такъ, часть занятія, заключающаяся въ искусствѣ писать, требуетъ, какъ мы говорили, много размышленій, времени и трудовъ, и каково бы ни было призваніе человека, творческое искусство не дается ему съ перваго присѣста.

«Дюма не обладалъ имъ, когда завладѣлъ театромъ. Онъ сдѣлалъ тогда все, чтò можетъ сдѣлать человекъ съ тактомъ и умомъ; только-что пьеса задумана, соображена и распределена, онъ наполняетъ ея сцены всѣмъ, чтò находитъ лучшаго въ иностранныхъ писателяхъ, беретъ въ сотрудники: Шиллера, Гёте, Вальтеръ-Скотта, Кальдерона... сотрудники, въ-самомъ-дѣлѣ, славные; онъ создаетъ планъ, они даютъ мысль—и успѣхъ пополамъ. Въ практическомъ отношеніи, метода эта недурна, потому-что, безспорно, лучше дать пьесѣ мысли и слогъ своего сосѣда, чѣмъ не дать ихъ совершенно; но, какъ теорія, метода

такая была очень непохвальна, потому-что выдавала воровство за правило, то-есть осуждала человѣческой умъ на бездѣйствіе. Еслибъ кто-нибудь и могъ защищать такую методу, то уже никакъ не Александръ Дюма, потому-что новая школа, упрекавшая поэтовъ Имперіи въ рабскомъ копированіи классиковъ, не могла же сама предложить также рабски копировать романтиковъ. Это значило бы вставить одни собственныя имена вмѣсто другихъ; Шиллера, на примѣръ, вмѣсто Корнеля; это значило-бы уклониться отъ вопроса, а не разрѣшить его.

«Въ первую минуту, не обдумавъ хорошенько дѣла, Александръ Дюма вздумалъ-было оправдывать свою литературную методу. Тогда онъ конечно считалъ себя правымъ, но, въ послѣдствіи увидѣлъ, что ошибался, и отрекся отъ своего убѣжденія. Послѣ Richard d'Arington и La Tour de Nesle, Александръ Дюма никому уже не подражалъ, но за-то онъ и не имѣлъ большого успѣха. У него бывали прекрасныя сцены, но не было хорошихъ пьесъ. Нужно было пять лѣтъ труда, при лучшемъ направленіи, чтобъ дойти до Mademoiselle de Belle Isle.

«Прибавимъ, что время не пропало даромъ, и это новое твореніе вознаградило то, чего оно стоило. Пять лѣтъ занятій были для г. Дюма самыми полезными въ его жизни; они не были наполнены блестящими произведеніями — это правда; но г. Дюма расшевелилъ больше идей, коснулся бѣльшаго числа вопросовъ, создалъ больше выраженій въ продолженіе этихъ пяти лѣтъ, чѣмъ во все время своего поприща. Дѣятельность этого человѣка изумительна! Драмы его, романы и статьи являются повсюду. Кромѣ того, его статьи, романы и драмы дали ему привычку глубоко изучать страсти, отыскивать въ самомъ себѣ то, что онъ заимствовалъ прежде у другихъ; они принудили его многое изучать и обдумывать, такъ-что съ того дня, какъ закрыли ему сокровищницы иностранныхъ писателей, онъ былъ уже богатъ самъ, потому-что трудъ всегда обогащаетъ.

«Надо замѣтить, что не въ одной Mademoiselle de Belle-Isle выказалась новая метода труда г. Дюма; мы можемъ упомянуть еще о «Калигулѣ».

«Mademoiselle de Belle-Isle носитъ на афишѣ названіе комедіи. Г. Дюма сдѣлалъ въ этомъ случаѣ уступку обычаю Французскаго театра, потому-что новая школа въ своихъ началахъ не допускаетъ классификаціи драматическихъ твореній на трагическія и комическія; она ставитъ всѣ пьесы подъ одно общее названіе: драма, и содержаніе веселое или грустное, не перемѣняетъ названія, потому-что драма значитъ дѣйствіе. И такъ не надо предполагать въ Mademoiselle de Belle-Isle формъ комедіи, точно также, какъ формъ трагедіи въ «Рюи Блазѣ».

«Нынѣшніе драматическіе писатели удаляются отъ Мольера и Расина, какъ тѣ удалялись отъ Эсхила, Аристофана и Софокла; и то, что было позволено однимъ, не можетъ-быть запрещено другимъ.

«И такъ: Mademoiselle de Belle-Isle драма, и еще болѣе, драма весьма остроумная, интересная и очень занимательная. Такого сорта пьесы не рассказываются: ихъ надо видѣть или читать; въ ней ничего нѣтъ историческаго, кромѣ собственныхъ именъ; происшествія и под-

робности вымышлены. Но, чтобъ произведеніе было вѣрно въ художественномъ отношеніи, ему достаточно быть *возможнымъ* въ историческомъ смыслѣ; стоитъ, наконецъ назвать только главныя лица: герцога Ришельё, маркизу де-При и мадамъ де Бель-Иль, чтобъ убѣдиться, что лица эти не вымышлены, за исключеніемъ, впрочемъ, одного—женуха героини.

«Мы сказали, что не слѣдуетъ примѣнять къ пьесѣ г. Дюма прайвъ классической комедіи. Каждый отвѣчаетъ только за свои намѣренія. M-lle de Belle-Isle не заключаетъ въ себѣ такъ называемыхъ, характеровъ: въ ней одна только интрига, сама-по-себѣ ужасная и трогательная, которая развивается посреди комическихъ приключеній и забавной болтовни.

«Нѣкоторые оуждали характеръ герцога Ришельё: говорили, что онъ не такъ остроуменъ въ пьесѣ г. Дюма, какъ былъ въ жизни. Намъ кажется, слѣдовало-бы сказать: вмѣсто не такъ остроуменъ, не такъ блестящъ. Описанія герцога Ришельё всегда были слишкомъ великолѣпны; не полагаемъ, чтобъ умъ его былъ таковъ-же. Это былъ вельможа красивый собою въ молодости, славу котораго составили женщины. Женщины стремятся всегда къ тому, что отличаетъ человѣка, но ужъ конечно не умомъ можно было отличиться въ глазахъ женщинъ время регентства. Герцогъ Ришельё, очень скромнаго происхожденія, подъ своимъ заимствованнымъ титуломъ, онъ назывался просто г-мъ Виньероль, и не имѣлъ даже въ своемъ семействѣ этихъ преданій роскоши и тона, отличающихъ придворныхъ Людовика XIII и первыхъ придворныхъ Людовика XIV. Онъ былъ развязанъ, но въ его манерахъ проглядывала дерзость; разговоръ его былъ скорѣе циническій, чѣмъ остроумный. Вольтеръ сказалъ, когда герцогъ Ришельё входилъ въ гостиную: «надо было беречь сердце и затыкать носъ»; онъ не говоритъ, что «надо было затыкать уши.

«M-lle de Belle-Isle, по нашему мнѣнію, лучшая изъ пьесъ Александра Дюма. Къ тому-же она, что прибавляетъ ей цѣны, плодъ болѣе самостоятельнаго труда. Г. Дюма, написавъ эту пьесу, ясно доказалъ свою способность дойти до мысли безъ чужихъ помочей. А за мыслью есть и слогъ.»

Индійскія сказки: *Kamta—Сариш—Сагара*—Сказки на санскритскомъ языкѣ замѣчательны во многихъ отношеніяхъ, особенно для европейскихъ читателей. Это источникъ, изъ котораго перешло сначала въ нѣкоторые восточные языки, а потомъ и въ европейскія нарѣчія множество рассказовъ и басень, переданныхъ Труверами среднихъ вѣковъ и потомъ славившихся въ вѣка возрожденія. Эти сказки еще болѣе важны, потому что въ нихъ вѣрно описаны нравы первобытныхъ народовъ; онѣ служили даже источникомъ многихъ историческихъ справокъ, за неимѣніемъ другихъ документовъ. Были писатели, занимавшіеся исторіей многочисленныхъ *переселеній* индійскихъ рассказовъ, хотя за нѣкоторыми изъ нихъ очень трудно было слѣдовать. Напримеръ, *Исторія Девасмиты* находится въ книгѣ Пьера Альфонса «Disciplina clericalis», написанной въ Испаніи въ 1106 году и взятой, въ-

роятно, изъ арабскихъ рукописей. Это случилось только нѣсколькими годами позже явленія въ свѣтъ сказки *Катга-саритъ-сагара* въ Кашмирѣ. Тутъ уже нельзя предполагать, что испанская сказка переведена съ санскритскаго. Скорѣе наобно думать, что, такъ-какъ при дворѣ калифовъ багдадскихъ всегда жили ученые брамины, то, вѣроятно, они рассказали эту сказку, извѣстную прежде, чѣмъ Сомадева включилъ ее въ свое собраніе. Вообще индійскіе писатели любятъ пользоваться чужимъ добромъ, и въ *Катга-саритъ-сагара*, то есть въ *Океанъ и рѣкакъ сказокъ*, есть много давно извѣстныхъ рассказовъ. Это сочиненіе принадлежитъ къ самымъ рѣдкимъ на санскритскомъ языкѣ, потому-что извѣстно имя автора и годъ, когда оно написано. Самъ авторъ говоритъ, что сочиненіе его взято изъ Вригатъ-Катги, (Большаго рассказа), который тоже составлялъ часть другаго, огромнѣйшаго произведенія, и что онъ только написалъ этотъ рассказъ стихами.

Катга-Саритъ-Сагара замѣчательна еще тѣмъ, что рассказы ея правдоподобнѣе, чѣмъ въ прочихъ санскритскихъ произведеніяхъ.

Сюжетъ *Катга-Саритъ-Сагара* вовсе не метафизическій; въ немъ даже осмѣливаются описывать страсти и характеры людей. Авторъ назначилъ себѣ слѣдующую цѣль: «Разныя страсти, (говоритъ онъ въ предисловіи) представлены въ моихъ сказкахъ, и потому трудъ мой можетъ назваться поэмою (то есть, не потому только, что онъ написанъ стихами, но и потому-что въ немъ изображены страсти, нечисленныя въ санскритской шитикѣ. Вотъ названіе этихъ страстей: любовь, иронія, жалость, гнѣвъ, смѣлость, страхъ, ненависть, удивленіе)».

Какъ поэма, Катга-Саритъ-Сагара почитается ни сколько не хуже *Махабхараты*.

Надобно сознаться, что картины индійскаго общества, представленныя во всѣхъ этихъ рассказахъ, не отличаются высокою нравственностью; и хотя правила добродѣтели и честности встрѣчаются почти на каждой страницѣ, но въ поступкахъ многихъ лицъ нѣтъ ни малѣйшей совѣсти и прамодушія. Воровство, безстыдство и хитрость называются ловкостью. Въ рассказахъ этихъ дѣйствуютъ два класса людей: брамины и женщины. Англійскій оріенталистъ Вильсонъ представляетъ этихъ послѣднихъ въ самомъ невыгодномъ видѣ. Онъ приписываетъ имъ многіе пороки, ссылаясь на индійскія поэмы и безнравственность, которая перешла и въ сказки среднихъ вѣковъ, гдѣ бѣдныя женщины часто оклеветаны. Что же касается до браминовъ, то не трудно отгадать, что кашмирскій поэтъ имѣетъ намѣреніе посмѣяться надъ ними. Въ этомъ родѣ есть много рассказовъ и въ Европѣ. Однако брамины пользуются большимъ уваженіемъ; гнѣвъ или проклятіе ихъ производитъ всегда гибельное послѣдствіе, какъ волшебства злыхъ волшебниковъ въ дѣтскихъ сказкахъ. Поэтому индійскій поэтъ очень осторожно пишетъ сатиры на браминовъ, какъ-бы боясь ихъ. Вообще брамины играютъ неблестательную роль въ сказкахъ, и всѣ ихъ качества и пороки кажутся преувеличенными. Исторія *Правраджака* (брамина, даващаго обѣщаніе жить одною милостынею) кажется только-что вылилась изъ подъ

пера Лакшонтена. Этотъ браминъ пришелъ въ одному купцу просить милостыни, и увидя дочь его, влюбился въ нее и посоветовалъ отцу запереть ее въ сундукъ и бросить въ Гангъ, потому-что она родилась подъ несчастною звѣздою и принесетъ погибель всему семейству. Отецъ послушался совѣта, и бросилъ дѣвушку въ священную рѣку. Когда браминъ вытаскиваетъ сундукъ и открываетъ его наединѣ, изъ него выскакиваетъ обезьяна и бросается царапать брамина. Дѣвушку же спасъ молодой раджнута (сынъ принца) и женился на ней.

Любовь занимаетъ въ индійскихъ поэмахъ столько же мѣста, сколько и въ греческихъ, только характеръ ея еще болѣе чувственный. Мужчины и женщины влюбляются въ одну минуту; и если препятствія мѣшаютъ имъ соединиться, то они умираютъ. Впрочемъ, въ Индіи мало непреодолимыхъ препятствій; и если раджи не женятся на пастушкахъ, потому-что правила кастъ запрещаютъ подобные браки, то дочери богатыхъ купцовъ имѣютъ полное право вступить въ высшую касту, хотя каста ихъ ниже чѣмъ семейства владѣтелей. Извѣстно также, что, по старому своду законовъ, на санскритскомъ языкѣ въ книгѣ Ману, существуетъ восемь родовъ браковъ, для которыхъ нужно также мало церемоній, какъ для браковъ въ *Иліадѣ* и *Одиссеѣ*.

Для одного изъ нихъ, называемаго Гандгарвасъ, по имени одного второстепеннаго божества, нужно было только простое согласіе съ обѣихъ сторонъ.

Эта необдуманность союзовъ и полигамія были главными причинами, что характеръ женщинъ въ Индіи унивился и положеніе ихъ сдѣлалось незавиднымъ. Но все-таки не надобно вполнѣ вѣрить всѣмъ клеветамъ писателей, описывавшихъ восточныхъ женщинъ. Они только обвиняютъ, но не хотятъ слушать оправданій.

Въ Катга-Саритъ-Сагара есть многіе рассказы, посвященные только тому, чтобъ доказать вѣроломство и непостоянство женщинъ. Нѣкоторые напоминаютъ сказки *Тысячи и Одной Ночи*, и одна, кажется, служила оригиналомъ для *Жюконда*. Но возлѣ этихъ непріятныхъ картинъ приведены также примѣры самоотверженія и преданности женщинъ. Одну изъ подобныхъ сказокъ мы приведемъ въ сокращеніи. Имя *Упакоты*, которая отдѣляется отъ трехъ искателей своей руки, точно также, какъ *Вазавадаты*, составляютъ пріятное явленіе посреди прочихъ женскихъ характеровъ въ индійскихъ сказкахъ. Мы уже сказали, что по рѣдкому и почти единственному случаю, въ санскритской литературѣ извѣстенъ не только авторъ, но мѣсто и годъ изданія Катга-Саритъ-Сагары. Авторъ въ концѣ сочиненія называетъ самъ себя Сомадева Бгатта и говоритъ, что написалъ рассказы по желанію кашмирской королевы-родительницы для забавы внука этой королевы, Гарша Дева, котораго она воспитывала.

Королева эта называлась Сурьявати, а изъ *Раджа Тарангини*, единственнаго историческаго сочиненія на санскритскомъ языкѣ, которымъ написаны также лѣтописи Кашмира, извѣстно, что Сурьявати сожглась съ тѣломъ своего мужа въ 1093 году, стало быть *Катга-Са-*

рить-Сагара или «Океанъ и рѣки сказокъ» написанъ за нѣсколько лѣтъ до этого происшествія.

Эта обширная компиляція состоитъ изъ пяти тысячъ стиховъ. Названіе свое *Океана и рѣкъ сказокъ* получила она, безъ сомнѣнія, оттого, что въ ней собраны многіе, уже прежде извѣстные рассказы. Метафора эта распространяется и на заглавія отдѣлений и главъ Катга-Сарить-Сагары, которые названы *хамбака*—волна и *таранга*—приливъ. Все сочиненіе раздѣлено на три части: въ первой описывается происхожденіе этихъ разсказовъ, вторая заключаетъ исторію короля Удаяна и супруги его Вазавадаты; въ третьей разсказы происшествія сына короля, Нараваганата, и въ этомъ состоитъ вся цѣль сочиненія, потому что первыя двѣ части служатъ только предисловіемъ. Всѣ эти рассказы имѣютъ между собою связь, хотя въ нихъ введено множество сказокъ, разсказываемыхъ второстепенными лицами для забавы, или поученія главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Многіе ученые доказали, что *Тысяча и Одна Ночь*—персидскаго происхожденія и еще вѣроятнѣе индійскаго, по тому что форма этого сочиненія имѣетъ большое сходство съ *Катга-Сарить-Сагара*. Только въ первомъ произведеніи главную роль играетъ волшебство, управляющее человѣческими дѣлами, тогда какъ въ послѣдней все относится къ языческимъ богамъ. Всѣ разсказы эти приписаны Шивѣ, который будто-бы самъ сочинилъ ихъ.

Въ самомъ началѣ книги находится семейная картина, напоминающая сцены въ *Иліадѣ* между Юпитеромъ и Юноною. Окруженный Киннарасами, Гандгарвасами и Видіадгарасами — Гимованъ (*Сивъжный*, Гималая) почитается царемъ всѣхъ горъ. Вершина его, Канлаза, возвышается на тысячи миль и блеститъ вѣчнымъ снѣгомъ. На ней обитаетъ властитель вселенной съ супругою своею Парвати и окруженный для служенія Гавасами, Видіадгарасами и Сиддгасами. На головѣ Шивы блеститъ луна, восходящая надъ сѣверными горами въ вечерній часъ и освѣщающая міръ; Суаэсы и Асурасы въ блестящихъ нарядахъ ожидаютъ приказаній властителя. Однажды Парвати была наединѣ съ своимъ супругомъ и выражала свою привязанность, воспѣвая могущество Шивы. Онъ со вниманіемъ слушалъ похвалы, выходящія изъ устъ Парвати и, прижимая ее къ сердцу, говорилъ: «Скажи мнѣ, чего ты желаешь, и я тотчасъ же исполню твою волю». — «Если ты хочешь доставить мнѣ удовольствіе, повелитель мой, отвѣчаетъ Парвати, то разскажи мнѣ еще новую исторію». — «Развѣ ты не знаешь всего, что было и будетъ?» говоритъ супругъ. Однако, заставя себя еще просить, какъ это дѣлаетъ всякій порядочный разсказчикъ, Шива начинаетъ слѣдующими словами: «Судьба полубоговъ занимательна и чудесна, и я разскажу тебѣ приключенія Видіадгарасовъ».

Во время разсказа Шивы, одинъ изъ служителей его, Пушпаданта, пробрался во дворецъ мимо быка Нанди, исполняющаго должность привратника, и не смотря на запрещеніе Шивы, подслушалъ слова его и потомъ побѣжалъ домой, гдѣ и пересказалъ ихъ женѣ. Жена, вѣроятно, принадлежала къ прислужницамъ Парвати, и не могла удержаться,

чтобъ не разказать своей госпожѣ ту же исторію. Кто въ состояніи скрыть отъ женщины свои тайны и свои сокровища? замѣчаетъ авторъ! «Парвати разсердилась, что сказка извѣстна другимъ, тогда-какъ супругъ увѣрилъ, что никто еще не слышалъ ее, и пошла жаловаться къ Шивѣ. Онъ погрузился въ размышленія и узналъ, что непослушный служитель смѣлъ воспользоваться его разказомъ. Пушпаданта призвали, Шивѣ и Парвати осудила его родиться на землѣ въ человѣческомъ видѣ. Братъ виновнаго, Малиаванъ, началъ просить прощенія за Пушпаданта, но Парвати позволила ему только раздѣлить судьбу брата. «На горѣ Видгіа, сказала Парвати, живетъ Гакша Супратика, котораго проклялъ Кувера (богъ богатствъ) и осудилъ на существованіе Пизани (злаго генія). Теперь онъ носитъ имя Канапгуги. Если ты, Пушпаданта, доберешься къ нему и разкажешь ему исторію, которую здѣсь подслушалъ, то изгнаніе твое окончится и ты вернешься сюда. А ты Малиаванъ, будешь избавленъ отъ земной жизни, когда услышишь этотъ же разказъ изъ устъ Канапгуги. «Когда богиня умолила, братья остались какъ пораженные громомъ и вскорѣ явились на землѣ. Всѣ сказки въ послѣдующихъ книгахъ разказаны ими въ Канапгуги. Характеристика Индіи изображена здѣсь превосходно.

Разказъ, который мы приведемъ, тоже совершенно въ индійскихъ нравахъ, и читатель не долженъ удивляться его странности. Переводъ сдѣланъ такъ вѣрно, какъ это только возможно. Надобно замѣтить, что санскритскіе стихи ясно выражаютъ мысль, но они еще монотоннѣе и тяжелѣе для чтенія, чѣмъ александрійскіе. Прибавимъ еще, что исторію Девасмиты разказываютъ молодой принцессѣ, какъ наставленіе и примѣръ для будущей ея жизни, а принцессу эту похитилъ (съ ея согласія) для раджи одинъ браминъ, находящійся въ службѣ у раджи.

Исторія Девасмиты. Въ знаменитомъ городѣ Тамралиптѣ жилъ богатый купецъ, по имени Дганадата. У него долго не было дѣтей. Наконецъ онъ былъ обрадованъ рожденіемъ сына. Ребенка назвали Гугазена, и когда онъ выросъ, отецъ началъ искать ему достойную жену, для чего и отправился въ далекую страну, говоря, что его призываютъ торговля дѣла. Тамъ ему понравилась Девасмита, дочь самаго богатаго купца въ городѣ, и онъ просилъ ея руки для Гугазена; но Дгармагупта (такъ звали купца) любилъ страстно свою дочь, и не желая разстаться съ нею и отпустить такъ далеко въ городъ Тамралипта, отказалъ Дганадатѣ.

Но Девасмита успѣла уже видѣть Гугазена, красота котораго произвела на нее сильное дѣйствіе, и рѣшилась покинуть родительскій домъ. Одна подруга доставила ей случай переговорить съ молодымъ человѣкомъ, и скоро они отправились въ Тамралипту съ отцомъ, гдѣ бракъ еще болѣе усилилъ любовь супруговъ.

Черезъ нѣсколько времени умеръ отецъ Гугазена, и родственники убѣдили его ѣхать въ страну Катага, чтобъ устроить торговля дѣла,

но Девасмита ни за что не хотѣла отпустить мужа, боясь, что онъ ее забудетъ. Гугазена не знала, на что ему рѣшиться. Ему тоже не хотѣлось разстаться съ молодою женою, но и дѣла требовали его личнаго присутствія. Въ этомъ недоумѣннн онъ пошелъ въ капище и началъ усердно молиться, чтобъ Шива разрѣшилъ его сомнѣннн и научилъ, что дѣлать. Девасмита тоже послѣдовала за мужемъ въ капище и раздѣляла его молитвы. Шива явился имъ во снѣ и, подавая каждому изъ супруговъ по красному лотусу, сказалъ: «Возьмите эти цвѣты и не выпускайте ихъ изъ рукъ. Если во время разлуки одинъ изъ васъ забудетъ свои обязанности, то лотусъ тотчасъ же завянетъ въ рукѣ другаго; если же вы будете вести себя примѣрно, то цвѣты будутъ всегда свѣжи.» Послѣ этихъ словъ супруги проснулись и увидѣли, что у каждаго изъ нихъ въ рукѣ по красному лотусу—хранителю супружескаго счастья. Гугазена рѣшилась ѣхать съ лотусомъ въ рукѣ, а Девасмита осталась дома, смотря безпрестанно на цвѣтокъ.

Прѣхавъ въ Катагу, Гугазена началъ торговать драгоценными камнями, и товарищи его, молодые купцы и покупатели, удивлялись, что онъ всегда держитъ въ рукѣ красный лотусъ, который никогда не вянетъ. Четверо молодыхъ купцовъ пригласили его однажды въ одинъ домъ, гдѣ заставили его пить больше, чѣмъ нужно, и начали разспрашивать о семейныхъ дѣлахъ и объ лотусѣ. Подъ влнннемъ крѣпкихъ напитковъ Гугазена не могъ молчать и разсказалъ имъ исторію своей женитьбы и разлуку съ женою. Молодые купцы знали, что торговля дѣла задержать его еще долго въ Катага, вздумали отправиться въ Тамралишту и испытать вѣрность Девасмиты. Они тихонько выѣхали изъ города и, прѣхавъ въ Тамралишту, нашли старушку Югакарандику. Они сказали ей:—Почтенная старушка, если ты поможешь нашему намѣренію, мы дадимъ тебѣ много золота.—Вы молоды, стало быть влюблены, отвѣчала старуха—скажите же, чѣмъ я могу помочь вамъ? Золота мнѣ не нужно, потому что у меня есть ученица Сидшкари, которая можетъ обогатить меня—такъ ова умна и хитра.

— Какъ-же твоя ученица добываетъ золото? спросили купцы.

— Вы очень любопытны, отвѣчала старуха. Сидшкари опытна въ волшебствѣ и достигаетъ всего, чего захочетъ; но лучше скажите, кого вы полюбили? какая женщина заставляетъ васъ страдать?

— Девасмита, жена купца Гугазена, отвѣчали молодые люди.

Она помѣстила купцовъ въ своемъ домѣ, а сама, не теряя времени, пошла къ жилищу Гугазена и, подкупивъ служителей, дошла до комнаты Девасмиты. Тутъ остановила ее маленькая собачка, которая спала на порогѣ, и, увидя старуху, бросилась на нее. Девасмита послала одну изъ прислужницъ узнать, что случилось, и та ввела жрицу къ своей госпожѣ. Девасмита поклонилась старухѣ и съ удивленіемъ спрашивала себя: зачѣмъ пришла эта женщина? Старуха сказала ей: «Я давно желала тебя видѣть; но сегодня видѣла тебя во снѣ, и не могла удержаться, чтобъ не навѣстить тебя. Какъ мнѣ жаль, что ты въ разлукѣ съ мужемъ и, можетъ-быть, надолго. Ты такъ молода

и хороша!» Старуха долго еще говорила молодой жещинѣ подобныя рѣчи и думая, что успѣла заслужить ея довѣренность, ушла домой.

На другой день она опять явилась у порога и бросила собачкѣ кусокъ мяса, посыпанный перцемъ. Животное начало ѣсть мясо, но перецъ щипалъ ей языкъ и горло, и слезы повалились изъ ея глазъ. Девасмита вышла навстрѣчу къ старухѣ и та, показывая на слезы собачки, сказала: «Это животное, вѣроятно, узнало меня. Вѣрно, мы въ одной изъ прежнихъ жизней были друзьями или родными.

«Старуха обманываетъ меня, подумала молодая жещина; надобно быть осторожнѣе».

И она сказала громко своей гостьѣ:—Почтенная жещина, чѣмъ я могу быть тебѣ полезна?»

— Сюда прѣѣхали изъ дальней страны четыре молодые купца, отвѣчала старуха. Они хотятъ познакомиться съ тобою. Прими ихъ ласково, если хочешь сдѣлать мнѣ удовольствіе.

«Хорошо» сказала добродѣтельная супруга, а старуха, обрадованная, побѣжала домой.

Девасмита позвала своихъ жещинъ и сказала имъ.

— Эти повѣсы вѣрно видѣли неувадаемый лотусъ въ рукахъ моего мужа, который разсказалъ имъ обо всемъ, и они пришли сюда затѣмъ, чтобъ погубить меня. Эта злая старуха взялась помогать имъ. Принесите-же мнѣ вина и примѣшайте въ него дурману. Достаньте мнѣ тоже кусокъ желѣза въ видѣ собачьей лапки.

Служанки исполнили приказаніе госпожи, и одна изъ нихъ одѣлась въ ея платье, чтобъ принять гостей. Молодые купцы между-тѣмъ спорили между собою, кому первому итти къ Девасмитѣ, и старуха сама должна была назначить счастливецъ. Онъ пошелъ въ домъ Гугазена, гдѣ подложная Девасмита встрѣтила его ласково и поднесла вина. Молодой человѣкъ, выпивъ его, пришелъ въ безчувственное состояніе, потому-что дурманъ скоро подѣйствовалъ, и служанки, снявъ съ него одежду и драгоценныя вещи, прижгли ему лобъ желѣзомъ, имѣвшимъ форму собачьей лапки и потомъ вынесли изъ дома и бросили на кучу сору. Къ концу ночи молодой человѣкъ пришелъ въ чувство и не могъ понять, какъ онъ попалъ туда и кто снялъ съ него верхнюю одежду. Скоро онъ почувствовалъ боль на лбу и понялъ, что его одурачили и еще заклеямили. «Не хочу-же, чтобъ я одинъ остался въ дуракахъ» сказалъ онъ и пошелъ въ домъ старухи. Тамъ онъ разсказалъ, что, возвращаясь домой, былъ ограбленъ разбойниками, и что отъ вина и бессонницы у него разболѣлась голова. И обманщикъ завязалъ платкомъ свою рану.

На другой вечеръ пошелъ второй купецъ къ Девасмитѣ и былъ принять точно такъ же какъ и первый. Возвращаясь на другое утро, полуодѣтый, онъ закрылъ лобъ рукою и разсказалъ страшную исторію о ворахъ. Потомъ тоже, подъ предлогомъ головной боли, обвязалъ себѣ лобъ.

То же самое случилось и съ остальными молодыми людьми, которые лишились своего платья, драгоценностей и получили вѣчное клеймо, свидѣтельствовавшее о ихъ дурномъ поступкѣ. Однако они ниче-

го не сказали старухѣ о неудачѣ своихъ намѣреній и простились съ нею, внутренно желая ей всѣхъ несчастій.

Послѣ отъѣзда ихъ, Югакарандика пошла съ своей воспитанницей навѣстить Девасмиту и поздравить съ побѣдою. Молодая женщина приняла ихъ ласково и угостила тѣмъ же виномъ, смѣшаннымъ съ дурманомъ. Когда напитокъ произвелъ обыкновенное дѣйствіе, служанки Девасмиты отрѣзали носы и уши у злыхъ женщинъ и бросили въ яму.

Но молодая супруга терзалась мыслью, что одураченные купцы могутъ отомстить мужу за поступокъ жены и погубить Гугазена. Она пошла къ своей тещѣ и рассказала ей все. «Дочь моя, отвѣчала почтенная мать Гугазена, ты поступила похвально, но мужъ твой, можетъ-быть, находится въ большой опасности». Девасмита отвѣчала:

— Я постараюсь спасти моего мужа точно также, какъ благоразумная Сактимати спасла своего.

— Какъ Сактимати спасла своего мужа? спросила теща.

На это Девасмита рассказала слѣдующую исторію:

«Давно, очень давно въ этомъ городѣ былъ храмъ, посвященный могущественному Мачаякчѣ, извѣстному подъ именемъ Манибгадры. Жители приносили ему богатые дары, потому-что онъ исполнялъ желанія просящихъ, и стоило только принести дары, чтобъ получить все, чего желаешь. Въ то время былъ строгій законъ: если мужчина полюбитъ чужую жену и ихъ увидятъ вмѣстѣ, то сведутъ въ храмъ Манибгадры и на другой день казнятъ. Однажды купецъ Самудрадата былъ встрѣченъ городскими стражами съ женою сосѣда, и виновныхъ тотчасъ-же взяли и заперли въ храмъ. Супруга купца Сактимати узнала объ этомъ, и такъ какъ она любила своего мужа, то рѣшилась спасти его, во что бы то ни стало. Она поздно вечеромъ принесла дары Мачаякчѣ и жрецъ, не желая потерять богатыхъ приношеній, выпустилъ ее, хотя ужъ прошло время молитвъ. Сактимати прямо пошла къ женщинѣ, рыдающей отъ стыда и отчаянія, и сказала ей: возьми мое платье и ступай домой; теперь темно и никто тебя не узнаетъ». Обрадованная женщина поспѣшила уйти; а когда, на другой день, стража пришла за преступниками, чтобъ казнить ихъ, то нашла мужа съ женою. Раджа, узнавъ объ этомъ, простилъ виновныхъ, а наказалъ жреца-привратника.

«Вотъ какъ Сактимати спасла своего мужа, прибавила Девасмита, и я тоже хочу предохранить моего отъ всѣхъ опасностей».

И она одѣлась въ платье одного изъ купцовъ, а остальные три приказала надѣть своимъ служанкамъ и отправилась съ ними въ Катагу, гдѣ находился ея мужъ. Нечаянно встрѣтила она своего мужа, который гулялъ съ друзьями, и немного успоковалась. Гугазена же увидѣвъ молодого мужчину, подумала: какъ этотъ купецъ похожъ на мою жену! Какое странное сходство!

Между-тѣмъ Девасмита пошла къ правителю Катаги и сказала ему:

— Государь, я пришла къ тебѣ съ жалобой. Прикажи созвать всѣхъ твоихъ подданныхъ, и я объясню въ чемъ дѣло.

Правитель, изъ любопытства велѣлъ собраться всеѣмъ жителямъ Катаги и потомъ сказалъ Девасмитѣ «Говори, чего ты желаешь?»

«У меня убѣжали четыре невольника, отвѣчала она и они находятся въ твоихъ владѣніяхъ. Позволь мнѣ взять ихъ обратно».

Раджа отвѣчала, чтобъ она сама сыскала своихъ невольниковъ, и молодая женщина указала на четырехъ купцовъ, которые хотѣли обмануть ее и которые носили на лбу перевязки. Другіе купцы и жители закричали съ гнѣвомъ: «Это сыновья нашихъ первыхъ купцовъ; развѣ они могутъ быть невольниками?» Но Девасмита сказала на это:

«Если вы не вѣрите моимъ словамъ, то посмотрите на ихъ лбы, отмѣченные собачьею лапкой».

Купцы поспѣшили сорвать повязки у молодыхъ людей, и увидѣли клеймо, сдѣланное горячимъ желѣзомъ. Все пришли въ недоумѣніе, но раджа нетерпѣливо закричалъ Девасмитѣ: «Что это значитъ, объясни мнѣ».

Тогда она громко рассказала происшествіе съ молодыми повѣсами, незнавшими куда дѣваться отъ стыда и насмѣшекъ; но раджи произнесъ слѣдующій приговоръ:

«Эти люди дѣйствительно твои невольники, и ты можешь дѣлать съ ними, что хочешь».

Услыша это, родственники повѣсъ предложили большія суммы денегъ, чтобъ выкупить несчастныхъ и еще должны были заплатить штрафъ за дурное поведеніе своихъ товарищей.

Вотъ какъ добродѣтельная Девасмита соединилась съ своимъ мужемъ, которому все завидовали. Послѣ этого они вернулись въ Тамралишту и никогда больше не разставались.

Женщины хорошимъ поведеніемъ и чистотою чувствъ доказываютъ любовь къ мужу, и никогда даже мысль ихъ не должна останавливаться на другомъ мужчинѣ. Для добродѣтельной женщины существуетъ только одинъ мужчина на свѣтѣ — ея мужъ.

Кажется, не надобно доказывать, что не только сюжетъ, но даже сцены и подробности этой сказки встрѣчались въ европейскихъ преданіяхъ. Не смотря на это, происхожденіе сказки чисто браминическое, и никакъ нельзя подумать, чтобъ она была перенесена съ Запада на Востокъ. Только удивительно, что она перешла къ намъ съ необыкновенною скоростью, потому-что въ 1106 году, то есть нѣсколько лѣтъ спустя послѣ санскритскаго изданія, она помѣщена была, какъ мы ужъ сказали, въ *Disciplina clericalis*. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Девасмита переведена съ восточнаго языка; только неизвѣстно, взята ли она прямо изъ Катга-Саритъ-Сагара. Этотъ-же сюжетъ встрѣчается въ сочиненіяхъ д'Осси, подъ названіемъ: *Старуха, обольщающая молодую дѣвушку*, и нѣкоторыя подробности до того схожи между собою, что можно принять эту повѣсть за переводъ съ санскритскаго. Наконецъ происшествія Девасмиты описаны въ *Gesta homanorum* и въ *Promptuarium*.

Сказки *Тысячи и Одной Ночи* часто упоминаются въ Индіи, и нельзя не замѣтить, что въ нихъ много слѣдовъ индійскаго элемента.

Нельзя рѣшительно увѣрять, что онѣ индѣйскаго происхожденія, потому-что на нихъ лежитъ арабскій отпечатокъ; но мы припомнимъ только одинъ историческій и литературный фактъ, извѣстный немногимъ, и доказывающій, что нѣкоторыя изъ превосходныхъ сказокъ *Тысячи и Одной Ночи* имѣютъ происхожденіе совсѣмъ не арабское. Историка Мазуди нельзя подозрѣвать въ томъ, что онъ хотѣлъ унижить славу своей націи, а онъ объявилъ въ статьѣ, переведенной барономъ Гаммеромъ въ парижскомъ и азіатскомъ журналѣ, что гораздо прежде появленія въ свѣтъ Тысячи и Одной Ночи, существовало на персидскомъ языкѣ сочиненіе, называемое Гагаръ-афсана, по-арабски Алифъ-Хорафа. Оба названія означаютъ *Тысяча и Одну Ночь*. Это, говоритъ Мазуди, исторія одного султана, его визиря, дочери визиря, и кормилицы ея. Имена двухъ послѣднихъ Ширзада и Динарзада. Другой писатель той-же націи даетъ объясненіе еще яснѣе при каталогѣ книгъ, составленномъ въ 987 году. Онъ приписываетъ сочиненіе Гагаръ-Афсана персидской царицѣ Гомаи, дочери Арлешира Дирецдеста (Артаксеркса Длинная Рука) и говоритъ, что это было любимое чтеніе Александра Великаго. Вѣроятно только, что въ этомъ первомъ изданіи калифъ Гарунъ-Аль-Рашидъ не былъ дѣйствующимъ лицомъ.

Въ послѣдствіи, какъ увѣряетъ Голландъ, вышло изданіе этихъ сказокъ только въ тринадцатомъ вѣкѣ; потомъ извѣстенъ переводъ г. де-Саси въ четырнадцатомъ вѣкѣ, и наконецъ въ шестнадцатомъ. Не смотря на всѣ доказательства, придающія *Тысяча и Одной Ночи* персидское происхожденіе, надобно сознаться, что въ сказкахъ этихъ много и индѣйскаго характера. Въ нихъ есть цѣлыя главы о магіи, философіи и религіи, которыя должны быть написаны человекомъ, хорошо знающимъ Индію и исторію ея. Не говоря ужъ о животныхъ, встрѣчаемыхъ въ арабскихъ сказкахъ и принадлежащихъ исключительно Индіи, въ нихъ есть гении и волшебники, имѣющіе способность дѣлаться невидимыми и летать по воздуху. Въ санскритскихъ поэмахъ тоже часто встрѣчаются *Нагасы*, полубоги, которые принимаютъ всѣ формы и невидимо летаютъ вездѣ.

Въ сказкахъ, названныхъ *Тысяча и Одинъ День*, есть исторія Фалдады, гдѣ находится правило изъ философіи Юга, по которому каждый адептъ этой системы можетъ покидать свое тѣло и переходить въ тѣло мертвеца. Веталасы, или вампиры, имѣютъ тоже эту способность. Въ Юга-Нанда (Нанда—волшебникъ) есть браминъ, по имени Индрадата. Этотъ браминъ входитъ во дворецъ раджи Нанды въ ту минуту, какъ тотъ умираетъ, и онъ переходитъ въ мертвое тѣло, оставя свое гдѣ-то въ лѣсу. Первый любимецъ покойника, преданный наслѣднику его, началъ подозрѣвать подлогъ и приказалъ сжечь всѣ найденныя тѣла. Тѣло брамина сожжено, и онъ не можетъ ужъ выйти изъ оболочки Нанды. Тогда любимецъ надѣется погубить Нанда, но Юга-Индрадата спасается посредствомъ волшебства и жестоко наказываетъ своего врага, котораго зовутъ Сакаталь. Онъ запираетъ его, какъ Уголино, въ башнѣ съ ста сыновьями, и всякій день посылаетъ имъ немного рису

и ставанъ воды. Этотъ эпизодъ не испортилъ бы никакую поэму, потому что поразителенъ какъ картины Данты. «Дѣти мои, сказалъ Сакатала, эта пища можетъ сохранить только жизнь одного человѣка, пускай-же одинъ изъ насъ употребляетъ ее и живетъ для отмщенія Юга-Нандѣ». Сыновья отвѣчали: ты одинъ можешь достойно отмстить, живи-же и наслаждайся мщеніемъ, и всѣ сто сыновей Сакаталы умираютъ въ мученіяхъ, и онъ остается одинъ въ своей тюрьмѣ, посреди труповъ.

Въ Катга-Саритъ-Сагара есть еще одна замѣчательная сторона. Въ этомъ сочиненіи грамматика (віакара) играетъ очень важную роль. Въ самомъ дѣлѣ, ко всѣмъ своимъ качествамъ и недостаткамъ брамины присоединяли отчаянное педантство. Они изучали грамматику лучше всѣхъ другихъ отраслей познаній, и въ литературѣ ихъ она играетъ самую важную роль. Арабы гораздо меньше занимались грамматикой. Въ Индіи были школы, гдѣ основали и утвердили правила языка, отъ которыхъ никто не смѣлъ удалиться. Ничего подобнаго мы не встрѣчали нигдѣ. Грамматика, высшая наука, была написана стихами, какъ безсмертныя санскритскія поэмы. Нѣкоторыя повѣсти имѣютъ грамматическую завязку, и въ Катга-Саритъ-Сагарѣ нѣсколько сказокъ основаны на грамматическомъ каламбурѣ. Въ одной изъ нихъ браминъ беретъ выучить одного раджу грамматикѣ въ шесть лѣтъ, а въ другой сказкѣ увѣряютъ, что необходимо двѣнадцать лѣтъ, чтобъ изучить этотъ источникъ всѣхъ познаній.

Катга-Саритъ-Сагара представляетъ не только вѣрную картину нравовъ Индіи, но содержитъ также замѣчательныя историческія свѣдѣнія, которыхъ нигдѣ нельзя найти. Санскритская литература обширна и занимательна, и европейскіе ученые изучаютъ ее какъ любопытный предметъ, какъ памятникъ древней цивилизаціи.

(Revue Contemporaine).

II. ТЕАТРЫ, МУЗЫКА, ИСКУССТВА.

Правый глазъ Феникса. (Музыкальный рассказъ). Мишель Габіанъ чувствовалъ въ себѣ необыкновенныя музыкальныя способности. Онъ жилъ въ родномъ своемъ селеніи Соргъ, и профессорами его въ мелодіи были: рѣка Воклюзъ, тополи, растущіе по берегу, птицы небесныя, гармонія дня, гимны ночи. Это обыкновенная консерваторія южныхъ музыкантовъ. Самъ Россини помнить эту дешевую школу природы, что доказываютъ его ошибки противъ фуги и контрапункта во многихъ операхъ, и за которыя привязываются къ нему музыкальные критики, осуждаютъ великаго маэстро во имя Апполлона.

Мишель Габіанъ былъ боленъ музыкальною лихорадкою. Его мучила одна мысль славы; онъ продалъ свою избушку, переданную ему родителями, поѣхалъ въ Марсель, и сѣлъ на пароходъ *Рамзесъ*, отправившійся въ Египетъ. Мишель хотѣлъ изучить эту страну, представленную имъ въ его неизданной оперѣ.

Онъ самъ написалъ либретто и, надобно признаться, что оно было очень оригинально. Одно названіе уже обѣщало очень много. Это была комическая опера въ трехъ дѣйствіяхъ: *Правый глазъ Сфинкса*. Тутъ уже нельзя было ожидать ни Фронтеновъ, ни Лизетъ, ни Марто, ни нотариусовъ.

— Пора уже придумать что-нибудь новое, говорилъ Мишель; въ Парижѣ и то четырнадцать вѣковъ занимаются все однимъ и тѣмъ же, и ничто не мѣняется, кромѣ фасона платьевъ и шляпъ.

Планъ этой оперы былъ чрезвычайно простъ. Дѣйствіе происходитъ за двѣ тысячи лѣтъ до Рождества Христова. Сооружаютъ большаго сфинкса у пирамидъ, и тридцать работниковъ трудятся надъ правымъ глазомъ его, въ то время, какъ тридцать другихъ отдѣлываютъ лѣвый. Разумѣется, что обѣ партіи работниковъ враждуютъ между собою. Театръ долженъ представлять носъ сфинкса въ горизонтальномъ положеніи, и на немъ должно происходить дѣйствіе оперы У Крифона, начальника работниковъ праваго глаза, есть дочь, прекрасная брюнетка Офира; у Переса, художника лѣваго глаза, сынъ Агіасъ. Министръ публичныхъ работъ фараона обѣщала награду въ тысячу луковицъ тому художнику, который слѣлаетъ лучшій глазъ Сфинксу и, кромѣ того, назначилъ миллионъ штукъ латука, варенаго въ камфорѣ, въ приданое прекрасной Офирѣ, если ея отецъ отличится. Изъ этого новаго положенія происходятъ самыя занимательныя сцены. Агіасъ считался лучшимъ художникомъ глазъ во всей провинціи озера Мерида, названнаго позже Арсиное. Если онъ примется отдѣлывать со всѣмъ стараніемъ лѣвый глазъ, то получить награду въ тысячу луковицъ, но невѣста его въ то же время потеряетъ богатое приданое. Тутъ можно было задуматься не на шутку. Какъ это далеко отъ всѣхъ Коленовъ и Лизетъ комической оперы! Молодые любовники назначаютъ другъ другу свиданіе на носу сфинкса, и догадливый Агіасъ рѣшается переодѣться въ платье одного работника праваго глаза. Онъ кончаетъ работу съ успѣхомъ и получаетъ награду и приданое. Въ концѣ министръ фараона благословляетъ молодую чету и возлагаетъ вѣнокъ изъ лотусовъ на правый глазъ сфинкса.

Въ этой оперѣ былъ превосходный гимнъ работниковъ, встрѣчающихъ первые лучи солнца, будившіе статую Мемнона. Слова и музыка доказывали двойной талантъ Мишеля Габіана, какъ поэта и композитора. Мы приведемъ здѣсь одинъ куплетъ безъ музыки:

Le désert à nous se révèle;
 Travaillons pour nous et nos fils;
 Travaillons dès l'aube nouvelle
 A l'oeil droit du sphinx de Memphis.
 Creusons sur la pierre
 La dure paupière
 Doublons nos élans!
 Amis, bon courage?

Notre grand ouvrage
 Vivra vingt mille ans.
 A cette merveille
 Gravez votre nom.
 L'Aurore réveille
 Le chant de Memnon.

Молодой музыкантъ прожилъ два года въ Египтѣ и окончилъ свое произведеніе подъ африканскимъ небомъ.

«Теперь — говорилъ онъ, садясь на пароходъ, возвращавшійся во Францію—я могу быть покоенъ, потому-что судьба моя рѣшена. Вся моя душа вылилась въ партитурѣ; мое вдохновеніе неподдѣльное и не-натянутае. Невозможно, чтобъ я не имѣлъ успѣха, потому-что вся моя будущность зависитъ отъ этой оперы—это моя жизнь, мое богатство!»

Въ Парижѣ онъ успѣшилъ представиться директору Комической оперы, который принялъ его очень дасково, но объявилъ, что въ эту минуту у него репетируютъ три новыя оперы, и что десять композиторовъ уже записаны съ ихъ произведеніями и еще не прослушаны. Впрочемъ, Мишель обѣщали дать знать, когда прійдетъ свободное время и можно будетъ прослушать его оперу, и несчастный композиторъ отправился къ г. Ронсе, начавшему со славою свое лирическое поприще. Молодой теноръ расхвалилъ оперу и согласился взять роль Амозиса, сына фараона.

Мишель Габіанъ ходилъ день и ночь вокругъ театра Комической оперы съ своей партитурой, и часто встрѣчался съ директоромъ, который говорилъ ему сладкимъ голосомъ:

«А, это вы, г. Габіанъ. Погодите немного и мы примемся за васъ. Вы молоды и можете ждать. Скоро мы попросимъ васъ представить ваше образцовое произведеніе».

Увы! Мишель долго ждалъ этого приглашенія. Последнія средства его истощились. Настала зима, суровая, холодная; кому нечего ѣсть, тому еще труднѣе покупать дрова. Проживши два года подъ тропиками, Мишель больше другихъ чувствовалъ холодъ, и ему тяжело было переносить парижскіе морозы.

Наконецъ хозяинъ гостиницы, гдѣ жилъ Габіанъ, выгналъ его очень учтиво на улицу 31 декабря, когда было больше пятнадцати градусовъ мороза.

Нашъ музыкантъ спасъ одну только свою партитурку, какъ Камюэнсъ свою поэмку, и пошелъ бродить съ нею на-удачу. Такъ онъ дошелъ до Люксембургскаго дворца.

Проходя черезъ оранжерею, онъ вздохнулъ свободнѣе, потому-что теплая температура оживила его. Онъ вспомнилъ Египетъ, портикъ Акъ-Мунена, гдѣ онъ написалъ пламенный дуэтъ между Офирой и ея возлюбленнымъ. Габіанъ съ завистью посмотрѣлъ на апельсинныя деревья, стоящія рядомъ подъ теплымъ дыханіемъ печей.

— Какъ они счастливы! подумалъ онъ: съ какою заботливостью ухаживаютъ за ними, отогреваютъ ихъ, хранятъ...

Вдругъ онъ остановился передъ пустой кадкой подъ № 53 и спросилъ садовника—Куда дѣвалось дерево?

— Засохло! отвѣчалъ тотъ. Это было прекрасное апельсинное дерево, но очень слабаго сложенія. Вѣроятно, свозной вѣтеръ коснулся его нѣжнаго ствола и оно начало хворать и чахнуть. Напрасно я куталъ его фланелью и употреблялъ всѣ медицинскія средства: оно умерло въ моихъ объятіяхъ въ ночь на 14 ноября.

— Бѣдное дерево!—сказала тронутый музыкантъ, кашляя глухо:—отчего же вы не посадите другое на его мѣсто?

— Лѣтомъ я посажу непременно другое апельсинное дерево.

Габіану не было пристанища въ тридцати тысячахъ домовъ, составляющихъ Парижъ, и онъ, войдя въ каморку публичнаго писца, написалъ слѣдующую просьбу директору люксембургскихъ оранжерей:

«Милостивый государь!

«Однажды, ночью, въ Тентирисѣ, или Дендерахъ, въ Египтѣ, я умираю съ голоду и жажды и постучался въ дверь одной хижины. Бѣдный феллахъ привялъ меня засково, далъ мнѣ молока, финиковъ и устроивъ постель изъ соломы, поблагодарилъ меня за то, что я пришелъ къ нему.

«Здѣсь, въ Парижѣ, у меня нѣтъ пристанища, потому-что самыя дешевыя квартиры для меня слишкомъ дороги. Я умираю отъ холода.

«Въ Люксембургской оранжереѣ скончалось апельсинное дерево подъ № 53, и я прошу занять на-время его мѣсто, чтобъ пользоваться теплотою и кадкой, которая будетъ служить мнѣ квартирой. Я не такъ самолюбивъ, чтобъ равнять себя съ апельсиномъ, но хочу только воспользоваться привилегіею растеній, чтобъ продлить мою жизнь. Въ оранжереѣ я не буду никому мѣшать, и прошу только позволенія навязать себѣ на шляпу № 53 и занять мѣсто покойнаго дерева.

«Мой адресъ: Въ Люксембургской оранжереѣ № 53.

Мишель Габіанъ.

Двѣ недѣли ждалъ композиторъ отвѣта на свою просьбу, и такъ-какъ онъ не могъ долго оставаться въ оранжереѣ, то, однажды утромъ, четыре овернца нашли его полузамерзшимъ на улицѣ и отнесли въ больницу. Туда же принесли и отвѣтъ директора. Вотъ онъ:

«Милостивый государь!

«Законъ 11 Нивоза V года повелѣваетъ, чтобъ всякое дерево или растеніе, засохшее въ государственныхъ теплицахъ, было замѣнено другимъ такой же породы, стало-быть, просьба ваша не можетъ быть исполнена.»

Мишель Габіанъ, дрожа отъ холода, сжегъ партитуру своей оперы, чтобъ въ послѣдній разъ почувствовать теплоту и продлить жизнь хоть пятью минутами... Потомъ онъ, какъ водится, умеръ.

(Le Voleur).

Фра Анджелико-да-Фиезоле. Мы еще не так далеки от того времени, когда, при изученіи искусства, въ Италіи не хотѣли восходить дальше вѣка Юлія II и Льва X, какъ-будто ни одно произведеніе, предшествовавшее этому вѣку, не могло сравниться съ произведеніями второй эпохи возрожденія. Преобразование живописи и вкуса во Флоренціи и въ Римѣ произошло, кажется, отъ случайнаго вліянія и содѣйствія двухъ или трехъ геніальныхъ людей: это были въ нѣкоторомъ отношеніи создатели искусства, неизмѣнныя предшественниковъ. Къ счастью, это систематическое забвеніе перваго начальнаго развитія итальянской живописи теперь уже не въ модѣ; въ самой Италіи происходитъ любопытное умственное движеніе, въ-слѣдствіе котораго, какъ мы надѣемся, вполне объяснятся всѣ пункты исторіи искусства, на которые нельзя не обратить вниманія. Изученіе флорентинской школы объясняетъ Рафаэля—это величественный выводъ длинной послѣдовательности прежнихъ открытій и успѣховъ. Нельзя не признавать въ Донателло и въ Вероччіо достойныхъ учителей Леонарда-да-Винчи и забывать, чѣмъ самъ Микель-Анджело былъ обязанъ Лукѣ Синіорелли. И дѣйствительно, *Страшный Судъ* Орвіетскаго собора во многомъ объясняетъ фрески Сикстинской капеллы.

Великіе живописцы XVI вѣка нашли въ трудахъ своихъ предшественниковъ не одніе только ошибки, которыхъ должно избѣгать, но даже и примѣры. Въ области искусствъ, какъ и вездѣ, реакція скоро доводитъ до преувеличенія. Какъ только стали заниматься старинными итальянскими художниками, тотчасъ перестали признавать другіе образцы. Въ Германіи составилаcя цѣлая школа, которая хочетъ сосредоточить всѣ условія живописи въ подражаніи формамъ среднихъ вѣковъ; Овербекъ—глава этой школы. Но большая часть сочиненій объ искусствѣ, написанныхъ въ Италіи, далеко не одушевлена почтеніемъ къ произведеніямъ первоначальной школы. Всѣ объясненные вопросы происхожденія итальянской живописи состоятъ въ немногихъ хронологическихъ указаніяхъ и въ нѣсколькихъ анекдотахъ сомнительной достовѣрности, за-то въ этихъ сочиненіяхъ встрѣчается множество подробностей о художникахъ времянь упадка. О главахъ школы ничего не сказано.

Между этими забытыми знаменитостями *Анджелико-да-Фиезоле* одинъ изъ первыхъ заслуживалъ, безъ сомнѣнія, чтобъ ему возвратили уваженіе. Никогда еще до него художникъ не отличался такими замѣчательными произведеніями и, можетъ-быть, ни одинъ изъ великихъ мастеровъ не являлся такимъ геніальнымъ спиритуалистомъ, съ такимъ глубокимъ убѣжденіемъ. Какимъ образомъ этотъ свѣтлый талантъ могъ быть непризнаваемъ столько лѣтъ? Какимъ образомъ отъ воспоминанія о подобной жизни осталось, даже во Флоренціи, только воспоминаніе о нѣсколькихъ фактахъ, неправдоподобныхъ или незначительныхъ? Только въ недавнее время собрали матеріалы для полной біографіи Анджелико.

Послѣ первыхъ успѣховъ Чимабуэ въ живописи, послѣ работъ Джіотто, произведенія флорентинскихъ художниковъ долгое время были

однообразны, какъ-будто бы ученики двухъ этихъ мастеровъ и, въ свою очередь, ихъ ученики считали невозможными дальнѣйшіе успѣхи.

Однако ученики Джіотто, не смотря на увѣренность въ непогрѣшимости своего учителя, не всѣ переняли форму его стиля, а невольно измѣнили ее. Одинъ изъ всѣхъ, Андреа Органья, обнаружилъ даже попытки къ независимости и отдѣлился отъ своихъ современниковъ оригинальностью манеры. Его триумфъ смерти на кладбищѣ Кампо-Санто, въ Пизѣ—произведеніе въ высшей степени замѣчательное. Это произведеніе, удивительное и вмѣстѣ съ тѣмъ ужасное, въ которомъ самая страшная дѣйствительность смѣшивается съ возвышеннымъ стремленіемъ, въ которомъ идеальное и поэтическое смѣшано съ ужаснымъ. Ничто не останавливало смѣлости этой кисти. Органья пріискиваетъ всѣ контрасты, хочетъ все опредѣлить, все изобразить.

Вскорѣ, однако же, произведенія другаго маэстро начали обращать на себя вниманіе Флоренціи болѣе нежели всѣ прочія картины той эпохи. Талантъ Анджелико выразился въ произведеніяхъ, запечатлѣнныхъ совершенно новымъ чувствомъ, неподражаемою нѣжностью: въ то время, какъ открывалась для флорентинскаго искусства новая эпоха успѣховъ и славы, ни одно имя не обѣщало такой славы, какъ имя этого молодого доминиканца. И въ самомъ дѣлѣ, это имя олицетворяетъ лучше другихъ направленіе и движеніе новой школы, послѣ попытокъ Джіоттески и до первыхъ удачныхъ опытовъ во время управленія Медичи.

Фра-Анджелико да Фіезоле или вѣриѣ, Джіованни Гвидо, родился, въ 1387 году, въ Виккіо, маленькомъ селеніи Мугелло, находящемся въ двадцати миляхъ отъ Флоренціи, по сосѣдству съ той деревней, гдѣ родился Джіотто, сто одиннадцать лѣтъ прежде Джіованни. Названіе да Фіезоле прибавляется къ имени живописца потому, что онъ долго жилъ въ монастырѣ этого маленькаго городка; что же касается до имени Анджелико, характеризующаго вмѣстѣ и геній и добродѣтели Фра-Джіованни, оно дано было ему народомъ изъ уваженія къ нему, какъ живописцу и человѣку. Отецъ его былъ простой земледѣлецъ. Молодой художникъ обнаружилъ прежде всего отличительную тонкость своего таланта въ миниатюрахъ, которыми онъ украсилъ книгу церковнаго пѣнія и служебникъ. Извѣстно, въ какой славѣ было въ Италіи до XV-го вѣка искусство живописи на тонкомъ пергаментѣ. Послѣ этихъ опытовъ Джіованни рѣшился предпринять болѣе значительныя работы, хотя все-таки еще не въ обширномъ размѣрѣ; онъ расписалъ въ алтарѣ нѣсколькихъ церквей дарохранительницы, отъ которыхъ сохранились нѣкоторые остатки во Флоренціи и другихъ городахъ Тосканы. Его извѣстность быстро распространилась; ему легко было жить въ блгстательномъ положеніи, пріобрѣтая столько, сколько онъ желалъ, на изученіе искусства, такъ какъ онъ его понималъ, казалось ему несообразнымъ со свѣтскою жизнью; можетъ-быть, также какое-нибудь тайное горе постигло его при вступленіи въ эту жизнь и заставило въ двадцать лѣтъ удалиться въ монастырь и вступить, въ 1407 году, въ орденъ доминиканцевъ.

Во время своего перваго пребыванія въ Санъ-Доминико, Фра-Анджелико да Фіезоле написали для монастырской церкви нѣсколько образовъ, изъ которыхъ одинъ, представляющій Богородицу, окруженную святыми, еще и теперь находится тамъ. Вообще картины Фра-Анджелико не всѣ одинакаго достоинства; но такъ-какъ онѣ происходятъ отъ равнаго вдохновенія, въ нихъ можетъ быть разница только въ болѣе или меньшей степени отдѣлки.

Внимательно разобравъ произведенія Фра-Анджелико, можно всегда найти, въ какое-бы время они были написаны, чрезвычайную простоту сюжета и чистоту выраженія. Художникъ-спиритуалистъ, Анджелико, чертя каждое изъ своихъ лицъ, не столько старался изобразить формы тѣла, какъ выразить душу почти въ прозрачной оболочкѣ. И потому предметы картинъ, преимущественно выбираемые имъ, принадлежатъ къ сферѣ чувства, стоящей выше человѣческихъ дѣлъ и жизни.

Анджелико живописецъ ангеловъ, какъ Рафаэль живописецъ Мадонъ.

Въ концѣ 1436 года, доминиканцы Фіезоле удалились изъ монастыря, но, не въ слѣдствіе изгнанія и гоненія, какъ было въ началѣ того вѣка; они принимали во владѣніе обширныя жилища, предложенныя имъ разсчитаннымъ великодушіемъ Козьмы Медичи. Конечно, дѣлая значительныя издержки на постройку этого жилища для тѣхъ, которыхъ онъ считалъ своими друзьями, Медичи не думалъ, что онъ приготовлялъ убѣжище для самаго страшнаго врага его дома, отъ котораго въ послѣдствіи должны были бѣжать сами Медичи. Но въ это время ни что не предвѣщало Савонароллу, и Фіезольскіе монахи, подъ предводительствомъ своего пріора, поселились въ монастырѣ св. Марка. Зданіе это еще не было отстроено вполнѣ, когда Анджелико принялся писать рядъ фресковъ, украшающихъ монастырь, и въ нѣсколько лѣтъ окончилъ этотъ огромный трудъ, не имѣя помощника и въ то же время не оставляя множества другихъ живописныхъ работъ.

Талантъ Фра-Анджелико еще прежде сдѣлалъ его извѣстнымъ, но фрески св. Марка окончательно утвердили его славу. Всѣ его прежнія картины были меньшаго объема, и величина изображаемыхъ имъ лицъ не превышаетъ одного или двухъ футовъ; но самая главная, если не самая лучшая картина та, которая покрываетъ одну изъ стѣнъ капитульской залы и изображаетъ смерть Иисуса Христа.

У подножія креста стоятъ въ первомъ ряду свидѣтели страданій Спасителя, потомъ основатели монашескихъ орденовъ и множество святыхъ всѣхъ временъ и странъ, которыхъ Фра-Анджелико соединилъ на Голгоѣ, побужденный благоговѣніемъ, оправдывающимъ анахронизмъ. Всѣ взоры обращены на Христа; всѣ лица выражаютъ страданіе и вѣру; но это выраженіе усердія и отчаянія высказывается совершенно характеру каждаго лица.

Въ то время какъ Фра-Анджелико только-что кончилъ свой огромный трудъ, въ монастырѣ Сан-Марко была открыта для публики часовня, разрисованная Мазаччіо, въ церкви дель-Кармино—замѣчательное собы-

гіе въ исторіи флорентинскаго искусства и которое произвело такое сильное впечатлѣніе, что фрески доминиканскаго художника были забыты даже тѣми, кто болѣе всего ими восхищался. Нисколько не жалуясь на успѣхи своего соперника и не обвиняя никого въ непостоянствѣ, или въ несправедливости, Фра-Анджелико одинъ изъ первыхъ, и такъ же громко какъ другіе, выразилъ свой восторгъ, рассматривая это знаменитое произведеніе. Онъ сдѣлалъ даже болѣе: извѣстный своими картинами прежде живописца фресковъ дель-Кармино, онъ присоединился къ толпѣ молодыхъ художниковъ, ходившихъ изучать это произведеніе и, какъ послѣдній изъ нихъ, работалъ въ часовнѣ, гдѣ столько поколѣній художниковъ должны были послѣдовать его примѣру.

Анджелико жилъ какъ самый скромный монахъ. Обращались ли къ нему съ просьбой нарисовать что-нибудь, онъ докладывалъ объ этомъ настоятелю, безъ позволенія котораго ничего никогда не начиналъ. Равнодушный къ собственной славѣ и желая только содѣйствовать своимъ талантомъ къ развитію вѣры, онъ не подписывался ни на одной изъ своихъ картинъ. Извѣстно по преданію, что Фра-Анджелико становился на колѣни для-того, чтобъ рисовать лица Спасителя и Божіей Матери и что, углубляясь въ идеальное созерцаніе, онъ видѣлъ передъ собою сквозь слезы типы, которые чертила его рука. Папа Евгеній IV, во время собора во Флоренціи, останавливавшійся на два дня въ монастырѣ Санъ-Марко, хотѣлъ чтобъ Ватиканъ обогатился чудесами кисти, которою онъ любовался, и призвалъ Фра-Анджелико въ Римъ, поручивъ ему украсить фресками часовню. Въ Ватиканъ артистъ пріѣхалъ по приказанію папы. Тотчасъ же, по пріѣздѣ въ Римъ, онъ принялся за работу. Папа хотѣлъ возвести доминиканскаго артиста въ архіепископы Флоренціи, но онъ, отклоняя отъ себя эту милость, достигъ убѣдительными просьбами, чтобы это званіе, котораго онъ считалъ себя недостойнымъ, было передано Антонію. Окончивъ ватиканскія работы, онъ предпринималъ другія, для одного изъ отдѣленій дворца, которое теперь уже не существуетъ; потомъ, изнуренный трудами и болѣзною, онъ жилъ еще нѣсколько мѣсяцевъ и умеръ шестидесяти осьми лѣтъ въ доминиканскомъ монастырѣ Санта-Марія-делла Миневра.

Напрасно эпитафія этого монастыря воспѣвала геній живописца, сравнивая его довольно-неудачно съ геніемъ Аппеллеса: уже въ концѣ XV вѣка неудавлялись картинамъ, которыя вызвали эти похвалы. Одинъ живописецъ-поэтъ, хотя съ очень посредственнымъ дарованіемъ, но имѣвшій счастье быть отцомъ Рафаэля, Джіованни Санціо, въ своемъ панегирикѣ Фредеріку, герцогу урбанскому, называетъ просто «монахомъ ревностнымъ къ добру» великаго артиста, котораго двадцать лѣтъ прежде, замѣчательный поэтъ Доминико да-Корелла сравнивалъ съ Чимабуэ и Джіото, говоря въ своей поэмѣ *de Origine urbis Florentiae: Angelicus pictor Nomine non Jotto, non Cimabue minor.*

Съ XVII столѣтія эти замѣчательныя произведенія пришли въ такой упадокъ, что многія изъ нихъ были уничтожены безъ разбора. Павелъ III-й уничтожилъ въ Ватиканѣ цѣлую часовню, расписанную

Фра-Анджелико и замѣнилъ ее лѣстницей. Еслибъ не примѣры Германіи и Франціи, то равнодушіе къ Фра-Анджелико и учителямъ первобытной школы продолжалось бы еще въ Италиі. Если формы искусства могутъ и должны измѣняться съ измѣненіемъ мыслей, постановленій и нравовъ каждой эпохи, то самыя основанія искусства должны быть непоколебимы. Ни успѣхи подражателей Микель-Анджело, ни эклектическая философія Карраччьевъ, ни покушенія послѣдователей натуры въ живописи, ни системы, принятыя господствующимъ направленіемъ вкуса, не могли достигнуть того, чтобъ измѣнить условіе красоты въ произведеніяхъ живописи: они существуютъ потому, что олицетворяютъ идеаль; поэтому же и картины Фра-Анджелико всегда останутся для художниковъ примѣрами изученія религиозной живописи. (Revue des Deux Mondes).

Гекторъ Берлиозъ. — Der seltene Mann will seltenes Vertrauen. Gebt ihm den Raum; das Ziel wird er sich setzen. Эти слова Шиллера лучше всего характеризуютъ замѣчательнаго композитора; и между-тѣмъ вотъ что писали о немъ.

«Нѣкто Гекторъ Берлиозъ давалъ, 1-го ноября, концертъ, въ которомъ игралъ нумера своего сочиненія. Это была какая-то смѣсь безумнаго, страннаго, дикаго. Всѣ правила музыки попораны, презрѣны. Композиторъ слѣдовалъ только внушенію необузданной своей фантазіи. При всемъ этомъ нельзя у него отнять знанія музыки; жаль только, что это знаніе неразвито. При вкусѣ и образованіи онъ-бы могъ быть вторымъ Бетговеномъ.»

Это было первое свѣдѣніе въ Германіи о Берлиозѣ, напечатанное въ Allgemeine Musikalische Zeitung 30 декабря, 1829 года, слѣдственно двадцать четыре года тому назадъ. Съ-тѣхъ-поръ онъ и донынѣ служитъ предметомъ удивленія и насмѣшекъ, уваженія и презрѣнія, зависти и полемики. Онъ все еще составляетъ между нами живую загадку, надъ которою многіе ужъ испытывали свое остроуміе, но которую никто еще не рѣшилъ. Ужъ по этому одному человекъ этотъ заслуживаетъ особенное вниманіе. Если одни почитаютъ его глупцомъ, другіе—геніемъ, то всякій пойметъ, что въ немъ много глубокомысленнаго. Чтобъ добратся до этого, надобно внимательно прослѣдить всю его жизнь и развитіе сочиненій.

Въ Германіи долго его почитали французскимъ шарлатаномъ, человекомъ съ геніемъ, но безъ основательныхъ познаній и вкуса; смѣялись надъ его кочующею жизнью, но не допускали, чтобъ онъ могъ имѣть вліяніе на искусство. Робертъ Шуманъ былъ первый, который, въ 1835 году, въ Neue Zeitschrift составилъ ученый разборъ *Simphonie fantastique*. Разборъ этотъ былъ написанъ съ такимъ жаромъ, который рѣзко противорѣчилъ всеобщимъ предразсудкамъ противъ Берлиоза.

Съ тѣхъ поръ видимая холодность исчезла; стали внимательно разбирать его сочиненія.

Въ 1837 году играна была въ Лейпцигѣ и Веймарѣ увертюра его изъ *Francs-juges*, а въ 1839 въ Брауншвейгѣ та же увертюра и другая къ *Королю Луру*. Этимъ распространилась его слава и всеобщее къ нему вниманіе.

Берліозъ родился 11 декабря 1803 года въ Котъ-Сентъ-Андре (близъ Гренобля). Отецъ назначалъ его къ медицинскому поприщу. Гекторъ получилъ очень хорошее воспитаніе, въ которое включена была и музыка безъ всякой дальнѣйшей цѣли. Но Берліозъ сдѣлалъ такіе удивительные успѣхи въ музыкѣ, что черезъ полгода читалъ ужъ ноты à livre ouvert, и изрядно игралъ на флейтѣ. Къ медицинѣ-же имѣлъ онъ глубокое отвращеніе, и отецъ его, видя это, старался оставить его страсть къ музыкѣ, соединивъ ее съ изученіемъ медицины. Онъ заставилъ его проходить вмѣстѣ съ нимъ анатомическія таблицы, обѣщая за это выписать ему новую флейту съ клапанами. Эти занятія продолжались два года, но страсть къ музыкѣ не уменьшалась. Онъ тайно досталъ себѣ *Теорію музыки* и учился по ней, по ночамъ, безъ всякаго руководства, потомъ началъ самъ сочинять, и эти первые опыты были самые странные. Онъ ввѣрилъ ихъ нѣкоторымъ друзьямъ, и тѣ разыгравши ихъ, осмѣяли его.

Гайднъ былъ искрою, воспламенившею талантъ Берліоза. Онъ услышалъ однажды исполненіе квартета Гайдна, досталъ голоса этого квартета, инструментовалъ его, изучилъ духъ всего творенія и нашелъ ключъ къ мертвой теоріи. Тотчасъ-же успѣлся онъ и написалъ квинтетъ для любимой своей флейты съ акомпаниментомъ скрипичныхъ инструментовъ. На этотъ разъ друзья не смѣялись надъ нимъ, а такъ расхвалили, что отецъ испугался за свою медицину.

Настало время, когда Берліозъ долженъ былъ ѣхать въ Парижъ, для окончанія своего медицинскаго образованія. Онъ рѣшился еще годъ посвятить на это, но и во время анатомическихъ лекцій, въ Парижѣ, безпрестанно твердилъ онъ о музыкѣ, особливо о *Фрейшюцль*, котораго давали тогда въ Парижѣ въ самомъ изуродованномъ видѣ, какъ даютъ и теперь.

Однакожъ, черезъ годъ послѣ продолжительной борьбы, увѣдомилъ онъ отца, что не въ состояніи быть врачомъ. Явись къ директору театра *Des Nouveautés*, только что тогда учреждавшемуся, просилъ онъ его о помѣщеніи его въ оркестръ флейтраверсистомъ. Онъ опоздалъ: всѣ мѣста были заняты. Онъ просился въ хористы, и, послѣ нѣ котораго раздумья, допустили его къ состязанію званія басиста въ хорѣ. Этого мѣста искали четыре кандидата. Онъ пѣлъ послѣ состязавшихся съ нимъ большую арію изъ 3-го акта *Эдипа*. На другой-же день былъ онъ опредѣленъ съ жалованьемъ по 50 франковъ въ мѣсяць.

Тутъ пробылъ онъ три мѣсяца и пѣлъ ежедневно въ хорѣ самыхъ жалкихъ водевилей. При этомъ нашелъ онъ нѣсколько учениковъ, и это содержаніе дозволило ему оставить жалкое свое мѣсто. Самъ онъ ходилъ учиться къ Левассеру.

Въ это время сочинилъ онъ оперу *les Francs-juges*, которой только партитура сдѣлалась извѣстна. Съ этой минуты примирившійся съ

нимъ отецъ далъ ему средства вступить въ парижскую консерваторію, гдѣ онъ продолжалъ учиться у Рейха и Левассера.

Тогда былъ въ славѣ теорикъ и композиторъ Фетисъ. Онъ былъ членъ Суда Присяжныхъ въ классѣ композиціи въ консерваторіи. Съ перваго шага сдѣлался онъ врагомъ Берліоза, и старался всячески угнетать его. Это много помѣшало Берліозу; не смотря на то, Берліозъ получилъ премію за кантату Сардавалаль. Слѣдствіемъ этого была повѣдка въ Италію на счетъ казны, гдѣ онъ и долженъ былъ пробыть нѣсколько лѣтъ.

Во время сочиненія этой самой кантаты, въ 1830 году, происходили въ Парижѣ извѣстные июльскіе дни, которые онъ и воспѣлъ потомъ черезъ десять лѣтъ, въ своей *Symphonie funèbre*.

Такимъ образомъ Берліозъ отправился въ Италію, гдѣ познакомился съ Моцфартомъ и Мендельсономъ. Въ *Музыкальномъ путешествіи по Германіи* описалъ онъ эту встрѣчу.

Еще до отъѣзда своего изъ Парижа влюбился онъ въ одну ирландскую актрису Симпсонъ и, одушевленный этою страстью, написалъ свою знаменитую *Symphonie fantastique*, которая въ первый разъ была играна въ парижской консерваторіи въ 1832 году.

Это была не симфонія въ прежнемъ смыслѣ этого слова, это была драматическо-музыкальная картина съ объяснительною программой въ пяти отдѣлахъ; по окончаніи симфоніи продрался сквозь толпу одинъ изъ слушателей и, обнявъ Берліоза, съ чувствомъ сказалъ: «*вы начинаете тамъ, гдѣ другіе кончаютъ*». Это былъ Паганини. Съ той минуты они сдѣлались друзьями.

Въ этомъ-же концертѣ была и миссъ Симпсонъ. Впечатлѣніе, произведенное надъ нею этою симфоніею, было таково, что черезъ нѣсколько времени потомъ она вышла за композитора.

Любопытно послѣ этого знать, какъ самъ Берліозъ вообще судилъ о музыкѣ.

Однажды былъ онъ съ однимъ извѣстнымъ парижскимъ композиторомъ при исполненіи одного изъ послѣднихъ квартетовъ Бетгоvena.

— Что вы скажете объ этой музыкѣ? спросилъ Берліозъ.

— Мнѣ она не нравится, отвѣчалъ тотъ:—кромѣ нѣкоторыхъ счастливыхъ идей, нѣтъ въ ней ни ясности, ни связи. Она не производитъ во мнѣ ни малѣйшаго чувства удовольствія. А вѣдь вы, конечно, согласитесь, что цѣль музыки состоитъ въ томъ, чтобъ льстить нашему слуху.

— Нѣтъ! съ живостью вскричалъ Берліозъ:—нѣтъ, я хочу, чтобъ музыка производила во мнѣ лихорадку; чтобъ она потрясала мои нервы. Неужели вы думаете, что я, слушая музыку, ищу удовольствія?

Этотъ отзывъ Берліоза разрѣшаетъ загадку всей его жизни и всѣхъ сочиненій. Музыка не составляетъ для него удовольствія; она для него—потрясающая борьба души, сильное стремленіе къ высшимъ ощущеніямъ.

Мы знаемъ тридцать сочиненій Берліоза, и всѣ они могутъ служить рамами къ собственной его жизни, къ его надеждамъ и разоча-

рованіямъ, къ его любви и страданіямъ: Увертюры Веверлея, Тайнаго Судилища, Короля Лира, Корсара, Бенвенуто Челлини и римскій карнаваль, служатъ выраженіемъ эпизодовъ его жизни. За первую его симфонію *Эпизодъ изъ жизни артиста*, быстро послѣдовала вторая: *Возвратъ къ жизни. Гарольдъ въ Италіи* выражаетъ пребываніе Берліоза въ этой странѣ. Его *печальная симфонія* представляетъ картину бѣдственной іюльской революціи. Въ *Ромео и Юлія* выразилъ онъ любовь свою къ миссъ Симпсонъ; а когда она умерла, написалъ онъ *Смерть Офеліи*. Послѣднія его сочиненія: *3 мая* — апотеозъ Наполеона, и *Реквіемъ* въ честь павшихъ воиновъ въ Африкѣ.

Единственную свою оперу *Бенвенуто Челлини* передѣлывалъ онъ три раза, и достоинство ея все-таки неоспоримо. Въ Парижѣ ее освидѣтали, въ Лондонѣ она упала, только въ Веймарѣ имѣла постоянный успѣхъ.

Вообще всѣ сочиненія Берліоза оригинальны и новы. Онъ не повторяетъ самъ себя и не заимствуетъ у другихъ. Его мелодіи выливаются изъ сердца. Тотъ не пойметъ ихъ, кто холодно исполнитъ; но кто съ полнымъ чувствомъ усвоитъ ихъ себѣ, тотъ, при всякомъ повтореніи, болѣе и болѣе узнаетъ ихъ цѣну. (Illustrirte Zeitung).

III ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ, ИСКУССТВАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

О причинахъ зигзаговъ молніи. — Г. Монсель читалъ въ парижской Академіи Наукъ диссертацию о произведенныхъ имъ опытахъ, доказывающихъ, что зигзаги молніи происходятъ оттого, что сгущенные водяные пары атмосферы служатъ хорошимъ проводникомъ электричеству. Вотъ два опыта.

Если на лакированную доску налить легкій слой воды, или лучше, если неметаллическое зеркало подержать надъ паромъ, то тотчасъ увидимъ, что струя, произведенная прекращеніемъ рукою тока, даетъ длинныя полосы электрическаго свѣта сквозь сгущенный паръ, весьма ярко очерченныя.

Остается узнать: одинаковое-ли дѣйствіе произойдетъ въ атмосферѣ посреди сыраго вокругъ воздуха, какъ на доскѣ, или зеркалѣ, окруженныхъ сухимъ воздухомъ? Для этого произведенъ слѣдующій опытъ.

Взять чашу, наполненную чистою водою, и посредствомъ двухъ кондукторовъ вызвать изъ этой воды искру. Она отъ поверхности воды бросится вдругъ къ обоимъ проводникамъ, но никогда не перелетитъ отъ одного къ другому, если разстояніе довольно велико. Посыпьте-же эту воду желѣзными опилками—и огненная струя пробѣжитъ между двумя проводниками въ разныхъ направленіяхъ зигзагами, разбрасывая металлическія частицы во всѣ стороны. Слѣдственно зигзаги молніи происходятъ отъ дождя и сгущенныхъ водяныхъ паровъ во время грозъ. (Athenaeum).

Астрономическое исчисленіе Леверрье. Этотъ астрономъ, прославившійся своими исчисленіями, указавшими на существованіе новой планеты, кончилъ теперь новое исчисленіе, также чрезвычайно важное.

Въ послѣдніе годы открыто множество телескопическихъ планетъ между Марсомъ и Юпитеромъ, и число ихъ простирается уже до *двадцати семи*. До-сихъ-поръ думали, что эти планеты составляютъ области огромнаго небеснаго тѣла, вращавшагося нѣкогда въ этомъ пространствѣ и разрушеннаго неизвѣстнымъ намъ переворотомъ. Леверрье доказалъ своими исчисленіями неосновательность этого мнѣнія. Эти планеты произошли вовсе не отъ разрушенія одной большой планеты, а созданы вмѣстѣ со всею міровою системою, но по тѣмъ же самымъ законамъ, какъ и другія тѣла. Онъ даже цифрами доказалъ, *сколько* ихъ еще должно быть открыто въ этомъ пространствѣ, разочтя, что до-сихъ-поръ всѣ эти двадцать семь планетъ не составляютъ еще и четвертой части земной массы. Всѣ астрономы заняты теперь этимъ исчисленіемъ Леверрье. (Magaz. für die Litter.)

Памятники на аниевой дорогѣ. Проволоки электрическаго телеграфа, соединяющія Римъ съ Неаполемъ, идутъ чрезъ древнюю аниеву дорогу, и множество телеграфическихъ шестовъ влѣтаны въ развалины древнихъ гробницъ. По обѣимъ сторонамъ этой чудно сохранившейся дороги простираются равнины, на которыхъ видны еще частью разрушенныя, частью уцѣлѣвшіе водопроводы. На вершинѣ, гдѣ стоитъ извѣстный памятникъ Цециліи Метеллы, видны вновь разрытыя мѣста, обнажившія древнюю дорогу, идущую прямо къ Албанскимъ горамъ. Дорога окаймлена съ обѣихъ сторонъ возвышенною насыпью, по которой шли тропинки для пѣшихъ, а по сторонамъ ея расположены были безчисленные надгробные памятники.

Главная изъ этихъ руинъ называется Casale rotondo; она еще обширнѣе извѣстнаго памятника Цециліи Метеллы. Здѣсь, на квадратномъ фундаментѣ, простирающемся на сто двадцать футовъ въ каждую сторону, стояло круглое зданіе, которое теперь частью разрушено; на мѣстѣ его красуется сельская хижина, передъ которою растетъ группа оливковыхъ деревьевъ. Многіе остатки мраморныхъ стѣнъ этого зданія прислонены еще къ фундаменту, и видно, что подъ богатымъ карнизомъ былъ рядъ пиластровъ между сводами, шедшими вокругъ всего зданія; вокругъ стояли каменные скамьи.

Изъ надписей на прочихъ гробницахъ видно, что онѣ принадлежали болѣею частью незначущимъ лицамъ. Есть тутъ имена еврейскія и восточныя, какъ-то: Ахиба, Бариха, Забло, и проч. Бюсты умершихъ разставлены по углубленіямъ, и лучшія работы разосланы по римскимъ музеумамъ. (Magaz.)

— **Удивительная пещера на островѣ Мартиникѣ.** На островѣ Мартиникѣ есть пещера, наполненная мамонтовыми костями. Туземцы почитаютъ ее провалившимся городомъ, въ которомъ обитали исполины, первобытные жители земли. Дѣйствительно, таково первое впечатлѣніе, производимое этимъ удивительнымъ зрѣлищемъ. Все въ такомъ архитектурномъ порядкѣ: залы, куполы, корридоры, улицы, аллеи, вѣдуки. Все это, конечно, подъ землею, но все повидимому устроено по плану цѣлой столицы, и все въ самомъ исполинскомъ размѣрѣ. Улицы слѣдуютъ одна за другою на вѣскольکو миль протяженія и, кажется, недавно еще развалились. По улицамъ тянутся какъ-бы зданія, которыхъ верхніе этажи только-что обрушились, и однако-же, все это одна игра природы. Это только пещера, сквозь которую прорывъ воды образовалъ разные своды, переходы и мѣстныя развалины. Этотъ прорывъ воды оставилъ здѣсь множество мамонтовыхъ костей. Слѣдственно, событіе это принадлежитъ къ древней исторіи планеты. (Nov. Zeit.)

— **Новое открытіе perpetuum mobile** (вѣчное движеніе). — Одинъ бѣдный работникъ въ Ипсвичѣ (въ Англіи), послѣ тридцати-лѣтнихъ трудовъ, устроилъ модель машины въ 12-ть дюймовъ длины, 12-ть ширины и 11½ вышины, которая, будучи приведена въ движеніе посредствомъ винта, долгое время продолжаетъ свое дѣйствіе. Она имѣетъ довольно силы, чтобъ вертѣть точильный камень около желѣзной полосы, преодолевая при этомъ усилія *одного* человѣка, который сталъ бы противиться этому движенію. При слѣланной пробѣ, машина находилась въ непрерывномъ движеніи въ теченіе *тридцати шести* часовъ, не ослабляя силы хода, и изобрѣтатель ея, по имени Томасъ Тонвардъ, увѣраетъ, что движеніе ея продолжится до-тѣхъ-поръ, покуда не изотрутся матеріалы, изъ которыхъ она составлена. Три извѣстные англійскіе инженера взяли эту машину и самого изобрѣтателя въ Лондонъ, для дальнѣйшаго испытанія. (Allgem. Mod Zeit.)

IV. МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ и НОВОСТИ, АНЕКДОТЫ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ, ПУТЕШЕСТВІЯ.

— **Съверо-западный проходъ изъ Атлантическаго въ Великій Океанъ не открытъ.** Въ Daily News пишутъ слѣдующее: «О сирѣ Джонѣ Франклинѣ нѣтъ никакого извѣстія. Последняя надежда къ отысканію его, или одного изъ его товарищей—исчезла; невѣроятно даже, чтобъ остатки ихъ когда-либо были открыты. Слабые слѣды, найденные на мысѣ Рилеѣ, оставлены безъ дальнѣйшаго изслѣдованія. Все замолкло; все покрыто непроницаемымъ мракомъ. Участь этихъ храбрыхъ людей, погибшихъ за славу науки, навсегда останется тайною. Печальное чувство, возбуждаемое этимъ воспоминаніемъ, тѣмъ горестнѣе, что для отыска-

нія ихъ слишкомъ мало было сдѣлано. Экспедиціи начались слишкомъ поздно и направлены были не къ надлежащимъ мѣстамъ.

Передъ отъѣздомъ своимъ изъ Англіи, серъ Джонъ Франклинъ объявилъ многимъ лицамъ, что намѣренъ пройти вверхъ по Веллингтонову каналу. Но первыя экспедиціи не слушались этихъ людей. Всякій начальникъ экспедиціи имѣлъ въ виду не столько отысканіе Франклина, сколько прославленіе собственнаго своего имени.

Это, конечно, горькая истина, но не менѣе того истина, которую теперь стараются заглушить возгласами объ открытіи *сѣверо-западнаго прохода*. Мы вовсе не намѣрены отнимать славу у лейтенанта Макъ-Клюра, но *онъ не открылъ этого прохода*. Этотъ достойный офицеръ самъ вовсе не выдавалъ себя за открывателя; все это выдумали журналисты, которымъ нужны громкія названія къ ихъ статьямъ.

Открытіе сѣверо-западнаго прохода имѣетъ двоякое значеніе: если откроется, что сѣверная оконечность Америки омывается океаномъ, около котораго можно объѣхать, и что Америка нигдѣ не соединена съ Азією; или найдено будетъ, что вдоль сѣверной оконечности Сѣверной Америки идутъ свободные нѣкоторое время года отъ льда и удобные для проѣзда изъ Ледовитаго Океана въ Тихій.

О томъ, что материкъ Америки нигдѣ не соединенъ съ Азією, извѣстно уже было и прежде. Сиръ, Джемсъ Россъ дополнилъ эту извѣстность при открытіи сѣвернаго магнитнаго полюса, проѣхавъ по проливу Барроу. Но чтобъ дѣйствительно можно было проѣхать изъ Атлантическаго въ Великій Океанъ и обратно, этого еще никто не испыталъ, и Макъ-Клюръ не проѣзжалъ по этому пути на кораблѣ.

Слѣдственно или проѣздъ былъ уже прежде извѣстенъ, или онъ еще не открытъ. (Nowellensv Zeit).

Памятникъ Франца Драке въ Оффенбергѣ. Въ концѣ 1852 года открытъ былъ въ Оффенбергѣ памятникъ знаменитому мореплавателю Францу Драке, который, кромѣ великихъ своихъ заслугъ на морѣ, оказалъ человѣчеству величайшую услугу вывозомъ въ Англію картофеля, питающаго нынѣ болѣе половины Европы.

Ваятель представилъ его въ ту самую минуту, когда, 4 апрѣля 1587 года, королева Елисавета возложила на него, на кораблѣ въ Дентфордѣ, рыцарскую золотую цѣпь. Въ правой рукѣ держитъ онъ развернутую карту Америки съ изображеніемъ Виргиніи и остальной Сѣверной Америки, взятой имъ во владѣніе именемъ англійской королевы; лѣвая рука покоится на якорѣ, котораго одинъ конецъ прикрытъ рыцарскою мантиєю, а передняя часть обвита корабельнымъ канатомъ. Въ этой же рукѣ держитъ онъ связку картофеля съ цвѣтами и листьями. Вся фигура его прислонилась на кормѣ корабля съ англійскимъ гербомъ. Голова непокрыта, лице — настоящій сѣверный типъ — исполнено мужества и рѣшимости. Вся фигура сдѣлана изъ красноватаго, мелкозернистаго песчаника. Она вышиною въ девять футовъ. Пьедесталъ

изъ грубаго камня, высотой въ 12-ть футовъ. Надписи слѣдующія: 1) на передней сторонѣ: «Сиръ Франсисъ Драке, распространитель картофеля въ Европѣ, въ 1586 году». 2) На задней сторонѣ: «воздвигнувшему этотъ памятникъ, Андрею Фридриху изъ Страсбурга, городъ Оффенбергъ выражаетъ свою благодарность». 3) На восточной сторонѣ: «Слава твоя — въ благословеніяхъ челоѳчества». 4) Западная сторона «Даръ Божій помогаетъ бѣднымъ въ нуждѣ». (Athenaeum).

Вертящіеся столы въ древности. Встарину была во Франціи ка-баллистическая операція, въ XVII вѣкѣ называвшаяся: *вертѣть рѣшето*. Въ Жилблазѣ, когда Маркиза де Шаво принимаетъ къ себѣ волшебника, происходитъ сцена, очень похожая на нынѣшніе вертящіеся столы. Да и теперь еще въ нѣкоторыхъ южныхъ французскихъ провинціяхъ есть суевѣрный обычай, называемый *faire vige lou cruveru*, что значитъ: *вертѣть рѣшето*. Какъ скоро случится покража, *шато*сы (молодыя дѣвушки) собираются вокругъ стола, на который поставлено рѣшето. У каждой въ рукахъ большія ножицы, которыми онѣ срѣзываютъ чертополохъ, и которыхъ остріе держатъ онѣ къ рѣшету. Черезъ нѣсколько времени рѣшето начинаетъ вертѣться и указываетъ на ту, которая украла похищенную вещь.

Отчего и какъ рѣшето вертится—неизвѣстно, но въ тѣхъ мѣстахъ такъ увѣрены въ дѣйствительности рѣшета, что недавно, когда послѣ одной значительной пронажи, въ которой судебное слѣдствіе не могло добраться до истины, объявили, что приступлено будетъ къ *верченію рѣшета*, виновный бѣжалъ накануне опыта и тѣмъ изобличилъ себя.

Послѣ этого, разумѣется, не нужно было производить опыта, и адвокаты шутили надъ обвиненнымъ, увѣряя ихъ, что рѣшето не можетъ само-собою вертѣться. Но тѣ съ полною увѣренностью утверждали, что вертится (*vige! vige!*). Ясно, что это явленіе одинаково съ вертящимися столами.

Тотъ же обычай встрѣчается въ Итали и Испаніи. У итальянцевъ называется онъ: *far girare lo stacello*, а у испанцевъ: *adivinar por tela de cedazo*. Въ древнія времена было это суевѣріе и у Грековъ, и называлось *коскиномантія*, или *гаданіе рѣшето*мъ, которое вертѣлось, будучи повѣшено на ниткѣ, или воткнуто на остріе. Впрочемъ, у Грековъ объясненіе очень темно, но у французскихъ провансаловъ производится движеніе посредствомъ животнаго теллорода.

(Magaz. für die Lait.)

— **Витва пчелъ.** Владѣлецъ многихъ пчелиныхъ ульевъ въ Огіо (Сѣверной Америкѣ) былъ свидѣтелемъ 14 августа 1853 года чрезвычайно любопытнаго явленія, а именно: большаго сраженія между пчелами. Около трехъ часовъ пополудни увидѣлъ онъ съ террасы своего дома

съ восточной и западной стороны до семидесяти роевъ пчелъ, летѣвшихъ къ огороженному полю, гдѣ были его улья. Г. Дибби взялъ тотчасъ—же подозрную трубу и началъ наблюдать за ними.

Всѣ эти рои видимо раздѣлены были на двѣ партіи, и долго маневрировали, какъ-бы высматривая слабую сторону каждой. Наконецъ начался бой. Онъ продолжался цѣлые три часа. Никто не смѣлъ близко подойти къ этому побоищу.

Стая дворовыхъ птицъ, неподозрѣвавшая о происходившей битвѣ, очутилась на полѣ сраженія, и вся была до того покрыта язвами отъ жала, что къ вечеру-же всѣ птицы подошли. Въ шесть часовъ бой утихъ и все пришло опять въ порядокъ. Пчелы, оставшіяся въ живыхъ, воротились въ улья, и г. Дибби рѣшился осмотрѣть поле сраженія. Все поле было буквально устлано мертвыми пчелами. Два роя молодыхъ пчелъ были совершенно истреблены. Во всѣхъ прочихъ ульяхъ оказывался огромный недостатокъ. По всему видно было, что сраженіе кончилось не побѣдою которой-либо стороны, но утомленіемъ обѣихъ. Кто были нападающія, откуда и за что произошла битва—неизвѣстно. Г. Дибби полагаетъ, что это было переселеніе пчелъ изъ какого-нибудь мѣста, гдѣ изводненіе, или землетрясеніе разрушили ихъ жилища; переселенцы летѣли искать новыхъ мѣстъ и нашли прекрасное заведеніе г. Дибби. Но ульями владѣли другіе и между ними произошло сраженіе. Г. Дибби съ внутреннею досадою не могъ даже узнать: его ли пчелы побѣдили, и съ большою потерею остались владѣтелями своихъ ульевъ, или пришельцы истребили хозяевъ и размѣстились по ульямъ. Онъ видѣлъ только, что занятія ихъ пошли попрежнему и ничто не изобличало *иноземцевъ*. (Novel Zeit.).

Австралія и Колонія Викторія. Не прошло еще восемнадцати лѣтъ, какъ первые поселенцы Викторіи пристали на лодкѣ къ уединенному берегу рѣки Ярры, на окраинѣ лѣса гуммевыхъ деревьевъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ они вышли, стоитъ теперь Мельборнъ, второй городъ Австраліи, столица австралійскихъ модъ, искусствъ и литературы. Въмѣсто гуммевыхъ деревьевъ возвышаются теперь дворцы и парки. За уединенною лодкою явились теперь корабли всѣхъ націй.

Въ сравненіи съ этою чудновозрастающею колоніею всякій спокойный европейскій городъ покажется безцвѣтнымъ, лѣнивымъ. Житель древнихъ историческихъ столицъ долженъ смотрѣть съ изумленіемъ на дѣйствія этого гражданскаго общества, котораго существованіе и исторія не превосходятъ возраста ребенка. Въ Европѣ все окружающее насъ говоритъ о прошедшемъ. Нравы, законы, исторія восходятъ до тысячелѣтій; въ Австралійской же юной колоніи годъ составляетъ цѣлый періодъ исторіи. Самое древнее здѣсь зданіе не старѣе ребенка. Жители говорятъ о событіяхъ пржняго года, какъ бы мы говорили о среднихъ вѣкахъ. У насъ цѣны на поземельную собственность очень мало, или медленно измѣняются. Тамъ же недавно еще плати

ли за участокъ пятнадцать фунтовъ стерлинговъ, а теперь онъ стоитъ пятнадцать тысячъ; черезъ нѣскольчо же дней будетъ стоить двадцать тысячъ; тамъ сегодня двушка—пастушка, а завтра принята въ блистательнѣйшемъ обществѣ.

И все это происходитъ въ виду туземныхъ жителей, которые и не подозреваютъ удивительнаго превращенія своей страны. Много уже было описаній ихъ нравовъ и понятій, слѣдственно повторять ихъ нечего; но, къ сожалѣнію, подтвердилось несомнѣннымъ образомъ, что они людоды. Они не только съѣдаютъ своихъ плѣнныхъ и убитыхъ непріятелей, но и собственныхъ родственниковъ и дѣтей. По ихъ варварскимъ повѣрьямъ, бываютъ у нихъ годы, когда должно убивать всѣхъ новорожденныхъ мужескаго пола, а въ слѣдующій годъ—женскаго. Эти обычаи уменьшаютъ во всякомъ сожалѣніе при мысли, что тамъ, гдѣ поселятся бѣлые по сосѣдству съ дикарями, послѣдніе мало-по-малу всѣ исчезнутъ. Всѣ попытки, чтобъ заставить ново-голландцевъ принять какое-нибудь улучшение своего быта—были до-сихъ-поръ бесполезны.

Европейцы всѣ, разумѣется, заняты золотыми пріисками, и однако же на самыхъ пріискахъ есть школы для дѣтей. Всѣ золотопромышленники, не имѣя возможности оставлять женъ и дѣтей въ городахъ, берутъ ихъ съ собою на пріиски; но, какъ оказалось, что дѣти во множествѣ праздно проводятъ время и могутъ избаловаться, то, по просьбѣ самихъ родителей, тотчасъ же устроены были правительствомъ школы по подпискѣ, и на трехъ пунктахъ Фаресъ—Крика разбиты три большія палатки, куда сходятся всѣ дѣти изъ ближайшихъ округовъ.

Остается еще одинъ главный недостатокъ колоніи: у нихъ нѣтъ женщинъ, хотя изъ Англіи со всякимъ почти кораблемъ привозятъ нѣкоторое число бѣдныхъ двушекъ, рѣшающихся на это путешествіе, въ надеждѣ замужства, но все сравнительное народонаселеніе обнаруживаетъ, что женщинъ мало. Толпы жениховъ ждутъ всегда у гавани, когда пріѣзжаетъ корабль и выходятъ пассажиры на берегъ; тотчасъ же всѣхъ невѣсть берутъ на-расхватъ, остальные помѣщаются въ услуженіе въ богатые дома за хорошее жалованье, но и тѣ вскорѣ находятъ себѣ мужей, такъ-что въ Викторіи всего труднѣе имѣть горничную.

Впрочемъ, по послѣднимъ описаніямъ, австралійское общество гораздо образованнѣе, нежели какъ его описывали. Въ Мельбурнѣ есть салоны очень хорошаго тона, неуступающіе лучшимъ лондонскимъ.

(Mag. für die Litter. des Auslandes.)

Англійская эскадра въ Японіи въ 1798 году. На-дняхъ вышла книга Фроссине о Японіи, и въ числѣ путешествій описано любопытное посѣщеніе Японіи Англичанами въ 1798 году (когда Англія была въ войнѣ съ Голландіею).

Въ началѣ октября явился на виду Нангазаки европейскій корабль. Время обыкновеннаго прибытія голландскихъ кораблей давно уже прошло. Думали, что это вѣрно какой-нибудь изъ кораблей тѣхъ державъ, которыя были въ войнѣ съ Англіею и который спасаясь отъ превосходныхъ силъ Англичанъ, осаждавшихъ тогда Батавію, пришелъ въ Нангазаки.

Голландскою факторіею въ Нангазаки управлялъ тогда Дефъ. Японскій губернаторъ послалъ къ нему приказаніе, чтобъ онъ узналъ что это за корабль; но какъ Дефъ былъ боленъ, то онъ и послалъ двухъ чиновниковъ факторіи. Ввечеру же вошелъ самый корабль въ гавань, гдѣ и сталъ на обыкновенное мѣсто.

Каково же было удивленіе Дефа, когда переводчики явились къ нему и объявили, что чиновники задержаны были на кораблѣ. Они не дождались обыкновеннаго осмотра корабля японскими лодками, а прямо поѣхали на пришедшее судно, воображая, что оно англійское. Къ нимъ вышла съ корабля навстрѣчу лодка и отвезла ихъ туда, объявляя своимъ военачальникамъ. Переводчики, ѣхавшіе въ другой за ними лодкѣ, не могли имъ помочь и спѣшили возвратиться.

Г. Дефъ понялъ, что это должно быть англійское судно, и сообщилъ объ этомъ японскому губернатору. Тотъ былъ въ отчаяніи, потому что обязанъ отвѣчать передъ своимъ правительствомъ за каждого члена факторіи.

Онъ пріѣхалъ къ Дефу и совѣтовался съ нимъ, какъ бы освободить плѣнныхъ голландцевъ. Дефъ сказалъ, что пошлетъ сперва письменный протестъ противъ взятія въ плѣнъ *гражданскихъ* чиновниковъ.

Все пришло въ волненіе въ Нангазаки, и губернаторъ увѣрялъ Дефа, что чиновники его будутъ освобождены. Дѣйствительно, онъ принималъ всѣ мѣры къ нападенію на корабль; но между-тѣмъ оказалось, что гарнизонъ, который долженъ состоять изъ тысячи человекъ, былъ распущенъ и едва можно было набрать пятьдесятъ солдатъ.

Въ одиннадцать часовъ вечера Дефъ получилъ записку отъ одного изъ своихъ чиновниковъ. Въ ней было сказано: «Корабль прибылъ изъ Бенгала. Капитанъ—Пеллю. Онъ требуетъ съѣстныхъ припасовъ и воды.»

Губернаторъ спросилъ Дефа можно ли исполнить это требованіе? и тотъ отвѣчалъ, что не можетъ хлопотать за враговъ своего отечества.

Въ полночь явился къ Дефу секретарь губернатора и объявилъ, что ему поручено взять обратно обоихъ голландскихъ чиновниковъ.

— Что жъ вы намѣрены сдѣлать? спросилъ Дефъ.

— Вотъ мой планъ. Голландцами овладѣли измѣною, слѣдственно всѣ средства дозволены, чтобъ отомстить за нихъ. Я постараюсь явиться на корабль одинъ съ самыми дружескими выраженіями и потребую у капитана возвращенія голландцевъ. Если онъ откажетъ, то я его убью, а потомъ и самъ себя поражу тѣмъ же кинжаломъ. Конечно, убійство гнусно, но Англичанинъ незаконно вступилъ въ нашу гавань; онъ из-

мѣннически захватилъ вашихъ двухъ чиновниковъ и достоинъ казни. Я радъ пожертвовать своею жизнью, чтобъ наказать его.

Измученный этою мужественною, но отчаянною рѣшимостью, Дефъ старался вразумить его, что жертва не только бесполезна будетъ для плѣнныхъ, но еще, безъ сомнѣнія, послужитъ къ ихъ гибели. Но убѣжденія эти были бесполезны надъ человѣкомъ, который дѣйствовалъ по своему народному характеру и правиламъ. Надобно было обратиться къ губернатору, который понялъ мысль Дефа и отмѣнилъ свои приказанія.

Составленъ былъ другой планъ: губернаторъ хотѣлъ занять корабль переговорами нѣсколько дней, покуда явятся корабли и войска съ соседнихъ острововъ, чтобъ овладѣть имъ силою.

На другой день Англичане перестали скрываться и подняли англійскій флагъ; японцы приготовились къ защитѣ, но приготовленія эти производились въ безпорядкѣ. По всему видно было, что японцы болѣе 200 лѣтъ не знали войны.

Наконецъ, въ четыре часа пополудни, Дефъ обрадованъ былъ возвращеніемъ одного изъ своихъ плѣнныхъ, который рассказалъ ему, что англичане думали застать здѣсь въ гавани голландскіе корабли и овладѣть ими; что капитанъ требовалъ отъ нихъ показанія, гдѣ скрываются эти корабли, и угрожалъ имъ смертью, если они обманутъ его. Когда же капитанъ лично удостовѣрился, что нѣтъ въ гавани ни одного голландскаго корабля, то освободилъ его и отправилъ съ требованіемъ съѣстныхъ припасовъ и воды. Вотъ записка капитана. «Я отправилъ Газемана на берегъ, чтобъ потребовать съѣстныхъ припасовъ и воды. Если онъ мнѣ ихъ не привезетъ до ночи, то я сожгу всѣ японскія суда.

Флитвудъ Пеллюю.

Сверхъ-того было словесно приказано голландцу возвратиться съ припасами, или безъ нихъ, угрожая, въ противномъ случаѣ, повѣсить оставшагося товарища его.

Губернаторъ, узнавъ объ угрозѣ англичанина, пришелъ въ ярость. Онъ потребовалъ у Дефа: ручается ли онъ ему, что англичане, получивъ припасы, освободятъ голландца. Тотъ могъ только сказать, что надѣется на слово офицера. Губернаторъ рѣшится послать тогда провізію, но немного воды, чтобъ задержать еще корабль на одинъ день.

Долго не соглашался губернаторъ отпустить Газемана, но Дефъ убѣдилъ его тѣмъ, что жизнь товарища его зависитъ отъ этого. Такимъ образомъ требованіе англичанъ было выполнено, и къ вечеру оба голландца возвратились.

Больше всѣхъ радовались японцы. Еслибъ чиновники погибли, то всѣ стражи ихъ и пристава были бы казнены, или должны были бы сами себя умертвить. Впрочемъ, всѣхъ ихъ отправили въ Иессо, и о нихъ уже ничего больше не было слышно съ тѣхъ поръ.

Съ восторгомъ видѣлъ японскій губернаторъ освобожденіе голландцевъ. Теперь у него былъ одинъ планъ: какъ бы захватить англій-

ное судно. Это было въ его инструкціяхъ, чтобъ захватывать каждый корабль, который прійдетъ недозволеннымъ образомъ, кромѣ тѣхъ, которые загнаны бурей, или голодомъ. Последнимъ поводомъ часто пользовалась голландская факторія въ пользу многихъ заходившихъ сюда судовъ. Но какъ англичане пришли съ угрозами, то губернаторъ совѣтовался съ голландцами о средствахъ къ овладѣнію этимъ судномъ. Дефъ представилъ все затрудненія слабыхъ средствъ японцевъ противъ хорошо вооруженнаго фрегата; но губернаторъ настаивалъ на нападеніи, и Дефъ предложилъ завалить ночью выходъ изъ гавани между Папенбергомъ и Кавалесомъ, отправя сотни лодокъ съ камнями. Планъ этотъ былъ одобренъ и велѣно привести его въ исполненіе.

Въ эту же минуту прибыли въ Нангазаки вытребованныя японскія войска. Предводитель ихъ предложилъ губернатору сжечь англійскій корабль посредствомъ трехъ сотъ лодокъ, нагруженныхъ сомою и камышомъ; онъ полагалъ, что англичане успеютъ выстрѣлами потопить двѣсти изъ нихъ, на что довольно будетъ даже пятидесяти, чтобъ усилить зажечь корабль.

Все эти планы разрушились. Въ эту самую минуту донесли губернатору, что англійскій корабль, пользуясь попутнымъ вѣтромъ, поднялъ паруса и вышелъ изъ гавани.

Это было окончательнымъ ударомъ для губернатора: онъ не выполнилъ своей обязанности; онъ долженъ былъ овладѣть иностраннымъ судномъ, а оно ушло. Предвидя немилости двора за свое нерадѣіе, онъ черезъ полчаса окончилъ жизнь самоубійствомъ; дворъ же, узнавъ о его поступкѣ, велѣлъ взять подъ стражу князя Фидзено, главнаго правителя обоихъ острововъ, и приказалъ ему производить пенсію въ 2000 *нобанговъ* сыну нангазакскаго губернатора. (Athenaeum).

Живой Флейтъ. Анекдотъ изъ жизни Коазевокса, доказывающій, что флейта инструментъ полезный, хотя и непріятный. Въ 1685 году, въ Мазариновской улицѣ жили два извѣстные артиста: скульпторъ и музыкантъ.

Скульпторъ ужъ давно заслужилъ извѣстность. Онъ украсилъ Савернъ, великолѣпный дворецъ кардинала Фюрстемберга, соорудилъ памятникъ Мазарину, и большая часть его произведеній находилась въ королевскихъ дворцахъ; онъ былъ канцлеромъ Академіи Живописи и скульптуры, и назывался Антуанъ Коазевоксъ.

Музыкантъ имѣлъ часто огромный талантъ и при жизни пріобрѣтаетъ знаменитость; но такъ-какъ онъ рѣдко оставляетъ что-нибудь для потомства, то и имя его почти всегда забывается. Кто теперь знаетъ, что первую флейту въ оркестрѣ Люлли и отличнаго музыканта своего времени звали Габріелемъ Демаромъ?

Окошки Габріеля были противъ квартиры Коазевокса; но такъ-какъ мастерская скульптора выходила на другую сторону, то онъ и не слы-

халь мелодическихъ звуковъ флейты, точно также, какъ музыкантъ, въ свою очередь, не слыхалъ ударовъ молотка по мрамору. Но знаменитый скульпторъ жилъ не одинъ, и были другія уши, съ жадностью слушающія игру сосѣда.

У академика была племянница Маріанна; ей было семнадцать лѣтъ; у нея были глаза и волосы черные, какъ смоль, а лицо свѣжее и розовое, какъ роза. Ко всемъ этимъ достоинствамъ Маріанна присоединяла еще замѣтную страсть къ музыкѣ. Надобно сказать въ извиненіе молодой дѣвушки, что флейта сосѣда была единственнымъ ея развлеченіемъ, потому-что дядя, какъ настоящій опекунъ, держалъ ее въ заперти цѣлую недѣлю и только по воскресеньямъ, и то въ хорошую погоду, ходилъ съ нею гулять въ Тюльери—стало-быть, бѣдная дѣвушка жила въ строгомъ заключеніи. Она работала цѣлый день, видѣла дядю только за обѣдомъ и завтракомъ, и слышала отъ него нѣсколько ласковыхъ словъ. Вечеромъ она мечтала и строила воздушные замки въ будущемъ, въ чемъ усердно помогала ей старая служанка, Николина.

Но пріятнѣйшими минутами въ жизни она считала тѣ, когда слышала трогательные и нѣжные звуки флейты Габріеля. Только-что раздавались они, Маріанна бросала работу, подымала свою хорошенькую головку, и удерживая дыханіе, слушала долго, боясь пропустить хоть нотку. Иногда, особенно въ то время, какъ Николина выходила изъ комнаты, Маріанна робко подходила къ окну, разумеется, открытому и пристально смотрѣла на улицу. Эта предосторожность была совершенно лишняя, потому-что старая служанка была такъ предана своей молодой госпожѣ, что не помѣшала-бы слушать ей музыку и еще ближе; но Маріанна почему-то боялась показать, что звуки флейты сосѣда производятъ на нее сильное впечатлѣніе, или, можетъ-быть, она сама не понимала, что съ нею дѣлается. Но Николина, какъ опытная женщина, начала замѣчать странности и разсѣянность молодой дѣвушки и подумала:

— Чтобъ это значило: барышня теперь такъ мало работаетъ и такъ часто смотреть въ окошко, особенно когда я выхожу изъ комнаты и когда сосѣдъ заиграетъ на флейтѣ? Гм... вѣрно маленькое сердечко ея начинаетъ поговаривать о любви, хоть она и сама не понимаетъ еще, что это такое.

Габріель тоже съ своей стороны замѣтилъ свѣженькую головку Маріанны, показывавшуюся въ окнѣ всякій разъ, какъ онъ игралъ на флейтѣ. Глаза его не всегда слѣдили за нотами, и онъ успѣлъ разглядѣть во всѣхъ подробностяхъ это хорошенькое личико съ черными глазами и розовыми щечками.

Скоро и музыкантъ почувствовалъ необходимость чаще дышать свѣжимъ воздухомъ и открывалъ свое окно всякій разъ, какъ брался за инструментъ. Зная, что его слушаетъ хорошенькая женщина, онъ разучивалъ пьесы, запершись въ отдаленной комнатѣ, а передъ окномъ своимъ игралъ только то, что зналъ въ совершенствѣ. И съ какою душою, съ какимъ увлеченіемъ игралъ онъ въ эти минуты!

Случилось однажды, что молодой артистъ и слушательница его

отворили свои окна въ одно время, но оба они были такъ робки, что не смѣли даже посмотреть другъ на друга. Маріанна смотрѣла внизъ, будто считая прохожихъ, а Габріель серьезно наблюдалъ за полетомъ облаковъ. На другой день, вѣроятно, молодой дѣвушкѣ хотѣлось посмотреть, въ свою очередь, ясно-ли небо, а артистъ вздумалъ считать гуляющихъ—и глаза ихъ встрѣтились печально. Электрическая искра пробѣжала къ сердцу каждаго изъ нихъ, и Маріанна, покрасивъ какъ вишня, отскочила отъ окна, внутренно давъ себѣ обѣщаніе никогда не подходить къ нему. Но обѣщаніе это было забыто при первыхъ звукахъ очаровательной флейты; и когда молодая дѣвушка явилась у окна, Габріель стоялъ уже у своего п, переставъ играть, почтительно поклонился сосѣдкѣ. Маріанна, нехотѣвшая показаться невѣжливою, отвѣчала ему тоже поклономъ и, стало-быть, Рубиконъ не существовалъ для нихъ, но положеніе ихъ было еще очень затруднительно. Габріель не смѣлъ писать къ дѣвушкѣ, чтобъ не огорчить Маріанну и ея домашнихъ. Говорить-же съ нею не было никакой возможности, потому что Маріанна выходила изъ дома только съ своимъ дялей. Напрасно артистъ ломалъ голову, онъ не могъ придумать ничего путнаго, чтобъ сблизиться съ хорошенькою сосѣдкой; и надобно признаться, что молодая дѣвушка, съ своей стороны, тоже составляла разные планы, въ которыхъ молодой музыкантъ игралъ не послѣднюю роль.

По странному стеченію обстоятельствъ, Коазевоксъ въ это-же самое время былъ занятъ одною мыслью, совершенно похожею на мысль своей племянницы, то есть онъ думалъ тоже объ артистѣ, играющемъ на флейтѣ.

Въ Тюльерійскомъ саду, у рѣшетки, выходящей въ улицу Риволи, стоитъ мраморный фавнъ, играющій на флейтѣ, который всегда привлекаетъ всѣхъ гуляющихъ и заставляетъ ихъ любоваться имъ. Надъ этой статуей работалъ Коазевоксъ въ то время, когда происходила нашъ разговоръ, и употреблялъ весь свой талантъ и стараніе, чтобъ сдѣлать образцовое произведеніе. Знаменитый артистъ былъ чрезвычайно строгъ самъ къ себѣ, и долго обдумывалъ каждую позу, каждый ударъ рѣзца. Богѣ всего занимала его голова фавна, и онъ не могъ никакъ сдѣлать, чтобъ статуя его дѣйствительно играла на флейтѣ, а не комически надувала щеки и напрягала мускулы. Разрѣшеніе этой задачи занимало художника днемъ и ночью, и всѣ усилія его довели только до того, что онъ успѣлъ сдѣлать карикатуру. Онъ былъ въ отчаяніи и больше всего сердился на натурщиковъ.

Эти несчастные не умѣли даже держать инструмента и дули въ него до того, что кровь бросалась имъ въ голову, и глаза готовы были лопнуть. Скульпторъ выгналъ ихъ всѣхъ и, думая все объ одномъ, даже за обѣдомъ, поминутно восклицалъ:

«Какое несчастье, что натурщики не умѣютъ играть на флейтѣ!»

Въ такомъ положеніи были наши дѣйствующія лица, когда въ одно прекрасное утро раздалась, по обыкновенію, чудная игра на флейтѣ; потомъ у двухъ противоположныхъ оконъ показались Маріанна и Габріель и обмѣнялись ласковымъ поклономъ.

Въ этотъ день молодая дѣвушка держала въ рукѣ прекрасный букетъ розъ и нечаянно уронила его на улицу. Габріель слетѣлъ съ лѣстницы почти такъ же скоро, какъ букетъ, и, поднявъ его, разумѣется, прижалъ къ сердцу и началъ цѣловать цвѣты, до которыхъ касалась ручка Маріанны. Въ эту минуту скульпторъ, озабоченный и сердитый, вышелъ изъ дома, и, не замѣчая никого, пошелъ вдоль улицы. Счастливая мысль мелькнула въ головѣ молодого человѣка, и онъ рѣшился осуществить ее, какъ только Коазевоксъ выйдетъ изъ Мазаринской улицы.

Старая Николина еще не могла прийти въ себя отъ удивленія, увидя, что баринъ ея вздумалъ прогуляться въ такое время, когда обыкновенно работала, какъ вдругъ кто-то тихо постучался въ дверь. Думая, что это вернулся скульпторъ, она отворила и увидѣла молодого сосѣда, который такъ смѣшался, что не могъ выговорить ни одного слова.

— Что вамъ угодно, сударь? спросила служанка съ новымъ недоумѣніемъ.

— Вотъ букетъ,—отвѣчалъ, заикаясь, Габріель:—Я... я хотѣлъ...

— Вы вѣрно ошибаетесь,—перебила старуха:—мы не имѣемъ привычки получать букеты отъ чужихъ.

— Я совсѣмъ не предлагаю вамъ букетъ,—сказалъ музыкантъ, успокоенный добрымъ выраженіемъ лица Николины:—я только пришелъ возвратить вамъ вашу собственность.

— Нашу собственность? повторила служанка съ испугомъ.

— Да, твоя госпожа уронила нечаянно эти цвѣты на улицу, я поднялъ ихъ и...

— Приндите именно тогда, когда баринъ вышелъ изъ дома,—окончила догадливая старуха, улыбаясь. Прекрасно, какъ не похвалить вашу услужливость!

Николина хотѣла казаться строгою, но Габріель посмотрѣлъ на нее съ такимъ умоляющимъ видомъ, что она расчувствовалась и сказала:

— Ну, ужъ войдите на минуту. Я не такъ зла, чтобъ мучить молодыхъ людей и притомъ увѣрена, что намѣренія ваши благородны.

Музыкантъ въ восторгѣ обнялъ старуху и пошелъ за нею въ комнату; но вдругъ послышался звукъ ключа, отпирающаго дверь.

— Боже мой, это баринъ!—закричала Николина.—Что намъ дѣлать!

— Куда мнѣ спрятаться? спросилъ растерявшійся артистъ.

— Поздно! прошептала старуха.

Дверь тихо отворилась, и скульпторъ съ любопытствомъ посмотрѣлъ на незнакомца и на старую служанку, которая старалась оправиться и придумать какое-нибудь средство выпутаться изъ бѣды.

— Позвольте узнать причину вашего посѣщенія, сударь? спросилъ холодно академикъ.

Габріель поклонился какъ можно медленнѣе и ниже, чтобъ успѣть найти какой-нибудь отвѣтъ.

Но воображеніе Николины, какъ болѣе изобрѣтательное, ужъ нашло средство избавиться отъ бѣды.

— Это посѣщеніе будетъ вамъ пріятно, баринъ, сказала она:—вотъ ужъ нѣсколько дней, какъ вы все говорите: гдѣ я найду натурщика-музыканта, который-бы умѣлъ играть на флейтѣ? Вотъ я и нашла натурщика, какого вамъ надобно.

— Неужели, этотъ молодой человѣкъ...

— Ищеть какого-нибудь занятія, чтобъ не умереть съ голоду, продолжала старуха:—и я взялась представить его вамъ, потому-что онъ играетъ на флейтѣ не хуже настоящаго музыканта. Я предлагала ему условія, когда вы пришли и испугали бѣдняжку.

Габріель еще разъ поклонился, какъ-бы подтверждая слова Николины. Онъ былъ очень радъ, что она выручила его изъ бѣды, а главное, дала ему случай остаться въ домѣ и, можетъ-быть, надолго.

— Какое счастье!—вскричалъ Коазевоксъ:—вотъ неожиданный сюрпризъ! Благодарю тебя, добрая Николина. Какъ это ты сумѣла отыскать натурщика, играющаго на флейтѣ?.. Вы останетесь у меня, молодой человѣкъ; я беру васъ на недѣлю, а потомъ рекомендую моимъ товарищамъ: они будутъ рады такому превосходному натурщику, и вы заработаете порядочныя деньги. Согласны на мое предложеніе?

— Я къ вашимъ услугамъ, отвѣчалъ Габріель.

— Такъ начнемте-же сейчасъ, продолжалъ скульпторъ. Я былъ утомленъ, не въ духѣ; но одинъ вашъ видъ одушевилъ меня, и я чувствую новое вдохновеніе. Пойдемте въ мою мастерскую.

Габріель послѣдовалъ за художникомъ, надѣясь встрѣтиться съ Марианною и сказать ей, зачѣмъ онъ пришелъ и принялъ на себя такую странную роль. Но надежды его были напрасны: мастерская была пуста и, кромѣ нѣсколькихъ статуй и неоконченнаго Фавна, въ ней не было никого, потому-что артистъ строго запретилъ беспокоить его во время работы.

«Николина, вѣрно, скажетъ ей, что я здѣсь», думалъ Габріель, «и если глаза меня не обманывали, она поняла мою любовь и даже отвѣчаетъ ей».

Во время этихъ утѣшительныхъ разсужденій скульпторъ выдвинулъ скамейку и усадилъ на нее новаго натурщика. Потомъ онъ подалъ Габріелю флейту, которая была въ рукавъ у двадцати моделей и приводила въ отчаяніе бѣднаго Коазевокса.

Теперь же скульпторъ, взявъ рѣзецъ, вскричалъ отъ радости, увидя, какъ ловко и граціозно молодой человѣкъ поднесъ къ губамъ инструментъ.

— Я спасенъ! — сказалъ въ восторгѣ художникъ:—и ручаюсь, что сдѣлаю образцовое произведеніе съ такимъ чуднымъ натурщикомъ.

Давъ ему еще нѣсколько наставленій, онъ сказалъ торжественнымъ голосомъ и сдѣлалъ жестъ капельмейстера.

— Играйте!

Артистъ послушался и началъ играть арію изъ оперы *Альцеста*.

— Это хорошая музыка,—замѣтилъ скульпторъ. Кажется, сочиненія моего друга, *Люиза*.

Но музыка нисколько не занимала скульптора; онъ даже не слу-

шалъ, что играетъ Габріель—такъ онъ погрузился въ работу, такъ былъ счастливъ, что наконецъ нашелъ голову Фавна, играющаго на флейтѣ, живаго Фавна, музыканта, а не прежнія карикатуры, приводившія его въ отчаяніе.

— Хорошо, прекрасно!—повторялъ онъ, продолжайте—я васъ слушаю. И рѣзецъ его деталя по мрамору, вдохновеніе блистало въ глазахъ, и голова Фавна оживлялась подъ руками.

Габріель не отводилъ глазъ отъ двери, надѣясь увидѣть въ ней знакомое розовое личико, но дверь не трогалась съ мѣста и даже неслышно было шелеста женскаго платья. Бѣдный музыкантъ начиналъ уже находить свое положеніе не очень пріятнымъ, и сыгравши три раза арію изъ Альцесты, остановился отдохнуть.

— Пожалуйста, другъ мой, продолжайте,—закричалъ скульпторъ:—вы расколожаете мое вдохновеніе. Играйте, играйте!

Габріель началъ играть изъ *Ациса и Галатеи*.

— Прекрасно, превосходно!—говорилъ Коазевоксъ.—Это тоже изъ Люлли. Благодаря вамъ, молодой человекъ, я буду такимъ же великимъ скульпторомъ, какъ Люлли великій музыкантъ.

И художникъ работалъ безъ усталы, и голова Фавна оживлялась подъ звуки чудной мелодіи.

Послѣ *Ациса и Галатеи* Габріель проигралъ *Прозерпину*, потомъ *Беллерофона*, *Персея*, *Фаетона*. Всѣ оперы Люлли проходили поочереды и молодой музыкантъ замѣчалъ съ ужасомъ, что усталость овладѣла имъ и онъ скоро уронитъ флейту. Но неужели испортить все дѣло, начатое такъ искусно? неужели потерять послѣднюю надежду сблизиться съ предметомъ своей страсти? Нѣтъ, лучше умереть, но не отступить. Рѣшась выполнить до конца роль натурщика, онъ продолжалъ дуть въ свой инструментъ съ такимъ же стараніемъ, съ какимъ скульпторъ рѣзалъ свой мраморъ. Только чтобъ развлечь себя, онъ вызывалъ самыя сладкія, самыя увлекательныя мечты.

Увы! прошла уже половина дня, и мечтанія его, даже самыя скромныя, не осуществлялись. Онъ желалъ—бы наконецъ только увидѣть Маріанну хоть издали, но въ домѣ все было такъ тихо, какъ-будто въ немъ и не жила молодая дѣвушка. Какъ-бы разсердился и раскаялся нашъ музыкантъ, если бы узналъ, что никто, даже племянница, не смѣетъ войти въ мастерскую дядюшки, особенно когда онъ занятъ такою важною работой.

Силы бѣднаго Габріеля истощились. Шестъ часовъ сряду онъ игралъ на флейтѣ, а неутомимый скульпторъ и не думалъ кончить работу. Когда же звуки флейты замирали, Коазевоксъ кричалъ съ сердцемъ:

— Еще, еще! Не останавливайтесь! Три лудора за сеансъ! только играйте, играйте ради Бога!

И бѣдный музыкантъ проигралъ еще для статуи три оперы Люлли: *Психею*, *Амадиса и Роланда*.

Семь часовъ игралъ онъ непрерывно и усталыя лёгкія его едва могли дышать, какъ вдругъ слабыя звуки инструмента были прерваны радостнымъ восклицаніемъ скульптора. Онъ подбѣжалъ къ двери и, расшвырнувъ ее сильнымъ толчкомъ, закричалъ:

— Марианна, Николина, ступайте сюда!

Услыша эти слова, Габріель вскочилъ съ своего мѣста и бросился было къ дверямъ, но академикъ посмотрѣлъ на него такъ, что молодой человѣкъ смѣшался и опять вернулся къ своей скамейкѣ.

Марианна и Николина вошли тотчасъ-же. Можно было предполагать, что онѣ были не въ своихъ комнатахъ, а вблизи мастерской.

Радость художника была такъ велика, что онъ обнялъ свою старую служанку и началъ благодарить ее за драгоценнаго натурщика, который въ это время смотрѣлъ на покраснѣвшую дѣвушку и любовался ея смущеніемъ.

— Посмотри, Николина,—говорилъ художникъ, подводя ее къ Фавну:—подойди Марианна. Гдѣ смѣшная, карикатурная фигура, которая еще вчера приводила меня въ отчаяніе? Ищите ее! Нѣтъ; съ такимъ натурщикомъ можно сдѣлать только образцовое произведеніе. Полюбуйтесь, какая натуральная поза и какъ хорошо играетъ мой Фавнъ на флейтѣ!

Осматривая статую со всѣхъ сторонъ, онъ прибавилъ:

— Кажется эта щека несовсѣмъ правильна; надобно исправить ее. Это дѣло одной минуты. Возьмите вашъ инструментъ, молодой человѣкъ и сыграйте еще что-нибудь.

Габріель успѣлъ ужъ отдохнуть; притомъ-же одинъ взглядъ на Марианну возвратилъ ему силы, и онъ съ новымъ одушевленіемъ взялъ флейту и началъ играть.

Въ странномъ положеніи своемъ онъ не могъ объясниться словами съ молодою дѣвушкою, и потому употребилъ весь свой талантъ, все стараніе, чтобъ звуками описать свою любовь. Музыкальный языкъ доходилъ прямо до сердца, и Габріель выбралъ самый страстный мотивъ изъ оперы Армиды, чтобъ только Марианна могла понять его.

Никогда еще, послѣ грома аплодисментовъ и восторговъ публики, Габріель Демаръ не игралъ съ такимъ одушевленіемъ. Сколько нѣжности и страсти было въ его звукахъ! Казалось вся душа перешла въ чудный инструментъ!

Скульпторъ окончилъ свою поправку и положилъ рѣзецъ; но музыкантъ не замѣтилъ этого и продолжалъ играть. Онъ не могъ остановиться, потому-что былъ увлеченъ любовью и хотѣлъ высказать долго-скрываемую тайну.

Марианна, не сводя глазъ съ артиста, слушала его волшебную игру и, казалось, поняла ея значеніе. Николина разчувствовалась до того, что слезы покатались по ея сморщеннымъ щекамъ; слезы эти доказывали, что въ молодости и она любила. Самъ скульпторъ, казалось, забылъ о своемъ только-что оконченномъ произведеніи, и подчиняясь магнитическому влеченію, съ удивленіемъ и восторгомъ вслушивался въ артистическую игру и неподвижно смотрѣлъ на своего натурщика, боясь проронить хоть одинъ звукъ.

Когда послѣдняя нота замерла на губахъ Габріеля, академикъ закричалъ:

— Превосходно! удивительно! И ты хочешь быть простымъ на-

турщикомъ, мой другъ! Да, ты артистъ и еще великій артистъ! Люлли былъ—бы счастливъ, еслибъ у него въ оркестрѣ былъ такой музыкантъ. Знаешь—ли что? Люлли мой пріятель, и послѣ услуги, которую ты мнѣ оказалъ, я обязанъ тоже услужить тебѣ и представлю тебя Люлли. Положись на меня, я расхвалю тебя такъ, что ты займешь мѣсто первой флейты—согласенъ?

Видя восторгъ скульптора, Габріель сдѣлался смѣле и сказалъ:

— Когда я осмѣлился явиться въ вашу домъ, то, признаюсь, надеялся получить другую награду...

Испуганный взглядъ Маріанны и Николины остановилъ его краснорѣчіе, и онъ самъ догадываясь, что торопливость можетъ испортить все дѣло, замолчалъ.

Но Коазевоксъ совсѣмъ иначе понялъ фразу артиста и, раскаиваясь въ расположеніи, оказанномъ музыканту, проговорилъ холодно:

— Хорошо, что вы напомнили мнѣ мое обѣщаніе.

И подойдя къ маленькому столику онъ выдвинулъ ящикъ, наполненный деньгами и, выбирая три луйдора, ворчалъ:

— Какой высокій талантъ, и какая низкая душа у этого человѣка!

Окончивъ это невыгодное для Габріеля размышленіе, онъ обернулся къ нему немного скоро и увидѣлъ, что голова молодого человѣка успѣшила выпрямиться въ то время, какъ рука племянницы быстро выскользнула изъ руки натурщика. Академикъ понялъ все въ одну минуту.

Но, желая знать до чего дойдетъ комедія, онъ съ прежнимъ недовольнымъ видомъ подошелъ къ Габріелю и подаль ему деньги. Тотъ отказался принять ихъ.

— Я доволенъ тѣмъ, что могъ быть вамъ полезенъ,—сказалъ музыкантъ:—и не желаю другой награды.

— Что это значить, милостивый государь? спросилъ строго скульпторъ.

И рука съ тремя луйдорами осталась протянутою къ артисту.

Видя гнѣвъ дяди, Маріанна начала догадываться, что тайна ея отгадана, и отъ страха готова была упасть въ обморокъ.

Николина тоже чувствовала себя не въ своей тарелкѣ и готова была уйти, да не смѣла.

— Возьмите—же деньги,—продолжалъ академикъ.—Я не привыкъ, чтобъ мнѣ служили даромъ.

Еслибъ Габріель предвидѣлъ, что ему прійдется получить плату, онъ ни за чтобъ не согласился играть роль натурщика. Гордость артиста не допускала подобнаго униженія, и, сильно оттолкнувъ протянутую къ нему руку, онъ сказалъ:

— Никогда не возьму я вашихъ денегъ!

Луйдоры выпали изъ руки скульптора и покатались по полу.

Эти четыре дѣйствующія лица составляли любопытную картину.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, предшествующихъ обыкновенно важнымъ рѣшеніямъ, академикъ взялъ Маріанну за руку и, подводя ее къ Габріелю, сказалъ:

— Ты не хочешь брать моихъ денегъ, а я не хочу оставаться твоимъ должникомъ. Пусть моя племянница заплатитъ тебѣ долгъ, если только ты не откажешься отъ нея.

Не будемъ описывать послѣдующей сцены: читатель уже догадывается, чѣмъ она окончилась. Скажемъ только, что чрезъ двѣ недѣли въ церкви Сень-Жермена вѣнчали хорошенькую Маріанну и гениальнаго натурщика.

(Le Voleur).

IV.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

I.

ЛИТЕРАТУРА.

1. ЖУРНАЛИСТИКА.

Первыя книги журналовъ. — Перемены въ нихъ. — «Отечественныя Записки». — Стихотворенія. — А. Н. Майковъ. — Его идиллія. — Стихотворенія *о дѣтяхъ*. — Н. Ѳ. Щербина. — *Заколдованный кругъ* и *Суженаго конемъ не объѣдешь*. — Общее въ этихъ повѣстяхъ. — Идея повѣсти Евгения Туръ. — Неправильность языка. — Ольга Н. ея героиня. — Леоне-Леони и Жюльетта въ русской передѣлкѣ. — Дарованіе писательницы. — Ученыя статьи. — Гг. Яковлевъ и Ротчевъ. — Критика. — Рецензентъ физики и астрономіи. — Его промахи. — Библиографическія несправедливости. — К. Риттеръ и его сочиненія. — Рецензія драмы: «*Мечта и дѣйствительность*». — Заимствованія фельетониста Отечественныхъ Записокъ и Петербургскихъ вѣдомостей. — Нѣсколько словъ ксати объ этой газетѣ и о Сѣверной Пчелѣ. — Патриотическое стихотвореніе и повѣсть двадцатыхъ годовъ. — Библіотека для Чтенія. — Ея начала безъ концовъ и концы безъ началъ. — Статьи беллетристическія, ученныя и критическія. — Смѣсь. — Музыкальныя извѣстія съ адресами фортепіаныхъ мастеровъ.

Обыкновенно къ Новому году наши журналы мѣняются нѣсколько свою наружность, улучшаются со внѣшней, если не со внутренней стороны, охорашиваются, принаряжаются, какъ любая дама. Такой перемѣною поразила насъ въ особенности первая книжка «Отечественныхъ Записокъ.» Все въ ней ново: типографія, бумага, шрифтъ. Журналъ этотъ остался вѣренъ только цвѣту своей обертки, за то «Библіотека для Чтенія», въ сравненіи съ прошлымъ годомъ, сильно пожелтѣла. «Современникъ» не измѣнился ни на волосъ даже по наружности.

Общее впечатлѣніе первыхъ книгъ От. Зап. и Современника — весьма удовлетворительно. Прежде всего бросается въ глаза въ обоихъ журналахъ достаточное количество стихотвореній. Это порадовало насъ болѣе всего потому, что еще въ недавнее время пренебреженіе къ поэзіи высказывалось иногда даже слишкомъ явно въ этихъ же самыхъ журналахъ. Одинъ вовсе не печаталъ стиховъ, другой печаталъ пародіи на лучшія стихотворенія, которыми гордится наша литература. Въ послѣдніе годы это странное нерасположеніе къ поэзіи начало мало-по-малу измѣняться, и теперь въ первыхъ двухъ книгахъ «Отечественныхъ Записокъ» помѣщено *десять* стихотвореній, въ числѣ которыхъ есть даже цѣлая поэма, а «Современникъ» напечаталъ *двадцать*, кромѣ пародій, къ которымъ онъ ни какъ не можетъ не возвратиться. Поговоримъ прежде объ Отечественныхъ Запискахъ.

Первое мѣсто въ отдѣлѣ стихотвореній принадлежитъ небольшой поэмѣ А. Н. Майкова, названной имъ идилліею. Это одно изъ лучшихъ произведеній лучшаго изъ нашихъ поэтовъ, пишущаго немного, и тщательно отдѣлывающаго свои стихи. Въ сорока-пяти строфахъ его «Дурочки Дуни» нѣтъ ни одного стиха, ни одного выраженія, которыя могла бы осудить самая привязчивая критика. Есть бесспорно мѣста, рассказанныя слабѣе или сильнѣе, смотря по степени вдохновенія, одушевляющаго поэта, но повторяемъ смѣло: нѣтъ ни одной изысканной картины, ни одного неловкаго стиха. Этой мастерской виѣшней отдѣлки стиха было тѣмъ труднѣе достигнуть, что поэтъ говоритъ не отъ своего лица, а заставляетъ старую бабушку рассказывать о судьбѣ своей внучки, которую въ домѣ все звали дурочкой. Странное, въ самомъ дѣлѣ, созданіе была эта Дуня: дай ей хоть шелковое платье, все оно мигомъ въ пятнахъ, съ мертвецомъ въ одномъ покоѣ ляжетъ она спать — и ничего! Къ знакомымъ дѣвицамъ никогда не выходила она съ своего чердака.

Ей одно лишь любо было
 Няньчить маленькихъ дѣтей,
 Все имъ сказки говорила
 Про русалокъ, да князей.
 Все бы въ дѣсь! Бывало, хлѣба,
 Крупъ съ собою наберетъ:
 Станетъ въ полѣ, смотреть въ небо,
 Журавлей къ себѣ зоветь.
 Мы видали: къ ней станицей
 Птица всякая летитъ,

И она вѣдь съ каждой птицей
Особливо говорить.

Чудная дурочка эта кончила тѣмъ, чѣмъ кончаютъ всѣ подобныя существа, которымъ трудно ужиться съ умными людьми, принаровиться къ общепринятымъ правиламъ жизни и мысли. Сошлась она съ молодымъ, богатымъ сосѣдомъ, вкружили ей голову рассказы о заморскихъ странахъ, гдѣ нѣтъ зимы, и горы высоко уходятъ подъ самыя небеса, гдѣ

...чудные чертоги,
Разноцвѣтныхъ храмовъ рядъ,
Гдѣ все мраморные боги
Лѣтъ двѣ тысячи сидятъ.

Захотѣлось ей самой посмотреть на этотъ край, перемѣшались въ ея молодой, пылкой головкѣ рассказы о дѣйствительныхъ чудесахъ этой страны съ толками о фантастическихъ явленіяхъ міра искусствъ, забилось ея горячее сердце невѣдомыми ощущеніями; жаждою лучшаго, стремленіями къ жизни новой и полной... Можетъ-быть, даже и обѣщали взять ее въ этотъ заповѣдный край, да не смогли или не захотѣли сдержатъ этого обѣщанія. Не суждено было осуществиться ни мечтамъ, ни надеждамъ Дуни; показалась ей дикою обыденная жизнь ея послѣ извѣданнаго счастья, послѣ надеждъ на большія радости, обѣщанныя, но не сбывшіяся. И вотъ когда Дуня опять осталась одна, когда она просидѣла всю осень между двумя соснами на дорогѣ въ лѣсу, упорно ждя кого-то,—зимою стало ей уже не въ мочь ожиданіе: она пропала изъ дому, и ее нашли черезъ нѣсколько дней въ лѣсу, замерзшею. И когда вырыли могилу бѣдной Дуни, тогда только замѣтили, что безъ нея нѣтъ души въ домѣ, что поселилось въ немъ запустѣніе...

Нашъ блѣдный очеркъ этого стихотворенія, проникнутаго глубокою мыслию, не даетъ понятія о сотой долѣ красотъ поэмы. Надобно прочесть ее всю, перечитать не разъ, чтобъ проникнуться ея содержаниемъ, усвоить себѣ всю простоту, залушевность, поэзію и чувство «Дурочки Дуни». Такихъ поэмъ не много на русскомъ языкѣ.

Два остальныхъ стихотворенія Майкова совершенно въ другомъ родѣ и доказываютъ все разнообразіе его дарованія. Одно изъ нихъ «Аспазія» составляетъ ровень (pendant) къ «Алкивиадѣ», помѣщенному въ «Современникѣ» прошлаго года. Эта прекрасная античная картина любви уже не молодой Аспазіи къ молодому Алкивиадѣ. Аспазія понимаетъ сама, что страсть ея смѣшна, но, говоритъ она:

...Счастье вѣдь не въ томъ, чтобы самой любить
 И чувствомъ пламеннымъ старать и наслаждаться.
 Нѣтъ, счастиемъ его дышать и любоваться
 И въ немъ неопытность къ блаженству приучить.

Послѣдняя картина Алкивіада, плачущаго когда его побѣдятъ на олимпійскихъ играхъ—особенно граціозна, и какъ натурально желаніе Аспазіи—

...въ очи цѣловать, блестящія отъ слезъ,
 Сквозь этихъ слезъ уста заставить улыбаться
 И вмѣстѣ плакать съ нимъ и вмѣстѣ съ нимъ смѣяться...

Эти стихи такъ хороши, что имъ можно извинить даже маленькую грамматическую неправильность. Неумолимыя правила языка требуютъ выраженія: улыбаться *сквозь эти слезы*, а не *сквозь этихъ слезъ*.

«Къ ребенку»—чисто интимное стихотвореніе. Поэтъ описываетъ какъ любить по цѣлымъ часамъ играть съ своимъ ребенкомъ. Каждая строфа, взятая отдѣльно, прекрасна, но намъ кажется, что тонъ этого стихотворенія не вполне выдержанъ. Между первою и послѣднею строфою, напримѣръ, огромная разница въ отдѣлкѣ и даже мысли. Поэтъ начинаетъ такъ:

Лежу на коврѣ, а по мнѣ-то, пыхтя,
 Цѣпляется полный мальчишка,
 И за носъ теребитъ меня,
 И букой страшаетъ, плутишка,
 И какъ мы хохочемъ, друзья.

Здѣсь картина, заставляющая улыбаться. Небрежность оперныхъ рیمовъ *пыхтя, меня и друзья*, доказываетъ, что поэтъ не заботился объ отдѣлкѣ этой строфы. Ждешь точно такого же окончанія, и вотъ послѣдняя строфа:

Вѣдь сладокъ намъ розъ аромать и лилей,
 Въ зной отдыхъ подъ липовой тѣнью,
 Такъ въ пору тревогъ и страстей
 Отраднo, отдавшись мгновенью,
 Жить легкою жизнью дѣтей.

Отдѣльно взятая эта строфа точно также хороша, какъ и первая, но между ними нѣтъ единства; онѣ написаны какъ-будто въ разное время, даже какъ-будто разными поэтами. Философская мысль послѣдней строфы не соответствуетъ наивной простотѣ первой. Это не мѣшаетъ всему стихотворенію быть очень замѣчательнымъ, тѣмъ болѣе, что вообще писать подобныя стихотворенія очень трудно, и надо имѣть много дарованія, чтобъ заинтересовать читателя дѣтми и рассказами о нихъ. Въ прозѣ на это мастеръ Диккенсъ; въ стихахъ, кромѣ весьма не многихъ произведеній нашихъ молодыхъ поэтовъ, мы не можемъ привести ни одного особеннаго стихотворенія о дѣтяхъ, хотя они являются сотнями въ разныхъ дѣтскихъ книгахъ и книжечкахъ. Даже западная литература не богата хорошими стихами о дѣтяхъ. Шиллеръ написалъ прекрасное двустихіе къ младенцу въ колыбели:

Милый младенецъ! теперъ колыбель тебѣ міръ составляетъ,

Выростешь—будетъ и цѣлый міръ тѣсенъ желаньямъ твоимъ,—
Гѣте удивительную балладу «Лѣсной царь», въ которой ребенокъ играетъ такую странную роль. Стихи Байрона къ его дочери, знаменитая баллада Вордсворта «Насъ было семь» (We are seven) нѣсколько строфъ Ламартина, Гюго и Ребуля вотъ все, что мы припомнимъ написаннаго о дѣтяхъ. (Мы говоримъ вездѣ: *о дѣтяхъ*, но не *для дѣтей*,—потому что строго различаемъ эти два рода произведеній: въ первыхъ дѣти должны быть главными дѣйствующими лицами, это условіе *sine qua non*; вторыя составляютъ огромную отрасль литературы *для дѣтей*, о которой мы не упоминаемъ, потому что въ нее можетъ входить почти все, только принаровленное къ возрасту и понятіямъ дѣтей). На русскомъ языкѣ нѣсколько стихотвореній Жуковского и Губера составляютъ все богатство этого рода произведеній, который намъ всегда особенно нравился. Въ ровень къ стихотворенію Майкова приведемъ одно небольшое стихотвореніе подъ тѣмъ же названіемъ, мало кому извѣстное, написанное въ другомъ тонѣ.

Миленькая дочка,
Маленькая дочка,
Розы неразвившейся
Пухленькая почка;
Лепетъ безъ сознанья,
Робкія движенья,—
Все очарованье,
Все въ тебѣ прекрасно:
Добрая улыбка,

Дѣтскій смѣхъ и ласки,
Полленькія щечки,
Синенькіе глазки,
Свѣтленькіе взгляды,
Шелковистый волосъ
Тонкій, звучный голось, —
Сколько въ васъ отрады,
Сколько въ васъ блаженства!
Полною душою,

Полнымъ жизни счастьемъ	Страсти, и порою
Я живу съ тобою,	Слезы выступаютъ
Милая малютка,	На рѣсницахъ; слезы
Кроткое созданье	Счастья неземнаго,
Близъ тебя забуду	Тихаго восторга,
Все я безъ сознанья:	Чистаго, святаго.
Гордыя мечтанья,	Отъ тебя такъ трудно
Думы и идеи,	Сердцемъ оторваться,
Вдохновенной мысли	На тебя хотѣлъ бы
Вздорныя затѣи.	Въкъ я любоваться.
Близъ тебя я чище	Ты моя наука,
Сердцемъ, въ немъ смолкають	Ты моя поэма.

Къ такому же роду принадлежитъ и стихотвореніе г-на Щербины «Дѣвочки», напечатанное въ первой же книгѣ «Отечественныхъ Записокъ.» Оно очень граціозно, хотя дѣвочкамъ и трудно будетъ прочесть его, потому что оно написано гекзаметромъ. Тѣмъ же размѣромъ, все еще не вполне усвоенномъ нашему языку, написаны и два другія стихотворенія его: «Лѣсъ», превосходная картина, согрѣтая теплою мыслию и «Весталка», сцена изъ античной жизни, хотя и проникнутая современнымъ чувствомъ. Эта «Весталка» довольно только нѣсколькими минутами свиданія, въ которыхъ созрѣло «начало и конецъ ея бытія», кажется намъ не совсемъ вѣрна античнымъ понятіямъ о любви; мы видимъ въ ней гораздо болѣе спиритуализма, чѣмъ пластики. Два другія стихотворенія Щербины слабѣ названныхъ нами: «Волосы Береники» будутъ непонятны для большинства читателей, незнакомыхъ съ древними преданіями или неинтересующихся ими. Стихотвореніе «Красавицѣ» также, говоря словами поэта:

Недоступно для грубаго уха
И темно для незоркихъ очей.

Два стихотворенія Мих. Н. Михайлова не дурны, но не заключаютъ въ себѣ ничего особеннаго, хотя одно изъ нихъ переведено изъ Шиллера.

Обратимся теперь къ беллетристикѣ «Отечественныхъ Записокъ.» Въ этомъ отдѣлѣ помѣщенъ конецъ романа Жоржъ Занда «Волынщикъ», о которомъ мы говорили, начало романа Диккенса, о которомъ мы будемъ говорить, когда увидимъ его конецъ, и двѣ повѣсти: Евгени Туръ—«Заколдованный Кругъ» и Ольги Н.: «Суженаго Конемъ не объѣдешъ.»

Талантъ Евгеніи Туръ давно извѣстенъ русской публикѣ. Романъ ея «Племянница» прочтенъ всѣми, кто только читаетъ по-русски. Новая повѣсть ея не принадлежитъ къ числу лучшихъ ея произведеній и не прибавляетъ ничего къ извѣстности автора «Племянницы.» Разберемъ подробно ея достоинства и недостатки.

Повѣсть въ письмахъ—это первое непріятное впечатлѣніе. Анна Петровна (въ началѣ повѣсти она названа Анной Николавной). Нефедова ѣдетъ, съ гувернанткою, къ дочери Елены Александровны Шестовой. На станціи она встрѣчается съ одною маіоршею, разсказывающею ей много странныхъ вещей о двухъ старшихъ дочеряхъ Шестовой (Нефедова ѣдетъ къ младшей) Описаніе этой встрѣчи, этой маіорши-прекрасно. Характеръ любопытной сплетницы, пустой и въ то же время надутой женщины, выдержанъ мастерски, и намъ остается только сожалѣть, что она, явившись въ первой сценѣ повѣсти, потомъ исчезаетъ изъ нее навсегда. Семейство Шестовыхъ составляетъ этотъ заколдованный кругъ, въ который попадаетъ гувернантка. Лица эти, въ самомъ дѣлѣ очень странны. Мать боится, какъ огня, провинціальныхъ сплетенъ, и по этому не только ласково принимаетъ людей, которыхъ бы слѣдовало выгнать изъ дому, но даже не позволяетъ никому сказать ни слова дурнаго объ этихъ людяхъ. Двѣ дочери ея, Дуня и Лидія, сидятъ цѣлые дни въ заперти у себя въ комнатѣ и никому не показываются. Мать говоритъ объ нихъ, что онѣ «ужь слишкомъ сосредоточены». Мать вѣчно сидитъ и работаетъ одна. Какой-то племянникъ Владиміръ, лице впрочемъ очень безцвѣтное, оживляетъ немного это общество пустою болтовнею, но его поминутно останавливаютъ и не позволяютъ ему сказать ни слова. Такая зѣвотворная жизнь не пугаетъ однако же гувернантку: она пишетъ къ своей подругѣ:

«Для меня достаточно увѣренности, что на землѣ есть лице, которое любить меня искренно, далеко ли, близко ли оно, это другой вопросъ. Перенести разлугу можно и должно, когда есть сознаніе, что любима. Мнѣ довольно твоей дружбы, другой я не ищу. Жизнь состоитъ не въ однѣхъ привязанностяхъ; есть въ жизни и цѣль, и честный трудъ, и долгъ, могутъ быть минуты унынія, конечно, но не должны быть годы страданія или скуки. Это поняла я давно. Внутреннее спокойствіе уже и теперь во мнѣ и со мною... Внутреннее спокойствіе—первѣйшій признакъ правоты, другъ мой, и съ этимъ даромъ все переносится, если не легко, то твердо.»

Это, конечно, свѣтлый и прямой взглядъ на жизнь, хотя и трудно выработать свой характеръ такъ, чтобъ достигнуть того внутреннего

спокойствія, о которомъ говоритъ авторъ. За то эти немногія строки вполне обрисовываютъ намъ героиню повѣсти, остающуюся до конца вѣрною однажды принятымъ ею правиламъ. По немногу она сближается съ Дуней и Лидіей, которыя только потому не хотятъ жить въ окружающемъ ихъ обществѣ, что «обожглись въ немъ съ перваго шага.» На лѣто вся семья переѣзжаетъ въ деревню. Тамъ, деревенскій со-сѣдъ ея, Тимофей Ивановичъ Персильевъ, влюбляется въ Дуню. Развитие этой любви рассказано въ граціозныхъ сценахъ, которыя не совсѣмъ весело видѣть гувернанткѣ. «Тяжело видѣть вблизи любовь, говоритъ она, которую въ продолженіе всей жизни мы, быть можетъ, и не почувствуемъ и не внушимъ ни кому.» Последнее можетъ быть справедливо, но первое едва ли возможно. Врядъ ли найдется такое отверженное, загнанное, даже уродливое существо, которое бы не почувствовало когда нибудь любви, хотя бы не понятой, не раздѣленной, даже презрѣнной. И любовь эта, не смотря на то, что она бесплодна и мимолетна, обыкновенно просвѣтляетъ, улучшаетъ все существо бѣдной отверженницы, освѣщаетъ мракъ ея жизни, свѣтитъ до самой смерти тихою, путеводною звѣздою...

Дуня тоже любитъ Тима, (уменьшительное имя Тимофея Персильева) но любовь не вполне овладѣваетъ ея существованіемъ, она не можетъ заглушить въ себѣ вспышекъ мелочнаго *пансіонерства*, какъ удачно выразился авторъ. Дуня часто ссорится съ Персильевымъ. Вообще она изображена уже очень романтической дѣвушкой. Между письмами гувернантки помѣщено нѣсколько страницъ изъ дневника Дуни. Автору хотѣлось очевидно придать больше разнообразія своему рассказу, но дневникъ вышелъ слабѣе писемъ. Дуня понятнѣе, когда ее описываютъ и разбираютъ другіе. Сама себя она плохо анализируетъ. Картина этого сельскаго счастья нарушается вдругъ самымъ неожиданнымъ образомъ. Дуня узнаетъ, что сестра ея, Лидія, тоже влюблена въ Персильева и хочетъ, во что бы то ни стало, пожертвовать собою и заставить его полюбить Лидію. Ей конечно не удается это, и она достигаетъ только того, что отталкиваетъ отъ себя Персильева. Лидія съ своей стороны не подозреваетъ, что сестра ея любитъ Тима, а гувернантка по какому-то странному случаю, не хочетъ сказать ей этого. Изъ этихъ недоразумѣній, недомолвокъ (*reticences*) происходитъ множество сценъ, тяжелыхъ для дѣйствующихъ лицъ повѣсти, и надобно признаться, для читателя. Всѣ ходятъ будто въ потемкахъ, говорятъ полусловами, страдаютъ и вздыхаютъ въ тихомолку. Гувернантка находитъ, что все это не любовь. «Любовь не разсуждаетъ, пишетъ она: любовь стремится къ своей цѣли. Она жадный *пріобрѣтатель* своего

блага, она не уступитъ своего сокровища, или, если уступить его, то развѣ вмѣстѣ съ жизнью».

Въ слѣдствіе такого благоразумнаго сужденія, Анна Петровна кончаетъ тѣмъ, что сама влюбляется безъ памяти въ этого Персильева, который по немногу начинаетъ отвыкать отъ своей Дуни, и однажды очень мѣтко и вѣрно обрисовываетъ ея характеръ.

«Дѣвушка эта, говоритъ онъ, ведя жизнь уединенную, уходитъ какъ улитка, въ свою раковину, создаетъ тамъ себѣ маленькій мірокъ, надбляетъ его идеалами, во имя которыхъ дѣйствуетъ и при первомъ столкновеніи съ жизнью и страстями, подводитъ жизнь, живую жизнь, страсть, живую страсть, подъ эти заранѣе въ больномъ бреду уединенія созданныя правила. Самопожертвованіе искусственное, безплодное, худо понимаемое конекъ ея. Она жертвуетъ собою и другимъ пожалуй, безъ малѣйшаго на то права, и наслаждается, гордится, хвалится внутри себя тѣмъ, что умѣетъ жертвовать. И чѣмъ же становится—палачомъ себя самой, палачомъ другихъ, палачомъ, страшно вымолвить, человѣка, котораго любить.

■ При этомъ ясномъ пониманіи характера Дуни, ея фальшивой экзальтациі, странно какъ-то видѣтъ положительнаго, благоразумнаго Персильева влюбленнымъ въ Дуню. Анна Петровна сама замѣчаетъ, что онъ очень хорошо анализируетъ, а анализъ гибель любви, что онъ предвидитъ возможность разлюбить Дуню, а это предвидѣніе едва ли не конецъ любви. Все это даетъ ей поводъ полюбить Персильева, если бѣ любовь нуждалась въ какихъ нибудь поводахъ. Онъ прерываетъ всѣ сношенія съ Дуней, уѣзжаетъ, и начинаетъ переписываться съ гувернанткой; потомъ они начинаютъ видѣться, а Дуня начинаетъ ревновать къ нему, ненавидѣть гувернантку, и дѣлается наконецъ опасно больна. Тогда и Анна Петровна рѣшается не видѣться съ Персильевымъ, это ей тѣмъ легче сдѣлать, что, по ея мнѣнію, онъ нисколько не любитъ ее. Всѣ онѣ уѣзжаютъ въ Крымъ, поселяются на берегу моря и страдаютъ невыносимо, кто отъ потерянной любви, кто отъ незамѣчаемой. Сравнивая свое положеніе съ судьбой Дуни, гувернантка находитъ, что сама она несчастнѣе.» Что лучше, говоритъ она: никогда не быть любимой, или узнавъ всю сладость любви, потерять любимаго человѣка? Я предпочитаю послѣднее: по-крайней-мѣрѣ, было бы чѣмъ помянуть жизнь, молодую жизнь.» Вскорѣ однако же ей приходится убѣдиться, что и она любима. Персильевъ пишетъ къ ней письмо, въ которомъ испытываетъ себя, какъ слѣдуетъ благоразумному мужу, предлагаетъ ей свою руку и тихую, спокойную привязанность. Анна Петровна соглашается выйти за него замужъ.

Повѣсть на этомъ и оканчивается. Очевидно, что ее можно было бы продолжить, потому что если Лидія совершенно разлюбила Персильева, то Дуня далеко еще не излечилась отъ своей страсти, хоть и дала великодушно свое согласіе гувернанткѣ на бракъ ея. Спокойствіе Персильева также довольно подозрительно. Впрочемъ вопросъ не въ томъ: воображеніе одного писателя можетъ легко дополнять и продолжать сочиненіе другаго; для литературы важно знать то: выполнилъ ли писатель въ избранной имъ рамкѣ все, что хотѣлъ исполнить, высказалъ ли онъ полно и отчетливо все, что взялъ на себя объяснить и разсказать? Оправдалъ ли онъ происшествія характерами описываемыхъ имъ лицъ, и дѣйствуютъ ли эти лица въ этихъ происшествіяхъ такъ, чтобы читатель могъ самъ сказать себѣ: они не могли поступать иначе въ такихъ-то случаяхъ? Отвѣчаемъ прямо: нѣтъ! всего этого недостигъ авторъ Заколдованнаго круга.

И прежде всего, что хотѣлъ сказать авторъ своею повѣстью: что пустое самопожертвованіе ведетъ къ собственному несчастію, или, что женщина, полюбивъ челоуѣка, влюбленнаго страстно въ другую, не должна отчаиваться и спокойно дожидаться, что могутъ разлюбить одну и полюбить другую..? Больше ничего не могли мы извлечь изъ этой повѣсти, а это, конечно, выводъ неутѣшительный. Характеръ Дуни такъ страненъ, что мы сомнѣваемся: можетъ ли онъ существовать въ дѣйствительности. Самъ Персильевъ лице довольно безцвѣтное, хотя Анна Петровна и надбѣляетъ его въ своихъ письмахъ всѣми возможными совершенствами, къ несчастію не оказывающимися на дѣлѣ. Одна гувернантка выдержана и очерчена полнѣе и яснѣе остальныхъ лицъ, хотя тоже нѣсколько идеальна и восторженна. Мы не упоминали еще о сестрѣ Тима Полинѣ, лицѣ совершенно неувидимомъ и весьма мало интересномъ. Мать Шестовыхъ тоже тѣнь безъ жизни и образа. Хорошо обрисованы только мелкія вводныя лица провинціального общества, исключая однако же сумасшедшаго итальянца Педрони, убѣжавшаго изъ какого-нибудь «Джуліо Мости» или «Джакобо Санназара» и неизвѣстно для чего являющагося въ повѣсти.

Есть мысли и «разсужденія» очень вѣрныя и хорошо высказанныя; мы цитировали главнѣйшія; языкъ вообще гладокъ, хотя мѣстами и очень часто попадаются неловкія, шероховатыя выраженія, которыя легко можно было бы исправить. Это чисто корректурная работа. Такъ авторъ пишетъ вездѣ *помимо*, вмѣсто *кромя*; *скидать* трауръ; говорить что *войдетъ на умъ*; *извращенность* понятій; я *уяснила* себѣ; мнѣ хотѣлось *сорвать сердце на комъ-нибудь*; (что за выраженіе!) она *топтала* ножками; диванчикъ на *рулеткахъ* (*рулетка*—азартная

игра, а *roulettes* въ диванѣ называются просто колесами), взглядъ *зараженный* неясными понятіями; скрытность *превышаетъ* вѣроятіе; поворотъ разговора; я уважала бы ее *глубже*. У Персильева глаза съ *упорнымъ* взглядомъ, у Дуни просто *глубокіе*; говоритъ онъ *порывисто* и иногда очень вычурно, какъ наприимѣръ: зеркало вашей души при мнѣ не должно туманиться, Дуня *ребячится безразлично*, я *умилялся* при видѣ ея добродѣтелей; любовь не *струится* въ крови ея, я *имѣлъ* съ ней объясненіе, въ которомъ *истощилъ* сердце свое; вы поймете страсть, борьбу, бурю въ жизни другого, но сами не *способны перейти* ихъ; я былъ *притянутъ* къ ней неодолимой силой (александрійскій стихъ, хоть сейчасъ въ любую трагедію); все разбудило *оборвавшуюся* во мнѣ любовь; кто внушитъ мнѣ *дерзать* *приняться* за воспитаніе; твой образъ *връзался* въ моей памяти. Дуня тоже говоритъ: «Я не была способна видѣть никого». Подобныхъ неловкихъ выраженій множество: тоска *ложущая* Дуню; гдѣ ея молодость или что *съгло* ее; шесть лѣтъ не могли *пресытить* ее удовольствіями; не смотря на все успія *стать съ ней на ногу* *добраго знакомаго* (какой непростительный галлицизм!) *непреборимыя* препятствія любви; цвѣты и ленты *завершати* ея нарядъ. Твое благословеніе *завершитъ* мое счастье...

Но завершимъ и мы наши выписки ошибокъ противъ русскаго языка. Повторяемъ еще разъ, что исправленіе ихъ скорѣе даже дѣло редакціи, нежели автора. Странно, читая корректуру, допускать подобные промахи.

Повѣсть Ольги Н** «Суженаго конемъ не объѣдешь» имѣетъ много точекъ прикосновенія съ повѣстью Евгеніи Туръ. Въ этой послѣдней повѣсти слѣдующій эпитафъ: «Я читалъ гдѣ-то исторію шавки, побѣдившей льва», и эпитафъ этотъ, какъ мы сейчасъ увидимъ изъ содержанія повѣсти, вовсе нейдетъ къ ней и ничего не объясняетъ. Самымъ лучшимъ эпитафомъ повѣсти Ольги Н** могутъ быть слѣдующія строки изъ повѣсти, Евгеніи Туръ: «Развѣ одна красота его прельстила умную дѣвушку? Развѣ и она оправдываетъ *на себя* замѣчаніе, что умная женщина способна любить глухихъ мужчинъ? *Les extrêmes se touchent* и это должно быть по системѣ *компансацій*». Фраза эта сказана не совсемъ по-русски, мысль ея не нова, но это не мѣшаетъ ей быть совершенно вѣрной и вполне прилагаться къ повѣсти «Суженаго конемъ не объѣдешь.»

Ольга Н*** заставляетъ также героиню повѣсти говорить отъ своего лица, только не въ формѣ писемъ, а въ формѣ дневника. Какая-то Настасья Александровна рассказываетъ исторію своей жизни или вѣр-

нѣ, исторію своего сердца какому-то Евгенію, предлагающему ей свою руку. Исторія эта не очень утѣшительна для Евгенія, но приноситъ честь Настасѣ Александровнѣ, откровенно и благородно сознающей въ заблужденіяхъ своего сердца, къ чему способна не всякая женщина. Въ противоположность гувернанткѣ Евгеніи Туръ, Настя въ повѣсти Ольги Н*** имѣетъ независимое состояніе и живетъ въ деревнѣ съ своимъ отцомъ. Деятнадцати лѣтъ влюбляется она въ своего дальняго родственника Юрія Нагибина, человѣка до крайности пустаго, съ нѣжною заботливостью занимающагося своими волосами, бѣлизною рукъ, красотою шеи, говорящаго вздоръ, неизмѣющаго никакого характера. Онъ любилъ людей за то именно, чего въ нихъ нѣтъ, говоритъ сама Настя, и любилъ всѣхъ женщинъ, потому-что онѣ женщины. Этотъ незавидный герой, послѣ одного весьма оживленнаго разговора съ Настей, въ уединенномъ саду, замѣчаетъ, что она уже слишкомъ любитъ его. Несмотря на все свое ослѣпленіе, героиня понимаетъ однакоже, что ей нельзя соединить свою судьбу съ такимъ человѣкомъ, который не любитъ и не понимаетъ ее, и потому она не соглашается выйти за него замужъ, не хочетъ, чтобъ на ней женились изъ одного состраданія. Юрій уѣзжаетъ; сначала переписывается съ Настей, потомъ перестаетъ писать, и она, стороною уже слышитъ, что онъ собирается жениться. До сихъ поръ все еще ясно и возможно.

У Насти умираетъ отецъ; она переѣзжаетъ жить къ своей двоюродной сестрѣ Нинѣ Лониной. Это тоже очень пустая женщина, ухаживающая за холоднымъ эгоистомъ, прекрасно очерченнымъ, княземъ Чемеринымъ, который обращаетъ на нее мало вниманія. Ему нравится Настя, но жениться на ней ему невыгодно, и онъ благоразумно умѣряетъ свою привязанность къ ней. Лонинъ, не очень счастливый въ своей жизни, привязывается тоже къ Настѣ самую нѣжную дружбой. Она повидимому непрочъ раздѣлитъ это чувство, вдругъ опять является Юрій. Свадьба его разстроилась, и онъ возвращается къ Настѣ, которая снова начинаетъ любить его, хотя видитъ, что онъ все тотъ же пустой, вѣтренный мальчишка, и все также не любитъ ее, потому что не можетъ любить искренно и сильно. За то Юрій влюбляется въ князя Чемерина, ухаживаетъ за нимъ, подражаетъ его манерамъ, вѣрить ему во всемъ какъ оракулу, не оскорбляется его насмѣшками и колкостями. Чемеринъ начинаетъ подшучивать надъ страстью Юрія къ Настѣ; тотъ, чтобъ доказать, что не любитъ ее, начинаетъ осыпая ее такими оскорбленіями, которыя не вынесетъ ни одна порядочная женщина, особенно отъ человѣка, неизмѣющаго на это ни малѣйшаго права. Чтобы избавиться отъ этого, Настя не находитъ другаго средства какъ

выйти замужъ за какого-то пустаго старика, кстати подвернувшагося съ своимъ предложеніемъ и не разъ уже безуспѣшно сватавшагося. На этомъ мѣстѣ повѣсти мы остановились въ недоумѣніи. Какъ ни странно героиня ея, но мы не ожидали отъ нея такого, ни чѣмъ не объяснимаго поступка. Зачѣмъ ей было выходить замужъ за мелочнаго, пустаго, ревниваго старика, котораго она не могла даже уважать? Этотъ бракъ производитъ самое непріятное впечатлѣніе на читателя; героиня разсказа становится чрезвычайно мелка и опрометчива, и конецъ повѣсти читается уже безъ всякаго интереса. Авторъ самъ, конечно, видѣлъ всѣ несообразности своего изобрѣтенія и разсказавъ на-скоро, на нѣсколькихъ страничкахъ, всю замужнюю жизнь Насти,—поторопился поскорѣе умирить чахоткою мужа Насти. Любопытно, чѣмъ-бы могла окончиться повѣсть, если-бъ старикъ не умеръ? Но онъ умираетъ къ удовольствію читателей и Насти, которую онъ сильно мучилъ (и подѣломъ!) своею ревностью. Настя переѣзжаетъ на дачу въ Подмосковную. Туда снова является Юрій, и она снова въ него влюбляется. Все время ея траура они живутъ какъ женихъ съ невестой, видятся каждый день. Все готово къ свадьбѣ, но или Юрію наскучило долгое ожиданіе, или роль жениха надоѣла такъ, что онъ испугался роли мужа, только вѣтренная натура его беретъ верхъ и онъ опять оставляетъ Настю, хотя та любитъ его до того, что дѣлуетъ его руки, говоря: «Это единственная ласка, которой отъ женщины не просить; она остается свободнымъ выраженіемъ ея собственнаго чувства; эта ласка самая страстная, дающая всю мѣру женской покорности и любви». Не смотря на все это, не смотря на то даже, что Настя унижается передъ нимъ, вздорный мальчишка бросаетъ ее, женится на одной интриганткѣ и живетъ подъ башмакомъ своей жены. Проходитъ годъ. Въ Настю влюбляется какой-то Евгений, которому она описываетъ всю свою жизнь прежде, чѣмъ отдастъ свою руку. Повѣсть оканчивается эпилогомъ. Въ ту минуту, какъ Настя готова была отослать свою рукопись, ей принесли письмо. Она хотѣла бросить его въ каминъ, но не могла, и прочла слѣдующія строки:

«Если бъ вы не были безпредѣльно добры, если бъ я васъ не ставилъ выше всѣхъ женщинъ на свѣтѣ, я бы не посмѣлъ писать къ вамъ.

«Я убить душою, я глубоко презираю себя, но во мнѣ родилось воскрешающее чувство: непреодолимое желаніе васъ видѣть доказываетъ мнѣ, что я еще не совсѣмъ недостоинъ этого счастья. Ради всего, что было вамъ дорого, отвѣчайте мнѣ однимъ спасительнымъ словомъ. Писать болѣе я не умѣю, не могу.»

«Юрій.»

Настасья Александровна долго стояла задумавшись и потомъ упала въ кресла и зарыдала, закрывъ лице руками.

Она чувствовала себя недостойною любви порядочнаго человѣка!»

Этими словами, съ которыми не можетъ не согласиться читатель, оканчивается повѣсть Ольги Н. Не смотря на все ея недостатки, она все-таки произведение проникнутое мыслью, и которое можетъ нравиться экзальтированнымъ женщинамъ и даже мужчинамъ, слѣдующимъ теоріи, что любовь все извиняетъ, что она можетъ быть безъ уваженія, что можно сколько угодно обманывать женщину, которая любить насъ, и поэтому должна всегда прощать насъ. Въ самомъ дѣлѣ, вопросъ весь въ томъ, можно ли допустить и оправдать въ женщинѣ такую любовь, какую Жюльетта любила Леоне-Леони въ извѣстномъ романѣ Занда? О подобной любви и романѣ Занда мы находимъ, какъ нарочно, мнѣніе другой женщины-писательницы, Евгеніи Туръ, высказанное все въ той же повѣсти «Заколдованный кругъ» Вотъ это мѣсто:

«Помнишь ли ты то время, когда мы вмѣстѣ читали «Леоне-Леони, и я не одобряла любви Жюльетты? И теперь я не отступаясь отъ этого мнѣнія. Любовь, чувство высокое; оно создано для того, чтобъ возвышать душу, а не унижать ее; избранникъ сердца становится идоломъ, въ которомъ все доброе и благородное души нашей олицетворилось; оттого онъ такъ дорогъ намъ, что разстаться съ нимъ значить убить въ себѣ самое дорогое и высокое, значить изеушить въ источникѣ живую струю жизни, сердца и души».

Теперь, какъ *рѣшить*, кто правъ изъ двухъ дамъ писательницъ? (Замѣтьте мы не приводимъ мнѣнія мужчинъ.) Многіе согласятся, конечно, съ мнѣніемъ Ольги Н., но думаемъ, что даже между дамами большинство будетъ на сторонѣ Евгеніи Туръ. Это не мѣшаетъ однако же видѣть намъ въ новой писательницѣ замѣчательное дарованіе, отъ котораго мы ожидаемъ очень многого и которое привѣтствуемъ отъ всей души на тяжелою поприщѣ нашей литературы.

У Ольги Н. менѣ блестящихъ фразъ и афоризмовъ нежели у Евгеніи Туръ, но языкъ первой правильнѣе и легче, чѣмъ у послѣдней. Вотъ нѣсколько неправильныхъ оборотовъ изъ повѣсти: «Суженаго конемъ не объѣдешь.» Ребенокъ, котораго вы *зазнали* уже женщиною; женщина любившая *безъ воздаянія*; *переломное* состояніе; мысль о томъ какъ вы *были мною пожертвованы*; я *вызнала* его сразу; *уяснилъ* мысль свою. Последняя форма глагола встрѣчается часто и у Евгеніи Туръ, и противъ этого мы возстаемъ рѣшительно. Къ чему это *уясненіе*, этотъ мнимо-философскій терминъ, изобрѣтенный мнимо-глубокомы-

сленными писателями вмѣсто простаго и правильнаго *объясненія*? Зачѣмъ безъ нужды подниматься на ходули и писать такое слово, котораго самъ авторъ не употребить въ разговорѣ, а если услышитъ, то непременно улыбнется педантизму того, кто употребляетъ подобныя слова...

Учеными статьями также богаты первые нумера «Отечественныхъ Записокъ.» Пятая статья г. Забѣлина о домашнемъ бытѣ русскіихъ царей прежняго времени, заключающая въ себѣ описаніе родинъ, крестинъ и имянинъ при дворѣ, въ высшей степени любопытна. Въ прекрасной картинѣ, написанной живымъ поэтическимъ языкомъ, г. Яковлевъ, изображаетъ Помпею и ея древности, хранящіяся въ неаполитанскомъ музее. Это не сухой археологическій трудъ въ родѣ сочиненій о Помпее Классовскаго, а статья образованнаго, умнаго туриста, сочувствующаго всей душой роскошнымъ остаткамъ древняго быта сохранившимся въ теченіе столькихъ вѣковъ подъ пепломъ Везувія. Г. Яковлевъ страстно любитъ то, что описываетъ, и оттого его описанія такъ увлекательны и интересны. Онъ скорѣе поэтъ, чѣмъ антикварій, скорѣе художникъ чѣмъ ученый, и мы нисколько не ставимъ ему этого въ вину. Увлечъ читателя картинностью описаній всегда гораздо пріятнѣе, нежели удивить его своими познаніями. Тотъ скорѣе достигаетъ цѣли, кто дѣйствуетъ на сердце, а не на умъ чловѣка. Истина, старая какъ міръ, но не всеми и не всегда сознаваемая.

«Воспоминанія русскаго путешественника о Востѣ-Индіи, Калифорніи и Остѣ-Индіи,» также очень любопытны. Читатели «Пантеона» знакомы уже съ дарованіемъ А. Ротчева. Свѣдѣнія, сообщаемыя имъ о мало-извѣстныхъ странахъ, которыя онъ посѣщаль, весьма интересны. Мы можемъ унрекнуть только г. Ротчева въ нѣкоторой изысканности выраженій, мѣстами проскальзывающей въ его описаніяхъ. Поэтическое чувство, высказывается не въ вычурной фразѣ, а въ вѣрномъ душевномъ описаніи. Впрочемъ, повторяемъ еще разъ, подобныхъ мѣстъ немного, и вообще статьи г. Ротчева читаются легко и съ удовольствіемъ.

Вторая статья г. Соловьева о литературной дѣятельности Карамзина, содержащая въ себѣ разборъ первыхъ главъ его исторіи, очень коротка (шестнадцать страницъ) и не высказываетъ общихъ выводовъ о степени значенія этого труда.

Еще большою краткостью отличаются обѣ критическія статьи «Русская Литература въ 1853 году,» въ нихъ заключается почти одинъ перечень произведеній по части исторіи и теоріи литературы, русской исторіи, физики и метеорологіи, астрономіи и геодезіи. Языкъ этого разбора также не вездѣ правиленъ; есть и *преимство* формъ въ послѣдовательномъ *шестви*, и грань этихъ формъ (то-есть разграниченіе) и

первичная разработка (то-есть первоначальная) и разныя *выясненія* предметовъ. Въ особенности отдѣлъ физики, метеорологіи и геодезіи написанъ тяжелымъ языкомъ, и со многими положеніями критика о нѣкоторыхъ предметахъ этихъ наукъ никакъ нельзя согласиться. Такъ, всякій, кто знакомъ съ физикою и опытами г. Купфера надъ упругостью тѣлъ, никакъ не согласится, чтобъ открытіе г. Купферомъ закона, доказывающаго, что «притяженіе частицъ вещества, на весьма малыхъ взаимныхъ разстояніяхъ, обратно пропорціонально кубамъ этихъ разстояній»—открытія даже не подтвержденнаго еще точными опытами, было равнозначительно великому открытію Ньютона законовъ всеобщаго тяготѣнія. Въ этомъ случаѣ ученый критикъ уже слишкомъ поэтизируетъ и увлекается удивленіемъ къ г. Купферу далѣе предѣловъ благоразумія. Въ описаніи опытовъ того же г. Купфера надъ упругостью металловъ при крученіи, тотъ же критикъ не совсѣмъ ясенъ, а говоря о гальванической проводимости жидкостей, начинаетъ объяснять читателямъ, что такое гальваническая батарея. Но, помилуйте, неужели тотъ, кто незнакомъ съ устройствомъ гальванической батареи, будетъ читать ваши статьи, г. рецензентъ?

Далѣе въ этой же рецензіи встрѣчаются фразы въ родѣ: *наблюденія потребныя* для рѣшенія вопроса (какъ-будто есть наблюденія не потребныя); *открыватель* гальванопластики, *сжаніе* тѣлъ, (это, впрочемъ, вѣроятно опечатка, также какъ переименованіе Ге-Люссака въ де-Люссака). Въ разборѣ астрономическихъ наблюденій и открытій прошлаго года упомянуто о предположеніи Ласселя, что кольцо Сатурна состоитъ изъ вещества газообразнаго, а не сказано ни слова о предположеніи болѣе вѣроятномъ, что кольцо состоитъ изъ вещества жидкаго. Напрасно также г. рецензентъ дѣлаетъ такой рѣшительный приговоръ Космосу Гумбольда, говоря, что эта книга «компиляція, бесполезная для специалистовъ, и не вездѣ понятная для неспеціалистовъ.» Такой приговоръ можетъ быть только оригиналенъ, потому-что съ нимъ не согласится, конечно, ни одинъ ученый въ Европѣ, и мы съ своей стороны желаемъ рецензенту хотя десятую долю той извѣстности, которою пользуется Гумбольдтъ во всемъ образованномъ мірѣ, и тѣхъ познаній, которыми онъ обладаетъ.

Въ отдѣлѣ Библиографіи есть дѣльные разборы книгъ, есть и поверхностные. Къ послѣднему отнесемъ разборъ повѣстей Т. Ч. «Путевыя Замѣтки». вмѣсто того, чтобъ говорить о значеніи этихъ повѣстей въ русской литературѣ, рецензентъ ограничивается на пяти страницахъ разборомъ только одной повѣсти и выписками изъ нея. Всего любопытнѣе, что повѣсть эта—*Тѣни прошлаго*, была напечатана недавно

въ «Отечественныхъ же Запискахъ.» Это значить цитировать самого себя. Въ разборѣ «Магазина Землеузнанія и Путешествій», издаваемого г. Фроловымъ, мы несогласны съ рецензентомъ въ удивленіи его къ глубокимъ опредѣленіямъ К. Риттера. Сочиненія этого писателя, конечно, весьма замѣчательны, но въ немъ въ сильной степени развитъ недостатокъ, свойственный многимъ нѣмецкимъ ученымъ: туманность и изысканность. Давно уже замѣчено, что нѣмецкій ученый старается обыкновенно самую простую мысль высказать такъ, чтобъ она сдѣлалась непонятною. Наука у нихъ все еще достояніе адептовъ, и масса публики, *prophanum vulgus*, не должна проникать въ сокровенныя тайны ихъ ученія. Поэтому они и стараются выражаться языкомъ сивилль и оракуловъ. Что можетъ быть, напримѣръ, проще опредѣленія географіи, встрѣчающагося въ каждомъ учебникѣ? Такъ нѣтъ, Риттеру мало этого, онъ ухитряется сказать, что географія есть наука: «о наполненныхъ земнымъ веществомъ пространствахъ и ихъ отношеніяхъ», и потомъ на нѣсколькихъ страницахъ самъ старается объяснить это объясненіе. Разумѣется, что это объясненіе еще больше затемняетъ предметъ, потому что въ немъ встрѣчаются слѣдующія фразы... «Народности и разумно одушевленные личности человѣка хотя и не связаны съ землею корою, такъ какъ большая часть животныхъ, однакожъ въ естественномъ въ *духовномъ* (?) своемъ развитіи многообразно ею условливаются!»—«Ни одна изъ отдѣльныхъ частей земли не лежитъ случайно или безъ вліянія, вблизи или вдаль отъ другой; напротивъ, каждая связана съ цѣлымъ, каждая, какъ дѣятельный членъ, участвуетъ въ жизни замкнутого кольца всей земной системы.» Подобныхъ фразъ мы могли-бы привести десятки. Не одинъ ли это наборъ словъ, пустыя уметованія, переливаемая изъ пустого въ порожнее, игра въ науку, безъ цѣли и смысла?.. Само-собою разумѣется, что при переводѣ подобныхъ ухищреній на русскій языкъ переводчикъ старался придать имъ и научную форму выраженіями въ родѣ: *преспяніе* человѣческихъ личностей; организмы, созданные цѣлеобразно; поверхность *разверзается* на элементы; планета наша устроена, чтобъ служить скиніею дѣятельности природы, способная для *спянія* почва, *сколменная* толща тѣла; идея человѣческаго рода *не мыслима* безъ земнаго шара; *идейная* основа, и проч. и проч. Намъ кажутся совершенно напраснымъ добросовѣстное намѣреніе рецензента объяснить всю эту дребень; онъ и самъ видѣлъ, что это невозможно, потому-что не сдѣлалъ никакого вывода изъ своихъ объясненій, не рѣшается ни хвалить мысль Риттера, ни указывать на ея недостатки. Въ такомъ случаѣ не зачѣмъ было и объяснять необъяснимаго *гелертера*.

Не нравится намъ также по тону и цѣли разборъ фантастической драмы «Мечта и дѣйствительность.» Мы считаемъ эту драму весьма замѣчательнымъ явленіемъ среди слабыхъ произведеній современной русской драматургіи. Авторъ взялъ въ основу своей пьесы мысль новую, богатую, занимательную, и надъ попыткой его вывести на сцену то, что не выводилось еще до него, не слѣдовало подшучивать. Напротивъ, каждую подобную попытку выйти изъ рутинныхъ рамокъ сценическихъ условій, какъ расширяющую кругъ сценическихъ представленій, слѣдуетъ встрѣчать съ участіемъ, разбирать со вниманіемъ, если бѣ даже исполненіе несоотвѣтствовало цѣли автора, чего въ настоящемъ случаѣ мы не можемъ сказать. Мы знаемъ, что это не первая попытка автора создать что-нибудь новое на театральныхъ подмосткахъ, но такъ какъ на вновь изданной пьесѣ онъ не выставилъ ни своего имени, ни псевдонима, по которому мы могли бы разсмотрѣть новое его произведеніе наряду съ прежними, отличающимися всегда мыслью оригинальною и заслуживающею уваженія, то мы оставляемъ разборъ этой пьесы до времени, пока будемъ имѣть возможность говорить обо всѣхъ трудахъ почтеннаго автора, составляющихъ почти одно цѣлое. Повторимъ теперь, только, что «Мечта и Дѣйствительность» произведеніе весьма замѣчательное и стоить не такого пристрастнаго разбора, какъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» и не такого сухаго, какъ въ «Сѣверной Пчелѣ.»

Къ дѣльнымъ и хорошимъ разборамъ отнесемъ статьи объ «Ученыхъ Запискахъ Академіи Наукъ, Извѣстіяхъ той же Академіи по отдѣлу русскаго языка и словесности и разборъ сочиненія: «О нѣкоторыхъ новыхъ случаяхъ химическаго сочетанія.»

«Журналистика» въ отдѣлѣ Библіографіи, по обыкновенію, не полна, въ ней разбирается только *Львій* Писемскаго, четыре стихотворенія Фета, (къ разбору этихъ стихотвореній мы вернемся, говоря о Современникѣ) и матеріалы изъ портфелей Миллера въ 1 и 2 нумерахъ «Москвитянина.»

Отдѣлъ Иностранной Литературы очень интересенъ въ обѣихъ книгахъ; Новости литературы, искусствъ, наукъ и промышленности также очень полны и разнообразны; Петербургскія Забѣтки пишутся всегда очень мило, и имъ вовсе не зачѣмъ было прибѣгать къ выпискамъ изъ старыхъ фельетоновъ Карра, изданныхъ недавно отдѣльною книгою, подъ названіемъ: *Une poignée de verités*. Хотя въ февральской книгѣ фельетонистъ и увѣряетъ, что онъ упомянулъ о займствованіи статьи своей изъ Карра, но что это было пропущено *по ошибкѣ*, мы остаемся при нашемъ прежнемъ мнѣніи, что подобныхъ *ошибокъ* не слѣдуетъ допускать въ серьезномъ журналѣ. Вообще, въ январѣ фельето-

нисты наши были довольно несчастны на подобныя заимствованія.—Въ 13-мъ номерѣ «Петербургскихъ Вѣдомостей» Г. П., тоже говорящій о Петербургѣ, рассказываетъ за новость, будто-бы недавно случившійся въ немъ анекдотъ о дѣвущкѣ съ красными руками. Анекдотъ очень милъ, но что онъ случился не въ Петербургѣ, а въ Парижѣ, объ этомъ почтенный фельетонистъ Вѣдомостей можетъ справиться въ Литературной Газетѣ 1847 года, гдѣ этотъ самый анекдотъ напечатанъ подъ названіемъ: *Красныя руки*. Понятно, что фельетонное воображеніе истоощается, и что поневолѣ иногда случается необходимость прибѣгать къ заимствованіямъ, но во всякомъ случаѣ намъ кажется, что слѣдовало бы указывать на подобныя заимствованія.

Кажется, въ этомъ-же самомъ номерѣ «Петербургскихъ Вѣдомостей» мы встрѣтили очень любопытное письмо г. Покровскаго, извѣстнаго знатока русскаго языка, посвятившаго все свои труды и опытность на изысканіе опечатокъ и ошибокъ въ слогѣ нашихъ періодическихъ изданій. Въ письмѣ этомъ г. Покровскій объясняетъ, что если онъ отыскиваетъ болѣе всего ошибки въ «Отечественныхъ Запискахъ» и «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», то потому, что это лучшія наши изданія. Странная логика! и мы рѣшительно не понимаемъ, съ какою цѣлью редакція Вѣдомостей дала на своихъ столбцахъ мѣсто этому письму ревностнаго сотрудника «Москвитянина.» Вообще-же эта газета издается въ нынѣшнемъ году еще лучше прежняго и отличается богатствомъ и разнообразіемъ статей.

Такъ какъ мы заговорили о газетахъ, то не можемъ не выписать изъ фельетона «Сѣверной Пчелы» (№ 39, 17-го февраля) одного удивительнаго стихотворенія, полнаго неподражаемаго русскаго юмора и искренняго, благороднаго патріотизма. Каждый русскій въ настоящую эпоху долженъ знать наизусть это стихотвореніе. Вотъ оно:

Вотъ въ воинственномъ азартѣ
 Воевода Пальмерстонъ
 Поражаетъ Русь на картѣ
 Указательнымъ перстомъ.
 Влохповень его отвагой
 И французъ за нимъ туда-жъ
 Машетъ дядюшкиной шпагой
 И кричитъ: allons, courage!
 Полно братцы! На смѣхъ свѣту
 Не останьтесь въ дуракахъ;

Мы видали шпагу эту
 И не въ этакихъ рукахъ.
 Если дядюшка безславно
 Изъ Руси вернется вспять,
 То племяннику подавно
 И вдали не одобровать.
 Альбионъ—статья иная—
 Онъ еще не раскусилъ,
 Что за машина такая
 Наша Русь и въ сколько силъ.
 То-то будетъ удивленье
 Для практическихъ головъ,
 Какъ высокое давленье
 Имъ покажутъ безъ паровъ.
 Знайте-жь, машина готова,
 Будетъ дѣйствовать какъ встарь:
 Ею двигаютъ три слова:
 Богъ, да родина, да Царь.

Много мы читали въ послѣднее время патриотическихъ стихотвореній, но лучше этого не встрѣчали. Оно уже явилось перепечатаннымъ въ фельетонѣ «Русскаго Инвалида», «Вѣдомостей Полицейскихъ», и мы спѣшимъ познакомить съ нимъ читателей «Пантеона.»

Кромѣ этого, въ «Сѣверной Пчелѣ» все обстоитъ по-прежнему.

Возвратимся однако же отъ газетъ къ журналамъ. Мы разобрали только одинъ изъ нихъ, посмотримъ теперь, для контраста на другой.

Въ первыхъ двухъ книжкахъ «Библиотеки для чтенія» за нынѣшній годъ въ отдѣлѣ словесности помѣщены: *продолженіе* романа г. Кукольника «Тонни», *окончаніе* романа Зандъ «Крестница», *начало* романа «Адмиральская дочь» и наконецъ въ этотъ-же отдѣлъ попало, вѣроятно по особымъ заслугамъ, *начало* статьи чисто ученой: «Путешествіе сибирскаго казака въ Китай», стало-быть обо всемъ этомъ говорить нечего.

Въ отдѣлѣ «Наукъ и художествъ» помѣщены: *начало* статьи «Воспоминаніе о ловлѣ звѣрей въ Сибири», *начало* переводной статьи Мармье «Путешествіе изъ Парижа въ Черногорію» и наконецъ двѣ полныя статьи «Томсонъ и Араго», весьма неудачное сближеніе двухъ именъ, совершенно неодинаковыхъ на поприщѣ науки, и «Путешествіе по Персіи», очень сухое и незанимательное.

Въ отдѣлѣ «Промышленности и сельскаго хозяйства» помѣщены мелкія статьи, выписанныя болѣею частью изъ русскихъ специальныхъ

изданій: изъ «Земледѣльческой газеты» *девять* статей, изъ «Посредника» *четыре*, изъ «Коммерческой газеты» *одна* статья.

Въ отдѣлѣ критики напечатано *начало* статьи г. Сенковского, по поводу разбора книги «О сродствѣ языка славянскаго съ санскритскимъ». Объ этой статьѣ мы поговоримъ подробно, когда она окончится. Во второй книжкѣ журнала конца ея не было, а разобраны: «Повѣсти и рассказы Писемскаго,» о которыхъ давно уже высказано все въ другихъ журналахъ. Въ статьѣ этой г. Писемскій сильно расхваленъ (что-то скажетъ на это Сѣверная Пчела?) и сравненъ даже съ Теккереемъ. Хотя со многими мнѣніями критика нельзя согласиться, но въ немъ видна любовь къ русской литературѣ, многія стороны дарованія оцѣнены по заслугамъ, и вообще статья написана хорошимъ русскимъ языкомъ безъ странныхъ выходовъ, которыми отличались прошлогоднія рецензіи этого журнала. Литературная Лѣтопись суха и безцвѣтна. Разборъ *Святкозъ* г. Михайлова, ограничивается выпискою изъ этой прекрасной книги и восклицаніями въ родѣ: сахаръ-сахаромъ! Диккенсъ-Диккенсомъ!

Не знаемъ, какъ попала въ этотъ-же отдѣлъ прекрасная библиографическая статья г. Михайлова «Старыя книги.» Хотя половина фактовъ въ ней взята изъ извѣстнаго сочиненія «*Curiosités bibliographiques,*» но это не мѣшаетъ статьѣ быть чрезвычайно любопытной, въ особенности по тѣмъ даннымъ, которыя авторъ сообщаетъ о нѣкоторыхъ старинныхъ русскихъ книгахъ.

«Смѣсь» обѣихъ книжекъ Библіотеки для Чтенія довольно полна, хотя въ ней встрѣчаются статьи, давно уже появившіяся въ другихъ журналахъ, какъ напримѣръ *Финики и фіалки, Мужъ-Охотникъ.* Въ февральской книгѣ напечатана повѣсть «Бѣлый дроздъ», которая появилась въ Пантеонѣ въ январѣ. Тутъ-же явилось даже что-то въ родѣ фельетона, подъ названіемъ «Петербургская хроника,» впрочемъ очень вялое и неполное. «Музыкальныя новости» господина Модеста Мелодина замѣчательны преимущественно тѣмъ, что въ январской книжкѣ съ особенною заботливостью рекомендуется какой-то фортепіанный мастеръ, живущій въ Средней Мѣщанской, а въ февральской книжкѣ еще съ большою заботливостью адресъ этотъ исправляется, и читатели узнаютъ, къ совершенному своему удовольствію, что означенный мастеръ живетъ не въ Средней, а въ Малой Мѣщанской.

Вотъ все, что мы можемъ сказать о двухъ первыхъ нумерахъ «Библіотеки для Чтенія». О «Современникѣ» и «Москвитинѣ» поговоримъ въ слѣдующей книжкѣ.

2. БИБЛИОГРАФІЯ.

Игорь Князь Сѣверскій. Поэма. Переводъ *Н. Гербеля*. С.-Петербургъ, 1854. Въ 8-ю долю, стр. 147.

«Слово о полку Игоревѣ», этотъ древнѣйшій памятникъ народной нашей поэзіи еще не такъ давно возбуждалъ много толковъ и статей про и contra. Къ сожалѣнію, подлинная рукопись его, найденная гр. Мусинымъ-Пушкинымъ въ 1795 году въ Спасо-Ярославскомъ монастырѣ, и видѣнная весьма не многими, въ томъ числѣ и Карамзинымъ, сгорѣла въ Москвѣ во время пожара 1812 года; а потому теперь и нѣтъ возможности свѣрить ее съ большимъ количествомъ переводовъ и переложений. Графъ Мусинъ-Пушкинъ издалъ «Слово о полку Игоревѣ» какъ говорятъ, безъ малѣйшей перемѣны; но кто же можетъ поручиться, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ слова стерлись, издатель ни позволилъ себѣ написать эти неавтентичныя мѣста по своей догадкѣ?

«Разобрать рукопись», говоритъ г. Пушкинъ» было весьма трудно, потому что не было ни правописанія, ни строчныхъ знаковъ, ни раздѣленія словъ, въ числѣ которыхъ множество находилось неизвѣстныхъ и вышедшихъ изъ употребленія.»

При нынѣшнемъ состояніи науки, при теперешнемъ умѣніи взятыся за дѣло, древній памятникъ этотъ явился бы въ другомъ свѣтѣ, то есть многія мѣста, кажущіяся темными, могли-бы быть прочитаны какъ слѣдуетъ. Что у насъ была прежде за критика? Какойнибудь ученый, рѣшительно не знавшій по-русски, изъяснялъ наши лѣтописи, и ему вѣрили на-слово и признавали авторитетомъ. О поэзіи тоже были свои понятія въ началѣ нынѣшняго столѣтія, и на «Слово о Полку Игоря,» смотрѣли болѣе какъ на поэтическое произведеніе, изобилующее возвышенными мыслями и красотами слога, а въ древнемъ пѣвцѣ видѣли *искуснаго стихотворца*, которому словно знакомы были риторика и пѣтика.

Но появился Каченовскій и началъ опровергать древность повѣсти, считая ее весьма искусною поддѣлкой, что какъ онъ, такъ и послѣдователи его подкрѣпляли разными доказательствами: то особенностями языка, заимствованными изъ разныхъ эпохъ, то очевидными географическими промахами пѣвца. Въ то время легко возникали авторитеты, которымъ вѣрили на-слово, и довольно было сказать, что подобный авторитетъ такъ полагаетъ, чтобъ догадку его привести какъ доказательство.

Не смотря однако же на всѣ разногласія «Слово» продолжали перелаживать, переводить стихами, снабжать примѣчаніями, и, увы, по болѣе

части, многочисленные эти зданія строились на зыбучемъ пескѣ, и ни одно изъ темныхъ мѣстъ «Слова», о которыхъ упомяну ниже, очевидно лишенныхъ смысла, ни сколько не прояснилось отъ этого.

Калайдовичъ между прочимъ сказалъ, однако жъ, что «Слово» по всѣмъ вѣроятіямъ сочинено въ Малороссіи.»

Покойный Н. А. Полевой обратилъ вниманіе на то, что «Слово о Полку Игоревѣ» должно быть составлено на мѣстѣ, то—есть въ сѣверной части Малороссіи. Бросивъ этотъ намѣкъ, Полевой не занимался дальнѣйшими изслѣдованіями, да и никто кромѣ Максимовича не захотѣлъ воспользоваться этою замѣткой, вѣроятно многимъ казавшеюся странной. Впрочемъ Максимовичъ, какъ справедливо замѣчаетъ Сахаровъ (Сказ. Рус. Народ. стр. 64): «удачно воспользовался трудами своихъ предшественниковъ». Въ-самомъ-дѣлѣ, онъ не упомянулъ нигдѣ, что Калайдовичъ и Полевой высказали эту мысль, и въ статьѣ своей говорить: Сей природный и привычный языкъ былъ южно-русскій (Сѣверской области, ибо пѣвецъ безъ сомнѣнія былъ сѣвернымъ) и сего языка словообороты безпрестанно пробивается сквозь покровъ славянскаго (Ж. М. Н. П. 1837 ч. 13, стр. 52 пр. 1.) Къ сожалѣнію г. Максимовичъ, высказывая, въ скобкахъ, это мнѣніе, не потрудился упомянуть, что уже прежде его Калайдовичъ и Полевой говорили объ этомъ. Но что онъ указалъ первый на сближеніе языка «Слова» съ языкомъ, доселѣ существующимъ на югѣ Россіи, ему первому принадлежитъ это открытіе.

Наука шла впередъ, разработка отечественныхъ матеріаловъ принимала обширные размѣры, а «Слово о полку Игоревѣ» продолжали перелагать и переводить, каждый по своему крайнему разумнію.

Не мѣсто здѣсь сличать и разбирать всѣ эти переложенія и переводы, но я постараюсь поставить читателя на такія точки зрѣнія, откуда онъ ясно увидитъ справедливы или нѣтъ мои убѣжденія.

Неизвѣстный пѣвецъ—современникъ Игоря Святославича, воспѣваетъ, какъ очевидецъ, походъ его и битву съ половцами. Пѣвецъ этотъ, былъ-ли онъ сподвижникомъ княжескимъ, или нѣтъ, но зналъ всѣ подробности похода, и, по обычаю пѣвцовъ всѣхъ временъ, воспѣлъ съ разными поэтическими украшеніями подвиги князя и его храброй дружины. Все это представилось покойному Н. А. Полевому, и онъ, какъ выше замѣчено, сказалъ, что повѣсть эта сочинена на югѣ.

Самымъ убѣдительнымъ фактомъ, пропущеннымъ нашими изслѣдователями, фактомъ въ отношеніи несомнѣннаго существованія народныхъ нашихъ бардовъ въ глубокой древности, я укажу на Малороссію. Еще и въ настоящее время въ южной Руси ходятъ бандуристы или кобзари, и лирники, слѣпцы нищіе, которые просятъ подаянія, и, какъ бы въ

благородность платять музыкой. Современное поколѣніе бандуристовъ, только жалкая пародія на древнихъ бардовъ, потому-что они или рѣшительно, или почти не знаютъ героическихъ пѣсень, а только поютъ или гимны и легенды, или пѣсни плясовыя. Но не такъ еще давно можно было встрѣтить стариковъ, воспѣвавшихъ мѣрною прозой и извѣстными напѣвами всю славную исторію южной Руси и знаменитые подвиги ея героевъ. Исторія эта и подвиги не такъ еще давно вызывали насмѣшки, когда было въ модѣ насмѣхаться надъ вѣснмъ малорусскимъ. Бандуристы XV и XVI вѣковъ не возникли же во время кровавыхъ войнъ козацкихъ съ ляхами, а неминуемо явленіе это произошло изъ элемента гораздо древнѣйшаго. Подобно вѣснмъ младенчеству ющихъ народамъ, и древняя Русь имѣла своихъ пѣвцовъ для прославленія знаменитыхъ подвиговъ. И въ этомъ случаѣ старинныя мало-русскія думы, записанныя княземъ Цертелевымъ, Булгаринымъ, Срезневскимъ, Максимовичемъ, Шишгоцкимъ и Лукашевичемъ, служатъ нѣкоторымъ образомъ подражаніемъ «Слову о полку Игоревѣ» какъ по формѣ повѣствованія событій, такъ и по мѣрной прозѣ, которую разбивали на стихи вѣсн, комъ Срезневскаго (см. Запорожская Старина И. Срезневскаго 1833). Съ послѣднимъ мнѣніемъ и я соглашаюсь, потому думы не имѣютъ опредѣленнаго размѣра: слѣдовательно строки стиховъ будутъ произвольны. Но послѣднее обстоятельство далеко отвлекло-бы меня отъ настоящаго предмета. Не лишнимъ только будетъ замѣтить здѣсь, что въ Словѣ о полку Игоревѣ нѣтъ такихъ выразительныхъ стиховъ, какіе встрѣчаются въ думахъ; но во всякомъ случаѣ проза его мѣрная.

Максимовичъ первый замѣтилъ сходство уподобленій «Слово» съ сравненіями въ старинныхъ думахъ малорусскихъ.

Слово:

«Черныя тучи съ моря идутъ, хотятъ прикрыть четыре солнца: а въ нихъ трепещуть снѣга млія—быть грому великому.»

Дума о Наливайкѣ:

«Изъ-за горы хмара выступае, выступае, выходжае, до Чыгырна громомъ выгремяе, на усю Украину блысковою блыскае.»

Слово:

«Черная земля подъ коныты костью была посеяна, а кровію поляна.»

Галиційская пѣсня:

«Чорна ріля заорана,

«И кулямы засіяно

«Білимъ тіломъ зволочена

«И кровію сполощена.

(См. Ж. М. Н. Пр. 1837. Часть 13, статья. М. Максимовича о «Словѣ».)

На второй примѣръ я могу привести два мѣста:

Дума походъ Хмельницкаго въ Молдавію:

«Вже почавъ вінъ землю кінськымы, копытамы ораты; вже почавъ вінъ молдавською кровью молдавську землю, ямъ дожчемъ поливаты».

Вариантъ этой же Думы нигдѣ не напечатанный:

«Що жь то у васъ Гетьманъ Хмельницькый Русынъ, усю мою землю Волоську обрушывъ, усе мое поле *копьемъ* * изборавъ, усімъ моимъ Волохомъ, якъ галкамъ, зъ плічъ головы познімавъ; де булы у полі стежки дорожки Волоськымы головами повымошувавъ, де булы у полі глыбокі довыны Волоською кровью выповнювавъ».

Слово:

«Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяще пѣснь творити, — растекашется мыслию по древу, сѣрымъ вѣкомъ по земли, шизымъ орломъ подь облакы».

Дума Бандуристъ, первый разъ напечатанная въ Извѣстіяхъ II-го От. Ак. Наукъ.

«Не вовкы сіроманці квілять, проквіляють не орлы чорнокрыльці клекчуть ы підъ небеса літають: то седыть на могылі козакъ старесенькый, якъ голубонько сывесенькый, у кобзу граа, выграваа, голосно співаа».

Такъ и чудится, что прежніе украинскіе бандуристы, можетъ быть, за нѣсколько поколѣній, смутно еще помнили хорошо извѣстное ихъ предкамъ «Слово о пльку Игоревѣ». При этомъ нельзя незамѣтить, что современные кобзари и лирники передають легенды на языкѣ славяно-малорусскомъ, употребляя точно также какъ и въ «Словѣ» въ 3-мъ лицѣ ед. и множ. ч ь (ржуть, звенить, и пр.) и произнося ы въ тѣхъ же мѣстахъ, что и въ словѣ (кыевъ, облакы, и пр.), и разумѣется произнося веѣ гласныя, сообразно съ своимъ выговоромъ.

Здѣсь невольно приходитъ на мысль: отчего въ «Словѣ» одни и тѣже лица ед. и множ. числъ оканчиваются на ь, и на ъ? (помняшешь,

* Мнѣ кажется, что почтенный собиратель старины введеть здѣсь въ ошибку бандуристомъ. Не могъ слагатель думы сказать: *копьемъ изборавъ*, потому что во-первыхъ слова этого нѣтъ ни въ древнемъ, ни въ новомъ языкѣ, во-вторыхъ фигура эта была бы не естественна, а въ-третьихъ, въ вариатѣ, приведенномъ выше, говорится о конскихъ копытахъ. Здѣсь тоже должно быть: *кіньмы*. А. Чужб.

пушашешь и башешь) или инья существ. и прилаг. пишутся съ ъ и безъ него? (птиць, птицъ, руській, рускій? Несмѣю утверждать, но мнѣ кажется, что или переписчики, или первые издатели погрѣшили, допустивъ эту поестроту въ правописаніи. Догадку свою я основываю на томъ, что издатели находя въ рукописи ъ, такъ и записывали, но тамъ, гдѣ буквы были не ясны и гдѣ слѣдовало поставить ъ, они по книжному правописанію ставили ъ. Съ переписчиками могло случиться не только тоже самое, но ихъ можно даже подозрѣвать въ невниманіи, съ которымъ они переписывали повѣсть. Во всякомъ случаѣ, кажется мнѣ, отвѣтственность падаетъ на первыхъ издателей, потому-что, какъ выше замѣчено, гр. Мусинъ-Пушкинъ писалъ, что текстъ былъ сильно испорченъ.

Заговоривъ о бандуристахъ, считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ классѣ пѣвцовъ малорусскихъ. Бандуристомъ, болѣе или менѣе искуснымъ, бывалъ каждый запорожскій казакъ * собственно Сѣчевикъ); но не каждый слагалъ думы и пѣсни, подобно тому какъ и теперь простой народъ поетъ пѣсни, не зная даже именно того, кому пришло на мысль высказать въ мѣрныхъ стихахъ извѣстное происшествіе. И этимъ-то неизвѣстнымъ слагателямъ, одареннымъ творческою силой, мы обязаны сохраненіемъ для насъ интересныхъ извѣстій. Въ тридцатыхъ годахъ я встрѣчалъ еще стариковъ-слѣпцовъ, которые пѣли многія историческія думы и знали ихъ твердо. У нихъ существовали особыя школы, и мастера были извѣстны далеко въ окрестности. Слепые мальчики стекались къ подобнымъ учителямъ, — и прежде чѣмъ итти по міру просятъ милостыню, изучали весь репертуаръ бандуриста, и тогда уже, съ бандурой чрезъ плечо, отправлялись по извѣстнымъ направленьямъ. Напрасно нынѣ полагаютъ, что слѣпцы эти — бродяги, таскающіеся по селамъ и деревнямъ. У нихъ всегда есть опредѣленный маршрутъ въ извѣстной окрестности, по которому слѣпой пѣвецъ обходитъ добрыхъ людей. Ярмарки представляютъ имъ обильное поле. Поджавъ ноги, сидитъ кобзарь на видномъ мѣстѣ и наигрываетъ какую-нибудь веселую пѣсню. Возлѣ него собирается кругъ слушателей, растетъ, и, по мѣрѣ увеличенія кружка, бандуристъ съ

* Я сказалъ что каждый запорожець, болѣе или менѣе игралъ на бандурѣ, и это доказывается во-первыхъ тѣмъ, что кто лично знавалъ запорожцевъ утверждаетъ это, а во-вторыхъ, что вездѣ на сохранившихся современныхъ изображеніяхъ этихъ казаковъ, возлѣ запорожца нарисована и кобза. Лѣтомъ въ 1853 году, при этнографическихъ и археологическихъ разрыканіяхъ, мнѣ удалось записать думу со словъ бандуриста, хотя и не полную, однако прекрасную и едва ли не единственную въ своемъ родѣ: она воспѣваетъ ка зака-музыканта по преимуществу. (См. Извѣстія II отдѣл. Имп. Акад.) А. Чужб.

большимъ усердіемъ перебираетъ мѣдныя струны довольно полнаго инструмента, и иной разъ импровизируетъ куплеты. Переживъ свою эпоху, малорусское казачество предалось земледѣлю и мирной сельской жизни; а съ этимъ вмѣстѣ и бандуристы, какъ бы невольно, позабыли думы, сдѣлавшіяся уже достояніемъ исторіи. Рѣдкій кобзарь знаетъ, и то не вѣрно казачіи легенды; но за то всѣ они очень хорошо выучиваютъ то, что больше требуется: для стариковъ и старухъ, что-нибудь протяжное, для молодежи плясовыя пѣсни. И часто случается, что кругъ молодыхъ слушателей, оживленный какъ бы волшебною силой, начинается сперва топать, а послѣ пускается въ самую веселую пляску. Обойдя знакомые города, мѣстечки и селы, кобзарь возвращается на отдыхъ домой, и въ это время занимается витьемъ веревокъ, плетеньемъ рыбацкихъ сѣтей, вязаньемъ рукавицъ и т. п. Обыкновенно съ весною начинаются ихъ далекія странствія.

И говорить было бы лишнимъ, въ настоящее время, что древній народный языкъ русскій разлился отъ языка церковнославянскаго, принявшаго греческіе обороты и наконецъ отразившаго особенность тѣхъ славянскихъ нарѣчій, которыми говорили переводчики священнаго писанія.

У самыхъ древнихъ, малообразованныхъ народовъ языкъ не разъединялся до тѣхъ поръ, пока не появлялась грамотность; съ введеніемъ же пшєма, постоянно и постепенно являлось образованіе, вводившее новыя понятія, которыя естественно требовали и новыхъ выраженій, то возникавшихъ изъ отечественнаго слова, то заимствованныхъ отъ иностранцевъ.

Князья кievскіе были уже люди болѣе или менѣе образованные, но-крайней-мѣрѣ знали хорошо священное писаніе, а потому въ памятникахъ ими оставленныхъ, какъ и въ лѣтописи монаха, не могло не отразиться вліяніе языка церковно-славянскаго.

Не знаю, не будетъ-ли страннымъ мое предположеніе, но мнѣ кажется, что слагатель «Слова о полку Игоревѣ» былъ человекъ для своего вѣка болѣе или менѣе образованный, а потому и въ повѣсти своей употребляетъ языкъ нѣсколько заимствованный изъ книгъ; но, какъ поэтъ, не могъ слѣпо подчиняться чуждымъ оборотамъ, а потому въ его повѣсти безпрестанно попадаютъ народныя слова.

Гдѣ-же, въ какомъ говорѣ должны мы искать сходства съ языкомъ, который, какъ народный, пробивается въ древней повѣсти неизвѣстнаго барда? Въ Новгородѣ, въ Москвѣ или на югѣ Россіи? Полагаю, что отвѣтъ очевиднъ.

Южная Русь, бывъ очень недолго (70 лѣтъ) подъ игомъ татарскимъ и, присоединясь къ Великому Княжеству Литовскому, а съ этимъ

послѣднимъ къ Польшѣ, удержала какъ свою вѣру, такъ и народность. Какъ не приняла она чуждыхъ обычаевъ, такъ сохранила и древній языкъ свой, само собою разумѣется, слѣдовавшій неизмѣнному закону развитія, въ слѣдствіе разныхъ политическихъ причинъ, а въ настоящее время очень измѣнившійся. Но развитіе это продолжалось не долго, потому—что съ окончаніемъ кровавыхъ споровъ съ лахами, и слившись окончательно съ младшей, но болѣе мощной сестрой своей, сѣверной Русью, Малороссія въ отношеніи языка остановилась. Россія, разрастаясь и укрѣпляясь и получая соки изъ вѣтхъ частей своихъ, образовала одинъ книжный языкъ, на поприщѣ котораго трудились и трудятся ея ученые и литераторы. Областные нарѣчія потекли своимъ путемъ; ихъ назначеніе было приготовить почву для болѣе роскошныхъ растений, а дикіе цвѣты народной поэзіи остались въ пѣсняхъ, сказкахъ. Такъ въ садахъ, воздѣлываемыхъ искусною рукою, красуются пышные цвѣты, и рядомъ съ ними, гдѣ-нибудь въ тѣни растеть и первообразъ этихъ цвѣтотвъ, на котораго уже и не обращаютъ большаго вниманія. И мнѣ кажется, что не только благоразумно, но и необходимо искать въ языкѣ малорусскомъ тѣхъ словъ, на которые гг. перелагатели повѣсти о походѣ Игоря иногда съ трудомъ ищутъ объясненій въ древнихъ лѣтописяхъ, и то иной разъ находятъ лишь небольшое сходство.

Г. Максимовичъ (См. Ж. М. Н. Прос. 1837, часть 13) показалъ очень не много примѣровъ сходства этихъ языковъ, да и то статья его не нашла послѣдователей. Одно уже слово Малороссія, при какомъ-нибудь ученomъ вопросѣ, возбуждало если не насмѣшки, то сомнѣніе. Стоило только найти какое-нибудь сближеніе въ языкѣ, и сейчасъ начинали утверждать, что прежде былъ одинъ языкъ на Руси, который сохранился на сѣверѣ, и въ сѣверныхъ же губерніяхъ продолжали искать сходства для поясненія кievскихъ лѣтописей. Иные, впрочемъ, при изученіи славянскихъ нарѣчій, имѣли въ виду и малорусское *.

Перелагатели и переводчики «Слова» занимались Болгарскимъ, Сербскимъ, Чешскимъ и Польскимъ нарѣчіями, не находя достаточнаго свѣта

* Такъ, напр., нѣкто Н. Г., издавшій въ Москвѣ въ 1846 «Примѣчанія на Слово о полку Игоревѣ» говоритъ въ предисловіи (стр. XI) объ особенностяхъ южно-русскаго языка:

с) малороссійское (нарѣчіе)

«и, с, з, вмѣсто к, х, г, передъ и, двѣци дѣвки, сваси свахи, нози ноги, и проч.» и, приводя справедливо этотъ примѣръ изъ Шафарика, сдѣлавъ однакожъ, по-своему, переводъ словъ, чего нѣтъ у Шафарика, авторъ, увы, не поваялъ бездѣлицы: числа и падежа! По его словамъ двѣци, сваси, нози, въ малорусскомъ, будутъ именительный множественнаго, а выйдутъ, что это дательный и предложный единственнаго! А между-тѣмъ авторъ отсылаетъ читателя къ сочиненіямъ Котляревскаго и Основьяненка, какъ будто-бы въ-самомъ-дѣлѣ тамъ можно отыскать подобное незнаніе грамматики!

въ лѣтописяхъ и церковно-славянскомъ языкѣ, и не разсудили или не хотѣли изучить нарѣчіе малорусское, именно то, которое образовалось изъ языка, бывшаго въ употребленіи у нашихъ предковъ, южныхъ славянъ. Если предложить вопросъ, гдѣ жилъ св. Владиміръ? гдѣ крестилась Русь? откуда пошли удѣлы? каждый гимназистъ оскорбится; но, сказавъ, что и кіевскіе князья, и духовенство говорили языкомъ близкимъ къ нынѣшнему южно-русскому, вы рискуете выслушать не одну диссертацию, опровергающую совершенно ваше мнѣніе. Положимъ, иные убѣдятся въ истинѣ, что нынѣшніе кіевляне не съ неба-же упали, не пришли изъ Рязани или изъ Сибири, что они потомки тѣхъ-же самыхъ кіевлянъ, которые говорили Перуну, низринутому въ Днѣпръ: «выдыбай, выдыбай, нашъ милый боже!» * но большинство станетъ отвергать это. Кто-же будетъ спорить, что во времена Владиміра или Игоря Святославича, народный языкъ у насъ на югѣ былъ тотъ-же, которымъ говорили малоруссы въ XV и XVI столѣтіи! Это было-бы почти нелѣпо; но тѣмъ не менѣе вѣроятно, что Южно-Русь въ XII вѣкѣ говорила инымъ языкомъ, чѣмъ Русь сѣверный **.

Только при глубокомъ изученіи малорусскаго нарѣчія, какъ современнаго, такъ и оставшагося въ народныхъ памятникахъ, мы убѣдимся, дѣйствительно, что неизвѣстный пѣвецъ похода Игорева вводилъ въ поэму свою народныя слова, существовавшія въ говорѣ славянъ южныхъ. Для подкрѣпленія привожу нѣсколько мѣстъ изъ «Слова о полку Игоревѣ» составленныхъ такимъ образомъ, какимъ составилъ ихъ и теперь южно-Русь, подчинивъ только извѣстныя буквы своему выговору, образовавшемуся въ послѣдствіи, какъ справедливо замѣчаетъ ученый Славистъ П. И. Срезневскій. Выговоръ малорусскій не измѣнилъ однако жъ слова, и если полтавецъ говоритъ *снідашь*, завтракать, то все же это будетъ *сньдаты*; если онъ говоритъ *утікаты*, уходитъ, то все же это выйдетъ утекать отъ глагола *течь*, *тещи*, слова чисто древнія славянскія, не сохранившіяся ни въ одномъ областномъ говорѣ.

Возьмемъ на выдержку какія нибудь слова, доселѣ живущія въ языкѣ народномъ:

* Фраза—чисто малорусская.

** Шафарикъ говоритъ: «Уже въ самыхъ древнихъ русскихъ памятникахъ, напр., въ обоихъ сборникахъ, писанныхъ Черноризцемъ Іоанномъ (1073 и 1076 гг.), Крылоскомъ Евангеліи (1144), общинахъ XII столѣтія, хранящемся въ Вѣнѣ, и т. д., быстрый и опытный глазъ находитъ слѣды *многихъ малорусскихъ формъ*, число коихъ видимо возрастаетъ въ рукописяхъ позднѣйшаго времени, какъ-то Ефремъ Сиринъ (1370) и др., особенно-же въ грамотахъ князей Володимерскихъ и Галицкихъ XIII вѣка».

(Славянское народописаніе Шафарика, переводъ І. Бодянского. Москвитянинъ 1843. № 1, стр. 170.)

«Лудежъ *потяту* быти, неже полонену быти.»

Глаголь *тять*, рубить, существуетъ и понынѣ. Вотъ его настоящее время: *тну*, *тнешь*, *тнемо*, *тне*, *тнутъ*. Буд. *тятьму*, *тятьмешь*, *тятьме*, *тятьмемо*, *тятьмете*, *тятьмутъ*.

Но посмотрите же сколько на него объясненій. Начнемъ съ Шишкова: «Корень глагола тять не извѣстенъ мнѣ.»

Пожарскій, стр. 35: «Въ Бѣлоруссiи говорятъ: *перетялз*, перерубилъ дрова. По-польски *росіаѣ* (потять) значить порубить, посѣчь. *Rosiаѣ, roębowaѣ drzewo* (посѣчь, порубить дерево). Въ книгѣ *Teatr polski*, печатанной въ Варшавѣ, сказано: *Sarmaty jak doradną to potną, rokrają* (Сарматы какъ настигнуть, то изрубятъ, искроютъ).

Последняя ссылка совершенно излишняя и относится собственно къ польскому языку; но все-таки Пожарскій хоть въ испорченномъ говорѣ (Бѣлорусскомъ) нашель переводъ слова, а другіе ищутъ только въ книгахъ.

Грамадинъ (стр. 100, примѣчаніе 25) «Пронеходитъ (т. е. слово *потяту*) отъ древняго глагола *тети*, сѣчь, *бить* (?): «Перуна же повелѣ привязати коневи къ хвосту, и влещи съ горы по Боричеву на ручай; 12 мужа пристави *тети* жезліемъ.» Нест. Ист. Гое. Рос. 1 пр. 459.

Замѣчу здѣсь также, что фраза: *привязати коневи къ хвосту* употребляется такъ и нынѣ въ Малороссiи.

Дубенскій (стр. 17 прим. 45) «*потяту быти* отъ дѣйств. глагола *потяти*—изрубить, корень: *тети*, *тяти*, *тнути*—сѣчь, *бить* (?). Владиміръ пристовилъ двѣнадцать мужей «*тети* перуна жезліемъ (И. Г. Р. 1 пр. 495). Въ Пушк. *потнешь*, изрубишь (И. Г. Р. II пр. 9). Въ кiev. лѣт. *вбодоша я въ градъ, и острогъ изтыяша*, изрубили (И. Г. Р. II пр. 352); или въ 1149 году Изяславъ повелѣ Половчина *перетяти*, перерубить (И. Г. Р. II пр. 318); въ договорѣ съ Ригюю и Готекимъ берегомъ Мстиславъ Смолен. 1229 г.: таше руку отгннуть, отрубятъ (см. Рус. Дост. II, стр. 251).»

Н. Г. (стр. 7 прим. 16). Потяту отъ глагола *теть*, рубить, *тесать* (?), потесать. И нынѣ говорятъ: *тятьнутъ* (?!).»

Слѣдуетъ извѣстное мѣсто изъ Нестора, приведенное выше.

«Хочу бо, рече, братіе, копіе преломити *конецъ поля* Половецкаго.»

Конецъ поля или *кинці поля*, и донынѣ употребляется малоруссомъ. А гдѣ твоя хата? спросите вы. *Конецъ села*. У мене візь поламався *конецъ мого степу*, у меня изломалась повозка на краю моей степи. Точно также говорится: *Край дороги*, возлѣ дороги; *край*,

села, возлѣ села; *кругъ церкви*, вокругъ церкви; *кругъ хаты*, вокругъ избы.

Мусинъ-Пушкинъ переводить: «хочу, сказалъ онъ, съ вами Россіяне, переломить копье *на томъ краю* поля Половецкаго.»

Шишковъ переводить: «хочу копіе мое, съ вами Россіяне, переломить *по конецъ поля* Половецкаго.»

Пожарскій переводить: «Хочу, возопилъ онъ, копье переломить *концемъ* (?) *поля* половецкаго.» И, опровергая Мусинъ-Пушкина и Шихова, обращаетъ вниманіе на понятный глаголь *приломить*, не заботясь о значеніи *конецъ поля*, котораго онъ совершенно не понялъ, и, по своему обыкновенію, цитуетъ польскихъ авторовъ.

Г. Дубенскій переводить: «Я хочу, говорилъ онъ приломить копье *объ поле половецкое* съ вами, сыны Русскіе.»

Въ примѣчаніи же, приведенномъ имъ на стр. 22 пр. 60, говоритъ совершенно другое, хотя и нашелъ мѣсто, ясно доказывающее истинный смыслъ слова: «*конецъ поля*, пройдя всю землю Половецкую до самыхъ предѣловъ. Въ Кіев. Лѣт. 1151 г. (И. Г. Р. II пр. 34): *устрои Богъ мгу только до конецъ копія видѣти*; въ 1153 г. *бысть мгла велика, яко не видѣти до конецъ копія* (И. Г. Р. II пр. 353); В. К. Іоаннъ (въ XV в.) вельѣлъ встрѣтить посла Максимиліанова «*Конецъ лѣсници каменные* (И. Г. Р. IV пр. 345).

Странно, что приведа всѣ эти цитаты, г. Дубенскій переводить: *объ поле половецкое!*

Н. Г. объясняетъ копіе приломить, но о конецъ поля ни слова.

Грамагинъ совѣтъ не упоминаетъ объ этомъ.

«Другого дни вельми рано» фраза чисто малорусская.

«Ничить траву *жалощами*».

Это обыкновенная малорусская форма множ. чис. въ словахъ оканчивающихся на *ость*, напр. *радощі*, *пахощі*, *жалощи*, *любощі*.

Г. Дубенскій напалъ на слѣдъ настоящей, но не знаю почему назвалъ *жалощами* нарѣчіемъ. На стран. 91—92 въ пр. 304. *Жалощами* (нарѣч.) т. е. отъ скорби о погибшихъ, им. ед. жалость, во множ. вм. неупотребительнаго окончанія жалости, какъ бы слѣдовало по правиламъ, принималось собирательное окончаніе на *щи*—*жалощи* какъ въ южно-русскомъ языкѣ отъ *любость*—*любощи*, отъ *радость*—*радощи*, *радощами*. (Добр. Грам. ч. 1. стр. 360 и выше, примѣч. 55). Въ Духов. у Мономаха: *не розглядывше льнощами* (стр. 21).

Изъ приведенныхъ примѣровъ, кажется, довольно ясно видно, что въ «Словѣ о полку Игоревомъ» очень много словъ и особенностей

языка, сохранившихся и доселѣ въ нарѣчїи малорусскомъ. Нѣтъ данныхъ доказывать, что на сѣверѣ и югѣ Руси въ XII вѣкѣ нарѣчїя разнились между собою; но я убѣжденъ хоть въ томъ, что ни въ одномъ изъ областныхъ нарѣчїй нашихъ нельзя такъ положительно и ясно доказать сближенія съ языкомъ слова, какъ на нарѣчїи малорусскомъ.

Всѣ эти мысли послѣдовательно одна за другою явились ко мнѣ въ то время, когда я брался за перо, чтобъ отдать отчетъ о вновь вышедшемъ переводѣ «Слова о полку Игоревѣ» Н. В. Гербеля. Прежде чѣмъ касаться этой изящной, съ небывалой у насъ роскошью изданной книги, я не счелъ лишнимъ высказать свое мнѣніе о единственномъ стихотворномъ памятникѣ древней Руси, который столько разъ вдохновлялъ нашихъ писателей.

Даровитый г. Гербель, имя котораго первый разъ въ отдѣльномъ сочиненїи явилось на «Исторїи Изюмскаго казачьяго полка,» рѣшился передать стихами «Слово о полку Игоревѣ» не смотря на то, что оно было переведено 16 разъ. Попытка смѣлая, но которая увѣнчалась полнымъ успѣхомъ, потому что переводъ г. Гербеля превосходить всѣ стихотворные переводы, изъ которыхъ иные написаны и прекрасными стихами, но въ иныхъ мѣстахъ совершенно не похожи на подлинникъ. У г. Гербеля вѣрность не только добросовѣтная, но изумительная: какъ надо было вчитаться въ древнюю повѣсть, какъ изучить ее для того, чтобъ передать съ такою отчетливостью. Г. Гербель первый изъ переводчиковъ разбилъ текстъ на стихи, и, какъ мнѣ кажется, исполнилъ это дѣло удачно, а напечатавъ ихъ тутъ же рядомъ съ переводомъ, сдѣлалъ доброе дѣло: вѣроятно, многіе, нечитавшіе «Слово о полку Игоревѣ» въ подлинникѣ прочтутъ его, хоть изъ любопытства.

Прежде чѣмъ приведу, въ доказательство похвалы, какую-нибудь пѣсню на удачу, потому-что все Слово переведено прекрасно, я скажу, что мнѣ кажется, талантливый переводчикъ погрѣшилъ въ двухъ обстоятельствахъ: 1) что послѣдовалъ примѣру гг. Максимовича и Сахорова, и раздѣлил Слово на пѣсни, чего не должно бы дѣлать изъ уваженія къ драгоценному памятнику, то-есть не слѣдовало-бы касаться формы, а оставить его въ такомъ видѣ въ какомъ онъ сохранился, и 2) что г. Гербель не опустилъ тѣхъ непонятныхъ мѣстъ, которыя, какъ я замѣтилъ уже выше, отъ ошибокъ ли переписчиковъ, или отъ нерѣшимостей первыхъ издателей, лишены вовсе смысла.

Напримѣръ это мѣсто: «нѣ рози нося, имъ хоботы пашутъ, копіа поють на Дунай.»

Г. Гербель слѣдовалъ здѣсь переводу и догадкамъ г. Дубенскаго,

который передаетъ это мѣсто такимъ образомъ: «но когда и они носятъ трубы (военныя), то знамена развѣваются, и копыя поютъ на Дунаѣ!

Не смотря на всѣ ссылки г. Дубенскаго, никакъ съ нимъ нельзя согласиться, чтобъ переводъ этотъ былъ вѣренъ, и согласиться нельзя тѣмъ болѣе, что въ подлинникѣ недостаетъ смысла. Очевидно, что здѣсь нѣсколько словъ пропущено. Наконецъ *пашутъ*, мнѣ кажется нельзя принять за глаголъ *пахать*, потому-что въ то время говорили орать; а что касается до копій поющихъ на Дунаѣ, то ни въ какомъ случаѣ самый витіеватый бардъ XII вѣка не употребилъ бы такого страннаго выраженія. Какъ могли копыя пѣть? Здѣсь безспорно можно подозрѣвать недосмотръ первыхъ издателей: не стояло ли въ рукописи: *коней поютъ на Дунаѣ?* что и могло быть окончаніемъ періода, въ которомъ не достаетъ нѣсколькихъ словъ.

Однако увлекаясь и впадая въ безпрестанныя отступленія, я не познакомилъ еще читателей съ прекрасными стихами г. Гербеля. Выписываю пѣснь V:

«Отъ денницы золотой
 До глубокой мглы ночной
 И отъ этой мглы ночной
 До денницы золотой
 Стрѣлы тучами летятъ,
 Копыя крѣпкія трещатъ,
 И о бляхи мѣдныхъ латъ
 Сабли острия гремятъ
 Средь невѣдомыхъ полей
 Кровожадныхъ дикарей.
 Степь истоптана, изрыта
 Сталью (?) конскаго копыта,
 И кругомъ была она
 Нашей кровію полита,
 А костыми удобрена:
 И надъ русскою землею
 Тотъ посѣвъъ взомель бѣдою.
 Что за топоть, что за звонъ
 Рано утромъ предъ зарею?
 Это Игорь! это онъ,
 Онъ, съ дружиной удалю:
 Сердцу вѣрному его
 Жалко брата своего.

Вотъ ужъ день, за нимъ другой —
 Пышитъ битва, будто пламя,
 А на третій, предъ зарей,
 Пало княжеское знамя:
 И опять разлучены
 Братья жребіемъ войны,
 Тамъ (,) гдѣ пѣвится Каяла,
 Чаша выпита до дна!..
 Тамъ кроваваго вина
 Не хватило, не достало!
 Тамъ у вражеской рѣки
 Наши братья земляки
 Пиръ кровавый довершили,
 Жданныхъ сватовъ напоили,
 И за честь своей земли
 Сами трупами легли.
 Вянетъ на полѣ былина
 Подъ кручиною-тоской,
 И къ землѣ тоска-кручина
 Клонитъ яворъ молодой.

Кажется, что мнѣ уже ничего не остается сказать больше; достоинство приведенной пѣсни (а все Слово переведено одинаково прекрасно) гораздо лучше говорить читателю. Переводъ украшенъ хорошими картинками г. Зичи, напечатано на превосходной бумагѣ. Остается только пожелать, чтобъ многіе переводы походили на изящный переводъ г. Гербеля.

Афанасьевъ-Чужбинскій.

Памятная книжка Виленской губерніи на 1854 годъ. Составлено, съ разрѣшенія начальства, виленскимъ губернскимъ статистическимъ комитетомъ. 1854. Вильна, въ 8^о д. л. стр. 130.

Черты изъ исторіи и жизни Литовскаго народа. Вторая часть памятной книжки Виленской губерніи на 1854 годъ. 1854. Вильна въ 4^о д. л., стр. 149.

Изобилующая необходимыми свѣдѣніями памятная книжка Виленской губерніи на 1854 годъ, весьма полезна для края, хотя конечно для

других мѣстъ не представляетъ особыхъ интересовъ, развѣ возбудить любопытство и заставить перевернуть страницы, съ цѣлью посмотрѣть не служить-ли кто изъ знакомыхъ. Тѣмъ не менѣе книги подобнаго рода должны быть поощряемы, потому, что возникая въ подобномъ размѣрѣ, онѣ со временемъ могутъ измѣнять программу и знакомить съ интересными предметами страны. Собственно памятная книжка издана довольно опрятно, на порядочной бумагѣ, и заключаетъ уже нѣкоторымъ образомъ интересную статью: наставленіе простому народу какъ предохранять себя отъ болѣзней, и какъ лечить ихъ простыми средствами, въ отѣтствіе, врача. Авторъ этой статьи докторъ Карлъ Ивановичъ Гелингъ, пишетъ въ своемъ введеніи:

«Мысли въ подобныхъ совѣтахъ излагаютъ такъ, чтобы простолюдинъ непремѣнно ихъ понималъ. Они должны быть крестьянамъ читаемы и вразумляемы не только самими помѣщиками или ихъ экономами, а по вѣдомству государственныхъ имуществъ и окружными начальниками и старшинами, но и преимущественно приходскими священниками» (98).

Раздѣляя съ почтеннымъ авторомъ эту неоспоримую мысль, мы находимъ однако же, что не смотря на достоинство статьи, на самые благодѣтельные и благонамѣренныя совѣты, авторъ именно, во многихъ мѣстахъ дѣйствовалъ противъ своего убѣжденія, и если не вездѣ употреблялъ книжный слогъ и непонятныя для народа выраженія, то вездѣ говорилъ языкомъ не тѣмъ, которымъ слѣдуетъ говорить съ простолюдиномъ.

Много-ли, напримѣръ, пойметъ народъ изъ начала 5 §:

«Въ способъ содержанія и воспитанія крестьянскихъ дѣтей встрѣчаются не только зародыши будущихъ недуговъ (стр. 4), но и непосредственные поводы къ болѣзнямъ», и проч.

А между-тѣмъ это совершенная истина.

Авторъ смотритъ на крестьянскій бытъ болѣе съ кабинетной точки зрѣнія, хотя, какъ видно по всему, бытъ этотъ ему знакомъ въ слѣдствіе изученія. Описывая чрезвычайно вредное устройство избъ того края, авторъ предлагаетъ улучшенія, которыя, конечно, утѣшительно было бъ видѣть и не въ одной Виленской губерніи,—но къ сожалѣнію не вездѣ удобоисполнимыя въ приложеніи, напр.

«Новыя избы строить на мѣстахъ болѣе возвышенныхъ, не затопляемыхъ дождевою водою, и при томъ на надмуровкахъ (фундаментахъ) (т. е. авторъ разумѣетъ кирпичныхъ), такъ чтобъ внутренний токъ приходился непременно выше надворья.» (108).

Во-первыхъ, для этого нужно строить деревни на новыхъ мѣстахъ, да и то иной разъ на извѣстной мѣстности трудно найти мѣста болѣе

возвышенныя; а во-вторыхъ, не всегда можно требовать отъ крестьянина, чтобъ онъ ставилъ домъ на кирпичномъ или каменномъ фундаментѣ, когда не рѣдко и дворянинъ, болѣе его зажиточный, не всегда въ состояніи сдѣлать это.

«Въ жилой избѣ»—продолжаетъ авторъ «устраивать не менѣе двухъ оконъ, каждое въ пять четвертей аршина вышиною и шириною. Одно изъ нихъ должно быть створчатое». (108—109)

Намъ кажется что и здѣсь упущено изъ вида одно важное обстоятельство: подобныя окна въ пять четвертей вышины и ширины, конечно, дадутъ избѣ больше свѣта, но за то зимою отнимутъ много тепла, если крестьянинъ не позаботится вставить двойныя рамы, что для него будетъ очень убыточно, между-тѣмъ какъ свое окошечко онъ закроетъ чѣмъ попало, и держитъ избу въ теплѣ во время морозовъ.

Но мы указали эти мѣста не съ цѣлью поставить статью въ невыгодномъ свѣтѣ. Напротивъ, интересная и благонамѣренная статья г. Геллинга, вѣроятно произведетъ благотѣльные послѣдствія.

Вторая часть памятной книжки Виленской губерніи, нѣкоторыя черты изъ исторіи и жизни литовскаго народа, представляетъ уже много занимательности вообще для каждаго любознательнаго человѣка, кто не читалъ твореній по этой части Стрыйковскаго, Нарбутта и Крашевскаго. Здѣсь, къ сожалѣнію, весьма въ сокращенномъ видѣ представлены извлеченія изъ этихъ писателей, которыя, замѣтимъ мимоходомъ, у насъ не переведены на русскій языкъ. Если смотрѣть съ ученой точки зрѣнія на «нѣкоторыя черты изъ жизни Литовскаго народа» то, конечно, можно бы довольно указать важныхъ промаховъ и пропусковъ; но какъ о мифологіи и исторіи здѣсь упоминается въ концѣ, а главный интересъ заключаетъ настоящій бытъ Литвиновъ, то мы и постараемся какъ можно снисходительнѣе отдать объ этой книгѣ наше мнѣніе.

Умалчиваемъ о статьяхъ г. А. Киркору: Литовскія древности и В. К. Витовтъ, и о статьѣ г. Кондратовича: Вел. Княг. Варвара; все это составлено болѣе или менѣе вѣрно по источникамъ, хотя здѣсь ровно ничего нѣтъ новаго. Но мы переходимъ прямо къ статьямъ г. П. Кукольника: преданіямъ, обычаямъ, повѣрьямъ, пѣснямъ и т. д. Какъ-бы, по образцу предъидущихъ, и эти статьи составлены по Стрыйковскому, Нарбутту и Крашевскому, только уже весьма въ краткомъ видѣ, такъ-что, если авторъ рассказываетъ о какомъ-нибудь обрядѣ, и сначала описываетъ, каковъ былъ обрядъ этотъ ветарину, то пропускаетъ не только интересныя, но даже необходимыя подробности. А между-прочимъ и эти свѣдѣнія объ остаткахъ литовской старины читаются съ большимъ удовольствіемъ, потому-что вообще въ древнихъ преданіяхъ на-

родовъ всегда есть очень много замѣчательнаго. Вотъ для образчика преданіе Литовцевъ объ «Егле».

«Егле съ сестрами своими пошла ввечеру купаться въ ближайшемъ озерѣ. По захожденіи солнца дѣвицы вышли на берегъ за оставленными на немъ рубашками. Вдругъ Егле вскрикнула и отскочила отъ рубахи. Въ рукавѣ сидитъ ужъ,—какъ его выгнать? Какъ достать рубашку?»

«Въ это время изъ рукава показывается голова и начинаетъ говорить: «Выйду самъ, если дашь мнѣ слово, что будешь моею женой.»

«Сестры, чтобъ отдѣлаться отъ ужа, заставили Егле дать ему слово. Получивъ это слово, докучливый ужъ вышелъ изъ рубашки и исчезъ.

«Лишь только они воротились въ избу, являются въ деревнѣ трое сватовъ отъ ужа. Три ужа заѣхали на дворъ въ корытѣ *отъ тѣста**, и говорятъ отцу и матери: Жалтись (ужъ) проситъ прислать ему невѣсту; Егле дала ему слово».

«Родители качаютъ головою, не зная, что отвѣчать, совѣтуются, думаютъ, идутъ къ старой сосѣдкѣ. Старая сосѣдка говоритъ: легко обмануть ужа: вмѣсто дочери дайте ему гусь и отправте пословъ!

«Такъ и сдѣлалось. Сваты съѣли, и уѣхали съ гусью; но на дорогѣ кукушка закричала: куку! куку! куку! обманули васъ. Вмѣсто невѣсты дали вамъ бѣлую гусь. Куку! куку!»

«Ужи возвращаются назадъ въ избу, выбрасываютъ съ гнѣвомъ гусь, упрекаютъ родителей, и требуютъ невѣсты. По совѣту старой сосѣдки, дали имъ бѣлую овцу. Кукушка опять предостерегла ихъ; они возвращаются съ угрозами и требуютъ невѣсты. Имъ дали бѣлую корову; но увѣдомленная снова кукушкою о(бъ) обманѣ, они снова возвращаются еще съ большими угрозами. Родители отдали имъ старшую дочь. Но узнавъ отъ кукушки, что ихъ въ четвертый разъ обманули, они возвратились, угрожая засухою, наводненіемъ, голодомъ, моровою язвою за оскорбленіе ужа. Наконецъ отдають Егле. Кукушка кричитъ: «поѣзжайте! сѣштите! Женихъ ожидаетъ невѣсту!» Со страхомъ поглядываетъ Егле на озеро. Вдругъ изъ глубины является не страшный ужъ, а прекрасный юноша, богъ водъ. Пять лѣтъ живутъ счастливо Егле и Жалтись; но Егле тоскуетъ по своей деревушкѣ, избѣ, родителяхъ. Проходитъ еще пять лѣтъ, и еще пять; она все также счастлива, но часъ отъ часу болѣе жаждетъ посѣтить родителей. Мужу однако это не понравилось. Онъ откладываетъ это посѣщеніе со дня на день. Наконецъ измученный просьбами жены, соглашается, но съ тѣмъ условіемъ, чтобъ она прежде износила стальные башмаки. Егле бросила ихъ въ печку, пережгла и скоро износила. Вотъ я уже готова въ дорогу! надо печь пироги. Хо-

* Это уже чистѣйшій полонизмъ.

Примѣч. Р. П.

рошо! отвѣчаетъ Жалтисъ, но прежде наноси воды рѣшетомъ. Егле носила воды и испекла пироги. Мужъ наконецъ позволилъ ей отправиться; но прощаясь съ нею сказалъ: «Если прійдешь на берегъ озера, кликни меня три раза этими словами: Мужъ мой! жена зоветъ тебя. Если ты живъ, выйди молочною пѣною, если мертвъ—покажись кровью на водахъ».

«Егле отправилась въ село; принята съ радостью; распросамъ не было конца. День ея отъѣзда откладывали непрерывно. Между-тѣмъ братья ея уѣхали въ лѣсъ на ночлегъ и взяли съ собою старшаго сына Егле. Зайдя въ глухую чащу лѣса и разведя огонь, начали его кормить, ласкать и спрашивать какъ мать будетъ кликать отца, когда возвратится домой? Мальчикъ отвѣчалъ, не знаю! Напрасно его упрасивали, напрасно грозили, наконецъ высѣкли вѣнниками. Онъ безпрестанно повторялъ: «мать скажетъ я не знаю что».

«Когда они возвратились, мальчикъ имѣлъ заплаканные глаза. Мать спросила у него отчего у него глаза красные? *Ничего!* отвѣчалъ онъ: мы сидѣли у огня, лучина была смолистая, вѣтеръ нагналъ мнѣ дыму въ глаза. Въ слѣдующую ночь братья взяли съ собою меньшаго сына, и также напрасно его били; онъ ничего не хотѣлъ имъ открыть. Въ третью ночь взяли они съ собою дочь, и настрашавъ ее розгами, заставили все рассказать».

«Потомъ братья, взявъ съ собою косы, пошли къ озеру и вызвали мужа Егле. Изъ водяной пѣны вышелъ на берегъ ужъ, а они схвативъ косы, разсѣкли его въ куски.

Кончились дни посѣщенія Егле. Забравъ дѣтей, и простившись съ родными, она подошла къ озеру, зоветъ мужа, но вмѣсто бѣлой пѣны показала кровь на водѣ; знакомый голосъ далъ ей послѣднее прощаніе и объявилъ кто были убійцы ея мужа. Услышавъ это, Егле воскликнула: куда дѣваться мнѣ! куда итти? какъ жить съ убійцами мужа.—*Боги превратили Егле въ ель (Егле), старшаго сына въ дубъ, младшаго въ ясень, а дочь въ осину.*

Или, на примѣръ, это о «пѣвцѣ Дайнасѣ», напоминающее объ извѣстномъ преданіи Востока.

«Пѣвецъ Дайнасъ влюбился въ прекрасную дѣвушку *Скайстой*; но она не отвѣчала его страсти. Онъ напрасно употреблялъ все усилія, чтобъ пріобрѣсть ея благосклонность; въ особенности онъ пѣлъ подъ окномъ ея прекрасныя пѣсни; но она ихъ и слушать не хотѣла. *Отчаянный* (вѣроятно съ отчаянія) Дайносъ утопился въ рѣкѣ. Боги превратили его послѣ смерти въ соловья, чтобъ своимъ голосомъ, которымъ не могъ тронуть несчастной, утѣшалъ несчастныхъ любовниковъ. Скай-

стой почувствовала любовь къ Дайнасу уже тогда, когда его небыло на свѣтѣ(.) и умерла съ горести. Она превращена была въ столитвенную розу, которая тогда начинаетъ разцвѣтать, когда соловей перестаетъ пѣть.» (73).

Рекомендуемъ читателямъ чрезвычайно интересную статью о сватовствѣ и самой свадьбѣ. Здѣсь очень подробно описаны обряды, и приведено множество пѣсень, изъ которыхъ нѣкоторыя очень хороши. Жаль только, что не приведенъ, хоть бы въ примѣчаніи, подлинникъ. Не менѣе жаль также, что авторъ не сдѣлалъ хоть бы самаго коротенькаго очерка свадебныхъ обрядовъ у древнихъ литовцевъ.

У Нарбутта, на стран. 335—336 встрѣчается наприм. одно очень любопытное обстоятельство:

«Молодыя, незамужнія литвянки», говоритъ Нарбуттъ, носили колокольчики, висѣвшіе до колѣнъ на шнуркахъ, привѣшенныхъ къ поясу, и въ сумерки не смѣли удалиться изъ дому ни на шагъ, даже по хозяйству должны были ходить съ огнемъ, чтобъ родители знали гдѣ находится ихъ дочь. * Сберегаемыхъ такимъ образомъ дѣвушекъ, похищали, словно лакедемонянокъ, два родственника жениха, потомъ просили прощенія у родителей и давали извѣстные подарки. Скромность нравовъ не позволяла торговать дѣтьми; но, если дочь бывала похищаема, какъ будто украдкой, уплата принималась не за товаръ, но за незаконное его приобрѣтеніе. Похищеніе бывало условное и безусловное, но въ последнемъ случаѣ взаимная страсть любовниковъ, освященная религіей, охраняла ихъ отъ мщенія, потому—что никакая сила не въ состояніи была избавить похитителя отъ гибели. Мщеніе цѣлаго семейства висѣло надъ его головою».

Что же касается до свадебныхъ обрядовъ, существующихъ въ настоящее время, авторъ описываетъ ихъ вѣрно и занимательно.

Вотъ, напримѣръ, отправленіе поѣзда жениха въ домъ родителей невѣсты, на стран. 104—105.

Зимомъ молодежь отправляется въ саняхъ, а лѣтомъ верхомъ. Головы лошадей украшаются павлиньими перьями, а къ уздечкамъ привязываютъ множество маленькихъ колокольчиковъ. По прибытіи къ дому, гдѣ находится невѣста, они подходятъ къ дверямъ, которыя, на этотъ случай, всегда бывають заперты. Тогда маршалъ три раза стучитъ въ

* Народъ, живущій въ глубинѣ Россіи и извѣстный подъ именемъ Морвы, и до сихъ поръ еще сохраняетъ подобный обычай: дѣвушки носятъ круглыя колокольчики разныхъ формъ—меньшіе на шеѣ у монашь, большіе у пояса, пришитые къ рубашкамъ. Малѣйшее движеніе дѣвушки, хотя бы въ темнотѣ, тотчасъ же слышно.

двери своей палочкой, оббитой лентами, а изъ избы голосъ спрашиваетъ: *кто тамъ?* Маршалъ отвѣчаетъ: *незваные гости.*

— Сколько васъ тамъ?

— Сколько лучей имѣетъ заря, сколько песку въ морѣ,—столько насъ молодыхъ, бойкихъ парней, богато одѣтыхъ, сидящихъ на прекрасныхъ коняхъ, говорящихъ сладкія рѣчи.

— А чего жъ вамъ нужно, какого угощенія, чтобъ достойно принять такихъ знатныхъ гостей?

— Намъ нужны ночлеги, забава, сладкія рѣчи, кушанье; и мы и лошади измучены, а потому нужны для насъ бѣлыя постели, мягкія подушки, тонкія простыни, мягкія перины, снѣжныя полотенца,—для лошадей—конюшни, для шапокъ—гвозди, для кафтановъ—стульчики, для блестящихъ сапожковъ,—чистый вымытый полъ.

— Если ничего болѣе не требуете, все это у насъ найдете,—войдите, во имя Божіе!

Дверь отворяется, и всѣ пріѣхавшіе входятъ въ избу, гдѣ ихъ встрѣчаютъ пѣсней:

Благодаримъ Бога,
За гостей,
Принесенныхъ съ неба
Намъ на радость.

Когда уже послѣ свадьбы, новобрачные вѣзжаютъ въ ворота молодого, вся свита поетъ пѣсню, которая намъ очень понравилась, по своему поэтическому изложенію:

Заря занялась,
Солнце выходитъ,
Встань, сестрица, моя гостыя!
Неужели ты еще не выспалась?
Сплети себѣ вѣнокъ,
Украй имъ голову,
Твои гости, бѣлые братцы,
Сѣдлаютъ бѣлыхъ кониковъ (.)
Мы ѣхали черезъ поле матери;
Черезъ поле матери
Подлѣ ѣхали братцы,
Сестрицу утѣшали.
Мы ѣхали черезъ поле свекрови,
Черезъ поле свекрови,

Подлѣ ѣхали шурины,
 Золовку доводили до слезъ.
 Мы пріѣхали во дворъ,
 Въ ворота дома свекрови (,)

Я увидѣла мое горе,
 При воротахъ свекрови.
 Если бъ вышелъ братецъ,
 И вырубилъ мое горе
 Изъ воротъ свекрови!
 И вышелъ братецъ,
 Вынесъ саблю,
 И вырубилъ изъ воротъ дощечку,
 Но не мое горе. (110.)

Описывая похороны, авторъ сдѣлалъ, по источникамъ, очеркъ похоронъ у древнихъ литовцевъ, но опустил многія интересныя мѣста, необходимыя, по нашему мнѣнію, а нѣкоторые записалъ неправильно. Напримѣръ, на стран. 110—111 у г. П. Кукольника.

«Когда умеръ, (кто? Да такъ и не говорится по-русски) тѣло его обмывали въ банѣ, одѣвали въ бѣлую длинную рубаху и сажали на стулъ и прочее.

У Нарбутта же въ приведенномъ выше сочиненіи Т. 1 стран. 349 сказано:

«Какъ только кто умиралъ, тѣло тотчасъ обмывали *теплой водой* (гдѣ же баня?), одѣвали въ бѣлую рубаху, и *обували объ ноги.*»

Намъ кажется, что при описаніяхъ подобнаго рода, такія подробности довольно важны.

Или, напримѣръ, авторъ пропускаетъ слѣдующее мѣсто:

«Женщины, идущія за гробомъ, громко плачутъ и *только до границы села* провожаютъ покойника. Въ этомъ мѣстѣ обыкновенно стоятъ врытый столбикъ и на немъ положена монета. Конники издали пускаются къ столбу на перегонки, и кто первый прискачетъ и возьметъ монету, тому честь и слава. Показывая добычу, скачетъ онъ потомъ безпрепятственно дальше, пока не исчезнетъ изъ глазъ; другіе же сопровождаютъ покойника до мѣста погребенія» (тамъ же Т. 1, стран. 351—352).

Или этотъ обрядъ, неупомянутый авторомъ, кажется намъ не лишень значенія:

«По сожженіи трупа, родные и пріатели старательно собравъ золу и недогорѣвшія кожи, складывали все это въ урну. Нѣкыя урны

были искусно сдѣланы и имѣли украшенія, а другія были простыя, грубой работы» (тамъ-же Т. I. стр. 354).

Отдѣлъ пѣсень довольно богатъ, впрочемъ все это переводы изъ собранія Крашевскаго. Мы не вытерпимъ, чтобы не подѣлиться съ читателями произведеніемъ народной Литовской музыки.

Позволь мнѣ, дорогая мать,
 Позволь итти съ ними,
 Съ солдатами, съ братьей.
 — Милая дочь, дѣвица!
 Не иди съ солдатами.
 Хлѣбъ солдата тяжелъ,
 Сегодня здѣсь, завтра далѣе.
 — Мать моя дорогая!
 Это ничего; я хочу итти,
 Воевать съ солдатами.
 — О дочь моя милая,
 Что жъ будетъ съ вѣнкомъ,
 Съ зеленымъ вѣнкомъ изъ руты?
 — Вѣнокъ мой, мать дорогая,
 Вѣтеръ развѣетъ, лента на головѣ
 Будетъ у меня сіять какъ солнце.
 — О дочь! дочь милая!
 Гдѣ будешь ночевать?
 Гдѣ будешь ночью отдыхать?
 — Мать моя милая!
 На зеленомъ лугу,
 На высокомъ холмѣ.
 — Дочь моя милая!
 Что себѣ подстелешь?
 Чѣмъ прикроешься?
 — Мать моя дорогая
 Подстелю себѣ росу,
 А мглою прикроюсь.

Вотъ одно изъ самыхъ старинныхъ произведеній народной фантазіи.

Мѣсяць женился на солнцѣ,
 То была первая весна.
 Солнцѣ (е) встало очень рано (,))
 Мѣсяць устыдясь (,)) сокрылся,

Мѣсяць блуждалъ одинъ (.)
 Влюбясь въ денницу,
 И разсердился Перкувъ
 И разсѣкъ его мечемъ.
 — Зачѣмъ ты оставилъ солнце
 Зачѣмъ влюбился въ денницу?
 Зачѣмъ таскаешься одинъ по ночамъ?

Эта пѣсня такъ любопытна, что мы предлагаемъ для любопытныхъ подлинникъ, къ сожалѣнію не приведенный авторомъ:

Мену саулузе веде
 Пирма павасорели,
 Саулузе ангиети келесь
 Менузисъ астискире.
 Мену виенсъ вакштинѣйо,
 Аусринне пажилейо
 Перкунсъ дідей супыкенсъ
 Ии корду рагда Уипъ
 Ко саулузисъ аушкирей?
 Аусринне памилейей?
 Вѣну ноктій вакшигейей?

Очень любопытно также одно мифологическое преданіе, оставшееся въ пѣсни:

Куда дѣвались божіи кони?
 Божіи сыны (сыновья) на нихъ поѣхали.
 Куда поѣхали божіи сыны (сыновья)?
 Искать дочерей солнца.
 Солнце *само* сказало:
 Дѣти мои *милые!*
 Приданое ихъ скудное (130).

Здѣсь въ словѣ милые, должна быть опечатка, совершенно измѣняющая смыслъ пѣсни.

Мы приводимъ подлинникъ и постараемся передать послѣдніе три стиха въ подстрочномъ переводѣ:

Куръ палку Деева сирги?
 Деева делли ягдїя.

Курь ансягъе Деева дегли?
 Саулесь мейтось раудентеесь.
 Патти Сауле атъбильдейа
 Мажи манни бегринни,
 Мажасъ маннасъ дагванасъ.

Само солнце отвѣчало:
Малы еще мои дѣти
 И мало у нихъ приданаго.

Мнѣ кажется, что теперь будетъ понятнѣе отвѣтъ солнца, который, въ переводѣ г. П. Кукольника, совершенно кажется другимъ.

Странно кажется въ концѣ одной литовской пѣсни найти сближеніе съ пѣснью малорусской; но кому знакома исторія, тотъ не удивится этому средству. Притомъ—же народы, не имѣвшіе даже никогда общенія, въ первыя эпохи своего младенчества, находясь на огромныхъ разстояніяхъ, воспѣвали нерѣдко одну и ту же мысль, оттого что одинаковыми глазами смотрѣли на природу.

Братъ воспѣваетъ кончину брата въ дорогѣ и оканчиваетъ такимъ образомъ:

Спустились низко
 Бѣлые лебеди
 На братнюю могилу,
 Одинъ лебедь у ногъ,
 Одинъ лебедь у головы,
 Одинъ лебедь у бока.
 Невѣста у ногъ,
 Сестра у головы,
 А мать у бока.
Невѣста плакала
По немъ три недѣли,
А сестра—три года,
А его мать,
Милая мать!
Пока жила голова ея (131).

Не менѣе также любопытенъ и отдѣлъ пословиць.

Въ заключеніе мы должны сказать, что хотя «Нѣкоторыя черты изъ исторіи и жизнь литовскаго народа» самое краткое извлеченіе изъ трудовъ ученыхъ по этой части, однако, вѣроятно, каждый поблагодаритъ и за это, тѣмъ болѣе, что у насъ нѣтъ подробныхъ сочиненій о Литвѣ.

жизнь графини анны алексѣевны орловой—чесменской. Сочиненіе *Н. Елаина*. С. Петербургъ, 1853. Въ типографіи Морскаго Кадетскаго Корпуса. Въ 8-ю д. л. IV и 152 стран. *

Имя графини Анны Алексѣевны Орловой, дочери чесменскаго героя, русской публикѣ давно уже было извѣстно многими подвигами благотворенія, обильными, чрезвычайно-щедрыми приношеніями на пользу святыхъ храмовъ и обителей, и наконецъ, при знатности и несмѣтномъ богатствѣ благотворительницы, ея жизнью строгой, «уединенной, близкой къ отшельничеству» (стран. 2). Но о кончинѣ ея почти не говорили, и, по словамъ почтеннаго біографа, «авторъ *Воспоминанія о графинѣ Аннѣ Алексѣевнѣ* (А. Н. Муравьевъ) справедливо замѣтилъ, что довольно протекло времени, и нигдѣ не было упомянуто о ней въ повременныхъ изданіяхъ, въ журналахъ и газетахъ, обыкновенно извѣщающихъ о какомъ-либо замѣчательномъ событіи, радостномъ или печальномъ. Журналы и газеты нерѣдко извѣщаютъ о событіяхъ мало замѣчательныхъ, даже иногда неимѣющихъ особаго смысла; почему-же они умолчали о смерти графини Анны Алексѣевны, которая въ теченіе *пятидесяти лѣтъ* подвизалась на самомъ высокомъ поприщѣ—на поприщѣ благочестія и благотворительности?» (Стран. 146.)

Отвѣтъ не труденъ. Газеты и журналы, не имѣя достаточныхъ и точныхъ свѣдѣній, почитали себя не въ правѣ толковать на-угадъ о предметѣ важномъ; тѣмъ охотнѣе и усерднѣе повременныя изданія наши дѣлятся теперь съ читателями свѣдѣніями достовѣрными, старательно собранными Н. В. Елаинымъ, по просьбѣ настоятеля и иноковъ новгородскаго Юрьева монастыря, «признательныхъ къ высокимъ ея благотвореніямъ обители» (см. предисловіе).

Книга, посвященная памяти добродѣтельной особы, состоитъ изъ семи главъ. Первая представляетъ нѣкоторыя подробности о родѣ графовъ Орловыхъ; во второй описывается рожденіе и воспитаніе графини Анны Алексѣевны; въ третьей — «лица, имѣвшія духовное вліаніе на

* Въ Главной конторѣ «Пантеона»: 1 р. 50 к., съ пересылкою 2 руб. сер.

жизнь» ея (старецъ іеромонахъ Амфилохій, преосвященный Иннокентій и, главнѣйше, архимандритъ Фотій); въ четвертой — «благочестивые труды»; въ пятой—«мірская жизнь» въ шестой — пожертвованія и въ седьмой—последнія минуты графини.

Мы остановимся преимущественно на томъ, что относится лично къ ней самой и ближайшему, достойному исполнителю и сподвижнику ея религиозной благотворительности, отцу Фотию, слѣдуя притомъ неуклонно и буквально указаніямъ автора, основаннымъ на фактахъ и внимательномъ изученіи, и приводя любопытнѣйшія изъ книги мѣста, въ подлинномъ или сокращенномъ изложеніи.

По окончаніи доблестнаго военнаго поприща своего, достопамятнаго извѣстнымъ сожженіемъ турецкаго флота при Чесмѣ, графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ поселился въ Москвѣ, славился тамъ благотворительностью и, обладая необыкновенною тѣлесною силою, поддерживалъ ее гимнастическими упражненіями.

Въ 1782-мъ году, графъ Орловъ-Чесменскій женился на Авдотѣ Николаевнѣ Лопухиной, и плодомъ этого брака была дочь Анна, родившаяся 2 мая 1785 года. Спустя четырнадцать мѣсяцевъ, графъ овдовѣлъ. Супруга его скончалась въ цвѣтъ лѣтъ, при рожденіи сына, также вскорѣ умершаго. Вся нѣжность графа обратилась тогда на единственный залогъ счастливаго, но непродолжительнаго брака. Воспитанію малютки-дочери посвящены были всѣ заботы отдохавшаго на лаврахъ героя, который въ тридцати-трехлѣтнемъ возрастѣ достигъ чина генералъ-аншефа и украсился орденомъ св. Георгія Побѣдоносца 1-го класса. По свидѣтельству автора, семилѣтняя графиня Анна Алексѣевна имѣла уже главнѣйшія понятія въ наукахъ, въ языкахъ французскомъ, нѣмецкомъ и итальянскомъ; семи-же лѣтъ, во вниманіе къ заслугамъ отца, удостоена пожалованія во фрейлины. Въ 1806 году, графъ Алексѣй Григорьевичъ, уже семидесятилѣтній старецъ, принялъ главное начальство надъ *пятою областью* земскаго войска, и за труды свои по устройству его, награжденъ былъ орденомъ св. Владиміра 1-й степени. Въ 1808 году, наканунѣ Р. X., Чесменскаго не стало. Вся Москва стеклась на погребеніе знаменитаго мужа... пришелъ и находившійся съ нимъ подъ Чесмою, престарѣлый сержантъ Изотовъ, въ екатерининскомъ мундирѣ, съ медалями на груди. Онъ хотѣлъ отдать послѣдній долгъ тому, съ кѣмъ видѣлъ нѣкогда грозное пламя, объявшае корабли турковъ... облагодѣтельствованный покойнымъ, хотѣлъ, въ числѣ другихъ, донести гробъ его до траурной колесницы, и палъ у нея, подъ бременемъ лѣтъ и горести, не переживъ своего высокаго начальника.

Потеря родителя поразила графиню Анну Алексѣвну глубочайшею скорбью. Четырнадцать часовъ была она въ безпамятствѣ, и потомъ, надъ хладными останками горячо любимаго и горько оплакиваемаго отца, произнесла торжественный обѣтъ посвятить всю жизнь свою религіознымъ помысламъ и на служеніе Богу. Описаніе-то ненаружимаго исполненія этой священной клятвы и составляетъ собственное содержаніе сочиненія г-на Елагина.

Окруженная семействомъ роднаго дяди, Владиміра Григорьевича Орлова, ласкаемая и развлекаемая имъ, осиротѣвшая дочь Чесменскаго не находила отрады и утѣшенія въ блескѣ и суетѣ свѣта, ни въ пышномъ кругу высшаго, перваго общества, къ которому принадлежала по рожденію и несмѣтному богатству, оставленному ей отцомъ, какъ единственной наслѣдницѣ. Молитва и благоговѣйныя размышленія о Божествѣ составляли лучшій призывъ ея смиренной души. Она чуждалась шума столицы, ее влекло въ Кіевскую лавру, въ Ростовъ. Здѣсь старецъ Амфилохій, извѣстный благочестивою жизнію, еще болѣе развилъ, поучительными бесѣдами, набожно-созерцательное настроеніе духа графини. — «Изъ кельи Амфилохія (говоритъ авторъ) графиня вынесла твердое убѣжденіе, что здѣшняя жизнь есть только приуготовленіе къ будущей; что блага жизни здѣшней должны быть для насъ не цѣль чѣмъ, какъ средствомъ къ пріобрѣтенію благъ вѣчныхъ — ни богатство, ни знатность, ни блескъ не могутъ дать истиннаго покоя» (стр. 24—25)... — «Удаливъ отъ себя всякое самолюбіе (продолжаетъ онъ), забывъ знатность происхожденія, превосходство образованія и воспитанія, многочисленное знакомство съ избранныѣйшими лицами въ высшемъ обществѣ, пользуясь особеннымъ благоволеніемъ Императорскаго Дома, графиня постоянно отличалась величайшимъ смиреніемъ. Величіе и пріятность во взорахъ, съ выраженіемъ несбыкновенной ласковости, простота въ бесѣдѣ, скромность въ словахъ, христіанская привѣтливость въ обращеніи, внимательность ко всѣмъ и каждому, безъ различія рода, званія и возраста, всегда и во всякомъ случаѣ ясно выражали ея возвышенную душу. Никто, никогда, не видалъ ее въ гнѣвѣ или досадѣ... Толпы бѣдныхъ и нищихъ ежедневно окружали домъ ея, и ни одинъ не отходилъ безъ помощи и утѣшенія. Графиня не хотѣла знать кто и на что просить помощи — безпрестанно благотворила» (25—26)... Желая, «по смерти іеромонаха Амфилохія, найти другаго руководителя, къ которому могла-бы обращаться за совѣтами въ искушеніяхъ», графиня прибѣгла къ преосвященному Иннокентію, епископу пензинскому и саратовскому, извѣстному подвижническою жизнію и силою проповѣди своей, и онъ назвалъ—

Фотія. «Графиня искала случая сблизиться съ нимъ, но онъ долго чуждался ея, какъ-бы опасаясь вліянія ея знатности и богатства на свое убожество. Не прежде, какъ черезъ два года, достигла графиня желанной цѣли быть его духовной дочерью. Знаемъ (прибавляетъ авторъ) изъ оставшихся послѣ нея бумагъ, что она избрала своимъ духовнымъ руководителемъ Фотія также и по совѣту высокопреосвященнаго митрополита Серафима, къ которому часто обращалась за наставленіями по смерти Иннокентія. Графиня поселилась возлѣ Юрьевской обители, возложивъ на себя обѣтъ послушанія и строжайшаго лишенія; въ Петербургъ пріѣзжала временно... Чтобъ правильнѣе понять и оцѣнить источникъ и плоды благочестивыхъ отношеній между Фотіемъ и его духовною дочерью, надобно ближе знать перваго» (стр. 27—29), заключаетъ авторъ, и затѣмъ сообщаетъ краткій очеркъ жизни Фотія (родился въ 1792 г.) въ мірѣ Петра Спасекаго, первоначально законоучителя во Второмъ Кадетскомъ Корпусѣ, въ-послѣдствіи настоятеля монастырей—Деревянницкаго, Сквородскаго и Юрьевской обители, которая, изъ развалинъ и разрушенія, при огромныхъ пособіяхъ графини, доведена имъ до высшаго благолѣпія. Вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ предлагаетъ и весьма любопытныя историческія свѣдѣнія о всѣхъ трехъ обителяхъ, наиболѣе подробныя объ Юрьевской, какъ замѣчательнѣйшей и древнѣйшей, возникшей еще при великомъ князѣ Ярославѣ, когда, послѣ похода на Чудь, въ 1130 г., построилъ онъ на берегу Эмбаха крѣпкій городокъ Юрьевъ (нынѣшній Дерптъ).

«Предаваясь трудамъ благочестія, благотворенія, поста и молитвы, графиня Анна Алексѣевна исполняла и обязанности, возложенныя на нея высокимъ званіемъ ея при Высочайшемъ дворѣ. Она была камеръ-фрейлиной императрицъ Маріи Ѳеодоровны, Елисаветы Алексѣевны и Александры Ѳеодоровны», пожалована портретами Ихъ Величествъ, знаками ордена св. Екатерины меньшаго креста, и неоднократно имѣла счастье сопровождать Государыню Императрицу Александру Ѳеодоровну въ путешествіяхъ Ея Величества (94—95).

Въ пребываніе свое въ Петербургъ и Москвѣ, графиня, какъ говоритъ авторъ, «сообразалась съ требованіями, налагаемыми общественными условіями и свѣтскимъ приличіемъ. Охотно принимала у себя въ домѣ посѣтителей, но сама не любила выѣзжать въ гости; привычка эта досталась ей отъ родителя. Въ обществѣ и бесѣдѣ, графиня ни словами, ни обращеніемъ, ничѣмъ не давала замѣтить о строгой жизни, которую вела въ тишинѣ для Бога и спасенія души... Видѣвшіе ее только въ гостиныхъ и не подозревали, что она проводитъ большую

часть времени въ молитвѣ и благочестивыхъ трудахъ. Благочестіе графини, для знавшихъ ее, проявлялось въ обществѣ въ чрезвычайной привѣтливости къ людямъ, коихъ другіе считали ничтожными, въ забвеніи огорченій, наносимыхъ иногда невольно, въ чрезвычайной терпѣливости, въ точномъ исполненіи даваемыхъ обѣщаній и готовности на всякое доброе дѣло... Въ обществѣ трудно было найти другую даму, столь-же знаменитую, столь-же богатую и притомъ столь-же снисходительную» (95—96)... Но свѣтъ и общество были не по нраву графини Анны Алексѣевны: около двадцати послѣднихъ лѣтъ своей жизни она провела въ строгомъ уединеніи, въ усадьбѣ, нарочно построенной близъ предпочтительно-любимаго покойною Юрьева монастыря, куда перенесла драгоценный прахъ родителей своихъ, гдѣ приготовила и для себя мѣсто вѣчнаго успокоенія; изрѣдка лишь оставляла она усадьбу эту для посѣщенія другихъ обитателей и храмовъ, и внезапный конецъ земному поприщу своему обрѣла въ стѣнахъ того-же Юрьева монастыря, обязаннаго ей поразительнымъ великолѣпіемъ, которое нынѣ изумляетъ проходящихъ во множествѣ богомольцевъ.

Дѣйствительно, по изображенію въ разсматриваемой книгѣ и по приводимымъ въ ней извлеченіямъ изъ путешествія къ св. мѣстамъ русскимъ, благоустройство Юрьевской обители необыкновенно замѣчательно. Между прочимъ, подземная въ ней церковь, устроенная на подобіе древнихъ катакомбъ, отдѣлана и украшена великолѣпно. Помость ея устланъ мраморомъ; по сводамъ, подъ мраморъ, разсыпаны золотыя звѣзды. Иконостасъ богатый (см. стр. 49).—«Противъ сѣверной двери алтаря, открывается съ южной стороны тайная дверь, въ гробовой покой архимандрита Фотія; одна лампада освѣщаетъ его сумракъ... къ подножію спасительнаго креста прислоненъ мраморный гробъ, освѣщенный серебрянымъ покровомъ, съ крестнымъ на немъ изваяніемъ» и золотою иконою. Послѣдній пріютъ Фотія при жизни его сообщался съ келіями. «Сюда часто спускался онъ, тайною стезею, къ своему гробу, чтобы засвѣтить лампаду, или въ мракѣ подземелья углубиться въ размышленіе о вѣчности» (50—51). Съ лѣвой стороны алтаря пещерной церкви, ведетъ лѣстница въ верхній Спасскій соборъ, сооруженный Фотіемъ «послѣ пожара 1823 года, на мѣстѣ домової церкви благовѣрныхъ князей Θεодора и Александра Невскаго. Деревянный, вызолоченный иконостасъ его украшенъ съ особенною щедростью. Мѣстныя иконы, Спасителя и Божіей Матери, сіяютъ драгоценными камнями; одна жемчужина, грушевидная, вдѣлана въ осыпанный брилліантами вѣнецъ ея... изящный вкусъ распоряджалъ богатствомъ окладовъ и утвари церковной. Благолѣпіе умножается при возженіи многочисленныхъ лампадъ огромнаго паникадила,

которое, въ видѣ вѣнца, спускается изъ глубокаго купола, проливая торжественный свѣтъ на полумракъ собора» (52).

Въ церкви Всѣхъ Святыхъ (на мѣстѣ прежнихъ келій Фотія), украшенной съ чрезвычайнымъ великолѣпьемъ, иконы, принадлежавшія настоятелю, осыпаны драгоценными камнями... «нельзя не дивиться блеску яхонтовъ, какіе встрѣчаются только въ утваряхъ царскихъ, и свѣтлой водѣ алмазовъ, на которые не обращало вниманія око особы, принесшей ихъ въ даръ»... въ сѣверной стѣнѣ алтаря выложена изъ каменной молитвенная келія, «если только можно дать такое названіе каменному гробу, въ три шага длины и одинъ ширины... Это была келія покойнаго, гдѣ проводилъ онъ, *въ совершенномъ безмолвіи*, всю четырехдесятиглицу и куда уединялся обыкновенно въ часы, свободные отъ заботъ и занятій» (52—53).

Невозможно и въ сокращеніи представить послѣдовательнаго описанія обители Юрьевской, ни даже украшеній главнаго ея храма съ пятияруснымъ иконостасомъ, бронзовыми царскими дверями, огромными паникадилами, подсвѣчниками, на престольную одежду изъ *литаго серебра* и драгоценной сѣнью съ высокимъ на ней крестомъ изъ сибирскихъ камней, «сокровища кажутся здѣсь обыкновенными отъ самаго ихъ множества». И все это были приношенія графини Анны Алексѣевны. «Дорого цѣнять золотые оклады мѣстныхъ иконъ, осыпанные крупными алмазами, яхонтами, изумрудами и сапфирами; вѣнецъ Спаса и звѣзда на челѣ и персяхъ Пречистой Его Матери горятъ чудными камнями, несравненными по своей величинѣ и чистой водѣ. Риза Великомученика усыяна сибирскими тяжеловѣсами по швамъ и воскрыліямъ, какъ-будто ими скрѣплено ея чистое золото; щитъ, шлемъ и броню его по истинѣ можно назвать адамантовыми; особенной величины четыре жемчужины образуютъ рукоятку и оконечности его воинскаго меча. Сокровища, принесенныя на украшенія этой древней византійской иконы, современной еще Великому Ярославу, основателю обители, восходятъ до чрезвычайной суммы. Щедро убрана также икона святителя Θεоктиста, находящаяся при ракъ мощей его», сдѣланной изъ серебра, вѣсомъ болѣе восьми пудовъ, съ позолотою отличнаго мастерства (56—57). Легко затѣмъ вообразить и роскошь ризницы. «Долго было бы (говорить самъ авторъ) псчислять драгоценныя митры, кресты и панации, и шитыя жемчугомъ облаченія, которымъ едва ли есть подобныя, по красотѣ и богатству, развѣ изъ числа древнихъ въ патриаршей, троицко-сергіевской и кіево-печерской ризницахъ» (58—59). Новгородъ такъ близокъ отъ Петербурга, сообщеніе по желѣзной дорогѣ и на пароходѣ (отъ Соснинской пристани) такъ быстро и легко, что житель столицы, безъ малѣй-

шаго затрудненія, можетъ совершить лѣтомъ поѣздку, или прогулку, въ древнѣйшій изъ городовъ русскихъ, славный своими вѣковыми стѣнами, Софійскимъ соборомъ и многими обителями, въ числѣ которыхъ великолѣпнѣйшая нынѣ Юрьевская. Книги гг. Муравьева и Елагина, вмѣстѣ съ другими историческими руководителями, пособятъ каждому скоро и систематически обозрѣть по-крайней-мѣрѣ самое замѣчательное. По объему статьи нашей, не касаясь другихъ подробностей и разныхъ любопытныхъ сторонъ разсматриваемаго сочиненія, предоставляемъ читателямъ непосредственно въ немъ ознакомиться основательнѣе съ строгою иноческою жизнію архимандрита Фотія. Въ продолженіе послѣднихъ лѣтъ ея, «онъ не зналъ другой пищи, кромѣ просѣоры и иногда самой простой жидкой кашицы; не употреблялъ другаго питья, кромѣ воды» (73). Обладая высокимъ духовнымъ краснорѣчіемъ, онъ не утрачивалъ до послѣднихъ дней выразительнаго дара слова, и съ одра тяжелой болѣзни писалъ: «Во вся дни и часы, я, по причинѣ горькой смерти, не молился вмѣстѣ съ вами, но вопилъ какъ Іовъ: отцы и братія и чада, вси вы приступаете къ покаянію; простите мя днесь; я не могу приобщиться съ вами, истинно умираю, а лица вашего не созерцаю, яко грѣшникъ»... «Что вы ищите? Кого вы ищете? священно-архимандрита Фотія-отца? Нѣтъ здѣ: онъ умеръ и уже не видимъ его, и не увидимъ, какъ здѣ видѣли его всегда» (стр. 77—78). Фотій преставился въ ночи съ 25 на 26 февраля 1838 года, на сорокъ-седьмомъ году отъ рожденія. Кончина его, описана поучительно, не безъ искусства и съ чувствомъ.

Самое мѣстоположеніе Юрьевской обители, между прочимъ, объясняетъ любовь къ ней графини Анны Алексѣевны. «Расположенный въ трехъ верстахъ отъ Новгорода, по лѣвому берегу Волхова, на мѣстѣ возвышенномъ, недосыгаемомъ разливамъ весеннихъ водъ, монастырь Юрьевскій въ половодіе представляетъ живописную картину: въ водѣ со всѣхъ сторонъ, кажется сооруженнымъ на возвышенномъ островѣ... Къ сѣверу отъ монастыря лежитъ Новгородъ; на востокъ видно Городище, любимое мѣстопребываніе перваго русскаго князя Рюрика, и монастыри Кирилловскій и Сковородскій; на югъ тянется озеро Ильмень» (103—104). Въ монастырѣ хранятся многіе историческіе и священные памятники древности: подлинная грамота В. К. Мстислава, сына Мономахова, соорудившаго Георгіевскій храмъ, писанная на пергаментѣ и скрѣпленная серебряною печатью; грамоты другихъ великихъ князей и царей, кусокъ скалы, къ которой прикована была сирійская царевна, обреченная въ жертву морскому чудовищу и избавленная отъ смерти св. Великомученикомъ Георгіемъ»; плащаница отъ памятнаго междуособ-

ное бранью князя Дмитрія Шемяки, и проч. Безцѣнное украшеніе и сокровище обители составляютъ почивающіе въ Юрьевскомъ монастырѣ нетлѣнные останки св. новгородскаго архіепископа Феофота. Сей святитель, принявъ иноческій образъ, былъ Игуменомъ, потомъ Архіепископомъ новгородскимъ, и послѣ восьмилѣтняго правленія паствою, отошелъ на безмолвіе въ Благовѣщенскую обитель, гдѣ окончилъ святую жизнь въ иноческихъ подвигахъ. Обо всемъ этомъ найдете въ книгѣ г. Елагина любопытныя историческія подробности. Щедротами же графини возобновленъ и принадлежащій монастырю Юрьевскому древній скитъ, устроенный первоначально во времена введенія христіанства въ Россію, на томъ мѣстѣ, гдѣ было нѣкогда капище новгородскаго Перуна; внутри скита сооруженъ «прекрасный для иноковъ корпусъ» (см. стр. 113—123).

Столь приверженная къ Юрьевской обители и настоятелю ея, графиня Анна Алексѣевна пережила отца Фотія десятью годами. 5-го октября 1848 года, совершенно здоровая и спокойная, предполагала она отправиться въ Петербургъ. Это былъ день тезоименитства ея родителя, и она, отслушавъ литургію въ Юрьевскомъ монастырѣ, и приобщившись святыхъ таинъ, по окончаніи обѣдни долго и усердно молилась надъ могилою отца своего, героя Чесменскаго, и надъ гробницею духовнаго ея наставника Архимандрита Фотія; возвращаясь оттуда въ келію нынѣшняго настоятеля обители, она почувствовала стѣсненіе въ груди; дошла, однако же, до комнаты, безъ посторонней помощи, сѣла на диванъ, жалуюсь на большее и большее стѣсненіе въ груди, и въ такомъ положеніи, вперивъ молитвенные взоры на образъ Богоматери, нашедшейся передъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ она сидѣла, спокойно и тихо перешла за рубежъ земной жизни, въ міръ горній... мирская кончина, о которой при всякомъ богослуженіи молить Святая церковь. Внезапная кончина графини, послѣдовавшая въ покояхъ настоятеля архимандрита Мануила, преемника Фотія, описана въ книгѣ со всеми подробностями, трогательно и умиленно... Все свое огромное достояніе отдала она храмамъ Господнимъ, и на дѣла благотворенія. «Доставшееся графинѣ Аннѣ Алексѣевнѣ, послѣ родителей имѣніе, принесло ежегодно до милліона рублей ассигнаціями дохода, и стоило, по отзывамъ извѣстныхъ лицъ, до сорока милліоновъ руб. ассигнаціями. Если присоединить къ стоимости доходы съ имѣнія, которые получала графиня до продажи его, то въ результатѣ окажется, что графиня Анна Алексѣевна имѣла въ своемъ распоряженіи до 65 милліоновъ руб. ассигн. Въ этотъ расчетъ не включены ея брилліанты, серебро и золото, и драгоценныя камни, на весьма значительную сумму. Извѣстныя пожертвованія графини для разныхъ мона-

стырей и церквей восходятъ до 25 мил. руб., слѣдовательно остальной капиталъ, при весьма скромной жизни своей, она посѣяла на дѣла благотворенія. Не довольствуясь такимъ употребленіемъ имущества при жизни, графиня, предсмертнымъ распоряженіемъ, послѣднее имѣніе свое, за исключеніемъ степныхъ земель въ Воронежской губерніи, предоставленныхъ роднымъ, принесла на дѣла богоугодныя и завѣщала:

Въ Новгородскій Юрьевскій монастырь	300,000 р. с.
— Почаевскую Лавру	30,000 — —
— Соловецкій монастырь	10,000 — —
на 340 монастырей, по 5,000 въ каждый	1,700,000 — —
— 48 кафедральныхъ соборовъ, по 3,000 въ каж-	
дый	144,000 — —
	<hr/>
	2,184,000 *

Сверхъ того, завѣщано ею въ непосредственное распоряженіе попечительство епархіальныхъ вѣдомствъ, на вспомошествованіе вдовамъ и сиротамъ духовныхъ лицъ православнаго исповѣданія, въ каждую епархію по 6,000 руб. сер. 294,000 — —

всего 2,478,000

«Занимаемый графинею на мызѣ близъ Юрьева монастыря каменный домъ, со всеми при немъ службами, пристройками, оранжереєю и садомъ и со всемъ имуществомъ въ этомъ домѣ, какъ-то: святыми иконами, картинами, серебромъ и прочими вещами, за исключеніемъ брилліантовъ, принесенныхъ также на дѣла благотворенія, поступилъ, согласно ея желанію, въ полное владѣніе Юрьевской обители.

«Едва ли когда-нибудь и гдѣ-нибудь частный человѣкъ принесъ такую жертву Богу! Перебирая въ памяти лѣтописи благотворительности и пожертвованій людей самыхъ богатыхъ и самыхъ щедрыхъ, нигдѣ не видимъ такой значительной суммы, которая показала бы баснословною, если бѣ не были еще живы и цѣлы памятники жертвъ и даровъ графини Анны Алексѣевны» (стр. 130—132).

Такъ изображена въ разсмотрѣнной книгѣ жизнь графини Анны Алексѣевны Орловой-Чесменской; скончавшейся 64-хъ лѣтъ, въ стѣнахъ

* Съ тѣмъ, чтобы весь капиталъ этотъ оставался на вѣчныя времена неприкосновеннымъ въ кредитныхъ установленіяхъ, и чтобы монастыри и соборы пользовались съ него одними лишь процентами.

обители, возвелченіемъ которой она создала себѣ прочный духовный памятникъ. Не близкимъ современникамъ принадлежитъ окончательный приговоръ описаннымъ дѣяніямъ и свойствамъ покойной: его исполнѣ и громче произнесетъ позднѣйшее время, цѣнитель правдивый и безпристрастный. Если истинно-высока добродѣтель того, кто не отъ избытковъ, а въ убожествѣ своемъ, дѣлится съ ближними послѣднимъ, то не менѣе великодушно и пожертвованіе тѣхъ, которые *все*, весь избытокъ свой отвергаютъ, отдавая его лучшему назначенію, уклоняясь отъ блеска, роскоши и наслажденій земной жизни, для пріобрѣтенія благъ вѣчныхъ.

Подробнѣ другихъ рецензентовъ, хотя и не совершенно-удовлетворительно разсмотрѣвъ назидательный трудъ г. Елагина, мы въ правѣ надѣяться, что почтенный авторъ «Воспоминаній» о графинѣ А. А. Орловой не упрекнетъ насъ въ недостаткѣ вниманія къ настоящему ея жизнеописанію, какъ справедливо упрекнулъ журналы и газеты въ умолчаніи о ея кончинѣ. Исполнивъ посылно обязанность нашу, переходимъ къ инымъ явленіямъ современной литературы русской.

II.

ИСКУССТВА И ХУДОЖЕСТВА.

1. РАШЕЛЬ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

(Статья четвертая и послѣдняя).

Виргинія, трагедія Латура. — Новый поклонникъ классицизма. — Характеръ децембра. — Старые и новые стихи. — *Говолія*. — Судьба этой трагедіи. — Успѣхъ Эсвири. — Второй актъ трагедіи. — Впечатлѣніе, производимое трагедіею и Рашелью. — *Леди Тартюфъ*. — Характеръ героини. — Продолженіе пьесъ. — Рашель въ комедіяхъ. — *Горацій и Лидія*. — Ода, переложенная въ пьесу. — *Воробей Лезбій*. — Катулъ и его оды. — Пьесы Корнеля. — *Поліевктъ*. — Исторія этой трагедіи. — Дурные и хорошіе стихи. — Рашель въ роли Полины. — *Горацій*. — Какъ переводились по-русски классическія трагедіи. — Нѣмая сцена. — Конецъ трагедіи. — *Жанна д'Аркъ*. — Суме и его произведенія. — Искаженіе исторіи. — Общій выводъ дѣятельности и значенія Рашели въ драматическомъ искусствѣ.

Мы должны теперь говорить о двухъ отрывкахъ, иггранныхъ три раза Рашелью: въ бенефисъ Пейсара, въ бенефисъ Майеръ и въ бене-

фисъ Лемениля, о второмъ актѣ трагедіи Латуръ-де-Сент-Ибара «Виргинія», и о второмъ актѣ «Говолинъ», трагедіи Расина. Изъ любой трагедіи Расина можно было, пожалуй, дать одинъ актъ, и зрители отъ этого ничего бы не потеряли, напротивъ, можетъ быть, выиграли бы, но намъ очень жаль, что публика наша не познакомилась со всею пьесою Латура. Этотъ авторъ съ замѣчательнымъ дарованіемъ, и трагедія его ведена и написана очень хорошо. Ее было бы тѣмъ любопытнѣе видѣть вполне, что послѣ приторныхъ стиховъ Расина и дубоватыхъ Корнеля, послѣ нелѣсныхъ плановъ классическихъ трагедій зритель увидѣлъ бы пьесу, взятую изъ древней исторіи, почерпнутую изъ того же источника, откуда заимствовали свои сюжеты Корнель и Расинъ, и въ тоже время отличающуюся отъ старыхъ трагедій прекрасно веденнымъ ходомъ дѣйствія, человѣческими характерами, естественностью положеній и завязки, звучными стихами. Мы бы рекомендовали въ особенности г. П. Панаеву прочесть эту пьесу. Въ статьѣ своей о представленіяхъ Рахели, въ первомъ номерѣ «Современника», восторгаясь до послѣдней степени возможности не только артистскою, но и Расиномъ, и классицизмомъ, почтенный редакторъ «Современника» хочетъ всѣми силами отодвинуть насъ на двѣсти лѣтъ назадъ, вернуться къ трагедіямъ съ тремя единствами, и говорить рѣшительно и положительно, что вся современная драматическая литература Франціи, всѣ пьесы Гюго, Дюма, Делавиня, Девиньи и прочее, и прочее, никуда не годятся въ сравненіи съ Расиномъ и компаніею. Сознаемся, что это поэтическое увлеченіе г. Панаева можетъ удивить даже того, кто привыкъ къ его переѣмчивости во мнѣніяхъ. Странно было бы, если бъ мы взялись доказывать ему противное. Есть предметы, о которыхъ даже смѣшно спорить. Взглянемъ лучше на отрывокъ изъ «Виргиніи», чтобъ видѣть разницу между этою пьесою, по стихамъ и ходу дѣйствія, съ классиками времени Людовика XIV.

Исторія Виргиніи извѣстна каждому изъ насъ. Еще на школьной скамейкѣ, вѣроятно, занимала всякаго судьба этой бѣдной дѣвушки, убитой своимъ отцомъ для того, чтобъ спасти ее отъ позора. Лѣтопись древняго Рима передала намъ этотъ трогательный разсказъ, и имя Виргиніи, какъ достойный ровень (pendant) къ имени Лукреціи, не забудется до тѣхъ поръ, пока будутъ учиться римской исторіи. Смерть Виргиніи была предметомъ множества пьесъ. У однихъ французовъ было написано восемь трагедій на этотъ сюжетъ: Мере въ 1628 году, Леклеркомъ въ 1645, Кампистрономъ въ 1683, Лабомелемъ и Шабаномъ въ 1769, Магарпомъ, Лебланомъ ди Гилъе и Гиро въ 1827. Альфіери и Лессингъ также писали «Виргинію», наконецъ въ 1845

году Латуръ-де-Сент-Ибаръ, уже извѣстный прежде своими пьесами, весьма замѣчательными и въ особенности драмою въ стихахъ: «Les routiers», въ которой превосходно очерчена личность Коннетабля Дюгесклена, поставилъ на сценѣ Французскаго театра новую «Виргинію». Ее играла Рашель, и пьеса имѣла успѣхъ, хотя авторъ по скромности и относилъ его къ знаменитой артисткѣ, написавъ на экземлярѣ пьесы, поднесенномъ Рашели и находившемся въ нашихъ рукахъ, слѣдующее четверостишіе :

Le plus pur dévoûment, le plus fidèle hommage
Ne saurait m'acquiter de ce que je vous dois;
J'ai fait beaucoup dit-on, vous fites d'avantage:
Le succès est de vous, si la pièce est de moi.

Первые два акта трагедіи происходятъ въ домѣ Виргиніи. Первый актъ сверхъ того не простая экспозиція пьесы, а полная картина событія, служащаго вступленіемъ въ драму. Виргинія, дочь центуріона, готовится къ браку съ Ициліемъ, бывшимъ народнымъ трибуномъ, а теперь воиномъ. Весталка Фауста, сестра Ицилія, опасается децемвира Аннія-Клавдія, извѣстнаго своими преступленіями. Виргиніи сожалеетъ о предстоящей разлукѣ съ дочерью и скорбитъ объ униженіи Рима вмѣстѣ со своимъ патрономъ, Фабіемъ, обвиняющемъ плебеевъ во всѣхъ несчастіяхъ Рима. Является децемвиръ Анній-Клавдій. Съ негодованіемъ говоритъ онъ о постыдномъ бездѣйствіи центуріона въ то время, когда сабиняне напали на римскія области. Виргиніи ничего не зналъ о нападеніи и обѣщаетъ тотчасъ же отправиться противъ враговъ, какъ только совершится бракъ его дочери съ Ициліемъ. Всѣ отправляются въ храмъ; децемвиръ остается одинъ съ своимъ кліентомъ Максимомъ, спрашивающимъ Клавдія о его намѣреніяхъ и о томъ, влюбленъ ли онъ въ Виргинію. Клавдій отвѣчаетъ:

Non, jamais dans l'amour ma vertu ne succombe;
Vénus ne me vit point immoler de colombe
Dans son temple, et je sais, quels que soient mes désirs,
Sans recevoir ces lois accepter ses plaisirs.

потомъ онъ объясняетъ Максиму что подкупилъ Фламинія, совершающаго бракосочетаніе, выдумать какое-нибудь чудо, чтобъ остановить обрядъ въ слѣдствіе дурнаго предзнаменованія, посланнаго богами. Видя, что бракъ отложенъ, Виргиніи и Ициліи отправятся на войну, и

Ицилій будетъ убитъ въ засадѣ, по приказанію самого Клавдія. Характеръ этого децемвира прекрасно очерченъ авторомъ и поддержанъ до конца пьесы. Онъ поступаетъ деспотически, но по сознанию въ глубокомъ упадкѣ римлянъ. Такъ, въ слѣдующей сценѣ (первой III-го акта) онъ представляетъ въ прекрасныхъ, сильныхъ стихахъ картину изнѣженнаго римскаго юношества.

Va, je les connais bien! Ces nobles jeunes gens
 Par amour du pays ne sont guère exigeans.
 Qu'ils puissent étaler le pourpre de leur toge
 Et pendant les grands jeux draper à part leur loge,
 De la guerre et des champs éviter les travaux
 Et fatiguer l'arène aux courses des chevaux,
 Ils ne se plaindront pas; préférant en silence
 Aux libertés de tous leur unique licence.
 Je les tiens attachés par une chaîne d'or
 Sur le lit des faveurs, où leur vertu s'endort.
 Ne me parle donc plus de Tarquin-le-Superbe
 Il coupait les pavots et moi je fauche l'herbe.

Есть ли у Расина хоть одна подобная картина, выраженная такъ энергически, такъ исторически вѣрно? И еще Латуръ вовсе не принадлежитъ къ первокласснымъ поэтамъ Франціи, и стихъ его далеко уступаетъ въ силѣ и звучности Эмилю Ожье и Понсару, не говоря уже о другихъ поэтахъ, каковы Гюго, Мюссе, Готье, Дюма, Мери, и проч.

Во второмъ актѣ Виргинія возвращается въ опустѣлый домъ своего отца, блѣдная, встревоженная; она говоритъ своей рабынѣ Актѣ, что ее любить децемвиръ, напоминаетъ объ участи двухъ своихъ подругъ Сильвіи и Альбины, погубленныхъ Клавдіемъ и его братомъ. Разсказъ ея о томъ, какъ на праздникѣ Цереры, одна старуха открыла ей любовь Клавдія, написанъ также превосходными стихами. Въ особенности конецъ его Рашель читаетъ съ неподражаемымъ искусствомъ.

Негодованіе и ужасъ римлянки, художнически передаваемые артисткою, возрастаютъ, когда Актѣ говоритъ ей, что въ ея отсутствіе децемвиръ осмѣлился прислать ей подарки. Des présents! a moi! говоритъ она:

Alors qu'Icilius ne ma jamais offert
 Pour gage de sa foi que cet anneau de fer,
 Claudius, sans respect pour l'amour qui m'anime,
 Par cet appas grossier croit m'entraîner au crime;

Et ses ornemens vils, qu'il m'ose présenter,
Sont faits de ce métal qui sert pour acheter.

Вдругъ, въ эту тяжелую минуту, является самъ Клавдій. Въ этой оцѣнѣ заключается собственно весь второй актъ, и она ведена съ особеннымъ искусствомъ. Сначала децемвирь удивляется, что его подарки отвергнуты. Онъ говоритъ:

Repousser les présents d'un homme qui vous aime!
Est-ce mépris pour moi?
— C'est respect pour moi-même!

отвѣчаетъ *Виргинія*. Клавдій предлагаетъ ей раздѣлить съ нимъ его власть надъ Римомъ. *Виргинія* отвергаетъ. Онъ предлагаетъ ей тогда освободить Римъ и сложить съ себя власть. *Виргинія* отказывается. Онъ описываетъ ей всѣ удовольствія, которыя приносятъ богатство.

— Rien ne vaut mon honneur!

Отвѣчаетъ *Виргинія* на предложенія, выраженные превосходными стихами, полными мѣстнаго колорита, которые классики причислили бы непременно къ высокому, (le sublime) если бы стихи эти написалъ *Расинъ*.

Далѣе децемвирь предлагаетъ *Виргиніи* жениться на ней и увѣдомляетъ о смерти *Ицилія Фауста*, явившаяся въ это время, подтверждаетъ слова Клавдія, но говоритъ, что *Ицилій* убитъ измѣнническимъ образомъ по приказанію децемвира. Въ душѣ *Виргиніи* борятся разнородныя страсти: отчаяніе, грусть, оскорбленная гордость, жажда мщенія, презрѣнія къ злодѣю; все это выливается въ прекрасномъ монологѣ, оканчивающемъ актъ и въ которомъ особенно хорошо читаетъ *Рашель* слѣдующіе стихи:

N'employez avec moi ni detour, ni surprise;
La romaine vous hait, l'amante vous méprise
Et je sens dans mon coeur par un transport soudain
L'aversion grandir autant que le dédain.

Намъ пришлось бы выписать весь этотъ актъ, чтобъ показать, какъ хорошо онъ веденъ и написанъ. Думаемъ впрочемъ, что приведенныхъ нами мѣстъ достаточно, чтобъ убѣдить всѣхъ въ превосходствѣ плана, хода, характеровъ и стиховъ этой трагедіи передъ классическими. Съ такимъ же точно искусствомъ ведены и три послѣдніе акта. Выдумка Клавдія: требовать выдачи *Виргиніи*, какъ рабыни одного изъ своихъ кліентовъ, чтобъ придать видъ законности своему наслію — вѣрна

исторіи въ малѣйшихъ подробностяхъ, и послѣдній актъ, содержащій въ себѣ судъ на форумѣ и смерть Виргиніи, эффектенъ въ высшей степени. Римляне Латура настоящіе Римляне V вѣка до Р. Х., а не французскіе маркизы или какіе-то нелюди расиновскихъ трагедій. Авторъ остается безукоризненно вѣренъ въ малѣйшихъ подробностяхъ исторіи, правамъ и обычаямъ того времени; но если пьеса его не произвела сильнаго впечатлѣнія на нашу публику, вина падаетъ не на него, а на невозможность дать всю трагедію, о которой зритель получаетъ по одному акту, самое неполное понятіе. Ни чѣмъ неподготовленное впечатлѣніе, остающееся безплоднымъ и любопытство, напрасно раздраженное и ничѣмъ не удовлетворенное мѣшаютъ успѣху этой пьесы. Рафаэль Феликсъ былъ жидокъ въ роли децемвира; ему не мѣшало бы украсить подбородокъ свой хоть маленькою бородкой, чтобъ быть немного помужественнѣе.

Поговоримъ теперь еще объ одной прекрасной пьесѣ, въ которой Рашель была очень хороша, хотя изъ этой пьесы играли тоже только второй актъ, въ бенефисъ Пейссара. Пьеса эта—*Говолія*.

Трудно повѣрить, чтобъ одинъ и тотъ-же человекъ написалъ *Баязета* и *Говолію*. Правда, что между тою и другою трагедіями почти двадцать лѣтъ антракта; за-то и разница между двумя этими произведеніями неизмѣримая; она же доказываетъ и то, что у Расина былъ большой талантъ: нужно много дарованія, чтобъ возвыситься отъ *Баязета* до *Говоліи*. Мы видѣли примѣры другихъ писателей, которые, начавъ тоже съ мнимо-турецкихъ драмъ и характеровъ, въ родѣ *Роксаны*, спускались потомъ все ниже и ниже и дошли до визиготскихъ драмъ, написанныхъ скинскимъ языкомъ. Но Расинъ въ послѣдніе годы своей жизни блеснулъ самымъ яркимъ талантомъ. Опечаленный неуспѣхомъ *Федры*, онъ отказался отъ театра, и двѣнадцать лѣтъ не писалъ ничего, когда усиленные просьбы г-жи Ментенонъ заставили его написать для сен-сирскихъ монастырокъ сначала *Эсвирь*, потомъ *Говолію*. Первая пьеса имѣла огромный успѣхъ. Ее играли въ Сен-сирскомъ монастырѣ, въ присутствіи короля и всего двора. Монастырки исполняли мужскія роли *Амана*, *Артакеркса* и *Мардохея*. Данжо въ своихъ запискахъ передаетъ восторгъ современниковъ, видѣвшихъ эту пьесу. Г-жа Севинье приводитъ милостивую фразу Людовика XIV: *Racine a bien de l'esprit*. Бомель говоритъ, что трагедія эта сдѣлалась важнымъ дѣломъ: министры оставляли свои занятія, чтобъ видѣть ее. Супруга маршала д'Эстре защищалась какъ отъ проступка, отъ обвиненія въ томъ, что не видала *Эсвири*; употребляли всѣ усилія, чтобъ видѣть эту пьесу. Король самъ составлялъ списки лицъ, приглашаемыхъ въ театръ, какъ на поѣздки въ Марли. Онъ входилъ первый и

сидѣлъ у дверей съ тростью и спискомъ въ рукахъ, пока входили всѣ, кого приглашали. Успѣхъ этотъ побудилъ Расина написать вторую пьесу, по порученію Людовика XIV, но, по многимъ причинамъ, г-жа Ментенонъ не захотѣла видѣть представленія Говеліи въ Сен-сирскѣмъ монастырѣ. Трагедію дали въ Версали; играли ее тѣ же монастырки, въ своихъ обыкновенныхъ платьяхъ, безъ костюмовъ и декорацій, въ комнатѣ маркизы Ментенонъ. Пьеса не имѣла успѣха.

Публика открыла глаза только тогда, когда Расинъ закрылъ ихъ.

Въ 1702 году придворные вздумали сыграть эту пьесу на дворцовомъ театрѣ. Только одинъ актеръ Баронъ игралъ Юдая, Говелію играла жена президента Шальи, Иосавету—герцогиня бургондская, Абнера—герцогъ орлеанскій, Юада—графъ д'Эмаръ. Трагедію дали три раза и опять оставили. Наконецъ, въ первый годъ регентства Филиппа Орлеанскаго, 3-го марта 1716 года Говеліа дана была для публики. Несмотря на то, что пьеса была играна съ политическою цѣлью (потому-что въ маленькомъ Людовикѣ XV, послѣдней отрасли многочисленной фамилии, всѣ члены которой, кромѣ его, были поражены смертью, видѣли нѣкоторое сходство съ Юадомъ), несмотря на то, что Данкуръ выбросилъ изъ нея всѣ хоры, для которыхъ музыка была написана анжерскимъ музыкантомъ Моро, трагедія выдержала пятнадцать представленій сряду съ блистательнымъ успѣхомъ. Въ полномъ и настоящемъ видѣ, съ хорами, со всѣмъ великолѣпіемъ она была поставлена въ 1770 году, во время бракосочетанія дофина съ Маріей-Антуанеттой. Въ Петербургѣ ее играли на русскомъ языкѣ съ музыкою Боельдье, бывшаго тогда здѣшнимъ капельмейстеромъ. Три года тому назадъ, въ бенефисъ Каратыгина 2-го, мы видѣли одну сцену изъ Говеліи, а именно въ третьемъ актѣ, очень хорошо прочитанную покойнымъ Каратыгинымъ 1-мъ. Для нѣмецкаго перевода трагедіи, играннаго въ Берливи, музыку написалъ Мендельсонъ Бартольди.

Впечатлѣніе, произведенное на нашу публику, однимъ актомъ этой превосходной трагедіи, заставляетъ насъ только сожалѣть, что мы не могли видѣть ее вполнѣ, со всѣмъ великолѣпіемъ хоровъ и обстановки. Расскажемъ по-крайней-мѣрѣ ходъ втораго акта, безспорно, лучшаго въ трагедіи.

Въ первомъ актѣ всего двѣ сцены между іудейскимъ военачальникомъ Абнеромъ и первосвященникомъ іерусалимскаго храма Юдаемъ, и вторая между Юдаемъ и его женою. Говеліа, дочь Ахава и Іезавели, израильскихъ царей, вышла за Юрама царя іудейскаго, и по смерти своего сына, Охозіи, истребила всѣхъ своихъ внуковъ, чтобъ самой властвовать въ Іудеи. Одинъ изъ внуковъ ея, Юадъ былъ спасенъ еще

ребенкомъ и раненый принесенъ въ храмъ, гдѣ Иудей скрылъ его и воспитываетъ вмѣстѣ съ своимъ сыномъ Захаріею, чтобъ въ послѣдствіи противопоставить его Говоліи. Хоръ левитовъ приходитъ въ храмъ и поеть хвалу Іеговъ. Приходъ супруги Иудая, Іосаветы прекращаетъ пѣніе. Второй актъ начинается. Захарія прибѣгаетъ въ волненіи и рассказываетъ, что въ храмъ вошла женщина и прервала богослуженіе.

Une femme.. peut-on la nommer sans blasphème!

Une femme... c'était Athalie elle-même!

Она слѣдуетъ за нимъ. Іосавета избѣгаетъ встрѣчи съ нею, левиты разбѣгаются... Входитъ Говолія встревоженная, взволнованная, въ золотомъ вѣнцѣ, въ темнозеленомъ платьѣ, черной туникѣ съ золотой бахромой, въ красной мантии. Она посылаетъ за Мааномъ, жрецомъ Ваала, которому она поклоняется, и садится, въ ожиданіи его, говоря :

*Heureuse, si je puis trouver par son secours
Cette paix que jè cherche et qui me fuit toujours.*

Она велитъ остаться своей свитѣ и Абнеру, говоря:

*Abner a le coeur noble et il rend à la fois
Ce qu'il doit à son Dieu et ce qu'il doit à ses rois.*

Первое впечатлѣніе, производимое Рашелью въ этой сценѣ—удивительно. Она рассказываетъ Маану свой страшный сонъ, который знаютъ навзустъ всѣ, сколько-нибудь знакомые съ французской поэзіей. Дойдя до того мѣста въ рассказѣ, когда явившаяся ей Іезавель превращается въ безобразную массу:

*... un horrible mélange
D'os et de chair meurtris et trainés dans la fange,
Des lambeaux pleins de sang et de membres affreux,
Que des chiens dévorants se disputaient entre eux,—*

Рашель заставила содрогнуться весь театръ при этихъ стихахъ. Конецъ сна: появленіе царственнаго ребенка, поражающаго ее кинжаломъ, приходъ ея въ храмъ, гдѣ она хотѣла смягчить жертвами Бога Іудеевъ и нечаянная встрѣча съ ребенкомъ, похожимъ на того, котораго она видѣла во снѣ—все это передается Рашелью изумительно-хорошо. Она спрашиваетъ Маана, что ей дѣлать; злодѣй совѣтуетъ убить ребенка.

Абнеръ защищаетъ, говоря, что онъ не можетъ быть виновенъ. Говолія хочетъ видѣть и распросить его, потому-что

Un enfant est peu propre à trahir sa pensée;
Souvent d'un grand dessein un mot nous fait juger.

Иосавета вводитъ Иода и Захарію. Начинается сцена, подобной которой нѣтъ ни въ одной трагедіи. Говолія спрашиваетъ ребенка, кто онъ и кто его родители. Иодъ говоритъ, что онъ сирота.

ATHALIE. Mais de vos premiers ans qu'elles mains ont pris soin?

IOAD. Dieu laissa-t-il jamais ces enfants au besoin.

Aux petits des oiseaux il donne leur pature
Et sa bonté s'étend sur toute la nature.

Говолія чувствуетъ невольное смущеніе. Et je serais sensible à la pitié! восклицаетъ она, въ досадѣ на себя. Простые отвѣты ребенка начинаютъ однакожь раздражать ее, особенно когда на ея вопросъ, чему учить законъ Іудеевъ, Иодъ говоритъ:

... Que Dieu veut être aimé,
Qu'il venge tôt ou tard son saint nom blasphémé,
Qu'il est le défenseur de l'orphelin timide,
Qu'il resiste au superbe et punit l'homicide...

— J'entends! отвѣчаетъ глухо Говолія. Скрытый гнѣвъ ея переходитъ сначала въ иронію, потомъ она испытываетъ ребенка, предлагая ему взять его во дворецъ. Онъ отказывается, потому-что она молится другому Богу.

ATHALIE. Les plaisirs près de moi vous chercheront en foule.

IOAD. Le bonheur des méchants comme un torrent s'écoule.

ATHALIE. Ces méchants qui sont-ils?..

Этотъ послѣдній вопросъ былъ произнесенъ съ такимъ страшнымъ выраженіемъ, что по жиламъ бѣльшей части зрителей пробѣжалъ невольный холодъ.

Весь этотъ разговоръ ведетъ она сидя, не сводя глазъ съ ребенка, слѣдя за каждымъ его движеніемъ, и когда она наклоняется къ нему черезъ ручку кресель и, тихо взявъ его за руку, притягиваетъ къ себѣ понемногу, невольный ужасъ захватываетъ сердце, и зритель самъ боится за участь бѣднаго ребенка — такъ великъ талантъ Рашели!

Въ послѣднихъ словахъ ея разговора столько затаенной вражды и ненависти, что самыя простыя слова, которыми оканчивается эта сцена и актъ, являются полными глубокаго смысла и выраженія:

Mais nous nous reverrons. Adieu, je sors contente.
J'ai voulu voir; j'ai vu.

И когда опускается занавѣсъ за этой удивительною женщиной, забываешь всю остальную, довольно жалкую обстановку страшной трагедіи, и дѣвицу Дину Феликсъ, вовсе непохожую на девятилѣтняго мальчика, которая скорѣе пищитъ, нежели читаетъ нѣкоторые стихи въ своей роли, и Абнера, качающагося, какъ маятникъ, и Маана, говорящаго въ ность, забываешь все это и слѣдишь мысленно за дальнѣйшимъ развитіемъ трагедіи, и кажется, слышишь, какъ-бы Рашель произнесла послѣднія слова бѣшенства и отчаянія. Dieu des Juifs! tu l'emportes! какъ вѣрно не произносили ихъ ни Рокуръ, ни Клеронъ, ни Дюмениль, ни Дюшенуа, игравшія Говолію... По-крайней-мѣрѣ на насъ Рашель не производила впечатлѣнія полнѣе того, которое мы ощущали послѣ этой трагедіи. И долго еще передъ нашими глазами носился страшный образъ мстительной, кровожадной Говоліи, долго въ ухахъ раздавались зловѣщія слова ея глухаго голоса, звучащаго какъ далекій набатъ, вѣтникъ грозы и гибели.

Мы должны перейти теперь изъ древняго міра въ современный Парижъ и рассказать содержаніе новой комедіи г-жи Жирарденъ: «Леди Тартюфъ», игранной 10 февраля 1853 на парижской сценѣ, поставленной нашею французскою труппою еще до пріѣзда Рашель и данной наконецъ самой Рашелью, 20 декабря. Мы не успѣли отдать отчета о представленіи этой пьесы нашими артистами, но каждый, кто знакомъ съ труппою «директора отпусковъ г-жи Рашель», пойметъ, что не можетъ быть никакого сравненія между этою труппою и нашими французскими артистами. Комедія, въ которой общее впечатлѣніе основано на игрѣ всѣхъ артистовъ, ихъ совокупности (ensemble) а не на дарованіи одного главнаго лица, очевидно не могла быть хорошо выполнена весьма посредственными артистами труппы Рашель, — и вотъ почему пьеса эта понравилась гораздо меньше, когда въ ней играла Рашель.

Въ домѣ стараго маршала д'Этиньи живетъ госпожа Virginia Блоссакъ, прозванная леди Тартюфъ. Она хочетъ заставить маршала жениться на ней, но играетъ роль строгой женщины, участвуетъ въ разныхъ благотворительныхъ обществахъ, ходитъ навѣщать старыхъ бѣдняковъ, хотя ея пріятель, баронъ де Турбьеръ, помогающій ей завлечь маршала и увѣряетъ, что ея старики не бѣдны, а бѣдняки не стары. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что госпожа Блоссакъ была когда-то очень близко знакома съ однимъ Артуромъ и имѣла съ нимъ однажды, во время охоты, свиданіе въ павильонѣ. Свиданію этому помѣшало приближеніе охотниковъ; чтобы не компрометировать своей дамы, Артуръ выскочилъ въ окно, но его охотничье ружье выстрѣлило при этомъ нечаянно, и онъ упалъ на траву, обливаясь кровью. Въмѣсто того, чтобы

броситься къ нему или звать на помощь охотниковъ, госпожа де Блоссакъ убѣжала изъ павильона, въ другую сторону. Артуръ умеръ, но ея репутація была сохранена. Это происшествіе знаетъ Гекторъ де Ренвиль, другъ Артура, женихъ Жанны, внучки маршала, дочери его племянницы, графини Клермонъ. Эту Жанну оклеветываетъ леди Тартюфъ, потому-что боится ея вліянія на маршала и потому, что сама любитъ Ренвиля. Въ первомъ актѣ она рассказываетъ другу Ренвиля, что Жанну видѣли однажды ночью въ саду съ однимъ молодымъ человѣкомъ. Имя его, время, мѣсто, подробности свиданія обозначены съ дипломатическою точностью. Поэтому-то отецъ молодого Ренвиля отказываетъ въ своемъ согласіи на бракъ сына. Маршалъ и мать Жанны узнаютъ объ этомъ во второмъ актѣ.

Въ третьемъ маршалъ предлагаетъ наконецъ свою руку леди Тартюфъ, и въ тоже время Ренвиль приходитъ спрашивать ее о подробностяхъ ночнаго приключенія. Та обѣщаетъ ему доставить самыя вѣрныя свѣдѣнія, и съ первыхъ словъ признается, что влюблена въ него. Чтобы дойти чрезъ нее до источника клеветы, Ренвиль притворяется, что забылъ Жанну, и даже любезничаетъ съ г-жею Блоссакъ. Она понимаетъ, что онъ не можетъ любить ее, и все-таки назначаетъ ему свиданіе въ гостиницѣ, гдѣ онъ живетъ и куда она обѣщаетъ прійти, потому-что у себя принимаетъ только стариковъ. Вотъ что говоритъ она о парижскомъ обществѣ по поводу своего лицемѣрія:

— Свѣтъ хочетъ самъ, чтобы его обманывали. Еслибъ я была просто честною женщиною, онъ оклеветалъ бы меня... но я лицемѣрка; онъ угадываетъ это и самъ уважаетъ меня съ лицемѣріемъ; мы понимаемъ другъ друга. Я знаю его. Скромная, истинная добродѣтель сдѣлала бы его завистливымъ; если онъ признаетъ ту, которую стараются выказать передъ нимъ, то потому что, по инстинкту чувствуетъ, что это ложная добродѣтель.

Потомъ она говоритъ ему, что онъ непременно полюбитъ ее, прибавляя: «волненіе, которое я чувствую, слишкомъ сильно, чтобы небыть симпатичнымъ. Любовь измѣнила же меня, она измѣнитъ и васъ. Она сильнѣе меня и будетъ сильнѣе васъ...»—Завтра будетъ первый день моей власти, говоритъ она сама себѣ по уходѣ Ренвиля, и между-тѣмъ все-таки собирается на другой же день вечеромъ уѣхать съ маршаломъ въ его помѣстье, гдѣ онъ на ней женится.

Четвертый актъ заключается въ двухъ сценахъ: допросъ садовника о томъ, точно ли онъ видѣлъ Жанну ночью въ саду съ молодымъ человѣкомъ и, по подтвержденіи садовникомъ этого извѣстія, въ допросѣ Жанны, какъ она могла встрѣтиться въ саду съ этимъ человѣкомъ, и

въ такую пору. Дѣло объясняется очень просто, Жанна, разумѣется, невинна; женихъ и мать въ восторгѣ. Этотъ актъ, понравившійся болѣе всего публикѣ во время представленія леди Тартюфъ нашею труппою, вышелъ очень сухъ во время представленія Рахель. Причиною этому была конечно, игра актеровъ. Рафаель и Дина Феликсъ были значительно слабѣе Дешана и Луизы Мейеръ. Сцена открытія невинности Жанны весьма эффектна и публика наша очень любитъ подобныя сцены, но не смотря на это, все-таки было бы гораздо проще и естественнѣе, чтобъ мать сама спросила прежде у дочери объясненіе всей этой сплетни, а не выписывала для этого садовника, лице вовсе неинтересное и ненужное.

Въ пятомъ актѣ Ренвиль готовится къ свиданію съ г-жею Блоссакъ. Турбьеръ отговариваетъ его отъ этого, увѣряя, что она очень опасна, потому-что влюблена въ него.

— И вы думаете, что эта женщина захочетъ себя компрометировать, погубить изъ любви? говоритъ Ренвиль. Это бы значило измѣнить въ одинъ день характеръ всей своей жизни.

— А что такое любовь, какъ не измѣненіе въ одинъ день характера всей жизни? спрашиваетъ Турбьеръ. Она любитъ васъ, стало быть она будетъ для васъ тѣмъ, чѣмъ не была никогда ни для кого. Она будетъ нѣжна, безразсудна, откровенна и добродѣтельна. Вы должны ожидать этого. Это одно изъ превращеній любви. Она дѣлаетъ добродѣтельными даже самыхъ безстыдныхъ женщинъ, самыхъ страстныхъ... Вы даже не будете мстить ей... Она обратилась къ вамъ, потому-что нашла въ васъ всѣ качества вѣчно обманываемыхъ лицъ, всегда готовыхъ жертвовать собою и которыхъ всегда можно увлечь словами: «Я надѣюсь только на васъ. Спасите меня!» Лицемеры! Очень хорошо знаютъ цѣну порядочнымъ людямъ и знаютъ съ которой стороны взяться за нихъ. Она будетъ плакать—и вы будете побѣждены. Это еще одно изъ преимуществъ женщинъ: онѣ очень милы, когда плачутъ, тогда какъ плачущій мужчина только гримасничаетъ».

Не смотря на это убѣжденіе, Ренвиль рѣшается увидѣть леди Тартюфъ. Онъ спокоенъ тѣмъ болѣе, что по данному имъ знаку, въ комнату должны войти маршалъ и графиня. Является г-жа Блоссакъ; она знаетъ, что свиданіе это западня, и все-таки пришла. Ренвиль говоритъ, что это неправда. — «Я не хочу, чтобъ ты лгалъ, прерываетъ она. Мужчина не имѣетъ права быть лицемеромъ, потому что онъ храбръ и свободенъ въ своихъ поступкахъ». Онъ не боится его мести. «Женщина, которую вы готовы полюбить, часто та, противъ которой вы въ чемъ нибудь виноваты». Потомъ она начинаетъ рассказы-

вать за что любить его: онъ такъ не похожъ на окружающихъ ее мелкихъ людей... И какъ она любитъ! Ренвиль узнаетъ, что она уже нѣсколько лѣтъ слѣдитъ за нимъ, узнаетъ самыя ясныя доказательства самой пламенной любви. Она рассказываетъ свою жизнь, обстоятельства, сопровождавшіе ея рожденіе и воспитавшіе, образовавшее ея темпераментъ. Все это извиняетъ многіе поступки ея. «Одно твое слово—и я измѣнюсь навсегда; моя любовь такъ высока, что она будетъ моимъ перерожденіемъ. Если ты оставишь меня, то будешь отвѣчать за зло, которое я сдѣлаю и которому ты можешь помѣшать!... О мой добрый геній, не отказывайся спасти меня, не отвергай твоей власти. Ты можешь превратить зло въ добро. Изъ всѣхъ моихъ недостатковъ, изъ всѣхъ дурныхъ наклонностей ты можешь сдѣлать высокія качества. Я такъ счастлива, такъ горжусь тѣмъ, что могу любить благородно. Я не прошу твоей любви, мнѣ довольно и моей! Я не прошу даже, что бы ты принималъ во мнѣ участіе, утѣшалъ меня, помогалъ мнѣ. Я не прошу у тебя ничего, только бѣ ты смотрѣлъ, какъ я буду жить—и жизнь моя очистится сама подъ твоимъ взглядомъ.»

Эти слова, эта странная, но искренняя любовь приводятъ въ волненіе Ренвиля. Видя отчаяніе отвергнутой имъ женщины, онъ не въ состояніи мстить ей и хочетъ спасти ее. Видя, что онъ не подаетъ сигнала, графиня входитъ сама къ нимъ и приводитъ маршала. Турбьеръ открываетъ, что Блоссакъ имѣла сама интригу съ человекомъ, котораго обвиняла въ сношеніяхъ съ Жанной. Леди Тартюфъ уходитъ, отказавшись отъ руки маршала, жалѣющаго объ ней. Турбьеръ оканчиваетъ пьесу словами: Будьте счастливы, но опасайтесь леди Тартюфъ. Лицемѣріе единственный фениксъ, возраждающийся изъ своего пепла.

Когда при громѣ рукоплесканій и говорѣ зрителей падаетъ завѣса по окончаніи какой нибудь пьесы, намъ часто приходитъ въ голову мысль: что могло бы еще случиться съ дѣйствующими лицами этой пьесы въ послѣдствіи, и мы создаемъ не рѣдко мысленно продолженіе пьесы еще на нѣсколько актовъ, происходящихъ спустя нѣсколько лѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, авторъ часто оканчиваетъ пьесу съ многосложной, запутанной интригой, какимъ нибудь неожиданнымъ событіемъ, бракомъ, какъ-будто зритель долженъ довольствоваться этимъ и не въ правѣ спросить: а что же будетъ съ лицами послѣ этого? Развѣ не могутъ возобновиться тѣ же чувства, возникнуть опять тѣ же страсти, кое-какъ усмиреныя благоразумною развязкой? До такой ли степени дѣйствительно необходима, правомѣрна эта развязка, этотъ конецъ, что за ними уже не можетъ послѣдовать никакихъ апелляцій, никакого возврата къ прежнему?

Не многія пьесы могутъ отвѣчать положительно и окончательно на этотъ вопросъ. Леди Тартюфъ не принадлежитъ къ числу подобныхъ пьесъ. Она далеко не кончена бракомъ Жанны и Ренвиля. Блоссакъ не такая женщина, чтобъ отказаться отъ цѣли всей своей жизни, послѣ одного пораженія, изъ котораго она выходитъ вовсе не до такой степени разбитая, чтобъ не могла снова начать борьбу. Ей нѣтъ ничего легче какъ выйти за маршала. И потомъ, неужели такая любовь не производитъ ни какого вліянія на Ренвиля, который такъ мало любитъ Жанну, что она сама даже понимаетъ и высказываетъ это. Что же будетъ тогда? Какая новая борьба предстоитъ всѣмъ этимъ лицамъ? Вопросъ очень любопытный, изъ котораго могла бы родиться пьеса, можетъ быть, еще болѣе любопытная, чѣмъ та, которую мы видѣли на сценѣ.

Въ настоящемъ видѣ своемъ, Леди-Тартюфъ пьеса, безспорно, очень замѣчательная, написанная прекраснымъ языкомъ, но невыдержанная, мѣстами не оправданная, не разъясненная. Что такое во-первыхъ сама леди-Тартюфъ? Она скорѣе авантюристка, интригантка, родъ Маріоны де Лормъ, нежели Тартюфа въ юнкѣ. Лицемѣріе въ ней не главный порокъ. Мысль и цѣль пьесы высказаны очень неясно. Хотѣла ли г-жа Жирарденъ доказать, что любовь облагораживаетъ лицемѣрку, или служить для нея наказаніемъ. Если допустить, что такая женщина можетъ любить искренно, отчего не допустить, что и ее можно полюбить также сильно? Почему не спасти ее? Но если она такъ любитъ Ренвиля, отчего не пожертвуетъ она для него маршаломъ, не просить, что бы Ренвиль оставилъ Жанну? Подобныхъ вопросовъ можно сдѣлать множество въ пьесѣ.

Сама Рашель была холодна въ роли леди-Тартюфъ. Въ ней было уже слишкомъ много спокойствія даже въ то время, когда она объясняла свою любовь Ренвилю, и очень мало кокетства и нѣжности въ сценѣ, когда она опутываетъ маршала своими сѣтями. Въ этой послѣдней сценѣ г-жа Плесси была гораздо выше Рашели, хотя въ свою очередь уже слишкомъ горячилась въ сценѣ свиданія, въ пятомъ актѣ. Общее впечатлѣніе пьесы было утомительное, тяжелое, сухое. Мы вспомнили при этомъ случаѣ отзывы безпристрастныхъ французскихъ критиковъ о попыткахъ Рашели играть въ комедіяхъ. Всѣ единогласно несовѣтовали ей братья за подобныя роли, несоответствующія ея строго классическому дарованію, хотя она какъ всякая артистка, любящая свое искусство, старается расширить кругъ своихъ ролей и исполнять комическое амплуа, разумѣется высокой комедіи. Мы помнимъ, что подобная претензія была и у Каратыгина. Рашели въ особенности хотѣлось играть Моліера. Она пробовала силы свои въ роли Селимены, въ

Мизантропъ, но не имѣла успѣха въ Парижѣ. Здѣсь мы слышали, какъ она читала одну сцену изъ этой пьесы, въ одномъ изъ благотворительныхъ концертовъ, и сознаемся, что также остались недовольны даже чтеніемъ Рашели. Между-тѣмъ, зная ея пристрастіе къ комическимъ ролямъ, французскіе писатели наперерывъ писали для нея комедіи, изъ которыхъ одну, впрочемъ гораздо ближе похожую на драму, Леди-Тартюфъ, написала для нея г-жа Жирарденъ. Другіе авторы думали соединить любимый роль ея — классицизмъ съ комедіей, и писали для нея комедіи изъ римскаго быта, нельзя сказать, чтобъ очень удачныя. Двѣ такихъ комедіи видѣли мы на нашей сценѣ и расскажемъ объ нихъ прежде чѣмъ перейдемъ къ трагедіямъ Корнеля.

Въ 1850 году Понсаръ, авторъ Лукреціи, Агнесы де Мерани, Шарлотты Корде написалъ для Рашели одноактную комедію: «Гораціи и Лидія.» Содержаніе пьесы онъ взялъ изъ жизни извѣстнаго римскаго поэта Гораціи, или лучше изъ одной его оды. Жизнь Гораціи изслѣдована вполне и въ подробностяхъ. Мы знаемъ даже имена всѣхъ женщинъ, которыхъ онъ любилъ. Недавно умершій замѣчательный писатель, баронъ де Валкенеръ, написалъ цѣлую книгу «Возлюбленныя Гораціи», наполненную глубокими и любопытными изслѣдованіями. Есть много и другихъ источниковъ для біографіи поэта. Мы знаемъ, что Гораціи любилъ очень благоразумно и расчетливо, не выходя никогда изъ границъ положительной привязанности. Философъ эпикурейской школы онъ избѣгалъ въ любви пренятствій, затрудненій, опасностей. Первая любовь его въ 714 году отъ основанія Рима, въ консульство Планка, была пѣвица Неера. Въ это время ему было двадцать шесть лѣтъ, и онъ еще не былъ извѣстенъ какъ знаменитый поэтъ. Однажды она дала ему слѣдующую клятву: «До тѣхъ-поръ, пока волкъ будетъ преслѣдовать ягвенка, до тѣхъ-поръ, пока Оріонъ, ужасъ мореходовъ, будетъ воздымать моря, взволнованныя бурей, пока зефиръ будетъ ласкать длинныя волосы Аполлона, я буду воздавать тебѣ любовью за любовь». И вскорѣ послѣ этой клятвы Неера измѣнила поэту. Онъ прервалъ съ нею всѣ сношенія, сказавъ: «Если есть во мнѣ что нибудь человѣческое, (si quid in Flacco viri est) я буду искать любви, которая бы отвѣчала моей любви». Потомъ, когда онъ уже сдѣлался славнымъ поэтомъ, другъ Мecenата и любимецъ Октавія Августа, Гораціи часто посылалъ за Неерой, которая пѣла на ужинахъ, даваемыхъ имъ своимъ друзьямъ.

Превосходныя оды написалъ Гораціи къ этрусской красавицѣ, тиреніянкѣ Лике, Пиррѣ, Лалаге и Юліи Варина. Въ эту эпоху въ (27 году до Р. X.) Гораціи было тридцать восемь лѣтъ. Онъ былъ привязанъ нѣсколько времени къ Тиндаридѣ, родственницѣ

Гратиди, но вскорѣ полюбилъ сильнѣе обыкновеннаго и со всею страстью своей поэтической души прекрасную Лидію. Онъ написалъ къ ней четыре оды. Въ первой (Carmen VIII, Lib. I) онъ спрашиваетъ Лидію, зачѣмъ она губить Сибариса, во второй (Carm. XIII, Lib. I) упрекаетъ, зачѣмъ она любить Телефа; въ третьей (Carm. XXV, Lib. I) смѣется надъ нею и говоритъ, что она устарѣла и ее никто уже не любитъ; наконецъ содержаніе четвертой оды (Lib. III Carmen amœbæum IX. Donec gratus eram tibi) такъ хорошо, что изъ нее почерпнуть Понсаръ сюжетъ своей пьесы, или лучше сказать вся пьеса его только развитіе этой оды. Мы очень рады, что г-нъ Фетъ представилъ весьма вѣрный переводъ этой оды, хотя рѣчюванными и не совсемъ близкими къ развѣру подлинника стихами, напечатанными въ первой книгѣ Современника на этотъ годъ:

ГОРАЦІЙ.

Доколь милымъ я еще тебѣ казался,
И бѣлыхъ плечъ твоихъ любовію горя,
Никто изъ юношей рукою не касался,
Я жилъ блаженнѣе персидскаго царя.

ЛИДІЯ.

Доколь любовь твоя къ другой не обратилась,
И Хлоя Лидія милѣй тебя была
Счастливымъ именемъ я Лидію гордилась
И римской Іліи прославленной жила.

ГОРАЦІЙ.

Я Хлоѣ ужъ теперь эракійской покорился
Ея искусна пѣснь и сладокъ цитры звонъ;
Для ней и умереть бы я не утратился,
Лишь былъ-бы юный вѣкъ судьбами пощажень *.

ЛИДІЯ.

Горю я пламенемъ взаимности къ Калаю,
Тому, что Орнитомъ турійскимъ порождень **
И дважды за него я умереть желаю,
Лишь былъ-бы юноша судьбами пощажень.

* Не ясно. Чей вѣкъ?

** Тоже не хорошъ стихъ. Въ подлинникѣ просто: къ Калаю, сыну Орнита изъ Туріума (города въ Тарентскомъ заливѣ).

ГОРАЦІЙ.

Что, если бы любовь, какъ въ счастливое время,
Ярмомъ незыблемымъ связала насъ теперь,
И русой Хлои я съ себя низвергнувъ бремя,
Забывтой Лидіи отверзъ бы снова дверь.

ЛИДІЯ.

Хоть красотою онъ полночныхъ звѣздъ свѣтлѣ,
Ты жъ споришь въ легкости съ древесною корой
И злаго Адрія причудливѣй и злѣе...
Съ тобой хотѣла-бъ жить и умереть съ тобой.

Эта ода поставлена на сцену Понсаромъ въ его комедіи. Лидія ждетъ Горація. Ея рабыня Берое убираетъ свою госпожу и, разговаривая съ нею, удивляется ея выбору. Горацій, сынъ отпущенника, вѣтренный, непостоянный, бѣднякъ, даже некрасивый собою, по ея мнѣнію, не стоить ея госпожи. Лидія соглашается съ этимъ, но все-таки любить его.

Берое, конечно, не понимаетъ этого чувства. Лидія тоскуетъ, что Горацій опаздываетъ явиться на свиданіе.

L'excuse n'appartient qu'à des amours lassés.
Quand on n'aime plus trop, on n'aime plus assez,

говоритъ она. Является Горацій; она сначала сердится на него, говоря, что его ждетъ Меценать, который

Vous eut dit les nouvelles du jour;
Et moi je ne sais rien-sinon parler d'amour.

НОРАСЕ.

Eí voila justement la science suprême.
Le bonheur est d'aimer et de dire qu'on aime.
Les doux chuchotements qui s'éveillent la nuit,
La main mal derobée au baiser qui la suit;

весь этотъ монологъ составленъ изъ стиховъ, взятыхъ изъ одъ Горація. Лидія спрашиваетъ его: любить ли онъ Хлою? Онъ конечно отвѣчаетъ нѣтъ! тогда она беретъ его таблички, натертыя воскомъ, на которыхъ римскіе поэты писали свои произведенія, и видитъ на нихъ новую оду. Горацій самъ читаетъ ее; французскіе стихи прекрасны, но вовсе не переводъ, а самое вольное подражаніе XI одѣ Горація (книга I) къ Квинцію Гирпину: *Quid bellicosus Cantaber, et Scythe*, въ которой поэтъ упоминаетъ если не о Лидіи, то о *Лидь*, и во всякомъ случаѣ не о Хлоѣ. Вотъ лучшія строфы подражанія Понсара.

Compagnons du printems les zéphyr ont soufflés
 Dans les voiles tendues;
 Le Tibre, qui se tait, ne roule plus, enflé
 Par les neiges fondues.

Esclave rafraichis ce Falerne échauffé,
 La-bas dans l'eau courante.
 Puis apporte des fleurs. J'aime à boire coiffé
 De la rose odorante.

—
 Toujours ne dure pas la gloire du printems
 Dont s'honore la rose.
 A quoi bon les soucis, quand pour si peu d'instant,
 Il faut si peu de choses.

—
 Bacchus verse l'oubli des chagrins. Evohé!
 Esclave, écoute encore:
 Dans son réduit connu va-t-en chercher... Lydie.
 C'est Lydie que j'adore.

Какъ ни мало знаетъ Лидія, но однако же поняла, что рѣчь на Evohé не можетъ быть *Lydia*, и беретъ таблички изъ рукъ поэта, чтобы прочесть оду; тамъ она встрѣчаетъ вмѣсто своего—имя *Chloé*. Гораций сознается, что онъ вѣтренъ, говоритъ:

Je ne puis voir passer dans la rue une robe,
 Sans regarder un peu le pied qu'elle dérobe,

но что въ его стихахъ размѣръ требовалъ ямбическаго имени, а *Lydia* дактиль. Лидія не хочетъ ничего слышать; она бранитъ Горация въ особенности и всѣхъ поэтовъ вообще, говоря:

Oh! les poètes! race égoïste et sans frein,
 Qui sacrifierait tout pour un méchant quatrain!
 ... Ils ont tant dépensé de feux pour les déesses,
 Qu'ils n'en ont plus du tout pour de simples maitresses,
 Et tant d'amour en vers épuisant leur vigueur,
 L'imagination a ruiné le coeur.
 C'est pour cela qu'ils ont l'humeur si vagabonde;
 Comme ils n'aiment personne, ils aiment tout le monde.

Въ досадѣ на Горация, она посылаетъ за Калаисомъ свою невольницу, а Гораций проситъ по дорогѣ зайти къ Хлоѣ и сказать, что онъ будетъ у нея. Влюбленные ссорятся. Лидія говоритъ, что съ петербургскимъ ждетъ Калаиса и перифразируетъ даже стихи изъ известной оды Сафо; наконецъ они вдвоемъ начинаютъ говорить знаменитую оду:

Donec gratus eram tibi, приведенную нами въ переводѣ г. Фета, и миятся, а когда приходитъ Берое, съ извѣщеніемъ, что Калаисъ у дверей, пьеса оканчивается слѣдующими стихами:

HORACE. Va dire à Calais que c'est un imbécile

BEROE. Et puis?

HORACE. Qu'il peut aller se faire pendre ailleurs.

BEROE. (à Lydie) Voila ce qu'il faut dire?

LYDIE. En des termes meilleures.

HORACE. Et pour enseignement dit lui que désormais

Il vienne en pareil cas tout de suite ou jamais.

Вотъ и вся пьеса Понсара. Она написана прекрасными звучными стихами, что видно по приведеннымъ нами цитатамъ, но сценическаго достоинства въ ней мало, историческаго еще меньше. Горацій въ ней не похожъ на того поэта, преданія о которомъ сохранились у насъ и который кромѣ уже упомянутыхъ нами красавицъ, воспѣвалъ потомъ въ стихахъ своихъ Хлою, Мирталу, Филлису и Гликерию, прежнюю любимицу Тибулла, Хлорису, Фолое, Астерію и Лиде.

Что касается до Рашель въ этой пьесѣ, мы должны сознаться, что она была также холодна въ роли страстной римлянки какъ и въ роли лицемерки, открыто высказывающей любовь свою предмету ея страсти.

Годомъ раньше «Горація и Лидія» на томъ же театрѣ играли подобную же пьесу въ стихахъ, изъ жизни другаго римскаго поэта Катулла, написанную Арманомъ Бартё, молодымъ авторомъ съ дарованіемъ. (Въ декабрьской книгѣ нашего журнала мы помѣстили замѣчательный разсказъ его: Исторія одной танцовки временъ Людовика XV). Пьеса его еще слабѣе Понсаровой. Да и что можно было извлечь изъ жизни Катулла? Не трудно было назвать пьесу «Воробей Лезбіи», но не легко было извлечь какой-нибудь интересъ изъ этого сюжета.

Горацій былъ еще въ пеленкахъ, когда Катуллъ умеръ, тридцати шести лѣтъ, какъ говорятъ, отъ изнуренія силъ. Другъ Корнелія Непота и Цицерона, Катуллъ писалъ стихи въ анакреонтическомъ родѣ; до насъ дошла только половина ихъ и то съ измѣненіями и вставками средневѣковаго пурианизма. Страсть всей его жизни была Лезбія. Коментаторы говорятъ, что она была дочь сенатора Метелла Целера, по имени Клодія. Катуллъ не описываетъ ея портрета, не говоритъ даже, какого цвѣта были ея волосы. Эта Лезбія, которую Катуллъ назвалъ такъ по ея привязанности къ знаменитой лезбосской Сафо и съ которой онъ даже сравнивалъ Лезбію, перевода для нея оду Сафо, извѣстна своимъ воробьемъ, составлявшимъ всю ея отраду. Она играла съ нимъ, прятала его на своей груди, заставляла кусать себя, и была неутѣшна когда

онъ умеръ; на смерть его Катуллъ написалъ свое знаменитое стихотвореніе:

Lugete, o Veneres, Cupidinesque,
Et quantum est hominum venustiorum!
Passer mortuus est meae puellae,
Passer, deliciae meae puellae,
Quem plus illa oculis suis amabat etc.

«Плачьте о граціи и амуры! и всѣ прекрасные изъ смертныхъ. Умеръ воробей моей дѣвочки, воробей, отрада моей дѣвочки, котораго она любила больше своего глаза», и проч.

Странно, что схоластики утверждали будто этотъ воробей была молодая дѣвушка, подруга Лезбіи, которую она любила. Въ стихахъ Катулла мы рѣшительно не видимъ, чтобъ воробей былъ аллегоріею. Лезбія сначала оставила Катулла, потомъ снова вернулась къ нему, и онъ умеръ почти на ея рукахъ, написавъ эти превосходные стихи:

Restituis cupido, atque isperanti ipsa refers te -
Nobis. O lucem candidiora nota!
Quis me uno vivit felicior, aut magis haec quid
Optandum vita, dicere quis poterit!

«Ты отдаешься мнѣ, стремящемуся къ тебѣ, ты возвращаешься ко мнѣ, вѣчно жаждущему любви твоей. О день, который должно назвать счастливѣйшимъ! Кто блаженнѣе меня на землѣ и кто можетъ сказать, что въ жизни есть что-нибудь лучше этого счастія.»

Въ пьесѣ Армана Барте Катуллъ собирается жениться, и оставить Лезбію. Его друзья: Пиронъ, Манлій и Корнелій хотятъ покорить сердце Лезбіи, но она осмѣиваетъ ихъ всѣхъ, потому что любить Катулла искренно. Онъ однако же объявляетъ ей о своей женитьбѣ, и она разстается съ нимъ въ отчаяніи. Друзья Катулла узнаютъ, что въ то же время у нее умеръ воробей, и она не можетъ утѣшиться въ его потерѣ. Катуллъ утѣраетъ, что ему стоитъ сказать слово, чтобъ Лезбія утѣшилась; друзья держатъ пари, что этого не случится. Онъ спрашиваетъ у Лезбіи точно-ли она печалится о потерѣ воробья. Правда, отвѣчаетъ Лезбія:

... Te souvient-il
D'avoir trouvé le jour des calendes d'avril,
Un petit nid de crin que la jeune famille
Venait abandonner au coin de la charmille?
Un seul oiseau restait, un seul, et von essor
A voler hors du nid n'arrivait point encor;
Tu le pris doucement dans ta main... le soir même

A mon tour je le pris dans ton sein. Combien j'aime
 A feuilleter ainsi dans les jours du passé
 Comme un bonheur présent mon bonheur effacé...
 ... Pauvre amour, pauvre oiseau!
 On dirait que le Sort d'un seul coup de ciseau
 Les a tués tous deux. Que la mort les rassemble!
 C'est de toute justice... ils périrent ensemble
 De la même façon qu'ensemble ils sont éclos.

Катулла трогаетъ этотъ разсказъ, полный грусти и любви, и онъ возвращается къ прежней своей страсти, говоря стихами одной изъ своихъ одъ:

... Et nous, Lesbie, effeuillons à loisir
 Les fleurs de la jeunesse et les fleurs du plaisir.

Вотъ и вся пьеса. Она не имѣла успѣхъ и была дана только одинъ разъ. Роль Лезбii еще меньше шла къ Рашели, нежели роль Лидii. У Лезбii всего одинъ хорошiй монологъ о воробѣ, начало и конецъ котораго мы привели, чтобъ показать, какими звучными стихами написана пьеса. Этотъ монологъ полный нѣжныхъ воспоминанiй, тихой грусти, глубокаго чувства—Рашель прочла глухимъ, однообразнымъ тономъ съ ненатуральными дрожанiями и повышенiями голоса, мѣстами скороговоркою, любимымъ средствомъ ея выражать волненiе чувства. Видно вообще, что, играя недавно эти маленькiя роли римскихъ комедiй, она еще не усвоила ихъ себѣ вполне, такъ сказать, не впѣлась въ нихъ, и оттого они выходятъ не болѣе какъ неудачною попыткою занять въ комедii тоже мѣсто, какое по всѣмъ правамъ принадлежитъ ей въ трагедii.

Мы должны обратиться теперь къ другому представителю классицизма—Корнелю, двѣ трагедii котораго были даны Рашелью на нашей сценѣ. Французы и классики еще болѣе восторгаются этимъ писателемъ, нежели Расиномъ. Они правы въ томъ отношенii, что Корнель, дѣйствительно выше, и первый началъ писать настоящiя трагедii. Но безусловно удивляться ему и въ наше время, мы рѣшительно не согласны. Подробный разборъ двухъ трагедiй Корнеля лучше всего покажетъ всѣ достоинства и недостатки этого автора.

Публика наша познакомилась съ Корнелемъ въ трагедii «Полиевктъ». Корнель самъ считалъ ее своею лучшею пьесою, въ которой дѣйствiе очень занимательно и всѣ сцены вѣдены очень искусно. Современники не раздѣляли этого мнѣнiя. Корнель читалъ трагедiю въ отелi Рамбулье, и всѣ члены этого литературнаго критическаго салона рѣшили едино-

гласно, что пьеса никуда негодится, и отправили даже Вуатюра просить автора не представлять ее на сценѣ, потому—что трагедія не достойна прежней славы ея автора. Актеры раздѣляли мнѣнія законодателей вкуса. Одинъ изъ нихъ, которому пьеса отдана была на прочтеніе, положилъ ее гдѣ-то въ альковѣ своей спальни, и только черезъ восемнадцать мѣсяцевъ лакей актера, убирая комнату, отыскалъ случайно бѣдную трагедію.

Не смотря на это, игранная въ 1640 году, пьеса имѣла успѣхъ. Благородное содержаніе ея, проникнутое высокими, христіанскими чувствами, помирило съ театромъ многихъ лицъ, считавшихъ въ то время всѣ пьесы школою безнравственности; пьеса эта побудила Людовика XIII издать эдиктъ 16 апрѣля 1641 года, которымъ актеры освобождались отъ всякаго нареканія, соединившагося въ ту эпоху съ этимъ званіемъ. Эдиктъ говорилъ: «Въ случаѣ, если помянутые комедіанты представляютъ на театрѣ поступки совершенно чистые (*exemptés d'impuretés*); мы хотимъ, чтобъ занятіе ихъ, могущее невиннымъ образомъ отвлекать нашъ народъ отъ разныхъ дурныхъ препровожденій времени, не было имъ ставимо въ порицаніе и не пятнало бы ихъ репутація въ общественной жизни».

Вольтеръ, Фонтенель, Лагарпъ, г-жа Дасье въ восторгѣ отъ достоинствъ трагедій, хотя и находятъ въ ней много недостатковъ. Мы сейчасъ увидимъ тѣ и другія. По-крайней-мѣрѣ изъ этой пьесы не надо было выбрасывать цѣлый актъ, какъ изъ «Гораціевъ» или отдѣльныхъ лицъ, какъ *Ливію* въ «Циннѣ» и *Инфанту* въ «Сидѣ», трагедіяхъ того же автора.

Дѣйствіе трагедіи «Полиевктъ» происходитъ въ Мелитенѣ, столицѣ Арменіи, во дворцѣ Феликса, римскаго сенатора и правителя Арменіи, въ 250 году отъ Р. Х., въ царствованіе императора Деція. Первое дѣйствіе начинается разговоромъ Полиевкта, армянскаго вельможи и зятя Феликса, съ своимъ другомъ Неархомъ. Полиевктъ готовъ принять христіанскую вѣру, но жена его, Полина, видѣла въ эту ночь дурной сонъ, и онъ проситъ отложить совершеніе таинства до другаго времени. Неархъ объясняетъ, какъ постыдно вѣрять снамъ и терять время человѣку, который хочетъ быть христіаниномъ. Полиевктъ убѣждается и идетъ креститься, не отвѣчая на вопросы Полины, пришедшей уговаривать его остаться. По уходѣ мужа, она жалуется своей наперсницѣ Стратоникѣ на то, что мужа не слушаются своихъ женъ. Потомъ Полина рассказываетъ ей сонъ, который болѣе всего тревожитъ ее, но прежде говоритъ о томъ, что было съ нею до замужства, какъ-будто наперсница не знала до-

тѣхъ-поръ всѣхъ обстоятельствъ жизни Полины и должна была узнать ихъ въ эти минуты.

Полина объясняетъ, что она любила въ Римѣ Севера, но онъ былъ бѣденъ и не могъ на ней жениться. Съ отчаянія онъ отправился на войну съ персами, отличился во многихъ сраженіяхъ, сдѣлался любимцемъ императора Деція, но въ одномъ сраженіи былъ убитъ, хотя и не нашли его тѣла. Полина въ это время пріѣхала въ Арменію съ отцемъ и по приказанію его вышла замужъ за Полевкта. Сонъ-же, испугавшій ее въ эту ночь, состоялъ въ томъ, что она видѣла Севера, къ ногамъ котораго повергли Полевкта, а Феликсъ самъ поразилъ его. Безъ сна, какъ извѣстно, не обходится ни одна классическая трагедія, ни одна италіянская опера. Полина въ особенности опасается христіанъ, замѣтно размножающихся въ имперіи. Извѣстіе, которое приноситъ Феликсъ, еще болѣе приводитъ ее въ волненіе. Северъ живъ; онъ былъ въ плѣну у персовъ, вымѣненъ, успѣлъ заключить миръ и пріѣхалъ отъ Деція съ этимъ извѣстіемъ въ Арменію, чтобъ принести благодарственные жертвы богамъ. Полина удивляется не тому, что причина прибытія Севера такъ неправдоподобна, но тому, что сонъ ея начинаетъ сбываться. Феликсъ въ отчаяніи отъ того, что поторопился выдать замужъ Полину и не отдалъ ее бѣдняку Северу, который теперь въ такой силѣ. Онъ сожалеетъ, что не любилъ добродѣтель.

На всякій случай онъ велитъ ей принять Севера по ласковѣе.

Во второмъ актѣ Северъ является во дворецъ Феликса, съ намѣреніемъ жениться на Полинѣ, и тутъ только узнаетъ, что она двѣ недѣли уже какъ замужемъ, какъ-будто онъ могъ не узнать этого еще по дорогѣ, и какъ-будто ему можно было видѣть дочь Феликса и жену Полевкта прежде самого Феликса. Она однако же является и вздыхаетъ вмѣстѣ съ Северомъ. Онъ въ отчаяніи собирается отправиться опять на войну, некая смерть. Они прощаются слѣдующими стихами:

SÈVERE. Adieu, trop vertueux objet et trop charmant.

PAULINE. Adieu, trop malheureux et trop parfait amant.

Рашель произноситъ этотъ стихъ съ особеннымъ стараніемъ и оттого онъ дѣлается еще смѣшнѣе. Является Полевктъ, который услышавъ, что Северъ сдѣлалъ «Полинѣ визитъ», самъ пришелъ «отдать ему почтеніе». Полина говоритъ, что не хочетъ больше видѣть Севера, потому-что

La vertu la plus ferme évite les hazards.

Qui s'expose au péril veut bien trouver sa perte.

Полевкть удивляется своей женѣ и жалѣеть о Северѣ, хотя совершенно увѣренъ въ его любезности

Nous ne nous combattrons que de civilité,
говоритъ онъ въ то время, когда его приходятъ звать въ храмъ принести жертву богамъ. Оставшись вдвоемъ съ Неархомъ, онъ высказываетъ ему свое намѣреніе опрокинуть алтарь ложныхъ боговъ. Тотъ отговариваетъ его. Сцена эта написана прекрасными стихами. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ.

NÉARQUE. Ce zèle est trop ardent, souffrez qu'il se modère.
POLYEUSTE. On en peut avoir trop pour le Dieu qu'on révère.
NÉARQUE. Vous trouverez la mort
POLYEUSTE. Je la cherche pour lui.
NÉARQUE. Et si ce coeur s'ébranle?
POLYEUSTE. Il sera mon appui...
NÉARQUE. Mais dans ce temple enfin la mort est assurée
POLYEUSTE. Mais dans le ciel déjà la palme est préparée

Надобно однако же сознаться, что между этими прекрасными стихами есть и плохіе, которые мы не выписываемъ. Разговоръ вообще длиненъ, и на сценѣ онъ значительно сокращается, какъ и вообще всѣ разговоры этой трагедіи.

Третій актъ начинается сильною сценою. Стратоника приходитъ разсказать Полигѣ о томъ, что мужъ ея сдѣлалъ въ храмѣ. Какъ язычница, она осыпаетъ упреками Полевкта, Полина защищаетъ, хотя и не оправдываетъ его. Нѣсколько стиховъ въ этомъ разговорѣ превосходны.

STRATONICE.

Ce n'est plus cet époux si charmant à vos yeux,
C'est l'ennemi commun de l'Etat et des dieux,
Un méchant, un infame, un rébelle, un perfide,
Un traître, un scélerat, un lache, un parricide,
Une peste execrable à tous les gens de bien,
Un sacrilège impie... ..

Кронье прекрасно читаетъ эти стихи. Рашель отвѣчаетъ ей также —

.. Mais il est mon époux et tu parles à moi...
... Je l'aimerais encore quand il m'aurait trahie,
Apprends que mon devoir ne dépend point du sien.
Qu'il y manque s'il veut; je dois faire le mien.
Quoi, s'il aimait ailleurs, serais-je dispensée
A suivre, à son exemple une ardeur insensée?..

Въ этихъ стихахъ обрисовывается еще лучше характеръ Полины. Разговоръ ея съ отцемъ, пришедшимъ изъ храма, также полонъ прекрасныхъ чувствъ и стиховъ. Она упрасиваетъ за мужа, опрокинувшаго статую Юпитера.

Разговоръ прерывается приходомъ Альбина, наперсника Феликса, рассказывающаго о томъ, что Неарха казнили сейчасъ-же, но Полиевкта не испугала смерть его друга. Полина все еще продолжаетъ умолять отца. Онъ говоритъ:

*Vous m'importunez trop: bien que j'aie un coeur tendre,
Je n'aime la pitié qu'au prix que j'en veux prendre.*

и, послѣ этихъ стиховъ безъ смысла, отсылаетъ Полину. Оставшись одинъ съ Альбиномъ, онъ открываетъ ему свое сердце и доказываетъ необходимость казнить Полиевкта, чтобъ Децій не подумалъ, что онъ покровительствуетъ христіанамъ и прощаетъ своихъ родственниковъ. Онъ хочетъ однако же попытаться склонить Полиевкта убѣжденіями обратиться снова къ идолопоклонству.

Въ четвертомъ актѣ Полиевкта приводятъ изъ темницы во дворецъ, потому-что его хочетъ видѣть Полина. Онъ посылаетъ просить къ нему Севера, а самъ читаетъ въ это время недурные стансы, изъ шестистопныхъ и четырехстопныхъ строфъ, перемѣшанныхъ между собою. Вотъ лучшія строфы:

*Dieu étale à son tour des revers équitables,
Par qui les grands sont confondus,
Et les glaives qu'il tient pendus
Sur les plus fortunés coupables
Sont d'autant plus inévitables,
Que leurs coups sont moins attendus.
Allez honneurs, plaisirs qui me livrez la guerre:
Toute votre félicité,
Sujette à l'instabilité,
En moins de rien tombe par terre;
Et comme elle a l'éclat du verre
Elle en a la fragilité.*

Последняя строфа въ особенности хороша, но послѣдніе стихи въ ней взяты цѣликомъ изъ оды Антонія Годо, епископа Грассы и Вансы, одного изъ первыхъ членовъ французской академіи и салона Рамбулье. Говоря о гордыхъ временщикахъ, епископъ оканчиваетъ строфу своей оды такъ:

Mais leur gloire tombe par terre;
Et comme elle a l'éclat du verre
Elle en a la fragilité.

Сцена между Полюною и Полиевкомъ, слѣдующая за этими стансами, одна изъ лучшихъ въ трагедіи; въ ней есть прекрасные стихи, перемѣшанные съ очень плохими.

POLYEUSTE.

Apportez vous ici la haine ou l'amitié
Comme mon ennemie ou ma chère moitié?...
... Les biens passagers
La mort nous les ravit la fortune s'en joue,
Aujourd'hui dans le trone et demain dans la boue
Et leurs plus haute éclat fait tant de mécontents
Que peu de vos Césars en ont joui longtems...
... Je dois ma vie au peuple, au prince, à sa couronne;
Mais je la dois bien plus à Dieu qui me la donne.
Si mourir pour son prince est un illustre sort,
Quand on meurt pour son Dieu quelle sera la mort!

PAULINE. ... Ton coeur insensible à ces tristes appas
Se figure un bonheur où je ne serais pas!

POLYEUSTE. Hélas!

PAULINE. Que cet hélas à de peine a sortir!...

... Mais courage il s'émeut, je vois couler les larmes.

POLYEUSTE. J'en verse, et plutôt à Dieu qu'a force d'en verser
Ce coeur trop endurci se put enfin percer!

PAULINE. Au nom de cet amour ne m'abandonnez pas!

POLYEUSTE. Au nom de cet amour daignez suivre mes pas.

PAULINE. C'est peu de me quitter, tu veux donc me séduire?

POLYEUSTE. C'est peu d'aller au ciel je vous y veut conduire.

PAULINE. Imagination!

POLYEUSTE. Célestes verités!

PAULINE. Etrange aveuglement!

POLYEUSTE. Éternelles clartés!

Является Северъ. Полиевктъ, извинившись передъ нимъ сначала въ томъ, что пригласилъ его къ себѣ:

Je vous ai fait seigneur une incivilité,
Que vous pardonnerez à ma captivité,

поручаетъ ему потомъ свою жену и просить, чтобы послѣ его смерти они соединились, потому-что любятъ другъ друга. Оставшись наединѣ

съ Полиною, Северъ удивляется великодушію и предложенію Полиевкта, но говорить стихи, заставляющіе улыбаться:

Je n'aurais adoré que l'éclat de vos yeux,
J'en aurais fait mes lois, j'en aurais fait mes dieux;
On m'aurait mis en poudre, on m'aurait mis en cendre,
Avant que..

по счастью Полина прерываетъ этотъ великолѣпный вздоръ и проситъ его просто выхлопотать у Феликса прощенье Полиевкту. По уходѣ ея, Северъ удивляется ея величію и хочетъ доказать, что не уступаетъ ей въ великодушіи. Какъ умный и добрый язычникъ смотритъ онъ на возражающіеся успѣхи христіанства и судитъ объ немъ и о язычествѣ прекрасными стихами, лучшими во всей пьесѣ.

Пятый актъ открывается разговоромъ между Феликсомъ и Альбиномъ. Северъ уже просилъ нравителя Арменіи пощадить Полиевкта, но Феликсъ подозреваетъ въ его просьбѣ хитрость, и боясь доноса Децію, рѣшается казнить Полиевкта. Противъ этого справедливо возставали всѣ критики и въ главѣ ихъ Вольтеръ, говорившій, что вовсе не нужно было представлять Феликса такимъ низкимъ и даже не расчетливымъ человѣкомъ, а напротивъ, легко можно было оправдать твердое намѣренье его казнить Полиевкта привязанностью къ язычеству и уваженіемъ къ своимъ богамъ. Всѣ причины, которыми въ этой сценѣ Феликсъ оправдываетъ свое намѣренье, очень слабы и выражены плохими стихами; не говоримъ уже о ихъ фактурѣ, о римахъ въ родѣ *maladroit* и *regdrait*, но въ самыхъ выраженіяхъ есть непростительные промахи. Такъ, сказавъ сначала, что хитрость Севера очень груба, чтобъ обмануть его, Феликсъ черезъ семь стиховъ замѣчаетъ, что сѣти разставлены ему очень искусно. Является Полиевктъ, и Феликсъ еще разъ убѣждаетъ его отречься отъ христіанства. Тотъ, разумѣется, непоколебимъ. Приходитъ и Полина убѣждать его; все напрасно. Феликсъ приказываетъ вести его на смерть, Полина бросается за нимъ. Сцена эта очень эффектна, но ее сокращаютъ на-половину. Надо отдать справедливость г-ну Рафаэлю. Онъ очень хорошъ хотя и жидокъ въ этой сценѣ и съ чувствомъ, если не съ истиннымъ убѣжденіемъ произноситъ нѣсколько разъ: я христіанинъ!

Феликсъ и Альбинъ остаются одни и разсуждаютъ о случившемся, чтобы дать время совершиться казни. Черезъ нѣсколько минутъ вбѣгаетъ Полина... Зритель видитъ предъ собою совершенно другую женщину. Холодная до этой минуты въ выраженіяхъ нѣжности къ своему мужу, холодная даже въ тѣ минуты, когда умоляетъ отца и Севера

спаси Полевкта, Рашель возвращается на сцену просвѣтленною, преобразившеюся, вдохновенною. Голосъ ея дрожитъ, глаза горятъ не земнымъ огнемъ, жесты возвышенны и благородны:

... Je vois, je sais, je crois!..

говорить она, и въ этихъ словахъ выливается вся душа новообращенной христіанки, озаренной свѣтомъ вѣры въ минуту казни мужа, окрещенной его праведною кровью. Эта минута, эти слова электрически потрясаютъ зрителей и составляютъ верхъ торжества Рашели. Все остальное время, до конца пьесы, во время упрековъ Севера Феликсу, во время его обращенія, подведеннаго весьма нескучно и нарушающаго даже торжественность этой сцены, Рашель, не говоря ничего, остается въ восторженномъ положеніи, чуждая всему, что происходитъ вокругъ нея, съ глазами обращенными къ небу, съ руками сложенными на груди, и когда, во время паденія завѣсы, она тихо опускается на колѣни, весь театръ гремитъ рукоплесканіями, вызванными неподдѣльнымъ восторгомъ. Для одной этой сцены можно смотрѣть Полевкта. Она поразительна!

Второю трагедіею Корнеля, данною на нашей сценѣ, былъ «Горацій», написанный двѣсти шестнадцать лѣтъ тому назадъ, въ одинъ годъ съ «Цинною», годомъ раньше Полевкта. Исторія Гораціевъ и Куриціевъ, рассказанная Титомъ Ливіемъ и Денисомъ Галикарнасскимъ извѣстна всякому, кто учился древней исторіи. Борьба Рима съ Альбой была вовсе не сценическимъ предметомъ. Въ этомъ сознается самъ Корнель. Трагедія его дѣйствительно не хороша, но въ ней есть прекрасныя отдѣльныя сцены, монологи и стихи. Сдѣлаемъ обзоръ ея, чтобъ еще больше познакомиться съ Корнелемъ тѣхъ, кто давно забылъ объ немъ.

Первый актъ начинается разговоромъ Сабины, жены Горація и сестры Куриціа съ своею наперсницею Юліею. Сабина въ отчаяніи, что между Альбою и Римомъ объявлена война, въ которой легко могутъ погибнуть или мужъ ея, римлянинъ, или братъ, альбіотъ. Юлія утѣшаетъ ее. Приходитъ Камилла, сестра Горація и невѣста Куриціа. Сабина приглашаетъ ее поговорить съ Юліей, а сама уходитъ. Камилла, явившаяся на сцену только за тѣмъ, чтобъ поговорить, исполняетъ усердно свою обязанность, толкуя о своей любви къ Курицію и рассказывая, по счастью, не сонъ, а приговоръ оракула, обѣщавшаго ей, что она сегодня-же соединится съ своимъ обожателемъ. Является онъ самъ и говоритъ сначала любезности не хуже французскаго маркиза:

D'Albe avec mon amour j'accordais la querelle;
Je soupirais pour vous en combattant pour elle;

Et s'il fallait encore que l'on en vint aux coups
Je combattrais pour elle en soupirant pour vous.

потомъ онъ рассказываетъ, что между Римомъ и Альбою заключенъ миръ, что обѣ арміи рѣшились, для избѣжанія кровопролитія и рѣшенія вопроса о преобладаніи той или другой области, избрать изъ среды себя трехъ воиновъ, которымъ поручить вступить въ бой; побѣдитель утвердитъ господство Альбы или Рима. Сообщивъ это извѣстіе, Куріацій уходитъ неизвѣстно куда, Камилла къ братьямъ, Юлія въ храмъ.

Второй актъ начинается разговоромъ между Гораціемъ и Куріаціемъ. Со стороны римлянъ избраны сражаться три брата изъ семейства Гораціевъ. Куріацій поздравляетъ его съ честью-выбора, но сожалѣетъ въ тоже время объ Альбѣ. Мы цитировали уже столько французскихъ стиховъ, что намъ приходитъ охота привести наконецъ хоть одинъ примѣръ, какъ переводились въ прежнее время эти классическія трагедіи старыми русскими писателями. Вотъ, на примѣръ, главные мѣста изъ этой сцены, переведенныя тридцать семь лѣтъ тому назадъ Жандромъ, писателемъ съ дарованіемъ, но далеко не первокласснымъ:

КУРИАЦІЙ.

Ты столько въ подвигахъ прославился войною,
Что Альбы слава вся изгладится тобою;
Коль ты сражаешься — она римлянъ раба;
Избравъ тебя, ей плѣнъ назначила судьба.
Завистливой судьбы всѣ замыслы я знаю,
И вашимъ подданнымъ себя ужъ почитаю.

Право, эти стихи ни чѣмъ не хуже Корнелевскихъ, переведенныхъ стихъ въ стихъ, что, конечно, представляло очень большое затрудненіе. Горацій отвѣчаетъ:

... Но я, (въ сраженіи семь, чтобъ ни было со мною)
На славу избранный, горжусь моей судьбою;
Какой-то радостью полна душа моя;
И съ малой доблестью надѣюсь много я.
... Тотъ не былъ побѣжденъ, кто побѣдить рѣшился,
Кто шелъ, какъ я на бой, живой не покорился,
Римъ, какъ-бы ни было, рабомъ не будетъ вамъ,
Доколь послѣдній вздохъ ему я не отдамъ.

Никто, конечно, не скажетъ, чтобъ эти стихи были хуже слѣдующихъ:

Mais quoique ce combat me promette un cercueil,
La gloire de ce choix m'enfle d'un juste orgueil;

Mon esprit en conçoit une mâle assurance;
 J'ose espérer beaucoup de mon peu de vaillance.
 Qui veut mourir ou vaincre-est vaincu rarement,
 Ce noble désespoir périt malaisément,
 Rome, quoiqu'il en soit, ne sera point sujette
 Que mes derniers soupirs n'assurent ma défaite.

Воинъ приноситъ извѣстiе, что со стороны Альбы избраны въ бой три брата Курiацин. Курiаций въ отчаянiи. Горацiй внушаетъ ему твердость.

Къ спасенiю общества съ врагомъ его сражаться
 И неизвѣстнаго ударамъ подвергаться
 Есть дѣло храбрости обычной и простой,
 Готовы тысячи всегда къ битвѣ такой,
 И смерть за родину столь славною считаютъ,
 Что съ радостию все вкусить ее желаютъ,
 Но жертвовать ей тѣмъ, кто мною такъ любимъ,
 На бой безъ жалости итти съ собой другимъ...
 ... И заглушивъ въ душѣ и дружбу, и любовь,
 Убить того, кому-бъ свою всю отдалъ кровь,
 Вотъ доблесть намъ однимъ сужденная удѣломъ ..

КУРИАЦИЙ.

Ты правъ! мы не умремъ въ потомствѣ именами!
 Когда же Альба мнѣ судьбу свою вѣрjаетъ,
 И тужь, что Римъ тебѣ, мнѣ почестъ назначаетъ,
 Какъ Риму ты, я ей не измѣню во вѣкъ;
 Я сердцемъ чистъ, какъ ты, но все я человекъ...
 ... Отъ Альбы выбора я вѣкъ не откажуся,
 Сколь ни люблю тебя, но все съ тобой сражуся;
 И хоть всего лишусь, но долгъ исполню свой.
 Когда же доблести Римъ требуетъ иной —
 Благодарю боговъ, что я не въ немъ родился
 И отъ людей еще не вовсе отдѣлился.

ГОРАЦИЙ.

Коль ты не римлянинъ, то быть имъ заслужи,
 И если равенъ мнѣ, на дѣлѣ докажи...
 ... Тотъ слабъ и измѣнить готовъ страиъ своей,
 Кто предъ сраженiемъ помыслить не о ней.
 Къ отчизнѣ долгъ святой все связи разрываетъ,
 И коль назначенъ я, мой умъ не разбираетъ:
 Съ такою-жъ радостью и чистой и живой,
 Какъ въ бракъ прiялъ сестру, иду на брата въ бой,
 И словомъ разговоръ съ тобою прерываю.
 Ты избравъ Альбою—и я тебя не знаю.

КУРИАЦІЙ.

Я знаю все тебя! и вотъ въ чемъ скорбь моя!
 Но лютой твердости твоей не вѣдалъ я;
 Она величіемъ равна съ судьбой твоею,
 И я дивлюсь тебѣ, но подражать не смѣю.

Въ наше время, конечно, не будутъ переводить такими стихами, но все-таки они хороши относительно, особенно если мы вспомнимъ, какіе успѣхи оказалъ нашъ языкъ съ 1817 года, когда была переведена эта трагедія.

Послѣ этого разговора приходитъ Камилла, и Горацій оставляетъ ее съ женихомъ; та, разумѣется, сокрушается; онъ твердитъ ей о долгѣ. Горацій возвращается съ Сабинной для того, чтобъ она имѣла удовольствіе упрекать его тутъ-же въ жестокости. Приходитъ старикъ Горацій и отсылаетъ сына и будущаго зятя сражаться; тѣ просятъ, чтобъ онъ удержалъ женщинъ въ домѣ и ждалъ окончанія сраженія.

Третій актъ начинается новыми жалобами Сабинны. Приходитъ Юлія и говоритъ, что сраженіе приостановлено до рѣшенія оракула. Камилла, также пришедшая въ это время, не ждетъ ничего хорошаго отъ этой отсрочки, говоря:

*Un oracle jamais ne se laisse comprendre;
 On l'entend d'autant moins, que plus on croit l'entendre.*

Юлія уходитъ; Сабина и Камилла начинаютъ считатьъ, кто изъ нихъ несчастнѣе, и что тяжелѣе: потерять брата, или мужа. Старикъ Горацій приходитъ сказать имъ, что оракуль рѣшилъ сражаться, и теперь уже битва вѣроятно началась. Онъ увѣщаетъ ихъ быть твердыми. Юлія возвращается и рассказываетъ о сраженіи: двое Гораціевъ убиты, третій бѣжалъ. Отецъ въ отчаяніи; онъ хочетъ своими руками убить сына, посрамившаго его имя. Тогда на вопросъ Юліи:

Que vouliez-vous qu'il fit contre trois?
 Онъ отвѣчаетъ свое знаменитое:—*Qu'il mourût!*

за которымъ слѣдуетъ прецлохой стихъ, напрасно защищаемый Лагарпомъ.

Où qu'un bœuf désespoir alors le secourût.
 Сабина и Камилла уходятъ за раздраженнымъ старикомъ.

Въ четвертомъ актѣ онъ возвращается на сцену съ Камиллою въ прежнемъ отчаяніи. Является Валеръ, посланный отъ царя утѣшить отца въ потерѣ его двухъ сыновей и поздравить съ побѣдою третьяго.

Слѣрикъ не понимаетъ словъ Валера. Тотъ о объясняетъ ему, какимъ образомъ Гораціи, оставшись одинъ противъ трехъ Куріаціевъ, и видя, что не можетъ побѣдить ихъ всѣхъ трехъ вдругъ, притворнымъ бѣгствомъ раздѣлилъ ихъ силы, напалъ сначала на того, кто ближе всѣхъ преслѣдовалъ его и убилъ его, а потомъ и остальныхъ двухъ. Отецъ въ восторгѣ при этомъ извѣстіи; Камила падаетъ въ обморокъ.

Остановимся на этой сценѣ. Съ начала прихода Валера и до той поры, когда онъ уходитъ, Камила не говоритъ ни слова, не отвѣчаетъ даже потомъ на утѣшенія старика Горація, тоже уходящаго въ свою очередь; оба они говорятъ въ это время *сто двадцать пять стиховъ*, а она все молчитъ. И между-тѣмъ, эта сцена, какъ эта роль, лучшія во всемъ репертуарѣ Рашели. Это балетъ, пантомима, не истинное драматическое искусство, пожалуй даже сценическій фокусъ, но это удивительно, поразительно, эффектно. Кто не смотрѣлъ «Горація,» тотъ не знаетъ Рашели. Надо видѣть именно въ этой сценѣ эту женщину, чтобъ понимать, до какой степени совершенства можетъ дойти пластическое искусство. Чтò можетъ быть красиваго, изящнаго въ женщинѣ, лежащей въ обморокъ или истерически рыдающей? и между-тѣмъ, въ эти долгія минуты тяжелыхъ страданій, каждое движеніе, каждый жестъ артистки полны невыразимой граціи, непостижимой картинности. Описать ея нѣмую игру въ этой сценѣ невозможно. Сказать, что она падаетъ въ кресло, судорожно вздрагиваетъ, заламываетъ руки, еще ничего не значить. Это можетъ сдѣлать всякая другая женщина. Дѣло все въ томъ, какъ это сдѣлано. Кисть и рѣзецъ могутъ изобразить извѣстные моменты этихъ страшныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ живописныхъ позъ; перо не въ состояніи сдѣлать этого. Въ тысячѣ другихъ пьесъ случалось дѣвушкамъ получать извѣстіе о смерти своего жениха, но подумала-ли хоть одна изъ тысячи актрисъ извлечь подобный эффектъ изъ этого положенія? Здѣсь это было гораздо труднѣе, именно потому, что авторъ поставилъ свою героиню въ самое неловкое положеніе: слушать сто двадцать пять стиховъ и не говорить самой ни слова. Вотъ въ чемъ велика, неподражаема Рашель: создать, по-видимому, изъ ничего превосходную картинну, найти эффектъ тамъ, гдѣ ему, кажется, нѣтъ мѣста, заставить зрителя приходиться въ восторгъ въ такихъ сценахъ, гдѣ онъ обыкновенно зѣвалъ, найти въ роли то, чего самъ авторъ никогда не подозрѣвалъ въ ней,—вотъ настоящая сторона таланта Рашели и причина ея успѣховъ.

Послѣдующая за этимъ сцена еще болѣе подтверждаетъ наши слова. Гораціи, возвращающійся побѣдителемъ, хвалится своимъ подвигомъ, и говоритъ смѣшные и неловкіе стихи, показывая свою руку:

Ma soeur, voici le bras qui venge nos deux frères,
Le bras qui rompt le cours de nos destins contraires.

Камилла осыпаетъ его упреками и читаетъ свой знаменитый монологъ:

Rome, l'unique objet de mon ressentiment!
Rome, à qui vient ton bras d'immoler mon amant!
Rome, qui t'a vu naître et que ton coeur adore!
Rome, enfin que je hais parcequ'elle t'honore...
... Puissé-je de mes yeux voir tomber la foudre,
Voir ses maisons en cendre et tes lauriers en poudre,
Voir le dernier Romain à son dernier soupir!
Moi seule en être cause et mourir de plaisir!

Обыкновенная актриса произнесла бы, конечно, съ силою, съ энергіею эти страшныя импрекаціи, но Рашель, напротивъ, начинаетъ монологъ тихимъ, проницательнымъ, вопросительнымъ тономъ, чего, очевидно, не имѣлъ въ виду Корнель, и только на послѣднихъ стихахъ, дышащихъ у нее злобою и отчаяніемъ сосредоточиваетъ всю силу своего глухаго голоса, обыкновенно монотоннаго, но получающаго удивительное выраженіе въ подобныхъ мѣстахъ, требующихъ страшной энергіи. Мы понимаемъ, что бѣшенный Гораций могъ убить женщину, осыпавшую такими проклятіями его и любимый имъ Римъ. При словахъ:

Va dedans les enfers plaindre ton Curiace,
оканчивающихъ у насъ трагедію, Камилла, пораженная мечемъ Горация, вскрикиваетъ, и повернувшись на одномъ мѣстѣ полнымъ оборотомъ, падаетъ на полъ. Крикъ ея очень натураленъ, но можемъ увѣрить ее, что всѣ эти повороты и перевероты неумѣстны, неестественны и не достойны искусства и артистки. Только фанатическіе поклонники Рашели могутъ увѣрять, что отъ удара кинжала необходимо перевернуться. Это мнѣніе доказываетъ только, что можно быть восторженнымъ поклонникомъ Рашели, и вовсе не звать физиологін. Вѣроятно, она и сама сознала неумѣстность этого эффекта, потому-что въ послѣдній прощальный спектакль ея, играя ту же пьесу, она упала просто и благородно, безъ подражаній волчку.

Мы благодарны ей во всякомъ случаѣ за то, что она умираетъ на сценѣ. У Корнеля Камилла, осыпавъ Горация всевозможными оскорбленіями, но видя, что онъ вынулъ мечъ, пускается бѣжать отъ него, и онъ закалываетъ ее уже за кулисами. Эта забавная сцена была однажды причиною еще забавнѣйшаго анекдота. Марія Дюкло, одна изъ лучшихъ актрисъ эпохи регентства, играла Камиллу. Она убѣгала за кулисы послѣ своихъ импрекацій, и вдругъ запутавшись въ платъ со шлейфомъ, которое носили на сценѣ римлянки того времени, упала у самыхъ ку-

лись. Трошонъ де-Бобуръ, игравшій роль Горація и преслѣдовавшій Камиллу съ обнаженнымъ мечемъ, бросился къ актрисѣ, снялъ учтиво свой шлемъ, осыпанный лаврами, помогъ ей встать, подаль руку и учтиво отвелъ за кулисы, потомъ вернулся, и надѣвая шлемъ, вскричалъ слѣдующіе стихи своей роли:

... Ainsi reçoive un chatiment soudain
Quiconque ose pleurer un ennemi romain!

За этими стихами у Корнеля слѣдуетъ еще огромная сцена, въ которой Сабина рассказываетъ о смерти Камиллы и упрекаетъ Горація, и еще цѣлый актъ, въ которомъ является Тулль-Гостилий и судитъ Горація, выслушавъ обвиненіе Валера, защиту старика Горація, самого убійцы и Сабинны, и прощая убійцу. Даже Лагарпъ сознается, что этотъ актъ лишній, но по какому-то странному убѣжденію считаетъ лишнимъ даже четвертый актъ. Спрашиваемъ, что было бы съ пьесой, если бъ отъ нея отнять и четвертый актъ?

Мы видѣли теперь и Корнеля въ двухъ его лучшихъ пьесахъ, и можемъ высказать объ немъ наше мнѣніе. Его, какъ и Расина, черезъ чуръ захвалили усердные соотечественники, называя славою Франціи, неподражаемымъ писателемъ, величайшимъ драматическимъ гениемъ, и прочее. Все это слишкомъ преувеличено. Французы мастера раздуть шары, и изъ мухи дѣлать слона. Корнель, пожалуй, даже гений по своему времени, и потому—что первый началъ писать настоящія трагедіи: но считать его образцомъ совершенства, въ нашъ вѣкъ можно только французамъ. Пьесы его составлены и ведены плохо, дѣйствія въ нихъ мало, хотя гораздо болѣе исторической вѣрности и мѣстнаго колорита, чѣмъ у Расина. У Корнеля есть также то, чего нѣтъ почти вовсе у Расина: это характеры, если не всегда вѣрные ихъ историческимъ типамъ, то почти всегда вѣрные человѣчеству. Языкъ у него не обработанъ чѣмъ у Расина, но сильнѣе, въ выраженіяхъ любви меньше приторности и мадригаловъ, хотя нельзя сказать, чтобы ихъ не было вовсе. Главная разница между ними та, что если Расина можно смотрѣть, то Корнеля можно читать...

Намъ остается еще рассказать послѣднюю пьесу, въ которой Рашель прощалась съ своими абонентами. Это «Жанна-д'Аркъ», трагедія Суме. Постараемся ее разсмотрѣть какъ можно короче, потому—что пьеса эта рѣшительно не стоить того, чтобы ее разбирать внимательно. Напрасно Рашель не распорядилась такъ, чтобы сыграть эту трагедію,—если ужъ непременно надобно было играть ее—въ началѣ своихъ представленій.

Прощаться съ публикою въ такой пустой пьесѣ, былъ очень странный расчетъ, тѣмъ болѣе что Рашель была даже нехороша въ этой роли.

Суме былъ однако же писатель съ дарованіемъ, хотя и академикъ. Онъ умеръ въ 1845 году, пятидесяти девяти лѣтъ. Онъ началъ писать еще въ 1810 году (ода къ Наполеону и поэма *L'incréduité*). Для театра онъ сталъ работать съ 1820 года, отдавъ на сцену трагедію *Клитемнестру*, потомъ въ 1821 году *Саула*, въ 1825 *Клеопатру* и *Жанну-д'Аркъ*, въ 1828 — *Елисавету французскую* въ 1830 — *Праздникъ Нерона* и въ 1831 — *Норму*, лучшую свою трагедію, изъ которой Беллини написалъ знаменитую оперу. Потомъ онъ напечаталъ двѣ большія поэмы *Жанна-д'Аркъ* и *La divine épopée*. Три послѣднія пьесы свои: *Гладиаторъ* (въ 1841 году) *Королевскій дубъ* и *Жанну-Грей* (въ 1845 году) онъ написалъ вмѣстѣ съ своею дочерью. Изъ всѣхъ этихъ произведеній *Жанна-д'Аркъ* самое неудачное, и возобновлять на Французскомъ театрѣ въ 1846 году пьесу, упавшую въ 1825 на театрѣ Одеона, вовсе не слѣдовало.

Ничего похожаго на знаменитую драму Шиллера нѣтъ въ трагедіи Суме. Дѣйствіе ея происходитъ въ Руанѣ. Жанна д'Аркъ въ тюрьмѣ. Добродѣтельный пустынный Адемаръ утѣшаетъ ее и обнадеживаетъ скорымъ освобожденіемъ. Коварный Германгаръ хочетъ принудить ее сознаться, что она виновна и дѣйствовала съ помощью волшебныхъ чаръ; онъ угрожаетъ ей пыткой и проклятіемъ инквизиціи. Онъ говоритъ:

L'anathème en tombant sur un front criminel,
Le livre après la mort au courroux éternel;
Que dis-je! les effets de sa toute puissance
Atteindrons ceux à qui vous devez la naissance.
Chassés de leurs chaumières, à leurs champs arrachés,
Du nombre des chrétiens vos parents retranchés,
Sans abri protecteur, sans autels, sans patrie
Trainerons dans l'exil leur vieillesse flétrie,
Et maudirons le jour, ce jour infortuné,
Ou votre père à dit: un enfant nous est né!

Это страшная картина, написанная прекрасными стихами, на которыхъ отдыхаешь послѣ стиховъ Корнеля, не трогаешь Жанну. Завѣса опускается.

Во второмъ актѣ герцогъ Белфордъ въ залѣ суда самъ съ собою рѣшаетъ пощадить Жанну, говоря:

En vain la politique en grands crimes fertile
Me dit qu'à nos destins son trépas est utile.

герцогъ Бургондскій является упрекать его въ слабости и требуетъ выдачи плѣнницы. Они ссорятся. Лионель приходитъ возвѣстить объ успѣхахъ французской арміи; они мирятся и идутъ готовиться къ сраженію. Входитъ отецъ Жанны и двѣ сестры ея. Ихъ выписали изъ Вокулера для того, чтобъ они свидѣтельствовали передъ судомъ въ томъ, что Жанна дѣйствовала подъ внушеніемъ злыхъ духовъ. Адемаръ, которому они рассказываютъ объ этомъ, объясняетъ, что эти слова, напротивъ, погубятъ Жанну, и что Германгаръ обманулъ ихъ, убѣдивши придумать такое объясненіе поступкамъ Жанны. Они въ отчаяніи. Завѣса опять опускается.

Въ третьемъ дѣйствіи Бедфордъ судитъ Жанну. Она рассказываетъ ему первыя впечатлѣнія своей молодости, таинственныя явленія и голоса, призывавшія ее освободить Францію. Бедфорда трогаетъ ея монологъ въ семьдесятъ стиховъ, Германгаръ увѣряетъ, что

... Ses discours captieux
Lui sont tous inspirés par l'ennemi des cieux.
Il parle par sa bouche, et toujours sa puissance
Donne à ceux qu'il séduit les traits de l'innocence.

Адемаръ въ свою очередь восклицаетъ:

Sainte religion! seul espoir des mortels,
Ainsi le fanatisme usurpe tes autels!

приходъ отца Жанны обнаруживаетъ коварство инквизитора. Старикъ говоритъ:

Un père, s'agit-il du crime le plus grand,
Ne peut être appelé qu'à sauver son enfant,
Son témoignage est nul s'il n'est pas favorable.

Бедфордъ хочетъ еще разъ подробнѣе рассмотреть все дѣло, хотя тутъ вовсе нечего больше разсматривать. Завѣса опускается въ третій разъ.

Въ четвертомъ актѣ герцогъ Бургондскій является требовать отъ Жанны, чтобъ она сражалась за одно съ нимъ противъ Карла VII, но она обращаетъ его на путь добра, заставляетъ раскаяться въ измѣнѣ и служить своему законному монарху. Она говоритъ:

Venge toi de ton prince en expirant pour lui.
La révolte toujours finit par l'esclavage!

и это два единственные хорошіе стиха въ сценѣ, которая могла бы быть чрезвычайно эффектна, если бѣ не была длинна, дурно ведена и написана. Рашель не хороша въ этой сценѣ; она читаетъ стихи очень скоро,

не ясно, глухимъ голосомъ и безъ выраженія. Является Германгаръ и объявляетъ, что судъ приговорилъ Жанну д'Аркъ, какъ волшебницу, къ сожженію на костръ. Бедфордъ подтверждаетъ этотъ приговоръ, хотя никакая причина не побуждаетъ его къ этому. Герцогъ Бургондскій вступаетъ за Жанну.

Il est trop tard! les lois réclament la victime

говорить Бедфордъ.

Il n'est jamais trop tard pour empêcher un crime,

отвѣчаетъ герцогъ Бургондскій и вызываетъ англичанина на *судъ Божій*. Они отправляются сражаться. Завѣса опять падаетъ, по-крайней-мѣрѣ скоро и часто.

Пятый актъ происходитъ на руанской площади; посредникъ воздвигнуть костерь. Адемаръ утѣшаетъ сестеръ Жанны. Приходитъ ихъ отецъ и говоритъ, что герцогъ Бургондскій убитъ на поединкѣ. Всѣ сильно сокрушаются. Приходитъ народъ, изображаемый шестью гражданами съ однимъ голосомъ и тремя солдатами, удерживающими напоръ многочисленной толпы, требующей казни Жанны д'Аркъ. Германгаръ общается сейчасъ-же выдать преступницу; ее вводятъ, окруженную солдатами. Она прощается очень долго съ отцемъ и сестрами, которыхъ наконецъ уводятъ. Потомъ она восходитъ на костерь, беретъ для эффекта знамя, живописно опирается на него и говоритъ десятокъ стиховъ, изъ которыхъ одинъ возбуждалъ всякій разъ громкіе аплодисменты:

Anglais, disparaissez, la France vous rejette!

въ послѣдующія представленія намъ послышалось даже, что Рашель произносила:

Anglais, disparaissez, l'univers vous rejette,

что было конечно гораздо лучше и вѣрнѣе. Наконецъ при стихѣ:

Et mon âme s'envole au bruit de la victoire,

завѣса упала къ общему удовольствію, въ послѣдній разъ, и зрители вынесли самое непріятное впечатлѣніе изъ этой пустой пьесы.

Въ-самомъ дѣлѣ, съ которой стороны не посмотришь на нее—въ ней нѣтъ ни одной хорошей сцены, ни одного рельефно очерченнаго характера. Сама Жанна какая-то блѣдная тѣнь, а вовсе не вдохновенная энтузіастка, въ порывѣ патріотическаго чувства вообразившая себѣ, что она призвана небомъ спасти Францію. Не говоримъ уже о томъ, что исторія играетъ самую жалкую роль въ этой трагедіи. Послѣдніе дни той бѣдной жертвы неблагодарности французовъ, очень хорошо извѣст-

ны и изслѣдованы исторіей, и мы думаемъ, что точная историческая картина ея смерти была бы гораздо занимательнѣе и трогательнѣе всей этой галиматѣи. Какъ неизмѣримо выше ея—драма пламеннаго Шиллера, этого рыцаря-поэта, этого благороднаго мечтателя-идеалиста! Какъ выше всей трагедіи французскаго академика даже эти двѣ строфы о смерти Жанны, написанныя русскою писательницею въ одномъ изъ ея превосходныхъ стихотвореній:

... Толпа стояла снова
Въ Руанѣ, у костра другаго.
Спокойно умирать на немъ
Шла избавительница края,
И бѣшено ее ругая,
Народъ опять ревѣлъ кругомъ.
Она шла тихо, безъ боязни,
Не озираясь, къ мѣсту казни,
Среди проклятій безъ числа,
И только разъ, при взрывѣ гула
На свой народъ она взглянула,
Главой поникла—и прошла...

Подробный и, какъ кажется намъ, добросовѣстный отчетъ нашъ о представленіяхъ Рашели въ Петербургѣ оконченъ, и намъ остается только вывести результаты изъ нашихъ статей, сдѣлать общее заключеніе объ игрѣ, дарованіи и вліяніи знаменитой артистки на сценическое искусство. Признаемся, какъ ни ясны эти результаты, но мы затрудняемся подвести имъ общій итогъ, такъ кажется онъ странный намъ самимъ, и если дѣлаемъ это, то единственно потому, что личное мнѣніе наше не законъ, и что легко можетъ быть найдутся другіе, болѣе опытные рецензенты, которые опровергнутъ наше мнѣніе доводами болѣе убѣдительными, нежели наши.

Составимъ прежде всего маленькую табличку всѣхъ пьесъ, въ которыхъ играла Рашель, расположивъ ихъ по степени успѣха. Она являлась у насъ 63 раза: 51 въ число абонемента, (въ томъ числѣ три спектакля съ двумя пьесами) 3 раза въ бенефисы: свой собственный, Рафаеля и своей труппы, 6 разъ въ бенефисы артистовъ (Пейссара, Леменила, Мондидье, Мила, Мейеръ и Мартынова) и 3 раза въ концертахъ разныхъ благотворительныхъ заведеній, гдѣ она читала отрывки изъ *Мизантропа*, о которыхъ мы уже говорили, сцену изъ *Цинны* и молитву *Эсхири* изъ пьесы того же названія, о которыхъ сказать ровню нечего. Собственно на сценѣ появилась она шестьдесятъ разъ, въ четырнадцати пьесахъ, вмѣсто *шестнадцати* обѣщанныхъ директоромъ ея от-

пусковъ, (считая въ томъ числѣ и спектакли, въ которыхъ она являлась два раза въ двухъ различныхъ пьесахъ). Вотъ эти шестьдесятъ спектаклей, расположенные по степени значенія пьесъ.

	актовъ сыграны разъ		
1. Гораций, <i>Корнеля</i>	4	—	6 превосходно.
2. Говолия, <i>Расина</i>	1	—	1 превосходно.
3. Полевкть, <i>Корнеля</i>	5	—	7 очень хорошо.
4. Федра, <i>Расина</i>	5	—	5 очень хорошо.
5. Адриенна Лекуврерь, <i>Скриба</i>	5	—	9 очень хорошо.
6. Марія Стюартъ, <i>Лебрена</i>	5	—	6 очень хорошо.
7. Виргинія, <i>Латура</i>	1	—	2 хорошо.
8. Андромаха, <i>Расина</i>	5	—	5 хорошо.
9. Баязеть, <i>Расина</i>	5	—	4 хорошо.
10. Леди Тартюфъ, <i>2-жи Жуарденъ</i>	5	—	3 слабо.
11. Венеціанская актриса, <i>Гюго</i>	4	—	5 слабо.
12. Жанна д'Аркъ, <i>Суме</i>	5	—	3 слабо.
13. Гораций и Лидія, <i>Понсара</i>	1	—	3 слабо.
14. Воробей Лезбін, <i>Бартё</i>	1	—	1 слабо.

И того 14 пьесъ, 52 дѣйствія, сыгранныхъ 60 разъ; изъ числа ихъ двѣ пьесы сыгранныя превосходно, четыре очень хорошо; остальные восемь или слабо, или такъ, какъ могла бы сыграть и другая актриса. Выше всего Рашель была въ классическихъ трагедіяхъ, въ современныхъ слаба, въ комедіяхъ еще больше. Стало-быть, для современныхъ пьесъ она не нужна. Воскресила-ли она по-крайней-мѣрѣ старинную классическую трагедію? И на это мы должны отвѣчать отрицательно. Въ трагедіяхъ смотреть только Рашель, а не трагедіи, и когда артистка перестанетъ играть ихъ, онѣ опять уснутъ вѣчнымъ сномъ на полкахъ театральныхъ библіотекъ. Для драматическаго искусства Рашель не принесла ничего. Она любопытное, исключительное явленіе нашего вѣка, но явленіе мимолетное, бесплодное, которое исчезнетъ безъ слѣда, отъ котораго останется одно воспоминаніе. Даже въ этихъ самыхъ трагедіяхъ дарованіе ея, замѣчательное и огромное, все-таки одностороннее: она можетъ удивить, поразить, но не тронуть. Нѣжность, глубина чувства не свойственны ея характеру. Она выражаетъ превосходно только рѣзкія, исключительныя стороны души. Это прекрасная, величественная статуя, которой поклонился бы древній міръ, обожавшій пластичность, виѣшность, но не искавшій души подъ мраморною оболочкой своихъ богинь, неимѣвшій понятія объ этой душѣ. Чего-то необъяснимаго, задушевнаго нѣтъ въ Рашели, той свѣтлой, теплой искры, которая мгно-

венно, часто неожиданно озаряетъ игру даже не первокласснаго артиста, но артиста одареннаго чувствомъ, любящаго свое искусство. Ни одного слова, вырвавшагося изъ глубины души не подмѣтили мы въ длинномъ рядѣ ея представленій. Все въ ней заранѣе расчитано, изучено, подготовлено, хотя это замѣтно не всякому и не съ перваго взгляда. Это отсутствіе внутренней жизни, вдохновенія, и было причиною того, что къ Рашели постепенно охладѣвали вездѣ, гдѣ видѣли ее много и часто. По этой же причинѣ она избрала сначала одинъ родъ пьесъ, требовавшихъ прежде всего внѣшности, пластичности, приѣмовъ заранѣе принятыхъ и условныхъ, искусства, а не вдохновенія. Отъ этого же всѣ попытки ея распространить свой репертуаръ—перейти въ современную драму и комедію были безуспѣшны. Главное достоинство ея состоитъ въ томъ, что она, врожденнымъ или пріобрѣтеннымъ инстинктомъ извлекала все, что можно было извлечь изъ классической трагедіи. Послѣ Рашели всякая актриса будетъ только повторяться въ этой трагедіи, сдѣлавшейся теперь выжатымъ лимономъ. Что она усвоила себѣ только одиѣ внѣшній стороны искусства, это лучше всего доказывается тѣмъ, что ей очень легко подражать. Вспомнимъ нашу прекрасную Мила, въ роли *Ливіи*, пародіи на роли Рашели въ пьесѣ *Каракалла*, пародіи на трагедіи, или г-жу Самойлову въ роли *Федры* въ водевилѣ, игранномъ въ ея бенефисѣ. Въ Рашели много природнаго ума, понятливости, терпѣнія, мало чувства, вовсе нѣтъ вдохновенія. Что касается до ея образованности, еслибъ Жюль-Жаненъ и не свидѣтельствовалъ о ней знаменитымъ анекдотомъ, приведеннымъ нами въ статьѣ: «Рашель и классицизмъ», мы могли бы убѣдиться въ ней автографомъ артистки, приложеннымъ къ 20-му номеру Москвитянина, написаннымъ въ сентябрѣ 1853 года, и который Москвитинъ предоставилъ объяснять читателямъ, не успѣвъ сдѣлать этого самъ. Наконецъ, чтобы кончить наши этюды о Рашели немного устарѣлымъ, хотя и вѣрнымъ сравненіемъ,—это яркій, блестящій метеоръ, пронесшійся въ небѣ безъ слѣда и тепла, а не тихая звѣзда, горящая равнымъ свѣтомъ въ темныя ночи, и къ которой съ любовью обращаются взоры милліоновъ въ минуты тоски и радости.

3. НѢМЕЦКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Почти ни одинъ изъ нашихъ журналовъ не слѣдитъ за ходомъ нашего нѣмецкаго театра. Статьи объ немъ попадаются очень рѣдко, и тѣ

довольно поверхностныя и почти всегда случайныя. Между тѣмъ на сценѣ этого театра являются всѣ современныя новости германской драматической литературы, о которыхъ мы не можемъ даже почерпнуть свѣдѣній изъ иностранныхъ газетъ и журналовъ. Въ Германіи существуютъ два литературные обычая, въ слѣдствіе которыхъ всѣ ея сценическія произведенія остаются довольно долго тайною для иностранцевъ. Первый изъ этихъ обычаевъ состоитъ въ томъ, что авторы не выпускаютъ своихъ пьесъ въ продажу, пока онѣ не обойдутъ всѣхъ сценъ Германіи. Хотя каждая пьеса тотчасъ-же печатается въ нѣсколькихъ сотняхъ экземпляровъ, но на нихъ смотрятъ, какъ на манускриптъ, который авторъ разсылаетъ разнымъ дирекціямъ театровъ за вознагражденіе, узаконенное за каждую новую пьесу, играемую на сценѣ. Съ той-же минуты, какъ она выпущена въ свѣтъ въ печати и продается въ книжныхъ лавкахъ, она становится уже законнымъ достояніемъ каждаго директора театра, который ее купитъ у книгопродавца. Поэтому часто случается, что пьесу, которая играется съ огромнымъ успѣхомъ на томъ или на другомъ театрѣ въ Баваріи, Пруссіи, Австріи или въ Саксоніи, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ нельзя найти въ продажѣ и короче съ нею ознакомиться. Второй обычай состоитъ въ томъ, что редакціи журналовъ, получая бесплатныя мѣста въ театрахъ, обязываются за то въ отношеніи къ дирекціямъ, при разборахъ новыхъ пьесъ, никогда не разсказывать ихъ содержанія, чтобы тѣмъ не отбивать любопытныхъ отъ представленія и не лишать театръ лишнихъ сборовъ.

Такимъ образомъ съ инымъ драматическимъ писателемъ и его новыми произведеніями нельзя иначе ознакомиться, какъ просмотрѣвъ ихъ на сценѣ.

При такихъ обстоятельствахъ мы поневолѣ должны слѣдить за новыми нашими нѣмецкими спектаклями, чтобы доставлять читателямъ свѣдѣнія о современномъ движеніи германской драматической литературы, и чтобъ ихъ болѣе или менѣе ознакомить съ личностью и свойствомъ талантовъ новѣйшихъ нѣмецкихъ писателей.

Нѣмцы имѣютъ предъ другими народами перевѣсъ усидчивости и глубокомыслія, но за то у нихъ есть и свои важные недостатки; они слишкомъ плодовиты и черезчуръ увлекаются въ область фантазіи, которая становится для нихъ какъ-бы второю родиною и второю натурою. Они избрѣли книгопечатаніе и, справедливо гордясь открытіемъ этого могучаго двигателя просвѣщенія, неусышно трудятся надъ поддержаніемъ безконечнаго движенія типографическихъ станковъ. У нихъ нѣтъ равновѣсія между практическими и умозрительными занятіями. Они

учатся, чтобъ учить, оставляютъ школьныя скамьи для профессорскихъ кафедръ и говорятъ, разсуждаютъ, пишутъ и умираютъ, даже не подозрѣвая насущной дѣйствительности и общественной жизни народовъ.

Нѣмецкіе писатели склонны къ педантству, и имѣютъ непреодолимую страсть къ риторическимъ прикрасамъ и поэтическимъ ухищреніямъ. Французскіе и англійскіе стараются сдѣлаться удобопонятными всѣмъ и каждому, германскіе же, напротивъ, пренебрегаютъ популяриностью и часто забываютъ, что первая обязанность писателя двигать образованность низшихъ слоевъ общества. Между нѣмцами встрѣчаются даже такіе писатели, которые хлопочутъ о томъ, чтобъ сдѣлаться совершенно непонятными, и, къ сожалѣнію, труды ихъ вѣнчаются блистательнымъ успѣхомъ.

Но добро вездѣ рядомъ съ зломъ и по счастью преодолеваетъ его. Нѣмцы обладаютъ всемірнымъ образованіемъ, для достиженія котораго охотно жертвуютъ своею національною гордостью. Въ ихъ настоящей литературѣ, болѣе чѣмъ во всѣхъ другихъ, соединяются искренность, истина, наивность, нравственность, и ни сколько не ощутительно пагубное вліяніе матеріальныхъ расчетовъ. Нѣмцы пишутъ для литературы, а не для денегъ, и нашимъ писателямъ не мѣшало бы позаимствовать безцѣпныя качества, характеризующія германскихъ авторовъ.

Но не смотря на все это, новая нѣмецкая литература находится у насъ въ совершенномъ пренебреженіи. Журналы наводняются статьями объ англійской и переводами изъ французской. Будуары наполнены романами Дюма, Сю, Берте и др. Всѣ у насъ кричатъ о Диккенсѣ, Теккереѣ, Керрерѣ-Беллѣ, Бичерѣ-Стау, и не подозрѣваютъ тѣхъ неистощимыхъ богатствъ, которыя заключаются въ умственной дѣятельности Германіи. Ея новѣйшія образцовыя произведенія проходятъ мимо насъ незамѣченными, не возбуждаютъ никакой симпатіи и не производятъ никакого впечатлѣнія.

Цѣль новѣйшихъ драмъ заключается въ изображеніи происшествій, заимствованныхъ изъ общественной и семейной жизни. Значитъ, господствующая драма—драма правовъ. Слѣдя постоянно за драматической литературой какого-нибудь народа, человѣкъ слѣдитъ за постепеннымъ его развитіемъ, изучаетъ его характеръ, обычаи, его бытъ, и ни одна драма не отражаетъ въ себѣ такъ вѣрно эти данныя, какъ нѣмецкая, потому—что въ основѣ ея всегда чисто нѣмецкіе элементы. Германія породила семейную драму, и непреклонно старается копировать въ своихъ произведеніяхъ обычаи своей жизни. Нѣмцы глубокомысленные философы и фізіологи. Человѣческое сердце извѣстно имъ въ его современнѣйшихъ изгибахъ; они тщательно анализировали каждое чувство и

ощущеніе, ихъ произведенія представляютъ всегда вѣрное зеркало внутренней жизни человѣка, безъ натяжекъ, хотя и съ небольшою примѣсью экзальтаціи. Стало быть драма ихъ стоитъ изученія.

Въ настоящее время находится въ Петербургѣ весьма хорошая труппа нѣмецкихъ актеровъ, между которыми есть нѣсколько замѣчательныхъ и неподдѣльныхъ талантовъ; она обладаетъ богатымъ, избраннымъ репертуаромъ. При подобныхъ условіяхъ понятно, что на представленія ея стекается съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе зрителей. Напрасно воображаютъ многіе, что публика Нѣмецкаго театра состоитъ только изъ мелкихъ торговцевъ и ремесленниковъ. Ложи и кресла, по большей части занимаютъ почетвѣйшими негоціантами, среднимъ классомъ общества, учеными и артистами. Конечно, здѣсь не преобладаютъ балльные наряды и бѣлыя перчатки, необходимое условіе фешіонбельныхъ театровъ, но за то здѣсь нѣтъ и той вычурности, того строгаго этикета и той легкости взгляда на искусство, какъ въ другихъ. Сюда ѣздить не изъ моды, не для того чтобъ показать себя; здѣсь всѣ единодушно наслаждаются спектаклемъ и плачутъ, и смѣются отъ души, не боясь насмѣшекъ и остротъ.

Странно, но съ перенесеніемъ Нѣмецкаго театра въ Театръ-Циркъ, спектакли выиграли во всѣхъ отношеніяхъ. Публика, стала собираться въ болѣемъ множествѣ, даже чрезъ чуръ изысканная; и утрированная игра актеровъ измѣнилась и уступила мѣсто простотѣ и естественности. А объ постановкѣ пьесъ касательно машинъ и декорацій и говорить нечего, можно быть вполне увѣреннымъ въ изящество, вкусъ и отчетливости монтировокъ.

Нѣмецкая труппа, представляющая трагедіи, драмы, комедіи, водевили, опереты, состоитъ изъ слѣдующихъ членовъ: А. г. *Орловскій*, *Толлертъ*, *Фихтманъ* (первые любовники), *Ладдей*; (амплуа героическія и характерныя, и благородныхъ отцовъ), *Горнике*, *Рейслеръ* (интриганы), *Шварцъ*, *Поллертъ*, *Бозардъ*, (благородные отцы), *Моръ*, *Брюнингъ*, *Заммтъ*, *Гертнеръ*, (комки); *Тице* (амплуа третьяго разряда) и г-жъ *Поллертъ-Юнке*, *Берндорфъ*, *Гизель*, (первыя любовницы); *Орловская* (благородная мать), *Албрехтъ* (комическія и характерныя старухи), *Брюнингъ 2-я*, *Лина Гефферъ* (первыя любовницы въ водевилахъ), *Брюнингъ 1-я*, *Заммтъ* (субретки и вторыя любовницы); *Армайдъ*, *Воксъ* (старыя женщины), *Ладдей*, *Морнагенъ* (молодыя женщины), *Редеръ* (служанки и молодыя дѣвушки).

Познакомивъ такимъ образомъ читателя съ составомъ нашей Нѣ-

мецкой труппы, мы перейдемъ къ замѣчательнѣйшимъ пьесамъ, ею разыграннымъ и къ самому ихъ исполненію.

Начнемъ съ Лессинговой комедіи: *Минна фонъ Борхельмъ*, явленія тѣмъ болѣе отраднаго, что пьеса эта дышитъ неувядающею свѣжестью и породила, въ свое время, безчисленное множество подражаній. Готгольдъ Ефраимъ Лессингъ одинъ изъ универсальнѣйшихъ, самыхъ плодovitыхъ и оригинальныхъ писателей Германіи, далъ совершенно новое направленіе почти всѣмъ наукамъ и искусствамъ. Онъ родился въ 1726 году въ г. Каменцѣ, гдѣ отецъ его занималъ мѣсто оберъ-священника. Хорошо приготовленный Лессингъ поступилъ въ Мейсенское училище, въ которомъ приобрѣлъ основаніе своей глубокой учености тщательнымъ изученіемъ греческихъ и римскихъ древностей. Знаніе же новѣйшихъ языковъ доставило ему понятіе о всеобщей литературѣ. Съ подобными свѣдѣніями, отправился онъ въ Лейпцигъ, гдѣ не довольствуясь своими учителями съ жадностью слушалъ курсы знаменитаго Эрнеста. Въ Лейпцигѣ онъ велъ жизнь исключительно посвященную наукамъ и искусствамъ, упражнялся въ гимнастикѣ, посѣщалъ театры и писалъ первыя свои драмы: *Молодой ученый* (Der junge Gelehrte), *Мизогинъ*, (Der Weiberfeind), *Жиды и Вольнодумецъ* (Die Iuden und der Freigeist), *Кладъ* (Der Schatz). Отецъ, недовольный литературными занятіями сына, вытребовалъ его въ 1750 году къ себѣ и отправилъ въ Витенбергъ для продолженія и усовершенствованія своего образованія.

Здѣсь молодой Лессингъ написалъ критику на Мессіаду и съ такою неопровержимою истиной опровергъ нѣкоторыя философскія мнѣнія, господствовавшія въ Германіи, что съ разу приобрѣлъ извѣстность, но и заклятыхъ враговъ. Раздосадованный, онъ уѣхалъ въ Берлинъ, гдѣ напечаталъ собраніе своихъ стихотвореній подъ названіемъ: *Мелочи* (Kleinigkeiten). Познакомившись и сблизившись съ Рамлеромъ, Сульцеромъ, Мендельсономъ и Николаи, Лессингъ образовалъ съ ними союзъ противъ владычествующей страсти къ французской литературѣ, и употреблялъ всѣ усилія для водворенія нѣмецкой въ ея законныя права. (См. Politische Zeitung и Theatralische Bibliothek тѣхъ годовъ). Въ 1755 г. отправился онъ путешествовать, и по прибытіи въ Лейпцигъ подружился тамъ съ Клейстомъ, Бриве и посвятилъ себя изученію Шекспира, надъ которымъ трудился въ то время Виландъ. Трагедія Лессинга: *Миссъ Сара Сампсонъ* отличается уже британскимъ колоритомъ. Въ 1760 году онъ былъ избранъ въ члены Берлинской академіи наукъ, но, нуждаясь въ существеннѣйшихъ потребностяхъ жизни, долженъ былъ принять мѣсто секре-

таря при генералѣ фонѣ Трауенципѣ. Въ Бреславлѣ онъ началъ свою *Минну фонъ Борнгельмъ*, породившую столько подражаній.

Сильное впечатлѣніе произвели на Лессинга *философскія сочиненія Мендельсона и Исторія древнихъ искусствъ, Винкельмана*. Подъ этимъ вліяніемъ онъ задумалъ и создалъ своего: *Лаокоона*, эту неподражаемую, безсмертную критику поэзіи и искусства. Вскорѣ послѣ того Лессингъ получилъ приглашеніе въ Гамбургъ для того, чтобы *облагородить* нѣмецкую сцену. Это приглашеніе было ему пріятнѣе всѣхъ отличій; онъ поспѣшилъ на призывъ и, возставая противъ французскаго безвкусія, написалъ свою многозначительную *Драматургію* и превосходную трагедію: *Эмилія Галотти*. Но строгій критикъ и неумолимый цѣнитель искусства не могъ ужиться въ Гамбургѣ. Оригинальное и рѣзкое направленіе его мысли вооружило противъ него всѣхъ писателей. Огорченный Лессингъ уже рѣшался покинуть неблагогодарную Германію и посѣтить Италію, какъ вдругъ неожиданно познакомился съ умною и образованною купеческою вдовой Кенигъ. Знакомство это скоро кончилось свадьбой. Въ то же время Лессингъ получилъ отъ герцога Брауншвейгскаго мѣсто бібліотекаря и гофрата въ Вольфенбютелѣ. Отсюда Лессингъ ѣздилъ съ принцемъ Леопольдомъ въ Италію, и по возвращеніи своемъ углублялся въ разборъ и изученіе сокровищъ вѣреной ему бібліотеки. Слѣдствіемъ этого труда были его *Историческія и литературныя изысканія*, *Weitzurze zur Geschichte und Litteratur*) замѣчательныя сочиненія. Изданіемъ же *Отрывковъ изъ записокъ неизвѣстнаго*, Лессингъ вызвалъ противъ себя новую литературную бурю. Началась страшная полемика, съ желчью разрабатываемая гамбургскимъ пасторомъ Мельхіоромъ Гетце. Въ защиту себя Лессингъ написалъ свою знаменитую драму «Натанъ мудрецъ» (*Nathans der Weise*), проникнутую глубокими мыслями и отличающуюся превосходнымъ языкомъ и изящною отдѣлкой. Драма эта появилась въ 1779 году г. и была предсмертнымъ твореніемъ Лессинга. Онъ умеръ въ 1784 году пятидесяти-двухъ лѣтъ отъ роду.

Лессингъ занимаетъ почетное мѣсто между классиками Германіи, и многія изъ его сочиненій переведены на русскій и на другіе европейскіе языки. Имя его извѣстно каждому, кто только изучалъ законы искусства и эстетики. Этотъ знаменитый писатель обращалъ на себя, въ продолженіе четверти вѣка, вниманіе всего ученаго свѣта, и донынѣ остается новъ и неукоризненъ въ своихъ художественныхъ убѣжденіяхъ. Содержаніе комедіи: «Минна фонъ-Борнгельмъ» слѣдующее:

Прусскій маіоръ фонъ-Тельгеймъ стоялъ съ полкомъ своимъ, во время Семилѣтней войны, въ Слезіи, въ помѣстьѣ графа Брухсаля. Кра-

сота Минны фонъ Борнгельмъ, племянницы помѣщика, плѣнила маіора, съ своей стороны, и онъ успѣлъ понравиться молодой дѣвушкѣ. Обладая хорошимъ состояніемъ, пользуясь уваженіемъ начальства, Тельгеймъ объяснился съ Минной и предложилъ ей руку и сердце. Они помѣнялись кольцами, самую же свадьбу отложили до окончанія войны. И вотъ наступилъ миръ. Войска отпраздновали по своимъ квартирамъ, начальники разныхъ партій подверглись ревизіямъ. Въ числѣ послѣднихъ находился и маіоръ. Одаренный прямодушнымъ характеромъ, онъ не умѣлъ и не хотѣлъ льстить своимъ ревизорамъ, да и не нуждался въ подобныхъ проекакахъ: дѣла его были чисты и совѣстливы. Такъ, по крайней мѣрѣ, разсуждалъ онъ, но не такъ разсуждали алчные ревизоры. На маіора взвели значительный начетъ, имѣніе его конфисковано; самъ онъ отставленъ отъ службы. Но Тельгеймъ не упалъ духомъ. Увѣренный въ правотѣ своего дѣла, онъ не упускаетъ ни одного шага, могущаго служить къ его оправданію; но, увы! лишенный состоянія, онъ находится безъ денегъ и принужденъ жить въ долгъ въ гостиницѣ, содержатель которой наконецъ переводитъ бѣдняка въ маленькій номеръ, а прежде имъ занимаемый отдаетъ вновь пріѣхавшимъ господамъ. Все это и многія другія непріятности не могутъ однако жъ вывести маіора изъ терпѣнія. Онъ переноситъ все безъ ропота, но Юстъ, единственный оставшійся ему вѣрнымъ слуга, выходитъ изъ себя видя такое пренебреженіе къ своему командиру, за котораго готовъ въ огонь и въ воду. Онъ старается убѣдить его воспользоваться до окончанія дѣла деньгами, отданными Тельгейму на сохраненіе Вернеромъ, бывшимъ его вахмистромъ, а нынѣ обладателемъ прекрасной, доходной фермы. Чувство чести маіора возстаетъ противъ этихъ убѣжденій; онъ лучше рѣшается разстаться съ драгоценнымъ перстнемъ, полученнымъ при прощаніи отъ Минны, онъ скорѣе перенесетъ всякую нужду, даже самую нищету, чѣмъ дотронется до чужой собственности. Зная непреклонный характеръ своего господина, Юстъ не смѣетъ ему признаться, что деньги отданы ему Вернеромъ на сохраненіе только съ тою цѣлью, чтобъ маіоръ воспользовался ими.

Вернеръ любитъ своего бывшего командира, но не рѣшается предложить ему въ займы денегъ, а потому и прибѣгаетъ къ этой уловкѣ.

Дѣлать нечего, Юстъ беретъ отъ маіора перстень и отдаетъ его содержателю гостиницы. Трактирщикъ показываетъ кольцо дамѣ, живущей въ номерѣ, прежде занимаемомъ маіоромъ. Каково же ея удивленіе, когда она узнаетъ въ перстиѣ тотъ самый, который она вручила своему жениху Тельгейму. Бѣдная Минна сначала въ отчаяніи, но, развѣдавъ, съ помощью своей служанки Франциски, всѣ обстоятель-

ства, усноковивается и посылаетъ за маіоромъ. Является Тельгеймъ. Минна сообщаетъ ему, что она пріѣхала только для свадьбы и требуетъ исполненія даилаго слова. Маіоръ отказывается. Мысль соединить участь счастливой, богатой наслѣдницы съ его горестною участью для него невыносима. Подобный поступокъ, по его мнѣнію, безчестенъ, и, жертвуя чести своею любовью, своимъ счастьемъ, онъ отказывается отъ Минны. Но дѣвица фонъ-Борнгельмъ не унываетъ. Франциска, подосланная къ маіору, рассказываетъ ему, что Минна бѣжала отъ дяди, лишившаго ее наслѣдства, и сама находится въ крайнемъ положеніи. Хитрость удается, маіоръ спѣшитъ къ Миннѣ, умоляетъ о прощеніи, проситъ снова ея руки, и натурально, получаетъ ее. Комедія оканчивается оправданіемъ Тельгейма и возвращеніемъ ему чина и состоянія.

Повидимому, сюжетъ пьесы очень простъ, но въ этомъ—то и заключается искусство и умѣнье автора, въ продолженіе длинныхъ пяти актовъ, провестъ его безъ натяжки и сдѣлать интереснымъ для зрителей.

Пьеса была разыграна весьма удовлетворительно. Въ особености хороша была г-жа Лина Гѣферъ, которая выикла въ роль служанки Франциски и передала ее со всею нужною живостью, веселостью, съ хитростью перемѣшанной съ простотою. Г-жа Поллертъ-Юнке исполнила роль Минны очень недурно, хотя не мѣшало бы ей быть неможко понатуральнѣе. Г. Орловскій, въ роли маіора, не на своемъ мѣстѣ. Ему вообще не удаются роли спокойныя: онъ слишкомъ увлекается пафосомъ и искажаетъ чрезъ то характеръ представляемыхъ имъ лицъ. Артистъ этотъ имѣетъ еще одинъ большой недостатокъ—онъ слишкомъ занятъ собою и безпрестанно старается красоваться на сценѣ и стать въ такую позу, которая бы выгоднѣе обнаруживала его физическія преимущества. Оттого и самая игра его мѣстами натянута и не удовлетворяетъ въ комедіи, гдѣ первое условіе — естественность.

Весь интересъ каждаго драматическаго положенія состоитъ или въ счастіи, или въ отчаяніи дѣйствующихъ лицъ. Несчастіе вѣрнѣе дѣйствуетъ на зрителя — оно возбуждаетъ участіе и состраданіе, два чувства, затаенныя въ душѣ каждаго человѣка и легче приводимыя въ движеніе, чѣмъ чувства удивленія, которое всегда возбуждается счастьемъ. Но причины несчастія героя надо выбирать очень осторожно. Не каждая причина возбуждаетъ сочувствіе въ одинаковой степени. Преступникъ никогда не можетъ возбудить участіе, для какой бы цѣли онъ ни совершилъ свое преступленіе. Мы можемъ чувствовать къ нему сожалѣніе, но его судьба никогда не въ состояніи заинтересовать насъ. Какъ бы онъ ни раскаивался, какія бы жертвы не принесъ для

своего искупленія, онъ все-таки останется отверженнымъ — совершенное имъ преступленіе, какъ грозный, кровавый призракъ, всегда будетъ возвышаться между нимъ и обществомъ. Поэтому преступникъ не можетъ быть героемъ драмы, по крайней мѣрѣ, ему не слѣдовало бы быть героемъ, и еще менѣе слѣдовало бы господамъ-писателямъ дѣлать преступленіе завязкою пьесы, которая въ такомъ случаѣ всегда будетъ основана на ложной мысли, разукрашенной софистическими доводами. Въ такую ошибку впала въ романѣ своемъ: *Сосѣди* (Die Nachbarn) извѣстная современная шведская писательница Фредерика Бремеръ. Собраніе ея романовъ, между которыми первое мѣсто занимаетъ: *Дочери президента*, изданы въ первый разъ въ 1841 году, подъ названіемъ: *Очерки обыкновенной жизни* (Skizzen aus dem Alltagsleben) и отличаются искуснымъ и легкимъ изложеніемъ, наблюдательностью и вѣрнымъ описаніемъ домашней и семейной жизни.

Знаменитая и одна изъ плодовитѣйшихъ нѣмецкихъ драматическихъ писательницъ, Шарлотта Бирхъ-Пфейферъ, воспользовалась сюжетомъ романа «Сосѣди» и обработала его для сцены подъ названіемъ: *Мать и Сынъ* (Mutter und Sohn).

Шарлота Бирхъ-Пфейферъ родилась въ Штутгартѣ въ 1800 году, вступила на сцену Мюнхенскаго театра на 15-мъ году отъ рожденія и была принята съ восторгомъ. Умная, образованная, она приложила всѣ усилія къ усовершенствованію себя, и въ 1822 г. приобрѣла извѣстность художественнымъ путешествіемъ по Германіи. Въ 1825 г. она вышла замужъ за доктора Бирха, а съ 1838 г. приняла на себя управленіе театромъ въ г. Цюрихѣ. Г-жа Бирхъ-Пфейферъ отличная актриса и исключительно посвятила себя всѣмъ отраслямъ своего искусства. Въ послѣднее время г-жа Бирхъ-Пфейферъ, кажется лишилась своего пылкаго воображенія, породившаго столько прекрасныхъ пьесъ (*Замокъ Грейфенштейнъ*, *Пфейферъ-рѣзель*, *Гинхо* и др.) и бросилась на передѣлку разныхъ романовъ.

Ничто не представляетъ такихъ трудностей, какъ переложеніе повѣстей и романовъ въ драмы. Условія этихъ двухъ родовъ произведеній слишкомъ различны, элементы ихъ совершенно разнородны. Тамъ, гдѣ повѣствователь ограничивается простымъ разказомъ, драматургъ долженъ развивать дѣйствіе. Первый самъ анализируетъ чувства и страсти своихъ героевъ и разъясняетъ ихъ читателю, второй долженъ высказать эти-же страсти и чувства въ дѣйствіи выведенныхъ лицъ, и дѣлаетъ ихъ ощутительными на взглядъ для всѣхъ. Темныя мѣста въ повѣсти поясняются размышленіями отъ лица автора, въ драмѣ-же ничего подобнаго не можетъ существовать, а все должно находиться въ

движеніи, событія въ тѣсной между собою связи и вытекаютъ одно изъ другого. Повѣствователь рисуетъ, драматургъ лѣпнеть; одинъ приготовляетъ и медленно подводитъ свои эффекты, другой долженъ дѣлать ихъ неожиданными но натуральными, поразительными, живыми, однимъ словомъ пластическими. У повѣствователя въ рукахъ вся жизнь его героевъ, у драматурга только одни рѣзкіе ея моменты.

Вотъ трудности, превозмочь которыя удается весьма немногимъ писателямъ, между которыми г-жа Бирхъ-Пфейферъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Ея драмы, передѣланныя изъ романовъ, чужды всякой натажки, и весь ходъ событій отличается удивительной простотой, ясностью и послѣдовательностью. Это происходитъ оттого, что г-жа Бирхъ-Пфейферъ не передѣлываетъ романы, а только заимствуетъ изъ нихъ свои сюжеты и обрабатываетъ ихъ по-своему, придерживаясь только вымысла событія.

Такъ и драма ея «Мать и сынъ» очень удачное сценическое произведеніе, хотя, какъ мы упомянули выше, оно основано на ложной мысли, что значеніе преступленія смягчается цѣлью, съ которою оно совершено и изглаживается искреннимъ раскаяніемъ.

Вотъ содержаніе этой драмы.

Разоренный разными неудачными спекуляціями генераль Мансфельдъ вступаетъ во второй бракъ, имѣя отъ перваго уже двухъ сыновей, Андрея и Стефана. Провидѣніе благословило этотъ союзъ; генераль нашель, во второй женѣ своей, женщину умную, образованную, съ благороднымъ и прямымъ характеромъ. Твердая, непреклонная, желѣзная воля дѣлаетъ ее еще замѣчательнѣе. Съ нѣжной материнской любовью привязывается она къ сыновьямъ своего мужа и окружаетъ ихъ самыми трогательными попеченіями. По прошествіи года небо посылаетъ ей самой сына, Бруно, но обстоятельство это ни сколько не измѣняетъ ея чувствъ. Генеральша не дѣлаетъ никакого различія между своимъ сыномъ и пасынками, но мужъ ея скоро умираетъ, оставя семейство съ разстроеннымъ имѣніемъ и съ кучею долговъ. Тутъ начинается новая эпоха въ жизни генеральши. Всѣ усилія ея сосредоточиваются на двухъ предметахъ: на образованіи ума и сердца своихъ дѣтей и на поправленіи своего состоянія. Усилія ея увѣнчаны успѣхомъ: она дѣлается богатѣйшей помѣщицею въ окрестности; дѣти ея подростаютъ и вполне соответствуютъ ожиданіямъ матери. Старшій изъ нихъ, Андрей, избираетъ юридическое поприще и скорѣе получаетъ мѣсто судьи. Второй Стефанъ, окончиваетъ курсъ по медицинскому факультету и возвращается въ семейство съ степенью доктора, что однако нисколько не измѣняетъ откровенной веселости и прямоты его характера, перемѣшавъ

ной съ какимъ-то предупрежденіемъ противъ женщинъ. Младшій, Бруно, пылкій юноша, съ воспріимчивымъ сердцемъ наслѣдовалъ отъ своей матери ея неуклонный характеръ, ея гордость и понятія о чести.

Всѣ эти обстоятельства объясняются въ началѣ драмы живымъ разговоромъ между управляющимъ имѣніемъ и пасторомъ, которые выражаютъ свои опасенія на счетъ столкновенія двухъ такихъ непреклонныхъ, гордыхъ и настойчивыхъ характеровъ, каковы у матери и у сына. Разговоръ этотъ веденъ живо и нисколько не утомляя зрителя, съ разу знакомитъ его какъ съ характерами, такъ и съ разными положеніями дѣйствующихъ лицъ.

Драма начинается свадьбою Андрея. Все кипитъ веселіемъ, старики разговариваютъ, играютъ въ карты; молодежь любезничаешь, танцуетъ... Бруно не интересуется ни одна изъ красавицъ, собравшихся на семейный праздникъ генеральши Мансфельдъ. Онъ нѣсколько занимается своей кузиною Сельмой, ребенкомъ пяти лѣтъ; ей онъ посвящаетъ все свое вниманіе, всѣ свои мысли; она одна въ состояніи покорить его настойчивый характеръ... Одно лице только не раздѣляетъ всеобщей веселости—это Андрей, виновникъ и герой праздника. Блѣдный, встревоженный, онъ бродитъ изъ одной залы въ другую, его мучитъ безпокойство, его терзаетъ совѣсть. Онъ израсходовалъ казенныя деньги; въ надеждѣ получить при свадьбѣ приданое своей молодой жены. Но онъ получить его только чрезъ недѣлю, на другой-же день назначена неожиданная ревизія. Андрей долженъ пополнить ввѣренную ему кассу, но гдѣ взять нужныя для того тысячу червонцевъ? Онъ не смѣетъ признаться матери, ему извѣстны ея понятія о чести. Строгая, неумолимая въ своихъ правилахъ, она не выручитъ и не пощадитъ его. Она увидитъ въ Андреѣ только преступника и сама предастъ его всей строгости законовъ. Въ такомъ положеніи встрѣчаетъ его Бруно. Андрей признается во всемъ брату и на колѣняхъ молитъ о помощи. Бруно увлекается положеніемъ своего брата, плачетъ съ нимъ вмѣстѣ, но не имѣетъ средствъ пособить его горю. Вдругъ отчаянная мысль мелькнула въ его душѣ. Я единственный сынъ и наслѣдникъ, говоритъ онъ: что принадлежитъ матери моей, принадлежитъ и мнѣ. Я возьму изъ кассы эти деньги, а тамъ, послѣ праздника скажу матушкѣ, что я ихъ взялъ. Время дорого, каждая минута приближаетъ гибель брата. Бруно схватываетъ канделябръ и бѣжитъ въ кассу...

Андрей спасенъ. Деньги въ его рукахъ; самъ Бруно провожаетъ брата до города. Во время его отсутствія воровство, произведенное въ кассѣ, обнаруживается. Подозрѣніе падаетъ сначала на конторщика, но

по тщательному изслѣдованію открываются другіе слѣды. Преступникъ, — Бруно! Онъ возвращается, мать встрѣчаетъ его съ упреками, хотя онъ откровенно во всемъ сознается. Она требуетъ отъ него публичнаго оправданія конторщика, гордость Бруно возстаетъ противъ этого униженія. Мать проклинаетъ своего сына.

Проходятъ пятнадцать лѣтъ. Генеральша оставила свой замокъ, напоминающій ей неблагодарнаго и преступнаго сына, имя котораго никто не смѣетъ произнести въ ея присутствіи. Андрей уже президентъ, Стефанъ живетъ съ матерью, но, прежній мизогинъ женился на рѣзвой и хорошенькой Францискѣ. Несчастія и горести не измѣнили генеральши. Волоса ея посѣдѣли, здоровье пострадало, но она все еще та же упорно-настойчивая женщина. Ея растерзанное сердце ищетъ любви, привязанности, и она находитъ эти чувства въ Францискѣ и Сельмѣ, которая также при встрѣчѣ съ послѣднею въ Ромильи замѣтила страшное волненіе, которое ему едва только удается скрыть отъ окружающихъ его любопытныхъ взоровъ. Начинается разговоръ о причинахъ, могущихъ заставить свѣтскаго человѣка искать уединенія и отрѣченія отъ свѣта. Ромильи, встревоженный, называетъ раскаяніе, и, увлеченный волненіемъ, разрисовываетъ всѣ оттѣнки этого томительнаго чувства. Слова Ромильи сильно дѣйствуютъ на генеральшу; она приходитъ въ безпокойство, встаетъ и поспѣшно удаляется въ свои покои. Но слова эти не прошли даромъ, онѣ отозвались въ сердцахъ Сельмы и Стефана, которые живутъ съ нею. Генеральша продала свой старый замокъ, въ которомъ преждевременно схоронила свое счастье и покой. Новый владѣлецъ замка португалець, графъ Ромильи, уже три недѣли какъ поселился въ помѣстьи, и во всей окрестности только и разговоровъ, что объ немъ. И въ-самомъ-дѣлѣ, Ромильи вполне заслуживаетъ вниманіе сосѣдей. Мрачный, дикій, угрюмый, онъ удаляется отъ всякаго общества, избѣгаетъ встрѣчъ и ищетъ развлеченій только въ глуши лѣсовъ. Случай сближаетъ его съ Сельмой. Обвороженный милой невинностью этой дѣвушки, онъ машинально слѣдитъ за нею и является въ семейный кругъ генеральши Мансфельдъ. Его узнали: это Бруно, несчастный, изгнанный, проклятый сынъ генеральши Мансфельдъ! Онъ возвратился съ намѣреніемъ вымолить у матери прощеніе или умереть у ея ногъ. Увы! надежды мало: никто не рѣшается заговорить съ генеральшей объ ея сынѣ. Наконецъ Сельма принимаетъ это на себя и рассказываетъ ей будто-бы видѣнный ею сонъ, въ которомъ очень удачно сначала намекаетъ, а потомъ и говорить о бѣдномъ изгнанникѣ. Встревоженная генеральша уходитъ въ свой кабинетъ, запирается и предается отчаянію. Здѣсь, вдали отъ людей обнаруживаются всѣ ея чувства. Она плачетъ надъ судьбою отверженнаго

сына, она терзаетъ, мучить себя, но не прощаетъ,—онъ преступникъ. Между-тѣмъ Стефанъ уведомилъ Андрея о возвращеніи брата. Извѣстіе это повергаетъ настоящаго виновника на смертный одръ, и онъ посылаетъ къ матери письмо, въ которомъ сознается во всемъ и оправдываетъ Бруно, увлеченнаго состраданіемъ и любовью къ брату. Франциска рѣшается передать это письмо матери, и разными ухищреніями и ласками смягчаетъ ея гнѣвъ и вымалливаетъ у нея прощеніе Бруно, который наконецъ является самъ и получаетъ благословеніе матери и руку Сельмы.

Вся пьеса ведена съ большимъ искусствомъ, въ ней нѣтъ эпизодическихкихъ вставокъ, до которыхъ нѣмцы такіе охотники, напротивъ, каждая сцена служить объясненіемъ событій, и естественно вытекаетъ изъ цѣлага. Исполнена она была превосходно. Въ особенности же хорошъ былъ г. Орловскій въ роли Бруно и г-жа Орловская въ роли генеральши Мансфельдъ. Последняя даже обнаружила въ этомъ случаѣ много истиннаго, свѣжаго таланта. Она возбуждала сильное сочувствіе въ сердцахъ зрителей.

Также хороши были г. Брюнингъ въ роли Стефана и г-жа Брюнингъ 2-я въ роли Франциска. Эти артисты прекрасно поняли заданные имъ характеры и не упустили ни малѣйшаго оттѣнка при переходахъ отъ веселости къ серіозному, отъ наивности и безпечности къ пафосу. Г. Толлертъ сдѣлалъ изъ роли Андрея все, что могъ и даже больше, но лицо это, столь значительное для хода, завязки и развязки пьесы, не имѣетъ никакой важности на сценѣ, гдѣ появляется только въ первомъ дѣйствіи. Г-жа Граффъ, въ роли Сельмы напоминала игрою своею старую нѣмецкую сценическую школу, отличающуюся изысканностью и всякаго рода натяжками и рисованьемъ. Притомъ и самыя лѣта г-жи Граффъ уже нейдутъ для наивныхъ ролей,—для каждаго артиста наступаетъ эпоха, когда онъ долженъ измѣнить занимаемое имъ амплуа, и, со всемъ уваженіемъ къ заслугамъ талантливыхъ артистокъ, мы не можемъ не выразить желанія увидѣть отъ нихъ еще заслугу—важную и очень значительную для женщинъ, именно, оставленіе наивныхъ ролей въ пользу молодыхъ, талантливыхъ артистокъ.

Кромѣ этихъ двухъ пьесъ шли еще многія другія, изъ которыхъ самыя замѣчательныя: *Der Muttersegen* и *Die Dame von St. Tropez*.

Мы не распространяемся о содержаніи этихъ двухъ драмъ, извѣстныхъ у насъ каждому подъ названіемъ *Материнское благословеніе* и *Клара д'Обервиль*. Вообще эта пьеса идетъ у нѣмцевъ сухо, безжизненно, безцвѣтно, и отчетливая игра гг. Горнике въ роли Коссада и Мора въ роли нотариуса нѣсколько оживляютъ ее.

Совершенно другое впечатлѣніе произвела пьеса *Der Muttersegen* (Материнское благословіе). Признаемся, ни одна артистка послѣ г-жи Альберъ такъ не удовольствовала насъ въ роли Маріи, какъ г-жа *Лина Гейфферъ*. Она умѣла передать это лице со всею ее характеризующей простотою и нѣжностью. Но вершины совершенства доставила она въ послѣднемъ дѣйствіи, въ сценѣ возвращенія Маріи на родину, гдѣ, встревоженная звуками родной пѣсни, пропѣтой ея матерью, она, пробужденная изъ своего усыпительнаго положенія, мало-по-малу приходитъ въ себя, узнаетъ окружающіе предметы и съ раздирающимъ крикомъ бросается въ объятія матери. Все это передано было такъ живо, такъ натурально, что зритель забывалъ, что онъ въ театрѣ, а думалъ присутствовать при дѣйствительной сценѣ соединенія дочери съ родителями: Савоярдская пѣсня и пляска 3-го дѣйствія также были исполнены ею прекрасно. Упомянемъ еще о г. Замтѣ (Пьеро), трогавшемъ зрителей своею простой привязанностью, мѣстами доходившею до высоко-драматическаго чувства, и о г-жѣ Замтѣ, выдержавшей превосходно отъ начала до конца трудную роль вѣтренной, но добродушной Шоншонъ.

Излишне говорить о пьесахъ каковы: «*Narische Leute*» (смѣшные люди) и «графъ Бурскинъ»; онѣ пишутся для разъѣзда, хотя и довольно странно писать такія пьесы въ трехъ дѣйствіяхъ, какъ это случилось въ графѣ Бурскинѣ. Отчетъ о другихъ пьесахъ оставляемъ до слѣдующаго раза.

В—ВЪ.

III.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ.

Письмо фельетониста въ деревню, о миновавшемъ зимнемъ сезонѣ.—Званые вечера, балы, маскарады, зрѣлища, утреннія и вечернія, въ театрахъ и внѣ ихъ.—Безпрерывныя развлечения въ городѣ и за городомъ.—Увеселительныя и благотворительныя аукционы, ярмарки и лоттерей.—Небывалое у насъ раннее лѣто, и ужинъ съ приправою стиховъ.—Сырная недѣля, балаганы и нѣмецкая масляница.—Анекдоты.—Атласное домпно и черный фракъ среднихъ лѣтъ.—Долгъ, уплаченный пріятно, и долгъ вовсе неуплаченный, или средство изготавиться къ отъѣзду.—Еще кое-что и роздыхъ.—Чтеніе и размышленія.—Новѣйшее искусство и голландскій червонецъ; послѣдняя копѣйка и остальное слово.

Наконецъ я отдыхаю, вмѣстѣ съ утомленнымъ большинствомъ свѣтскихъ людей, хотя я не изъ числа ихъ, и сверхъ того былъ лицомъ

не дѣйствующимъ, а только равнодушнымъ зрителемъ и невольнымъ наблюдателемъ, потому что нельзя же не видѣть того, что совершается окрестъ насъ, въ чемъ, болѣе или менѣе, и самъ принимаешь участіе, кружась въ этомъ ослѣпительномъ, вихрѣ задѣваемый и несомый имъ по общей дорогѣ, усыпанной цвѣтами, натуральными и фальшивыми или, такъ называемыми, искусственными...

Да, въ-самомъ-дѣлѣ, если тебѣ угодно, Петербургъ порядочно утомился съ тѣхъ поръ, какъ услышалъ впервые соловьиныя трели г-жи Де-ла-Гранжъ, и классическія тирады всевозпрославленной Рашель, т. е. съ тѣхъ незабвенныхъ дней минувшаго года, когда рѣзкій осенній вѣтеръ пахнулъ въ грудь нашу, и чистый, дѣвственный снѣгъ покрылъ избитую лѣтними экипажами мостовую. На сколькихъ вечерахъ и балахъ мы отплясали, сколько бѣлыхъ и палевыхъ перчатокъ потратили для посѣщенія Большаго и Михайловскаго театровъ, раутовъ, танцевальныхъ вечеровъ, музыкально-драматическихъ утръ, происходившихъ въ публичныхъ и частныхъ залахъ, и по разнымъ другимъ, болѣе или менѣе пріятнымъ случаямъ, каковы дни чужихъ именинъ и рожденій, въ которые обыкновенно устаешь до смерти! Начиная съ перчатокъ, весьма важнаго условія, потому что онѣ, по чьему-то остроумному выраженію, — экипажъ пѣшехода, надѣюсь, ни кому не бросаю перчатку, а тѣмъ менѣе тебѣ, мой взыскательный и степенный деревенскій другъ, напрасно привыкшій смотрѣть на развлечения столичныя какъ на нѣчто будто-бы излишнее, черезъ-чуръ изощренное, и, по-твоему стоическому приговору, ведущее лишь къ бесполезной тратѣ времени и денегъ, изъ коихъ первое никогда не возвращается, а послѣднія приобрѣтаются не легко. Ты ошибаешься, рѣшительно ошибаешься, мой строгій Сенека, вѣчно воюющій съ понятіями Эпикура и педантически требующій отъ жизни только «дѣльнаго», важнаго, или собственно-практически полезнаго. Какъ новый Валленштейнъ, ты, кажется, желалъ бы согнать съ устъ человеческихъ улыбку, одно изъ прекраснѣйшихъ отличій человека отъ всѣхъ другихъ живыхъ существъ, прекрасную нашу землю населяющихъ, — хотѣлъ бы, статья можетъ, всѣ молодые и старыя лбы украсить глубокими морщинами, въ замѣнъ густыхъ кудрей, натуральнѣйшихъ париковъ, накладокъ, завивокъ или иныхъ украшеній современнаго искусства, а красавицъ заставить неумолимо насушить брови и читать Канта, вмѣсто Бальзака, Леона-Гозлана, Шарля-Бернара и г-жи Дюдеванъ. Увѣрься и сознайся, мой запоздалый философъ, что цвѣтъ просвѣщенія и гражданственности не соленые огурцы и не цвѣтная капуста, которая произрастаетъ у тебя въ изобиліи. Я самъ очень люблю ее, — но это не мѣшаетъ мнѣ любить розы, камеліи, далии, и

оставаться при убѣжденіи, что все дѣльное, важное и практическое суть средства, предназначенныя для единой цѣли, а именно, чтобъ люди были безукоризненно счастливы и пользовались позволительными наслажденіями. Изящныя удовольствія столицъ — это сокъ, эссенція, выжимки, сливки жизни. Опера, балетъ, драма, веселый водевиль и полная страстей трагедія; удобный, роскошный домъ, красивая и комфортабельная мебель, картины, статуи и статуэткі, бронза, хрусталь и мраморъ, въ мастерской отдѣлкѣ; собственный туалетъ нашъ, избранная библіотека, карета на лежачихъ рессорахъ и орловскіе рысаки, широкія улицы съ каменными тротуарами, берега рѣки и каналовъ, укрѣпленные гранитомъ, — короче, все, что зовутъ внѣшностью, обстановкою или прихотью, — все это результаты труда, науки, искусства, образованія, все это преуспѣяніе, совершенствованіе — мрачная лачуга и рубище, угрюмость и печальное въ жизни — хороши только въ поэтическихъ описаніяхъ, а отнюдь не въ приложеніи, которое хотя и «практическое», но не представляетъ ничего утѣшительнаго и отраднаго... Не говорю уже о торговлѣ, промышленности, ремеслахъ, которыя тѣмъ болѣе процвѣтаютъ, чѣмъ болѣе развиты утонченныя потребности жизни и быта въ высшемъ и среднемъ сословіяхъ.

Что касается Петербурга, онъ столько трудится, работаетъ, столько дѣлаетъ дѣльнаго и полезнаго, во всѣхъ отношеніяхъ, что ему, право, можно дозволить хотя шестую часть сутокъ, то-есть, часа три или четыре отдавать отдыху, развлеченію. Онъ это давно смекнулъ, понялъ и не разсуждаетъ, подобно тебѣ, о томъ, что просто рѣшается здравымъ смысломъ и необходимостью. Подумай, если неизбѣжно на долю суточного сна отмежевать семь или восемь часовъ, десять или двѣнадцать благородно потрудиться, — не приобретаемъ ли мы всего законнаго права остатокъ вечера посвятить художественному удовольствію, которое не допускаетъ засушиться нашему мозгу, увянуть сердцу и зачерствѣть бѣдной душѣ, просящимъ возвышенной мысли, теплаго чувства, порою отвлеченнаго созерцанія и крылатой мечты... Вѣдь и самъ ты ѣдешь иногда къ сосѣдямъ на преферансъ, задаешь пиры у себя, гурцуешь въ отъѣздѣмъ полѣ и упиваешься запахомъ полей въ красныя дни лѣта, которое у насъ на сѣверѣ такъ кратковременно, а порою и ненастно...

Ты говоришь (я отвѣчаю почти по пунктамъ на послѣднее твое письмо), что мы развлекаемся не по вечерамъ только. Извини: до полудня, Петербургъ пишетъ, размышляетъ, непременно что-нибудь да дѣлаетъ; большинство трудится и долѣе, гораздо за полдень, до трехъ, четырехъ, и даже до пяти часовъ, по мѣрѣ надобности, то-есть, вплоть

до объѣда, равномерно, въ свою очередь, плотнаго. Утреннія развлече- нія у насъ рѣдкость, исключеніе, и никогда они не начинаются раньше часа или двухъ, и опять—таки большинство не принимаетъ въ нихъ по- стояннаго участія. Это «обязанность» болѣе свободныхъ, произвольнѣе располагающихъ временемъ свѣтскихъ людей, которые, пожалуй, могутъ не пропускать ни одного замѣчательнаго утренняго концерта, или ка- кого—нибудь иного увеселительнаго утра... Отселѣ, послѣ маленькаго предисловія, непосредственно приступаю къ требуемой тобою хроникѣ...

Особенныхъ, исключительныхъ утрѣ въ истекающую зиму было у насъ нѣсколько: но составъ ихъ не слишкомъ разнообразился — пѣли итальянцы, читала какую—нибудь сцену все она же, все Рашель, а какъ не мало еще оставалось такихъ недосужихъ диллетантовъ, которымъ не довелось ранѣе побывать ни въ оперѣ, ни въ Михайловскомъ театрѣ, то они пользовались случаемъ, безъ большихъ издержекъ, заразъ по- слушать и болѣшую часть лучшихъ итальянскихъ пѣвцовъ, (съ пѣвицами, разумѣется), и знаменитую трагическую актрису. Замѣчательнѣй- шее изъ подобныхъ утрѣ происходило 3-го января, въ залѣ Дворян- скаго Собранія. Она была биткомъ набита цвѣтомъ петербургскаго об- щества, представляя собою настоящей зимній садъ, будь сказано не въ укоръ носящему теперь это названіе не въ переносномъ смыслѣ. На- чалось въ часъ, кончилось въ пятъ. Пѣли Де-ла-Гравжѣ, Лаблашъ и проч., но публика преимущественно рукоплескала названнымъ. А когда дошло до Рашели, она разыграла извѣстную сцену объясненія Маріи Стюартъ съ Елисаветою. Вообще артистки и артисты, помогавшіе Ра- шели какъ въ это утро, такъ и въ другія, равно и на сценѣ Михай- ловскаго театра — ибо это всегда были одни и тѣже — отнюдь ей не помогали, а болѣшею—частью все портили: за то замѣтнѣе, ярче сіяло дарованіе самой Рашели, быть можетъ, между прочимъ, и рассчитавшей на этотъ усиленный эффектъ, для произведенія котораго не нарочно ли окружила она себя столь посредственною труппою? Увы, на долю всѣхъ великихъ, рельефно выдающихся талантовъ, выпа- даетъ злорѣчіе, сыплются отрицательные выводы: но о Рашели столько уже наговорено, написано и за границей, и у насъ, pro и contra, что вся- кое новое слово, въ пользу и непользу ея, было-бы лишь возобнове- ніемъ старыхъ или извѣстныхъ приговоровъ. Тебѣ-же на ушко ска- жу, что для меня, «лично», въ самомъ голосѣ ея, въ его органѣ, есть что-то необыкновенное, какъ-то особенно, музыкально звучащее, не смотря на густоту его и даже нѣкоторую не женственную грубость. Когда слышишь этотъ голосъ *впервые*, невольно сознаешься, что, кажется, пре- жде не слыхалъ подобнаго. Не перехожу къ вопросу о степени естествен-

ности ея игры. О ней надобно говорить много, или ничего не говорить. да впрочемъ на то есть другіе спеціальныя отдѣлы въ Пантеонѣ. Въ послѣдніе годы поднялся и страшно свирѣпствуетъ вопросъ о «натуральности» въ искусствѣ, или о вѣрномъ, точномъ подражаніи природѣ: но дѣло въ томъ, что еще не объяснили окончательно, въ какой мѣрѣ *возможна* эта точность. Рѣчь письменная всегда будетъ нѣсколько отличаться отъ свободной, не подготовленной, изустной—точно также актеръ на помостахъ театралныхъ и человѣкъ въ живомъ дѣйствіи, во всѣдневныхъ и чрезвычайныхъ положеніяхъ жизни—никогда, какъ мнѣ, по-крайней-мѣрѣ, кажется, не дойдутъ до совершеннаго, безразличнаго между собою сближенія,—*поглику* одно есть дѣйствительная, случайная натура, а другое—систематическое лицемѣріе, лицедѣйство, *притворство*, если можно такъ выразиться, лѣнясь придумать, болѣе соответственное выраженіе. Но вотъ чего собственно оспаривать не стану — несомнѣнной истины, заключающейся въ правилѣ, что искусство, «*по возможности*», должно приближаться къ натурѣ.

Съ своею положительностью, ты, угадываю, надѣлалъ-бы пропасть замѣчаній на игру Рашели, и все-таки кончилъ-бы тѣмъ-же, чѣмъ кончали и кончаютъ строжайшіе изъ ея критиковъ, т. е. порѣшеніемъ, что, какъ-бы то ни было, въ созданномъ ею ново-классическо-романтическомъ родѣ исполненія старинныхъ, заброшенныхъ до нея трагедій — у нея нѣтъ покамѣстъ торжествующихъ соперницъ...

А что она у насъ вполне торжествовала и «лавромъ повила античное чело»—это фактъ. Газеты, «естественно», предупреждаютъ журналы, и ты, выписывающій тѣ и другіе, разумѣется, надѣленъ уже достаточными свѣдѣніями о ея громкихъ триумфахъ, прощаніи съ Петербургомъ, проходахъ въ Москву, съ приложеніемъ множества исторіекъ и анекдотовъ, болѣе или менѣе достовѣрныхъ, разсказовъ о сюрпризахъ и чествованіяхъ, которыми ее осыпали ея поклонники. Я ей тоже низко кланяюсь, и хотя весьма не трудно было-бы громадными ея успѣхами наполнить цѣлое письмо-тетрадь, для разнообразія перехожу къ другимъ предметамъ, помимо театралныхъ...

Виновать... два, три слова о г-жѣ Де-ла-Гранжъ, такъ какъ ты, при всей своей прозѣ, очень любишь пѣніе... соловьевъ... а она, сколько извѣстно, по увѣреніямъ ученой музыкальной критики, одинъ изъ нихъ, и притомъ одинъ изъ прелестнѣйшихъ...

Не входя въ тонкости и подробности или въ художественную оцѣнку игры и пѣнія г-жи Де-ла-Гагранжъ—дѣло театралныхъ фельетонистовъ, нельзя не сознаться, что если роль первой лъвицы минувшаго сезона

принадлежала Рашели, нумеръ второй, по всей справедливости, выпалъ на долю нынѣшней нашей примадонны...

Опять вижу и слышу... на холодныхъ, ироническихъ устахъ твоихъ, шевелится насмѣшливая отповѣдь. Ты говоришь, т. е. думаешь, читая эти строки: «знаемъ мы васъ, петербуржцевъ, постоянныхъ диллетантовъ, и сами нѣкогда были въ числѣ ихъ. Помню время, лѣтъ около двадцати тому (ахъ, Боже мой, какъ быстро летать они, эти неуловимые годы!), когда юноши и старички сходили съ ума отъ Маріи-Таліони... потомъ смѣнили ее у васъ Фанни-Эльснеръ и Карлота-Гризи, имѣвшія также своихъ восторженныхъ почитателей, забывшихъ первообразъ истинной Сильфиды, которая, казалось, съ несравненно граціей и дѣвственностью, порхала въ облакахъ, а не на землѣ... Не буду припоминать, или исчислять всѣхъ, потому-что я не охотникъ до реестровъ и номенклатуры... Однакожъ, какъ не назвать Рубини, Тамбурини, Марію, Пасты, Каталани, Зонтагъ, Гейнефеттеръ, попеременно вдохновлявшихъ панегиризмъ воспримчивыхъ фельетонистовъ, столь, въ ихъ очередь, переменчивыхъ въ своихъ увлеченіяхъ и привязанностяхъ. Чтѣ Паста, Каталани, Зонтагъ? Это древняя исторія! Давно-ли... вотъ, ужъ подлинно не скажешь: «сколько лѣтъ, сколько зимъ?»—потому-что, въ самомъ дѣлѣ, такъ недавно было, чуть не вчера, то-есть, запрошлую и прошлую зиму... Я говорю о Джуліеттѣ Гризи и Віардо-Гарціи, о которыхъ нынче вовсе не говорятъ, или говорятъ вскользь, равнодушно, почти нѣхотя, намекая, что одна перешла за рубежъ возраста и условій сценическаго обаянія, другая будто бы утратила свѣжесть голоса... только-что не вымолвятъ—просто спала съ него, когда между тѣмъ одну словно видишь и слышишь еще Лукреціей и Нормой, и, мнится, повторяются еще въ очарованномъ слухѣ сладостные, симпатическіе звуки другой...»

Не правда ли, я довольно искусно тебя передразниваю, и за это одолженіе, прошу позволенія откровенно сказать тебѣ, что ты во второй и въ третій разъ не правъ съ своею неумѣстною жалобою, съ своими несправедливыми укоризнами. Очень понятно, что все на свѣтѣ такимъ порядкомъ чередуется. Иначе и быть не можетъ, такъ было, есть и будетъ всегда, хотя это очень прискорбное убѣжденіе. Увядшіе, засохшіе цвѣты, естественно, не издають благоуханія, и все, что можетъ сдѣлать для нихъ благодарное воспоминаніе, оно дѣлаетъ—закладывая ими любимыя страницы давно прочитанной и изученной книги... если угодно, чтобъ я расплодиль сравненіе, пожалуй, прибавлю, что отцвѣтающая и польбующая красавица теряетъ половину своихъ вздыхателей, устарѣвшій, исписавшійся авторъ двѣ трети читателей—

короче, все переходчиво — самыя воздушныя ножки перестаютъ наконецъ двигаться, и любое соловьиное горлышко нѣмѣтъ напоследокъ. Помнишь ли, нѣсколько лѣтъ или зимъ тому, въ послѣднюю твою побывку въ Петербургѣ, какой-то проказникъ, въ одно представленіе Донъ-Жуана, шепталъ намъ, въ креслахъ:

Донъ-Жуанъ немного старъ,
Донна Анна толстовата,
Какъ трактирный самоваръ,
А Церлина суховата —
Станъ преплоскій, какъ доска,
И къ чаоткѣ ужъ близка...

Теперь и слѣдъ простылъ всѣхъ этихъ персонажей — «однихъ ужъ нѣтъ, другіе странствуютъ далече», какъ Сади нѣкогда сказалъ, и надобно имѣть довольно отчетливую театральную память, чтобъ не ошибиться, на кого именно сплетены были эти партерныя вирши.

Обращаясь къ настоящему, и собственно къ г-жѣ Де-ла-Гранжъ, не могу не пожалѣть, что ты, полѣнившись прокатиться по желѣзной дорогѣ, добровольно лишилъ себя высокаго удовольствія послушать высокія, изумительныя нотки нашей новой примадонны. Впрочемъ, это наслажденіе еще не совсѣмъ ушло отъ тебя: она въ теченіе поста будетъ въ Москвѣ, а на сезонъ петербургскій 1854—1855-го вновь ангажирована. 7-го февраля необыкновенная пѣвица эта избрала въ бенефисъ свой именно «Пуританъ». То было полное, исключительное торжество ея, уже ни малѣйше не нарушаемое присутствіемъ Рашели. Я не буду говорить о рукоплесканіяхъ, букетахъ, вызовахъ: я сожалею, что о нихъ такъ часто говорятъ и другіе, понимающіе всю цѣну этихъ дешевыхъ выраженій одобренія; хочу сообщить тебѣ лишь о букетѣ, дѣйствительно цѣнномъ...

Между камелій, столько модныхъ,
Горѣлъ въ браслетѣ изумрудъ —
Даръ диллетантовъ благородныхъ,
Изящный ювелира трудъ...

Папа-Лаблашъ долженъ былъ воздѣтъ его на руку бенефициантки: но костюмъ почтеннаго артиста помѣшалъ ему съ ловкостью исполнить это, и онъ ограничился врученіемъ ей прелестной вещицы, заказанной на деньги, собранныя по подпискѣ.

Во второмъ актѣ, г-жа Де-ла-Гранжъ предстала многочисленной публикѣ съ подаркомъ, несравненно болѣе лестнымъ: грудь счастливой артистки украшалась великолѣпною бриллиантовою брошкой — подаркомъ цар-

ственнымъ, драгоценнѣйшимъ знакомъ всемілостивѣйшаго вниманія Ея Величества Государыни Императрицы...

Спектакли, утреннія музыкально-драматическія собранія, балы, маскарады, поѣздки за городъ, въ Екатеринбургъ, Дарданъ, Монилезиръ, гдѣ затѣвались шкеники, катанья съ горъ, на конькахъ и въ креслахъ, раздавалось цыганское пѣніе, ломались эквилибриты, гимнастики, показывали фокусы разные штукари (зрѣлища для невзыскательной части горожанъ),—все это еще не составляло итога безпрерывныхъ и безконечныхъ развлеченій минувшаго сезона. Чтобъ веселье его было совершенно безукоризненное и не бесполезно тѣмъ, которые не имѣютъ средствъ веселиться,—по примѣру прошлыхъ лѣтъ, разныя филантропическія заведенія учреждали забавы, чрезвычайно пріятныя, по составу своему, для большинства публики, и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣвшія прямую, непосредственную цѣлю ошутительное вспомошествованіе бѣднымъ. Не буду исчислять всѣхъ представленій, данныхъ съ этимъ прекраснымъ, благотворительнымъ побужденіемъ: число ихъ свидѣтельствуетъ о всеобщемъ влеченіи столицы нашей къ добру, къ христіанскому милосердію. Артисты русскіе и заѣзжіе съ чистосердечнымъ удовольствіемъ принимали участіе въ этихъ учрежденіяхъ и дарованіями своими безкорыстно способствовали успѣху благаго дѣла. Укажу лишь на главнѣйшія, устроенныя Обществомъ Посѣщенія Бѣдныхъ, въ пользу призраемыхъ имъ неимущихъ. Объ одномъ уже выше упомянуто (музыкально-драматическое утро 3-го января). Другое было балъ, происходившій 9-го февраля, въ Благородномъ Танцевальномъ Собраніи, при двухъ оркестрахъ музыки и съ безпроигрышною лоттереей, въ числѣ выигрышей которой находились столовые бронзовые часы, кандеябры, чайный сервизъ, дорожные несессеры, бронзовыя, фарфоровыя, галантерейныя и разныя кабинетныя и туалетныя вещицы. Последнія, какъ на примѣръ, бумажники, портмоне, сигарочницы и т. п., разумѣется, не могли быть дорогой цѣны, потому что, въ противномъ случаѣ, сборъ не многимъ-бы превышалъ издержки на покупку вещей для лоттереи, тѣмъ болѣе, что каждый билетъ ея выигрывалъ, хотя бездѣлицу, предоставляя, за 3 руб. сер., право бесплатнаго входа на балъ съ дамою. Лоттерея разыгрывалась во время самаго бала и тутъ же раздавались выигрыши. Портреты, бюстики, статуэтки Рашели красовались здѣсь въ преобладающемъ множествѣ и, стало, многочисленныя ея почитатели были вполне удовлетворены. И если судить по тому, какъ они тѣснились у кассы, помѣщавшейся въ одной изъ роскошныхъ залъ собранія, слѣдовало заключать, что всѣ жаждали овладѣть однимъ изъ подобныхъ изображеній великой трагедіантки, болѣе или менѣе похожимъ...

Третье и блистательнѣйшее благотвореніе, «*безпроигрышная лоттерея, аукціонъ и ярмарка въ пользу немощныхъ, призрѣаемыхъ Обществомъ посвещенія бѣднѣхъ*», доставило имъ обильный сборъ. Лоттерея эта развигривалась въ великолѣпныхъ залахъ барскаго дома княгини Юсуповой, и дамы высшаго круга принимали на себя обязанность продавиць, помѣщаясь въ прекрасно устроенныхъ лавочкахъ, подъ общимъ названіемъ *базара* или *ярмарки*. Въ срединѣ, между ими, возвышалась пирамида серебряныхъ вещей, походившая на каскадь, а между роскошными колоннами красовались двѣ избушки, швейцарская и наша русская, съ изящными игрушками, которыми восхищались дѣти и любовались взрослые. Долго было бы рассказывать о вѣсѣхъ дорогихъ и прелестныхъ предметахъ, составлявшихъ эту богатую, изысканную лоттерею, или подробно описывать щегольскую декоративную часть выставки ихъ, съ большимъ вкусомъ исполненную архитекторомъ Н. И. Водовымъ: кто не видалъ собственными глазами, тому описаніе всего не скажетъ! Эпитеты «волшебнаго, фантастическаго» сыпались изъ устъ многочисленныхъ посѣтителей и изъ-подъ перьевъ фельетонистовъ. Какъ хорошо, напримѣръ, удовлетворяло своему поэтическому назначенію роскошное огромное зеркало, поставленное въ концѣ залы, и оптическимъ обманомъ отражавшее словно другую, такую-же залу потому-что было эффектно замаскировано темною зеленью, и въ самомъ-дѣлѣ могло обмануть съ перваго взгляда. При вечернемъ освѣщеніи превосходными лампами Штанге, залы представляли плѣнительную картину или зрѣлище, будто заимствованное воображеніемъ изъ сказокъ Шехеразеды. Благотворительный праздникъ этотъ, при звукахъ музыки, продолжался съ 12 по 16-е февраля включительно—однако жъ вполнѣ все разсмотрѣть и вдоволь насмотрѣться очарованные гости не успѣли...

Короче, Петербургъ находился въ большомъ затрудненіи касательно выбора развлеченій, недоумѣвая которое предпочесть, которое «волшебнѣе» и «фантастичнѣе». Нельзя было съ достовѣрностью ручаться, что попадешь именно туда, куда отправляешься, не обольщенный на пути какою-нибудь новою приманкой. Нѣчто подобное, и не слишкомъ давно, случилось съ твоимъ покорнѣйшимъ слугою. Въ одинъ прекрасный вечеръ, какъ говорятъ въ романахъ, а по правдѣ сказать, въ вечеръ довольно вѣтряный, съ полумокрымъ снѣгомъ и нерѣшительною изморозью, проходилъ я Большой-Морской, по-обыкновенію, задумавшись о суетѣ мірской, которую, признаться, страшно люблю. Вотъ, у одного дома вѣтеръ неловко пахнулъ на меня и невольно заставилъ повернуть голову въ сторону къ воротамъ. Вижу во дворѣ какое-то странное, необыкновенное зданіе, и, по свойственному роду человѣческому

любопытству, вхожу въ ворота, потомъ въ зданіе, и что же?—очутлся вдругъ въ саду, теплою, какъ душа юноши первой половины прошедшаго вѣка, покрытомъ стекляною крышею, съ фонтаномъ, распространяющимъ пріятную прохладу, и бассейномъ, въ которомъ плаваютъ рыба, разумѣется, живая, въ противномъ случаѣ, она не плавала бы... Стѣны, скамейки, садовые диваны, все повито зеленью, плещемъ, убрано цвѣтами, деревьями въ кадкахъ и тропическими растеніями въ горшкахъ...

Только птички не порхали,
Потому-что уже спали,
И изъ кухни боковой,
Да изъ ближняго буфета,
Запахъ неся спиртовой—
Рядомъ жарилась котлета...

Обошелъ я усыпанныя пескомъ дорожки, заглянулъ въ отдѣльные справа кабинетки съ каминными и разнымъ комфортомъ, поднялся на хоры, гдѣ предназначено играть музыкѣ, осмотрѣлъ верхніе слѣва покои, съ окошками, сквозь зелень, выходящими въ этотъ «зимній садъ», покойными покойчиками,

Гдѣ всякъ укрыться можетъ въ непогоду,
Обѣдать, ужинать вдвоемъ,
И созерцать поддѣльную природу
Въ часы вечерніе и днемъ...

вдохнувши, вспомнилъ настоящіе, густые, лѣтніе сады.

Въ теченіе сырной недѣли и нѣмецкой масляницы, одинъ досужій авторъ пренекусно сострипалъ съ десятокъ юмористическихъ стихотвореній, въ которыхъ подробно изображены гулянье подъ качелями и балаганные представленія: но я избавляю тебя отъ стихотворнаго и даже прозаическаго описанія этихъ предметовъ, ежегодно повторяющихся почти въ одномъ и томъ же видѣ, съ незначительными варьяціями, едва ли слишкомъ любопытными и въ натурѣ... Атлеты, жонглеры, вольтижеры, Рапо, Легаты, танцовки на канатѣ, плясуны по лѣстницамъ, панорамы, косморамы, діорамы, Замы съ своими тиграми, леопардами и гіенами, и т. п., - все это довольно знакомо каждому, а твоего особеннаго вниманія никогда не привлекало... народъ веселится на площади, застроенной досчатыми сараями, поетъ, щелкаетъ орѣхи и—на здоровьѣ ему... Свѣжая игра и блины были, по-обыкновенію, непомерно истребляемы... однакожъ,

не слышно, чтобъ кто-нибудь изъ порядочныхъ людей объѣлся, по-крайней-мѣрѣ, до смерти. Это доказываетъ улучшение нравовъ.

Среднее сословіе наслаждалось въ утреннихъ и вечернихъ спектакляхъ, встрѣчало разсвѣтъ въ маскарадахъ. Последніе были многолюдны и достаточно оживлены. Въ одномъ и мнѣ привелось быть, встрѣтить многихъ знакомыхъ и, въ числѣ ихъ, нашего стараго товарища. ***

Хотя онъ уже въ порѣ той поздней молодости, которую изъ учтивости зовутъ среднимъ возрастомъ, однакожъ не перестаетъ еще молодиться и влюбляться. Неистоимый дамскій угодникъ, онъ разоряется на браслеты, серьги и брошки. Частенько его водятъ за носъ, который у него, къ счастью, довольно длиненъ и немного еще потерпѣлъ отъ этихъ непріятныхъ проводовъ...

Онъ встрѣтился мнѣ одинокій, печальный, разсѣянный. На блѣдномъ лицѣ его выражались томительная тоска и безнадежное ожиданіе. Но одѣтъ онъ былъ съ строгою изысканностью; черный фракъ его бросался въ глаза своимъ безукоризненнымъ, или, какъ говорятъ въ повѣстьяхъ съ «шикомъ», англійскимъ покроемъ; вообще ловко соображенный туалетъ его и кое-какія вспомогательныя средства, что называется, скидывали лѣтъ пятокъ съ костей, а грустная задумчивость шла къ нему, къ его скромнымъ, всегда выдержаннымъ приѣмамъ...

Ты знаешь его откровенность и довѣрчивость. Небрежно брошеннаго, косвеннаго вопроса достаточно было, чтобъ все вывѣдать. Онъ покаялся въ новомъ своемъ увлеченіи, и съ увлеченіемъ говорилъ о предметѣ его, безпрестанно поглядывая на часы. «Она обѣщала сегодня быть здѣсь», прибавилъ бѣдненькій почти съ отчаяніемъ, потому-что ее не было, она не являлась. Нѣсколько разъ мы обошли залы кругомъ. Часовая стрѣлка старинныхъ часовъ въ боковой комнаткѣ, устланной ковромъ, показывала половину втораго. Пріятель нашъ блѣднѣлъ болѣе и болѣе, и съ какою-то болѣзненностью опустился на диванъ въ смежномъ зеленомъ покоѣ. Вдругъ одна дама отдѣлилась отъ толпы и подошла прямо къ намъ, то-есть, къ моему товарищу. Черное атласное домино тѣсно охватывало ее стройный, но довольно округленный станъ; бархатная полумаска отгнѣяла бѣлый и пѣкный подбородокъ и хорошенькія губки открывали острый жемчугъ маленькихъ зубовъ. Несчастный ожилъ, во всѣхъ чертахъ его изобразилась завидная радость — «Пойдемъ!» сказала она ему сладкимъ, пѣвучимъ голосомъ, подавая художественной формы руку, обтянутую узкою перчаткою, и они скрылись въ мелькавшихъ мимо группахъ. Черезъ часъ опять встрѣчаю злополучнаго. Одинъ и въ горести пуще прежняго. — «Бросила меня... уѣхала!» едва могъ онъ вымолвить трагическимъ шопотомъ... Онъ былъ жа-

локъ и смѣшонъ.—Милый, тебя, кажется, дурачатъ... издѣваются надъ тобою?... рѣшился я произнести невеликодушно. — «Дурачатъ, издѣваются! чуть не вскричалъ онъ, заскрипѣвъ зубами. — «Ты думаешь?... О, я жестоко отомщу за издѣвки!»

Воображаю, какъ онъ страшно отомститъ! При первомъ свиданіи, ему очаровательно улыбнется, злодѣйски пожмутъ руку, и онъ, упоенный, поскачетъ въ англійскій или парижскій магазинъ — кушитъ ей новую галантерейность...

Что еще сказать тебѣ? Едва ли, хотя мелькомъ, я не коснулся всего, что сколько-нибудь пережило минутные, дневные интересы, и такъ сказать, просилось въ отчетъ за послѣднее время. Ты, конечно, изумляешься такому небывалому еще отъ меня длинному письму, на нѣсколькихъ почтовыхъ листахъ. Отложи въ сторону свое простодушное удивленіе. Въ нашъ меркантильный вѣкъ изъ всего извлекаютъ пользу, даже изъ дружеской переписки: съ этихъ самыхъ листовъ, посредствомъ извѣстнаго снаряда, мгновенно снята копія, и отправлена въ типографію—настоящее посланіе ты найдешь цѣлкомъ въ февральской книжкѣ «Пантеона». Сознаюсь, что я поступаю совершенно «коммерчески»: но какъ быть? Время дорого, а жизнь человѣческая коротка, и, на этомъ основаніи, у меня ни одна строка не пропадаетъ...

Свадебъ было множество, но изъ нашихъ общихъ знакомыхъ почти никто не женился, и только почтенный ***, неожиданно и оригинально, выдалъ дочь свою за очень любезнаго молодого человека. Это сюжетъ для цѣлаго водевиля. Года три тому, *** ѣздилъ по дѣлу въ южныя губерніи, и, по обстоятельствамъ, принужденъ былъ занять тамъ у кого-то значительную сумму. Кредиторъ умеръ, и она, по наслѣдству, въ видѣ векселя, перешла къ сыну обязательнаго джентльмена. Тотъ, въ свою очередь, по дѣламъ-же, пріѣзжаетъ въ Петербургъ, и является за уплатою къ ***. У послѣдняго не оказалось тогда наличныхъ—но обошлось безъ нихъ: дочь его приглянулась пріѣзжему, и расчетъ быстро покончили—сынъ кредитора и должникъ обратились въ зятя и тестя, спустя какой-нибудь мѣсяць послѣ посѣщенія перваго...

Но тотъ же самый почтенный ***, на радостяхъ, попался въ просакъ, ссудивъ безъ расписки одного фата, весьма приличной наружности. Деньги взяты были на нѣсколько дней. Прошло нѣсколько недѣль, и о франтѣ ни слуху. Посылаютъ къ нему на квартиру — квартира пуста. Уѣхалъ изъ Петербурга... занявши такимъ же образомъ и у многихъ другихъ лицъ... на путевыя издержки! Разумѣется, что подобныя

продѣлки рѣдкость, исключеніе, и легко могутъ быть сочтены за вымышленный анекдотъ...

Еще легче могъ бы я переслать къ тебѣ, въ этихъ листкахъ, цѣлый коробъ разныхъ городскихъ анекдотовъ, истинныхъ и выдуманныхъ, еслибъ не торопился кончить, и приняться за дѣла, болѣе серьезныя, которыхъ у каждаго изъ насъ накопилось въ карнавальнѣй недосугъ. Послѣдній вечеръ масляницы провелъ я въ Александринскомъ театрѣ, куда увлекли меня послѣ обѣда въ «Зимнемъ Саду». Г-жа Леонова, очень мило пѣла въ интермедіи «Солдаты балагуръ или дружба дружбой, а служба службой», граціозно исполняя роль «Васи, круглаго сироты». Публика, съ высокимъ патріотическимъ одушевленіемъ, принимала сцены и куплеты, относившіеся къ воинской славѣ русскихъ, какъ въ названной интермедіи, такъ и въ драматическомъ представленіи: «Вѣсть о побѣдахъ и гость съ Кавказа»...

Два дня еще продолжались спектакли собственно для иновѣрцевъ, и нѣмецкая масляница заключилась нѣмецкимъ маскарадомъ, который никогда не бываетъ ни многолюденъ, ни оживленъ по-русски. Наконецъ все затихло и замолкло. Со второй недѣли поста начнутся неизбежные концерты; между разными виртуозами, будетъ отличаться, вѣроятно, г. Ковалини, на своемъ кларнетѣ, разыгрывая, не переводя духа, наитруднѣйшіе пассажи и сообщая этому инструменту звуки какъ-бы человеческого пѣнія. Въ концертѣ 31 января и въ спектакляхъ Большаго театра замѣчательный артистъ этотъ воспользовался самымъ благосклоннымъ одобреніемъ слушателей. Ожидаютъ, въ числѣ другихъ, молодаго піаниста Нейлисона, выгодно уже извѣстнаго петербургской и московской публикѣ. Съ 1852 года онъ путешествовалъ за границей, и, какъ увѣряютъ, много усовершенствовался подъ вліяніемъ Листа, лично его руководившаго... Что до меня, я не большой охотникъ до трудностей, трескотни и эффектовъ, и больше поклонникъ истиннаго искусства, въ прежнемъ его смыслѣ, совершенно раздѣляя на этотъ счетъ мнѣніе Фетиса, который отъ искусства требуетъ теплоты, сердечности и, не отрицая подражанія дѣйствительности, но подражанія условнаго, не преслѣдуетъ идеальнаго и мечтательнаго. Когда-нибудь подробнѣе поговоримъ съ тобою объ этомъ, потому-что мнимая натуральность и нехудожественная пестрота водворились въ наше время не только въ музыкѣ, живописи, ваяніи, но и въ литературѣ, въ поэзіи. Дружный усилъ ложнаго направленія въ новѣйшемъ искусствѣ вообще — ничего не доказываетъ. Вспомнимъ надпись на голландскомъ червонцѣ: «concordia res parvae crescunt» — союзомъ и слабыя вещи пріобрѣтаютъ силу... Осель Лорда Корнваллиса жилъ семьдесятъ лѣтъ: но онъ все-таки былъ осель...

Однакожь всѣхъ мыслей не развить вдругъ, какъ не перечесть всѣхъ новостей. Прощай. Въмѣстѣ съ большинствомъ, принимаюсь за серьезное чтеніе и строгія размышленія. Последнее слово, какъ послѣдняя копѣйка, должно быть дорого, вопреки общему мнѣнію, и я затрудняюсь, что сказать тебѣ напоследокъ. Будь здоровъ и пребудемъ оба вѣрны тому убѣжденію, которому слѣдовали отъ ранней молодости, до чего бы въ жизни оно ни касалось — самой ли жизни, искусства, важныхъ дѣлъ или цвѣтовъ. Истинно прекрасное — тихо, прочно, неувядаемо, и вѣчно благоухаетъ...

На этотъ разъ отчетъ нашъ о господствующей модѣ мы ограничимъ весьма не многими словами. Спектакли, балы, маскарады — все замолкло; масляница съ своей пестрой свитой промчалась, на улицѣ вѣетъ весной, какая-же тутъ мода! Но она скоро опять установится: съ первымъ ударомъ смычковъ, съ первыми трелями западныхъ соловьевъ, которыхъ между-прочимъ, къ намъ очень мало налетѣло на нынѣшній концертный сезонъ, — мода войдетъ въ свои права: доносить свои зимнія платья въ вечернихъ концертахъ, и блеснетъ своими весенними шляпками — въ утреннихъ. Обо всемъ этомъ мы дадимъ отчетъ своевременно.

Теперь пока познакомимъ нашихъ читательницъ съ главными модными костюмами нынѣшняго мѣсяца.

ПЕРВЫЙ НАРЯДЪ. (*Бальный*). Модная прическа, немножко растрепанная, съ незаплетенною косою вокругъ всей головы и уборкою цвѣтовъ за ушами. Юбка шелковая, съ четырьмя воланами, въ которые продернута довольно широкая золотая лента. Корсажъ открытый, кофта изъ тюль-illusion, съ широкими зубчатыми рукавами, отъ плечъ до локтя перехваченными маленькими атласными бантиками; низъ кофты также въ большихъ зубцахъ.

ВТОРОЙ НАРЯДЪ. (*Дѣтскій*). Бѣлая атласная шляпка. Въ срединѣ ея, отъ одного уха къ другому, черезъ всю шляпку лежитъ маленькое марабу изъ страусовыхъ перьевъ; поля украшены кружевами, назади большой бантъ. Мантилья бархатная, обшитая мѣхомъ. Платье того-же цвѣта, также бархатное, но безъ всякой отдѣлки. Оно такъ коротко, что изъ-подъ него видны — шитая гладью юбка и такіе-же панталончики. Камаша также бархатная, съ бѣлыми металлическими пуговками по бокамъ.

ТРЕТІЙ НАРЯДЪ. (*Для прогулокъ*). Шляпка бѣлая, атласная, съ длиннымъ перомъ черезъ всю тулью, и съ цвѣтами подъ полями. Платье изъ тяжелой шелковой матеріи, немножко на ватъ. Оно состоитъ изъ юбки въ четыре волана, и корсажа, вполне закрытаго, съ длинными и широкими рукавами. Каждый воланъ обшить полоскою плюша и подъ нею широкимъ чернымъ кружевомъ. Корсажъ напередѣ и рукава, въ три ряда, выложены также плюшемъ à la mousquetaire, и тоже обшиты кружевомъ. Подрукавники и воротничекъ кружевные.

ЧЕТВЕРТЫЙ НАРЯДЪ. Уборка головы изъ темной зелени. Платье бархатное, вышитое шелкомъ и стеклярусомъ. Лифъ греческій, напередѣ и назадѣ въ сборкахъ, схваченныхъ на груди двумя шелковыми петлями. Рукавчики короткіе, но пышные. Шемизетка, богато вышитая.

ПЯТЫЙ НАРЯДЪ. (*Бальный—paré*). Зачесанные назадъ волосы, украшены богато цвѣтами, которыхъ тонкія вѣтки спускаются до плечъ. Платье изъ гласе. Оно состоитъ изъ юбки и тюники. На юбкѣ восемь маленькихъ волановъ, обшитыхъ рюшемъ. Тюника кругомъ вырѣзана фестонами и также въ три ряда обшита рюшемъ, а съ лѣваго боку приподнята богатымъ букетомъ цвѣтовъ съ висячею отъ него зеленью. Корсажъ съ драпировкою и нашивками изъ рюша; на плечахъ и на груди букеты. На шеѣ никакихъ украшеній, на рукахъ браслетки изъ жемчугу. Перчатки бѣлыя, полудлинные.

МОСКОВСКИЙ ВѢСТНИКЪ.

Театръ.—Новыя пьесы: «Разставанье» г. Родиславскаго.—Музыка г. Дюча.—«Бѣдность не порокъ»—комедія г. Островскаго.—Бенефисы: Бороздиной, Львовоѣ-Синецкой, Ленскаго и Щепкина.—Домашніе спектакли.—Балы, маскарады, концерты.—Смерть сѣвернаго геркулеса.—Его біографія.—Пятисотлѣтіе московской синодальной типографіи.—Публичная лекція профессора Геймана.—Атласъ описательной Анатоміи.—Живопись и валяніе.—Г-жа Рашель въ Москвѣ—и сужденіе о ней Москвы.—Л. М. Самойловъ.

Начнемъ нынѣшнюю нашу лѣтопись съ двухъ успѣховъ на нашей московской сценѣ. Января 18-го шла въ первый разъ новая пьеса «Разставанье», новаго автора, г. Родиславскаго. Это собственно не драма, а какъ называлъ ее авторъ—«сцены изъ крестьянскаго быта». Г-ну Родиславскому пришла очень недурная мысль вывести на сцену русскую крестьянскую свадьбу, со всѣми ея обрядами, припѣвами, причитаніями, завываніями и потомъ разставанья любящихся, по случаю ухода парня на военную службу. Крестьянскій языкъ въ этой пьесѣ хорошо подмѣченъ, есть сцены чисто народныя; но въ тоже время мы должны сказать, положи руку на сердце, что самая драма развита слабо, весь интересъ ея пропадаетъ въ растянутости сценъ, во многихъ ненужныхъ повтореніяхъ и длинныхъ разглагольствованіяхъ. Пьеса эта явно порождена «Русскою свадьбою» г. Сухонина и, какъ подражаніе, разумѣется, уже теряетъ интересъ новизны, впрочемъ, она не имѣетъ даже интереса дѣйствія первой, а историческая вѣрность національности въ

обѣихъ подлежитъ одинакому сомнѣнію. Содержаніемъ своимъ пьеса г. Родиславскаго напоминаетъ еще другую, старинную драму Ильина: «Рекрутскій наборъ», еще недавно возобновленную на нашей сценѣ съ большимъ успѣхомъ. Во всякомъ случаѣ, надо благодарить автора за то, что онъ коснулся чисто-русскаго быта, давно уже забытаго на русскои сценѣ. Но мы имѣемъ въ литературѣ нашей даровитаго автора, г. Григоровича, который мастерски умѣетъ въ романахъ и повѣстяхъ развивать истинныя драмы изъ этого быта, и обставлятъ ихъ характерами сильными, выпуклыми: у него, совѣтовали-бы мы нашимъ молодымъ драматургамъ, занимать сюжеты для пьесъ и разрабатывать ихъ съ такимъ-же мастерствомъ, вкусомъ и такою-же вѣрною наблюдательностью. Пьеса г. Родиславскаго была прекрасно поставлена на сценѣ: декораціи, костюмы—все новенькое, съ иголки; а гг. артисты: Косицкая, Полтавцевъ, Садовскій, Сабурова 1-я и Никифоровъ превосходно исполняли свои роли и придали имъ много жизненности и силы. Музыка къ этой пьесѣ написана прекрасно г. Дючемъ, въ ней много чисто-русскаго, задушевнаго элемента, и она-то, при управленіи оркестромъ самого композитора, который нарочно для того пріѣзжалъ въ Москву, болѣе всего содѣйствовала успѣху этой пьесы. Г. Дючь единодушно былъ вызванъ публикою въ первое и второе представленіе пьесы.

Другая новость нашей сцены—комедія г. Островскаго «Бѣдность не порокъ.» Превосходно разыгранная, она имѣла значительный успѣхъ. У г. Островскаго, писателя съ несомнѣннымъ талантомъ, (хотя еще и не русскаго Шекспира, какъ называютъ его люди, ожидающіе отъ него какого-то *новаго слова*, и своими преувеличеніями много ему повредившіе), не можетъ быть недостатка въ сценахъ, хорошо задуманныхъ и ловко комбинированныхъ, не можетъ быть отсутствія если не въ полноразвитыхъ характерахъ, то по-крайней-мѣрѣ, въ опредѣленномъ намекѣ на характеры, не можетъ быть совершеннаго недостатка въ основной мысли, но при всемъ этомъ, въ новой его комедіи—все это слабо, относительно къ прежнимъ его произведеніямъ. Въ одномъ онъ не измѣнилъ себя: языкъ его въ комедіи «Бѣдность не порокъ» также безукоризненно простъ и натураленъ, какъ и въ «Не въ свои сани не садись» и въ «Бѣдной невѣстѣ.» Мы искренно уважаемъ и цѣнимъ дарованіе г. Островскаго, и хотя не ожидаемъ отъ него никакихъ литературныхъ переворотовъ, никакого *новаго слова* въ русскомъ творчествѣ, право которыхъ предоставляется во всѣхъ литературахъ міра только однимъ избраннымъ энциклопедическимъ геніямъ, каковы Шекспиръ, Гёте, Бай-

роны, а у насъ были Ломоносовъ, Карамзинъ, Пушкинъ, но не менѣе того ожидаемъ отъ него трудовъ совѣтливыхъ, дѣльныхъ на пользу русской сцены, трудовъ обдуманыхъ съ большей глубиною, чѣмъ его послѣдняя пьеса, и гораздо болѣе показывающихъ въ немъ прогрессивное развитіе его свѣжаго таланта.

Позднѣе мы постараемся въ болѣе развитой статьѣ показать главные достоинства и недостатки новаго произведенія г. Островскаго, а теперь прямо перейдемъ къ прерванному нами, въ прошломъ номерѣ, перечню бенефисныхъ новостей московскаго театра въ нынѣшній сезонъ.

Мы остановились на бенефисѣ г-жи Бороздиной. Такъ-какъ это былъ первый бенефисъ этой молодой артистки, то мы позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ о самой бенефицианткѣ: Первый дебютъ ея и дебютъ успѣшный въ «Фра-Діаволо», въ 1847 г., показываетъ, что эта артистка готовилась для оперы, но потомъ предпочла водевильное поприще, на которомъ ее ожидалъ успѣхъ. Въ игрѣ ея мы почти всегда видимъ простоту, отсутствіе аффектаціи, желанье не играть, а быть настоящимъ живымъ лицомъ, сообразоваться съ своими природными средствами, а не принуждать ихъ, итти своею дорогою, а не подражать кому-бы то ни было. У г-жи Бороздиной есть талантъ, безспорно, но талантъ спеціальнѣй. Есть роли, въ которыхъ она весьма хороша: это роли не совсѣмъ наивныхъ, но шаловливыхъ дѣвушекъ-гризетокъ. Весьма привлекательная наружность и хорошій голосъ способствуютъ успѣху молодой артистки. Пожелаемъ ей все болѣе и болѣе совершенствоваться своимъ талантомъ, побольше труда при обдумываніи своихъ ролей и при ихъ выполненіи, и заключимъ тѣмъ, что г-жа Бороздина одна изъ лучшихъ артистокъ московской сцены для водевилей.

Первая пьеса ея бенефиса, возобновленная комедія Ильина «Подложный кладъ, или какъ опасно подслушивать у дверей», перенесла насъ къ временамъ давноминувшимъ, когда насъ возили въ театръ еще съ гувернеромъ, и увѣряли, что роль Подслухина, одна изъ лучшихъ ролей Щепкина, и мы въ простотѣ сердечной должны были вѣрить этому, еще и не подозрѣвая о «Скупомъ» Молиера, и что у Щепкина есть роль Сквозника-Дмухановскаго и Фамусова.

За комедіей Ильина шелъ довольно маленькій водевиль, переведенный съ французскаго гг. Баташевымъ и Козновымъ «Два мужа и двѣ жены», первый опытъ двухъ молодыхъ переводчиковъ, далѣе старая оперетка Тарновскаго и Руднева: «Мужъ не мужъ, жена не жена», которая хорошо разыгрывается на нашей сценѣ, и по окончаніи которой бенефицианткѣ было брошено нѣсколько букетовъ. Въ заключеніе бенефи-

са было исполнено въ дивертисементъ, этой необходимой принадлежности московскихъ бенефисовъ, большое попури изъ русскихъ, малороссійскихъ и цыганскихъ пѣсень, имѣвшее успѣхъ.

Въ бенефисъ г-жи Львовой-Синецкой, кромѣ комедіи г. Захарова «Не зналъ, что богатъ, не ждалъ, а женатъ!» о которой мы говорили въ прошломъ Вѣстникѣ и которая шла не слишкомъ твердо, была исполнена въ первый разъ новая комедія графини Растопчиной «Людмила и Люба.» Эта пьеса, съ прекрасною мыслию въ основаніи, написанная очень хорошимъ языкомъ, много проигрываетъ при исполненіи на сценѣ, потому что твореніе, при всемъ избыткѣ ума и остроумія вовсе не сценическое. Впрочемъ публика умѣла оцѣнить мысль и прекрасный талантъ автора, и единодушно вызвала графиню Растопчину. Комедія была хорошо разыграна. Переводный водевиль «Слѣдствіе перваго брака» довольно забавенъ. Въ бенефисъ г. Ленскаго шла драма Жоржа Занда «Le mariage de Victorine», въ переводѣ, напечатанномъ въ Пантеонѣ. Пьеса была разыграна старательно, но этого рода тихія, исполненныя мысли и глубокаго сердечнаго анализа драмы не совсѣмъ по вкусу нашей публикѣ, привыкшей, въ послѣднее время, къ немножко-рѣзкимъ и престопающимъ характерамъ новой московской «купеческой школы». Прекрасная драма имѣла успѣхъ посредственный. Далѣе шелъ переведенный К. А. Тарновскимъ водевиль: «Все для женщины, или изъ огня да въ полымя», водевиль очень миленькій, хотя и не совсѣмъ правдоподобный. Въ бенефисы заслуженнаго московскаго артиста Щепкина, публика всегда привыкла видѣть произведенія знаменитыхъ авторовъ. Такъ и въ нынѣшнемъ году, нашъ комикъ далъ сцены А. С. Пушкина: «Моцартъ и Сальери», но выборъ его оказался не совсѣмъ удачнымъ. Во-первыхъ, высоко-художественныя сцены Моцартъ и Сальери—произведеніе слишкомъ мало сценическое; во-вторыхъ Щепкинъ былъ слабъ въ роли Сальери. Комедія «Я знаю насквозь женщинъ», (Je connais les femmes) одна изъ дюжинныхъ французскихъ комедій, передѣланная на русскіе нравы, прошла не слишкомъ удачно, но весьма удался новенькій водевиль, переведенный К. А. Тарновскимъ «Какъ аукнется, такъ и откликнется», это, по моему мнѣнію, лучшее произведеніе Тарновскаго, и въ-самомъ-дѣлѣ, пьеска очень хороша, за исключеніемъ только нѣкоторой сантиментальности. Водевиль «Служанка-госпожа» (Edgard et sa bonne)—забавенъ своей пошлостью, но вовсе не клеится съ нашими русскими понятіями: это фарсъ чисто французскій и притомъ не высшаго разбора.

Изъ этого краткаго перечня бенефисовъ нынѣшняго сезона можно

ясно видѣть, что если бенефисы эти и не могутъ похвастать выборомъ пьесъ, такъ что ни одинъ изъ нихъ не представилъ капитальнаго пріобрѣтенія драматической литературѣ, за то большая часть ихъ была хорошо разыграна.

Мода или страсть къ домашнимъ спектаклямъ, нѣкогда столь сильная въ Москвѣ, такъ что даже вызвала противъ себя извѣстные стихи Грибоѣдова, еще не остыла и теперь. Нынѣшнею зимой было нѣсколько спектаклей, составленныхъ любителями, и большая часть этихъ спектаклей давалась болѣе для удовольствія самихъ играющихъ, чѣмъ ихъ зрителей.

Маскарады даются въ трехъ собраніяхъ: благородномъ, купеческомъ и нѣмецкомъ, и маскарады каждаго собранія имѣютъ собственный характеръ. Танцы бываютъ только въ маскарадахъ нѣмецкаго клуба. Рѣдко можно ихъ встрѣтить въ двухъ первыхъ. Благородное собраніе нынѣшнею осенью устроило подлѣ хоровъ большой залы новую залу, гдѣ можно курить и ужинать съ масками. Кромѣ маскарадовъ, оно дало нѣсколько баловъ, изъ которыхъ, какъ всегда, былъ самымъ великолѣпнымъ балъ 6-го декабря; этотъ балъ имѣетъ большое значеніе въ жизни московскихъ дѣвицъ. Изстаря водится въ Москвѣ обыкновеніе въ первый разъ вывозить въ свѣтъ дѣвушку на этотъ балъ. И какъ предъ этимъ баломъ сильно бьется не одно юное сердечко молоденькой дѣвушки, затаенное въ узкій корсетъ, и какъ счастлива будетъ она, если

Шепотъ встрѣтить

Ея явленье, свѣтъ ее замѣтить!

Частныхъ баловъ было множество. Хотя еще не наступила такъ называемая концертная пора, когда отъ различныхъ звуковъ различныхъ артистовъ просто нѣтъ спасенія, но Москва могла уже наслаждаться котцертами трехъ виртуозовъ: Гг. Гаупта, Кламрота и Соколовскаго. Къ концерту Гаупта московскій поэтъ Миллеръ написалъ даже стихотвореніе.

Разсказъ объ увеселеніяхъ московскихъ заключимъ печальнымъ извѣстіемъ о смерти сѣвернаго Геркулеса Карла Раппо, посвятившаго послѣдніе годы своей жизни увеселенію москвичей. Онъ первый въ Москвѣ устроилъ, на Бутыркахъ, прекрасное Тиволи; но дѣла его пришли въ разстройство, и онъ умеръ въ крайней бѣдности.

Вотъ нѣкоторыя о немъ біографическія свѣдѣнія. Онъ былъ чело-

вѣкъ извѣстный всей Европѣ, и замѣчательнъ уже потому, что первый акробатическимъ представленіямъ умѣлъ придать блескъ, разнообразіе и изящество спектаклей театралныхъ.

Карлъ Раппо (правильнѣе Раппъ) родился въ Инсбрукѣ, въ Тиролѣ, въ 1802 году. Еще ребенкомъ отличался необыкновенною силой и любилъ гимнастическія упражненія. Въ концѣ десятыхъ годовъ этого столѣтія, онъ поступилъ въ труппу гимнастика Рогардо, и дебютировалъ въ первый разъ въ Аугсбургѣ, въ Баваріи, подъ именемъ *молодаго Тирольца*. Вскорѣ послѣ того его пригласилъ въ свою труппу Турнье, у котораго онъ пробылъ одинъ годъ. Въ 1825 году онъ женился и путешествовалъ одинъ по Германіи, показывая свои геркулесовскіе опыты. Онъ объѣхалъ въ то время Вѣну, Берлинъ, Мюнхенъ, Веймаръ, Штутгартъ, Дрезденъ и другіе города. Потомъ отправился чрезъ Кенигсбергъ въ Варшаву, гдѣ былъ весьма милостиво принятъ Великимъ Княземъ Константиномъ Павловичемъ, по желанію котораго принесъ однажды на рукахъ въ аудіенцъ-залу, съ улицы, четырехъ гренадеръ. Изъ Варшавы Раппо переѣхалъ въ Россію. Здѣсь оставался онъ до 1830 года, показывая свое искусство игранія шарами, подниманія тяжестей и балансированія ими, — въ Москвѣ и Петербургѣ и во всѣхъ губернскихъ городахъ. Послѣ того онъ отправился въ Европу, гдѣ приобрѣлъ имя Сѣвернаго Геркулеса. Объѣхавъ Англію, Голландію, Францію, Италію и Германію, онъ воротился, въ 1839 году, съ двѣнадцатилѣтнимъ сыномъ Францомъ, (родившимся въ 1826 году), въ Москву, все тѣмъ же удивительнымъ богатыремъ, какимъ знали мы его въ началѣ. Мы помнимъ тогдашнія его представленія въ Александровскомъ саду, подъ открытымъ небомъ. Раппо изумлялъ всѣхъ, играя чугунными шарами, вертясь на мельницѣ, и балансируя на носу и на лбу то бревно, съ котораго—то сбивалъ нѣсколько десятковъ деревянныхъ птичекъ горохомъ, пуская его ртомъ изъ небольшой трубочки, то корабликъ, на которомъ производилась пушечная пальба, и который, наконецъ, весь обнимался пламенемъ. Двѣнадцатилѣтній сынъ его, Францъ, не показывалъ тогда еще никакихъ опытовъ, кромѣ того, что подавалъ отцу шары и гири; но уже можно было видѣть, по необыкновеннымъ мускуламъ ребенка, что изъ него выйдетъ такой-же богатырь и пойдетъ по той-же опасной чугунной и желѣзной дорогѣ...

Послѣ 1839 года Раппо путешествовалъ по Швеціи, Норвегіи, Даніи и потомъ по остальной Европѣ въ продолженіе четырехъ лѣтъ. Около этого времени случилось съ нимъ несчастное происшествіе: въ Славоніи, близъ Петервардейна, на него напали разбойники, въ числѣ

30-ти человекъ; у Раппо же было всего-на-все 11 мужчинъ, три сенъ-бернардскихъ собаки и два бульдога. Съ помощью собакъ Раппо и его товарищи одолѣли разбойниковъ, положивъ девять человекъ на мѣстѣ, и потерявъ съ своей стороны четверыхъ, въ числѣ которыхъ была маленькая дочь Раппо, застрѣленная на рукахъ матери. Самъ Раппо получилъ 13 ранъ, и былъ послѣ того болѣнъ въ продолженіе 19-ти мѣсяцевъ. Въ 1844 году онъ явился опять въ Петербургъ, гдѣ давалъ представленія въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, уже не одинъ, а съ труппою, состоявшею изъ сорока человекъ мужчинъ и женщинъ. Въ мѣстѣ съ опытами силы, у него показывались тогда живыя картины, въ видѣ древнихъ статуй, изобрѣтенныя имъ самимъ. Въ это же время явился на сценѣ сынъ его, Францъ, осьмнадцати-лѣтній юноша, статный и красивый, какъ Аполлонъ, могучій, какъ Ахиллесъ; онъ бросалъ и игралъ чугунными шарами такъ же, какъ отецъ, если только не лучше и не граціознѣе его; кромѣ того, удивительно балансировалъ разными предметами: флагами, соломянкой, сигарой; игралъ тарелками, ножами, и видно было, что съ этимъ молодцомъ искусство атлетовъ поидетъ еще дальше и сдѣлается забавой болѣе веселой, чѣмъ страшной и опасной... Изъ Петербурга Раппо со своею труппою отправился въ Константинополь, чрезъ Россію, и опять посѣтилъ разные ея города: Тулу, Орель, Симбирскъ, Тамбовъ, Пензу, Одессу и другіе. Въ Константинополѣ, кромѣ обыкновенныхъ представленій, которыхъ было до ста, онъ далъ пять представленій во дворцѣ султана Абдуль-Меджида, получивъ за каждое по 35-ти тысячъ піастровъ; кромѣ того, онъ получилъ множество другихъ богатѣйшихъ подарковъ—часовъ, табакерокъ, медалей, украшенныхъ брилліантами, и во все время пребыванія въ Турціи имѣлъ даровое содержаніе—квартиру, лошадей для перевозки багажа, и все, что было нужно. Потомъ онъ отправился въ Египетъ, въ Каиръ и Александрію, гдѣ показывалъ свое искусство Мегмеду-Али, въ Старомъ-Серапѣ, въ присутствіи полнаго гарема, получая за каждое представленіе по 50-ти тысячъ піастровъ, и имѣлъ, какъ и въ Турціи, даровое содержаніе и фрегатъ на Нилѣ. Послѣ того онъ былъ въ Тунисѣ, въ Алжирѣ, въ Мальтѣ, на Юническихъ островахъ, въ Корфу, оттуда чрезъ Триестъ отправился въ Вѣну, оттуда въ Пестъ, (во время Венгерскаго возстанія, въ слѣдствіе котораго долженъ былъ скрываться трое сутокъ въ погребѣ, и потерялъ весь багажъ, лошадей и экипажи); изъ Песта перѣхалъ онъ въ Прагу, изъ Праги въ Берлинъ, потомъ въ Гамбургъ, Любекъ, Шверинъ, Магдебургъ, Лейпцигъ, Дрезденъ (гдѣ сынъ его Францъ получилъ похвальный листъ отъ Королевско-Саксонской Академіи ис-

кусствъ), изъ Дрездена снова въ Берлинъ и Лейпцигъ, и оттуда, въ началѣ 1849 года, чрезъ Стокгольмъ, Або и Гельсингфорсъ, въ Петербургъ, гдѣ давалъ свои послѣднія блистательныя представленія, съ труппой, состоящею изъ 62 человекъ. Оттуда онъ отправился въ Москву.

По прибытіи въ Москву съ своею труппою въ 1852 г., Раппо первыя свои представленія давалъ въ Маломъ театрѣ, а лѣтомъ того же года, на дачѣ князя Голицына, у Бутырской заставы, онъ устроилъ прекрасное Тиволи, которымъ Москвичи восхищались цѣлыя два лѣта. Разстройство дѣлъ подѣйствовало на силача тяжелѣе желѣза, которымъ онъ привыкъ такъ играть: сынъ уцѣлѣлъ—онъ взнемогъ!

Въ нынѣшнемъ году исполнилось трехъ-сотъ-лѣтіе Московской Синодальной типографіи со времени ея учрежденія. По этому 30-го ноября 1853 года, въ память св. Апостола Андрея Первозваннаго, какъ перваго проповѣдника св. вѣры на землѣ Русской, совершена была божественная литургія въ церкви св. Живоначальныя Троицы, что въ Поляхъ; по окончаніи ея, духовенство съ крестнымъ ходомъ отправилось въ зданіе типографіи, гдѣ было совершено молебствіе съ водосвятиемъ и воспѣта вѣчная память царю Іоанну Васильевичу, первому учредителю типографіи въ древней столицѣ, и блаженнымъ митрополитамъ Макарію и Афанасію, благословившимъ сіе общепользное учрежденіе.

Съ 23-го ноября въ лабораторіи Московскаго университета профессоръ Р. Г. Гейманъ началъ чтеніе публичныхъ лекцій 14-го курса технической химіи для московскихъ фабрикантовъ и заводчиковъ. Польза этихъ лекцій, учрежденныхъ 17 лѣтъ тому назадъ бывшимъ попечителемъ московскаго университета, графомъ С. Г. Строгоновымъ, несомнѣнна и доказана уже тѣми быстрыми успѣхами, которые сдѣлали наши фабрики и заводы въ послѣднее время. Нынѣшній курсъ г. Геймана состоитъ изъ двухъ частей: предметъ первой—изложеніе свѣдѣній изъ общей химіи и родственной съ нею вѣтви естествовѣдѣнія, физики. Здѣсь излагаются свѣдѣнія о химическомъ сродствѣ, теплѣ, свѣтѣ и электромагнитности. При объясненіи химическаго сродства, то-есть, химическаго соединенія и разложенія, со включеніемъ горѣнія, будетъ показано приложеніе этихъ знаній къ испытанію неподдѣльности болѣе употребительныхъ матеріаловъ и товаровъ, къ освѣщенію и отопленію, тушенію пожаровъ, и пр. при теплотѣ: приложенія ея къ нагрѣванію, выпаркѣ, перегонкѣ паровиками и проч.; при свѣтѣ: приложеніе его къ красильному дѣлу, ученіе о противодѣйствіи цвѣтовъ Шевреля, съ приложеніемъ къ сочетанію колеровъ на набивныхъ и тканыхъ разноцвѣтныхъ матеріяхъ и проч.; при электромагнитности: приложенія къ гальванопластикѣ, золоченію, серебре-

нiю, и проч. Къ этой части курса будетъ присоединено краткое описанiе простыхъ веществъ кислорода, водорода, азота и углерода. Вторая часть курса будетъ посвящена изложенiю предметовъ изъ частной технической химiи и поясненiю, съ большими подробностями, разныхъ фабричныхъ производствъ, относящихся къ технической химiи, по выбору самихъ фабрикантовъ, посѣщающихъ нынѣшнiй курсъ. Г. Гейманъ излагаетъ свои лекцiи простымъ, но увлекательнымъ языкомъ, умѣетъ придать имъ чрезвычайную занимательность, и онѣ привлекаютъ многочисленныхъ посѣтителей.

Говоря о полезныхъ свѣдѣнiяхъ, сообщаемыхъ г. Гейманомъ нашимъ фабрикантамъ, мы должны невольно пожалѣть объ утратѣ одного изъ лучшихъ ихъ совѣтниковъ.

10-го января, на Пятницкомъ кладбищѣ происходило погребенiе тѣла покойнаго предсѣдателя московскихъ отдѣлений Мануфактурнаго и Коммерческаго Совѣтовъ, попечителя московскихъ рисовальныхъ школъ и члена ученаго комитета министерства финансовъ, Леонтiя Марковича Самойлова, скончавшагося въ С. Петербургѣ, 21 прошлаго декабря. Рѣдко случается быть свидѣтелемъ столь единодушнаго и глубокаго сожалѣнiя объ умершемъ! Родные покойнаго, подчиненные и множество лицъ изъ здѣшняго купечества и фабрикантовъ сопровождали тѣло до могилы, съ грустью въ сердцахъ и со слезами на глазахъ. Родные хоронили нѣжнаго семьянина, подчиненные—любимаго начальника, фабриканты и негоціанты—отличнаго совѣтника въ дѣлахъ и блюстителя ихъ интересовъ.

Получивъ образованiе въ Одессѣ, Леонтiй Марковичъ Самойловъ до 1820 года находился на конторѣ одного извѣстнаго тогда торговаго дома. Въ 1820 г. вступилъ онъ на службу канцеляристомъ въ Департаментъ Народнаго Просвѣщенiя, и вскорѣ сдѣланъ былъ помощникомъ столоначальника; въ 1824 г. перешелъ на службу по Министерству Финансовъ, въ Департаментъ Внѣшней Торговли. Съ 1830 г. Леонтiй Марковичъ былъ откомандированъ въ Москву, и съ тѣхъ-поръ, имѣя здѣсь почти постоянное мѣстопребыванiе, не переставалъ слѣдить за развитiемъ нашей мануфактурной промышленности. Со времени учрежденiя у насъ мануфактурныхъ выставокъ, изъ коихъ первая была въ 1829 году, въ С. Петербургѣ, онъ участвовалъ во всѣхъ, и всегда былъ полезнѣйшимъ дѣятелемъ, особенно по предмету устройства ихъ. Въ 1843 г. назначенъ онъ былъ чиновникомъ особыхъ порученiй, а въ 1847 г. членомъ Ученаго Комитета Министерства Финансовъ. Въ 1845 году, съ Высочайшаго соизволенiя, былъ командированъ въ Варшаву, въ видѣ депутата при русскихъ фабрикан-

тахъ, по случаю бывшей тамъ выставки. Леонтій Марковичъ обозрѣлъ всѣ достопримѣчательныя фабрики Царства Польскаго и изучилъ его промышленность. Въ 1851 г., когда открывалась Всемирная Выставка въ Лондонѣ, на Л. М. Самойлова было возложено осмотрѣть и составить описаніе ея, вмѣстѣ съ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Шереромъ. Всѣмъ образованнымъ читателямъ, конечно, извѣстно, съ какимъ знаніемъ дѣла и безпристрастіемъ составлено имъ описаніе той выставки по отдѣлу хлопчатобумажной и шерстяной промышленности. Въ Лондонѣ многіе европейскіе экономисты искали знакомства Л. М. и пользовались отъ него интересными для иностранцевъ свѣдѣніями о настоящемъ состояніи нашей промышленности. По возвращеніи изъ Лондона, Леонтій Марковичъ былъ назначенъ председателемъ московскихъ отдѣленій Мануфактурнаго и Коммерческаго Совѣтовъ и попечителемъ московскихъ рисовальныхъ школъ съ оставленіемъ членомъ Ученаго Комитета Министерства Финансовъ. Съ свойственною ему энергіею занялся онъ обязанностями своей новой должности, которую исправлялъ уже нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ и для коей имѣлъ особую опытность, ибо еще съ тридцатыхъ годовъ, принимая постоянное участіе въ засѣданіяхъ отдѣленій Мануфактурнаго и Коммерческаго Совѣтовъ, онъ всегда содѣйствовалъ разрѣшенію наиболее важныхъ вопросовъ до промышленности и торговли касавшихся. Въ прошедшемъ году, Леонтій Марковичъ много помогъ успѣху послѣдней выставки.

Обладая свѣтлымъ умомъ, онъ необыкновенно скоро овладѣвалъ сущностью всякаго дѣла. Вообще, умственная работа всегда шла у него быстро и легко. Необыкновенная точность и сжатость въ выраженіяхъ — отличительныя черты его слога. Писалъ онъ почти безъ поमारокъ, а иногда и прямо на-бѣло, имѣя весьма красивый и четкій почеркъ, и имѣлъ удивительную память. Немногіе владѣютъ такимъ даромъ слова, какой имѣлъ покойный. Выдержанно, плавно и складно текла его рѣчь. Онъ не только объяснялся на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, какъ на природномъ, но и писалъ на нихъ, зналъ отчасти и англійскій языкъ. Остроуміемъ отличалась его дружеская бесѣда; образованная любезность дѣлала его пріятнымъ человекомъ въ обществѣ.

Какъ знатокъ отечественной промышленности, Леонтій Марковичъ разговаривая съ главными торговцами и фабрикантами, не только пріобрѣталъ отъ нихъ свѣдѣнія, но и самъ подавалъ имъ полезныя совѣты; иной разъ давалъ онъ фабриканту идею о новомъ коммерческомъ дѣлѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, предлагалъ практическій расчетъ, которымъ доказывалъ безошибочность своего предположенія. Вѣрность

взгляда и опытность его всёми были извѣстны. Потому-то рѣдкій въ Москвѣ капиталистъ рѣшался на новое предпріятіе безъ предварительнаго совѣщанія съ Леонтіемъ Марковичемъ. Случалось, что большія коммерческія дѣла рѣшались въ его кабинетѣ. Сколько есть въ Москвѣ лицъ, которыя благословляютъ память покойнаго за умное разрѣшеніе неудовольствій по товариществамъ, компаніямъ и другимъ промышленнымъ дѣламъ.

Какъ попечитель московскихъ рисовальныхъ школъ, Леонтій Марковичъ Самойловъ имѣлъ въ своемъ завѣдываніи 1-ю и 2-ю рисовальныя школы, воскресные классы и школы для малолѣтнихъ фабричныхъ. Обративъ особенное вниманіе на техническое образованіе въ этихъ школахъ, онъ много способствовалъ тому цвѣтущему состоянію, въ которомъ онѣ нынѣ находятся. Во время его попечительства, въ нихъ образовалось много отличныхъ учителей рисованія, техническихъ рисовальщиковъ, бухгалтеровъ и конторщиковъ, и онъ всегда содѣйствовалъ помѣщенію ихъ, сообразно специальному ихъ назначенію.

Въ литературѣ Леонтій Марковичъ Самойловъ извѣстенъ нѣсколькими статьями по части экономіи и статистики, помѣщенными въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Такъ изданъ имъ, въ 1845 г., *Атласъ промышленности Московской губерніи и обзоръ хлопчатобумажной и шерстяной промышленности и русскаго отдѣленія на Лондонской выставкѣ*; таковы статьи *о шелковыхъ фабрикахъ*, въ «Собраніи матеріаловъ для исторіи и статистики Россіи»; *О количествѣ движительныхъ силъ, доставляемыхъ нашей мануфактурной промышленности рѣкою Ворею*; *О нѣкоторыхъ своеземныхъ матеріалахъ, питающихъ нашу мануфактурную производительность*; *О торговлѣ съ Китаемъ*; *О чаѣ*; *О торговлѣ съ Китаемъ западной Европы и сѣверной Америки*; *Историческія и статистическія изслѣдованія о кяхтинской торговлѣ*; *О количествѣ привозимыхъ въ Москву тяжестей* и др. Вообще, обозначить всѣ интересныя статьи покойнаго весьма трудно, ибо онъ рѣдко выставлялъ подъ ними свое имя. Состоя членомъ Русскаго Географическаго Общества, Статистическаго Отдѣленія Совѣта Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства и Комитета шелководства, Л. М. Самойловъ всегда дѣятельно участвовалъ въ ихъ занятіяхъ.

Покойный былъ рѣдкимъ семьяниномъ. Если требовалось гдѣ пожертвованіе на доброе дѣло, онъ первый подавалъ тому примѣръ.

Леонтій Марковичъ скончался, послѣ кратковременной грудной болѣзни, и почти внезапно. Смерть поразила его далеко еще не въ пре-

старѣлыхъ лѣтахъ. Казалось, его полная полезной дѣятельности жизнь могла свободно продлиться еще, по крайней-мѣрѣ, лѣтъ на десять. Но, при скорбной мысли о преждевременной кончинѣ покойнаго, въ утѣшеніе остается вѣрованіе, что исполнявшіе на землѣ долгъ свой, переходять за гробомъ въ бытіе лучшее!

Въ Москвѣ вышелъ переводъ весьма замѣчательной медицинской книги. Это «Полный атласъ описательной анатоміи человѣческаго тѣла», составленный Ж. Н. Масомъ, докторомъ медицины, профессоромъ анатоміи, въ переводѣ г. Матвѣева: Изданіе это, напечатанное съ французскимъ текстомъ, en regard, состоитъ изъ двухъ выпусковъ, заключающихъ въ себѣ 112 таблицъ, съ 450 фигурами, и стоитъ съ иллюминированными рисунками 10 руб. сер., съ черными 6 р. сер. Нельзя не порадоваться подобному изданію, необходимому не только для тѣхъ, кто изучаетъ врачебную науку, но и для художниковъ и вообще для каждаго образованнаго человѣка, котораго первое изученіе должно начинаться съ самого себя, по латинскому приговору: homo nosce te ipsum.

Московская живопись и ваеніе пріютились преимущественно у Мясницкихъ воротъ, въ зданіи художественнаго общества.

П. П. Соколовъ написалъ очень миленькую картинку, изображающую Тараса Бульбу надъ трупомъ убитаго сына. Въ училищѣ живописи и ваенія, кромѣ картинъ, приготовляемыхъ къ лоттерей, составляется, подъ руководствомъ М. Н. Скотти, альбомъ, который до настоящаго времени, состоитъ изъ акварельныхъ рисунковъ Саврасова, Шервуда, Аммона и Черкасова. Въ скульптурной мастерской Спиридоновъ изваялъ, съ маски и портретовъ, бюстъ Петра Великаго; Севрюгинъ сдѣлалъ, въ маломъ видѣ, копію бюста М. С. Щепкина; Бровскій, посвятившій себя преимущественно изображенію звѣрей и животныхъ, вылѣпилъ съ природы деревенскую лошадь съ жеребенкомъ и лягавую собаку.

Въ настоящее время Москва много толкуеть о г-жѣ Рашель.

Представленія ея уже начались, а какое впечатлѣніе они произвели на московскую публику, довольно сознательную и строгую въ дѣлѣ искусства и достаточно досужую, чтобъ не увлечься заграничными возгласами, а обсудить всякую заѣзжую къ намъ артистическую знаменитость по степени ея значенія въ художественномъ мірѣ и по истинѣ производимаго ею впечатлѣнія. Въ Москвѣ была напечатана статья, очень дѣльная, о первомъ дебютѣ г-жи Рашель, мы позволяемъ себѣ сдѣлать изъ нея извлеченіе.

27 января было первое въ Москвѣ представленіе г-жи Рашель. Для перваго своего дебюта она избрала Федру Расина. (Вотъ порядокъ піесъ,

въ которыхъ доселѣ * являлась Рашель въ Москвѣ: 27 и 28 января—«Федра» Расина, 29 и 30—«Марія Стюартъ» Лебрена, 31 января и 1 февраля—«Полювктъ»—Корнеля.)

Рашель—явленіе, чисто вызванное историческимъ развитіемъ французской драматургіи. Было время, когда во Франціи такъ называемый классицизмъ господствовалъ единовластно и нераздѣльно, когда твердо вѣрили, что внѣ этого классицизма, что внѣ Корнеля и Расина въ искусствѣ нѣтъ прибѣжища, когда Вольтеръ называлъ Шекспира «пьянымъ дикаремъ»; но это время потомъ прошло для Франціи. Послѣ ожесточенной борьбы классицизма съ романтизмомъ, классицизмъ замолкъ, романтизмъ завладѣлъ единовластно французскою драматургіею, и романтики объявили торжественно, что въ классическихъ произведеніяхъ, что въ этихъ Корнелѣ и Расинѣ, нѣкогда столь прославленныхъ, кромѣ скуки и риторики ничего нѣтъ. Но романтизмъ, завладѣвъ уже совершенно драматическою литературою Франціи дошелъ до крайности. Въ своихъ произведеніяхъ онъ забылъ объ анализѣ внутренняго человѣка, забылъ о психическомъ интересѣ и, погнавшись за интересомъ содержанія внѣшняго, онъ забылъ объ интересѣ содержанія внутренняго, и французскія мелодрамы, эти послѣднія проявленія романтизма, все свое достоинство заключили въ интересѣ содержанія внѣшняго, въ сочетаніи потрясающихъ эффектовъ. Внѣшнюю сценическую форму своихъ драматическихъ произведеній, столь несовершенную еще у драматурговъ—классиковъ, они довели до высокой степени совершенства, но эта внѣшняя форма, выработанная до совершенства, какъ авторами этихъ пьесъ, такъ и актерами, ихъ исполнявшими, стала преобладающимъ и даже единственнымъ достоинствомъ, и почти совершенно вытѣснила достоинство внутреннее, психологическій интересъ драмы. Романтизмъ, доведенный такимъ образомъ до крайности, возбудилъ противъ себя реакцію. Не даромъ уже во многихъ даровитыхъ писателяхъ Франціи видно недовольство даже современною формою, проявляющееся и въ обращеніи Понсара къ формѣ классической трагедіи, и въ обращеніи де Мюссе—къ нестѣсенной формѣ драмъ Шекспира. Не даромъ горькимъ упрекомъ отзываются слова Жоржъ Занда Александру Дюма въ ея предисловіи къ Мольеру, упрекомъ жалобы на современную французскую драму, слова, сказанныя ею въ видѣ комплимента знаменитому романтику.

Что было съ драматическою литературою, то же было и съ сце-

* Статья эта писана прежде 2-го февраля, когда Рашель играла въ первый разъ Ариэну Лекювреръ—Скриба.

ническимъ искусствомъ. Долго восхищались Французы греками и римлянами въ напудренныхъ парикахъ, но еще долѣе восхищались они ходульною трагическою декламаціею по традиціямъ; но романтизмъ нанесъ ей смертельный ударъ. Рѣчь, подходящая, какъ можно ближе, къ обыкновенной рѣчи, стала идеаломъ, задачею для актера. Но и тутъ дошли до крайности, и не даромъ жалуются иные французскіе критики, заслуживающіе уваженіе, на съѣдаемыя окончанія словъ, на невнятный выговоръ, на пошлость и неграціозность мимики, которыми стали угощать публику актеры-романтики во имя естественности и близкаго подраженія природѣ. Какъ въ драматической литературѣ, такъ и въ сценическомъ искусствѣ, вообще въ драматургіи Франціи, нужна была реакція, и эта реакція, только еще въ смутныхъ стремленіяхъ начинающая проявляться въ драматической литературѣ Франціи, проявилась на французской сценѣ, въ г-жѣ Рашель.

Артистка эта, отринувъ въ началѣ своего поприща романтическую Французскую мелодраму, взялась за забытыхъ французскихъ классиковъ и сумѣла показать, что въ забытой классической трагедіи есть свои достоинства, что художественъ въ ней анализъ страстей человѣка, хотя и непоставленнаго, если можно такъ выразиться, ни въ какое социальное положеніе, а такъ сказать, человѣка вообще, безъ приложенія его ко времени, мѣсту, обстоятельствамъ общества, анализъ страсти отвлеченной и общечеловѣческой. И въ представленіи этой-то отвлеченной страсти—прекрасна знаменитая артистка. Но, можетъ быть, не столько этимъ, своимъ неотъемлемымъ достоинствомъ, приобрѣла она такой колоссальный успѣхъ во Франціи, сколько свойствами своего таланта, имѣющими для Франціи значеніе историческое, а не художественное.

Первые, которые пошли смотрѣть Рашель въ Парижѣ, были классики, зауганные и молчавшіе во времена владычества романтизма, но все еще сохранившіе уваженіе къ своимъ классическимъ геніямъ. Они пришли въ восторгъ отъ Рашели и, можетъ быть, не столько отъ удивленія къ таланту артистки, сколько изъ благодарности, что эта артистка возобновила ихъ любимыхъ геніевъ. Не слово, полное страсти, хотя и отвлеченной,—но все таки человѣческой, не вопль растерзанной женской души, столь страшно прекрасные у этой артистки, можетъ быть, поразили ихъ, но крики и трагическія завыванія артистки, напоминавшія имъ бывшія классическія декламаціи и традиціи. Этихъ традицій они не увидѣли въ артисткѣ, она не сохранила ихъ, принявъ свое собственное чтеніе, не связанное преданіемъ; но классики услышали отъ нея чтеніе, какъ-то подходящее, напоминавшее имъ эти тра-

диціи. И классики были въ восторгѣ, но не вдругъ романтики повѣрили этому восторгу: они съ сомнѣніемъ качали головою и даже называли Рашель пуфомъ, выдумкою, созданиемъ классиковъ. Но любопытство заставило и романтиковъ пойти въ театръ. Сборы Théâtre Français, въ представленія Рашель, возрастали все болѣе и болѣе и наконецъ дошли до огромныхъ цифръ. Къ классикамъ присоединились и романтики, но Богъ знаетъ, истинное ли, настоящее достоинство знаменитой артистки болѣе плѣняло ихъ, а также не свойства ли ея таланта, чисто относительныя, историческія, имѣющія значеніе только для Франціи, плѣнили ихъ? Не болѣе ли восхищались они простотою ея рѣчи, ея скороговоркою, историческою вѣрностію ея костюмовъ (не требуемою классиками) и пыломъ страсти, чѣмъ отчетливымъ анализомъ страсти?

Въ то время, какъ классики восхищались криками и завываніями героинь своей классической трагедіи, воскрешенной Рашелью, не восхищались ли романтики обыкновенною рѣчью и скороговоркою, смѣнявшимися при игрѣ Рашели, безпрестанно и безразлично, эти крики и завыванія и напоминавшими имъ ихъ мелодрамы и водевили? По крайней мѣрѣ, романтики смотрѣли на Рашель не совсемъ правильно: они прямо говорили, что Рашель—актриса чисто романтическая, и только своею чистою романтическою игрою могла вдохнуть жизнь въ трагедію классическую. Прочтите, напримѣръ, хоть фельетонъ Жюль-Жанена о Рашели, и потомъ посмотрите на сценѣ эту артистку, и вы увидите, что это совершенно двѣ разныя актрисы. Рашель Жюль-Жаненовская является какою-то актрисою *по вдохновенію*, чѣмъ-то въ родѣ нашего покойнаго Мочалова; но когда будете смотрѣть на сценѣ эту *искусную актрису*, съ ея игрою, вполне выработанною, ея каждымъ жестомъ, движеніемъ, словомъ, вполне обдуманнми, вы убѣдитесь, что Рашель Жюль-Жанена и Рашель, которая въ настоящее время въ Москвѣ—не одна и та же актриса. Можетъ быть, намъ возразятъ, что со временъ фельетона Жюль-Жанена прошло слишкомъ десятокъ лѣтъ, и что въ это время Рашель могла измѣниться, но трудно предположить такое измѣненіе: въ талантѣ Рашель могло измѣниться достоинство этого таланта, степень его, но трудно измѣниться самому его свойству. И не легче ли предположить, что Жюль-Жаненъ, подобно романтикамъ, *видѣлъ* въ Рашели именно такую актрису, какую онъ *хотѣлъ видѣть*. Однимъ словомъ, и классики, и романтики (утомленные борьбою, и, можетъ быть, уже сами не вовсе довольные тѣми школами, къ которымъ принадлежали, видѣли въ Рашели примиреніе двухъ враждующихъ литературныхъ пар-

тій во Франціи, (или, даже, пожалуй, они готовы были каждая причислить ее къ своей партіи); въ ней даже могли видѣть болѣе—шагъ впередъ, внесеніе внутренняго анализа во внѣшнее дѣйствіе и придачу внѣшнему дѣйствію внутренняго анализа. Но главнымъ образомъ Рашель имѣла и должна была имѣть успѣхъ во Франціи за то, что съ своими достоинствами и своими недостатками (въ глазахъ партіи тоже казавшимися достоинствами), она равно принадлежала къ обѣимъ партіямъ. Не измѣняя Расину и Корнелю, Рашель согласилась играть въ пьесахъ Гюго и Дюма; Скрибъ написалъ для нея драму.

И такъ, приговоръ Парижа, склонившагося предъ Рашелью, былъ конечно справедливъ въ томъ смыслѣ, что Рашель для французской драматургіи была явленіемъ исторически-необходимымъ, но приговоръ этотъ вызванъ былъ болѣе историческимъ значеніемъ этой артистки для французской драматургіи, для насъ русскихъ, неимѣющемъ равно ни какой цѣны, чѣмъ собственно безотносительно дѣйствительными достоинствами артистки.

Но теперь Рашель стоитъ предъ московскою публикою, въ Москвѣ, развитіе драматургіи которой шло своимъ путемъ, въ Москвѣ, воспитавшей Грибоѣдова и Тоголя, на сценѣ Щепкина, Садовскаго, Мочалова. Что-же скажетъ Москва объ этой во всякомъ случаѣ замѣчательной актрисѣ? Трудно, весьма трудно скоро дать отвѣтъ на этотъ вопросъ, тѣмъ болѣе, что Рашель являлась предъ Москвою доселѣ только въ трехъ роляхъ, но, сколько можно судить, Москва будетъ восхищаться только истинными достоинствами артистки, а не имѣющими одно только историческое, относительное значеніе, она не будетъ восхищаться тѣми криками и завываніями старой трагедіи, которыми восхищались французскіе классики, не будетъ приходить въ восторгъ отъ этой, иногда даже неумѣстной скороговорки и обыденной рѣчи, смѣшанной съ классическими криками, отчего приходили въ восторгъ французскіе романтики, ибо на нихъ лежало клеймо ихъ мелодрамъ и даже водевилей; но навѣрно восхитится она именно тѣмъ, что дѣйствительно хорошо въ этой артисткѣ, а именно: прекраснымъ представленіемъ анализа страстей, болѣе или менѣе тающихъ въ уголокъ сердца каждаго человѣка, будетъ восхищаться не тѣмъ, что въ Рашели есть достояніе той или другой школы французской драматургіи, но тѣмъ, что въ Рашели есть истиннаго, равно прекраснаго для всѣхъ вѣковъ и народовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ полюбуется она чудною пластикою человѣческихъ движеній. И впечатлѣніе, произведенное игрою Рашели въ Федръ, Маріи Стюартъ и Поліевктъ на большинство московской публики,

подтверждаетъ наши слова. Москва удивлялась превосходному изображенію страданія Федры, сжигаемой, какъ адскимъ огнемъ, сильною страстью, восхищалась страшно-человѣческою, полною истиннаго (вовсе не ходульнаго) трагическаго величія сценою Маріи Стюартъ съ Елизаветою, этимъ порывомъ негодованія Маріи предъ оскорбляющею ее Елизаветою, предъ которою она, невинно-страдающая, рѣшилась преклонить колѣна, восхищалась этой женщиною, торжествующею надъ своею соперницею, вопреки угрожающаго ей страха смерти; торжественный трепетъ пробѣжалъ по жиламъ московской публики, когда, въ бѣлой туникѣ, Павлина-Рашель, предъ закоснѣлыми язычниками торжественно говорить, что она христіанка, и что она готова принять смерть за вѣру. Слова ея «я вѣрю», въ Поліевктѣ, могутъ довести зрителя до страшнаго восторга; и дѣйствительно, на московскую публику послѣдняя сцена Рашели въ Поліевктѣ производитъ потрясающее впечатлѣніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ, эта же самая публика не восхищается декламаціею на-распѣвъ и внезапнымъ переходомъ ея въ скороговорку, и даже досадуетъ на великую артистку, когда въ послѣдней сценѣ прощанія Маріи Стюартъ передъ смертью—Рашель истинное чувство замѣняетъ декламаціею, какъ будто-бы Марія передъ смертью разыгрывала искусную комедію, не восхищается тѣмъ болѣе, что живо представляется ей, чтобы могла сдѣлать изъ этой сцены истинно великая артистка, съ такими громадными средствами, какъ Рашель, могущая даже поблѣднѣть по своей волѣ.

Вотъ впечатлѣніе, которое произвела и должна была произвести Рашель на московскую публику (или по-крайней-мѣрѣ, на большинство ея), на публику, слишкомъ гордую, чтобы преклониться безусловно предъ авторитетомъ, и слишкомъ умную, чтобы не признать этого авторитета. Можетъ-быть, мы ошибаемся; впечатлѣніе, сдѣланное Рашелью на нашу публику, можетъ-быть, не таково,—ошибаться легко человѣку и еще легче, если приходится ему говорить о впечатлѣніи, произведенномъ на другаго,—по-крайней-мѣрѣ, подобное впечатлѣніе произвела Рашель на насъ самихъ, и, судя по отголоскамъ и мнѣніямъ, къ которымъ мы прислушивались со вниманіемъ, объ игрѣ Рашель, произвела на большинство московской публики; но мы отнюдь не навязываемъ этого убѣжденія никому, не хотящему принять его, какъ истинное, хотя мы его привели и не безъ фактическихъ доказательствъ. Но оговариваемся: это

Впрочемъ, не входя въ разбирательство несообразности этихъ порывовъ съ историческимъ характеромъ шотландской королевы, и съ прекраснымъ изображеніемъ Шиллера.

впечатлѣніе, намъ кажется, было произведено и должно было быть произведено на большинство московской публики, а не на всѣхъ, потому что слишкомъ извѣстны двѣ старинныя поговорки: «сколько головъ, столько умовъ» и «о вкусахъ не спорять».

Что касается до редакціи Пантеона, то она рѣшительно раздѣляетъ мнѣніе московскаго критика.

КОРРЕСПОНДЕНТЪ ПАНТЕОНА.

РЕПЕРТУАРЪ
РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 2.

ЗАЧѢМЪ ИНЫЕ ЛЮДИ ЖЕНЯТСЯ.

КОМЕДІЯ СЪ КУПЛЕТАМИ, ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ,

СОЧИНЕНІЕ

П. И. ГРИГОРЬЕВА I.

Представлена въ первый разъ на Императорскомъ С. Петербургскомъ
театрѣ, 30-го ноября 1853 года.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ИВАНЪ МАРТЫНОВИЧЪ ДУШЛЯКОВЪ.

г-нъ Мартыновъ 1.

МАРТЫНЪ ИВАНОВИЧЪ БУРСАКОВЪ,

г-нъ Марковецкій.

ПЕРЕПЕТУЯ АНДРЕЕВНА, жена Душлякова, 30 лѣтъ,

г-жа Липская.

ВЛАДИМИРЪ АНДРЕЕВИЧЪ ПУШИНСКІЙ, писатель, путеше-
ствующій по Россіи,

г-нъ Григорьевъ 1.

ГОРИЧНАЯ ДУШЛЯКОВЫХЪ,

г-жа Шелихова.

(Дѣйствіе происходитъ въ собственномъ домѣ Душлякова, въ Гончарной улицѣ).

(Театръ представляетъ небольшую залу въ деревянномъ домѣ. Мебель краснаго дерева въ чхлахъ. Три двери).

У Т Р О.

I.

ГОРНИЧНАЯ входитъ съ подносомъ и чашками, говорить вполголоса сама съ собою.

Ну, вотъ, кофій давно готовъ... однако ни баринъ, ни барыня не выходятъ... (*подсматриваетъ въ двери направо и налево*). Видно опять съ утра разбранились... эко, подумаешь, житье горемычное! Отчего-бы, кажется, имъ не жить прищъваючи? Да, будь-ка у меня и свой домъ, и свой сожитель, и своя лошадь, такъ я бы, кажется, какъ сыръ въ маслѣ купалась! А вотъ имъ такъ все не по нраву пришло... она дуется на него, а онъ пыхтитъ на нее, а я, грѣшная, терпи часто въ чужомъ пиру похмѣлье.

Эхъ, будь-ка я мужчиною,
Чудесно-бъ зажила:
Я въ мѣсяцъ трехъ съ полтиною
Никакъ-бы не взяла!
Хотятъ, чтобы поспѣла я
Повсюду и во всемъ,
Мечусь, какъ угорѣлая,
Одна на цѣлый домъ!
Все съ шумомъ да съ исторіей,
Зато, во весь денекъ
Я кофейку съ пикоріей
Напьюся разъ пятокъ!

(*У входа раздается звонокъ*).

ГОРНИЧНАЯ. Ахти! кто-то звонить у подъезда... а баринъ еще не выходилъ... онъ раньше десяти часовъ никого не принимаетъ... Все-таки нельзя не отворить. (*Бѣжитъ къ главному выходу и, отворивъ стеклянную дверь, ведущую въ переднюю, отпираетъ дверь подъезда*). Кто тамъ?

II.

ГОРНИЧНАЯ и **В. А. ПУШИНСКІЙ**, въ пальто, въ фуражкѣ, въ галошахъ и съ зонтикомъ.

ПУШИНСКІЙ. Я, матушка, я... Здравствуй! (*снимая въ передней галоши*). Тебѣ, я вижу, хочется спросить, кто я? Сейчасъ скажѹ, голубушка, только дай немного вздохнуть, опомниться отъ новыхъ неожиданныхъ впечатлѣній... (*садится, потомъ вдругъ вскакиваетъ, говоря самъ съ собою*). Да что жъ это? Неужели я опять пріѣхалъ въ Петербургъ? я внѣ себя! я просто пораженъ! Что за чудныя зданія, улицы, прелесть! глаза разбѣгаются... Восемь лѣтъ только я не былъ здѣсь, и многихъ мѣсть рѣшительно не узнаю... чудный, оригинальный городъ! (*горничной*). А, неправда-ли? Есть отчего съ ума сойти?

ГОРНИЧНАЯ. Не можемъ знать-съ... Вы, сударь, позвольте, что за человѣкъ? Что вамъ угодно-съ?

ПУШИНСКІЙ. Я, матушка, чисто русскій человѣкъ, хоть одѣтъ чортъ знаетъ по-каковски. Что мнѣ угодно? а вотъ что: у васъ на воротахъ я прочелъ что «отдаются три комнаты въ мезонинѣ за весьма умѣренную цѣну, спросить у хозяина дома.» А я всегда и за все люблю платить умѣренныя цѣны, такъ нельзя-ли мнѣ взглянуть на твоего хозяина, посмотреть, что за комнаты, и узнать, до какой цифры доходитъ ваша умѣренная цѣна?

ГОРНИЧНАЯ. Извините-съ... хозяина теперь никакъ нельзя видѣть.

ПУШИНСКІЙ. Какъ? отчего же?

ГОРНИЧНАЯ. Они раньше десяти часовъ никого не принимаютъ.

ПУШИНСКІЙ. А! значитъ онъ важный баринъ? аристократъ?

ГОРНИЧНАЯ. На счетъ этого-съ я не могу васъ завѣрить-съ... онъ баринъ, на мои глаза, обыкновенно, какъ многіе господа бываютъ.

ПУШИНСКІЙ. Я то же думаю... На воротахъ дома надпись весьма обыкновенная: домъ титулярнаго совѣтника Душлякова. Отчего же онъ до десяти часовъ не принимаетъ? Спитъ, что-ли?

ГОРНИЧНАЯ. Нѣтъ-съ, давно уже встали.

ПУШИНСКІЙ. Занятъ, заваленъ дѣлами, что-ли?

ГОРНИЧНАЯ. Нѣтъ-съ, дѣловъ почти никакихъ не дѣлають-съ.

ПУШИНСКІЙ. Такъ отчего жъ онъ не принимаетъ, коли всталъ и ничего не дѣлаеть?

ГОРНИЧНАЯ. Да ужъ это, сударь, ихнее дѣло... Я человекъ служащій, не смѣю говорить много... мое (*оглядывается во всѣ стороны*) дѣло сторона.

ПУШИНСКІЙ. (*Про себя*) А! это что-то заманчиво; новая пища для наблюдений! (*Ей въ помолоса*) Я очень понимаю, красавица, что твое дѣло сторона, вѣдь и мнѣ тоже нѣтъ дѣла знать, какъ тамъ, и что твой баринъ куралесить до 10-ти часовъ, но, какъ будущему жильцу, мнѣ-бы хотѣлось узнать отъ тебя...

ГОРНИЧНАЯ. Нѣтъ-съ, онъ у насъ не то, чтобъ куралесилъ, а знаете, ужъ всегда съ утра бываютъ въ особенномъ разстройствѣ...

ПУШИНСКІЙ. А! значитъ, съ утра ужъ любить выпить? Это жаль! это болѣзнь, хроническая болѣзнь... это дѣйствию здѣшняго сыраго климата...

ГОРНИЧНАЯ. Что вы, сударь! баринъ мой хмѣльнаго не придерживается.

ПУШИНСКІЙ. А! такъ отчего-же онъ съ утра въ разстройствѣ?

ГОРНИЧНАЯ. (*въ помолоса*). Эхъ, баринъ, какіе вы любопытные...

Онъ у меня съ барыней своей больно не ладить.

ПУШИНСКІЙ. А! вотъ что! такъ онъ женать?

ГОРНИЧНАЯ. Ужъ два года, сударь, и больно даже смотрѣть, какъ они убиваются.

ПУШИНСКІЙ. Понимаю! Вѣрно у жены рука тяжела...

ГОРНИЧНАЯ. Не могу васъ въ этомъ завѣрить... вотъ какъ наймете квартиру, такъ увидите... (*подбѣгая къ дверямъ барина, потомъ барыни*). Ахти! никакъ оба сюда жалуютъ... Прошайте, сударь, въ 10 часовъ пожалуйте.

ПУШИНСКІЙ. Буду, душа моя, буду; я очень люблю семейныя катастрофы, это мой конёкъ, это мой хлѣбъ насущный, мое наслаждение и слава! Прошай, умница; полтинникъ на кофій за мной. (*Уходитъ*.)

III.

ГОРНИЧНАЯ провожаетъ его и запираетъ за нимъ дверь. Изъ внутреннихъ комнатъ слышны звонки; потомъ съ разныхъ сторонъ быстро входятъ г. и г-жа Душляковы.

ГОРНИЧНАЯ. Ну, пошли перезванивать! Онъ ждалъ, что барыня къ нему придетъ звать пить кофе, а она вѣрно ждала его къ себѣ...

не дождались другъ друга—вотъ теперь и начнутъ дуться да морщиться (отходитъ въ глубину). У, какіе оба сердитые!

НЪМАЯ СЦЕНА. (Музыка выражаетъ тревогу).

Г. И Г-ЖА ДУШЛЯКОВЫ (съ противоположныхъ сторонъ входятъ, сильно взволнованные, выражая безъ словъ одинъ на другаго досаду и гнѣвъ. Потомъ оба торопливо ходятъ изъ угла въ уголъ, послѣ садятся къ столу, гдѣ приготовленъ кофе. Онъ ждетъ, что жена ему нальетъ, но она, утирая глаза платкомъ, не обращаетъ на него вниманія. Мужъ въ досаду отъ ожиданія стучитъ кулакомъ по столу, жена отъ испуга вскакиваетъ и уходитъ отъ него въ противоположную сторону. Онъ тоже вскакиваетъ и, въ досаду протирая руку, показываетъ то на жену, то на простывшій кофе, а она въ эту минуту быстро перелистываетъ какую-то книгу. Мужъ то бьетъ себя въ грудь, то въ досаду треплетъ волосы; наконецъ выйдя изъ терпѣнія, оба сходятся, смотрятъ въ глаза одинъ другому, что-то шепчутъ про себя и гнѣвно погрозивъ другъ другу, опять расходятся быстро по своимъ комнатамъ. Музыка къ концу этой сцены выражаетъ сильную бурю).

IV.

ГОРНИЧНАЯ. одна подсмѣиваясь.

Экъ, Богъ ихъ прости, расходились, словно ихъ съ утра дѣдушка домовою укусилъ!.. Ха! ха! ха! (подходитъ къ столу) Кофе-то поди-ка совсѣмъ простылъ?.. (наливаетъ чашку) да... чуть-чуть тепленькій... Въдь кажись, чего-бы лучше: ну, вотъ сошлись-бы, какъ слѣдуетъ супругамъ, усѣлись-бы рядкомъ и поговорили ладкомъ... (садится за столъ) онъ-бы ей сказалъ: Угодно вамъ кофейку, Перепетуя Андревна? а она: Съ моимъ удовольствіемъ, Иванъ Мартынычъ, и стали-бы преблагополучно прохлаждаться!.. (пьетъ кофе въ прикуску).

V.

ГОРНИЧНАЯ за столомъ и Душляковъ.

ДУШЛЯКОВЪ (самъ съ собою, не видя горничной). Ушла! опять на дѣлый день упрековъ, слезъ, проклятій не оберешься!.. (дѣлая быстрое движеніе къ столу, за которымъ горничная) Нѣтъ, я-бы

хотѣлъ только спросить: зачѣмъ люди женятся?.. (*увидя горничную*) Грунька! что ты это дѣлаешь, а?

ГОРНИЧНАЯ, (*вскочивъ со стула*). Виновата, баринъ; этотъ кофе для васъ ужъ негодится, простылъ, такъ чѣмъ вонь выливать, я такъ, попробовала...

ДУШЛЯКОВЪ (*съ досадою*). Ну, такъ пошла разогрѣй его, и выпей весь, когда тебѣ нравится, жена не хочетъ кофею, я тоже! Пошла, приготовь мнѣ чаю! Скорѣе!

ГОРНИЧНАЯ. Слушаю-съ... (*уноситъ кофе*).

ДУШЛЯКОВЪ. (*съ энергіей, какъ-бы спрашивая кого*). Нѣтъ, нѣтъ! Я васъ спрашиваю: зачѣмъ люди женятся? Неужли за тѣмъ, чтобъ вѣчно каяться, страдать, мучиться? (*ходитъ молча по комнатѣ*) Гмъ!.. чортъ возьми! непонятная, страшная женщина! Чего она отъ меня хочетъ? Если она хлопочетъ уморить меня, я... я этого не могу ей позволить! Помилуйте, за что-же? Я пріѣхалъ сюда изъ провинціи для того, чтобъ служить, быть полезнымъ человѣкомъ для общества, наконецъ, для себя, потому что я отъ природы очень честолюбивъ, я хочу шагнуть куда нибудь... Вѣдь есть-же примѣры, что вной пріѣдетъ и начнетъ такъ шагать, что его и на почтовыхъ не догонишь. Но вотъ два года, какъ жена разрушаетъ все мои планы! не даетъ мнѣ рѣшительно шагу сдѣлать. У нея какой-то дикій африканскій характеръ! Она или, не говоря ни слова, дуется до слезъ, или приметя ругать меня такъ, что слова летятъ изъ ея гортани, какъ огнедышащая лава изъ Везувія!!! О! въ эти страшныя минуты я, разумѣется, прижимаюсь въ уголокъ, какъ мокрая курица, и опять-таки спрашиваю: зачѣмъ иные люди женятся?.. (*Задумывается и заплываетъ сквозь зубы плесно: «Чѣмъ тебя я огорчила»...*) То ли дѣло, мой старинный провинціальный другъ, Мартынъ Ивановичъ Бурсаковъ! Вотъ человѣкъ, съ истинно-философскимъ черепомъ! вѣчно холостъ, спокоенъ и счастливъ... Какъ теперь помню, провожая насъ сюда, онъ сказалъ мнѣ замѣчательныя слова: «Ну, говорить, Иванъ, камень брошень! Если ты съ женой будешь счастливъ, такъ ладно, Богъ съ тобой! Если-же нѣтъ, такъ помни, что я тебя всегда удерживалъ отъ омута супружеской жизни! Прощай!»—Благородный другъ! (*утирая слезы*) Какъ теперь гляжу на твою смѣшную фигуру, и дивлюсь, какъ хорошо ты знаешь человѣческое сердце! Да! онъ теперь блаженствуетъ на свободѣ, философствуетъ въ глуши Костромскихъ лѣсовъ, или, съ подобными себѣ, играетъ по маленькой въ ерелашъ... а въ дождливую погоду, какъ талантливый человѣкъ, чай утѣшаетъ себя на скрипкѣ, разыгрывая русскія пѣсни. Зная его любовь ко всему изящному, я послалъ ему, въ знакъ

памяти, 12 бутылокъ Гордоновскаго коньяку: какъ, я думаю, онъ теперь счастливъ!.. (*Вскочивъ съ иньвомъ*) Я-же, я!.. Скрѣпя сердце и скрывая зубами, спрашиваю только на всевозможные тоны одно: зачѣмъ люди женятся?..

Зачѣмъ женился я, глупецъ?

Чтобъ слышать брань, да укоризны...

Что я? не мужъ, и не отецъ,

Да и не сынъ моей отчизны!

Къ чему жъ, друзья,

Женился я?

Жена заѣла весь мой вѣкъ!

Я худъ... она-же, точно масса!

До свадьбы былъ я человѣкъ,

Теперь... не рыба и не мясо!

(*Сквозь зубы*)

Къ чему жъ друзья

Женился я?

Да, въ минуты христіанскаго смиренія я люблю отдавать себѣ должную справедливость. А сверхъ того, я чувствую, что въ эти два года я сталъ какимъ-то безхарактернымъ существомъ; жена это замѣтила, поняла, и кончить тѣмъ, что во всемъ возьметъ надо мною верхъ! Она бѣсится больше за-то, что я купилъ этотъ домъ, требуетъ, чтобъ я продалъ его, и опять уѣхалъ съ нею въ провинцію! Зачѣмъ? Тамъ, видите, для нея лучше, тамъ у нея были друзья, пріятное общество, а здѣсь она досадуетъ, что не можетъ обратить на себя вниманія! Сумасшедшая! Неужели она, при своей шарообразной фигуркѣ думаетъ еще кому нибудь нравиться?.. (*кричитъ*) Грунька! что-же чаю? Скорѣй давай!.. (*За кулисами голосъ: сейчасъ!*)

ДУШЛЯКОВЪ. А жена все еще неидетъ сюда... все дуется, какъ мышь на крупу, и оставляетъ меня, какъ говорятъ, съ монологомъ про себя.—А вѣдь дѣйствительно странная особенность бываетъ у людей, любящихъ философскіе выводы: сколько разъ видалъ я, что человѣкъ идетъ себѣ одинъ по улицѣ, и занятый своею мыслію, серіозно размахиваетъ руками и говоритъ прегромко самъ съ собою. Я часто смѣялся надъ такими чудаками, не вѣрилъ, что можно думать вслухъ, а теперь вотъ самъ тоже дѣлаю и вовсе не смѣюсь надъ этимъ! Вотъ русская-то поговорка и справедлива: чему поемѣешься, тому поработаешь. (*кричитъ громче*) Чаю! Грунька! (*бросаясь на стулъ*), Фу! я сегодня что-то особенно не въ духѣ! Грунька!

Г. ДУШЛЯКОВЪ И ГОРНИЧНАЯ несутъ стананъ чаю съ сухарями.

ГОРНИЧНАЯ. Несу, несу, Иванъ Мартынычъ... (*ставитъ на столъ*)

ДУШЛЯКОВЪ. Что ты тамъ провалилась, а?

ГОРНИЧНАЯ. Да нельзя-же, надо было самоварчикъ подогрѣть, потомъ ждала, пока чай настоится...

ДУШЛЯКОВЪ. У тебя всегда есть глупое оправданіе! (*Съ досадою грозя кулакомъ*) У! женское ехидное племя! Вы существуете для того только, чтобъ дѣлать намъ неприятности! (*Прихлебнувъ изъ стакана*) Отчего не сладко, а?

ГОРНИЧНАЯ. Помилуйте... шесть кусковъ положила, какъ вы всегда приказываете...

ДУШЛЯКОВЪ. Врешь! совсѣмъ не сладко! Вѣрно только четыре положила, а два сама съ кофеемъ сгрызла.

ГОРНИЧНАЯ. Ей-Богу, баринъ, шесть кусковъ! Это вамъ такъ кажется не сладко, потому-что...

ДУШЛЯКОВЪ. Почему? Почему?

ГОРНИЧНАЯ. Потому, что вамъ жить-то вѣрно очень горько на свѣтѣ...

ДУШЛЯКОВЪ (*грозно*). Какъ ты мнѣ, дура, смѣешь это говорить, а? Какъ ты смѣешь думать, что мнѣ горько жить на свѣтѣ, а? Какъ смѣешь даже видѣть, что мнѣ горько, или сладко? (*Вскочивъ со стула быстро ходитъ по комнатѣ*). Нѣтъ, Грунька, я тебя накажу! я тебя приколочу, тогда ты по-крайней-мѣрѣ навѣрно будешь знать, кому горько, кому сладко...

ГОРНИЧНАЯ. Помилуйте! за что-жъ такъ обижать маленькаго чловѣка? (*отступаетъ направо въ глубину*).

ДУШЛЯКОВЪ. А за то, чтобъ маленькій чловѣкъ не былъ большимъ дуракомъ, и держалъ языкъ на привязи! Вонъ изъ моего дома! (*Топочетъ ногами*). Вонъ! я хозяинъ дома, и имѣю право выгнать всякаго за глупыя дерзости! Вонъ!!

VI.

ТУТЪ-ЖЕ Г-ЖА ДУШЛЯКОВА.

ДУШЛЯКОВА (*сердито*). Что, что, вонъ? Выгнать добрую и вѣрную служанку, которая для меня необходима? Это что такое? (*Горничной*)... Поди, принеси мнѣ въ спальню кофе. (*Горничная, поцѣловавъ ея руку, уходитъ*). Помилуйте, Иванъ Марты-

ничъ, я вижу, что вы наконецъ потеряли всякое малѣйшее уваженіе къ нашему нѣжному и слабому полу! Живя здѣсь, въ вашемъ блестящемъ Петербургѣ, сердце ваше такъ очерствѣло, что вы сдѣлались какимъ-то отвратительнымъ эгоистомъ; ни мнѣ, ни окружающимъ меня, просто отъ васъ житья нѣтъ! И часто случается, что вы мнѣ не даете даже путнаго слова сказать... (*Онъ хочетъ говорить, она быстро перебиваетъ его*). Молчите! да, вы меня угнетаете, стараясь ежеминутно доказать, что я передъ вами ничего незначу! И я, какъ слабая женщина, разумѣется, не смѣю возражать, вѣчно молчу, молчу, какъ убитая, или плачу въ своей комнатѣ, не смѣя никому жаловаться! Эту-ли жизнь вы мнѣ обѣщали, когда я, чистосердечная и простодушная, отдавала вамъ свою руку? (*Онъ хочетъ возражать*). Молчите! вы клялись мнѣ, когда... мы пріѣхали отъ вѣнца, жертвовать всею для моего счастья, исполнять все мои желанія и капризы, доставлять мнѣ все радости, все удовольствія; вы обѣщали, что я въ кругу семейной жизни буду блаженствовать, а между-тѣмъ, въ продолженіе двухъ лѣтъ, вы только доказываете мнѣ, что вы ничтожный, жалкій хвостунъ, и больше ничего. (*Онъ снова хочетъ возражать, она, топнувъ ногою, вскрикиваетъ*). Дайте мнѣ хоть слово сказать! Да, сударь, вы не мужъ! вы не имѣете никакого права носить это почтенное прозваніе! Впрочемъ, я бы еще помирилась съ моимъ жалкимъ одиночествомъ, если бъ оставалась въ нашей благословенной провинціи, гдѣ я была на виду, гдѣ вокругъ себя видѣла пріятное, милое общество, которое занимало меня и любило... Такъ нѣтъ, вы и этой отрады лишили меня! вы привезли меня сюда, въ блестящую, шумную столицу, гдѣ на меня никто и малѣйшаго вниманія не обращаетъ! гдѣ эгоизмъ и себялюбіе вполне поглотили, уничтожили все людскія чувства! гдѣ надъ женщиной, которая умѣетъ чувствовать истинно, смѣются, какъ надъ старою модой! гдѣ не вѣрять ни во что человѣческое! (*постепенно разгорячалась*)—тогда, какъ женщина съ моей фигурой, съ моими достоинствами, безъ лести могла-бы украсить собою всякое образованное общество! За что-же, позвольте васъ спросить, вы лишили меня самыхъ невинныхъ удовольствій? За что вы такъ ужасно разочаровали жизнь мою? За что-же я должна въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ умирать съ тоски, прозябая здѣсь, въ какой-то Гончарной улицѣ, а? Развѣ чувствительные, благородные мужья поступаютъ такъ съ любимыми женами, а? Отвѣчайте-же, милостивый государь!

ДУШЛЯКОВЪ (*стараясь ее перебить*). Пе...

ДУШЛЯКОВА (*не давая ему времени*). Знаю, знаю, что вы станете возражать мнѣ! но этимъ вы передо мною не оправдастесь!

ДУШЛЯКОВЪ. Пере....

ДУШЛЯКОВА (*также*). Потому-что въ цѣлые два года вы мнѣ не могли и не умѣли доставить ни малѣйшихъ развлеченій!

ДУШЛЯКОВЪ. Перепе...

ДУШЛЯКОВА. Да это все равно, ничего не доказываетъ! Кто любитъ истинно жену свою, тотъ отъ другихъ старается перенять, какъ живутъ порядочные мужья...

ДУШЛЯКОВЪ. Перепетуя...

ДУШЛЯКОВА. Чудовище! Вы забыли, что я пожертвовала вамъ всѣмъ—моимъ нѣжнымъ сердцемъ, рукою, и за эти безцѣнные жертвы вы мнѣ платите самымъ холоднымъ, убійственнымъ равнодушіемъ. (*Начинаетъ рыдать*).

ДУШЛЯКОВЪ (*вспрыгнувъ*). Перепетуя Андреевна!..

ДУШЛЯКОВА и ДУШЛЯКОВЪ (*вмѣстѣ*). Боже мой! Боже мой! И въ добавокъ этотъ-же самый человекъ, этотъ жалкій мужъ, готовъ при всякомъ случаѣ жаловаться на бѣдную жену, даже требовать отъ нея, чтобъ она не смѣла рта развѣвать! (*какъ-бы сама съ собою*). А я васъ спрашиваю: можно-ли молчать женщинѣ съ моими достоинствами? Нѣтъ, еслибъ я была не женщина, а рыба, я разумѣется, тогда-бы поневолѣ должна была молчать; но, какъ Богъ мнѣ далъ чувства человека, языкъ, истинныя понятія, то я не могу молчать! Вы варваръ! вы забыли мою жизнь! вы убили мою молодость! Да! да, я васъ презираю!! Вы не стоите меня! вы не стоите моего мизинца! Вы тиранъ!!!—(*Она*). Перепетуя Андреевна! вы такая строптивая женщина, такого неспокойнаго характера, что еслибъ у васъ было три мужа, вмѣсто одного, такъ вы своимъ африканскимъ нравомъ всѣхъ троихъ свели-бы преждевременно въ могилу! Да! да! Вы такой здоровой комплекции, что съ вами невозможно поладить! Легкія ваши такъ хорошо устроены, голосъ такого сильнаго объема, что не только я, но самый роковой мужчина выбьется изъ силъ, замолчитъ и спрячется въ уголь, какъ мокрая курица! Что я и дѣлаю... (*отходитъ въ уголь и садится*).

ДУШЛЯКОВЪ (*вполголоса*). А! (*оба молчатъ довольно долго*).

Я только спрашиваю одно: зачѣмъ люди женятся?

ДУШЛЯКОВА (*про себя*).

Господи, Боже мой! что за мученіе

Здѣсь суждено мнѣ сносить?..

ДУШЛЯКОВЪ (*также*).

Право, нѣмецкое нужно терпѣніе

Съ нею, чтобъ кашу сварить!

ДУШЛЯКОВА.

Прежде мнѣ въ жизни все такъ улыбалось,
Въ дружбѣ, въ любви всѣ клялись...

ДУШЛЯКОВЪ.

Экое счастье мнѣ въ жизни досталось,
Просто-хоть въ адъ провались!

ДУШЛЯКОВА.

Въ дѣвушкахъ я была рѣзвая, смѣлая,
Взгляда, бывало, всѣ ждуть.

ДУШЛЯКОВЪ.

Кажется, женщина полная, зрѣлая,
А не дозрѣла вотъ тутъ! (*показавъ на голову*).

ДУШЛЯКОВА.

Живши въ провинціи, я красовалась,
Здѣсь-же, совсѣмъ новый міръ!..

ДУШЛЯКОВЪ.

Тамъ ты лицомъ и умомъ отличалась,
Здѣсь-же, adieu mon plaisir!

ДУШЛЯКОВА (*вскочивъ со стула*). Иванъ Мартынычъ! я вамъ говорю рѣшительно, что если вы не продадите этого дома и не увезете меня опять въ провинцію, я приду въ отчаяніе! я съума сойду! я... я... однимъ-словомъ, я за себя не отвѣчаю!

ДУШЛЯКОВЪ. Магушка, Перепетуя Андревна! право, я не вижу никакой надобности вамъ сходиться съ-ума. Послушайте, вы упрекаете меня въ эгоизмъ, а сами говорите и дѣйствуете, какъ самая жестокая эгоистка!

ДУШЛЯКОВА. Какъ, почему вы смѣете такъ думать обо мнѣ, чтобъ я была...

ДУШЛЯКОВЪ. Позвольте-же, дайте мнѣ логически доказать, какъ жестоки и неосновательны ваши требованія. Вы говорите, что въ Костромской губерніи вы были счастливые, веселѣе; что тамъ вы были на виду; тамъ всѣ льстили вашему самолюбію, восхищались вашими достоинствами, и проч. и проч., а здѣсь, въ столицѣ, вы стали незамѣтны;

хотя это такъ и должно быть, потому что здѣсь ничѣмъ и никого не удивишь, а тѣмъ менѣе подобная вамъ персона. Ей-Богу! вы не сердитесь... я хоть и мужъ вашъ, но долженъ сказать, что женщины, подобныя вамъ, здѣсь, въ Петербургѣ, право ни по-чемъ! И такъ, чтобъ вамъ снова пощеголять своими достоинствами, вы требуете, чтобъ я бросилъ службу и продалъ за безцѣнокъ свой домъ! Развѣ это не эгоизмъ съ вашей стороны? Изъ одного смѣшнаго, пустѣйшаго тщеславія, вы требуете отъ мужа такихъ жертвъ, на которыя ни я, и никто не долженъ рѣшаться!

ДУШЛЯКОВА. Но живя здѣсь, я чувствую страшную тоску, я видимо увядаю...

ДУШЛЯКОВЪ (*холодно*) Это общій законъ человѣческой природы. Вы-же въ такихъ годахъ, что ужъ вамъ и пора.

ДУШЛЯКОВА (*грозно*) Иванъ Мартынычъ!! сели вы будете дѣлать мнѣ подобныя замѣчанія, я васъ буду глубоко презирать! развѣ вы не видите, что здѣсь я съ каждымъ днемъ худѣю...

ДУШЛЯКОВЪ. Право, не вижу. Да и горничная вчера говорила, что она должна у всѣхъ вашихъ платьевъ перешивать крючки,—ни одно не сходится...

ДУШЛЯКОВА. Неправда! она лжетъ! Я ее сегодня-же прогоню!

ДУШЛЯКОВЪ. А! вотъ теперь вы хотите ее прогнать? Нѣтъ! такъ ужъ мы ее лучше оставимъ. Чѣмъ она виновата, что вамъ узки всѣ платья?

ДУШЛЯКОВА. Неправда! неправда! Вы посмотрите на мое лицо! видите, какая страшная перемѣна? (*Смотритъ на него*).

ДУШЛЯКОВЪ. Ваше лицо? Извините, если я скажу вамъ, безъ всякаго лицепріятія: оно изображаетъ совершенное полнолуніе.

ДУШЛЯКОВА. Но видите-ли вы эту страшную, матовую блѣдность?

Г. ДУШЛЯКОВЪ. Вы ошибаетесь: это такъ сказать, косметическая блѣдность...

ДУШЛЯКОВА (*въ сильномъ гнѣвѣ*) Какъ! и вы смѣете думать обо мнѣ такъ обидно? Это ужасно! Такъ я бѣлюсь, по вашему? а?

ДУШЛЯКОВЪ. Нѣтъ-съ, не по-моему, а вы это по вашему изволите упражняться...

ДУШЛЯКОВА. Послѣ этихъ обидныхъ заключеній, я съ вами говорить не хочу, слышите? Я съ вами не скажу ни слова, до тѣхъ поръ, пока вы... (*въ передней звонокъ*)

ДУШЛЯКОВЪ. Что это? ко мнѣ кто-то пожаловалъ... Эй! Аграфена! (*Аграфена, пробѣгая изъ комнатъ барыни въ переднюю.*)

VI.

ТѢЖЕ, ГОРНИЧНАЯ, ПОТОМЪ ПУШИНСКІЙ.

ГОРНИЧНАЯ. Ахъ-ти, я вамъ, баринъ, забыла сказать: это вѣрно пожаловалъ опять тотъ господинъ, который приходилъ давеча нанимать квартиру. *(Скрывается въ переднюю)*.

ДУШЛЯКОВЪ. А, слава Богу! Милости просимъ!

ДУШЛЯКОВА. Какъ! я хочу чтобъ вы продали домъ, а вы еще, какъ на смѣхъ мнѣ, пускаете жильцовъ? Нѣтъ, это выше силъ моихъ! Я не хочу! не позволяю! я несогласна!

ДУШЛЯКОВЪ. Душа моя, Перепетуя Андревна! сохранимъ хоть приличіе, не будемъ кричать при постороннемъ человѣкѣ... онъ ужъ въ передней...

ДУШЛЯКОВА. Я не хочу никого видѣть! А если вы отдадите квартиру, я клянусь вамъ, что чрезъ день выживу этого жильца изъ дому! Да! да! онъ не жилецъ въ этомъ домѣ! *(Уходитъ въ сильной досадѣ)* Прочь отъ меня! я васъ видѣть не хочу!

ДУШЛЯКОВЪ. *(успокоивая ее)* Перепетуя, пере...перестань *(про себя)* О, африканская натура! Она уморить меня!

ПУШИНСКІЙ *(входитъ, раскланиваясь)* Милостивый государь... мое нижайшее почтеніе!.. Извините... я кажется помѣшалъ вамъ наслаждаться семейнымъ счастіемъ?..

ДУШЛЯКОВЪ. О... совѣмъ напротивъ... Вы очень кетати... потому что... *(про себя)* Вѣрно онъ слышалъ голосъ моей раздражительной половины...

ПУШИНСКІЙ. *(про себя)*. Жена его, какъ я замѣтилъ, ушла въ сильномъ гнѣвѣ, вѣрно она муженька по утрамъ распекаетъ... *(ему)* Вы, пожалуйста, не перемоньтесь со мною; можетъ быть, ваша супруга еще не кончила своихъ распоряженій, такъ я могу послѣ.

ДУШЛЯКОВЪ. О, нѣтъ-съ, я... я ей приказалъ все, что тамъ слѣдуетъ, знаете, по хозяйству, и теперь совершенно освободенъ. Прошу садиться; позвольте: мнѣ ваше лицо знакомо... я васъ гдѣ-то часто видѣлъ...

ПУШИНСКІЙ. Ахъ, и я также гдѣ-то васъ встрѣчалъ...

ДУШЛЯКОВЪ. Только извините, я не помню...

ПУШИНСКІЙ. И я тоже.

ДУШЛЯКОВЪ. Но, я-то ничего... Покорнѣйше прошу...

ПУШИНСКІЙ. *(садится)* Покорно благодарю... А у васъ прекрасный домикъ! Давно вы имъ владѣете?

ДУШЛЯКОВЪ. Да вот ужъ съ годъ времени... Такъ себѣ одно-
семейный, спокойный, чистенькій...

ПУШИНСКІЙ. Да, премиленькій! И вѣрно ваша супруга въ вос-
хищеніи отъ этого домика?

ДУШЛЯКОВЪ (*незная что сказать*). О! да... да, она въ ужас-
номъ восхищеніи! Но, позвольте съ кѣмъ я имѣю честь?..

ПУШИНСКІЙ. Сейчасъ скажу. Позвольте мнѣ спросить прежде.
давно вы имѣете счастье быть женатымъ?

ДУШЛЯКОВЪ. Да ужъ два года—съ, какъ я наслаждаюсь этимъ
счастьемъ. Но я слышалъ, что вамъ угодно...

ПУШИНСКІЙ. Сейчасъ. Ахъ! какъ я всегда завидую этому счастью!
какъ пріятно видѣть, когда человѣкъ, найдя себѣ подругу по сердцу,
блаженствуетъ съ нею, живетъ душа въ душу, вотъ какъ напрімѣръ
вы... Какъ васъ зовутъ?

ДУШЛЯКОВЪ. Иванъ Мартынычъ... А васъ, позвольте узнать?..

ПУШИНСКІЙ. Владиміръ Андреичъ Пушинскій. Да! завидная ваша
участь, Иванъ Мартынычъ! А я, признаться, давеча очень удивился,
слыша, что вы, не бывши заняты никакими важными дѣлами по службѣ,
говорятъ, не принимаете никого раньше десяти часовъ, но теперь я по-
нимаю отчего это, понимаю... Обладая прелестною, доброю женой, вы
любите понѣжиться, посидѣть съ нею, побалагурить на свободѣ, попить
чайку стаканчикъ другой, принимая его съ любовію изъ рукъ обожаемой
женщины, и проч., и проч. О! въ эти отрадныя минуты, точно, нельзя
раньше десяти часовъ никого принимать! Давно и я собираюсь, подобно
вамъ, насладиться такимъ—же семейнымъ счастьемъ, но все не удается...

ДУШЛЯКОВЪ. О, да будто это мудрено? Стоитъ только вамъ най-
ти вотъ такую—же, какъ моя женушка, и вы... вы узнаете всю пре-
лесть этого счастья... (*Забывшись*) Конечно, не дай Господи и врагу!
т. е. я говорю, если кто ошибется...

ПУШИНСКІЙ. А, да! я васъ понимаю... Разумѣется, кто женит-
ся съ дуру, чортъ знаетъ зачѣмъ, на комъ, такъ тотъ, конечно,
вмѣсто блаженства наслаждается каторгой супружеской жизни!

Есть эти личности смѣшныя:

Иной — не глупый человѣкъ,

Вдругъ сядетъ въ дураки такіе,

Что послѣ плачетъ весь свой вѣкъ!

Себя бранить, жену порочить,

Кланетъ судьбу и жизнь свою...

ДУШЛЯКОВЪ (*про себя*)

Онъ описать какъ видно хочетъ
Всю биографію мою.

ПУШИНСКІЙ (*продолжая*)

Иной, чудакъ, вѣдь добровольно
Надѣнетъ петлю навсегда!..

ДУШЛЯКОВЪ (*приходя въ волненіе*)

Да, да, и какъ ему ни больно,
А ужъ изъ петли никуда!

ПУШИНСКІЙ (*такъ-же*)

Или страдая отъ недуга...

ДУШЛЯКОВЪ (*перебивая его*)

Одной отрады ждетъ глупецъ:
Авось любезная супруга
Затянетъ петлю... и конецъ!

ПУШИНСКІЙ. Да, да; избави Богъ всякаго мужа въ этой жизни отъ столь щекотливаго обстоятельства. Вотъ, напримѣръ, вы..

ДУШЛЯКОВЪ (*обижаясь*). Что такое, я? Государь мой! мнѣ странно... Вы кажется, пришли ко мнѣ нанимать квартиру, а не затѣмъ, чтобъ подмѣчать, кто здѣсь съ петлей на шеѣ..

ПУШИНСКІЙ. Не обижайтесь, Иванъ Мартынычъ, вы мнѣ не дали окончить фразы, что вы, конечно, очень далеки отъ подобной супружеской петли.

ДУШЛЯКОВЪ. О! ужъ конечно-съ!.. (*про себя*). Нельзя же, надо поддержать себя... (*ему*). Я, батюшка, изъ тѣхъ немногихъ мужей, которые... (*принимая грозную позу*). Гмъ! Боже сохрани, если жена чуть что-нибудь... бѣда! я никакой петли не испугаюсь!

ПУШИНСКІЙ. О! да это видно по вашей физиономіи... (*всторону*). Туда же, прикидывается молодцомъ.

ДУШЛЯКОВЪ. И такъ, государь мой, въ сторону дѣла супружескія, а займемся тѣмъ, зачѣмъ вы изволили пожаловать...

ПУШИНСКІЙ. Ваша правда-съ. Я смотрѣлъ въ вашемъ домѣ мезонинчикъ, въ которомъ три хорошенькія комнатки, и очень бы желалъ нанять ихъ. Что вы съ меня возьмете, только-съ съ вашими дровами и водой?

ДУШЛЯКОВЪ. О! я дорожиться не люблю. Крайняя цѣна за три комнаты съ дровами и водой десять рублей серебромъ.

ПУШИНСКІЙ. Гмъ... и меньше ничего?

ДУШЛЯКОВЪ. Невозможно взять меньше! посудите сами.

ПУШИНСКІЙ. Хорошо, хорошо, я нанимаю. По моимъ расчетамъ, все-таки это гораздо дешевле, чѣмъ нанимать номеръ въ гостиницѣ и платить за одну комнату по рублю въ сутки. (*вынимая изъ бумажника деньги*). Вотъ, вамъ, почтенный хозяинъ, за мѣсяцъ впередъ...

ДУШЛЯКОВЪ. Очень хорошо-съ. (*про себя*). На зло моей женѣ выпускаю въ домъ жильца! (*Ему*). А вы стоите въ гостиницѣ? Вѣрно вы недавно въ Петербургѣ?

ПУШИНСКІЙ. Вчера только прикатилъ къ вамъ по желѣзной дороге изъ Москвы. Чудная дорога!

ДУШЛЯКОВЪ. А! такъ вы москвичъ?

ПУШИНСКІЙ. Нѣтъ, я здѣшній уроженецъ; но какъ вѣрный сынъ отечества, путешествовалъ лѣтъ восемь по матушкѣ Россіи, жилъ вездѣ, изучая на мѣстѣ разные обычаи и нравы; пописываю кое-о-чемъ, и потому именно, что первые мои опыты были хорошо приняты публикою и одобрены нашими журналами.

ДУШЛЯКОВЪ. А! такъ вы писатель? Это очень пріятно...

ПУШИНСКІЙ. Да-съ, началъ я довольно счастливо, не знаю, буду-ли имѣть успѣхъ теперь?

ДУШЛЯКОВЪ. Помилуйте! у насъ теперь въ Петербургѣ, хоть и любятъ похулить, побранить, но таланту всегда отдадутъ справедливость...

ПУШИНСКІЙ. Нѣтъ, вотъ въ томъ-то и горе наше, что иногда эта справедливость вдвое хуже всякой несправедливости; въ литературѣ нашей вездѣ играютъ роли кумовство, да дружескія отношенія... ну, да, что объ этомъ, послѣ будемъ толковать. Когда же я могу къ вамъ переѣхать?

ДУШЛЯКОВЪ. Хоть сейчасъ, если вамъ угодно. (*Оба встаютъ*).

ПУШИНСКІЙ. Прекрасно! я сейчасъ распоряжусь. Потомъ опять пушусь странствовать по улицамъ, чтобъ вполне насмотрѣться, любоваться нашей чудною столицей! Неправда-ли, замѣчательный, рѣдкій городъ?..

ДУШЛЯКОВЪ. Да, батюшка, какъ я въ первый разъ съ женой пріѣхалъ въ вашъ Петербургъ, то безъ всякой лести скажу: ротъ разинулъ отъ удивленія! Великолѣпный городъ! Женѣ моей онъ только очень не по нутру, но она женщина, ничего не понимаетъ въ этомъ. Я же, признаюсь, люблю Петербургъ.

ПУШИНСКИЙ. Помилуйте, да я только восемь лѣтъ не былъ здѣсь, и теперь просто въ восторгѣ отъ разныхъ новостей.

Нашъ Петербургъ сталъ чудно украшаться!
Спѣшу вездѣ, гдѣ можно, побывать,
Имъ иностранцы вѣдятъ любоваться,
Такъ русскому грѣшно его не знать!
Давно ли былъ я въ сѣверной Пальмирѣ,
И что жъ? дивлюсь невольно чудесамъ...
Нашъ Петербургъ красивѣй сталъ и шире,
Растетъ гигантъ, на диво всѣмъ вѣкамъ!
И не по днямъ растетъ, а по часамъ!
По мѣрѣ силъ и умственныхъ познаній,
Все видимо и крѣпнеть, и цвѣтеть!
Какъ много здѣсь полезныхъ начинаній,
Какъ дѣйствуетъ, работаетъ народъ...
Завистники хоть къ русскимъ очень строги,
Но къ зависти и много есть причинъ:
Здѣсь *сила, умъ, желѣзныя дороги,*
Торговля, жизнь. . и надо-всѣмъ одинъ
Нашъ сѣверный могучій *Властелинъ!!*

Такъ, именно, есть чему позавидовать! Неправда ли?.. Такъ до пріятнаго свиданія, любезный хозяинъ!

ДУШЛЯКОВЪ. До свиданія, Владиміръ Андреичъ! А когда вы познакомитесь съ моею женой, внушите, пожалуйста, ей настоящее понятіе о Петербургѣ, это необходимо для меня.

ПУШИНСКИЙ. Всѣми силами постараюсь. Прощайте! (*уходитъ*).

ДУШЛЯКОВЪ (*проводя его въ переднюю*). Прощайте, мой любезный, мой дорогой жилецъ! Очень радъ, что мы съ вами такъ скоро сошлись; переѣзжайте поскорѣе! До свиданья!..

VIII.

ДУШЛЯКОВЪ въ передней и **Г-ЖА ДУШЛЯКОВА**, входя, слышитъ послѣднія слова мужа;
ГОРНИЧНАЯ проходить въ переднюю.

ДУШЛЯКОВА. Какъ, переѣзжайте? да вы съ ума сошли! Вы смѣтаетесь надо мною! я не позволю никому переѣзжать, съ кѣмъ бы вы тамъ ни сошлись! слышите? не позволю! не хочу!..

ДУШЛЯКОВЪ. Жена! Перешетуй Андревна! успокойся...

ДУШЛЯКОВА. Не хочу! не хочу! и не хочу!..

ДУШЛЯКОВЪ. Жилецъ нашъ отличный мальи!

ДУШЛЯКОВА. Не хочу!

ДУШЛЯКОВЪ. Отдалъ намъ впередъ за мѣсяць...

ДУШЛЯКОВА. Знать ничего не хочу!

ДУШЛЯКОВЪ. Видный мужчина...

ДУШЛЯКОВА. Я видѣть его не хочу!

ДУШЛЯКОВЪ. Извѣздилъ всю Россію...

ДУШЛЯКОВА. Миѣ какое дѣло?

ДУШЛЯКОВЪ. Онъ хочетъ и съ тобой...

ДУШЛЯКОВА. Что? что?

ДУШЛЯКОВЪ. Свести знакомство.

ДУШЛЯКОВА. Не хочу! я уѣду отсюда!

ДУШЛЯКОВЪ. Да узнай прежде, вѣдь это писатель...

ДУШЛЯКОВА. Такъ что жъ?

ДУШЛЯКОВЪ. Владиміръ Андреичъ...

ДУШЛЯКОВА. Какъ!

ДУШЛЯКОВЪ. Владиміръ Андреичъ Пушкинскій, хорошіи писатель и прелюбезный человекъ! Онъ вчера пріѣхалъ.

ДУШЛЯКОВА (*про себя*). Какъ, Владиміръ Андреичъ Пушкинскій? мой милый Вольдемаръ, который въ Костромѣ отъ меня съ ума сходилъ... Возможно-ли, онъ здѣсь!.. онъ меня преслѣдуетъ...

ДУШЛЯКОВЪ (*про себя*). Что съ нею? неужели названіе писателя такъ успокоительно подѣйствовало на ея нервы?..

Да, да, писатель онъ, и умница притомъ...

ДУШЛЯКОВА (*смягчась*).

Ну, если такъ, то я... охотно бѣ согласилась!

Писателя принять весьма пріятно въ домъ!

ДУШЛЯКОВЪ (*про себя, наблюдая за нею*.)

Вотъ чудо! вдругъ совсѣмъ утихла, усмирилась!..

ДУШЛЯКОВА.

Съ талантами жилецъ не надоѣсть никакъ:

Напишетъ что и намъ прочтеть въ часы досуга...

ДУШЛЯКОВЪ (также).

Не написать-ли мнѣ чего-нибудь, да такъ,
Чтобъ успокоилась на вѣкъ моя супруга!

ДУШЛЯКОВА (*перемѣнивъ голосъ*). Ахъ, Жанъ! какой ты упрямый человекъ! У тебя какая-та страсть вѣчно поставить на своемъ! Ну, дѣлать нечего, я какъ слабое созданіе, поневолѣ должна уступить тебѣ...

ДУШЛЯКОВЪ (*про себя*). Что это! моя Перепетуя Андревна называетъ себя слабымъ созданіемъ... Это что-то не въ натурѣ вещей...

ДУШЛЯКОВА (*про себя*). Боюсь, чтобъ онъ не замѣтилъ моего волненія (*ему*) Такъ ты ужъ съ жильца за мѣсяцъ и деньги впередъ взялъ? (*Грозитъ ему съ любезностью*) У, тиранъ! ты вѣрно зналъ, что переспоришь меня... Ну, дѣлать нечего, пусть будетъ по-твоему. Когда же нашъ жилецъ переѣдетъ?

ДУШЛЯКОВЪ. Да хотѣлъ сейчасъ... (*про себя*). Удивительно, совсѣмъ измѣнилась!..

ДУШЛЯКОВА (*бѣжитъ къ зеркалу и охорашивается*). Сейчасъ, ахъ, Боже мой, какъ это досадно! Кажется, у тебя тамъ квартира не въ порядкѣ; ты бы пошелъ и приказалъ дворнику хорошенько вымести, вычистить, обтереть пыль, и проч. и проч., понимаешь Жанъ? это необходимо.

ДУШЛЯКОВЪ. Квартира-то, не безпокойся, въ порядкѣ, но ты...

ДУШЛЯКОВА (*подбѣгая къ нему*). А что я, а? вѣрно очень блѣдна? да, цвѣтъ лица болѣзненный? да?

ДУШЛЯКОВЪ. Господь съ тобою, какой болѣзненный, напротивъ! Мнѣ странно, что ты...

ДУШЛЯКОВА. Что, что, похудѣла? Ахъ! это все ты виновать, чудовище! (*грозитъ ему и опять подбѣгаетъ къ зеркалу*). Ты скоро меня въ гробъ вронишь своимъ тиранствомъ!

ДУШЛЯКОВЪ (*про себя*). Ахъ! къ несчастію, это почти не возможно! (*въ передней раздается звонокъ*).

ДУШЛЯКОВА (*въ сильномъ волненіи*). Ахъ! это вѣрно онъ! а я такъ небрежно одѣта... (*про себя*). Надо показать Вольдемару, что я не даромъ въ Петербургѣ; побѣгу, приведу свой туалетъ въ порядокъ, свои чувства, свои мысли, идеи, и проч. и проч. (*убѣгаетъ*).

ДУШЛЯКОВЪ (*смотря ей вслѣдъ*). Чортъ знаетъ, что это съ моею Перепетуей? Она, какъ будто неможно повихнулась... (*горничной*). Кто тамъ звонилъ?

ГОРНИЧНАЯ. Какой-то толстый баринъ васъ спрашиваетъ... говорить, что ищеть васъ другой день.

ДУШЛЯКОВЪ. Кто такой? Зови сюда! (*Въ передней слышенъ громкій голосъ*). А, нашель! слава Богу! нашель!

IX.

ТЪ ЖЕ и БУРСАКОВЪ, тучный мужчина, въ длинномъ пальто, фуражкѣ и съ палкою.

ДУШЛЯКОВЪ. Что за дьявольщина! голосъ знакомый... Кто бы это?..

БУРСАКОВЪ (*входя снимаетъ фуражку*). Иванъ Мартынычъ!

ДУШЛЯКОВЪ (*узнавъ его*). Ба! ба! Мартынь Иванычъ!! глазамъ не вѣрю...

БУРСАКОВЪ. Другъ, Иванъ-Мартынычъ!.. (*простирая объятіи*).

ДУШЛЯКОВЪ (*также*). Онъ! онъ! Мартынь Иванычъ! другъ! благопріятель, мудрый наставникъ мой! Какое счастье! какими судьбами ты въ Петербургъ? Ахъ, Боже мой! я готовъ заплакать отъ радости!! (*цѣлуются*).

БУРСАКОВЪ. Спасибо, дружище! большое спасибо за такой радушный пріемъ! это для меня, канальство, большая утѣха!

ДУШЛЯКОВЪ. Садись, пожалуйста, голубчикъ ты мой, сегодня еще я вспоминалъ о тебѣ и вспоминалъ съ чувствомъ глубокаго уваженія... А ты какъ снѣгъ на голову!

БУРСАКОВЪ. Спасибо! Я былъ увѣренъ, что ты еще забылъ меня, Иванъ Мартынычъ...

ДУШЛЯКОВЪ. Тебя забыть? Боже сохрани! (*съ глубокимъ чувствомъ*).

Наставникъ мой, Мартынь Иванычъ!

Завидуя твоей судьбѣ,

Твои уроки, днемъ и на ночь

Твержу частенько я себѣ;

Грѣшно-бѣ съ тобою раздружиться,

Ты столько дѣлалъ мнѣ услугъ,

И не совѣтовалъ жепиться,

Такъ значить, ты мой лучшій другъ!

Здоровъ ли ты, мой голубчикъ? философъ костромскихъ лѣсовъ?

БУРСАКОВЪ. Какъ видишь, милый Ванюша; лезу канальство врозь, какъ тѣсто въ квашнѣ!

ДУШЛЯКОВЪ. Слава Богу! Вотъ ужъ сдѣлалъ сюрпризъ неожиданный! Мартынь Иванычъ у меня въ домѣ! А давно ли ты въ Петербургъ, какъ ты нашель меня?

БУРСАКОВЪ. Да ужъ братъ думалъ, въ такомъ обширномъ городищѣ никогда не найду тебя; да спасибо, указали мнѣ дорогу въ адресный столъ, тамъ я тебя разомъ и отрылъ; а преползное заведеніе для насъ, глухихъ провинціаловъ. Ну, Ванюша, что это у васъ за Петербургъ, канальство, какое раздолье!

ДУШЛЯКОВЪ. Да, дружище, не правда ли, рѣдкій, замѣчательный городъ?

БУРСАКОВЪ. Чудо, чудо канальство! И тѣмъ болѣе замѣчательнѣе, что куда ты ни покажись, никто тебя и замѣчать не станетъ! тутъ ли ты, нѣтъ ли, идешь, или ѣдешь, на тебя какъ будто и наплевать не хотятъ! А вѣдь это для нашего брата, маленькаго человѣка, обычай весьма утѣшительный, канальство! У насъ же, поди, въ провинціи каждый шагъ, что сдѣлалъ, куда сходилъ, все узнаютъ и разомъ осудятъ!

ДУШЛЯКОВЪ. Да ужъ это я очень хорошо знаю, самъ довольно пожилъ въ провинціи. Здѣсь, дружище, совсѣмъ напротивъ, и понятія и обычай совершенно другія. Здѣсь каждый, во-первыхъ, непремѣнно занятъ своимъ дѣломъ, своей службой, у каждаго забота о себѣ и о своемъ, стало-быть, нѣтъ времени заниматься тѣмъ, что до насъ не касается. Въ такомъ многолюдномъ муравейникѣ, какъ нашъ Петербургъ, это очень натурально, такъ должно быть.

БУРСАКОВЪ. Да, да, для насъ чудаковъ, это очень ново и странно, канальство! Но, объ этомъ послѣ; ну, а какъ ты-то поживаешь? Что твоя женушка? ладишь ли ты съ нею, а?

ДУШЛЯКОВЪ (про себя). Что я ему скажу? чортъ знаетъ? самолюбіе велитъ хоть на время скрыть и отъ друга свое несчастіе. (Ему). Ни што, живемъ, дружище, да хлѣбъ жуемъ! не знаю, что дальше будетъ, а покуда очень, очень хорошо!

БУРСАКОВЪ. А! значить, дай Богъ, чтобъ у васъ и всегда такъ было! Значить, живете, такъ говорится: душа въ душу, канальство?

ДУШЛЯКОВЪ (съ ироніей). Да, канальство! такъ иногда бываетъ, что просто не знаешь, какъ и выразить... (идетъ и приказываетъ что-то горничной).

БУРСАКОВЪ. А! Поздравляю! (Про себя). А я, дуралей, не смѣю теперь ему и сказать, на какомъ чудовищѣ меня женили... Впрочемъ хоть и стыдно, канальство, а надо же ему объявить о моемъ несчастіи (ему). Гмъ! Иванъ Мартынычъ!

ДУШЛЯКОВЪ. Что? что мой любезный Мартынъ Иванычъ? сейчасъ я велѣлъ намъ подать позавтракать.

БУРСАКОВЪ. Спасибо, гмъ! Иванъ Мартынычъ! представь себѣ: ты

вѣдь знаешь, что я страшный охотникъ стрѣлять всякую дичь? и по болоту люблю шататься и по лѣсу, знаешь?

ДУШЛЯКОВЪ. Какъ не знать тебя! даже въ Костромѣ звали всѣ волшебнымъ стрѣлкомъ.

БУРСАКОВЪ. Да... но теперь ужъ я пересталъ охотиться, потому—что однажды больно промахнулся. Слушай, зналъ ты, за Костромой есть одно большое болотное мѣсто и называется: бабій выгонъ?

ДУШЛЯКОВЪ. Знаю, помню.

БУРСАКОВЪ. Ну, а помнишь близъ этого мѣста жила въ своемъ селѣ, одна солидная барышня, лѣтъ сорока слишкомъ, по имени Праксагора Ксенофонтовна?

ДУШЛЯКОВЪ. Праксагора Ксенофонтовна? Какъ не помнить! отъ нее еще всѣ бѣгали, а наша молодежь прозвала ее Медузой.

БУРСАКОВЪ. Медузой? Она! она! Представь же себѣ, дружище: вѣдь наконецъ и она вышла замужъ!

ДУШЛЯКОВЪ (*очень удивленный*). Неужто? Быть не можетъ! Какого же это олуха она плѣнила своею личностью? Ха, ха, ха!

БУРСАКОВЪ. А ты думаешь, что она ничѣмъ и никого не можетъ плѣнить?

ДУШЛЯКОВЪ. Да, помилуй! Надо быть или совсѣмъ слѣпымъ, или дуракомъ, или пьянымъ, чтобъ рѣшиться...

БУРСАКОВЪ. Гмъ! пьянымъ (*вспомнивъ*). Ахъ, да! благодарю тебя, дружище, что ты совершенно познакомилъ меня съ гордоновскимъ коньякомъ... Только скажи, какой злой духъ внушилъ тебѣ подарить меня этимъ зельемъ?

ДУШЛЯКОВЪ. А что? я, въ знакъ памяти, хотѣлъ тебѣ, какъ охотнику.

БУРСАКОВЪ (*съ чувствомъ*). Иванъ Мартынычъ! То-то и бѣда! ты меня такъ этимъ коньякомъ разохотилъ, что окончательно погубилъ, канальство!

ДУШЛЯКОВЪ. Что за вздоръ! Ты шутишь...

БУРСАКОВЪ. Да! ты себѣ думай и смѣйся, какъ хочешь, а Праксагора Ксенофонтовна, хоть и Медуза, а замужемъ, канальство!

ДУШЛЯКОВЪ. Невѣрю! Какой же это простофиля тамъ женился на ней? (*Оглядываясь*). Я, признаться откровенно, не очень отличился выборомъ супруги... а ужъ мужъ Праксагоры долженъ быть крайне недаленовидѣнъ.

БУРСАКОВЪ. Гмъ! да ты его знаешь, я думаю...

ДУШЛЯКОВЪ. Неужто? Да кто же этотъ сумасшедшій?

БУРСАКОВЪ (*отчаянно*). Я, канальство!

ДУШЛЯКОВЪ (*вскочивъ*). Какъ! ты?!

БУРСАКОВЪ. Да! что? поразилъ? то-то же! Я въ одно прескверное утро охотился у бабьяго выгона за утками, да и подстрѣлил бабуптицу.

ДУШЛЯКОВЪ (*пораженный*). Мартынъ Иванычъ! Ты, ты женился на Праксагорѣ? Помилуй! Да гдѣ жъ у тебя былъ разсудокъ? Гдѣ были глаза?..

БУРСАКОВЪ. А чортъ знаетъ, канальство! Ты тутъ много виновать. Разсудокъ мой тогда былъ сильно помраченъ твоимъ гордоновскимъ коньякомъ... а глаза мои, когда я выпью, какъ слѣдуетъ, основательно, глаза подергиваются целеной, въ родѣ куриной слѣпоты.

ДУШЛЯКОВЪ. Чортъ возьми, да какъ это могло случиться, когда ты у насъ считался строгимъ философомъ, человѣкомъ холоднымъ, бѣгалъ отъ женщинъ, какъ отъ огня, не совѣтовалъ даже мнѣ жениться, и вдругъ самъ...

БУРСАКОВЪ (*холодно*). Сдѣлалъ глупость фундаментальную! Да, братъ, Праксагора Ксенофоновна на болотѣ обошла меня, канальство! Заманила, заколдовала и наконецъ за то теперь я увѣрился, что мужчина, со всей своей философией, умомъ и мужествомъ, суцая дрянь передъ женской хитростью.

ДУШЛЯКОВЪ. Ну, и что жъ! какъ ты поживаешь съ нею, а?

БУРСАКОВЪ (*почесывая за ухомъ*). Какъ? да ни што такъ... не то, чтобъ совѣмъ худо, а... какъ кошка съ собакой.

ДУШЛЯКОВЪ (*съ важностью*). Неужели? Это жаль, не хорошо!.. ужъ коли женился, такъ надо жить миролюбиво и согласно...

БУРСАКОВЪ. То есть, такъ какъ ты съ супругою? Нѣтъ, братъ, такое счастье не всякому дается.

ДУШЛЯКОВЪ (*скопфуженный*). Гмъ... да... разумѣется, не всякому... Но, скажи... зачѣмъ же ты сюда пріѣхалъ?..

БУРСАКОВЪ. Зачѣмъ? да жена притащила сюда. Поѣдемъ, говорить, полно вѣкъ увольнемъ сидѣть! я говорить, хочу тоже побывать въ столицѣ, свѣтъ видѣть. Вотъ притащились сюда, взяли въ гостиницѣ двѣ комнаты, съ прихожей, и тамъ за все про все деруть съ насъ такъ, канальство, что карманъ трещитъ! Видишь, деньжонокъ съ нами всего тыщенки три, такъ я, чтобъ не профершилиться и поѣхалъ тебя отыскивать, знаешь, чтобъ попросить твоего совѣта, какъ прожить здѣсь, такъ, чтобъ послѣ съ Праксагорой не пришлось въ Кострому отправляться по образу пѣшаго хожденія.

ДУШЛЯКОВЪ (*съ живостью*). Другъ! спасибо, что ты вспомнилъ обо мнѣ: я предлагаю тебѣ полное гостепріимство! квартира, столъ,

экипажъ, словомъ, все къ твоимъ услугамъ! У меня же кстати мезонинъ еще не занятъ покуда. Я взялъ было за него десять цѣлковыхъ впередъ, но это не бѣда, возвращу деньги, извинюсь, и дѣло кончено!.. Ну, пойдёмъ же, позавтракаемъ, потомъ сейчасъ и переѣзжай ко мнѣ.

БУРСАКОВЪ (*съ чувствомъ*). Иванъ Мартынычъ! ты мой истинный другъ, канальство! При тебѣ, я хоть на время забуду, что у меня есть жена съ чудовищнымъ нравомъ!

ДУШЛЯКОВЪ. Дай Богъ! (*ведетъ его*). Такъ Праксагора твоя значитъ очень зла и вспыльчива.

БУРСАКОВЪ. У! канальство! баба страшная!

ДУШЛЯКОВЪ. Обходитесь съ тобою не хорошо?

БУРСАКОВЪ. У! кабы только не хорошо... такъ ладно-бы... а то, такъ что... Знаешь, баба съ голосомъ и силы дьявольской!

ДУШЛЯКОВЪ. Что-жъ? неужели бьётъ тебя?

БУРСАКОВЪ. Охъ, братъ, тяжело мнѣ, канальство! однимъ только оружіемъ и обороняюсь отъ нея, когда начнетъ нападать.

ДУШЛЯКОВЪ. А чѣмъ? какъ? научи, пожалуйста... чѣмъ?

БУРСАКОВЪ. Чѣмъ? обороняюсь-то? А знаешь, хвачу хорошенько коньячку! это одно спасеніе, какъ тутъ у меня... (*показываетъ на голову*) заиграетъ, канальство, такъ у меня и смѣлость, и энергія явятся... Праксагора заоретъ, а я пуще! Она ко мнѣ съ оплеухой, а я, канальство, съ кулаками! Вотъ она и струситъ, и присмирѣть.

ДУШЛЯКОВЪ. А! и присмирѣть? (*про себя*). Надо мнѣ принять къ свѣдѣнію это средство съ Перепетуей.

БУРСАКОВЪ. Да, она у меня знаетъ, что если я ударю этакъ неосторожно, то вѣдь чисто запибу до смерти! Эхъ! да къ чему тебѣ знать эти подробности, ты вѣдь счастливчикъ, канальство!

ДУШЛЯКОВЪ. Да... да... счастливчикъ! Пойдемъ-ка, позавтракаемъ хорошенько (*оба уходятъ въ кабинетъ, продолжая разговоры*) И ты говоришь, что если этакъ выпить, такъ и голосъ, и смѣлость появятся?

БУРСАКОВЪ. Да, натурально, канальство! Это у меня дѣло ужъ фактами дознанное... (*въ то время, какъ они уходятъ, является изъ передней Пушкинскій*).

X.

ПУШИНСКОЙ. Гдѣ-же почтенный хозяинъ? Я ужъ совсѣмъ почти переѣхалъ! Славная у меня будетъ квартирка! надо только немного

купить мебели... а то—не ловко: ни състь, ни лечь не на чѣмъ... Надо хоть на время попросить у Ивана Мартыныча какогонибудь дивана, да стараго стулика, онъ вѣрно мнѣ не откажетъ! онъ принялъ меня такъ радушно... Но какъ-бы теперь сойтись съ его супругой: она давеча не хотѣла къ намъ выйти; вѣрно г-жа титулярная совѣтница боится показать свои прелести. (*смотря на право*). А! вотъ кто-то выходитъ... У! какая разфранченная фигура! и какъ жеманится...

XI.

ПУШИНСКІЙ и **ДУШЛЯКОВА**, стараея казаться ловкою и любезною.

ПУШИНСКІЙ (*про себя*). Что это? лицо знакомое! Я гдѣ-то видѣлъ эту карикатурную барыню.

ДУШЛЯКОВА (*будто не видя его*). Мужъ! гдѣ ты? Шеръ Жанъ! венец-иси (*взглянувъ на Пушкинскаго*). Ахъ! кого я вижу! ахъ! какая встрѣча!! (*падаетъ на стулъ*).

ПУШИНСКІЙ (*подбѣгая къ ней*). Сударыня, вамъ дурно?... какъ! да это Перешетугя Андревна! Это вы! прошу покорно! (*Про себя*) Вотъ именно преглуная встрѣча! Она въ Костромѣ ужасно за мной ухаживала! (*ей*) Неужели это вы?..

ДУШЛЯКОВА (*вздыхая громко и часто*). Ахъ! я... я... Жестокій Вольдерамъ! Ахъ! что привело васъ снова къ моимъ ногамъ! Неужели вы будете вѣчно меня преслѣдовать? Впрочемъ, я прощаю вамъ ваше безумство, потому что тутъ виноватъ больше случай...

ПУШИНСКІЙ (*про себя*). Что она за чепуху городить? (*ей*) Да-съ, я ей-Богу ни сколько не виноватъ... я никогда и не думалъ.

ДУШЛЯКОВА. Ахъ! я вамъ вѣрю! вѣрю! Ассе-еву... (*онъ садится*). Такъ вы вспомнили меня? узнали? Ну, что-жъ, признайтесь... признайтесь откровенно.

Я измѣнилась? постарѣла?

ПУШИНСКІЙ.

Ахъ нѣтъ, позвольте доложить:

Нисколько (*про себя*) только растолстѣла!

ДУШЛЯКОВА.

Вы льстите мнѣ...

ПУШИНСКІЙ.

Зачѣмъ же льстить?

ДУШЛЯКОВА (*жесманно*).

Ахъ, нѣтъ! я очень измѣнилась...
Вамъ скажетъ и лицо мое.

ПУШИНСКІЙ.

Напротивъ, вы... (*про себя*) учетверилась!
Лицо, какъ глобусъ у нея!

ДУШЛЯКОВА.

Себя здѣсь чувствую я дурно,
Страдаю...

ПУШИНСКІЙ.

Я же, какъ смотрю...
Вы, чудо какъ... (*про себя*) каррикатурна!
(*Ей*). Я вамъ безъ лести говорю.

ДУШЛЯКОВА (*съ чувствомъ*).

Ахъ! вѣрю... и благодарю!

Но, пожалуйста, оставимъ заниматься мною... Скажите мнѣ, Вольдемаръ, гдѣ вы были все это время? (*громко вздыхаетъ*). Ахъ! (*темпы вальса на мотивы изъ Лукреціи Борджіа*).

Вы съ нами разстались
И слѣдъ вашъ пропалъ!
Гдѣ были, скитались?

ПУШИНСКІЙ.

Вездѣ побывалъ!
Для знаній полезныхъ,
Забывъ о друзьяхъ,
Въ губернскихъ, уѣздныхъ
Я жилъ городахъ.

ДУШЛЯКОВА.

Вы жили, гуляли,
А мы такъ *жаме*:

Мы очень скучали
Объ васъ въ Костромѣ.
Скучите разлуки
Нѣтъ въ жизни, ей ей!

ПУШИНСКІЙ.

Такъ замужъ со скуки
Вы вышли скорѣй;
Теперь ужъ и дѣти
У васъ быть должны.

ДУШЛЯКОВА.

Нѣтъ! радости эти
Не мнѣ суждены:
Я стражду вседневно душою!
И скоро, конечно, провѣдаютъ все,
Какъ я изнуряюсь тоскою;
А мужъ мой при мнѣ, только такъ, *пуръ-насе!*
Но, ежели, вдругъ по несчастью,
Ко мнѣ обратитъ онъ свой ласковый взоръ,
То это зову я напастью!
Онъ жалокъ! смѣшонъ! се-тро-форъ!

ПУШИНСКІЙ.

Да... не пріятно
Мнѣ страхъ васъ жаль.

ДУШЛЯКОВА.

Такъ вамъ понятна
Моя печаль?
Едва живу я,
Такъ; жизнь грустна!..

ПУШИНСКІЙ (*про себя*).

Перепетуя,
Какъ ты смѣшна!..

ДУШЛЯКОВА (*весело*).

Теперь я въ надеждѣ,
Что друга нашла:
Я съ вами, какъ прежде,
Душой ожила! (*съ чувствомъ*)
Живя здѣсь безопасно,
Незнаясь съ людьми,
Останьтеся вѣчно,
Ву-мон-шеръ-ами!

ПУШИНСКІЙ. Ахъ, это для меня будетъ весьма пріятно!... (*про себя*) Она, живя здѣсь, кажется окончательно помѣшалась?... (*ей*) Однако, надо признаться, Перепетуя Андревна, что счастье всегда почти какъ будто нарочно любить подшутить надъ нами! на примѣръ: два года назадъ, уѣзжая отъ васъ изъ Костромы, я былъ твердо увѣренъ, что ужъ никогда болѣе не встрѣчусь съ вами, и вдругъ, какъ будто нарочно, мы опять вмѣстѣ.

ДУШЛЯКОВА (*громко вздыхая*). Ахъ, Вольдемаръ! Я всегда была и буду той вѣры, что судьба знаетъ что дѣлаетъ! Неспа?

ПУШИНСКІЙ. Да! поневолѣ скажешь теперь эти стихи.

«Какъ жалокъ мнѣ и бѣденъ человекъ:
«Игрушкою ты былъ и будешь цѣлый вѣкъ!»

ДУШЛЯКОВА (*выразительно*). О! сертенеманъ! я... Я васъ понимаю; какой смыслъ вы даете этимъ стихамъ.... Ахъ! да что же мнѣ было дѣлать?

ПУШИНСКІЙ (*про себя*). Ну, такъ, у нея слабость вѣчно понимать все навыворотъ! (*Ей*) Нѣтъ-съ, Перепетуя Андревна, я эти стихи сказала къ тому, что случай распоряжается нами, право, очень странно: то знакомить насъ въ Костромѣ, то вдругъ приводитъ сюда, въ Гончарную улицу! Я нанимаю здѣсь квартиру, плачу вамъ десять цѣлковыхъ, нахожу васъ замужнею женщиной, отъ которой я всегда старался.... (*особо*) быть на благородной дистанціи (*ей*) т. е. старался заслужить....

ДУШЛЯКОВА (*съ энергіей*). Довольно! я вполне понимаю васъ! Ахъ! Вольдемаръ, я не знаю, какъ мнѣ благодарить прихотливую фортуна пуръ сетъ ранконтръ!.. Сколько отрадныхъ воспоминаній теперь воскресло въ моей памяти....

ПУШИНСКИЙ (*про себя*). Ой! ой! она такъ на меня таращитъ свои сѣрые глаза, что я готовъ захохотать во все горло. (*ей*) Перепетуя Андревна, я конечно готовъ предаваться всякимъ мечтамъ и воспоминаніямъ, но въ настоящее время у меня другое въ головѣ....

ДУШЛЯКОВА (*въ нетерпѣи*). Ахъ! откройте мнѣ ваши идеи! Откройте ваши задушевные мысли....

ПУШИНСКИЙ. Да право, неловко, я не могу рѣшиться....

ДУШЛЯКОВА. Пуръ-куа-донкъ? Неужели вы меня еще не знаете?

ПУШИНСКИЙ (*показывая въ потолокъ*). Вотъ что, нельзя ли туда ко мнѣ послать какой нибудь старый диванъ, дрянной столикъ и стулъ, вѣдь я переѣхалъ къ вамъ такъ, по дорожному, съ однимъ только чемоданомъ....

ДУШЛЯКОВА. О! бѣдный Вольдемаръ! Какъ! вы писатель и нуждаетесь въ самомъ необходимомъ? Этиль-поссибль.

ПУШИНСКИЙ. Помилуйте! да у писателя иначе и быть не можетъ! Въ головѣ много, въ карманахъ ничего, въ комнатахъ пусто—и я долженъ быть счастливъ; многіе изъ нашей братіи живутъ только въ надеждѣ на будущее, это главное условіе жизни.... а въ настоящее время, хоть бы и перекусить нечего, это намъ ничего! Знаете, привычка—вторая натура!

ДУШЛЯКОВА (*съ участіемъ*). Ахъ! монъ-дье! Берите, берите отъ насъ все, что только вамъ нужно! я ничего не пожалю.

ПУШИНСКИЙ. Очень благодаренъ... Но, что скажетъ вашъ супругъ, Иванъ Мартынычъ?

ДУШЛЯКОВА. О! монъ-мари не станеть мнѣ возражать! я, благодаря Бога, такъ счумѣла его повести, что онъ не смѣетъ заикнуться, если я что хочу поставить на своемъ. Я сейчасъ же прикажу ему устроить прилично ваше новое жилище. (*Звонитъ въ колокольчикъ*).

ХІІ.

ТЪЖЕ и ГОРНИЧНАЯ (*съ запискою выходятъ изъ кабинета*).

ГОРНИЧНАЯ (*увидя Пушкинскаго*). А! да вы здѣсь, сударь? тѣмъ лучше.... Вотъ вамъ записочка отъ барина.

ПУШИНСКИЙ и ДУШЛЯКОВА.

Отъ твоего барина?

Отъ мужа? Пуръ-куа-донкъ?

ГОРНИЧНАЯ. Ничего незнаю-съ. Написали, приказали отдать и про-должаютъ завтракать.

ПУШИНСКІЙ (*барыня*). Позвольте прочесть? У меня съ вашимъ мужемъ секретовъ никакихъ нѣтъ. (*Читаетъ*): «Любезный Владиміръ Андреичъ! если вы дѣйствительно умный человекъ, то вѣрно не обидѣ-тесь, когда я самъ объявлю, что жить вамъ у меня нельзя, потому что эту квартиру я отдаю даромъ моему пріѣзжему другу изъ Костро-мы. Слѣдственно извольте получить назадъ ваши 10 цѣлковыхъ, и про-стите всегда васъ любящаго и готоваго къ услугамъ Ивана Душляко-ва.» (*Прочитавъ, смотритъ на Перепетуя Андревну*).

ДУШЛЯКОВА (*съ гнѣвомъ*). Какъ! что, и онъ смѣетъ?... О, сіель!! Да онъ, кажется, съ ума сошелъ! отказывать вамъ... Извините, мнѣ стыдно за него... *Же-сиу-бьень-пене*, (*Горничной*) Позови его ко мнѣ.

ГОРНИЧНАЯ. Нѣтъ-съ, барыня, они теперь такъ изволятъ угощаться съ пріятелемъ, такъ отвѣдали чего-то крѣпкаго, что я не посмѣю и слова имъ сказать.

ДУШЛЯКОВА. Скажи ему, что я требую его сюда, слышишь? Онъ не посмѣетъ меня ослушаться? (*Горничная уходитъ*) Изви-ните насъ, Владиміръ Андреичъ, мнѣ такъ совѣстно и за себя и за него, право! кто могъ ожидать?... *Же-сиу-бьень-пене!* Но онъ бу-детъ раскаяваться!

ПУШИНСКІЙ. Перепетуя Андревна, вы успокойтесь... Конечно, вашъ супругъ взявъ деньги впередъ, по настоящему не имѣетъ ника-кого права... но, впрочемъ, если онъ такъ учтиво выгоняетъ меня, то почему же мнѣ и не отретироваться?..

ДУШЛЯКОВА. Помилуйте! Да что же вы объ насъ подумаете? Я такъ рада, что снова встрѣтила васъ, васъ, моего добраго, лучшаго друга, и вдругъ... Нѣтъ! это невозможно! Я вамъ клянусь моею честію, что вы, Вольдемаръ, будете жить у насъ, а старый другъ моего мужа отправится вонъ отсюда! Это рѣшено!

ПУШИНСКІЙ. Но, позвольте... А если вашъ мужъ разсердится?

ДУШЛЯКОВА. Нѣтъ, не смѣетъ; вы его совсѣмъ не знаете; я его сейчасъ такъ отдѣлаю за этотъ невѣжливый поступокъ съ вами, что онъ у васъ и у меня будетъ просить прощенія. (*Кричитъ*) Мужъ! мужъ!

ПУШИНСКІЙ (*про себя*). Какъ она рескудакталась! (*ей*) Такъ позвольте мнѣ пока съѣздить въ редакцію одного журнала, а скоро возвращусь...

ДУШЛЯКОВА. Поѣзжайте, мой добрый Вольдемаръ! Но я вамъ даю вѣрное обѣщаніе, что вы будете жить въ нашемъ домѣ! (*протягивая ему руку*). Жеву-доннѣ-ма-пароль-доннѣръ!!

ПУШИНСКІЙ. О! въ такомъ случаѣ, до пріятнаго свиданія! (*уходитъ*).

ДУШЛЯКОВА (*вслушъ*). Ахъ! какой видный, пріятный, какой, можно сказать, основательный, фундаментальный мужчина! О! я за него такъ отдѣлаю моего жалкаго муженька, какъ онъ и не воображаетъ! (*Слова кричитъ*). Мужъ! (*топнувъ ногою*) Иванъ Мартынычъ!

ХІІІ.

ТЪ ЖЕ, ГОРНИЧНАЯ и ПОТОМЪ ДУШЛЯКОВЪ.

ГОРНИЧНАЯ (*пробѣгая мимо барыни*). Нѣтъ, сударыня, дѣло не ладно, лучше мнѣ уйти отсюда... (*уходитъ въ переднюю*).

ДУШЛЯКОВА. Пурь-куа-донкъ?! Аграфена! Грушка! Постой! куда ты, дура, бѣжишь? гдѣ мужъ? О! такъ постой-же, я ему покажу себя (*идетъ къ кабинету*).

ДУШЛЯКОВЪ (*выходитъ нѣсколько хмельной, во взглядъ и движеніяхъ его замѣтны самоувѣренность и молодечество*). Тише, тише, ты, безумная баба! Что ты такъ горлышко-то распустила, а? смотри у меня (*грозитъ, потомъ подбоченивается*).

ДУШЛЯКОВА (*очень удивленная*). Что это?! Ахъ, какой монстръ!

ДУШЛЯКОВЪ (*также*). Перепетуя! Смотри, я тебя...

ДУШЛЯКОВА. Какъ! что это за новости? Ты мнѣ смѣешь грозить?

ДУШЛЯКОВЪ (*грозою*). Смѣю! и буду смѣть отнынѣ навсегда! Смирно! глупая толстуха! (*топаетъ сильно*) Теперь, братъ, я не тотъ! теперь я тебя такъ распеку, волюбуйка, что ты у меня прикусишь язычекъ и будешь тише воды, ниже травы.

ДУШЛЯКОВА. О сѣль!!

ДУШЛЯКОВЪ. Молчать! тысячу разъ молчать!!

ДУШЛЯКОВА (*съ крикомъ*). Никогда.

ДУШЛЯКОВЪ. Всегда! или смерть твоя неизбѣжна!! Ага! вонъ оно куда пошло! чортъ-передери, чтобъ я теперь далъ надъ собою командовать какой-то бабенкѣ, Перепетуѣ?.. У! ни за тысячу пряниковъ! брр! Что ты такое на семь свѣтъ, а? Я мужъ! человекъ, мужьяна, во всемъ обширномъ значеніи этого слова... вонъ оно куда пошло! а ты что такое? ты вѣдь только жена моя, ни что иное, какъ

только какая-то женщина (*обращаясь къ кабинету, который на-
стежь растворенъ*). Не правда-ли, Мартынъ Иванычъ? (*Громкій го-
лосъ Бурсакова*). Правда, канальство! правда!

ДУШЛЯКОВЪ (*женъ*). Слышишь, это также голосъ чело-
вѣка и мужа, въ полномъ значеніи слова! Онъ воодушевилъ меня.

ДУШЛЯКОВА. Это ужасно! я его не узнаю, онъ совсѣмъ пере-
мѣнился: его слова, его дерзкій взглядъ пугаютъ меня!.. (*ему громко*).
Иванъ Мартынычъ?

ДУШЛЯКОВЪ (*также*). Ни слова!

ДУШЛЯКОВА. Вы забываетесь!

ДУШЛЯКОВЪ. Ни полслова!

ДУШЛЯКОВА. Пермете!..

ДУШЛЯКОВЪ (*грозою*). Те-туа... мадамъ!! (*топаетъ ногою*) Что,
ты меня грозилась отдѣлать, ты смѣла трактовать меня какимъ-то жал-
кимъ мужемъ? ты хотѣла заставитьъ меня просить прощенія въ томъ,
что я отказалъ твоему прежнему Вольдемару (*въ эту минуту Пере-
петуя дѣлаетъ движеніе*) ахъ ты, преступная женщина! ахъ, ты эк-
сцентрическая блюмеристка! Я вѣдь съ моимъ другомъ Мартыномъ почти
все слышалъ оттуда, какъ ты здѣсь разсыпалась передъ прежнимъ кур-
тизаномъ (*она хочетъ возражать, онъ ее не допускаетъ*) Молчать!
Какъ ты смѣла подумать, что я допущу тебя до такихъ преступныхъ
склонностей? А? Если у насъ есть мужья-колпаки, то знай, что я ско-
рѣе умру, чѣмъ соглашусь принять на себя это отвратительное назва-
ніе! (*постепенно разгорячалась*) Да скорѣе твой глупый чепчикъ ук-
расится кривообразнымъ рогомъ изобилія, потому что я мужчина, въ
полномъ смыслѣ слова! Вотъ оно куда пошло! Если я сдѣлалъ глупость,
женился на тебѣ, такъ ужъ я не остановлюсь на одной этой глупости:
я пойду дальше! Да! отнынѣ (*по твоей милости*), во мнѣ проявилась
новая страсть, подъ названіемъ коньякоманіи, хоть съ одной стороны это
крѣпко не хорошо, но, съ другой за то и полезно для моей личности.
Коньяколюбіе будетъ поддерживать мой характеръ, мою энергію... (*она
снова хочетъ говорить*) Молчать! тысячу разъ молча-ать!! иначе,
если я теперь убью васъ, то можетъ выйти для васъ очень неприятная
исторія (*треплетъ на себя волосы*). Бррр!.. при теперешнемъ мо-
емъ одушевленіи это такъ для меня легко сдѣлать, какъ выпить рюм-
ку коньяку! И такъ, Пере-пе-ту-юшка, отнынѣ ты будешь ну-
лемъ, а я... я настоящею единицей! (*оборачиваясь къ кабинету*) Такъ
ли, Мартынъ Иванычъ? (*Голосъ Бурсакова*). Такъ, Иванъ Мартынычъ!
важно, канальство?

ДУШЛЯКОВЪ (женъ). Слышишь? этотъ громовый голосъ рѣшилъ твою судьбу! Что, что, не ожидала? Поражена? Боишься моего убійственнаго взгляда? то-тоже!

«Такъ страшень мощный левъ трусливому звѣрьку,

«Какъ страшень я теперь, хлѣбнувши коньяку!

И если ты теперь чувствуешь передо мной свое ничтожество, я, такъ и быть, позволю тебѣ открыть эти чувства. Ну, что ты можешь сказать въ свое оправданіе?

ДУШЛЯКОВА. (На тему изъ Эрнани).

Ахъ! какъ же это можно,

Чтобъ мужъ жену такъ обижалъ?

За что ты такъ безбожно

Вдругъ на меня напалъ?

Чѣмъ я все это заслужила?

Клянусь, что я чиста душой!

Ахъ! я всегда тебя любила!

Да! да!

Клянусь тебѣ, другъ мой!

ДУШЛЯКОВЪ (на тему русской пѣсни).

Ты поди, моя коровушка, домой,

Ты поди-ка, моя женушка, не пой...

(Про себя самодовольно)

Вотъ что значить, коньяку-то выпилъ я...

Ахъ! ти-ли-ли, калинка моя!

ДУШЛЯКОВА (изъ Луцій: fra poso)

Иванъ Мартынычъ, что съ тобой?

О, съель ты страшень — самъ не свой!

Клянусь, душа моя,

Что предъ тобой невинна я!

Да! да! невинна я!

ДУШЛЯКОВЪ (на тему пѣсни: «Какъ у нашихъ уворотъ»).

Если мнѣ жена солжетъ

Шуры-муры заведетъ,

Такъ трехъ дней не прожить!
Мужъ жену въ дугу согнетъ!

ДУШЛЯКОВА (*испужавшись, поетъ на тему изъ Гвельфовъ и Гебеллиновъ*).

Ай, ай! какія страсти!
Клянусь быть вѣрною всегда!
Изъ-подъ твоей невѣйду власти,
Повѣрь, мой милый, никогда!
Твоя жена на мигъ забылась,
Но, честь ея не помрачилась!
Неужасай меня!
Смотри, какъ я
Въ раскаянни прошу, ты видишь по слезамъ...
И даже падаю къ твоимъ ногамъ...

ДУШЛЯКОВЪ. Ага!.. (*стоитъ предъ нею въ угрожающей позѣ*).
(*На русскую тему*).

Во полѣ березанька стояла,
А жена мнѣ въ ноги здѣсь упала!
Ай-люли, люли, люли, упала!
Такъ я буду грозенъ ежедневно,
А Перепегуя-то Андревна
Трепещи телѣсно и душевно! (*поднимаетъ ее*).

XIV.

ТѢ ЖЕ и БУРСАКОВЪ, потомъ ПУШИНСКИЙ.

БУРСАКОВЪ (*на ту же тему*).

Славно Ваня! Ты герой, канальство!

ДУШЛЯКОВЪ.

Да! теперь, жена силансъ, канальство!

(*Рекомендуя жену Бурсакова*).

Вотъ, мой другъ, философъ съ головою,
Здѣсь онъ будетъ жить съ своей женою...

ДУШЛЯКОВА (ласково).

Аншанте... я рада всей душою.

(Входит Пушкинскій).

ДУШЛЯКОВЪ.

Ахъ, вы здѣсь? Прошу васъ не сердиться,
Но у насъ нельзя вамъ поселиться...

ПУШИНСКІЙ.

Да, я вижу, надо удалиться...

(На тему: «Ай Дунай»).

ВСѢ ВМѢСТѢ.

Такъ теперь мы вчетверомъ
О другомъ ужъ запоемъ:

(Публикъ).

Просимъ автора простить
Да и насъ не осудить.

ОГЛАВЛЕНИЕ XIII ТОМА.

I.

- КАНАРЕЙКА. Разказъ *В. И. Савинова*. (Кн. 1).
ПЕРВЫЙ МАСКАРАДЪ. Вчерашняя сцена. *В. Р. Зотова*. (Кн. 1).
СТИХОТВОРЕНІЯ. *Н. Д. Хвоцинской*.
Свиданіе *В. З.*
Знаменитой артисткѣ *В. З.* (Кн. 1).
СОСѢДКА. Романъ *А. С. Чужбинскаго*. (Кн. 2).

II.

- ПАВЕЛЬ АНДРЕЕВИЧЪ ФЕДОТОВЪ. *В. В. Толбина*. (Кн. 1).
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНІЕ ТЕАТРОВЪ ВЪ ПАРИЖѢ. Статья 1-я. (Кн. 2).

III.

- СОМНѢНІЯ. Разказъ. *Гр. Семенова*. (Кн. 1).
СѢВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ПРОХОДЪ. Открытіе новаго пути изъ Атлантическаго
въ Великій Океанъ. *П. М. Новосильскаго*. (Кн. 1).
БѢЛЫЙ ДРОЗДЪ. Разказъ *Молери*.
БИЛЕТЪ ВЪ ТЫСЯЧУ ФРАНКОВЪ. Разказъ *Шарля Барбары*. (Кн. 1).
ВОСПОМИНАНІЯ РУССКАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА О ВЕСТЬ-ИНДИИ, КАЛИФОРНИИ
И ОСТЪ-ИНДИИ. *А. Г. Ротчева*. (Кн. 1 и 2).
СОНЪ ВЪ СПЕССАРТСКОМЪ ЛѢСУ. Фантастическій разказъ. (Кн. 1).
ДВА ДОНЪ-КИХОТА. Эпизодъ изъ исторіи двухъ друзей, ихъ похожденій,
путевыхъ замѣтокъ, впечатлѣній, наблюденій и приключеній. *В.
Савинова*. (Кн. 2).
РАЗКАЗЫ СТРАНСТВОВАТЕЛЯ, *Ксавье де-Мармье*.
ПУТЕШЕСТВІЕ СЪ ГУМБОЛЬДТОМЪ ВЪ НЕБЕСНЫЯ ПРОСТРАНСТВА. *П. Ново-
сильскаго*. (Кн. 2).
КРАСНЫЙ МУНДИРЪ. Комедія *Р. Б. Шеридана*. (Переводъ съ англій-
скаго). (Кн. 2).

СОВРЕМЕННОЕ.

ЛИТЕРАТУРА: Планаръ.—**ТЕАТРЫ, МУЗЫКА, ИСКУССТВА:** Органистъ Фробергеръ (статья Ф. Галеви).—**ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ:** Основныя начала животнаго организма.—Самопеченіе хлѣба.—Новое вышиваніе безъ иголки.—Большой парохоль.—Новые опыты надъ электрическими измѣненіями въ тѣлахъ.—**МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ, АНЕКДОТЫ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ, ПУТЕШЕСТВІЯ:** Первая картина Корреджіо (*разсказъ*).—Эпли-Гоузъ.—Истребленіе крокодиловъ гальваническою батареею (*разсказъ путешественника*).—Воздушное путешествіе на львѣ.—Столовертніе въ Англии.—Кошки Риялье.—Историческіе воротнички.—Неизвѣстный островъ на Тихомъ Океанѣ.—Письмо изъ Парижа. (Кн. 1).

ЛИТЕРАТУРА. Литературные портреты: Александръ Дюма.—Индійскія сказки.—Исторія Девасмиты.—**ТЕАТРЫ, МУЗЫКА, ИСКУССТВА:** Правый глазъ Сфинкса (*музыкальный разсказъ*).—Фра-Анджелико-да-Фіезоле.—Гекторъ Берлиозъ.**ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ:** О причинахъ зигзаговъ молніи.—Астрономическое исчисленіе Лерверье.—Памятники на Ашшевой дорогѣ.—Удивительная пещера на островѣ Мартиникѣ.—Новое открытіе *regretium mobile*. **МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ, ИЗВѢСТІЯ, АНЕКДОТЫ, НОВОСТИ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ, ПУТЕШЕСТВІЯ:** Сѣверо-западный проходъ изъ Атлантическаго въ Великой Океанъ еще не открытъ.—Памятникъ Францу Драке въ Оффенбергѣ.—Вертащіяся столы въ древности.—Битва пчель.—Австралія и колонія Викторія.—Англійская экспедиція въ Японію, въ 1798 году.—Живой Фавнъ, *анекдотъ*. (Кн. 2).

IV.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

I. ЛИТЕРАТУРА.

ЖУРНАЛИСТИКА: Нѣсколько словъ отъ рецензента.—*Отечественныя Записки*.—Отдѣлъ Словесности этого журнала въ прошломъ году.—Переводныя повѣсти.—Иліада и г. Ордынскій.—Серьезныя статьи.—Смѣсь.—*Современникъ*.—Его повѣсти и романы.—Стихотворенія.—Ученныя статьи и Смѣсь.—Фельетоны и Новый поэтъ.—*Библиотека для Чтенія*.—Хорошія и дурныя статьи.—Иногородный подпечникъ.—

Москвитянинъ и двойственность его реакціи. — Повѣсти и статьи серьезнаго содержанія. — Отсутствіе критики. — Фельетонъ и г. Покровский. — Нѣсколько словъ о другихъ періодическихъ изданіяхъ и о «Пантеонѣ». — Общій выводъ о состояніи русской журналистики въ прошломъ 1853 году. (Кн. 1).

ЖУРНАЛИСТИКА. Первые книги журналовъ. — Перемены въ нихъ. — «Отечественныя Записки». — Стихотворенія. — А. Н. Майковъ. — Его идиллія. — Стихотворенія о дѣтяхъ. — Н. О. Щербина. — *Заколдованный кругъ и Суженаго конемъ не объѣдешь*. — Общее въ этихъ повѣстяхъ. — Идея повѣсти Евгенія Туръ. — Неправильность языка. — Ольга Н. и ея героиня. — Ничѣмъ не оправданный бракъ. — Леоне-Леонія и Жюльетта въ русской передѣлкѣ. — Дарованіе писательницы. — Ученныя статьи. — Гг. Яковлевъ и Ротчевъ. — Критика. — Рецензентъ физики и астрономіи. — Его промахи. — Библиографическія несправедливости. — К. Риттеръ и его сочиненія. — Рецензія драмы: «*Мечта и дѣйствительность*». — Заимствованія фельетониста Отечественныхъ Записокъ и Петербургскихъ вѣдомостей. — Нѣсколько словъ ксати объ этой газетѣ и о Сѣверной Пчелѣ. — Патріотическое стихотвореніе и повѣсть двадцатыхъ годовъ. — Библіотека для Чтенія. — Ея начала безъ концевъ и концы безъ началъ. — Статьи беллетристическія, ученныя и критическія. — Смѣсь. — Музыкальныя извѣстія съ адресами фортепянныхъ мастеровъ. (Кн. 2).

БИБЛИОГРАФІЯ: «Потерянная долина». — Романъ *Эли-Берте*, въ четырехъ частяхъ. — «Три клада», русская народная сказка, въ стихахъ, *Якова Маслаковца*. — «Святки», *Михаила Михайлова*. (Кн. 1). — «Игорь Князь Сѣверскій». Поэма. Переводъ *Н. Гербеля*. — «Памятная книжка Виленской губерніи на 1854 годъ». — «Черты изъ исторіи и жизни Литовскаго народа». Вторая часть памятной книжки Виленской губерніи на 1854 годъ. — «Жизнь графини Анны Алексѣевны Орловой-Чесменской». Соч. *Н. Елагина*. (Кн. 2).

II. Искусства и художества.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ. — Оглядка на старый годъ. — Г. Григорьевъ 2-й, какъ писатель, и драма его *Подвигъ Марина*. — Разсказъ о пожарѣ Московскаго театра. — *Бѣдная невѣста*, г. Островскаго. — Г-жа Читау и нѣкоторыя разсужденія по поводу ея таланта. — *Женихъ изъ ножовой линіи*, г. Красовскаго. — *Дядюшка на трехъ ногахъ*, г. Каратыгина. — Остальныя пустяки. — *Морской праздникъ въ Севастополь*, г. Кукольника. — Синопское дѣло. (Кн. 1).

РАШЕЛЬ ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ. — *Баязетъ.* — Первое представленіе этой трагедіи при Расинѣ и критики его времени. — Сцены въ театрѣ. — Историческое основаніе трагедіи. — Судьба братьевъ султана въ Турціи. — Варварскіе обычаи. — Свинья и Вольтеръ. — Расинъ-сатирикъ. — Характеръ Акомата. — Роксана. — Воспоминаніе о Корнельѣ. — Любовь Аталиды и Баязета. — Какъ турки пишутъ любовныя записочки. — Ненужный эффектъ. — Окончаніе трагедіи прежде конца. — Костюмъ Роксаны. — *Венеціанская актриса.* — Содержаніе драмы. — Значеніе ея и несообразности. — Реакція романтизма. — Цѣль пьесы и драмы вообще, по словамъ автора. — Исполненіе пьесы. — Г-жа Вольнисъ. — Рашель въ роли Тизбы. (Кн. 1).

РАШЕЛЬ ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ. (*Статья четвертая и послѣдняя*). *Виргинія*, трагедія Латура. — Новый поклонникъ классицизма. — Характеръ децемвира. — Старые и новые стихи. — *Говолия.* — Судьба этой трагедіи. — Уснѣхъ Эсэири. — Второй актъ трагедіи. — Впечатленіе, производимое трагедіею и Рашелью. — *Леди Тартюфъ.* — Характеръ героини. — Продолженіе пьесъ. — Рашель въ комедіяхъ. — *Горацій и Лидія.* — Ода, переложенная въ пьесу. — *Воробей Лезбій.* — Катуллъ и его оды. — Пьесы Корнелья. — *Поліевктъ.* — Исторія этой трагедіи. — Дурные и хорошіе стихи. — Рашель въ роли Полины. — *Горацій.* — Какъ переводились по русски классическія трагедіи. — Нѣмая сцена. — Конецъ трагедіи. — *Жанна д'Аркъ.* — Сюме и его произведенія. — Искаженіе исторіи. — Общій выводъ дѣятельности и значенія Рашели въ драматическомъ искусствѣ. (Кн. 2).

НѢМЕЦКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ. (Кн. 2).

III. Общественная жизнь.

Новый годъ — какъ старая вещь. — Поздравленія прозою и стихами. — Римъ и Севиля въ Петербургѣ. — Рашель въ различныхъ видахъ. — Поэзія воскресаетъ. — Лавровый вѣнокъ — утка. — Прибыль въ балетѣ. — Прибыль въ Александринскомъ театрѣ. — Петербургскія наслажденія. — Кто сучаетъ въ Петербургѣ и почему. — Примѣненіе электричества ко многому и послѣдствія. — Ночь въ Гренадѣ. — Опять Петербургъ. — Музыкальныя новости. — Средство сократить расходы. (Кн. 1).

Письмо фельетониста въ деревню о минувшемъ зимнемъ сезонѣ. — Званные вечера, балы, маскарады, зрѣлища утреннія и вечернія, въ театрахъ и внѣ ихъ. — Безпрерывныя развлеченія въ городѣ и за городомъ. — Увеселительныя и благотворительныя аукціоны, ярмарки и

лоттерей. — Небывалое у насъ раннее лѣто, и ужинъ съ приправою стиховъ. — Сырная недѣля, балаганы и нѣмецкая масляница. — Анекдоты. — Атласное домино и черный мракъ среднихъ лѣтъ. — Долгъ, уплаченный пріятелю, и долгъ вовсе неуплаченный, или средство изготовиться къ отъѣзду. — Еще кое-что и роздыхъ. — Чтеніе и размышленія. — Новѣйшее искусство и голландскій червонецъ; послѣдняя копѣйка и остальное слово. (Кн. 2).

МОСКОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

Зима въ Москвѣ. — Панорама Миссиссипи. — Изобрѣтательнаго ума живописецъ въ провинціи. — Мебіусъ и его виды Москвы. — Картина Корреджіо. — Счастливая мысль г. Лаша. — Театральныя новости. — Московская литература и Москвитянинъ. — Открытіе цирка. — Благотворительность въ Москвѣ. — Концерты, балы, лотереи, базары. — Торжества. (Кн. 1).

Театръ. — Новыя пьесы: «Разставанье» г. Родиславскаго. — Музыка г. Дюча. — «Бѣдность не порокъ» — комедія г. Островскаго. — Бенефисы: Бороздиной, Львовой-Синецкой, Ленскаго и Щепкина. — Домашніе спектакли. — Балы, маскарады, концерты. — Смерть сѣвернаго Геркулеса. — Его біографія. — Пятисотлѣтіе московской синодальной типографіи. — Публичныя лекціи профессора Геймана. — Атласъ описательной Анатоміи. — Живопись и валяніе. — Г-жа Рашель въ Москвѣ — и сужденіе о ней Москвы. — Л. М. Самойловъ. (Кн. 2).

ВѢСТИ ИЗЪ ВНУТРЕННЕЙ РОССИИ.

Молебствіе на Кадыклярскихъ высотахъ. — Угощеніе драгунъ и казаковъ въ Тифлисѣ. — Даровой спектакль. — Открытіе тифлисской дивизионной артиллерійской школы. — Освѣщеніе новаго моста черезъ Куру. — Закладка двухъ желѣзныхъ пароходовъ въ Твери. — Астраханское пароходное общество, для сообщенія между каспійскими пристанями. — Первый пароходъ на рѣкѣ Аа. — Пароходное сообщеніе между обоими берегами Двины, въ Ригѣ. — Открытіе анатомическаго театра въ Кіевѣ. — Сужденіе о вновь открытой въ Кіевѣ пещерѣ. — Археологическая находка во Владимірѣ. — Благотворительный базаръ въ Одессѣ. — Сѣверное сіяніе въ Калезинѣ. — Бѣлки и рябчики въ Вологдѣ и въ Сибири. — Картина, пожертвованная Ригѣ гг. Генриетъ. — Новый театръ въ Рязани. — Г. Живокини — въ Воронежѣ, Казанова — въ Кіевѣ, Разимни — въ Черниговѣ и Контскій — въ Ставрополѣ. — Борисоглѣбскія слободы. — Театръ въ Таганрогѣ. (Кн. 1).

— РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

- № 1. **ВОРОНА ВЪ ПАВЬИХЪ ПЕРЬЯХЪ.** Народный водевилъ въ трехъ дѣйствіяхъ. Соч. *Николая Крестовскаго.* (Кн. 1).
- № 2. **ЗАЧѢМЪ ИНЫЕ ЛЮДИ ЖЕНЯТСЯ.** Комедія съ куплетами, въ одномъ дѣйствіи. Сочиненіе *П. И. Григорьева 1.* (Кн. 2).

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ

ВЪ МАГАЗИНѢ

И. ПЕЦА, нынѣ Ф. СТЕЛЛОВСКАГО.

въ Большой-Морской, въ домъ Лауфферта.

ПЬЕСЫ ДЛЯ ФЛЕЙТЫ СЪ ФОРТЕПЬЯНО.

BRICCIALDI. Fantaisie sur l'opéra: Norma. Op. 57. (1 p. 72 к.) Divertissement sur un thème de Donizetti. (1 p. 43 к.) Morceau de Concert. Op. 61. (2 p. 30 к.) Andante et Polonaise. Op. 62. (1 p. 72 к.) Deux fleurs. Morceaux de Salon. Op. 63. № 1. La Pensée. (85 к.) № 2. La Rose. (1 p. 43 к.) Caprice pour la flûte et Piano. Op. 64. (1 p. 72 к.) Concert. Op. 65. (2 p.)

DIABELLI. Productionen im häuslichen Freundschafts-Zirkel, für die floete mit Piano № 86, 87, 88. Potourri (по 1 p. 72 к.) № 89. Quverture zur oper: Les deux journées. (1 p. 15.)

JANSA. Der Junge Opernfreund. Ausgewählte Melodien aus beliebtesten und neuesten Opern. für die floete mit Piano. № 26. Die Matrosen. № 27. La Favorite. № 28. Les Mousquetaires de la Reine. № 29. Das mädchen vom Lande № 31. Haydée ou le Secret. № 32. Rigoletto (каждый 85 к.)

TULOU. Thème varié. Op. 89. (1 p. 43 к.) 9ème Solo. Op. 91. (2 p.) 10me Grand Solo. Op. 92. (2 p.) 11me Grand solo. Op. 93. (2 p.) 12me Grand solo. Op. 94. (2 p.) Robert Bruce. Fantaisie. Op. 95. (2 p. 30 к.) 13me Grand solo. Op. 96. (1 p. 72 к.)

ПЬЕСЫ ДЛЯ СКРИПКИ СЪ ФОРТЕПЬЯНО.

ALARD. Souvenirs de Mozart. Fantaisie. Op. 26. (2 p. 30 к.)

BERIOT. Septième concert. Op. 76. (2 p. 85 к.) Dix Etudes mélodiques et de style en forme de petits solos. Op. 77. (2 p.) 11me Air varié. Op. 79. (1 p. 72 к.)

BRANDENBURG. Rêverie sur un thème de Kücken. (1 p. 30 к.)

DREYSCHOCK. Divertissement. (1 p.)

GHYS. Premier Concerto. Op. 40 pour. Violon et Piano. (2 p. 50 к.)

HAUSER. Mes adieux à Varsovie. Nocturne. (1 p.)

KUFFERATH. Reponse à l'Elegie d'Ernst. (1 p. 15 к.)

SINGELÉE. Fantaisie élégante sur le Val d'Andorre. (1 p. 40 к.)

VIEUXTEMPS. Six divertissements d'Amateurs sur des Mélodies Russes favorites. Nouvelle édition. Op. 24. № 1. Отгадай моя родная. (1 p. 30) № 2. Соловей. (1 p. 15 к.) № 3. Шестнадцать лѣтъ. (1 p.) № 4. Бывало, бывало. (1 p. 50 к.) № 5. Тройка. (1 p. 30 к.) № 6. Небѣ-

ы снѣги и во полѣ береза стояла. (1 р. 30 к.) Fantaisie brillante sur: Ernani. (2 р.) Fantaisie de salon sur: Lombardi. (1 р. 40 к.) Fantaisie sur: Luisa Miller. (2 р.) Chansons russes de Werstowsky. (1 р. 43 к.)

ПЬЕСЫ ДЛЯ ФОРТЕПЬЯНО ВЪ ДВѢ РУКИ.

- HENSELT A.** Ballade. Op. 31. (2 р.) Nocturne. Op. 32. (60 к.) Ouverture Cariolane de Beethoven. (1 р. 30 к.) Cadence pour le concert en ut mineur de Beethoven. (75 к.) L'Aurore Boréale. Grande-Valse. (1 р. 70 к.) Chant sans paroles. Op. 33. (60 к.) Petite-Valse. (50 к.)
- MAYER CH.** Le Desire. Romance. (60 к.) Elisa-Polka. favorite. (60 к.) Six Etudes: Op. 31. (1 р. 70 к.) Rondeau H-dur. (1 р. 50 к.) Grande Tocatta. (85 к.) Romance italienne. (60 к.)

РУССКІЕ РОМАНСЫ ДЛЯ ПѢНІЯ.

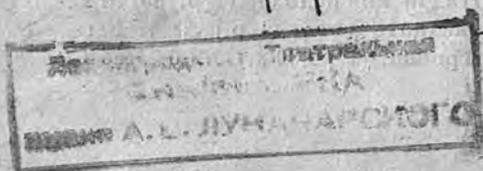
- БУЛАХОВЪ.** Колыбельная пѣсня: Ты для меня душа и сила. (50 к.)
- ДАРГОМЫЖСКІЙ.** Я все еще его люблю. (Новое изданіе 50 к.)
- ВИЛЬБОА.** Романсы и пѣсни: № 1. Я васъ любила безнадежно. (70 к.) № 2. Ахъ! зачѣмъ меня силой выдали. (75 к.) № 3. Моряки. Не людимъ наше море. Дуэтъ. (1 р. 15 к.) № 4. Взомель на небо мѣсяцъ ясный. (75 к.) № 5. Волшебный мракъ отрадной ночи. Дуэтъ. (1 р. 15 к.)

Въ этомъ же магазинѣ получены новости изъ-за границы, какъ для пѣнія, такъ и для всѣхъ инструментовъ въ огромномъ выборѣ.

Въ томъ же магазинѣ можно получать всѣ музыкальныя сочиненія, гдѣ и кѣмъ бы они ни были изданы, или объявлены на слѣдующихъ условіяхъ: выписывающіе ноть не менѣе, какъ на три рубли серебромъ получаютъ 25 процентовъ уступки. Выписывающіе не менѣе, какъ на десять р. б. сер., получаютъ тѣ же 25 процентовъ уступки и не платятъ ничего за пересыку. Выписывающіе же болѣе, чѣмъ на двадцать руб. сер., пользуются гораздо значительнѣйшею уступкою. Магазинъ И. Пеца точнымъ и скорымъ выполненіемъ требованій приобрѣлъ довѣріе всей музыкальной публики, которымъ постоянно пользуется болѣе семидесяти лѣтъ. Также и на будущее время всѣ требованія гг. иногородныхъ будутъ удовлетворяемы со всевозможною точностью, акуратностью и всегда съ первою отходящею почтою. Каталоги, какъ для пѣнія, такъ и для всѣхъ инструментовъ, а равно и преись-курантъ итальянскимъ струнамъ, рассылаются при посылкахъ безденежно.

Тутъ же продаются отличнаго достоинства итальянскія скрипичныя струны, употребляемыя знаменитыми скрипачами: гг. Леонаромъ, Эрнстомъ и Вьетаномъ. Преись-курантъ струнамъ раздается безденежно.

10767

ПАНТЕОНЪ

выходитъ ежемѣсячно, въ 20-хъ числахъ. Онъ состоитъ изъ 12 книжекъ, отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ каждая, съ 12 нумерами «РЕПЕРТУАРА РУССКОЙ СЦЕНЫ». Отъ Редакціи прилагаются къ нему литографіи, гравюры, ноты, *фотолитографическіе портреты* русскихъ знаменитыхъ лицъ: писателей, композиторовъ, художниковъ, артистовъ; *новѣйшая музыка* русскихъ и иностранныхъ композиторовъ: танцевъ, романсовъ, народныхъ пѣсенъ, арій изъ оперъ, куплетовъ изъ бодевилей, переложеній изъ балетовъ, и проч.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

15 р., съ пересылкою или доставкою на домъ: 16 р. 50 к. с.

ПОДПИСКА НА 1854 ГОДЪ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

исключительно

Въ С. Петербургѣ: въ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА ПАНТЕОНЪ, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Казанскаго Собора.

Въ Москвѣ: Въ КОНТОРѢ ПАНТЕОНА, при книжной лавкѣ П. В. Базунова.

Только за подписку, принятую въ *этихъ мѣстахъ*, Редакція отвѣчаетъ, и въ случаѣ какой-нибудь неакуратности или ошибки въ доставкѣ, немедленно удовлетворяетъ подписчика, по первому *справедливому* его требованію. *За подписку же, принятую въ другихъ мѣстахъ, она отвѣтственности на себя не принимаетъ.*

Все лица, когда бы они ни подписались на Пантеонъ въ теченіе года, непременно получаютъ **ВСѢ КНИЖКИ**, начиная съ первой, **СО ВСѢМИ СЛѢДУЮЩИМИ КЪ НИМЪ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.**

Пмѣющіе нужду до Редакціи или желающіе помѣщать свои статьи въ «Пантеонъ», благоволятъ относиться къ издателю **ВЕДОРУ АЛЕКСѢЕВИЧУ КОНИ**, адресуя письма на его имя: «въ С. Петербургѣ, у Чернышева моста, въ домъ Дыткина.»